

СТИХОТВОРНАЯ
СКАЗКА
(НОВЕЛЛА)

СТИХОТВОРНАЯ
СКАЗКА (НОВЕЛЛА)

XVIII-НАЧАЛА XIX ВЕКА

БИБЛИОТЕКА
ПОЭТА

Советский
писатель

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

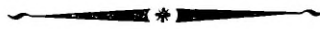
Редакционная коллегия

В. Н. Орлов (главный редактор)

*И. В. Абашидзе, Н. П. Бажан, В. Г. Базанов,
Б. И. Бурсов, Б. Ф. Егоров, В. М. Жирмунский,
К. Ш. Кулиев, Э. Б. Межелайтис, В. О. Перцов,
А. А. Прокофьев, А. А. Сурков, А. Т. Твардовский,
Н. С. Тихонов, М. Т. Турсун-Заде,
И. Г. Ямпольский (зам. главного редактора)*

*Большая серия
Второе издание*

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

СТИХОТВОРНАЯ СКАЗКА (НОВЕЛЛА) XVIII-НАЧАЛА XIX ВЕКА

Вступительная статья и составление
А. Н. Соколова

Подготовка текста и примечания
Н. М. Гайденкова и В. П. Степанова

Стихотворная сказка (новелла) — один из популярных жанров XVIII — первой половины XIX века. Многие поэты отдали ему дань. Близкая в XVIII веке по своей форме и содержанию к басне, стихотворная новелла превращается в XIX веке в легкий, шуточный рассказ, богатый бытовыми подробностями. Наряду с крупными поэтами, писавшими «сказки» (Сумароков, Херасков, Державин, Дмитриев и др.), в сборнике представлены и произведения писателей, ныне забытых, — А. Ржевского, А. Карина, К. Масальского и др.

СТИХОТВОРНАЯ СКАЗКА (НОВЕЛЛА) В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

1

Русские баснописцы второй половины XVIII — начала XIX века, выпуская сборники своих произведений, иногда давали им заглавие «Басни и сказки». Первым под таким заглавием вышел в 1779 году сборник известного баснописца И. И. Хемницера, в дальнейшем неоднократно пополнявшийся и переиздававшийся. В 1796 году книжку под таким же заглавием выпустил другой известный баснописец — И. И. Дмитриев. В 1814 году вышли «Басни и сказки» А. Е. Измайлова, также приобретшего популярность в качестве баснописца, о чем свидетельствуют пять прижизненных и несколько посмертных изданий его сборника. Вслед за этими виднейшими русскими баснописцами книжки под таким же заглавием выпускают второстепенные, ныне забытые литераторы: Николай Неведомский (1812), Петр Лобысевич (1816), Василий Тибекин (1816), Николай Мащев (1816), Павел Ладыжинский (1816). После этого название «Басни и сказки» исчезает из литературы, если не считать одиноко стоящей книги Константина Цимбаллина (1836), хотя сборники басен продолжают выходить и позднее.

Такое сочетание двух понятий — басни и сказки — свидетельствует о том, что ими обозначались *разные* жанры, что сказка чем-то отличается от басни. Что такое басня — это всем хорошо известно. Что такое сказка — это известно гораздо меньше, даже историкам литературы. Были попытки отрицать или игнорировать существование такого жанра как самостоятельного. В свое время С. А. Венгеров, много сделавший для ознакомления русских читателей с литературой XVIII века, по поводу сборника «Сказки» А. О. Аблесимова заметил: «Заглавие вводит в заблуждение. Это не сказки, а стихо-

творные басни». ¹ И. А. Кубасов, автор дореволюционной монографии об А. Е. Измайлове, признал деление на басни и сказки крайне неясным, искусственным, невыдержанным и присоединился к А. Д. Галахову, увидавшему в этом делении излишний педантизм, навешанный на Измайлова иностранными теоретиками. ²

Нет устойчивого понимания жанра сказки в отличие от басни и в наше время. Так, в сборник «Русская басня XVIII и XIX века» («Библиотека поэта», Б. с., 1949), составленный с широким охватом авторов от Кантемира до Крылова, включены и басни и сказки без какого бы то ни было разграничения. Нет этого разграничения и во вступительной статье Н. Л. Степанова, составителя сборника. В той же Большой серии «Библиотеки поэта» отдельными сборниками представлены поэты, писавшие и басни и сказки: А. П. Сумароков, В. И. Майков, И. И. Хемницер, И. И. Дмитриев. Вопрос о сказке здесь решается различно. В сборниках Сумарокова и Майкова басни и сказки не различаются. Во вступительной статье А. Я. Кучерова к сочинениям Дмитриева говорится о «так называемых» сказках поэта, но неверно объясняется происхождение и смысл самого понятия сказки. По мнению исследователя, Дмитриев будто бы хотел наименованием сказки (речь идет о «Модной жене», которую составитель без должных оснований переносит из раздела сказок в раздел сатир) смягчить сатирический характер произведения, подчеркнуть границу между условностью сказки и жизнью. ³ Между тем Дмитриев называет «Модную жену», как и некоторые другие свои произведения, сказкой в общепринятом тогда жанровом значении, о котором будет сказано в своем месте. Более точно это значение раскрывается во вступительной статье Н. Л. Степанова к «Полному собранию стихотворений» Хемницера («Библиотека поэта», Б. с., 1963). Не случайно, что и в десятитомной «Истории русской литературы», где каждому из названных выше баснописцев отведена отдельная глава, нет единства в понимании жанра сказки. В главах о Майкове и Измайлове басня и сказка не различаются. В главах о Хемницере и Дмитриеве эти жанры разграничиваются.

Возвращаясь к тому времени, когда сказка по своей популярности приближалась к басне, мы имеем основания говорить о само-

¹ «Русская поэзия. Собрание произведений русских поэтов. . .» под ред. С. А. Венгерова, вып. 4, СПб., 1894, с. 690.

² См.: И. А. Кубасов, Александр Ефимович Измайлов. Опыт биографии его и характеристики общественной и литературной деятельности, СПб., 1901, с. 80.

³ См.: Н. Крамзин, И. Дмитриев, Избранные стихотворения, «Б-ка поэта» (Б. с.), Л., 1953, с. 252—253.

стоятельности жанра сказки и о его специфической поэтике, что нашло выражение и в творческой практике «сказочников»,¹ и в теоретических суждениях о сказке.

Понятие о сказке как особом жанре впервые встречается в «Эпистоле о стихотворстве» (1748) Сумарокова. Кратко изложив, со ссылкой на Лафонтена, стилистические принципы басни, законодатель русского классицизма добавляет, имея в виду того же французского баснописца:

И, сказки пев, играл всё тою же погудкой.

Словом *сказка* Сумароков переводит французское название *conte*, имеющее двойное жанровое значение: сказка и рассказ, новелла. О самом жанре сказки Сумароков сказал, как видим, очень немного. Выражением «играл все тою же погудкой» он указал на формальное сходство сказки с басней: тот же стиль — простой, шуточный, но «благородный», тот же стихотворный размер — вольный ямб. Первым произведением Сумарокова, в котором нашли выражение признаки нового жанра, явилось напечатанное в майской книжке «Ежемесячных сочинений» за 1755 год стихотворение «Наставник», хотя автор и не назвал его сказкой. Этот термин появляется в октябрьском номере журнала за тот же год. Сумароков печатает здесь два произведения: «Сказка 1» («Мужик у мужика украл с двора корову...») и «Сказка 2» («Жил некакий мужик гораздо неубого...»). В отличие от «Наставника», написанного разноstopным ямбом, названные сказки сохраняют основной стихотворный размер того времени — шестиstopный ямб. Термин *сказка* в значении стихотворной новеллы встречается у Сумарокова и позднее. «Скажу старинную вам *сказку*»,² — пишет поэт в стихотворении «Старик со своим сыном и осел», напечатанном в журнале «Трудовая пчела» за 1759 год.

Вслед за Сумароковым понятием сказки начинают пользоваться и другие поэты. В стихотворении под заглавием «Притча» Херасков пишет: «Сказать хочу я *сказку*». Стихотворение «Клад» он обозначает как сказку. Называя сказкой «Неудачу стихотворца», поэт сообщает читателям, что он басню Федра «переменил во образ *сказки*» (все три произведения написаны в первой половине 1760-х годов). В. И. Майков называет сказками стихотворения «Собака на сене» (1763) и «Неосновательная боязнь» (1766). «Скажу я *сказку*», —

¹ Мы будем пользоваться этим термином не в традиционном значении рассказчика народных сказок, а для обозначения авторов стихотворных сказок.

² Здесь и в дальнейшем неоговоренный курсив в цитатах принадлежит мне. — А. С.

пишет А. Г. Карин в стихотворении «Два прохожих и река» (1763). Новый жанр получает признание.

Большое значение для популяризации нового жанра имел вышедший через несколько лет после «Притч» Сумарокова сборник «Сказки» А. О. Аблесимова (1769). Здесь напечатано около десяти сказок (остальное — басни).

Скоро возникает еще один синонимический термин — *быль*. При этом сколько-нибудь заметного жанрового различия между сказкой и былью не наблюдается. Таково, например, стихотворение А. В. Нарышкина под заглавием «Быль», напечатанное в № 20 «Полезного увеселения» за 1761 год. Позднее ряд былей напечатал в «Трутне» (1769) Аблесимов. Пользовались этим названием и другие сказочники. Термин *быль* как синоним *сказки* появился, по-видимому, из желания подчеркнуть жизненную, бытовую достоверность этого жанра, существенно отличающегося от сказки в традиционном смысле, как произведения, основанного на далеком от реальной действительности вымысле.

Некоторая сбивчивость жанровой терминологии (притча, басня, аполог, сказка, *быль*) объяснялась тем, что смешивались самые жанры. Так, среди притч Сумарокова очень многие должны быть отнесены к разряду сказок. Наоборот, в число сказок Аблесимова попадает немало басен. Подобное наблюдается и у других баснописцев-сказочников. Обычно они печатают свои басни и сказки вперемешку, не разделяя их. Однако постепенно жанр сказки получает все более четкие очертания. Авторы сказок подчиняются складывающемуся жанровому канону. Осознается самостоятельность жанра.

Теоретическое осмысление жанра сказки пришло довольно поздно, уже в XIX веке. В 1807 году Д. И. Хвостов, поэт, нередко становившийся мишенью для сатир и эпиграмм «арзамасцев», охотно писавший басни и сказки, иногда не лишённые остроумия и живости, выступил с дидактической поэмой «Притчи», где он разграничил басню (притчу) и сказку. Основная особенность притчи — аллегорические образы.

Иносказание — золотое притч руно,
Пусть будет оно всегда соблюдено.

В сказке же действуют не аллегорические персонажи, а люди. В этом основное различие обоих жанров. Со всей определенностью Хвостов проводит такое разграничение в прозаических примечаниях к поэме «Притчи». Он пишет о притче: «Известно, что она есть наставление (*moralité*), извлекаемое из повести о приключениях животных, птиц, рыб, насекомых, деревьев и всех бессловесных существ», «а сказка

описывает происшествия людей. К первому роду относятся: Волк и Ягненок; Два Голубя; Ворона и Лисица; а ко второму: Старик и три юноши; Два друга; Вдова; Разборчивая Невеста и проч. — Сказка представляет нравоучение свое прямым лицом, не растворяя оно красками иносказания». ¹ Хвостов отмечает и некоторые другие особенности жанра сказки. Так, ее нравоучительность иная, чем в притче. В отличие от нарочитого дидактизма притчи, в сказке присутствует нравоучение, «общее всем родам поэзии». ² Сказка, по суждению теоретика, не является родом дидактической поэзии. Однако он осуждает шуточные сказки Лафонтена, «изданные в двух томах под названием *contes*, за которые он приносил покаяние и кои, хотя сладко писаны, служат в самом деле к растлению нравов». ³

В определении основного различия между сказкой и басней Хвостов следует давней русской традиции, различающей виды басен, или притч. Ломоносов делил притчи на натуральные, ненатуральные и смешанные. «Натуральные суть те, в которых ничего чрезвычайного не заключается, как притча о женщине и лекаре. Ненатуральные, в которых бессловесным животным даются слова или действия человеческие, как притча о журавле и о лисице. Смешанные суть те, которые состоят из разговоров или действий натуральных и ненатуральных, например, как жаворонок с человеком разговаривают». ⁴ Понятие «натуральной» притчи отвечает той разновидности басни, которая обособилась в виде самостоятельного жанра сказки.

Вскоре после Хвостова к теории сказки обратился Н. Ф. Остолопов. В 1812 году, почти за десять лет до выхода его «Словаря древней и новой поэзии», в «Санкт-Петербургском вестнике» появилась отдельная статья «О сказке». Остолопов дает слишком общее определение сказки: «Сказка есть повествование вымышленного происшествия». ⁵ Этому соответствуют примеры, приведенные Остолоповым в «Словаре» 1821 года (Лукиан, Анакреонт, Петроний, Лафонтен). Обращаясь к русской сказке, Остолопов называет Сумарокова, Майкова и Дмитриева, но только сказки последнего признает хорошими. Относя сказку к роду повествовательному, то есть эпическому, Остолопов ограничивает ее от эпической поэмы: последняя

¹ Граф Дмитрий Хвостов, Поэма. Притчи, М., 1807. с. 25—26. Перепечатано в Полн. собр. соч. Хвостова, М., 1817, ч. 2.

² Там же, с. 28.

³ Там же, с. 24.

⁴ М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. 7, М.—Л., 1952 с. 222. В свою очередь эта классификация басен восходит к «Поэтике» Феофана Прокоповича.

⁵ «Санкт-Петербургский вестник», 1812, ч. 2, с. 289.

«описывает деяние знаменитое, а сказка имеет предметом дела обыкновенные, весьма часто случающиеся или могущие случаться между людьми». ¹ Второе различие между этими жанрами состоит в том, что «действие поэмы эпической есть истинное, а в сказке оно не должно быть истинным; ибо в ней позволено только *подражать* действительно бывшим происшествиям и то с переменой имен». ² Развивая теорию сказки, Остолопов сопоставляет этот жанр с романом и притчей. «Роман есть связь нескольких приключений; сказка содержит одно происшествие». ³ Знаменательно, что от эпической поэмы сказка отделяется по содержанию (обыкновенные дела, вымышленный сюжет), а от романа — только по композиции. Здесь намечался путь к сближению прозаического и стихотворного повествования. Для отбора материала русской сказки, которую не всегда легко бывает отграничить от басни, полезно дальнейшее заключение Остолопова: «Притчи же, в которых действуют одни люди, без животных, могут быть причислены к сказкам». ⁴

В своем «Словаре» Остолопов попытался разделить сказки по содержанию. Получилась следующая классификация: сказки волшебные («Причудница» Дмитриева), аллегорические («Телема и Макар» Вольтера в переводе Востокова), анакреонтические («Спящий Эрот» Державина), эпиграмматические («Крестьянин и работник» Крылова), характерные, или нравственные («Модная жена» Дмитриева), и философические («Филемон и Бавкида» того же автора).

Из пояснений, сопровождающих приведенный перечень разновидностей сказки, наиболее интересны замечания по поводу нравственных, или характерных, сказок. Они, как пишет Остолопов, «содержат верное изображение нравов людей, живущих в обществе. Описываемые в них приключения просты, обыкновенны. Нравоучение извлекается само собою из соединения и противоположности действий и причин. Слога требуют легкого и даже шуточного». ⁵ Остолопов считает, что в сказке скорее, чем в басне, возможны шутки, острые слова и даже «колкости». Однако он выдвигает и требование соответствия слога с содержанием сказки.

¹ Николай Остолопов, *Словарь древней и новой поэзии*, ч. I, СПб., 1821, с. 148. В издании 1812 года формулировка была менее решительной: «деяния меньшей важности».

² Там же, с. 149.

³ Там же. В издании 1812 г. вместо «приключений» было «происшествий».

⁴ Там же, с. 140. Это замечание появилось только в полном издании «Словаря».

⁵ Там же, с. 151.

Затрагивает теоретик и вопросы композиции. Он различает три рода сказок: когда поэт не показывается, а видны одни только действующие лица; когда поэт сам рассказывает о приключении; когда поэт приводит только речи действующих лиц. Во избежание однообразия поэту позволено смешивать эти формы изложения. Знаменательно, что сказка, по мнению теоретика, еще не покинувшего позиций классицизма, неподвластна закону трех единств, в отличие от притчи, которая изображает один только «разительный случай» из целого происшествия и сохраняет единство места и времени. Автор сказки может «помещать» свои рассуждения и чувствования «между повествованием», но не нарушая естественности изложения и не вызывая скуки читателя.

Широко понимая жанр сказки, Остолопов широко подходит и к вопросу о ее стихотворном размере, полагая, что здесь может быть употребителен всякий размер: и хорей, и ямб, и одномерные и вольные стихи, и даже гекзаметр. Но наиболее привычным для сказки он считает вольный ямб.

В изложенной характеристике жанра автор «Словаря», несомненно, опирался на тот тип сказки, который получил наибольшее распространение в русской литературе. Н. Остолопов дал наиболее полную и законченную теорию сказки.

Поэтикой сказки интересовались и другие теоретики того времени. В одной из ранних статей А. Ф. Мерзляков возражает против наблюдающегося смешения жанров: «Сколь часто видим, что сказку пишут как басню, а басню как сказку».¹ В «Кратком начертании теории изящной словесности» Мерзляков, следуя Эшенбургу, различает рядом с басней (Fabel) стихотворный рассказ (Erzählung), которому свойственна большая сложность действия, разительные подробности, описания и картины, занимательные уклонения (то есть отступления. — А. С.), отсутствие прямого нравоучения.² Другой русский теоретик, почерпнувший, как пишет он сам, свои понятия из «феории Эшенбурга», Г. Сокольский, излагая в вопросно-ответной форме поэтику сказки, требует от этого жанра занимательности, правдоподобия, живости, поучительности.³ В отношении басни Сокольский придерживается традиционного определения: «Басня, или

¹ А. Ф. Мерзляков, Россияда, поэма эпическая г-на Хераскова (письмо к другу). — «Амфион», 1815, февраль, с. 39.

² «Краткое начертание теории изящной словесности в двух частях. Издано профессором А. Мерзляковым», М., 1822, с. 99, 113.

³ «Правила стихотворства, подчерпнутые из феории Эшенбурга», М., 1816, с. 29—30. Предисловие подписано: кандидат Г. Сокольский.

аполлог, есть рассказ аллегорического действия, приписываемого животным или бездушным вещам». ¹

В построении теории сказки русские литераторы использовали работы французских и немецких теоретиков, писавших об этом жанре.

Среди жанров, о которых идет речь в «Поэтическом искусстве» Буало, сказки (*conte*) нет, как нет и басни. Французский законодатель художественного вкуса с осуждением намекает на эротические сказки Лафонтена. Это, видимо, и явилось препятствием к включению *conte* в число рекомендуемых классических жанров.

Зато наши теоретики могли прочитать обширную статью «*Conte*» в четырнадцатом томе знаменитой французской «Энциклопедии» XVIII века. Сказка (*conte*), — написано здесь, — это вымышленный рассказ (*récit*) в прозе или стихах, главное достоинство которого состоит в разнообразии и истинности изображения, в остроумии шутки, в живости и соответствии (*convenance*) стиля, в остром контрасте событий. Дальше указывается на различие между сказкой и басней. Последняя содержит один только факт, происходящий в одно время. Цель басни — ощутимо выразить некоторую моральную истину (*axiome*). В сказке же нет ни единства времени, ни единства действия, ни единства места, и ее цель — не столько наставлять, сколько забавлять. Оба жанра сближаются между собою как рассказы (*récits*), не основанные на истинных событиях, что особенно ощутительно в басне, в которой говорят животные и деревья и целью которой является мораль. Сказка не содержит чего-нибудь невозможного, основное в ней — сюжет и персонажи. Иногда сказка рассказывает о забавных (*plaisantes*) происшествиях. ²

Другим источником сведений о жанре сказки была известная книга Мармонтеля «Элементы литературы», где также имеется статья «*Conte*». ³ Чего-нибудь принципиально нового по сравнению с «Энциклопедией» у Мармонтеля, как и других зарубежных авторов, писавших о сказке (Зульцер, Дора), мы не находим.

¹ «Правила стихотворства, подчерпнутые из феории Ешенбурга», с. 25. Менее интересна вышедшая в том же году книга: В а с и л и й М а с л о в и ч, О басне и баснописцах разных народов... Харьков, 1816. Одно из основных отличий сказки от басни автор усматривает в объеме: сказка обширнее басни.

² См.: «Encyclopédie ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et gens de lettres», Paris, 1751—1780, V. 14, p. 111.

³ См.: «œuvres complètes de Marmontel», V. 12, Paris, 1818, pp. 522—526. У Мармонтеля есть статья о басне. Ему принадлежит и статья на ту же тему в шестом томе «Энциклопедии».

Используя зарубежную теорию сказки и опираясь на опыт отечественной литературы, русские писатели выработали понимание сказки как стихотворного повествовательного произведения, как новеллы в стихах, где рассказывается об обыкновенных, повседневных событиях из жизни обыкновенных, рядовых людей, рассказывается «простым» и часто «забавным» слогом, преимущественно в вольных ямбах, с двоякой целью развлечения и назидания.

Термин *сказка* в этом значении и самый жанр сказки как стихотворной новеллы нужно отличать от двух других жанров, носящих то же название.

Это, во-первых, сказка как один из популярнейших фольклорных жанров в разновидностях (сказка волшебная, бытовая и т. д.).

Это, во-вторых, литературная сказка, основанная на народно-сказочном материале и в той или иной мере воссоздающая дух и стиль народной сказки. Литературная сказка этого рода во второй половине XVIII столетия приобрела большую популярность (например, «Русские сказки» В. Левшина). Развитие этого жанра в XIX веке привело к сказкам Пушкина, Жуковского, Ершова и многих других авторов «русских сказок».¹

Оба эти жанра — народная и литературная сказка — не имеют прямого отношения к изучаемой нами сказке — стихотворной новелле. Общность названия не означает здесь общности жанра. В дальнейшем изложении термин *сказка* будет употребляться в том значении стихотворной новеллы, которое придали ему поэты и теоретики XVIII — начала XIX века.

Но постепенно понятие сказки в указанном значении теряет свою определенность и вытесняется традиционным пониманием этого термина. Показательны в этом отношении распространенные в 30-х годах XIX века руководства по поэтике. В «Начертании курса изящной словесности...» (1832) М. Тимаев определяет сказку как «рассказ происшествия, представляющий смесь естественного с сверхъестественным», как «произведение древности, дошедшее до нас по преданиям». Автор склоняется к тому пониманию сказки, которое связывает этот жанр с народно-поэтическими источниками и традициями. Еще более определенно в этом направлении идет А. Глаголев, автор сочинения «Умозрительные и опытные основания словесности» (1834): «Сказка есть повествование, на народных рассказах и несбыточных чудесностях основанное». Так понимает сказку и рецен-

¹ Этот жанр сказки исследуется в книге: И. П. Лупанова. Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX века, Петрозаводск, 1959.

зент «Отечественных записок», пишущий по поводу шестого издания «Басен и сказок» Измайлова: «С сим словом мы привыкли соединять понятие о фантастической летописи какого-то таинственного мира, в котором что шаг, то чудо. А у Измайлова вместо сказок находим какие-то рассказы, которых не только нельзя назвать *чудесными*, но даже и *обыкновенными*».¹ Как видим, эти авторы возвращаются к традиционному представлению о сказке как определенном жанре народного творчества или литературном жанре, связанном с народно-поэтическими источниками. Это было вызвано, по-видимому, тем обстоятельством, что сказка как стихотворная новелла в 30-х годах утрачивает свою популярность, хотя отдельные сборники басен и сказок все еще появляются. Сыграло свою роль и повышение интереса к народному творчеству, публикация фольклорных материалов. Так, на определение сказки у Глаголева могла оказать влияние пушкинская «Сказка о царе Салтане», опубликованная в 1832 году.

2

Прежде чем характеризовать общие особенности сказки как литературного жанра, полезно сделать беглый обзор конкретного материала, на котором будут строиться выводы.

Жанр сказки существовал в русской литературе без малого столет. Начало ему, как уже было сказано, положил А. Сумароков, напечатавший две сказки в 1755 году, а в 1762 году выпустивший сборник «Притчи», содержащий немало сказок.² Последним сказочником можно назвать Константина Масальского, автора романа «Стрельцы» и других исторических произведений. В его «Сочинениях», вышедших в 1840-х гг., имеется раздел басен, а в 1851 году появился сборник «Басни Константина Масальского». В обоих изданиях можно насчитать около двадцати произведений, которые являются типичными сказками.

За этот период в печати со сказками выступило около ста авторов (некоторые анонимно или под инициалами). Одни из них ограничились немногими произведениями данного жанра. Другие печатали более или менее объемистые сборники, иногда выходившие повторными изданиями.

¹ «Отечественные записки», 1839, т. 3, с. 131.

² «Натуральные», по терминологии Ломоносова, басни писались и до Сумарокова — тем же Ломоносовым («Жениться хорошо, да много и досады»), Тредиаковским («Старуха, болящая глазами»), Кантемиром («Огонь и восковой болван»).

Кто же эти сто поэтов, писавшие сказки? Каковы основные этапы ее почти векового пути?

Известно принадлежащее Мерзлякову меткое определение основных этапов, которые прошла русская басня в докрыловскую эпоху: «Мы очень богаты притчами, — писал он в 1812 году, — Сумароков нашел их среди простого, низкого народа; Хемницер привел их в город; Дмитриев отворил им двери в просвещенное, образованное общество, отличающееся вкусом и языком». ¹ К этому можно добавить, что Крылов сделал басню достоянием народа в его различных сословиях и слоях.

«Периодизацию» Мерзлякова можно в известной мере распространить и на сказку: оба жанра развивались параллельно, в тесной взаимосвязи.

Первый этап в формировании русской сказки связан с именами Сумарокова и тех поэтов, которые принадлежали к литературному течению дворянского классицизма и группировались вокруг первого сказочника: А. Ржевский, М. Херасков, В. Майков, А. Нарышкин, А. Карин, А. Аблесимов, И. Богданович. В 1764 году, через два года после «Притч» Сумарокова, вышли «Нравоучительные басни» Хераскова. А еще через два года (1766) книжку под таким же заглавием напечатал В. Майков, самый крупный, наряду с Сумароковым, сказочник первого периода. В обоих сборниках рядом с баснями напечатан ряд сказок. Сказки перечисленных поэтов печатались в «Трудолюбивой пчеле» и других журналах Сумарокова и Хераскова. К жанру сказки можно отнести некоторые пьесы Н. Леонтьева, выступившего в 1766 году со сборником «Басни». Завершается этот ранний этап в развитии сказки (1750—1760-е годы) знакомым уже нам сборником стихотворений А. Аблесимова, озаглавленным по имени нового жанра: «Сказки». Аблесимов был одним из самых плодовитых сказочников. Он печатал свои сказки в журнале Новикова «Трутень», а позднее, в 1781 году, создал свой журнал «Рассказчик забавных басен, служащих к чтению в скучное время, или когда кому делать нечего. Стихами и прозою». Журнал выходил один год и заполнялся преимущественно сочинениями самого издателя, большей частью — сказками. За первые двадцать лет своего существования новый жанр достаточно определился.

Второй ступенью в его развитии можно считать 1770—1780-е годы. После некоторого затишья со своими «Баснями и сказками» выступил И. Хемницер (первый сборник — в 1779 году, второй —

¹ «Труды Общества любителей российской словесности при Московском университете», т. I, М., 1812, с. 103.

в 1782), выдвинувшийся в первые ряды русских баснописцев и сказочников. В те же годы начинают появляться многочисленные сказки Я. Княжнина. Отдельные сказки пишут А. Лабзин, Е. Костров, М. Муравьев. В 1787 году выходит сборник В. Левшина «Нравоучительные басни и притчи». За эти годы сказка обнаруживает все большее тяготение к живому материалу русской действительности.

Новые успехи жанра сказки падают на 1790—1800-е годы. Резко увеличивается количество сказочников. Расширяется тематика их сказок. Оформляются разновидности сказки. Крупнейшей фигурой этого периода является И. И. Дмитриев, автор известной сказки «Модная жена» и ряда других. В то же время со сказками выступают и менее крупные поэты различного направления: А. Клушин, друг и соратник Крылова по его журналам, члены Вольного общества любителей словесности, наук и художеств И. Пнин, В. Попугаев, А. Бенитцкий, А. Измайлов, И. Аристов, М. Олешев, Н. Остолопов, А. Писарев, члены «Беседы» А. Бунина и Д. Хвостов, будущий член «Арзамаса» В. Л. Пушкин, сатирик Д. Горчаков, поэты Н. Николев, С. Тучков, А. Бухарский. В особую группу можно выделить поэтов, сотрудничавших в сибирском журнале «Иртыш, превращающийся в Иппокрену» (сентябрь 1789—1791 годы, Тобольск). Блестяще писал сказки издатель этого журнала Панкратий Сумароков. С ним сотрудничали авторы сказок Н. Бахтин, Д. Дягилев, И. Лафинов. Сказка, сохраняя основные жанровые признаки, приобретает различные конкретные формы.

Еще более богаты сказками 1810—1820-е годы. Центральное место принадлежит здесь А. Измайлову (упоминавшийся сборник 1814 года), рядом с которым выступает много поэтов самой различной ориентации и таланта. Сказки сочиняют хранители классицистских традиций вроде Д. Хвостова, А. Буниной; поэты-сатирики Д. Горчаков, С. Марин, А. Нахимов; первые «крестьянские» поэты М. Суханов и Е. Алипанов; второстепенные поэты, занимавшие место на периферии литературного движения, например: Ф. Иванов, Н. Неведомский, П. Лобысевич, В. Тибекин, Н. Мацнев, П. Ладжинский, М. Майков, В. Филимонов, А. Соловьев. Не отказались от популярного жанра и представители господствующего литературного направления — романтизма: сказки писали Ф. Глинка, П. Катенин, О. Сомов, К. Батюшков, П. Вяземский, М. Загоскин, М. Загорский.

После сказанного мы не удивимся, если встретим в списке поэтов-сказочников еще одно имя — имя А. С. Пушкина. В 1821 году поэт перевел (очень вольно) начало сказки французского поэта

Сенесе «Каймак» — «Недавно бедный музульман...». В 1829 году он написал притчу (подзаголовок автора) «Сапожник», используя сюжет сказки Хераскова «Живописец и сапожник». ¹

Последующие два десятилетия, 1830—1840-е годы, являют картину постепенного падения интереса к сказке. Правда, выходит еще несколько сборников: Егора Алшпанова, Константина Цимбаллина, Николая Охлебинина, Константина Масальского. Но здесь уже не чувствуется движения вперед. Показательно, что и отдельные сказки перестают появляться в журналах. История сказки как литературного жанра близится к своему завершению.

У читателя может возникнуть вопрос: почему в данном выше обзоре имен нет имени великого *баснописца* — И. А. Крылова? Ответ, казалось бы, напрашивается сам собой: Крылов не писал сказок. Но так ли это? Мы не найдем у него больших сказок вроде сочинявшихся Дмитриевым или Панкратием Сумароковым, сказок с любовным сюжетом или с элементами фантастики. Если же иметь в виду тот тип сказки, который достаточно близко стоит к басне, но отличается от нее прежде всего характером персонажей (не животные, а люди) и происходящих с ними событий (не иносказания, а события как таковые), то многие из басен Крылова придется отнести к разряду сказок, как это мы делали и по отношению к басням и притчам его предшественников, начиная с Сумарокова. ²

Басни-сказки Крылова, несомненно, способствовали тому, что русская сказка первых десятилетий XIX века стала не жанром легкой поэзии в духе сказок Дмитриева, Панкратия Сумарокова, В. Л. Пушкина, а реально-бытовой новеллой в стихах. К этому типу сказки тяготеет большинство произведений названных выше баснописцев 10—20-х годов.

На формировании жанра сказки не могла не отразиться идейно-художественная сложность русской литературы второй половины XVIII — первой половины XIX века. Поэты, писавшие сказки, принадлежали к различным идейным течениям, к различным литературным направлениям. Их общественные и литературные убеждения находили свое выражение в сказке, как и в других жанрах их

¹ Этим не исчерпывается вопрос о сказке в творчестве Пушкина, к чему мы вернемся в своем месте.

² Вот неполный список сказок Крылова: «Музыканты», «Ларчик», «Разборчивая невеста», «Лжец», «Крестьянин и работник», «Крестьянин в беде», «Тришкин кафтан», «Любопытный», «Демьянова уха», «Мельник», «Два мужика», «Бритвы», «Пастух», «Троеженец», «Вельможа и философ», «Раздел», «Откупщик и сапожник», «Старик и трое молодых», «Водолазы», «Госпожа и две служанки», «Купец».

творчества. Сказка как литературный жанр переживала процесс более или менее заметной идейно-художественной дифференциации. Изменялась сказка и в процессе исторического развития русской литературы. Борьба и смена идейных течений и литературных направлений, развитие литературных жанров, в особенности близких сказке (басня, поэма, сатира), — все это не могло не вызвать тех или иных изменений в изучаемом жанре. Как и всякий жанр, сказка реагировала на те социально-исторические условия, в которых она формировалась и развивалась.

В дальнейшем мы попытаемся связать судьбы сказки с одновременным развитием русской литературы. Теперь же обратимся к характеристике жанра сказки в целом.

3

Эту задачу облегчит нам каноничность сказки как литературного жанра, который, несмотря на свою идейно-художественную дифференциацию и модификацию, сохранял основные жанровые признаки.

Для сказки как жанра характерна необычайная широта охваченного ею круга персонажей. В сказке часто фигурирует основной литературный персонаж эпохи классицизма — дворянин, помещик. Рядом с ним в качестве героя сказки нередко выступает купец. Охотно сказочники пишут о судье, стряпчем, подьячем, вообще о чиновнике того или иного ранга. Видное место среди персонажей сказки занимает мужик, крестьянин.

Но еще чаще в сказках изображается пестрая по своему составу демократическая среда, трудовой люд, бедняки. Красноречиво уже простое перечисление персонажей сказки по роду их труда и жизни. Здесь мы находим следующие категории: приказчик, управитель, работник, батрак, слуга, служанка, пряха, портной, повар, дворник, скотник, гусятник, угольщик, трубочист, парикмахер, сапожник, кисельник, извозчик, дровосек, каменщик, плотник, харчевник, дьячок, матрос, фабричный, ремесленник. Эти персонажи выступают не только в качестве эпизодических лиц, но чаще в роли героев сказки.

Столь широкий охват различных сословий и профессий незнаком ни одному другому жанру, современному сказке. Авторы, писавшие в этом жанре, делали предметом литературно-художественного изображения ту общественную среду, куда очень робко заглядывала, а иногда и вовсе не заглядывала литература того времени. В этой демократизации литературного типажа, в самом отборе изображае-

мых «героев», даже независимо от уровня типизации, состояло немаловажное значение жанра сказки в русской литературе. А. Бестужев писал об А. Измайлове: «Он избрал для предмета сказок низший класс общества и со временем будет иметь в своем роде большую цену, как верный историк сего класса народа». ¹ Это можно отнести и к творчеству других сказочников, по крайней мере к части их сказок.

Из жизни самых различных слоев общества авторы сказок черпают и свои сюжеты. Здесь тоже можно говорить о демократизации. Изображаемые в сказках события и явления вводят читателя в повседневную жизнь различных сословий, и прежде всего сословий, не занимающих высокого общественного положения.

Обращаясь к сюжетам сказок, следует иметь в виду, что во многих случаях они не придуманы самим автором. Сказочники не скрывают, что сюжет той или иной сказки они заимствовали у своего зарубежного или отечественного предшественника. Так, в первом издании «Причудницы» Дмитриев сделал шутовское указание на источник: «Предваряю читателя, что эта сказка родилась от Вольтеровой сказки «La bégueule». Лучше признаться, пока не уличили». В последующих изданиях автор снял это примечание, очевидно не придавая большого значения факту литературного заимствования. А. Измайлов, выступая с «Баснями и сказками» в 1814 году, когда еще не закончилась война с Наполеоном, шутовски просит доброго Лафонтена извинить русскому автору нанесенное «из патриотизма увечье» французскому поэту. Д. Хвостов в предисловии к «Избранным притчам» (1802) перечислил имена авторов, которых он использовал. Но для поставленной нами задачи — охарактеризовать русскую сказку как жанр и определить ее место в развитии русской литературы — установление источника сюжета не имеет большого значения. Заимствуя материал у предшествующих сказочников, наши поэты с полным основанием заявляли о своей самостоятельности. Они хотели писать *русскую* сказку, изобразить *русскую* жизнь, показать *русских* людей. Такую задачу ставит уже Сумароков. В притче «Вор» поэт писал:

На русску статью я Федра преврачу,
И русским образцом я басню сплесть хочу.

Сюжеты сказок интересны не столько тем, откуда они пришли, сколько тем, какими они стали.

¹ А. А. Бестужев - Марлинский, Сочинения в двух томах, т. 2, Гослитиздат, М., 1958, с. 528.

Такое же отношение у авторов было и к сюжетам русских сказок. Они не считались авторской собственностью, а их заимствование не рассматривалось как плагиат. В репертуаре русской сказки оказались своего рода «бродячие сюжеты», которые переходили от одного сказочника к другому. Одним из популярных сюжетов был сюжет, нашедший блестящее завершение в крыловском «Лжеце». Первой по времени появления в печати была сказка Хемницера «Лжец» (1779). Следующим был Сумароков со своей басней «Хвастун» (напечатана в 1781 г.), где уже появляется мотив моста, не выдерживающего лгуна. Левшин в сказке «Лгун» (1787) ближе стоит к Хемницеру, не вводя мотива моста и подобно ему заканчивая сюжет общим смехом, который был вызван рассказами путешественника, вернувшегося из чужих стран. Крылов в басне-сказке «Лжец» (1812) возвращается к варианту Сумарокова. Оригинально разработан тот же сюжет в сказке Измайлова «Лгун» (1823). Некоторые другие «бродячие сюжеты» встретятся нам в дальнейшем обзоре. Но откуда бы ни был заимствован сюжет сказки, изображаемые в ней события и явления вводят читателя в обыденную жизнь различных сословий русского народа.

Стремление придать сказке национальный колорит выражалось иногда в обращении сказочников, начиная с Сумарокова, к фольклорным сюжетам и мотивам. Таковы, например, сказки В. Майкова «О хулителе чужих дел» и «Повар и портной», сказка Левшина «Отец и сын». В сказке Хераскова «Притча» («Был некий пьяница...») расхваставшийся герой заявляет: «Вставь в землю мне кольцо — поворочу землю» — мотив, известный по былинке о Святогоре.

Так возникает богатый образный мир русской сказки, русской стихотворной новеллы, широко охватывающей, ярко отображающей и критически оценивающей различные слои русского общества крепостнической эпохи, различные явления русской жизни того времени.

В композиционном отношении сюжет сказки тяготеет к единству действия. Это было естественно для жанра, возникшего в эпоху классицизма. В сказке чаще всего рассказывается об одном случае, одном происшествии, давшем повод для морализирования. Примеры здесь бесконечны. Но нередко сюжет сказки разрастается, охватывая ряд эпизодов, связанных с основным событием. Примером могут служить сказки Измайлова «Купец Мошнин» или Дмитриева «Причудница». В таком случае сказка, в отличие от басни, увеличивается в своем объеме и иногда занимает несколько страниц текста.

В своем развитии сюжет сказки со строгой последовательностью стремится к развязке. Но развязка нередко бывает неожиданной, нарочито заостренной, «разительной», по терминологии Остолопова.

Это — типично новеллистическое заострение концовки, *pointe* по французской терминологии. Авторы сказок научились делать это с большим искусством. Этот прием использует уже А. Сумароков. Такова, например, концовка сказки «Старый муж и молодая жена» о супружеской неверности:

Она алмазы носит,
А он рога.

Герой сказки М. Майкова «Домовой» рассчитывал женитьбой освободиться от преследований Домового. Тот, действительно, исчез. Но вместо этого в лице жены «черт настоящий в дом вселился». В сказке Княжнина «Судья и вор» в качестве судьи и подсудимого встретились старинные знакомцы. На вопрос судьи, где и как живут общие «товарищи», вор ответил:

... Повесили их всех до одного;
Лишь только я да ты остался.

В «Были» В. Л. Пушкина старый муж просит молодую жену назвать его нежно на *ты*, обещая в благодарность турецкую шаль:

При слове «шаль» жена переменяла тон:
«Как ты догадлив стал! Поди ж скорее вон!»

В сказке «Обнова» Осип Беляев изображает жену подьячего в новом платье, полученном в подарок:

Скажи ж, о муза! нам, куда она пошла,
Надев обнову?
Доить корову.

Авторы сказок выработали своеобразную манеру повествования, которая в дальнейшем получила распространение — с соответствующими изменениями — в различных жанрах повествовательной поэзии. Большую роль в повествовании начинает играть автор, который вмешивается в действие или комментирует его. Изложение сюжета в сказке то и дело прерывается различными авторскими отступлениями: рассуждениями, замечаниями, советами, нередко носящими шуточный характер. Постоянным приемом повествования является обращение автора сказки к читателю, существующее самостоятельно или связанное с отступлением. Ограничимся одним примером. Паукратий Сумароков, описывая в сказке «Искусный врач» душевное состояние

нетерпеливого жениха, достоверность описания аргументирует собственным опытом и «Наукой любви» Овидия:

В любви велико нетерпенье,
Я знаю это по себе;
Но коль, читатель мой, не сведомо тебе
Любовное мученье,
Прочти Овидия о нем стихотворенье.
Он был профессором любовна ремесла;
Он знал наперечет сей страсти тяжки муки. . .
. . .Ахти! куда меня нелегка занесла!
Я про любовь заговорился
И от рассказа удалился;
Но не один сему подвержен я греху;
Так обратимся ж к жениху.

Всем этим создается живая, непринужденная, шутивно-ироническая манера повествования, своеобразное балагурство сказочника. Но под шуткой здесь иногда скрывается серьезное, а серьезное разрешается шуткой. Тонко уловил, например, сложившуюся манеру повествования Загоскин, сказка которого «Выбор жены» написана в форме шутивной беседы с читателем.

При значительной устойчивости своей жанровой структуры, сказка все же образовала несколько разновидностей, отклоняющихся в том или ином отношении от общего типа.¹

Сказочники охотно писали «восточные сказки» (подзаголовок сказки В. Пушкина «Кабуд путешественник»). Перенесение действия в одну из «восточных» стран, обычно обрисованных в неопределенно-обобщающей манере, давало материал для занимательных сюжетов и позволяло более смело и откровенно формулировать «мораль» сказки. Примером могут служить сказки П. Сумарокова, В. Пушкина, А. Бепитцкого. В той же функции в сказках выступал античный, преимущественно легендарный и мифологический, материал. Таковы, например, сказки Княжнина и Сомова, в которых использован сюжет о Цирcee, заимствованный из «Одиссеи». Не чуждалась сказка и национально-исторических мотивов. Такова, например, сказка А. Сумарокова «Совет боярский». К недавнему прошлому относилась сказка К. Масальского «Наполеон и харчевник», с тонким юмором рассказывающая о харчевнике Ермолае, хвастуне и забияке, который струсил перед Наполеоном, остановившимся в харчевне выпить чаю.

¹ Попытку разграничить виды сказок по содержанию сделал, как мы видели, Остолопов.

Своеобразную разновидность представляют сказки, персонажи и сюжет которых почти лишены конкретных примет времени и места и скорее являются аллегорическими иллюстрациями к отвлеченным понятиям и положениям. Несколько подобных сказок связано с темой счастья: «Искатели фортуны» Дмитриева, «Странствователь и домосед» Батюшкова, «Три брата искатели счастья» Ф. Глинки. Отвлеченность в обрисовке персонажей, характерная для названных сказок, иногда еще возрастает: персонажами становятся сами персонифицированные понятия. Так, в сказке Нахимова «Проповедь и Басня» эти понятия рисуются в образах разодетой барыни (Проповедь) и по-крестьянски одетой девушки (Басня).

Особой разновидностью можно считать сказку с преобладанием фантастического элемента. Иногда это античные боги, вступающие в общение с людьми («Меркурий и резчик» Княжнина), или волшебники вроде Всеведы в сказке Дмитриева «Причудница»; иногда — темные силы, вмешивающиеся в жизнь людей (сказка Хемницера «Домовой»).

Перечисленные разновидности сказки уходят от современного русского быта и современных характеров как основного предмета сказки. Однако они остаются в пределах данного жанра.

4

Обширная и пестрая галерея характеров и сюжетов, предстающая перед читателем сказок, не является просто фотографическим, натуралистическим воспроизведением явлений жизни. В сказке всегда чувствуется отчетливая авторская позиция. Автор сказки оценивает своих героев в свете определенных общественных и моральных принципов. И при этом нередко оценивает весьма прямолинейно, что называется — «в лоб». Дидактизм, свойственный искусству классицизма, находил в сказке, создававшейся поэтами данного литературного направления, богатую пищу. Здесь особенно заметной становилась связь сказки с басней. В обоих жанрах «мораль» чаще всего принимала форму вступительной или заключительной сентенции, иногда (в сказке) широко развернутой. Значительно реже, особенно на первых порах, сказочник воздерживался от прямого выражения морали, предоставляя читателю самому выводить нравоучение, скрытое в персонажах и сюжете. Авторы сказок заставляли своих героев действовать, и это давало им возможность выразить свое суждение о нравах и поведении людей. Отказ от моралистических сентенций не лишал сказку идейности, критической направленности. Наоборот, не

сформулированная прямо, а скрытая в художественных образах общественно-моральная идея приобретала еще большую остроту, убедительность.

Сюжеты сказок нередко имеют любовный характер. Здесь не обошлось без французского влияния — эротической, фривольной сказки Лафонтена и его подражателей. Это мы находим в той разновидности русской сказки, которая сближается с «легкой поэзией»: у Дмитриева («Модная жена»), Клушина («Лунатик поневоле»), П. Сумарокова («Пристыженный мудрец»), Измайлова («Снежный ребенок»), Бухарского («Наказанное хвостовство») и у многих других.

Любовный сюжет в сказках подобного типа нередко принимает авантюрный характер, как это можно видеть и у названных выше авторов. Иногда такой сюжет становится своего рода анекдотом, например сюжет И. С. Баркова «Влюбившаяся старуха и девица»: старая любовница у «детины средних лет» вырывала из головы черные волосы, молодая любовница — седые. Неудивительно, что голова любовника скоро стала «как ладонь». Позднее этот сюжет в басне «Жених и две невесты» воспроизвел Хвостов. Подобный же характер коротких анекдотов носят двадцать шесть стихотворений А. Иллещевского, которые он под общим заглавием «Сказки» объединил в своем сборнике «Опыты в антологическом роде» (1827).

Но даже и любовные сюжеты в русской сказке, в отличие от французской *conte*, обычно не ограничиваются эротикой или приключениями. Автор пытается вскрыть общественную и моральную сторону происходящего. Если это супружеская неверность, то она имеет свои причины: неравный брак, несносный характер, семейный деспотизм и т. п. Муж в сказке Аблесимова «Муж и жена» проигрывал деньги в карты, и жене приходилось «собирать дань» с любви. Любовный сюжет нередко становится средством разоблачить мнимую верность. В сказке Ржевского «Смирренная вдова» героиня, потеряв мужа, отказалась вторично выйти замуж. Но этот ее «благородный» поступок объяснялся тем, что у нее был женатый любовник. Ироническим заострением сюжета об изменившей мужу жене заканчивается «Быль» Панкратия Сумарокова: собираясь в путь, супруг просил жену хранить верность, иначе у него на лбу вырастут «бычачьи роги»; встречая возвратившегося мужа, жена

...не видя рог, забывшись, вскричала:

«Так забодать меня ты в шутках, знать, страшал».

Так перед читателем выступает облик легкомысленной и не очень умной женщины.

Трактовка образов и сюжетов в сказках приобретает нередко характер бытовой сатиры. Обличается щегольство, которое обычно бывает связано с мотовством («Женатый хвостун» Аблесимова, «Богатый мот» Леонтьева). Резко осуждается пьянство, карточный азарт (сказки Аблесимова, Измайлова, Суханова и других). Сближаясь с сатириками XVIII века, боровшимися с галломанией русского дворянства, А. Лабзин высмеивает желание Развраты покупать только французские товары («Французская лавка»). Не щадят авторы людей, которые кичатся модным, поверхностным воспитанием. Остроумно вразумляет отец сына, приехавшего из учебного заведения домой и за ужином стремящегося показать свою «ученость»: он берет «доказать», что на блюде лежат не два рябчика, а три. Тогда отец берет себе первого рябчика, второго отдает матери, а «третьего» предлагает съесть сыну (сказка «Софист Ванюша», автор подписался буквами У. У. У.). «Следствия модного воспитания» в сказке того же названия критикует А. Мартынов. Разнообразно обыгрывается в сказках мотив скупости («Скупой» А. Сумарокова, «Скупой и его сын» Мацнева). Вокруг этой темы сложился бродячий сюжет о бедняке и богаче: собираясь повеситься, бедняк нашел в рухнувшей стене клад и остался жить, а скупой владелец клада, обнаружив пропажу, повесился.

Бытовая сатира в сказке нередко перерастала в общественно-политическую. Мы можем утверждать, что сказка — с необходимой осторожностью и неизбежной умеренностью — не обходила общественных и политических вопросов своего времени. Однако в этом отношении между авторами сказок наблюдаются значительные различия, объясняемые их принадлежностью к тем или иным идейно-политическим течениям и группировкам. Наиболее прогрессивные идеи находили выражение в тех сказках, авторы которых были так или иначе связаны с русским Просвещением последней трети XVIII — начала XIX века.

В сказке «Добрый царь» Хемницер проводит мысль, что для счастья народа нужны не только новые, лучшие законы, но и новая душа в судьях, а это достигается временем и воспитанием. В сказке С. Марина «Царь, пустынный и мужик» речь мудрого пустышника заканчивается советом, обращенным к царям:

В постелях когда сон хотите вы вкушать,
Старайтесь менее на тронах ваших спать.

В шуточной форме здесь царю рекомендуется быть бдительным и деятельным.

Политический характер имеет сказка Олина «Осторожный шах», Утомленный охотой шах сел отдохнуть. Придворные предлагают ему для утоления жажды заехать в ближайший сад.

«В чужой? — сказал монарх. — Нет, нет, благодарю.
Хозяин от меня не примет, верно, платы,
А если даром съем хотя зерно гранаты,
То визири мои, клянусь вам, целый сад
С деревьями съедят».

Просветительские идеи звучат в сказках И. Пнина. В стихотворении «Верховая лошадь» он рассказывает, как любитель лошадей, купив пугливую лошадь, стал завязывать ей глаза, чтобы она не пугалась, и как он вместе с лошадью погиб в глубоком водяном рву. Этот сюжет позволяет автору дать такой «урок царям»:

...скот и человек, когда лишены зренья,
Опаснее для управленья.

В сказках затрагивается и основная общественная проблема эпохи — крепостное право. В стихотворении «Пряхи» Сумароков использовал эпизод из крепостнического быта, позднее разработанный Крыловым (в басне «Госпожа и две служанки»): пряхи убили петуха, рассчитывая, что им не придется вставить «с петухами», но хозяйка стала их будить еще раньше. Аблесимов в сказке «Прохожие», изображая увеселительное катанье по реке под музыку, проводит мысль о народном труде, плодами которого пользуются господа. Один из прохожих-крестьян говорит:

Наделали рогов, трубят в них складно.
А труд, спроси-ка, чей?
Рожечных ковачей.
Я думаю, они, когда рога ковали,
Не пот, да кровь свою ручьями проливали
По дням и по ночам...

Антикрепостнические мотивы отчетливо звучат в сказках А. Измайлова («Дурак Филатка», «Каприз госпожи», «Дворянка-буянка», «Помещик и управители»). В последней из названных сказок говорится о «строгом» помещике, который не только «не баловал крестьян», но и «старост больно сек». Если при объезде деревень барин находил непорядки, следовала «разделка со спинами». В сказке Бахтина «Господин и крестьянка» с тонкой иронией обрисовано отноше-

ние крестьян к помещику. Барин, гуляя по селу, услышал, как женщина унимала плачущего ребенка:

Не плачь, не плачь, дурак!
Боярин вон идет: он съест тебя живого.

В ответ на недоуменный вопрос помещика крестьянка поясняет:

Родимый мой! Прости ты глупости моей:
У нас издавна так, рабят как унимаем,
То милостью твоей
Иль волком их пужаем.

С большой остротой антикрепостническая тема развивается в «Были» Лабзина. «Сердитый господин» был крайне груб со своим слугой, полагая, что Феодул, «произведенный» рабом, на то и рожден, чтобы его бранили и били. Но однажды Феодул не выдержал: когда барин назвал слугу «хамовым племенем», тот заметил, что по Хаму он доводится господину родней. За это последовало наказание:

Конюшого с плетью! возьми его, дери!
Спасибо, так, так, так, вот так-то хорошенко,
Еще, еще, еще, еще хоть бы маленько;
Давно уж у него не чесана спина,
Давно свербит она...

Экзекуция, наблюдаемая и руководимая баринном, продолжается. Сцена наказания нарисована очень живо. Но под конец напряжение падает. Феодул под плетью не только «кряхтит, кричит, визжит, вертится», но и рассуждает о начальнике-отце, при котором жизнь может проходить спокойно.

Неизменным объектом сатиры в сказке рядом с дворянином-помещиком становится чиновник (чаще всего подьячий). Взятничество и казнокрадство, незаконные и произвол, несправедливость и подкупность суда — эти и другие пороки сословно-бюрократической системы неустанно и разными способами обличаются в сказках.

В «Трутне» (1769) напечатана сказка М. Попова «Два вора», в которой сопоставляются вор «простой» и «чиновный». Первый доходы

...сбирал не в городе, не в съезжей,
А на дороге на проезжей.
Другой
Чиновный был, и тьмы имел он в сундуке
Червонцев и рублей,
Которые сбирал с невинного народа;

Поверье эдако, или такая мода
Есть у бессовестных подьячих и судей.
Но наконец попались оба
В приказ.

Однако оба сумели добиться оправдания. Возмущенный автор обращается к читателю:

Скажи нам, кто из них достойнее кнута?

Не обходит сказка и купеческого сословия, осуждая страсть к накоплению, самодурство. Особенно яркие портреты купцов рисовал Измайлов: «Купец Мошнин», «Купец Брюханов».

Направляя стрелы сатиры на привилегированные сословия, авторы сказок не скрывают недостатков, свойственных и простолюдинам. Так, неразумный мужик, надеясь разбогатеть, на одной десятине посеял понемногу ржи, проса, тыкв, огурцов, и в итоге у него ничего не родилось (Херасков, «Крестьянин в поле»).

Но, как правило, простые люди в сказке оказываются лучше «благородных». А. П. Сумароков в сказке «Безногий солдат» рассказал о том, как от калеки отвернулись барин и купеческая вдова, а работник отдал ему весь свой дневной заработок.

Особое место в сказке занимает литературная тематика. Здесь находят отражение споры между литераторами того времени. Авторы сказок защищают свои литературные позиции и нападают на эстетические взгляды инакомыслящих. Аристов в сказке «Стихотворец с вывескою» высмеивает педанта-славянофила, который записался в поэты. Против А. С. Шишкова направлена и сказка Измайлова «Шут в парике». В его сказке «Смерть и стихотворец» под именем Хвостона сатирически изображен Хвостов. В сказке «Живописец» Нахимов изображает расправу глупцов с художником, осмелившимся верно изобразить пороки людей.

5

Художественный язык сказки заслуживает специального и широкого изучения, которое должно охватить жанр в его развитии, в связи его с литературными направлениями и течениями, в стилистическом своеобразии языка отдельных авторов. Для такого изучения здесь нет места. Поэтому мы ограничимся рассмотрением основных тенденций, проявившихся в речевом стиле сказки, иллюстрируя их отдельными примерами.

В пределах общей стилистической системы, характерной для сказки, возникали более или менее значительные расхождения, связанные с принадлежностью сказочников к тому или иному идейно-художественному направлению, или с индивидуальными особенностями их творчества. Споры, разгоревшиеся вокруг басен Дмитриева и Крылова, не могли не коснуться сказок. Сказки Дмитриева и Измайлова обнаруживали различные стилистические оттенки: изящество «легкой» дворянской поэзии у первого и грубоватость рассказа из повседневного, иногда «низкого» быта у второго.

Но это не мешает нам говорить о стилистических принципах сказки в целом, как мы говорим, и о жанре сказки вообще. Общность основных признаков сказки как жанра определяет и столь же значительную общность ее речевого стиля. Это подтверждается и конкретными фактами художественного языка сказки.

Многие литераторы, имевшие дело со сказкой, высказывались о принципе ее речевого стиля. Сумароков, требуя, чтобы слог басни был «шутлив, но благороден», несомненно, распространял это требование и на сказку (басни и сказки «играются» одной «погудкой»). Этим сказка, по его мнению, отличается от комической поэмы, где стилистически господствуют «низкие» (Сумароков пишет: «пренизкие») слова или пародийно употребляются «высокие слова на низкие дела». Клушин сказку «А муж? — Он спит. Приятный сон» пишет, по собственному признанию, «слогом простым». Сомов пытается рассказать сказку

... в простых словах, природным языком,
Не смея в высоту пускаться.

(«Спутники Улиссовы»)

А. Измайлов в трактате «О рассказе басни» формулирует стилистические принципы басенного жанра, относящиеся, естественно, и к сказке ввиду всеми признанной родственности этих жанров. Вслед за своими предшественниками Измайлов основным принципом басенно-сказочного слога признает простоту. Простота слога, по точному определению Измайлова, «состоит в том, когда сочинитель изъясняется в немногих и обыкновенных словах и выражениях». Автор считает нужным пояснить, что он разумеет под словами и выражениями обыкновенными: это те, которые «употребляются в повседневном разговоре и понятны для людей всех вообще состояний одной нации». Измайлов определяет место этого простого слога среди других традиционно различаемых стилей: «Слова, выражения и обороты, приличные собственно сочинениям возвышенного рода; также слова и выражения низкие, употребляемые чернью и принадлежащие

к какому-нибудь областному наречию, ни в басне, ни в других сочинениях, которые должны быть писаны простым слогом, не могут иметь места, разве только употреблены будут с особенным намерением». ¹ В этих рассуждениях (Измайлов опирался здесь на французских теоретиков, в частности — на Мармонтеля) стилистическое кредо сказочника определено с большой точностью.

Другая стилистическая тенденция, имевшая для сказки такое же значение, как и стремление к простоте слога, может быть обозначена понятием шуточного, или забавного, слога. «Приятен в сказке слог *шутливый*», — писал Херасков в «Бахариане». Ту же стилистическую категорию Державин обозначил понятием «*забавного* русского слога» («Памятник»). Формирование и развитие шуточного, или забавного, слога в русской поэзии связано со сказкой, больше чем с другими жанрами. Один из ранних историков русской литературы так определил значение Аблесимова как сказочника: «В его сочинениях рассеяно много забавных шуток, соли и остроты. А недостатки извинительны тем, что он в подлинном русском шуточном слоге еще почти первый пролагал дорогу другим». ² «Другие», действительно, шли по этой дороге.

Следуя принципам простого и шуточного слога, сказочники широко пользуются обиходно-разговорными словами, формами, оборотами — и в авторской речи, и тем более в речи персонажей.

Отсюда было недалеко до просторечия, к выразительным средствам которого часто обращаются авторы сказок. Вот несколько примеров разговорных и просторечных слов и выражений: *стращал* («Быль» П. Сумарокова — в речи персонажа); то же слово Левшин употребляет в авторской речи — «Привидение»; *смекает, вранье, враки* («Забавная беседа» Нахимова); *разовралися* («Общество» В. Майкова); *завираться* («Клад» Дягилева); *шасть* («Вор и пьяница» Левшина); *не замать* («О хулителе чужих дел» В. Майкова); там же «старуха *упела* старика» (по Далю, *упётать* — доконать, уморить); «*заяжать* мне хочешь *рот*» («Общество» В. Майкова); «*стихи кропать*» («Клад» Дягилева); «у меня *забот беремья*» («Причудница» Дмитриева); «*видом не видано* у нас» (там же); «избаловал *потачкой*» («Модная жена» Аблесимова); «наносит кулаком *тузы*» («Наполеон и харчевник» Масальского); «лишь *сверкают пятки*» (там же).

Обращение к просторечию открывало доступ в сказку и для элементов «пизкого» слога. Это находим уже у Сумарокова, у ко-

¹ А. Е. Измайлов, Полн. собр. соч., т. 2, М., 1890, с. 360—361.

² «Новый опыт исторического словаря о российских писателях». — «Друг просвещения», 1805, январь, с. 40.

того хозяйка на девок *лает* («Пряхи»), а в его же бурлескной сказке «Парисов суд» Минерва «напилась, как *стерва*». В сказке В. Майкова «Повар и портной» повстречались, как пишет автор, «*рожка с рожей*». «Как солнце *лезло на закат*», — читаем в сказке Княжнина «Ладно и плохо». Однако теоретики сказки, в том числе и сам Сумароков, предостерегали любителей этого жанра от злоупотребления «низким» слогом. Критика упрекала А. Измайлова: «В некоторых его сказках есть выражения слишком простонародные и еще не введенные другими писателями в книжный язык». ¹ Но в целом речевой стиль сказки определялся не вульгаризмами, а разговорными и просторечными элементами языка.

Обращение к народной речи, народной фразеологии привлекало внимание сказочников к пословицам и поговоркам, которые нередко вводились в текст сказок и в традиционной форме, и в переработанном виде. Херасков пишет в «Притче» о пьяном: «Море кажется за лужицу сму». Известная поговорка использована В. Майковым в сказке «О хулителе чужих дел»: «Кто вынесет сей сор из горницы на двор?»

Как было отмечено выше, существенного различия в стиле автора и персонажей сказка не обнаруживает. Однако иногда наблюдаются попытки дифференцировать речевой стиль в зависимости от говорящего лица. В сказке «Знай время» Остолопов придает различную окраску речи мужиков и дьячка. Сидор и Архип, возвращающиеся ночью домой, рассуждают:

«Что, если б звезды все, Архипушка, свалились?
Я чаю, на гумне б они не поместились». — «И, Сидор, — тот сказал, — какой несешь ты вздор!
Да велики ль оне? ведь с вострие иголки,
Так сколько есть их в высоте,
Улягутся и в решетке».

Иначе звучит речь дьячка, к которому герои обратились за разрешением спора:

.. каждая звезда своей величиною
Поболее земли, ну, так сказать, в мильон;
А электричества закон,
Упругость воздуха, эфир тому виною,
Что загораются горячи вещества. . .

¹ «О новом издании басен и сказок А. Е. Измайлова». — «Труды Вольного общества любителей российской словесности», 1821, ч. 16, с. 90.

Одним из жанровых признаков сказки можно считать ее метрическую форму — вольный (разностопный) ямб. Правда, первые сказки на русском языке (А. Сумарокова) были написаны шестистопным ямбом. Этот размер не исчез из сказки и позднее. Таковы «Неудача стихотворца» и «Вдова в суде» Хераскова, «Не для всех сплю» Тучкова и другие. Однако в дальнейшем каноническим размером стал вольный ямб. Определяющую роль сыграли здесь притчи Сумарокова, среди которых, как мы видели, многие нужно отнести к жанру сказки. Поэт верно почувствовал, что, при широко принятой в сказке диалогической речи, при общей ориентации речевого стиля на обиходно-разговорный язык, разностопный ямб явится наиболее подходящим стихотворным размером, способным при своей гибкости и свободе передать живость, непринужденность сказочного стиля. Дальнейшее развитие сказки показало, что Сумароков был прав.

В обширном репертуаре сказок встречаются и другие метрические формы. А. Сумароков сказку «Мужик с котомой» написал разностопным анапестом. Сказка Измайлова «Сленина лавка» написана амфибрахийем. Ф. Глинка пытался в сказке применять гекзаметр. Но наиболее популярным размером после вольного ямба в сказке был четырехстопный ямб (сказки Аблесимова, П. Сумарокова, Клушина, Пнина и других), подготовивший успех этой метрической формы в пушкинскую эпоху.

6

Жанр сказки, как уже было сказано, родился в эпоху классицизма. Это не могло не отразиться на его художественном методе. Следуя творческим принципам классицизма, автор сказки при создании образа исходил не столько из действительности, сколько из идеи. Ему важно было выразить, воплотить идею, чему и служил художественный образ. Сказка как жанр дидактический, близкий басне, легко подчинялась художественным тенденциям классицизма. Отсюда в ранней сказке — заметный схематизм, значительная абстрактность в обрисовке характеров. У героев сказки на первых порах общее явно преобладало над индивидуальным.

В образной системе сказок рассматриваемая тенденция проявлялась в своеобразной «анонимности» персонажей, называемых общими, родовыми именами: скупой, вор, старик, прохожий, муж, жена, господин, слуга и т. д. Это сохранилось в сказке надолго. Не меняли дела и условные имена: Клеон, Темира и т. п. Склонность сказочников к абстрактной характеристике персонажа проявлялась в том

пристрастии к знаменательным фамилиям, которое было свойственно классицизму вообще: Брюзгин, Дурнев, Вякалкин, Вертушкин, Правдолюб, Всемир, Честон, Милана, Разврата. . .

Те же художественные принципы определяли и «психологический анализ» сказки. Набор чувств, которые приходилось переживать героям сказки, был весьма небогат, а сами чувства сводились к элементарным душевным движениям: любовь, ревность, страх, гнев, печаль, зависть и т. п. Сложных, противоречивых переживаний, их оттенков, переходов одного в другое сказка, как правило, особенно на первом этапе своего развития, не изображала. Такие принципы типизации отвечали задачам сказки как дидактического в своем генезисе жанра. Для обоснования определенной «морали» было достаточно схематического изображения характеров и переживаний.

Общий смысл выдвигался на первый план и в сюжете сказки. В результате сюжет приобретал условный, нередко аллегорический характер. Сюжетное событие не заимствовалось из жизни, а конструировалось в соответствии с необходимостью выразить «мораль». Такова, например, упоминавшаяся выше сказка Марина «Царь, пустынный и мужик». По воле автора эти далекие между собой в жизни персонажи сошлись вместе, чтобы царь мог услышать от пустытника объяснение того, почему бедный и угнетенный мужик спит спокойно, а он, царь, страдает бессонницей.

Далека от конкретности и бытопись в ранних сказках. Очень часто действие в сказке не приурочивается к определенному месту и времени. Так, в сказке «Маскарад» Н. Леонтьев удовлетворяется простым указанием на «множество забав», которыми «веселился» герой во время маскарада, на «огромный пир и бал», происходивший «где-то».

От конкретного описания места и обстановки действия, индивидуальных особенностей персонажа, его портрета отказываются сами авторы сказок. В этом отношении характерно начало сказки Княгинина «Судья и вор»:

Подлез, подкрался вор —
В ворота или на забор,
Нет нужды в этом;
Когда — зимой иль летом —
И в этом нужды нет.
О, как же любопытен свет!
Начни что сказывать, со спросами приступят
И ум рассказчика, хоть что, тотчас притупят.

Подробно им скажи о том, о сем:
Каков лицом?
Каков кудрями?
Каков бровями?
Велик ли рост?
И даже и о том, у вора есть ли хвост?
Довольно вам: его поймали,
Его связали
И привели к судьи.

Эта манера повествования оказалась настолько устойчивой, что один из поздних авторов, М. Н. Загоскин, говорит о ней, как о канонической для жанра:

Сюда, друзья, в кружок — я сказку начинаю:
В одной из двух столиц — а точно где, не знаю,
Положим, что в Москве — *для сказки всё равно*,
Тому назад не так чтобы давно. . .

Такая особенность художественного метода сказки объясняется двумя обстоятельствами. С одной стороны, повествователь стремится к тому, чтобы на примере раскрыть «мораль» сказки, и излишние подробности только затруднили бы решение этой задачи. Автор и в обрисовке характеров и в бытописи ограничивается необходимым. С другой стороны, рассказчик сказки, то есть повествовательного произведения, неизбежно увлекается сюжетом как таковым, хочет прежде всего рассказать о событии, о происшествии, как правило занимательном, часто комическом. Сюжет в сказке приобретает если не самодовлеющее, то преобладающее значение. Создание характера не становится основной задачей автора сказки.

Итак, в своем генезисе и первоначальном развитии сказка не отходила далеко от творческих принципов классицизма. Это, как мы видели, проявлялось и в приемах типизации, и в построении сюжета, и в бытописи сказки.

Однако в своих персонажах и сюжетах сказка была обращена в первую очередь к русской действительности, к современной жизни. Отсюда сказка черпала основной материал для своих образов и картин, сюжетов и бытовых сцен. Авторы сказок встречали своих героев вокруг и находили интересные для себя сюжеты в живой, реальной, национальной современности. Это вызывало интерес к ней, потребность в ее изображении. В этом коренилась очень важная тенденция жанра, противостоящая морализму и схематизму ранней сказки.

ки, — тенденция реально-бытового, а в конечном счете и реалистического изображения жизни. При этом необходимость обоснования выдвигаемого социально-этического положения требовала жизненной правды фактов, привлекаемых в качестве иллюстрации. Выдумка, неправдоподобие характеров и сюжета лишали бы их доказательной силы. И с этой стороны получало поддержку стихийное тяготение авторов сказок к формирующемуся реализму.

Таким образом, самый жанр сказки как содержательная форма не укладывался в рамки классицистской поэтики и метода. Можно утверждать, что сказка как жанр тяготела к выходу за пределы классицизма.

Освобождению от строгих норм классицизма способствовала и та свободная, непринужденная, шутливая манера повествования, которую усвоила сказка, и ее «простой», или «забавный», слог, который открывал широкий доступ в поэзию для живого, разговорного языка.

При этом сказка, естественно, сближалась с тем «реально-сатирическим направлением», значение которого для русской литературы XVIII века высоко оценил Белинский. Русский реализм начинается не с Пушкина, хотя автор «Евгения Онегина» и «Бориса Годунова» справедливо признается основоположником реалистического направления в русской литературе. Но это литературное направление, знаменовавшее коренной поворот искусства в сторону «поэзии действительности», было подготовлено длительным процессом становления реализма, продолжавшимся почти целое столетие. Среди жанров, которые способствовали формированию русского реализма, важное место занял жанр сказки. В этом смысле он стоит несколько особняком в системе жанров классицизма.

Уже первый русский сказочник, Сумароков, пытается в своих сказках создавать характеры, набросанные хотя бы отдельными, беглыми штрихами. П. Н. Берков справедливо замечает о притчах Сумарокова: «У него почти на каждом шагу встречаются образы-обобщения, имеющие социально-типический смысл». ¹ Это дает основание исследователю сделать вывод, что «в своих притчах Сумароков шел по пути, очень близкому к тому, который в XIX веке стал называться реалистическим». ²

Одним из больших достижений в жанре сказки следует признать известное стихотворение Хемницера «Метафизический ученик», или — в редакции Капниста — «Метафизик». Автором создан типичный

¹ П. Н. Берков, Жизненный и литературный путь А. П. Сумарокова. В кн.: А. П. Сумароков. Избранные произведения. «Б-ка поэта» (Б. с.), Л., 1957, с. 40.

² Там же.

характер глупца, который на обучение попал к «школьным врялям» и в результате стал с мнимой ученостью толковать о простых вещах. Типичный характер обрисован Хемницером и в басне «Лжец». В сказке Княжнина «Добрый совет» изображен сын откупщика, унаследовавший большое состояние и при его помощи добившийся дворянского звания и высокого общественного положения. Заключительные строки придают образу характер гротеска:

Спесив, заносчив, вспылчив, гневен,
Он нос пред всеми поднимал
И выше носа он плевал. . .

В той же сатирической манере Клушин в сказке «Лунатик поневоле» рисует комическую фигуру помещика, оставившего военную службу, чтобы на покое в деревне «штурмовать крестьян». В статье о сочинениях Дмитриева Вяземский высоко оценил типичность характеров автора «Модной жены»: Дмитриев «замечает то, что каждый из нас мог заметить; умея наблюдать, рассказывает то, что всякий мог рассказать, имея дар повествования. Модная жена — нам коротко знакомая, добрый супруг ее Пролаз. . . человек, с коим встречаемся на всех перекрестках, на всех обедах именинных и карточных вечеринках. Милвзор — образ всех угодников дамских». ¹ Эту особенность сказок Дмитриева Вяземский называет исторической верностью.

Сказки Сумарокова, Хемницера, Княжнина, Дмитриева, Измайлова, служившие основным источником для сделанных выше обобщений, достаточно известны. Ознакомление с творчеством менее известных сказочников показывает, что эти обобщения, с учетом различия в художественном уровне, можно распространить на обильный материал сказок, вышедших из-под пера второстепенных поэтов.

Николай Мацнев, сборник басен и сказок которого вышел в 1816 году, в сказке «Скупой и его сын» оригинально развивает традиционную тему скупости. Сын, заметив, что отец потихоньку от семьи ест спрятанные яблоки и при этом из жадности выбирает гнилые, подобрал ключ к сундуку и съел хорошие яблоки. На гневные упреки отца сын отвечает:

Я думал, папенька, большой беды тут нет.
Заметь, что всегда вы кушали гнилые,
То и никак не смел
Отведывать такие;
Я только лишь одни хорошие поел.

¹ П. А. Вяземский, Полн. собр. соч., т. 1, СПб., 1818, с. 144.

Сказочник 30-х годов Алексей Зилов в сказке «Наблюдатель» вывел помещика, который так любил смотреть в окно, что не замечал у себя за спиной проделок своей легкомысленной супруги. Интересна сказка «Сосед-приятель» одного из последних сказочников, Константина Цимбаллина, выпустившего в 1836 году сборник «Басни и сказки». Это вариация на сюжет «Демьяновой ухи» Крылова. Цимбаллин дает объяснение столь необычного гостеприимства. Оказывается, обед был приготовлен для другого, для барона Вернаке, начальщика хозяина.

Одним из наиболее законченных образов среди созданных сказкой в поздний период можно признать тип молодого дворянина, нарисованный Ф. Ф. Ивановым в сказке «Отшельник» (1815). Любим шел по жизни «стезей всечасных обольщений»:

Всё было у него: борзые, рысаки,
Блестящий экипаж, хор певчих, дураки!
Он сам — всегда одет по модному журналу,
И с *déjeuner dansant*¹ на бал, а к утру с балу
В таинственный, роскошный будуар,
...Где солнца растворенный жар
Сквозь завесы не жжет, лишь сладко согревает;
Где жадный взор считает
Свое блаженство в зеркалах...

Этот предшественник Онегина проводил время «в дружеских пирах, за чашей круговой, близ нимфы молодой», где лились рекою острые слова и шутки и куда его приглашали бесчисленные *billets-doux*.² Но Любим, предвосхищая Онегина, задумался о пустоте, бессмысленности такой жизни. Им овладела тоска. Он «летит в деревню», «в отцовский ветхий дом». Здесь пути героев расходятся. Среди бесхитростных людей Любим исцелился от своего недуга, а притаившуюся в душе скуку изгнал счастливым браком с Лизетой, которая давно питала страсть к герою.

В параллель к этой сказке можно указать бытописательное стихотворение Измайлова «Простодушная», в которой рассказывается о замужестве деревенской барышни Параши, которую мать с этой целью привезла в Москву.

По мере своего сближения с действительностью, по мере роста реалистических тенденций, сказка все полнее, конкретнее, вернее

¹ Завтрак с танцами (франц.). — *Ред.*

² Любовные письма (франц.). — *Ред.*

начинает отображать события и явления русской жизни. Сюжет и бытопись в сказке в той или иной мере освобождаются от прежней условности и отвлеченности. То и дело в сказке даются различные бытовые сценки: суд, свадьба, гулянье, игра в карты, в орлянку и т. д.

7

Сказка занимала свое место среди других жанров «забавной» поэмы: комическая поэма (в ее разновидностях), «легкая» поэма, сказочно-богатырская. Сказка была далека от поэмы как высокого жанра. Выразителен в этом отношении подзаголовок произведения Княжнина «Попугай», отсутствующий у Грессе, которому подражал русский поэт: «Если не поэма, так сказка». Смысл подзаголовка раскрывается во вступлении. Княжнин хочет *петь* попугая. Но, предвидя, что читатели будут смеяться над «незнатным кавалером», поэт пишет:

А если, чтоб я пел, на то не согласитесь,
Вы только не сердитесь,
Я вам и просто расскажу.

Здесь *рассказывание* противопоставляется *пению*. Если поэт «поет», то есть кого-нибудь воспевает, то получается поэма. Если же он «рассказывает», то есть просто повествует, — выходит сказка.

Нельзя отказать в меткости замечанию Н. П. Николаева, который считает неправильным, если стихотворец начинает «поэмы рассказывать как сказки, а сказки петь как поэмы».¹

В этом и заключается то основное, что отличает сказку от поэмы: поэма — жанр воспевающий, сказка — жанр рассказывающий.

Но, сближаясь по содержанию с прозаическим рассказом или повестью (новеллой), сказка по форме оставалась поэмой. Это способствовало сближению поэзии и прозы, резко разграниченных в эпоху классицизма. Сказка разрушала представление об особом — возвышенном — предмете поэзии, о поэзии как «языке богов». В стихах стало возможным говорить об обыденном, простом, даже низком, не прибегая при этом к условностям бурлескной или ироикомической поэмы, к сатире или комедии. Стихотворное повествование теперь могло быть не только воспеванием, но и простым рассказом. В поэзию вторгалась «презренная проза». Сказка, оставаясь стихотворным жанром, приближалась в своем речевом стиле к оби-

¹ Н. П. Николаев, Творения, ч. 3, М., 1796, с. 401.

ходно-разговорной речи. Этим подготавливалась почва для отказа от теории «трех стилей». Поэтическая речь сказки освобождалась от традиционных славянизмов и вообще слов и выражений высокого стиля. «В ... сказке нет места славянским словам», — писал Катенин в 1822 году.¹ Вместе с тем разрешалось с необходимой осторожностью и целесообразностью вводить в «средний» стиль слова и выражения «низкого» стиля. Все это способствовало устранению непреходимых преград между поэзией и прозой.

О значении сказки для определения средней или общей нормы национального русского литературного языка пишет В. В. Виноградов: «Работа над «сказочным» стилем с точки зрения Н. М. Карамзина и его литературных приверженцев была особенно необходима и важна для определения средней или общей нормы национального русского литературного языка. Ведь в области стихотворного повествовательного стиля, близкого к разговорной, обиходной речи и связанного с изображением быта, непринужденно и легко могло протекать смешение и взаимопроникновение книжного и устно-обиходного речевого начала».²

Это делает понятным, почему сказка сближается с теми жанрами своей эпохи, которые внесли некоторый вклад в процесс становления реализма в русской литературе: басней, сатирой, комической поэмой и т. д. Свой вклад в этот процесс внесла и сказка. Развиваясь вместе с другими, близкими к ней жанрами, сказка от моралистической аллегории шла к рассказу или повести в стихах. В этом состояла закономерность развития жанра. Но для того, чтобы полностью овладеть художественным методом реализма, чтобы стать причастной реалистическому направлению русской литературы, сложившемуся ко второй половине 20-х годов XIX столетия, сказка должна была освободиться от своей жанровой ограниченности и стать уже не сказкой в ее шаблонизировавшейся форме, а рассказом или повестью в стихах.

Если сказка за долгие годы своего существования переживала процесс модификации, не выведивший ее за пределы жанра, то теперь, в эпоху реализма, сказка вступила на путь трансформации, приведший ее к превращению в стихотворную повесть. Этот процесс характерен для творчества Пушкина, создавшего в «Графе Нулине» и «Домике в Коломне» новый жанр: реалистическую повесть в стихах. Это был, действительно, новый жанр. Однако рождение повести

¹ «Сын отечества», 1822, ч. 77, № 18, с. 176—177.

² В. В. Виноградов, Из наблюдений над языком и стилем И. И. Дмитриева. — «Материалы и исследования по истории русского литературного языка», т. 1, М.—Л., 1949, с. 194.

в стихах во многом обязано сказке, которая подготовила ее появление на свет, а сама должна была уступить место своей наследнице.

Связь повести в стихах с жанром сказки осознавал и автор «Графа Нулина». Заканчивая произведение, он пишет:

.. Граф уехал. . . Тем и сказка
Могла бы кончиться, друзья.

Несомненно, что Пушкин употребляет здесь этот термин не в том значении, в каком позднее будут названы сказками его произведения на фольклорные сюжеты, а в том, в каком он был широко принят в русской поэзии начиная с А. Сумарокова. В том же значении Пушкин называет «Графа Нулина» своей «бедной сказкой» («Опровержения на критики», 1830). Здесь же Пушкин прямо соотносит «Графа Нулина» с «Модной женой» как «прелестным образцом легкого и шутливого рассказа». ¹ Сказка как жанр была для Пушкина живым явлением. По поводу издания «Кавказского пленника» он писал Гнедичу 29 апреля 1822 года: «Назовите это стихотворение *сказкой*, повестью, поэмой или вовсе никак не называйте. . .» Здесь интересно не только обращение поэта к возможному обозначению жанра нового произведения, но и варианты, которые с его точки зрения являются возможными.

Понятие сказки как жанра было хорошо известно и Белинскому. Подобно Пушкину, он усматривает жанровую связь между «Графом Нулиным» и «Модной женой». Критик считает, что в русской литературе до «Графа Нулина» было «одно прекрасное (по своему времени) произведение вроде повести в стихах: мы говорим, — уточняет Белинский, — о «Модной жене» Дмитриева». ² Называя сказку Дмитриева произведением вроде повести в стихах, Белинский со свойственной ему пронизательностью определяет основную жанровую тенденцию сказки, ее содержательную форму: стихотворная бытовая повесть. Правда, у Дмитриева эта тенденция не нашла полного осуществления. Его сказки не стали, строго говоря, повестями в стихах. Отсюда — утверждение Белинского, что «сказка вроде «Модной жены» и «Причудницы» Дмитриева. . . давно отжила свой век». ³ Здесь нет противоречия тому, что раньше говорил сам же Белинский. Устарела традиционная, в известной мере условная, даже в лучших образцах, форма сказки. Не случайно рядом с названными

¹ А. С. Пушкин, Полн. собр. соч. в десяти томах, т. 7, М., 1958, с. 186—187.

² В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. 7, М., 1955, с. 440.

³ Там же, т. 8, с. 64.

произведениями Дмитриева Белинский упоминает сказку Батюшкова «Странствователь и домосед», форма которой, по мнению критика, устарела, как устарели фижмы и мушки, и появление которой поэтому не произвело «никакого особенного впечатления на современников». ¹ Иное дело — новый тип сказки, к которому Белинский относит не только «Графа Нулина», но и «Домик в Коломне». ² А рядом с этими произведениями он называет еще одно, которое, по исторически верному суждению критика, относится к тому же новому типу сказки, — «Казначейшу» Лермонтова. «Такая сказка может здравствовать и теперь», — пишет Белинский в другом месте, — хотя это и «претрудная вещь». ³

Связь «Тамбовской казначейши» с жанром сказки осознавал и Лермонтов. В начале поэмы он говорит:

Пишу Онегина размером;
Пою, друзья, на старый лад.
Прошу прослушать эту сказку!

а в конце замечает:

И вот конец печальной *были*
Иль сказки — выражусь прямой.

Дважды — в начале и в конце — называя свое произведение сказкой, Лермонтов, как и Пушкин, несомненно, имел в виду традиционный и достаточно популярный в его время жанр. Это подтверждается и термином *быль*, который поэт употребляет в качестве синонима к термину *сказка*. Не лишено интереса и некоторое сближение (повидимому, случайное) Лермонтова в сюжете со сказкой И. Аристова «Пистолет» (1805), где рассказывается о старом муже, который за червонцы разрешил молодой жене изменить ему с ее поклонником. По существу это мало чем отличается от поступка лермонтовского героя, поставившего на карту свою жену. Возможно, что заглавием «Сказка для детей» Лермонтов и начатую им повесть или роман в стихах связывал с той же жанровой традицией. Не случайно он во вступительных строфах обращается к понятиям «повести в стихах» и опять-таки — сказки: «Вот почему пишу я эту *сказку*».

В наши задачи не входит сравнительное изучение этих жанров. Укажем только на самое существенное их различие, отмеченное Белинским. В «Графе Нулине», как пишет Белинский, Пушкин создал *типы*, то есть яркие типичные образы, воплощенные средствами ре-

¹ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. 7, с. 643.

² Там же, т. 9, с. 567.

³ Там же, т. 8, с. 64.

листического искусства. Таковы не только главные персонажи, но и второстепенные образы: Параша — «это тип всех русских горничных, которые служат барыням нового, то есть пансионского образования». ¹ Сказка, как мы видели, только шла к реалистической типизации, с трудом освобождаясь от схематизма. Второе различие состоит в соотношении здесь шуточного и серьезного как эстетических категорий. Сказка тяготела к шуточно-иронической, комической трактовке персонажей и сюжетов. Свое суждение о сказке как «претрудной вещи» Белинский мотивирует тем, что «она в особенности требует юмора, а юмор есть столько же ум, сколько и талант». ² Для повести в стихах характерно преобладание серьезного начала в изображении характеров и событий.

Белинский намечает и перспективу складывающейся повести в стихах. Это — поэмы И. С. Тургенева. Критик под этим углом зрения высоко оценивает «Парашу», повесть в стихах, близкую не только к «Графу Нулину», но и к «Евгению Онегину». Особенно ценно его историко-литературное суждение о тургеньевском «Помещике»: снова обращаясь к линии «Модная жена» — «Граф Нулин» и «Домик в Коломне», Белинский продолжает эту линию к «Помещику». ³

Понятие сказки как шуточной повести в стихах Тургенев употребляет применительно к своей поэме в октавах «Поп», полностью напечатанной в России только в 1917 году:

. . . дошел я до развязки
Моей весьма немногосложной сказки.

Превращение сказки в стихотворную повесть показало, что этот когда-то популярный жанр отжил свое время. Как неожиданное и запоздалое воспринимается наименование «сказка», которое А. А. Фет применяет к своей поэме в октавах «Студент» (1884). Вообще же в литературе второй половины XIX века ни термин *сказка* в старом смысле, ни самый жанр уже не находят места. Но реалистическая повесть в стихах продолжает жить и развиваться. ⁴

А. Н. Соколов

¹ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. 7, с. 429.

² Там же, т. 8, с. 64.

³ Там же, т. 8, с. 64—65; т. 9, с. 567.

⁴ В соответствии с составом настоящего сборника мы говорим только об одной жанровой традиции, приведшей к возникновению повести в стихах — о сказке, оставляя в стороне такие традиции, как романтическая поэма и прозаическая повесть, имевшие для повести в стихах не меньшее значение.

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. НАСТАВНИК

Притча

Был некто нравов исправитель,
Великодушия любитель.
Скорбящих ободрял,
Печальных утешал.
Соседы все его героем почитали,
И все его слова в законы принимали.
Окрадут ли кого когда,
Иль кто болеет иногда,
Детей ли кто своих или жены лишится,
Или нападками невинный утеснится,
Всё по его словам то было не беда.
Имел жену он молодую,
А красотою каковую,
В том нужды нет;
Любовник и сову, любя, богиней чтет.
Но смерть любви не разбирает,
И не считает лет:
Всё ей равно, хоть внук, хоть дед.
Она его жену во младости ссекает.
Он бьется, и кричит, и волосы дерет,
И словом, так, как бык, ревет.
Отколе ни взялися,
Соседы собралися.
«Вспомни, говорят, наставник наш, что нам
Говаривал ты сам».
Он им отвечивал: «Как я давал законы
И тешил вас, свои советы подая,
В то время мерли ваши жены,
А ныне умерла моя».

<1755>

2. СКАЗКА

Мужик у мужика украл с двора корову
И, в городе продав, камку себе купил.
Купил, и к празднику скроил жене обнову.
С другого он двора быка себе стащил
И, ласку показав хозяйшке сугубу,
Сшил бострок, а теперь купил ей кунью шубу.
Молодка, на себя надев такой наряд,
Уж не работала, прелестна быть старалась,
И двум детинушкам угодна показалась.
Они нечаянно нашли как будто клад.
Подпали молодцы, она не покрепилась:
На что же и наряд, когда бы не склонилась?
Один из них был тот, чей бык намнясь пропал,
Другой — корова чья намнясь с двора пропала.
Молодка тайнства в себе не удержала:
Как тот, так и другой про воровство спознал.
Перед судьей тать подробно обличился;
Не знал, как вышло то, однако повинился.
Побит. И велено, как суд определил,
Чтоб тотчас он быка с коровой заплатил.
Как не тужить ему? Он плакал без отрады;
Пришло на рынок несть все женины наряды.
«Не плачь, любезный муж, — речь женина была,—
Тебя мне только жаль, а я свое взяла».

<1755>

3. СКАЗКА

Жил некакий мужик гораздо неубого,
Всего, что надобно для дому, было много,
И, словом, то сказать: сыта была душа.
Хотя он был и стар, однако не скрепился
И в старости своей на девушке женился;
А девушка была гораздо хороша.
Ему понравилось, при старости, приятство,
А ей понравилось, при младости, богатство,
И так желанье их в один попало лад.
Женился старичок, хотя и невпопад.

Прискучилося ей и день и ночь быть с дедом,
И познакомилась молодушка с соседом.
Велела некогда, как куры станут петь,
Придти молодчику повеселиться в клеть,
И, дав ему ключи, ждет полночи утешно.
Старик заснет, так ей всё будет беспомешно.
Пришел молодчик в клеть, а в тот же час на двор,
Как будто сговорясь, пришел за ним и вор;
И как ни крался он, собаки забрехали,
Хоть двери вору в клеть войти не помешали:
Не надобен обух, замка на дверях нет.
Подумал молодец, что старый хрыч идет;
Насилу вспомнился, как выкрасться оттоле,
А выкравшись, бежал, как уж неможно боле.
Собаки лаяли. «Ах, женушка, вставай, —
Муж старый говорил, — я слышу в доме лай.
Конечно, на дворе, моя голубка, воры».
Не нравны женушке те были разговоры;
Она сердилася безмерно на собак
И мужу говоря: «Собаки лают так».
Заснул старик; своя молодке воля стала.
Вскочила, из избы как можно уплетала.
Вбежала в клеть, и в ней соседушка быть мнит,
И говорит ему: «Теперь мой старый спит,
Потешимся с тобой». Изрядные потехи!
Хозяйка вору красть не сделала помехи.
Она пошла назад, а вор пошел домой,
И что он захватил, то всё унес с собой,
И говорил себе: «Хотя мне это странно,
Однако в эту ночь я счастлив несказанно».

<1755>

4. ТЕРПЕННЕ

Терпенье хорошо, об этом я не спорю,
Нравоучителей ни с кем я сим не ссорю.
Но мера есть во всем,
Подобно как и в нем.
Был некакий скупой, иль был домостроитель,
И за расходами подробный был смотритель.

Имел он лошадь иль коня;
 Какую шерстью, то едино для меня.
 Буланая ль была, гнедая, иль иная, —
 Пусть лошадь будет вороная.
 Случилось целый день хозяину не есть,
 И было то ему не очень тяжко снесть.
 «Умнее, — мыслит он, — я стал, пожив подоле.
 Хоть лошадь я свою, — сказал он, — и люблю,
 Но сена и овса я много тем гублю;
 Ни сена, ни овса не дам коню я боле,
 А летом я пущу гулять лошадку в поле.
 Я целый день не сл, однако я ведь жив;
 Пробыть без корму лъзя, мой вымысел нелжив:
 Терпенье никогда не сокращает века,
 А лошадь крепче человека».
 Постится лошадь день. «Жива ль она?» — «Жива».
 — «Сбылися, говорит, сбылись мои слова,
 Изряден опыт мой, изрядна и догадка».
 Еще постится день. «Жива ль моя лошадка?»
 — «Жива». — «Я ведал то;
 И корм терять начто?»
 Постится день еще; хозяин тем доволен.
 «Скажите: жив ли конь?» — «Конь жив, да только
 болен».
 — «Неможно, говорит, животному найтись,
 Которо бы могло без скорби обойтись».
 Постится день еще: легла лошадка в стойле,
 Не мыслит более о корме, ни о пойле.
 «Скажите: жив ли конь?» — «Конь жив, но чуть
 дышит».
 — «Не всяка, говорит, скорбь жизни нас лишит.
 Конечно, то припадки
 Холодной лихорадки».
 Постится день еще, и покидает свет.
 «Скажите: жив ли конь?» — «Коня уж больше нет».
 Хозяин закричал конюшему прегрозно:
 «Дай корму ты коню!» — «Теперь, сударь,
 уж поздно».

<1759>

5. СТАРИК СО СВОИМ СЫНОМ И ОСЕЛ

Один то так, другой то иначе зовет.
На свете разны нравы,
На свете разны правы;
Но всё ли то ловить, рекою что плывет?
Кто хочет,
Пускай хлопочет,
Пускай хохочет —
Хула не яд,
А без вины никто не попадетсЯ в ад.
Хулитель ко всему найдет себе привязку.
Я к этому скажу старинную вам сказку.
Ни года, месяца не помню, ни числа,
Как вел мужик дорогою осла.
С крестьянином был сын, мальчишка лет десятка;
Но то одна догадка;
Я в зубы не смотрел: да я ж не коновал,
И от роду в такой я школе не бывал.
Мужик был стар и с бороною.
С какой? с седою.
Прохожий, встретившись, смеялся мужику,
Как будто дураку,
И говорил: «Идут пешками,
А есть у них осел; ослы вы, видно, сами.
Не празден стал осел;
Крестьянин на него полез и сел.
Без шпор крестьянин был, толкал осла пятами.
Прохожий, встретившись, смеялся мужику,
Как будто дураку,
И говорил: «Конечно, брат, ты шумен
Или безумен;
Сам едешь ты верхом,
А мальчика с собой волочишь ты пешком».
Мужик с осла спустился,
А мальчик на осла и так, и сЯк,
Не знаю как,
Вскарабкался, взмогился.
Прохожий, встретившись, смеялся мужику,
Как будто дураку,
И говорил: «На глупость это схоже:

Мальчишка помоложе;
Так лучше он бы шел, когда б ты был умен,
А ты бы ехал, старый хрен».
Мужик осла еще навьютил
И на него себя и с бородою взрютил,
А парень таки там:
«Не будет уж теперь никто смеяться нам».
Ворчал мужик, предведав то сердечно:
«Конечно,
Я мышлю так и сам,
Никто смеяться уж не станет».
Известно то давно, что сердце не обманет.
Прохожий, встретившись, смеялся мужику,
Как будто дураку,
И говорил: «Старик и в грех не ставит,
Что так осла он давит,
А скоро седока и третьего прибавит».
Удачи нет: никто не хочет похвалить.
Не лучше ль на себя, мужик, осла взвалить?»
<1759>

6. БЕЗНОГИЙ СОЛДАТ

Солдат, которому в войне отшибли ноги,
Был отдан в монастырь, чтоб там кормить его,
А служки были строги
Для бедного сего.
Не мог там пищею несчастливый ласкаться
И жизни был не рад.
Оставил монастырь безногий сей солдат.
Ног нет; пополз и стал он по миру таскаться.
Я дело самое преважное имел,
Желая, чтоб никто тогда не зашумел;
Весь мозг, колико я его имею в теле,
Был в этом деле,
И голова была пуста.
Солдат, ползя с пустым лукошком,
Ворчал перед окошком:

«Дай милостинку кто мне, для́ ради Христа;
 Подайте, ради бога;
Я целый день не ел, и наступает ночь».
Я злился и кричал: «Ползи, негодный, прочь,
 Куда лежит тебе дорога;
Давно тебе пора, безногий, умирать;
Ползи, и не мешай мне в шахматы играть».
Ворчал солдат еще, но уж не предо мною,
Перед купеческой ворчал солдат женою.
 Я выглянул в окно,
 Мне стало то смешно,
 За что я спёрва злился,
И на безногого смотря, я веселился.
Идти ко всенощной была тогда пора.
Купецкая жена была уже стара
 И очень богомольна;
 Была вдова, и деньгами довольна:
Она с покойником в подрядах клад нашла.
 Молиться пеша шла;
Но не от бедности; да что, колико можно,
 Жила она набóжно:
Все дни ей пятница была и среда,
И мяса в десять лет не ела никогда;
Дни с три уже она не напивалась водки,
 А сверх того всегда
 Перебирала четки.
Солдат и ей о пище докучал,
 И то ж ворчал.
Защекотило ей его ворчанье в ухе,
И жалок был солдат набóжной сей старухе,
Прося, чтоб бедному полушку подала.
Заплакала вдова и в церковь побрела.
 Работник целый день копал из ряды
 На огороде гряды,
 И, встретившись несчастному сему,
Что выработал он, всё отдал то ему.
С ползущим воином работник сей свидетель,
В каком презрении прямая добродетель.

<1759>

7. СКУПОЙ

Ни шелега в мошне бедняжка не имел,
А воровати не хотел.
Занять нельзя; такие тут обряды,
Что надобны заклады
Да росты ради барыша;
А у него кафтан, рубашка да душа.
Закладов нет, он терпит голод
И холод.
«Мне лучше смерть», — бедняжка говорит,
И хочет отравиться;
Но яд не скоро уморит —
Пошел давиться.
Был дом старинный развалён,
Остатки только были стен.
Пошел туда бедняк; веревку вынимает;
К кирпичью гвоздь, наладя, прижимает
И почал колотить —
Стена обрушилась, и выпало отголе
Червонцев тысяча, иль, может быть, и боле;
Бедняжку лъзя всего теперь позолотить.
Бедняжка обомлел, в весельи тает,
Червонцы те хватает,
От радости дрожит
И, добычь ухватив, домой бежит.
Пришел хозяин дома:
Обрушена стена;
А деньги не солома,
Другая им цена.
Скупого сердце ноет,
Скупой кричит и воет:
«Сокровище мое! куда сокрылось ты?
Лишился я твоей навеки красоты.
Веселие мое и свет мой! я с тобою
Расстался самою лютейшею судьбою.
Погибни жизнь моя!
Сокровище мое! с тобой умру и я;
Не отменю сего я слова».
Скупой!
Веревка тут готова;
Пожалуй, лишнего не пой.

Однако он и сам не много норовился,
И удавился.
Доволен только тем ко смерти приступил,
Что он веревки не купил.
<1762>

8. КОШКА

Привычку одолеть гораздо трудно;
Природу одолеть гораздо чудно.
Я нечто вам теперь об этом предложу
И басенку скажу.
Я кошек не люблю и кошечья язЫка;
А больше мне всего противна их музыка.
Но был какой-то господин;
Хозяйки не имел и жил один;
И кошку, не в издевку,
Любил, как девуку;
Да кошка по его не знает говорить.
Просил богов, чтоб кошку претворить,
Чтоб кошка человеком стала
И под алмазами, как барыня, блистала.
Исполнили они желание его.
У кошки кошечья нет больше ничего.
На кошке фишбейная юбка
Из китовых усов,
Алмазы светятся из волосов;
И ходит кошка будто шлюпка,
Да только по сухом пути:
Водой пешком нельзя идти.
У кошки не один костей на юбке ярус,
А юбка дуется в погоду, будто парус.
Настал его желания конец:
Женился наш на кошке молодец.
И до приятнейша дошел часа и места:
Он лег, легла невеста.
Вдруг выбежала мышь. О, рок! О, случай злой!
Вскочила барыня за ней с одра долой;
Пресеклась барину потешиться дорожка.
Вскочила барыня — и стала кошка.

<1762>

9. ПРЯХИ

Не до издевок
Беседушкам тех девок,
Которым должно много прясть,
И коих, сверх того, позднечко спати класть;
И коим, сверх того, раненько просыпаться.
А льну никак нельзя всему перешипаться:
Как хочешь, так часы себе распоряди,
Лен вечно будет рость — так вечно и пряди.
Хозяйка некая была гораздо люта,
И всякая у ней в труде была минута
Вокруг веретена.

Однако прядла не она:
Служанки прядли;
И столько прядли,
И столько спали,

Как я уже сказал.
Полбасни я в заглавьи показал,
Полбасни к ней придвину
И расскажу оставшу половину.
Как солнышка стучится в двери свет,
Известно, что тогда петух поет.
В дому петух был этом;
И перед светом

Во всю кричал петух гортань: какореку!
Хозяйка, взяв клюку,
Служанок ворошила;
И прях перекрушила
И иссушила:

И лето, и зима, и осень, и весна
У девушек проходит безо сна.
Петух не винен,
Что голос у него не тих;
Петух не лих,
Петух был чинен;

Хозяища винна́, бесчинна и лиха.
Однако девушки убили петуха.
По преставлении певца хозяйка злая
Клюкою — трях,
Еще и ранее будила прях,

Бояся опоздать, на девок лая,
К работе девок посылая.
Хозяища кричит,
Хозяища рычит,
Клюку ко пряхам присуседя;
А девки, без певца, побудку ту наследя.
От волка убежав, попали на медведя.

<1762>

10. ОТСТРЕЛЕННАЯ НОГА

Слыхали ль вы пословицу когда:
Сокол горит любовью к соколихе,
Осетр ко осетрихе,
Осел к ослихе
А уж к ужихе?
Когда вы скажете мне — да,
Так я скажу тогда:
Крестьянке мил мужик, а князь княгине
И в старину, и ныне.
Так было то всегда.
Послушайте, о чем моя рассказка.
Читали ль надпись вы у черного орла?
Рассказ мой к этому прибаска.
Война была;
У полководца в ней ядро отшибло ногу,
Летело в ту оно дорогу.
Другой щелчок дала,
В другую полетев дорогу,
Солдату в ногу,
И ногу отняла.
Солдат, имея злу судьбину,
Кричит: «Ой! Ой!»
Бранит он бой.
Другие говорят: «Пожалуй, брат, не вой.
Пускай твоя нога пропала;
Получше здесь твоей нога отпала,
А ты солдат простой».
Солдат отвечает: «Фельдмаршала я ниже,
Но, ах! моя нога была ко мне поближе».

<1762>

11. СТАРЫЙ МУЖ И МОЛОДАЯ ЖЕНА

Был некакий старик и очень был богат;
Боярам был набитый брат
И знался с ними без препятства:
Куда они — туда и он.
Живущему среди богатства
Такой закон.
Но всё ему еще то было мало.
Чего ж еще недоставало?
Довольно у него
Всего,
В богатстве он до самой глотки.
Недостает ему молодки.
Женился мой старик.
Был сед, надел парик.
Молодушка прекрасна
В алмазах всякий день. В день с ним она согласна,
А ночью нет.
Старик без парика гораздо сед,
И тщетно он любви, жену целуя, просит;
Жена его имеет за врага.
Она алмазы носит,
А он рога.

<1762>

12. ЗЛАЯ ЖЕНА И ОТЧАЯННЫЙ МУЖ

Кто зляй на свете всех, когда кто это спросит,
Иные говорят: «Иль повар, или псарь»,
Иные говорят: «Бездушный секретарь,
Который истину на рынок носит».
Иные говорят: «Нет зляе сатаны,
Побольше он дерзает,
Он дух терзает».
А я скажу: зляй нет на свете злой жены.
Черт меньше бабы злой во злое мчится дело;
Он мучит только дух, а та и дух и тело.
Навек
Злой девке отдался какой-то человек.
Что девке отдался, какое это чудо?

Злой девке отдался, гораздо это худо.
Женился, а она, в нем душу сокруша
 И тело мужне иссуша,
 Имела ту находку:
Отчаянный супруг пускает рыло в водку,
Которая ему перехватила глотку
 И сделала чахотку.
Харон ему кричит: «Ступай ко мне ты в лодку:
Еще и не пришел твоей кончины срок,
Но лютая жена переменяла рок».

<1762>

18. СОВЕТ БОЯРСКИЙ

Надежных не было лесов, лугов и пашни,
 Доколе не был дан
 России Иоанн,
Великолепные в Кремле воздвигший башни.
В России не было спокойного часа,
 Опустошались нивы,
 И были в пламени леса.
Татара, бодрствуя, несясь под небеса,
 Зря, сколь ленивы
Идти во праздности живущие на брань,
 И те с нас брали дань,
Которые уже воззреть тогда не смеют,
Как наши знаменá явятся и возвеют.
 Они готовы ныне нам,
 Как мы им были, во услугу.
Не всё на свете быть единым временам.
Несут татара страх российским сторонам,
И разорили уж и Тулу, и Калугу.
Пред россами они в сии дни грязь и прах,
Однако нанесли тогда России страх.
 Уже к Москве подходят
И жителей Москвы ко трепету приводят.
Татара многожды с успехами дрались.
 Бояра собрались
Ко совещанию на разные ответы
 И делают советы.
В совете том боярин некий был.

От старости сей муж, где Крым лежит, забыл.

Бояра

Внимают мужа стара.

А он спросил у них: «Отколь идут татары?»

— «С полудни», — говорят. — «Где полдень?

Я не знаю».

— «От Тулы их поход». — «Я это вспоминаю;

Бывал я некогда с охотой псовой там,

И много зайцов весьма по тем местам.

Я вам вещаю

В ответ,

И мнение свое вам ясно сообщаю:

В татарской мне войне ни малой нужды нет,

И больше ничего сказать не обещаю.

Меня татарин не сожжет

И мне не сделает ... увечья

Среди Замоскворечья.

Распоряжайте вы, а мой ответ такой:

Мой дом не за Москвой-рекой».

1773 или 1774

14. ПАРИСОВ СУД

У парников сидели три богини,

Чтоб их судил Парис, а сами ели дыни.

Российской то сказал нам древности толмач

И стихоткач,

Который сочинил какой-то глупый плач

Без склада

И без лада.

Богини были тут: Паллада,

Юнона

И мать Купидона.

Юнона подавилась,

Парису для того прекрасной не явилась;

Минерва

Напилась, как стерва;

Венера

Парису кажется прекрасна без примера,

Хотя и все прекрасны были:

Прекрасны таковы Любовь, Надежда, Вера.

А сидя обнажась, весь стыд они забыли.

Парис на суд хоть сел,
Однако был он глуп, как лóсось иль осел.
Кокетку сей судья двум бабам предпочел,
И рассердил он их, как пчельник в улье пчел.

И делу он прочел
Экстракт и протокол.
Дий за это его не взрютил чуть на кол.

Венера возгордилась,
Дочь Мозгова зардилась,
Юнона рассердилась,
Приама за это остригла и обрила
И Трою разорила.

1774 или 1775

15. ХВАСТУН

Шел некто городом, но града не был житель;

Из дальних был он стран,
И лгать ему талант привычкою был дан.

За ним его служитель,
Слуга наемный был, из города сего,
Не из отечества его.

Вещает господин ему вещанья новы
И говорит ему: «В моей земле коровы
Не менее слонов».

Слуга ему плетет и сам рассказен ков:
«Я чаю, пуда в три такой коровы вымя;
Слонихой лучше бы ей было дати имя.
Я думаю, у ней один полпуда хвост.

А мы имеем мост,
К нему теперь подходим,
По всякий день на нем диковинку находим.
Когда взойдет на средину,
Кто в оный день солжет, мост тотчас разойдется,
Лишь только лжец найдется;

А лжец падет во глубину».
Проезжий говорит: «Коровы-то с верблюда,
А то бы очень был велик коровий хвост.
Слоновьева звена не взрютишь на три блюда;
А ты скажи еще, каков, бишь, ваш-ат мост?»

— «А мост-ат наш таков, как я сказал, конечно».

— «Такой имети мост,
Мой друг, бесчеловечно.
Коровы-то у нас
Поболе, как у вас;

А мост-ат ваш каков?» — «Сказал уже я это;
У нас же и зимой рекам весна и лето:

Нам

Мосты всегда потребны по рекам».

— «Коровы-то и здесь такие ж, как и там;
Мне только на́ этот час ложно показалось,
И оттого-то всё неловко и сказалось;

А мост-ат ваш каков?»

— «Как я сказал, таков».

Проезжий говорил: «Коль это без обману,
Так я через реку у вас ходить не стану».

16. ДЕРЕВЕНСКИЕ БАБЫ

Во всей деревне шум,
Нельзя собрати дум,
Мешается весь ум:
Шумят сердиты бабы.
Когда одна шумит,

Так кажется тогда, что будто гром гремит;

Известно, голоса сердитых баб не слабы.

Льет баба злобу всю, сердитая, до дна,

Несносно слышати, когда шумит одна.

В деревне слышится везде Ксантиппа древня,

И зашумела вся от лютых баб деревня;

Вселенную хотят потрясть.

О чем они кричат? — Прискучилось им прять;

Со пряжей неразлучно

В углу сидети скучно

И в скуке завсегда за гребнем воздыхать.

Хотят они пахать.

Иль труд такой одним мужчинам только сроден?

А в поле воздух чист, приятен и свободен.

«Не нравно, говорят, всегда здесь быть:

Сиди,
Пряди

И только на углы избы своей гляди.
Пряди и муж, когда сей труд ему угоден».

Мужья прядут,

А бабы все пахать и сеяти идут.

Бесплодны нивы, будто тины,

И пляшет худо вертено:

В сей год деревне не дано

Ни хлеба, ни холстины.

17. ПРИГЧА

Что в книгах мы читаем,
Тем мысль свою питаем,
Тем нравы чистим иногда.
Нередко книга тем мудрится,
Чему неможно сбыться,
Но верим ей всегда.
Чтоб сделать к чтению привязку,
Сказать хочу я сказку;
Быль то была, иль нет,
Как хочет судит свет.
Поехал житель из Тобольска
Смотреть китайска войска;
Прошла такая весть,
Что там гусары есть.
Тот житель кушал водку,
В дорогу напился,
И в путь он поднялся,
В морскую севши лодку.
Дорога далека,
А море — не река.
Писав о здоре,
В Пекин плыть через море,
Велики чудеса!
(Однако кажется то очень вероятно).
Он в лодке ехал чрез леса;
Вот это самому мне непонятно!
Путь в лодке лесом туг,
И поднялась погода вдруг!

Ужасным вихрем закрутило,
И голову с пловца схватило.
Читатель, этому ты веры не поймешь.
Но для чего за былль ты иногда берешь,
Где правдой предают тебе безумну ложь, —
Коль веришь им, верь мне, и я здесь брежу тож.

<1760>

18. ВДОВА В СУДЕ

Убит муж на войне; жена вдова осталась
И в горести своей стенала и терзалась:
«Кому вдовство мое, — вещает, — защитить?
И как остаток мне пожитку сохранить?»
Грустила год о том и с грусти умирала,
А умираючи, деревни потеряла.
Бессовестной душе обиду такую
Не жалко произвесть, чтоб разорить вдову.
Чтоб выздороветь ей — таков устав был неба,
Устав грабителей ей был — сидеть без хлеба,
Таскаться по миру и прицепить суму.
Тягаться с ябедой не женскому уму.
Слезами облившись, под окна потащилась
И божьим именем несчастная кормилась.
Подав полушку ей, дал некто сей совет:
«В суде побей челом о деревнях, мой свет;
Не век тебе с сумой и в рубищах таскаться».
Она отвечает: «С чем в суд мне показаться?
Кто что мне ни подаст, я только тем кормлюсь;
Подьячие берут, так чем я поделюсь?»
— «Есть люди добрые, — ей говорят, — и тамо;
О деле говорить поди к судьям ты прямо».
Она, то выслушав, надежду что дают,
К судье приходит в дом — ан, всеошну поют.
Она хотя тот день почти куска не ела,
Но богомольщика дожидаться захотела.
Авось и он что даст. Как всеошну отпел:
«Увидеть лзья ль судью?» — «Нет! спать судья
пошел».

Слуги столкать с двора голодну осудили.

Вдова та просит, чтоб в подклеть ее пустили.
«Нам тесно и без вас», — ответствовали ей
И дали тут толчок на ужин из дверей.
Заплакав, заклялась вдругорь к душам быть адским.
Пошел, попалася на улице десятским;
Без фонаря она, ей то в вину причли,
В полицию ее назавтра отвели.
Посажена в тюрьму, пришла ее кончина.
Чем выкупиться ей? — у ней нет ни алтына.
Напрасно бедная твердила та жена,
Что до конца во всем разорена она.
Суперники ее подьячих подкупили,
И бедную вдову в остроге уморили.
Пример нам подает несчастная вдова,
Надежда в свете сем на правду какова.
Кто защищение и помощь потеряет,
Тот с справедливостью в гоненьи умирает.

<1760>

19. С УМА СШЕДШИЙ ПОДЬЯЧИЙ

Подьячий, взятки брав, с ума сошел
И о делах своих, как соловей, запел.
Пошел подьячий в шутку,
Хотя и без рассудку;
Всех со смеху морил
Затем, что иногда как умный говорил.
Понравились проказы;
Он стал бранить приказы,
Всем тайну открывал,
Как там он воровал.
«Куда как сыти были!
Бывало, — говорит, — строк десять напиши —
Ладонь посеребрили.
Бери и не жалея лишь только ты души.
Испортить доброму мне дело дворянину
Нимало страху нет.
Пока к судье пойдет,
Я отнесу судье из взятка половину.
Вдова иль сирота, мне это всё равно,
Я дело напишу, дай денег на вино,

*Дай денег, и в другой раз денег принеси,
О том же в третий раз ты с деньгами проси.
Дай денег для моих, проситель, именин,
Дай денег на вино, дай денег для родин.
Дай денег — у меня ребята сироты,
Дай денег — напишу; без денег — ни черты.
Такой-то деньги брать имел я прежде повод;
Дай денег всякий мне, а сам терпи ты голод.
Теперь уж полно воровать,
Понеже не с кого мне взять».
Подьячий, разума лишась, лишен доходу
И разорения не делает народу;
Однако у других толстеет же сума.
Не лучше ли сойтить и всем ворам с ума?*

<1760>

20. ПРИТЧА

Был некто пьяница и очень часто пил,
Весьма вино любил,
И думал, без вина на свете очень скушно,
Затем, что пьяному всё на свете послушно.
Напившись, уступить не хочет никому,
И море кажется за лужицу ему.
Хоть стену прошибить,
Хотя слона убить,
То пьяному не чудо;
Он хвастает о всем и мыслит, то не худо.
Но что мне до того?
Я пьяницу сего
Не этим уличаю.
Был храбр он или нет? — за то не отвечаю.
Пускай он был труслив,
Пускай был в пьянстве лжив,
Пускай он был бесчестен:
О том я не известен.
Какое пил вино?
И то мне всё равно.
Довольно, что он пил, чтобы напиться пьяну.
Чем напивался он? — я отвечать не стану.
Пил цельное вино? или в нем был примес?

Не знаю, он вина мне капли не поднес.
Да что мне в том и дела:
Вино жар делало иль водка мысли грела?
Довольно, что пивал,
Ложился иль вставал.
Так некогда забравши хмелю,
В похмельи на неделю,
Поутру рано встал
И головою пошатал:
«Мне надобно теперь опохмелиться» —
Ему вот это снится.
Взял кружку он вина,
Она была полна,
Ни в капле полноте он тут не лицемерил.
Велика ль кружка та? Я, истинно, не мерил.
С постели пьяный слез,
И руку он занес;
Как ястреб воробья, схватил свою он кружку,
Насытил пьяну душу,
Похмелье заморил,
Тотчас заговорил:
«Я пушек не боюсь,
Стреляй в меня — не пошатнуся».
Потом вина еще хватил стакан
И стал побольше пьян.
Расхоробрился он и, стерши с губы пену,
Вскричал: «Я в миг один столкну мизинцем стену».
Бодрясь, хлебнул еще стакан; потом опять
Кричит: «Меня теперь всем светом не связать;
Один на всех пойду,
И в робость приведу».
При третьей кружке он, не выпив половины,
Кричит: «Я раздавлю кремень скорее глины;
А правая рука
Закинет десять пуд за самы облака».
Четвертый выпил он, бодряся мыслью сею:
«Вставь в землю мне кольцо — поворочу землею».
При пятом больше врал; но только прихлебнул,
Споткнулся пьяница, упал, тут и заснул.
Без хмелю многие так смело рассуждают
И, храбростью пустой напившись, всех пужают;

Но если к делу их без шуток приведут,
Как этот пьяница, споткнутся и заснут.
Отвага и буйнство
Есть то же, что и пьянство.

<1760>

21. КЛАД

Сказка

Один
Веселый господин,
Лишась великого дохода,
Который в картах пролетел,
Тужил, и кинуться он в воду
От бедности хотел.
Смерть лучше жизни числит,
И тако мыслит:
«Чем голодом мереть
И от стыда гореть,
Не лучше ль умереть?»
Пришло намеренье, пришло и не в издевку:
Бедняк сыскал веревку.
И веселяся он души своей вредом,
Приходит в старый дом,
Веревку прицепить трудится.
Начто? На ней чтоб удузиться.
Крепка ль была она
И твердо ль прицепилась —
Худа была стена
И тотчас развалилась.
Богатство сыплется и золото к нему.
Что было размышлять в том случае ему?
Не в удав лезть он мыслит,
Не деньги числит.
Оставил удав там, а золото домой
Несет счастливец мой;
Во всю свою дорогу
Благодарит за жизнь и за червонцы богу.
Покамест тот домой с находкою бежал,
Хрыч старый к своему шел кладу и дрожал.

Прости скупого утешенье,
Прости и разум, и терпенье,
Простите денежки, их нет, стена пуста.
Ошарил там он все места
И норки все ошарил —
Нигде поклажи нет.
Он в грудь себя ударил
И, плача, вопиет:
«Не жаль уж мне души, мою украли душу,
И тело я разрушу.
Пойду я утоплюсь,
Пойду я удавлюсь.
На месте моего сокровища золотого
И петля здесь готова;
И чуть ли не оно
В нее обращено.
Так можно ли, чтоб с ним я расступился».
Безумец в петлю влез, вздохнул и удавился.
Нашел богатый клад несчастна дворянина,
А петля — господина.
За то, что деньги век скупой ему копил,
Веревку тот ему покрепче прицепил.
Нередко то бывает,
Что век свой так скупой кончает;
И что он соберет со множеством хлопот,
Наследует тому земля, иль вор, иль мот.

<1761>

22. ЖИВОПИСЕЦ И САПОЖНИК

Давно пословица на свете сем твердится,
Что всякий ведай то, кто в свет к чему родится.
Умеют стряпчие безделье говорить,
А докторá людей морить,
Портные красть сукно и шить кафтаны,
Купцы искусны на обманы.
Кто в свете сделан для чего,
Так дело то его.
Однако, сей закон пренебрегая смело,
Мешаются в чужое дело;

И с петиметром спор заводит философ,
 Что будто он чесать не смыслит волосов,
 Как тайну эту
 Открыло естество всему учену свету.
 Другой, не доучась и по складам читать,
 Разумные дела стремится просвистать
 И цену у того пред всеми отнимает,
 Чего не понимает.
 В каком-то городе, а точно где, забыл,
 Искусный живописец был.
 Художник был разумен
 И честолюбием не шумен.
 Он мастерство свое на рынок вывозил
 И слушал, если кто о деле худо скажет,
 Так он погрешности замажет.
 Героя наконец письмом изобразил.
 Сапожник, мимо шед, глаза свои уставил
 (Не всё таскаются по рынку простяки)
 И говорит: «Куда как кривы башмаки!»
 Кривые башмаки наш мастер переправил
 И выставил опять картину напоказ.
 Сапожник и в другой приходит раз.
 Он думает надежно,
 Что всё уж от его поправки неизбежно.
 И говорит ему: «Совсем теперь герой,
 Да в платье худ покрой».
 Но мастер, будучи в том мнения иного,
 Сказал: «Приятель мой,
 Для этой критики пришли ко мне портного,
 А ты ступай домой».

<1761>

23. ДРОВОСЕК

Не много на свое искусство уповай
 И воли быстрому желанью не давай,
 Держись, при том держись, что сделать разумеешь.
 За всё хватаясь, напрасно лишь потеешь.
 Крестьянин негде был,
 Дрова рубил;

Для этакой науки
К профессору не лезь,
Имей топор да руки,
Так мастер тут и весь.

А мой крестьянин был дрова рубить охотник,
И вздумалось ему, что он столяр и плотник;
Такими думами себя он веселил
И сосну с кореня претолстую свалил.
Колоду вырубя, мужик колоду гладит,
Из ней корыто ладит.

Долбил,
Рубил;

Колода вся изрыта,
Однако не было и виду в ней корыта,
Не так пошел топор.

А плотник на упор
Еще колоду роет,

Да не корыто уж, теперь он ковшик строит.
Сказал: «Не возвращусь домой без барыша,

Добьюсь ковша».

Сертит, потеет,
А ковш не спеет;

Топор и долото
Работают не то;

Долбушка сделалась да некакие рожки.

Не вышел ковш, так выдут ложки.

Стал мастер ложки выдолбать,

Считает в ужине обновкой щи хлебать.

Скажи, Минерва, мне, художеств мастерица,

Чем кончил наш мудрец?

Что вышло из его работы наконец?

Спица.

<1763>

24. ПРЕВРАЩЕНИЕ КЛЕВЕТНИКА В РАКОВИНУ

Скажи, о! Муза, мне, за что и как отмщен
Всемирный клеветник, во что преобращен?
Ты, Муза, ведаешь мою сердечну тайну;
Со мной имеешь ты беседу обычайну,

И ведаешь, конечно, ты,
Что в повести моей ни капли нет мечты.
Был злобный клеветник и свой устав хранил,
Устав клеветников. Какой? Весь свет бранил.

О, сила пагубна устава!

Ты общества отравя,
Клеветников забава.

Стихами часто я клеветников дарю

И будто бы о деле говорю.

Но чаще все твердят и чаще каждый пишет,

О чем кто чаще слышит,

А нам о клеветах истории варит,

Не чужестранными словами говорит.

Теперь я предложу один пример нарочно,

Пишу, что слышал я и что я видел точно.

Нешадный клеветник яд в сердце растравил

И ближнего язвил;

Достоинства людские малил,

И, словом, заключить — он всех вредил и жалил,

По всем местам свою музыку разносил,

И в уши каждому по оной голосил.

А если не было готового припасу,

Так ложью наводил речам своим прикрасу.

Толико лжей сорил,

Толико говорил,

И так привык острить языком вести колки,

Что стал его язык острее конца иголки;

И ненавистью став на всех людей разжжен,

С мужьями ссорил жен.

А ссорить научась всех в свете чередую,

Поссорить бы умел и рыбу он с водою.

Сбирались некогда рассказа поучить

И нрав его поправить,

Из тела выбить дух и дьяволу вручить,

И дьявола сего из общества убавить.

Лишь руку на него отмститель мой занес,

Увидел действие неслыханных чудес:

Уста, которые на ближних яд мешали,

Раздуты стали.

На оных запеклись ругательны слова

И шумова из них свилася голова.

Что спрашивать о том, куда девалось тело?

Ругать клеветнику далось едино дело.
Во превращении он нам себя явит,
В головке шумовой душой и телом свит;
И ныне лишь приставь головку эту к уху,
Тотчас коснется шум необычайный слуху.
Привычки клеветник своей не отстаёт,
Охочим до вестей нескладицу поёт.
Он в жизни лишь шумел, шумит еще по смерти;
Живали черти в нем, живут и ныне черти.

<1763>

25. НЕУДАЧА СТИХОТВОРЦА

Сказка

Не должно таковых пиитов ставить рядом,
Которы для своей забавы лишь поют,
С такими, кои петь примаются с подрядом
И свой бездельный труд, как лапти, продают.
У Федра баснь сия, но та не в этом виде;
Он рассказывает в ней о славном Симониде,
Как некогда его Поллукс от смерти спас.
А я переменю ее во образ сказки,
И тем, читатели мои! потешу вас.
Сердитесь теперь, гудошники парнасски,
И все свои гудки наладьте на меня,
Когда до вас дойдут сии худые вести;
Но я вам истину скажу без всякой лести,
Что вы не своего седлаете коня
И мчитесь на Парнас... Я боле слов не трачу,
А только вам скажу писцову неудачу,
Который также вздор не думавши певал
И всякому его за деньги продавал.
В то время сговорил скупяга пребогатый,
О коем вам теперь я в сказке предложу;
Но кто он и на ком сосватан, не скажу,
Лишь только я сие о нем изображу,
Что он хотел в числе скотины быть рогатой.
Сей деньгами певца на это подманил,
Чтоб он ему стихи на свадьбу сочинил.
Певец с ним о цене условился заране
И мнит, что денежки в его уже кармане.

Уже впевака мой тащится на Парнас,
Варит для жениха стихи он, как ушное,
Кладет в уху сию чеснок и ананас;
И подлинно сварил он кушанье смешное.
Но как был ум певцов немножко туповат,
Иль попросту сказать, певец был глуповат,
А жениховых дел границы были тесны,
На коих он свои все мысли истощил,
Помчался мой певец в селения небесны,
Венеру с облаков на свадьбу притащил,
Не думав жениху соделать тем обиды,
Не пожалел стащить отголе и Купиды,
Которые отнюдь на свадьбу не званы.
Но только были им стихи поднесены,
Не полюбилася Венера молодому,
А боле нелюб стал Купида для него:
Несчастливого певца толкает вон из дому,
Отдавши только треть цены за труд его.
«Не черти ль звать, — кричит, — гостей тебе велели?
Мы нужды никакой в Венере не имели,
Ниже в ее сынке, нам тесно и без них,
Ступай же, и проси с них денег остальных».

<1772>

26. МУЖ, ЧЕРТ И ЖЕНА

Причта

Жениться хорошо, я в этом признаюсь;
Ошибка лишь страшна, я злой жены боюсь.
О злой жене скажу я басенку чужую;
 Вот слушайте какую.
Как был я лет шести и ничего не знал,
 От мамки я слышал,
Что негде, некогда и кто-то жил, не знаю.
 Да что нам нужды до того?
 Начто нам знать его?
И басню не о том свою я предлагаю.
 Он был женат
 И был жене не рад.
 Имел жену он злую,
 Такую,
 Которая ругала всех,
 И то не почитала в грех;
 И на него всегда сердилась
 И бранилась.
 Не знает он, как быть,
 И как жену изжить.
Жена его, как ржа железо, проедает,
 Всегда бранит, ругает.
Он некогда гулять с женою в лес пошел;
В лесу провальную трясину он нашел.
 Грех в ум к нему втеснился:
 На грех он покусился.
Не ведаю я, как жену он обманул,
В провальную ее трясину он толкнул;

Жена в тряси́ну провалилась,
И как от злой жены вселенна свободилась.
 Что стал он не женат,
 Сперва тому был рад.
Однако на конец не так муж рассуждает;
Опять искать жену идти он помышляет.
 Он в лес пришел,
И яму ту в лесу провальную нашел;
Нашел, и в яму он веревку опускает;
Из ямы не жену, он черта вынимает.
«Зачем ты, дедушка?» — он черта вопрошал.
«Там стало жить нельзя, — ему черт отвечал, —
 Жена нас злая выживает
 И всем надоедает;
 Досад ее нельзя сносить».

О чудо! с злой женой нельзя и черту жить.

<1761>

27. ССОРА У СЕСТЕР

Вчера в гостях я был;
Хозяин так меня заговорил,
 Что ужинать я тут остался.
Услышали в полночь, в передней крик раздался;
 Увидели, к нам женщина бежит,
 И плачет, и кричит.
«Укройте бедную от ночи, — нам сказала, —
Я к вам пристанища просити прибежала».
 Соседка то его была.
Мы думали, она постигнута бедою:
Нет, только что с своей поссорилась сестрою.
Начто природа в свет злых жен произвела!

<1761>

28. ПОДЬЯЧНИЙ И УЧЕНИК

Не трудно воровать,
 Да трудно отвечать.
Подьячий в воровстве, не знаю как, попался,
 И высечен за то;

Да это бы ничто;
Лишь худо, что с доходами расстался:
Он
За плутни выбит из приказа вон.
Так чем ему питаться?
«Не по миру скитаться, —
Он мыслит. — Как же быть?
Ведь надо хлеб найти».
Учить писать он начинает,
Хоть сам аза
В глаза
Не знает.
Начто ж ему и знать?
Не в истинну учить он хочет — воровать;
Чтоб деньги обирать
Да пропивать.
Однако не всегда обманывать удастся,
И самому в обман случается попасться.
Пришел к нему учиться ученик,
Не мальчик ученик — и сам, как он, велик;
Однако не старик.
«Охотно учиться, — подьячий рассуждает, —
Куда прилежен он! и сна, учась, не знает».
Однако то не так.
Подьячий, ты дурак!
Хотя твоя душа
Воровка
И плутовка,
Однако ж не колдовка.
Прилежен, что твоя хозяйка хороша:
Он учится от скуки
Иной у ней науке.

<1761>

29. НЕУДАЧЛИВОЕ ПОЛЕ

Вчера я на охоте был,
Собаками зверей травил;
У всех перед брал в поле:
Хотелось затравить поболе.
Однако ж ничего, а прочие травили,

Которые не так до зайцев жадны были.
Я этот случай мой к иному приложу

И вам скажу:

Нередко тот, кто многого желает,
Так меньше получает;
А лучше то хотеть,
Что можно нам иметь.

<1761>

30. БЫЛЬ

Кто очень на кого озлится,
 Бездельником бранится.
 Давно я то слышал,
 Да сам не знал,
Откуда брань такая происходит.
 До нас что не доходит,
 Не знаем часто мы того.
 Не знал и я сего,
Почем *бездельник* брань всех пуще досаждаёт
 И всех язвительней бывает.
Бранчливых убегать старался я всегда
И так не ссорился ни с кем и никогда.
Мне думать нужды в жизнь не доходило,
Какое б слово всех досадней в брани было.
 А ныне случай мне то сведать дал,
О чем я никогда не думал, не гадал.
 Был из Камчатки здесь, а кто, не знаю.
Я часто, что хочу упомнить, забываю.
 Забыл,
Как он по имени и по прозванью слыл.
 Собою,
Хотя один лишь раз он вместе был со мною,
 Хоть прежде я его не знал
 И не видал,
 Но из лица мне показалось,
 Что больше жил, как жить ему осталось.
И хоть уже был стар, однако не спесив;

Сперва подумалось нам, он не говорлив,
И показался лишь степенен;
А в мыслях ото всех не очень нас отменен.
Как говорили все и всякий начинал,
Он всё молчал,
Не приставал
Приятный крик тот множить;
Боялся говорить, чтоб всех не потревожить.
Начату кончить мысль привычку он имел,
А этого-то тут никто и не хотел.
Какое мыслей быть уж может окончанье,
Иль доказанье,
Когда у всякого желанье,
Не думав ничего, кричать,
И всё лишь начинать,
Хоть век начатого не окончать,
В том нужды нет, довольно, что начать.
И так в собраньи том шумели и кричали
До тех пор, как устали.
Старик,
Как крик
Немного утишился,
Не знаю как, разговорился.
Мы оглянулись: он о чем-то рассуждал,
А с кем, так тот молчал;
Как сами все крича поутомели,
Так старика послушать захотели.
Один по одному
Все подошли к нему.
Не знаю, для чего старик так полюбился,
Что всякий впереди желал быть и теснился.
Он русский был,
Но здесь недолго жил,
И весь почти свой век в Камчатке проводил;
Однако чисто он по-русски говорил,
Во всем понятно изъяснялся
И наш язык чужим украсить не старался;
В язык он русский слов французских не мешал
И силы тем своим речам не придавал.
Но как-то у него всё кстати приходило;
По-русски говорил, а складно как-то было;
И много слышали тогда мы от него

Такого кой-чего,
Что сколько языков мы все ни знали,
Хоть всеми б теми вдруг слагали,
Хотя бы ото всех их речи занимали,
И мыслям бы своим тем силу придавали,
Но чуть могли ль бы мы себя в том изъяснить,
И чуть бы тем кто мог доволен столько быть,
Сколь он мог всем нам угодить.

Мы, слушая его, довольней были,
Как нежели тогда, как все вдруг говорили;
И тут-то сведали мы от него,

Чего

Ни от кого мы прежде не слыхали
И все не знали.

Он сказывал, что, как еще в Камчатке был,
В каком-то долго он местечке тамо жил,

И говорил:

«В нем было жителей по-тамошни немало,

И не бывало

У них между собой

Век ссоры никакой;

Спокойно жили,

Друг друга все любили,

Друг к другу все ходили;

Один лишь был там камчадал,

Который столько всем надоедал,

Что никуда его с собою не пускали,

Отвсюда выгоняли,

И по делам его ему и имя дали,

Мы так его все звали. . .»

По-камчадалски тут он что-то нам сказал.

Что значило оно, из нас никто не знал.

Желанье сведать то старик в нас примечая

И речь не прерывая:

«Лъзя это, — говорил, — по-русски перевесть:

На нашем языке такое слово есть,

И в свойственном оно у нас употребленьи;

Мы точно говорим его в том означеньи:

У нас *бездельник* значит то,

Что

У них то имя означало;

И от того ж берет свое начало».

Старик последни лишь слова проговорил,
Так в мыслях наших он и обвинен уж был.

 Которые из нас побольше знали
 И на себя потверже уповали,
Один перед другим как можно успевали
И старика в его незнаньи обвиняли.

 Вскричали все: «Нельзя никак
 Тому быть так,
 Чтоб точно то *бездельник* означало,
 И от того ж брало б свое начало;
Коль обстоятельно хотим мы рассуждать,
 Так должно следствию причины знать
 И в следствии причин всех проникать;
А инак ничего нельзя нам утверждать.
Бездельник речь у нас от злости зачалася
 И в брани родилася;
 Она сама собой,
 Окроме брани лишь одной,
 Не значит ничего другого,
 Поступка никакого
 Не изъясняет нам.

 А имя то, что камчадалу там
Дано с согласия всех по его делам,
Так то от дел его брало свое начало
И точные его поступки означало.

 Итак,
 То, может, значило дурак,
 Вор, пьяница, иль плут, мошенник,
Иль что подобное, не точно лишь *бездельник*».
Как закричали все, старик наш замолчал;
Как утишился крик, старик нам отвечал,
 И вот что нам сказал в ответе:

 «Конечно, есть *бездельники* на свете.
Несчастливы вы, что их не тщитесь познавать:
Они вред обществу, их должно убежать;
 Знакомейшим они опасны,
Кто меньше им знаком, тем меньше те несчастны.
 На свете много есть людей таких,

 Чьих
Поступок речь *бездельник* означенье,
И точно от их дел ее происхожденье;
 Бездельник подлинно тот в свете человек,

Который весь свой век,
Что худо, что добро, о том не помышляет,
И мыслей никогда своих не разбирает;
Не любит никого,
А любит больше всех себя лишь одного,
Однако всем желает полюбиться
И всячески понравиться всем тщится,
Любя

Лишь одного себя.
Пред всеми всякого ругает;
Чем более кого он знает,
Тем больше на того вздыхает;
И часто выдумкой хорошей прикрывает,
И иногда у тех в желаньях получает;
Во лжи иного он удачно уверяет.
Нередко честные и с истиной своей
В несчастья живут от таковых людей».

Старик, нас научая
И речь свою кончая,
Сие проговорил:
«Немного мне уж жить, я долго в свете был.
Не дай бог, чтоб мне в жизнь знаком бездельник
был».

Полезно с стариком таким нам всем случаться,
Которого речью мы можем научиться.
Сем к этому еще я нечто приложу,
Иль нет, *бездельство* то, вперед когда скажу.

<1761>

31. ПРИТЧА

В селе, не знаю где, мужик какой-то жил,
Заживен был
И славен;
Но то немудрено: в работе был исправен;
Боярин жаловал и награждал его.
Бывало, не жалел труда он своего;
Куда ни пошлетя, всё делал так, как должно:
Исправен был во всем, сколь быть исправну можно.
Мужик работы исправлял,
А барин мужичка любил и награждал.

Боярин жалует, так то не утаится,
В селе промчится.
Узнали, мужичка боярин полюбил,
Хоть он и до того знаком всем сельским был;
Он честно жил,
Так все его любили,
И все к нему ходили.
А тут и более, да как и не ходить,
Словечко доброе всяк тщится заслужить.
Не знаю, нуждица какая-то случилась,
Хозяйка с мужичком надолго разлучилась;
Усерден он, и барин знал,
Так потому его куда-то вдруг услал.
Хозяйка с муженьком рассталась
И во дворе своем сама больша́ осталась;
Разлука тяжела, да сколько ни тужить,
Тому же быть.
Крестьянско дело не свободно:
То делать надобно, что барину угодно;
Так барин захотел,
Так барин повелел.
Расставшись с милою женою, муж хоть тужит,
Но радуется тем, что барину он служит.
Хозяйке тяжело хозяина не зреть
И в доме не иметь.
Но слыша, что его там всякий похваляет,
Довольна: муженек работу исправляет.
Хозяин работáл
И барину своей работой угождал.
Хозяйка, разлучась, и в горе и в надежде;
Хозяина хоть нет, а в доме, как и прежде
При нем, и без него премножество гостей:
Все сельские почти по всякий день у ней.
Она всех хорошо примала,
Сажала
И ласкала.
Умела в свете жить,
Умела угостить.
Любили все в селе ее и знали,
И первым домом там ее дом почитали.
А в том селе в одном дворе подросток жил,

Лет двадцати он был,
Ни в чем не упражнялся,
По улицам шатался.
Кого ни знал,
На всех он лгал,
И от лганья его иные пострадали,
За что все звали
Его лгуном
И шатуном.
Не знаю, как-то он у ней случился
И с прочими в знакомство к ней втеснился;
Спознавшись с детьми ее, им начал лгать,
Всех сельских клеветать.
Когда же в чьем другом он доме прилучится,
Взаимно лжет на них и угодить всем тщится.
О небо! и поднесь ты не казнишь его;
У нас такой шатун опаснее всего.
И коль такие здесь счастливо будут жить,
Так в обществе людей не может честный быть.

<1761>

32. СКАЗКА

Хотелось дьявольскому духу,
Поссорить мужа чтоб с женой.
Не могли сделать то собой,
Бес подкупил одну старуху,
Чтоб клеветою их смутить,
И обещал за то ей плату.
Она, обрадовавшись злату,
Не отреклась ему служить.
И, следуя чертовской воле,
К жене на тот же день пошла,
За прялкою ее нашла;
А муж пахать поехал в поле.
«Здорова ль, кумушка, живешь? —
Старуха спрашивать так стала. —
Я с весточкою прибежала,
Что очень скоро ты умрешь».
Потом старуха напрямки
Жене сказала так об муже:
«Нельзя того быть, матка, хуже, —
Ты от его умрешь руки:
Он в кузницу ходил нарошно,
Чтоб нож себе большой сковать.
Я, право, не хочу солгать,
Мне то подслушать было можно,
Как он назад дорогой шел,
Тебя зарезать похвалялся,
И нож на поясе мотался.
Смотри, чтоб впрямь не заколол.
Я дам тебе траву такую:

Как будешь при себе держать,
То муж не станет нападать
И отменит к тебе мысль злую.
Да только, свет мой, не забудь,
Побереги младого веку,
Или не сделал бы калеку.
Лишь он войдет, траву брось в грудь.
Когда б тебя я не любила,
То бы совету не дала;
Я не хочу тебе вить зла.
Прости, и помни, как учила». —
Лукавая хрычовка та
Тотчас и к мужу побежала;
Его там на поле сыскала.
«Я бегала во все места, —
Старуха говорит с слезами. —
Еще ты, батюшка мой, жив!
Поди теперь домой ты с нив;
Поди, своими ты глазами
Увидишь женину любовь.
Она, увидевшись со мною,
Сказала мне, с надеждой тою,
Что злости буду я покров,
Как встретишься, вошел, ты с нею,
То бросит той травой в тебя,
Котору держит у себя,
Чтобы пошел ты в землю ею.
Тебя мне, ей-ей! батька, жаль!
И не жалеть о том невозможно,
Когда б жена твоя безбожно
Намеренье свершила вдаль.
Вот нож тебе, возьми скорее;
Поди к жене теперь, поди
И злость ее предупреди,
Зарежь злодейку, не жалея.
Увидишь правду ты мою,
Когда увидишься с женою.
А чтоб не умер ты травую,
То я тебе совет даю,
Чтоб нож вонзить ей прямо в груди.
А ежели не так воткнешь,
То от травы тотчас умрешь:

Так говорят все стары люди». Мужик, сию услыша весть,
Упал тогда старухе в ноги.
В слезах не видит он дороги,
Спешит скоряй на лошадь сесть.
Дивится жениной он злобе,
За что б озлилась так она;
Смущеньем мысль его полна:
Не хочется быть рано в гробе.
Приехал только лишь домой,
Жена его тотчас встречает
И мниму злость предупреждает:
В грудь бросила ему травой.
Мужик взбесился, зря то ясно,
Что хочет уморить жена.
«Постой, — вскричал, — уж злость видна.
Узнал, как с мужем ты согласна.
Не думай, чтоб свершила зло:
Умри, коль смерти мне желаешь;
Сама себя теперь караешь,
Тебе злодейство то дало».
Сказав то, вынул нож ужасный,
Вонзил жене невинной в грудь.
«Что муж тебе я, ты забудь,
Коль мне не хочешь быть подвластной.
Умри, проклятая душа,
Коль мужа умертвить хотела,
Себя ты тем не пожалела».
Жена тогда, едва дыша,
Сказала мужу, умирая,
Что смерть приемлет без вины
И что старухой смущены:
«Она, безбожница, нас злая
С тобою разлучила ввек».
Узнал и муж тогда старуху,
Но уж жена лишилась духу.
Жалел, что жизнь ее пресек.
Но мужнее тогда жаленье,
Хотя и каялся в вине,
Уж поздно было о жене,
И невозвратно то лишение.
А ту хрычовку сатана,

За женину ножом утрату,
Во аде наградил в заплату,
Чтоб вечно мучилась она.
Читатель! сказку ты читая,
Жалей о тех, жалей со мной,
Которы гибнут клеветой,
Безвинно жизнь окончивая.
Найдем и много мы старух,
Которых злость развраты множит,
Чего и дьявол сам не может,
Чтобы поссорить в дружбе двух.
Клеветники — у черта сети,
Которыми он ловит тех,
Что, кроме истины, утех
Неправдой не хотят имети.

<1761>

33. СКАЗКА

С младенчества одна мать сына баловала:
Боялася отдать в ученье очень мала.
Сыночек час от часу повыше подрастал,
В семнадцать вырос лет; еще, ей мнилось, мал.
И так он взрос урод из мужеского полу.
Уж двадцати был лет, как мать послала в школу;
Но он учиться уж и сам не захотел,
Когда и без того проворен был и смел.
Хоть в школе не бывал, но понял сын науку
В карманы простирает свою десную руку.
И словом, был он вор, искусный был он тать.
Сыновню промыслу обрадовалась мать:
Не спрашивает, где дитя любезно крадет,
Дивится разуму и по головке гладит,
Что сын на всякий день приносит прибыль ей;
Нашла она покой в нем старости своей.
Попался в руки вор, пришла его судьбина;
Ведут за воровство на виселицу сына.
Окроме матери, все люди вопиют,
Что казни сей давно такой достоин плут.
Увидел сын тогда, но то уж было поздно,

Что умирает он от матушки так грозно,
Что не народ его, но мать губит сама,
Что не старалась вложить в него ума.
Еще не клал палач удав ему на шею,
Он вздумал матери отместить, прощаясь с нею.
Просил в последний раз, чтоб мать призвать
к нему;

Для вопля матерня, дозволено ему.
Лишь только мать его обняла со слезами,
Поцеловавшись, он отгрыз ей нос зубами,
Сказав: «Когда бы я издетства в страхе рос,
Не вешали б меня и цел бы твой был нос».

<1761>

34. ПОСЛОВИЦА

Змея хоть умирает,
А зелья всё хватает —
Пословица есть у людей.
Скажу в пример я сказку к ней.
Которого не помню года,
Ко облегчению народа
Скончал свой век
Приказный человек,
То есть подьячий,
Который в самый век еще ребячий
Был выучен просить за труд.
Но скоро понял ту науку —
Крючком держать, протягши, руку,
Пока ему дадут.
И сверх того он был изрядный плут.
И прочие крючки завидовали вору,
Что драл со всякого он взятки без разбору,
Лишь только б где ему случилось обмочить
Перо в чернила.
Состарился крючок, и уж слабела сила
За труд просить.
Приходит смерть к нему с косою,
Велит, чтоб он дела приказные бросал
И больше не писал.
Подьячий, ухватя чернильницу рукою,

Другую протянул, уже лишася сил,
И с смерти за труды просил.
Сбылась пословица: змея хоть умирает,
А зелья всё хватает.

<1761>

35. СКУПОЙ

Притча

Какую пользу тот в сокровищах имеет,
Кто в землю прячет их и ими не владеет?
Живет в провинции скупяк
И хочет вечно жить, дурак,
Затем что предки жили так.
По дедовскому он примеру
И по старинному манеру
Имеет к деньгам веру;
Не бреет никогда усов,
Не курчит волосов:
У прадеда его они бывали прямы,
Который прятывал всегда богатство в ямы.
Таков был дедушка, отец, и сын таков.
Когда он при конце впоследствии рот разинул,
Едва успел сказать жене,
Что деньги он в земле покинул,
В саду, в такой-то стороне,
Но чтоб не трогать их, — он умер с тем заветом.
Жена, не тронув их, простилась после с светом.
Вступил в наследство внук;
Но деньги те еще людских не знают рук:
По завещанью он зарыл их в землю ниже,
Как будто для того, чтоб были к черту ближе.

<1761>

36. БАСНЯ НА ПОСЛОВИЦУ

•ВОЛЯ СО МНОЮ ТВОЯ, А ПО ПРАВДЕ УСАДЬБА МОЯ•

Какой-то добрый сад, —
Не ведаю, каким случаем, — нажил славу,
Что есть в саду под грушей клад,

И многие твердят
То вправду иль в забаву.
Другие требуют доводов и примет,
Без коих верной правды нет.
Родился спор в народе,
И каждый, в мысленной свободе,
За спором бился об заклад,
Что есть иль нет под грушей клад.
Чтоб в споре успокоить души,
В саду искоренить потребно было груши,
Без дела, невпопад.
Но сад хозяину и груши нужны были;
Хозяин вспомнил то, что спорщики забыли:
«Я с вами, — им сказал, — не бился об заклад;
Представлю только вам, что мне мой нужен сад».

<1783>

37. ДВА ПРОХОЖИХ И РЕКА

Лицом Фортуна хоть лепа,
Со всей своей красой слепа,
 Не смотрит на доброты,
Но кто ей в руки попадет,
 Тому свои щедроты
 С обильностью дает.

Нередко у нее достоинства в презренье,
 А недостатки в почтенье,
 И что
 Не ложно то,
Читатель, докажу примером, и в развязку
 Скажу я сказку.

Прохожих двое шло, а назывались как,
Не знаю; но из них был умный и дурак.
 Пришли к реке
 Они широкой;
 В ней мутная вода была:
Там умный заключил, ей быть весьма глубокой,
 Что с тихостью текла.
 А за рекою
Стоял там истукан и с надписью такою:
 «Кто оную реку прейдет,
 Тот здесь найдет
Несчетное число сокровища драгого».

 Читая надпись, умный мнит:
«Не для меня сие, но знать, что для другого;
Меня жизнь более всего на свете льстит.

И к получению боюся покуситься,
На дно чтоб не пуститься». —
А глупый тот урод,
Не мысля ни о чем, и как другой бы в брод,
Без страха
Он бросился с размаха.
Реку прешел, добычу взял.
А умный, зря сие, главою покачал.
Итак, из сих прохожих ясно:
Всё, что ни есть,
Без счастья напрасно —
И ум и честь.

<1763>

88. ВРАЧ ИЗ САПОЖНИКА

Худой сапожник был, к тому ж весьма убогой,
Кой инде хлеба стал искать другой дорогой
И вздумал стать врачом, оставя ремесло;
За тем в незнаемо он перешел село,
И тамо, продая фальшивые лекарства,
Посредством оног вошел он в знать коварства.
По случаю тех стран владетель захворал
И нового врача искусство знать желал.
Призвав его, велел подать сосуд проворно,
А сам с лекарством стал мешать в нем яд притворно
И обещал врачу за то награду дать,
Когда отважится лекарство он принять.
Несмысленный глупец тут смерти убоился,
И совестно царю в том случае признался,
Что лекарской вовек науки он не знал,
Но от людской молвы беспутной славен стал.
Услышав от него сие признание са́мо
И о незнании его изведав прямо,
В то ж время сбзвал царь к себе градских вельмож
И нового врача открыл обман и ложь:
«Сколь легкомысленны теперь вы обличились,
Что вверить жизнь свою тому не усумнились,
Которому никто сего не поручил,
Чтоб обувь на ноги такой безумец сшил».

К чему же сей прилог касается, открою:
А как я право мню, то баснею такую
Тех заключается безумцев в свете род,
От коих глупости живет бесстыдный плод.

<1764>

89. ВЛЮБИВШАЯСЯ СТАРУХА И ДЕВИЦА

Хоть любят щеголи, хоть щеголей — красавы,
Но из кармана жать сок — жен обычны нравы.

Влюбилась женщина в детину средних лет,
Умевша старости не оказать примет,
Затем что гладилась, ложилась, щеголяла;
Его ж красой своей и девушка пленяла.
Желали равных лет казаться обе с ним,
И средством доказать старались то одним,
Начав из головы рвать волосы подруги.
Он, мня, что кудри вьют и холят для услуги,
Без черных и седых волос стал, как ладонь:
Те старая, сии ж рвала младая вон,

<1764>

40. ПОРТНОЙ И ОБЕЗЬЯНА

Баснь

Был некто из портных искусный человек;
Искусство в воровстве портные почитают,
А иначе они портным не называют;
Портной мой крал весь век.
Каким-то случаем достал он обезьяну;
Купил или украл, я спрашивать не стану.
Довольно мне того, что он ее имел.
И, сделав ей кафтан, мартышку приодел.
Гордясь, мартышка в нем портного дух пленяет,
Портной и день и ночь мартышку лобызает,
Покинув ремесло, он только лишь зевает
И всё веселие свое считает в ней,
Зовя ее всегда любезною своей.
Что нажил ремеслом, что крал он без разбору,
Лишь только б нравилось его завистну взору,
То всё он полагал к мартышкиной красе,
Которая ему приятней всех казалась,
Которую любя, пренебрегал он все,
Чем вся его семья весь век бы пропиталась.
Мартышка так жила, нельзя как лучше жить,
Мартышку все в дому старались любить
Во угождение искусному портному,
Который своему хозяином был дому.
Что нам приятнее на свете сем всего,
Обыкновенно мы лишаемся того.
Так точно с честным сим портным тогда случилось,
Несносное ему несчастье приключилось.

Болезнь мартышкина с ума его свела
И к совершенному несчастью привела.

Мартышка умирает
И жизнь свою кончает.

Веселье всё его с мартышкой погибает.

«Что делать, говорит, когда несчастлив я;
Теперь уж кончится утеха вся моя».

Мартышка жалоб тех нимало не внимает
И, страждя долго, дух последний испускает,
Оставя в праздности портного по себе,
Который стал пенять за смерть ее судьбе.

И жалобы свои он к небу воссылает,
Виною смерти сей себя он признавает.

«Конечно, говорит, за то наказан я
И отнята за то утеха вся моя,

Что всё имение мне воровством досталось,

Что я у всякого кафтана крал сукно,

И кражу ту я клал отчасти на вино,
А прочее моей мартышке оставалось.

Конечно, оттого мартышка умерла,
Которая одна утехой мне была.

Я стану честно жить и красть уж перестану,
Опять примуся шить.

О! если б не украл я эту обезьяну,

Мне было бы еще чем дом свой прокормить».

Ты поздно воздыхать теперь уже хватился

И поздно уж теперь не хочешь воровать;

Когда б чужого ты добра не льстился взять,

То б и с богатством ты мартышки не лишился.

41. СОБАКА НА СЕНЕ

Ни самому не брать
И людям не давать —
У всех завистливых такие странны правы,
И те уставы
У них затверждены;
Такие нравы
От злого сатаны
Сим ядом зависти живут повреждены;
И если он себя не пользует благим,
Однако же отнюдь не хочет дать другим.
А к этому скажу старинную я сказку.
Но где, о муза, где возьму такую краску,
Дабы живее мог я зависть описать?
Один хозяин был, — смирен иль забияка,
Того нельзя сказать,
Чего не знаю,
Лишь то напоминаю.
Хозяин был, а у него — собака,
Которая свою жизнь счастливо вела:
Один с ним ела кус, а нá сене спала;
Спала, его не ела,
Да только лишь того собака не терпела,
Чтобы хозяйская скотина сено ела;
Корова ли придет, иль лошадь сено есть,
Собака всё на них от зависти ворчала
И тем скотине всей безмерно докучала.
Хотя скотина вся просила сена в честь,
Собака не внимала
И к сену не пускала,
А и сама не ест.

Хозяин то приметил
И делом сметил,
Что в псе велика злость.
Он, взявши трость,
Которая была потолще и полена,
А именно он взявши пест,
Погнал собаку с сена,
Притом ей говорил: «Поди-тко, друг мой гость,
Под лавку ляг и там гложи вчерашню кость,
Которая тебе осталась от обеда,
Коль честь тебе не в честь;
Травы тебе не есть,
А ешь-ко то, что ест собака у соседа,
А это дай другим, кто может это есть».
Пошла собака с сена,
Боль чувствуя в боку.
О, чудная премена!
Собаки той кровать досталась съесть быку.

<1763>

42. ПОВАР И ПОРТНОЙ

Удобней повару и жарить, и варить,
Как о поваренном портному говорить.
Не знаю было где, в Литве ли, или в Польше,
Тот ведает про то, кто ведает побольше.
Я знаю только то, что ехал пан,
А ехал из гостей, так ехал пьян.
Навстречу вдруг прохожий,
И сшелся с паном рожа с рожей.
Пан спесью и вином надут,
Под паном двое слуг коня его ведут.
Конь гордо выступает,
Пан в спеси утопает,
Подобно как петух.
За паном много едет слуг.
А встретившийся с ним в одежде идет скудной.
Пан спрашивал его, как человек рассудный:
«Какое ремесло имеешь за собой?»
— «Приспешник, государь, стоит перед тобой».

— «Коль так, ответствуй мне, доколь не плюну в рожу:
Когда приспешник ты, так знаешь ли ты вкус,

Что считаешь ты за лучший кус?»

— «У жареного поросенка кожу», —

Ответствовал приспешник так.

— «Ты — повар не дурак, —

Пан говорил ему, — и дал ответ мне смело:

Поэтому свое ты прямо знаешь дело».

И по словам его пан щедро наградил,

Подобно как отец, хотя и не родил.

Приспешник с радости мой, поднимая ноги,

Помчался вдоль дороги.

Навстречу повару дорогой шел одной,

А кто? Портной.

Знакомцы оба,

Притом же и друзья, хотя и не до гроба,

Однако же друзья.

«Куда ты, брат Илья,

Бежишь поспешно?»

Другой отвечает: «Теперь уж я

Скажу смеленько, брат, что мастерство приспешно

Получше твоего;

Не знаешь ничего

Ты, пьяница Петрушка,

Что будет у Ильи великая пирушка!

Взгляни на мой карман:

Довольны мы с женою оба,

И не прожить нам с ней до гроба,

Что дал нам пан,

Который лишь теперь проехал пьян».

И вытянул мешок со златом он с лисенка:

«Вот что от пана я достал за поросенка!» —

И денежки в мешочке показал,

Притом всё бытие приятелю сказал.

Портной, на деньги глядя, тает,

Из зависти он много их считает

И помышляет так:

«Конечно, пан — дурак,

Что дал за поросенка

Мешок он золота с лисенка;

И сам я побегу

И господина настигу;

И если мудрость вся лишь в коже поросячей,
Так я его обрею, как подьячий».

Сказав сии слова,
Пустилась в путь безумна голова.

Пан ехал тихо,
Портной бежал мой лихо

И вмиг
Боярина настиг.
Кричит: «Постой, боярин!

Я не татарин
И не срублю;
Я не имею сабли,
Не погублю.

Все члены у меня в бегании ослабли.

Приспешник я, не вор».

Пан, слыша разговор

И видя за спиною

Бегущего не вора с дубинюю,

Коня сдержал.

Портняжка прибежал,

Пыхтит и, как собака, рьяет,

И чуть зевает,

Лишася бегом сил.

Тогда его боярин спросил:

«Зачем ты, скот, за мною

Без памяти бежал?

Лишь только ты меня, безумец, испужал;

Я думал, что бежит разбойник с дубинюю».

Портняжка говорит: «Не вор я, государь!»

А пан ему на то: «Какая же ты тварь?»

— «Я мастерство, — сказал, — приспешное имею,

И хорошо варить и жарить я умею».

Пан тотчас спросил: «Что слаще у быка?»

Сказал безумец: «Кожа».

Тотчас раздулися у повара бока и рожа,

И брюхо, и спина,

Плетьми ободрана.

Пошел портняжка прочь неспешно

И плачет неутешно —

Клянет боярина и мастерство приспешно.

<1766>

43. ВОР И ПОДЬЯЧИЙ

Пойман вор в разбое,
Имел поличное, колечко золотое,
Которое пред тем с подьячего склевал
В ту ночь, как вор сего воришка разбивал;
Хотя подьячего так звать неосторожно,
Однако ж взятки их почесть разбоем можно, —
Затем я назвал так.
Подьячий не дурак,
Да только что бездельник;
Он вора обличал,
Что точно у него кольцо свое узнал,
И с тем еще других пожитков он искал.
На то в ответ сказал подьячему мошенник:
«Когда меня за то достоин бить кнутом,
Так должно и тебя пытаться, подьячий, в том:
Когда родитель твой жил очень небогато,
Откуда ж у тебя сие взялося злато?
Разбойник я ночной,
А ты дневной;
Скажу я и без пытки,
Что я пожитки
У вора крал,
Который всех людей безвинных обирал.
С тобою мы равны, хоть на весах нас взвесить;
И если должно нас, так обоих повесить».

<1766>

44. СКУПОЙ

Живал-бывал старик, а в нем была душа,
Котора издержать жалела и гроша;
Чрез что скопил себе он денег много,
И столько строго,
Как стойк, жил;
Ел хлеб и воду пил,
И только мой старик лишь денежки копил
И их любил,
Любил он страстно;
Издёргать их ему казалось напрасно.

Но пользы нет,
Хотя б во области имел он целый свет
И злата б множество в дому его лежало:
Скупому прибыли в богатстве нет нимало.

Он —

Как Молиеров Гарпагон
Или каков у Федра есть дракон,
Который на своем богатстве почивает,
А Сумароков называет
Такого дураком

И стражем своего имения,
Которому в нем нет увеселенья.

Детина с стариком
Был свой или знаком —

За подлинно я вас не уверяю,
А только прежнее я слово повторяю:
Детина с стариком в едином доме жил
И спал с ним на одной постеле,
А пил и ел ту ж воду, тот же хлеб,
Чрез что его душа едва держалась в теле;
Но взять детине где б
Послаще съесть кусок? Уж скучил той он пищей.

Скупой живет, как нищий;
Все деньги заключил

В неволе у себя, без прибыли народу,
Без пользы и себе; ест хлеб и пьет он воду.

Детина ту тюрьму хотел освободить
И бедных пленников на волю испустить.

Старается о том и денно он и ночью,
Влюбился в денежки детина и заочно;
Желает страстно он мешки пересчитать,
И стал он наконец любовник, а не тать;

Имея сердце нежно,
Старается прилежно.

Детина был удал;

Он, время улуча, желанье исполняет;
Взял деньги, а мешки песком все наполняет,

А деньгам волю дал.

Старик еще сего несчастья не знает,
Мешки свои с песком за деньги почитает.
Но некогда он класть проценты вскрыл сундук;
Поворотя мешок, не тот услышал стук,

Кой прежде в нем бывал. Старик тут удивился,
Вскричал: «Ахти, пропал, я денежек лишился!»

В беспамятстве упал.

Опомнясь и в тоске у петли уж стоял:

Он с деньгами хотел и живота лишиться.

Детина тут сказал: «Доколь тебе крушиться?»

Невозвратно что,

Жалеть о том почто?

Престань, одумайся, прерви рыданье слезно,

Ведь деньги у тебя лежали бесполезно.

Богатства для тебя довольно в сундуке,

И надобность одна — что в деньгах, что в песке».

<1766>

45. О ХУЛИТЕЛЕ ЧУЖИХ ДЕЛ

О вы, охотники других дела судить,

Внемлите, я хочу вас басней наградить.

Как сами хотите, вы так ее толкуйте

И по привычке злой меня покритуайте.

Хвал ваших не хочу,

Доволен только тем, что я вас поучу.

В великолепном доме

Жил некакий старик,

Который завсегда к работе приобк,

А спал он на соломе.

У старого была старуха и жена.

Старухе в голову вложил сам сатана

Завидовать боярской неге,

И говорит: «Мы спим в худом наслеге,

Боярин наш всегда лежит в пуховике,

И с барыней, как мышь, зарылся он в муке.

Он насыщается всегда хорошим вкусом,

А мы питаемся негодным самым кусом».

Старик на то в ответ: «Я барину не брат».

Старуха сетует: «Адам в том виноват,

Что мы с боярами живем не в равной доле».

— «Неправда, — отвечал старик, — но Ева боле

Виновна нашей доле.

Когда б она его наказанным плодом

В раю не искусила,
Так был бы рай наш дом:
Я дров бы не рубил, а ты бы не носила,
И жил бы я в раю, как знатный дворянин».
Подслушав их слова тихонько, господин
Велел тотчас давать им честь с собой едицу.
Старухе не гнетут дрова горбату спину,
Старик не рубит дров,
Она их не таскает;
Им стол всегда готов,
И мягко старичок с старушкой почивает.
На дюжине им блюд
Пирожного с жарким и соусов дают.
Но только промеж тем становливалась чаша,
Закрытая всегда. «Так то еда не ваша», —
Боярин им сказал
И раскрывать ее им крепко заказал.
Довольны старички сей пищей близ недели.
Старуха говорит: «Из чашки мы не ели.
Знать, пища в ней других послаще вложена?
Отведаем ее». Старик на то: «Жена!
Вить барин заказал вскрывать нам это блюдо;
А ежели его мы вскроем, будет худо».
— «И, батька-старичок! худой в тебе провор;
Кто вынесет сей сор из горницы на двор,
Что в чашу мы глядели?
Вить мы еще ее глазами не поели,
Мы прежде поглядим,
И ежели нам лъзя, так мы и поядим,
А ежели нельзя, так мы закроем,
Глазами ничего мы в ней не перероем».
И так старуха тут упела старика.
Над крышку наднеслась продерзкая рука,
Уже вскрывается заказанная миса. . .
Увы, из мисы вдруг вон выскочила крыса
И в щель ушла.
Беда пришла!
Трясутся у сего Адама с Евой ножки,
Они не кошки,
И мыши не поймать.
Не лучше ли бы вам век чашки не замать?
Могли бы и без сей вы пищи быть довольны;

Теперь вы утаить сего уже не вольны.
Боярин всякий раз
Смотрел после стола, исполнен ли приказ.
Но тут — лишь вскрыл он мису,
Увидел из нее уж выпущенну крысу;
Пришел и старика с старухою спросил:
«Почто вы, старые, приказ мой не хранили?
Напрасно, глупые, вы праотцев бранили,
Когда в вас не было самих к терпенью сил;
Вы то же сделали, что Ева со Адамом.
Подите вон отсель и будьте в том же самом,
В чем были вы сперва:
Ты, старый хрен, руби, а ты таскай дрова».

<1767>

46. ОБЩЕСТВО

Не знаю как,
Сошлись четверо в кабак:
Портной, кузнец, сапожник
Да хлебопашества художник;
И все за стойкою сидят,
Пьют пиво и вино, подовые едят.
Когда допьяна напился,
Тогда они разовралися,
И ремесло хвалить тут начал всяк свое.
Портняжка прежде всех сказал других сие:
«Когда бы не было портных на белом свете,
Так вы бы в осени, в весне и в жарком лете,
И зиму к ним еще прибавить барышом,
Ходили нагишом».
Сапожник при задоре
Не уступил портному в споре
И говорит: «Портняжка, врешь!
Ты только платье шьешь
И одеваешь тело, —
Мое нужнее дело;
Я в свете твоего поболее знаком;
А без меня вы, хóдя б босиком

В толь дальние дороги,
Попортили бы ноги;
А вздень-ко сапоги,
Куда ты хочешь побеги
И ног не береги,
Хоть были бы в пути каменья и пороги».
Крестьянин им на то: «Всё ваше ремесло
Давно б крапивой заросло,
Когда бы не пахал я пашенку святую».
— «Оставьте мысль пустую, —
Кузнец сказал им всем. —
Поболе нуждицы вам в ремесле моем,
Один на свете сем прямой лишь я художник;
Вы чем бы стали шить, портной и ты, сапожник?
А ты б, крестьянин, чем стал пашенку пахать,
Когда бы перестал я молотом махать?»
Тут виночерпий им сказал, за стойкой сидя:
«Не можно спорить вам, друг друга не обидя;
На свете положен порядок таковой:
Крестьянин, князь, солдат, купец, мастеровой
Во звании своем для общества полезны,
А для монарха их, как дети, все любезны».
<1767>

47. ГОСПОДИН С СЛУГАМИ В ОПАСНОСТИ ЖИЗНИ

Корабль, свирепыми носим волнами в море,
Лишася всех снастей, уж мнит погибнуть вскоре.
В нем едет господин, при коем много слуг;
А этот господин имел великий дух,
Спросил бумаги в горе
И, взяв ее, слугам отпúскную писал,
А написав ее, сказал:
«Рабы мои, прощайте,
Беды не ощущайте,
Оплакивайте вы лишь только смерть мою,
А вам я всем огпúскную даю».
Один из них сказал боярину в ответ:
«Велик нам дар такой, да время грозно;

Пожаловал ты нам свободу, только поздно,
С которой вскорости мы все оставим свет».

В паграде таковой немного барыша,
 Когда она дается
 В то время, как душа
 Уж с телом расстается.

<1767>

48. НЕОСНОВАТЕЛЬНАЯ БОЯЗНЬ

Известно, что, когда гремети станет гром,
Робеючи его не выдут из хором,
 Страшася смерти,
Хоть от него еще прямой защиты нет:
Гром так же и в дому, как на поле, убьет;
А только спрячутся одни от грому черти.
 Да и старухи говорят,
Что будто оттого и храмины горят,
Когда в них прячется от грому дьявол злобный;
Или будь все мящи так, старухам сим подобны,
А от судьбы никто не спрячется нигде,
Ни в доме, ни в лесу, ни в поле, ни в воде.
На этот случай я хочу сказать вам сказку,
В которой господин велит впрягать коляску
И хочет к одному он другу побывать;
А может быть, чтоб там он стал и ночевать?
 Об этом я не знаю;
Да только баснь мою я снова начинаю.
Был барин от двора еще недалечко,
Ан вдруг надвинулось с грозой облачко,
 Надвинулося с тыла;
 Ударов громных треск
 И частых молний блеск
Произвели, что кровь в боярине застыла.
 Кричит он на людей:
 «Обороти, ребята, лошадей,
 Скачи скорее к дому!»
Так видно из сего, что он боялся грому.
«Скачи, — он говорит, — скорее до двора».
А пред двором его была крута гора.

Боярин знает гору,
Однако же велит скакать он без разбору,
Чтобы скоряй ему добраться до хором
И, окна скрыв, сидеть в избе без страху.
А между тем гремит ужасный гром,
И лошади его несут к горе с размаху;
Но столько она крута была гора,
Что малым чем ее и облако повыше.

Боярин, тише,
Не изломи ребра!
Однако же боярин мчится,
Затем что грому он боится,
Лишь не боится он погибели прямой,
Велит скакать домой.
Но кони на горе, ярьсь, рассвирепели.
«Держи коней, держи!» Держать уж не успели,
Помчали барина во всю коневью скачь.
Поплачь, боярыня, о барине поплачь,
Который поскакал домой, бояся грому,
Однако ж доскакать не мог живой до дому.

Не гром его убил —
Он сам себя без грому погубил.
Коляска с прытости на камень наскочила
И кровью барскою весь камень омочила.

49. ПЧЕЛЫ

Один мужик завесь старался в доме пчел,
От коих наконец большой доход имел;
Трудом их всякий год мужик обогащался.
Сначала сам смотреть за ними он старался;
Но после более сего не исполнял,
Затем что дом его богат гораздо стал,
И было у него других забот немало;
Да сверх сего число ульев велико стало.

Итак, он наконец,
Себе во облегченье,

Всех пчел своих вручил работникам в смотреенье,
Из коих каждый был грабитель и плутец.
Известно, что у пчел весь мед не отнимают;
Но в зиму столько им на пищу оставляют,
Чтоб в ульях до весны могли они прожить
И прибыль бы потом опять возобновить.
Работники не так с пчелами поступили;
Жилищи их совсем они опустошили,
Всю пищу зимнюю разграбили у них.
Не ждали пчелушки напастей таковых.
К хозяину лететь со жалобой желали,
Но тщетно помощи себе они искали:
Работники, их тщась к сему не допустить,
Старались выходы ульев заколотить.
К спасенью всю они надежду потеряли
И с голоду потом, стелая, умирали.
Хозяин бедненький не знает ничего
И мнит, что в доме всё здорово у него.
Уж солнечны лучи весну предвозвещают,
Все пташечки ее со песнями встречают,

С листочками зефир играет уж в лесах,
 Прилежный земледел трудится во полях,
 Пчела себе с цветов мед сладкий собирает.
 Хозяин в том себя надеждой утешает,
 Что будет он от пчел опять доход иметь.
 Пошел работу их хозяин посмотреть;
 Но вдруг в великое пришел он удивленье,
 Когда в ульях всех пчел
 Умершими нашел.
 Узнал, да поздно, он работников грабленье.
 Он сбил их со двора;
 Но жаль, что лучшая прошла сему пора.
 Хозяин на себя досадовал, бесился,
 Что столь хороших слуг навеки он лишился
 И что работников своих не рассмотрел:
 Чрез то в большой урон весь дом его пришел.
 Читатель, по трудам, без всякого сомненья,
 Пчелами можно нам назвати мужиков,
 Из коих многие от хищников, воров
 Доходят иногда совсем до разоренья.
 На сих во обществах опасных злых людей
 Работники весьма похожи басни сей.
 О вредных следствиях они не рассуждают;
 О том не помышляют;
 Когда разграбишь то, чем всякий день живешь,
 Так с детками потом сам по миру пойдешь.

<1766>

50. ДВА МУЖИКА: ОДИН БОГАТЫЙ, А ДРУГОЙ БЕДНЫЙ

В деревне где-то жил заживный мужичок,
 У коего один родился лишь сынок.
 Мужик уже был стар и, захворав, скончался.
 Достаток в руки весь сынку его попался.
 Сынок сей молод был,
 Отец его к трудам совсем не приучил.
 С младенчества сынок всегда лишь веселился;
 Нельзя ж сказать, чтоб он ни в чем
 не просветился:
 Играл он на гудке, изрядно пел, плясал,
 Где девок хоровод, пред всеми там блистал.

«Почто, — он говорил, — мне больше просвещаться,
Почто мне знать стараться,
Как домом жить, косить, как сеять и пахать,
Как избу мне срубить, купить как и продать;
Все житницы мои набиты полны хлебом,
Все вещи в доме есть, чего ж еще? Я небом
Доволен должен быть,
Другим же пользу мне нет нужды приносить:
Живу я для себя, почто мне быть полезным
Другому и себе? Почто служить мне бедным?
Пустое это всё. Мне, право, нужды нет,
Когда хоть весь в бедах великих будет свет,
Лишь только б не было в моем здесь доме сухо
И было бы всегда мое лишь сыто брюхо».
Вот так-то молодой богач наш рассуждал.
Посмотрим, как другой жить в свете начинал.
В большой после отца он бедности остался;
Весь дом почти был пуст, бедняк сей сокрушался,
Что домом более ему не можно жить,
Затем что некому в работе пособить.
Семья вся из него лишь в доме состояла.
Имел клячонку он, и та, случилось, пала.
Испортилась соха, но новой негде взять.
Изба была ветха, другую покупать
В мошне недоставало;
А естество беречь себя повелевало.
Известно: калачи научит нужда есть.
Бедняк способно мог всю надобность обрести,
Затем что с младых лет в трудах он упражнялся,
В крестьянских должностях искусным почитался.
Оставив дом, пошел работником служить
И скоро мог себя трудом обогатить.
Потом, случилось, удачно он женился.
На место прежнее опять переселился
И дом исправил свой.
Уж больше не терпел он нүжды никакой.
Теперь до богача опять пришло нам дело.
Добро, на кое он надеялся так смело,
Исчезло вдруг; большой унес его пожар.
Ужасен богачу чрезмерно сей удар.
Не чаял, чтоб беды такие налетели.
Весь дом, все житницы, все гумна погорели.

Но чем же пособить?
Одно осталось: в работники итить,
Да то беда, никто его не принимает,
Затем что он не знает
Крестьянской никакой работы исправлять:
Сохи и топора не смыслит в руки взять.
Притом же всякий труд невмочь ему казался,
Коль в роскошах одних всегда лишь упражнялся.
Великий враг ему был холод или зной.
Осталось по миру ходить ему с сумой.
Мужик, что в бедности великой находился
И после разумом, трудом обогатился,
Увидев, сжалился над бедным богачом
И место жить ему дал в доме он своем.
«Почто ты с малых лет трудиться не учился, —
Сей щедрый мужичок другому говорил. —
Почто богатство ты, мой друг, столь много чтил,
Надеясь на него, ни в чем не просветился.
Вот видишь ли теперь в несчастьи своем,
Что тщетно почитать блаженство людям в нем!
Огонь у нас его в минуту пожирает,
Злодей, завистник, вор нередко похищает,
Великому числу подвержено премен.
Но разум никогда не будет истреблен;
Он твердое всегда во всем нам вспоможенье,
В бедах прибежище, надежда, утешенье».
Мужик, что был богат, другому отвечал:
«Весьма меня отец мой худо воспитал;
Я чувствую то днесь, крушуся и страдаю;
Но рад, что обретаю
Помощника в тебе.
Не годен я теперь ни людям, ни себе».

<1766>

51. МАСКАРАД

Молоденький сынок бывал чрезмерно рад,
Когда отец его с собой брал в маскарад.
Меж множеством забав он тем тут веселился,
Что очень научился
Под масками людей знакомых узнавать.

Он всякого умел свободно отгадать
По стану, по походке,
Иного ж по большой к плясанию охотке.
Сынок хвалился сим уменьем пред отцем.
«Мой друг, пора тебе хвалиться уж не тем, —
Сказал ему отец. — Другие маскарады
Есть, свет мой, для тебя;
Вот в них-то оказать старайся ты себя,
Совсем другие там увидишь ты наряды». —
Сынок весьма просил,
Чтоб в новый маскарад отец его свозил
И сделал бы чрез то ему он утешенье.
Знать надобно: сынок имел уж рассужденье.
Не помню, где-то был огромный пир и бал;
Отец его туда с собою вместе взял.
Различные сей пир особы составляли;
Из них тут многие друг друга обнимали,
Трепали по рукам.
«Вот новый маскарад, мой сын, твоим глазам, —
Сказал отец. — Каких ты видишь пред собою
На бале здесь людей?
Мудрен ли кажется вопрос тебе мой сей?»
— «Им надобно большим друзьям быть меж
собою», —

Отцу он отвечал.

Отец захохотал

И сыну говорил: «Ты мыслишь очень ложно.
Пора учиться знать людей тебе, мой свет.
Хоть масок на людях здесь, кажется, и нет,
Но маски те, что зреть глазами невозможно,
На них, конечно, есть.
Притворство, ложь и лесть
Те маски составляют;
Их люди на одни сердца лишь надевают.
Вот в сем-то знании ты должен успевать:
Уметь под масками сердца распознавать,
Затем что счастлив тот всегда почти бывает,
Который узнавать сердца людские знает;
А тот, кто знанию сему не обучен,
В погибели впадать, в обманы принужден;
И ежель хочешь знать, как должно просвещати

В искусстве сем себя —
Вот первый путь к тому для всех и для тебя:
С вниманьем надобно истории читати;
Мы в них открытые сердца людские зрим.
Напрасно иногда с тобою мы грустим
О том, что маскарад не часто посещаем.
Весь свет есть маскарад, мы в нем всегда гуляем».

<1766>

52. БОГАТЫЙ МОТ

Жил некакий богач; природой знатен слыл,
Однако же весьма воспитан худо был.
Богач наш о своем не думал просвещеньи.
Изрядный был простак;
И вот он мыслил как:
«Когда уже богат, так будешь и в почтеньи».
Порок известен сей.
Богатством много зрим испорченных людей,
Однако ж в том оно отнюдь не виновато:
Кто знает им владеть, тому полезно злато.
Полезно и другим:
Оно являет путь к добру, к делам благим.
Всяк день ко богачу карета за каретой.
Помыслить о себе нет время никогда,
Беседа завсегда,
Коль пахнет у него ходячею монетой,
Червонными мешки набиты в кладовой.
Приезжий всяк и друг, и брат ему родной,
Красавицы ему сердца свои вручают,
Везде, где он ни есть, разумным называют.
И там и сям
Из знатных всяк его потреплет по плечам.
Уже льстецы его совсем избаловали:
Людей стал презирать.
Иной случайным чтил и начал в нем искать.
Меж тем десятка два мешков в гостях гуляли.
А ведь когда расход
Раз во сто более, как нежели приход,
То должно наконец с именем расставаться.
Известно: у скупых лишь денежки родятся;

А он был тороват
И в роскошах притом весьма замысловат.
Настали богачу сверх чаянья дни злые.
Уже во кладовых мешки лежат пустые.
Печален бедняку, печален случай сей;
Но к пушей, ах, беде оставлен от друзей:
Никто не посещает.
Весь город был знаком, а днесь никто не знает.
Красы, которыми он прежде обладал,
Твердят ему теперь: «Неважен, радость, стал,
Совсем переменялся».
Именья лишась, всего богач лишился.
Узнал, да поздно, он: мышей как не хабар,
Так незачем коту ходить тогда в анбар.
Притворная любовь, притворное почтенье
Прошли уж для него.
Оставил свет его.
Единое потом лишь зрел к себе презренье.
Весьма жалел о том,
Что был великий мот и вырос дураком.

<1766>

53. РАЗУМНЫЙ И ДУРАК

Дурак разумного ударил больно в рожу,
Немало повредил когтями он и кожу.
Разумный грош ему за сей гостинец дал.
Дурак тогда себя чрезмерно выхвалял,
Что так нечаянно мог способ он сыскати,
Как деньги доставати.
Увидел, что идет по улице мужик,
Который был высок и силен так, как бык.
С налету мужику дурак дал оплеуху.
Мужик, взбесясь, схватил, давил его, как муху.
Дурак под ним визжал;
Отплаты таковой отнюдь не ожидал;
Он думал, что мужик даст также за работу
Копейку или две; однако же без счету
Совками дурака крестьянин наградил.
Разумный дураку изрядно отомстил.

<1766>

54—56. ИЗ ЦИКЛА «БРАТКИЕ ПОВЕСТИ,
ВЫБРАННЫЕ ИЗ РАЗНЫХ АВТОРОВ»

1

В какой-то город был отправлен воевода
Для управительства различного народа.
Жена его была вельми честолюбива,
Боярыня горда и барыня спесива.
Названием таким гораздо веселясь,
Поехала она к обедне в первый раз.
В то время о дожде молиться в церкви стали,
И все стоящие колено преклоняли;
Она ж, задумавшись, того не примечала
И воеводством всё понятие питала.
Увидев, что народ пригнул колено вдруг,
Сказала в церкви вслух:
«Восстаньте, бедняки, я милость обещаю
И просьбы таковой нимало не желаю».

2

Мужик вопил
И выл,
По всякой час рыдал,
Жену он потерял
Жена его во ад отселе преселилась;
Хотя и не по моде,
В своем же огороде
На груше удавилась.

Сосед его журил
И тако говорил:
 «Простак,
 Дурак!
 О чем ты воешь
И всякий час как нытик ноешь?
Ты б лучше хохотал, а нежели жалел,
 Ведь ты остался цел;
 Пойдем-ко в огород,
 Скажи-тко мне, урод,
 Где груша та, дурак и скот,
Которая такой родит хороший плод?
Дай ветку мне одну, ее я посажу
 Тотчас в моем саду;
 Немного подожду,
Авось такие же родятся мне плоды;
 Жене я услужу,
Авось удавится и кончит мне беды».

8

 Шишимора иль вор
Пришел ночной порой во двор
 К бедняжке мужику,
 Однак к весельчаку.
Порыл он у него в избе и на сушиле,
В овчарне и в хлеву, на погребе в твориле,
И словом, не забыл ошарити всего;
Однако не нашел разбойник ничего.
 Мужик захохотал
 И так ему сказал:
 «Мудрен, брат, ты, мой гость,
И всех-то у меня пожитков нету с горсть;
Я днем не нахожу в дому моем ни пула,
Тебя ж нелегкая в потемках принесла;
 Ты, видно, зорок без числа.
 Однак прости, приятель мой,
 Ступай с пустым домой;
А милость-ста моя опять уже уснула».

<1769>

Подьячий неделёц,
 Хотя и был писец,
 Но страшный был глупец,
 И сверх того еще церковный он певец.
 Хоть пения его попы и не желали,
 Однако по должности из церкви не гоняли,
 Вопил подьячий там,
 Хоть много и мешал другим он голосам;
 Но думал так, что он их украшает
 И сладостно поет, коль оных заглушает.
 И так обедню всю подьячий тот гагакал,
 Пастух за крылосом обедню всю проплакал;
 Подьячий, думая, что голосом его
 Тронётся сей простак,
 Того для у него
 Спросил он так:
 «О чем, бедняжко, ты так много горевал?»
 А тот ему сказал:
 «Тому уж две недели,
 Как волки у меня козленка съели.
 Как вспомню я о нем, родимый мой, когда,
 То плачу завсегда.
 А ты, кормилец мой, так тонко воспевал,
 Точнехонько как мой козленочек бляял».

<1769>

58. СКАЗКА

В каком-то огороде,
 Угодно было то природе,
 Земля родила сына;
 Естественна причина,
 И должно было так —
 Родился мак.
 Земля его лелеет,
 А мак растет и зреет.
 Явились пруточки,
 Потом раскинулись цветочки.

Хозяин рад, что видит плод,
И часто ходит он гуляти в огород;
А дочь родителю в весельи подражает
И также там гуляет,
Как водится в миру.
Гуляет ввечеру;
Домашним говорит, хорош-де мак во дни,
Но он миле мне в ночной еще тени.
Никто не предвещал, чтоб вылилося худо,
А мак явил им чудо.
Как только лишь созрел
И есть уже поспел,
Красавица его с охотою поела
И тотчас животом гораздо заболела.
Причиною тому был мак и огород,
Что дочка принесла изрядный дому плод.

<1769>

59. БЕРЕЖЛИВОСТЬ

Баснь

Из области Смоленской
Мужик иль житель деревенской,
Как серп поля их вытер,
Пришел к нам в Питер;
Не города смотреть, не с дамами водиться,
Не летнею порой на шлюпке веселиться,
Не в оперы ходить, не в рощах здесь гулять —
Пришел он работáть,
И мыслит с кем-нибудь помесячно рядиться.
Нашел хозяина, работает, трудится;
Хозяин рад,
Что бог дал клад:
Крестьянин лености и отдыху не знает,
И, точно как осел, с усердьем работáет.
Скончался год, работник деньги взял,
И новый он кафтан купити предприял,
Понеже тот худенек;
А платья не дают в Санктпитере без денег.

Так должно с деньгами для платья расставаться;
Пошел он торговаться,
Смотрел и сторговал;
Но денег не давал,
Расстался с продавцом такими он словами:
«Я завтра, брат, приду с моими земляками,
Которые его доброту поглядят».
Пришли и земляки, ценят и говорят:
«Кафтан, парнюга, гожд
И очень он пригожд».
Однако денег наш работник не дает
И тако говорит: «Я завтра, брат, чем свет,
Приду к тебе опять;
Еще знакомых с пять
И вся моя родня посмотрят все кафтана;
Боюсь я обмана,
А деньги я, мой друг, трудами достаю,
Так оных никогда на ветер не даю».
Родные видели, смотрели земляки,
И с легкой их руки
В полмесяца кафтан и куплен, и надет.
Мужик по городу в кафтане сем идет
И всем напоминает,
Что денежки беречь прилежно подобает,
Кто потом и трудом копейку добывает.

60. ДВА ВОРА

Притча

Что есть во свете вору,
О том не входят в споры;
Но только что они покромом не одним:
Иные в золоте и титлами надуты,
Другие в серяках и с именем простым,
Одни политики, другие просто плуты.
О двух таких ворах я басенку скажу
И перво в них мое искусство покажу.

Был вор простой,
И хаживал всегда пешком и в серяке;
Доходы он собирал не в городе, не в съезжей,
А на дороге на проезжей.

Другой
Чиновный был, и тьмы имел он в сундуке
Червонцев и рублей,
Которые собирал с невинного народа;
Поверье эдако, или такая мода
Есть у бесовестных подьячих и судей.

Но наконец попались оба
В приказ.

Обоим строг указ,
Обоим кнут грозит отверсти двери гроба.
Судьи калякают: «Не столько лих большой» —
И оправляют вора;
Подьячи говорят: «Не столько лих меньшей» —

И оправляют вора;
Обеим сторонам указы правота.
Читатель! будь хоть ты решителем их спора:
Скажи нам, кто из них достойнее кнута?

<1769>

61. ИГРОК, СДЕЛАВШИЙСЯ ПИСЦОМ

Сказка

Когда-то игроку пришел рассудок здравый
На путь стать правый
И карточное ввек покинуть ремесло;
В тогдашнее число
Он умствовал, хвалился,
В нем добрый дух явился
И нудил сей порок попать.
С того часа игрок закаялся играть,
Свалил с себя такое бремя
И сделался писец,
Наружу выводил дурных дел многих время,
Описывая страсть к игре, и наконец
Припутал игроков тут целое беремья,
Показывая им себя за образец,
Наставя этому несчетно племя
Строк.
И так игрок
Предупредил злой рок,
Не картам стал платить оброк,
Как в прежни годы,
Сыскал дорогу сам собирать доходы;
Не, против банка шед, фортуной рисковал,
Не карты тасовал,
А с бника верняй по сотне убивал.
Но мы не говорим, как с счастьем он сдружился;
Мы знаем только то: писать вооружился.

Лишь в руку взял перо —
 Откуда полилось
 И золото и серебро,
 Откуда набралось
 Немалое добро!
 Уж ритор мой высоко
 Вздыхает горду бровь;
 Уже подъемлет око
 На нежную любовь.
 Пришла зараза вновь,
 Его вспылала кровь.

Какою роскошью ему дни полны стали!
 Какие случаи к веселью подавали!
 Любовники часов сих лучше не желали,
 Всечасно вместе быть,
 Всечасно говорить;

Он видит страсть свою красавицею внятну
 И слышит речь к себе из уст ее приятну.
 Сколь много смертный сей благополучен был!
 В какой у счастья сладчайшей неге жил!
 Противных случаев в то время не бывало,
 Тем счастье его совсем избаловало,
 И что дурного в нем ни есть,
 Всё то потщились произвести
 Любовь, достаток, честь.
 Они его переродили,
 И возгордили,

Пудов десятком всех дурачеств наградили;
 Не помня о своей нимало он судьбе,
 Подумал в этот раз не меньше о себе,
 Что сын он Феба,

А Фаэтон за гордость свержен с неба.
 Писателю сему случился рок
 Подобно строг,

Чуть не был свержен он с своей степени
 За то — не делай счастьем пени...
 Но это не порок.

Вот приключение, из сих что узрим строк.
 Вне града дом стоял, дом всех родов веселья,
 Где время проводить удобно от безделья;
 В один день был тут бал;

Писец на всех таких веселиях бывал,
И тут он быть случился!
А то, читатели, я вам сказать забыл,
За свой рубль всякий тут хозяин был,
И чем хотел, то тем и веселился;
Один писатель сей казаться важным тщился,
Чресчур бодрился.
Веселые свою игорку завели —
Угадывать рубли;
Тут все, кто денежки имели
И ту игорку разумели,
Играть подсели.
Но помните ли, что я выше доносил:
Мой ритор твердо как не брать карт в руки клялся;
Да слова не сдержался,
Совету своего рассудка не спросил,
Жар прежний ко игре опять в него вселился,
В груди зашевелился.
Он клятву всю свою тут вмиг перекусил,
Играть пустился,
Большим счастьем себя и в этом льстил,
Да сотни полторы немедленно спустил;
Безделки по его доходу он лишился,
Однако не стерпел,
Еще играть хотел;
В кармане денег нету,
Он брал у всех своих приятелей монету,
И эту
Всю тож спустил;
Привязан стал к игре он снова
И чувствовал досад тьму с проигрыша злого,
Краснел,
Бледнел,
Имея зверски взгляды,
Рвал карты он с досады
И стал с лица
Похож на мертвеца!
Но где на проигрыш искать управы?
Имеют игроки рассудки здравы,
У них свои уставы,
Превозмогая жар и холод,
И стыд, и глад,

Пускаются в игру без денег, на заклад.
Писатель важный сей в то время правил
Порядок игрока,
Его не дрогнула рука,
Часы на карту ставил;
Но тот, который банк метал,
Устал,
Часов играть не стал
И с места встал,
Откланялся, отговорился.
Писец вздурился,
Писец вскружился,
Писец озлился
И расхрабрился,
Гнев лютый ощущал,
Ценити игрока пустился;
Игрок молчал,
Писец бранился,
Игрок спущал
И в шутку все слова писцовы обращал,
Да рок сие не так скончал.
Присловица у нас в размолвке всякой:
Красна брань дракой;
Побоища и тут себе рок в жертву ждет;
Писец сердит слывет,
Да силы нет;
Игрок его сильняе,
Да он смиряняе.
Писец
Хоть был хитрец,
Хоть был мудрец,
Умел и лепетать, бормочут как в Париже,
Да ростом ниже;
А тот игрок
Довольно был высок,
И прихватить ему писца за кудри ближе.
Но ритор мой сего не рассуждал,
Приметить можно было с виду;
Досадой он пылал,
Отмстить желал
Свою обиду
И на соперника отважно наступал,

Его клепал,
И как смола ко платью
Льнул,
Так он, своей гордяся знатью,
Слова ко игроку все гнул;
Сыскал словцо, кольнул, —
Какою ж статью
Ту речь употребил?
А вот: он игрока, сказал, когда-то бил! . .
Надул игрок тут губу,
Представил рожу грубу
И сделал брань сугубу!
Хоть в сказке бредят ложь, а я вам здесь не лгу.
Игрок не захотел остаться в сем долгу.
Ответ его: «Ага, так, видно,
Без драки нам невозможно обойтись,
Я не оставлю так с тобою разойтись!
Знай, это для меня нимало не обидно,
И не намерен я за то пенять,
А дерзость я твою хочу теперь унять;
И есть мне вот резон к тебе прибраться,
С тобой подраться:
Ты, сказываешь, бил меня давно,
Чему невозможно статься;
Да это всё равно,
Ты в мыслях бил меня и лежа на постеле,
А я здесь в самом деле
Тебя поколочу,
Чем должен я тебе, то тем я заплачу,
И станем оба мы друг другом биты,
И будем мы с тобою квиты».
Тут подлинно игрок уж больше не шутил
И не были слова его пустые,
Он ритора схватил
За кудри не простые,
За кудри подвитые,
Нагнул,
Палчищею по нем стегнул,
Чем так его пугнул,
Что ритор мой вздрогнул!
Потом, о, случай жалкой,
Игрок карал его нещадно палкой.

Тяжелая рука
Махала не слегка,
А сделала ему и спину и бока
Подобно пуху;
Умалил несколько спесивого в нем духу.
Писцу была
Мечь эта не мала,
Вредна довольно,
Побит он больно;
Не нарушай свою впредь клятву своевольно.
Игрок к побоям сим еще прибавил зла,
Под страхом запретил ему того ж жезла
Сим впредки не хвалиться.
Писец толь строгою судьбой,
От сих поноснейших побой,
В другую света часть изволил удалиться.

ВОЗДАЯНИЕ

Победу одержал над ритором игрок,
Попутал ратора, конечно, гневный рок,
Что он переступил об картах свой зарок.
Мы в утешение побитого героя,
Прикрасу новую состроая,
И новомодного покроя,
Из вин, червей,
Бубен, жлудей
И всей картежной масти
Возьмем по равной части,
А вместо лавр к тому на каждый позвонок
Приткнем кленок,
И соплетем сему побитому венюк.

<1769>

62. СТЫД ХУЛИТЕЛЮ

Сказка

Не в давны времена, не в прежни годы,
Но в сей златой наш век
Прославился один ученый человек.
Вы спросите тотчас, какой он есть породы?

На то скажу в ответ:
 Ни лет,
 Ниже примет
 В записке нет;
Не знаю я, он млад иль сед,
 Иль внук, иль дед,
 Да в том и нужды нет;
Нам дел его потребен след.
Ученый сей каким-то роком,
 Втирался ль боком,
 Тянулся ль блоком,
Взмостился мыслию на Геликон!
И тут, как посвящал свой труд он музе,
Пригрезился ему приятный сон,
 Что будто он
 Уже со Талией в союзе,
 Не зрит ни в чем себе препон.
Мечтание сие еще б продлилось,
Да самолюбие в него вселилось,
 Перервалó сей сон.
Ученый, заразясь таким пороком,
 Взирать на всех стал гордым оком.
Сверх силы труд, а он стремится к славе течь
 Введеньем в речь
 Слов самой новой моды,
 И делает доводы
На все похвальные писателей дела,
 Что важность в них мала;
Он их совре́мянник и рассуждает точно,
 В чем мысль недалека,
 Что писано слегка
 И что чресчур порочно,
Да только хулит всех заочно,
 А в очи нет.
 Он знает свет;
К похвальному его такому дару
 Пристала ложь под пару,
Он спутником своим ее нарек,
И сей подпорой стал ученый человек.
Но слава тем его не помрачится;
 У нас хвала
 На всякие дела,

В каком бы роде ни была,
 Не всё по хорошству, по счастью случится;
 Подобно и хула
 Чему помчится,
 Не всё по дурноте,
 Иной бывает раз и по несчастью;
 Всё в свете суете
 Подвержено живет. Да чем же? .. Горькой частью...
 Случается сие такой напастью,
 Какая вещь ни будь, да кто побольше нас,
 Похулит раз,
 Пускай то хулить не годится,
 Но он желает так,
 То, может, на его случилось смак.
 Чему ж дивиться,
 Одно лишь слово он изволь употребить,
 Охотники к тому найдутся подсобить.
 От этого хула родится
 И не замедляя повсюду расплодится;
 Одни в угодность тут
 К хуле прильнут,
 Хулу к хуле приложат,
 Хулу хулой помножат
 И пустят правдой в свет;
 Другим до истины нимало нужды нет:
 Невежи на людей глаза лишь взводят
 И с их речей хулу находят;
 А третьи могут слух подобный расселить,
 Завистники, чтоб тем себя повеселить:
 Завистник ничего не может похвалить.
 Какому ж от сего быть можно плоду,
 Когда политика вошла здесь в моду?
 Есть род хулителей еще чудней сего,
 Об них промолвить не в обиду,
 Учеными почесть их лъзя изо всего,
 Да только с виду;
 А дале разобрать,
 То выйдет, что они умом не здравы;
 В том ищут славы,
 Что портит нравы,
 Или ясны: иных стремятся презирать,
 Других хулой марать

И претворять
Нежнейший цвет в негодну краску,
Иль на красавицу надеть дурную маску.
Сказал бы вам на то побаску,
Да думаю, она пойдет в разгласку,
Хулители тотчас к ней сделают привязку,
И даст сердитый трусу таску.
Мне разум говорит: изволь-ка помолчать
И не ворчать,
Да то вещать,
В чем сказки сила;
А сказка о делах ученых доносила.
Читатель, скажешь мне: умел-де ты зачать,
Умей и окончать.
А я не обробею,
Похвастаться не смею,
А дар имею;
Словцо свое сдержу;
Ученый мой заснул, его поразбужу;
Что приключилось с ним, потребно это ведать.
Приехал в гости он обедать,
Какой гостям живет прием,
Известно это всем;
Хозяин гостю рад, просил садиться
И не гоститься.
Беседа тут была
Довольно весела,
И были многие между разумных споры,
С красавицами всем приятны разговоры.
Ученый в спор вплеся,
Спор новый начался;
Разумные тогда к ученому подсели,
Послушать все хотели
Его рассказ.
Тут на ухо ему был рока глас:
Ты приступаешь к спору
В такую пору,
Когда уж многим стал знаком Парнас.
Так милости твоей ученой не в указ,
Поберегись в сей раз!
Ученый гласа не внимает,
Тщеславием пылает,

Оспорить всех желает;
Он речью речь плодил,
Там лирика хвалил,
Тут хулил драматиста,
Хулы нанес ему пуд с триста,
И в грош его стихов поставить не хотел.
Вот речь, какую тут ученый вел:
Писатель сей тех самых ниже,
Которые теперь последними в Париже,
Не только нас...

В тот час

Один из тех гостей сему учену мужу
Разумный положил предел,
И вывел тем его всё знание наружу.
Сей гость ученому из лириковых дел
Две строфы лучшие по памяти прочел.

Тогда хвалами

Ученый до небес

Те строфы превознес;

Других же называл творцов ослами.
Еще гость строфу тож немедленно прочел —
Ученый лучшею из всех сию почел.

Она была изрядна в самом деле;
А он, хваля ее колько силы в теле,
Сказал: «Она еще важняе прежних двух;
Не поражает ли ума сей строфы слух?

Не восхищает ли тем дух?

Нельзя сыскать ни в чем подобна слога чиста!...»

— «А эта строфа драматиста!...» —

Сказал гость вдруг

Сему учену мужу;

Он сделал тем ему в крови велику стужу;

Гнев, ярость, злоба, стыд

Совсем ученого переменили вид;

Ужасно зреть, как он на гостя разъярился,

Но со стыдом тотчас от глаз их скрылся.

Хулитель! Эта баснь тебе предполагает:

Не хуль и не хвали отнюдь того,

Чего

Твой ум не постигает.

<1769>

63. ДРЕВНИЕ СОПЕРНИЦЫ

ПРАВДА И ЛОЖЬ

С начала самого, стоит как белый свет,
С тех пор еще у Лжи со Правдой миру нет;
 Несходствие в их нравах,
Ведут они себя на разных правах,
 Те права их делят
И в несогласии им быть велят.
 О первенстве их ссора;
Но к разобранию такого спора
Должна наряжена быть целая контора...
Последовала же вражда их от чего?
 Экстракт вот здесь всего!
В те дни, как Правда лишь умами всех владела
И налагала свой закон на смертный род,
 Строптивейший народ,
Внимая Правды глас, блаженство все имели
 И нужды не терпели,
 Судьбины не кляли,
Во благоденствии всю жизнь вели! . .
 А Ложь в тиши сидела,
 Прижавшись в уголке,
 От Правды вдалеке,
Затем что до нее не доходило дела.
 Недолго ж в праздности и Ложь была.
С соседями сперва знакомство завела,
 И как есть Ложь смела,
 И дале побрела;
 Творить предприняла
Замысловатые свои дела.
 Знакомых искушала,
Невидницу сплетать сперва внушала,
И сим на первый раз их только утешала,
 И Правде не мешала.
Потом пустилася советы предлагать:
Изволили чтоб к ней все в нуждах прибегать,
 Она им может помогать. . .
Из смертных некая часть оным и прельстилась,
И к ложным замыслам лишь только пристрастилась.
Пустились по сему себя располагать:

От Правды убежать,
И научились исправно лгать. . .
Почли, что с Ложью жить гораздо прибыльнее. . .
 Ложь стала быть вольнее,
 И Правды посильнее. . .
Сошлася в том у Лжи со Правдою межа,
И стало доходить у них и до ножа. . .
И как сил не было у Правды то сносить,
Пошла она в своей обиде попросить
 За честь свою вступиться,
 Надеясь безо всех
 Помех
 Найти в суде успех
 И оным защититься.
 У Правды тож
 Была на Ложь
 Во всем улика;
Просила всю приказну власть,
 От мала до велика,
Не думала, что тем готовилась в напасть.
 У Правды стряпчих нету;
Брела сама в приказ, таща и Ложь к ответу. . .
 Ложь, зря беду,
 Нейдет к суду;
И видючи себя кругом уж виноватой,
Не чаяла в суде отделаться и платой!
 И, как мужик богатый
Не хочет никогда остаться чтоб в вине,
 Пронырливая Ложь подобно,
 Стесняя Правду злобно,
 Стремится к той стране,
 Где Демон царствует в огне!
На случай в доме сем его застала,
 Предстала
И известила свой со Правдою раздор. . .
 Ей Демон отвечал: «Всё это вздор!!!»
 И нарядил стремглав гонца такого,
 Который стряпчих всех на свете знал.
 Гонец погнал
 И стряпчего поймал,
 Уж самого прыткого,
Что плутней все дела от корня знал.

Сей ябедник предстал
 В приказное собранье.
 И Правда тут.
 Пошел им суд,
 Настало толкованье.
 Тут Правда пред судом Ложь стала уличать,
 А ябедник на то был должен отвечать.
 Ужасно было зреть, как стряпчий разъярился;
 Казалось, что тогда сам черт в него вселился:
 В лице переменялся,
 Разинул пасть, как ад,
 И испустил клевет на Правду яд;
 Руками хлопал,
 Ногами топал,
 Зубищами скрипел,
 И яростью кипел,
 Хрипел
 И задыхался! . . .
 Подьячие врут так: «Сухая ложка рот
 Приказному дерет. . .»
 Так криком ябедник в суде не оправдался.
 Полезные текли для Правды те часы,
 И правосудия клонились к ней весы,
 Как вдруг чертенка с три откуда ни взялся,
 В клубках они свились
 У стряпчего в руке
 И так светились, как золото в кошельке.
 Чьего не соблазнит корысть проклята взора!
 Да кто себе злодей?
 Приказный крючкодей,
 Позабывая честь, берет за труд и с вора.
 Какой веселый вид явила вся контора!
 Не стряпчего ответ тут Правду обвинил,
 А то, что Демон всех на деньги соблазнил;
 Червонцы мнимые их очи ослепили;
 Они со Правдою злодейски поступили.
 Вершили дело так: «Понеже правы есть,
 Кто чью в суде поносит честь,
 И абие сего он делом не докажет,
 На нем вина вся ляжет.
 А яко же вошла со Ложью Правда в суд
 И оным нанесла всему приказу труд,

То и довлеет в том законным приговором
Со Правдой поступить как с вором:
Именье всё отнять,
Продать
И за бесчестие всё в выть отдать!»
К той описи крючки приказны приступили;
А их обряды таковы:
Как липку Правду облупили
Всю с ног до головы,
И Правду дорогую
Оставили нагую...
Но в этот самый раз
Великой добычью сей ябедник польстился,
Да свет дневной в очах его погас,
И он во ад
С душой своей спустился...
А Демон в сей душе нашел как будто клад;
Конечно, Демону есть клад такая душка;
И загремела вдруг веселая пирушка,
На коей Демон сам, упившись винца,
На старости тряхнул вприсядку голубца.

<1769>

64. ХВАСТУН

Был некто щеголек, довольно и богат,
И был женат;
А ко всему тому и волокита страстный!
Ревнивым всем был друг опасный,
Имея капитал;
И сколько было мочи,
Старался щегольством пленять он женски очи.
Именья многое число он промотал.
Супруга сим скучала,
Сердилась и ворчала,
И напоследок тем досаду окончала:
Взяла пример с него,
Влюбилась в уroda,
Неведомо в чьего
Влюбилась скорохода.

Досады на себя она не умножала,
Но купно со своим любовником бежала...

И в доме сделала простор...

Супруг об ней никак не затужился,

Но в роскошь он сильней пустился;

Мотал до оных пор,

Как без остатку всё именье истошилось;

Но страсти в нем к любви не уменьшилось...

Что ж делать?.. Горю чем вить надо помогать?

Стал в карты он играть,

Иль лучше вымолвить — пустился лгать.

«Там сорвал банк ста с два, тут был он в половине,

Тогда-то выиграл сто призов у господж,

От скуки, по полтине...»

А всё была то ложь!..

«Но всё ли уж сказал?.. Не всё еще...

Да что ж?

Еще сот с пять поддел... на верную играли... .

То олух был один... что даром деньги брали».

Казалось бы, так уж проигрыша нет,

Кто эдак мастерит, не скудно тот живет.

И сей хвастун так мыслил;

Чрез карты получить он кучу денег числил

И утешался тем всегда:

Авось-либо когда

Придет его планета,

Иль, просто молвить, рок;

Несчастьем минет срок,

Посыплется к нему ходячая монета!

От карт, как от крестьян, он ждал себе оброк,

Затем что стал игрок;

И сидя сам с собой, он судит,

Как сотенку рублей наудить,

На сотню сот пяток еще понаиграть,

А там за тысячи... Он мастер подбирать.

Тогда кареты, дом, всего довольно будет...

В мысль эту углубясь, и сам себя забудет,

Считая барышки.

Представится ему, что тысячны мешки

Лежат перед очами.

Спешит, чтоб спрятать их, и вскочит за ключами...

Прервется сим его приятный сон
И мысль хороша,
И не обрящет он
Перед собой ни гроша. . .
Но чем то наградить?
А надобно в игру входить.
Пошло последнее именье в сборку
И отправляется в процентщикову норку,
А деньги побрели в игорку. . .
Коль сребролюбцами не можно тех почесть
Людей, что выигрыш не в клад класть тщатся,
А также с прочими делятся,
Чему и удивляться?
Таких приятелей довольно есть.
Соседи оные часа не упустили,
Желателя играть поспешно навестили
И деньги от него к себе переместили. . .
Лишен имущества, лишен и денег стал,
Да лгать не перестал,
А больше подновился.
Всем сказывал, что сам от них он поживился
С две тысячи рублей; да только тех монет
В кармане нет.

<1769>

65. СЛОВЕСНЫЙ СУД

Сказка

Какой-то секретарь обижен был довольно,
А вот чем: капитан слугу его
Безо всего
Посек гораздо больно.
И от сего
Секретарек хлопочет,
Просить в приказе хочет.
В то время был обед,
Так уж присутствия в судебном месте нет,
И разбрелся всё подьяческое племя.
Обиженный, не тратя время,
Известно, каково крапивно семя
Есть

Привязчиво и колко,
 Не только
 Чтоб мог пощечину чью снесть,
 Хоть ненароком кто его по шее смажет,
 И к слову одному привязку учинит:
 «Прошу послушать! . . — скажет,
 Рукою сам укажет, —
 Вот этот господин теперь меня бранит».
 Читатель! не дивись на этого уroda,
 Нет гаже изо всех подъяческого рода.
 Однако продолжать мне сказку надлежит.
 Просильщик мой на двор к судье бежит,
 Вступает в дом судейский. Челобитчик
 И обидчик,,
 Узря холопа тут знакома,
 Спросили: «Дома ли? . .» Холоп сказал им: «Дома;
 Нет лишних никого,
 Окроме одного
 Племянника его», —
 Кой с дядюшкой своим сидел в одном приказе
 И также был судья.
 Лишь нет понятия в нем ни об одном указе,
 А был спесив и глуп, как сельска попадья.
 Нечаянный сей вход судей встревожил много,
 В чем способ им найти,
 Принять ли просьбу их, или от них уйти?
 Однако второпях их спрашивали строго:
 «Какая нужда их
 До них?»
 Просильщик им доносит
 И, кланяся, просит,
 Не допуская то до дальнего труда,
 Словесного суда.
 Обидчика своо пред ними уличает.
 Пришла беда.
 Судья не отвечает.
 Не трус обидчик был,
 Не делая препоны,
 Так, как велят законы,
 Всю правду объявил.
 Из дела этого без справок было видно,
 Кому кто сделал что обидно,

Кого кто чем винил
И как бранил.
Ни слова в сказке я своей не уронил.
Служивый ехал в ряд купить для птички клетку
И встретил на пути пылящую кокетку,
Которая тогда по новому снежку,
Как к милому дружку,
На санках парой мчится.
Служивый был нахал,
Так вздумалось ему за ней поволочиться;
Он вслед ей поскакал,
Нагнал,
И не дал им дороги.
Слуга ему кричал что мочи есть: «Прочь, прочь!
Кто б ни был ты таков, переломаем ноги,
Правь дале!.. Едет здесь подьяческая дочь!..»
За дерзость ту слуге суд сделан был им краток:
Стащен слуга с запяток,
И безо всех затей
Вкусил слуга тут страх плетей.
Присутствующие, не зная, как решить,
(А ссору эту их не можно утишить
Без должного им права),
Мнят, нет на то устава;
Свою вели всё речь,
Как должно огурцы в год свежие беречь,
И как солить их впрок, хоть было то некстате;
Но оба взад-вперед ходили по палате.
А челобитчики решения их ждут
И вон нейдут,
Бранятся меж собой, но только разговором.
Племянник проворчал, пускаясь на суд:
«Вот-с здор какой глупцы несут,
Как нету вам стыда трудить таким нас здором.
Не та теперь пора,
Мы едем со двора;
Удобности здесь нет решить сего прошенья,
А должно следовать по силе Уложения,
Делами судными не надлежит спешить».
Потом дворецкому дан знак был то вершить.
Дворецкий, на себя приняв судейску рожу
Или на то похожу,

Сердито говоря,
Винил секретаря,
Винил и капитана,
От коего-нибудь хотел себе кафтана.
Однако дело то осталось ни на чем:
Холоп был сам виною.
Вернул плечом,
Стал к ним спиною
И строго повелел до утра погодить,
А поутру сходить
К их третьему судье (об оном всякий знает),
Который наизусть законы все читает,
Примолвил им и то: «Хоть он-де наперед
За то пооберет,
Однако разберет,
До завтра не отложит,
Но резолюцию тотчас положит».
И вот окончил чем дворецкий свой совет,
А им в толь важный здор входить досугу нет.

<1769>

66. СКАЗКА

Читателям моим неясну мысль такую
Еще перетолкую,
В иное платье я сказку наряжу
И так расположу.
Обижен секретарь, что высечен детина,
То плевая беда;
На что б искать суда,
Когда бы не была другая в том причина,
От коей сталась быть секретарю кручина!
Донес слуга, что их служивый заманил
В свой дом, и девушку водил
В беседку,
И поизмял на юбке сетку.
Упрямого ж слугу попотчивал бичом.
Мое сумненье в чем:
Служивый заманил не птичку в клетку,
Приказную кокетку
К себе не калачом;

Когда бы девушка сама не похотела,
Она бы «ай! ай! ай!» запела;
Слуга б ей подтянул,
Воскрикнув «караул!»;
А после то и се, так люди бы сбежались,
Нахалы испужались
И разбежались.
Но, видно, девушке служивый был знаком,
Так нет и долгу ни на ком.
Приказная душа о дочке уж ни слова,
Что сделала позор,
И челобитная не в том у них готова,
А просьба на другой совсем была узор.
Слуге та честь досталась;
О дочке ж молвлено лишь только, что каталась.
Приказный крючкодей
Просить был должен трех судей,
Которых, помнится, вот эдак прозывали:
Начальный — Игроков,
Последний — Простяков.
Они не наживали
Мздоимством серебра,
Да и не делали ни худа, ни добра.
В приказе как судьи сидели
И важность, как и все, казать хотели,
В дела глядели,
Да только ни о чем понятия не имели,
Так дел вершить и не умели.
Проворный секретарь, овсяное зерно,
Им скажет что черно,
Судьи по сказкам-то таким и признавали;
В другой раз то ж зерно им скажет что бело,
Уверить тех судей и в том не тяжело.
Судьи им только рот, как галки, разевали,
А те крючки, как им угодно, клюковали,
Не сотенны мешки, да тысячны клевали;
И так о всех делах докладывали им,
Подобно как слепым
Искусну на стене картину толковали.
Не хитры сколь судьи начальный и меньшей,
Столь хитр середний был и был во всем искусен,

Лишь несколько душой
Приказной гнусен.
Он, словом, был делец,
Хитрец,
И наконец,
Другим не в образец.
Составился ему венец
Из злата и серебра и дорогих кристаллов,
А для сего от всех он прозван Обиралов.
Не куркали пред ним приказные крючки,
Сам мог он надевать на всякого очки,
А из-за взятков
Задавал иным тычки,
Не опасаясь вперед озадков.
Итак экспедитор
Ко бескорыстному судье сперва во двор
Толкнулся,
Да обманулся,
Ни с чем пришел, ни с чем и откачулся.
Оттоль секретарек
В другой домок
На той же кляче — скок!
Да к Обиралову судье приткнулся;
А у сего крючка
Без полного кулька
Гостинцев не свернулся.
Просильщиков судья хоть сотен трех лишил,
Однако обоим на пользу всё решил;
Он сделал в них друзей и ссору утишил.
Служивый помирился,
На девушке женился;
И стали жить да быть.
А!.. чтобы мне не позабыть
Окончить сказку точно,
Я думаю вот так,
А может, это думает и всяк:
Быть лакому судье — то чересчур порочно,
Быть глупому ж судье бесплодно и беспрочно.

<1769>

67. (ОСТРЫЙ ОТВЕТ ЧЕРКАСА ГОСПОДИНУ)

По улице идет Черкас,
Одетый небогато;
А время было то весьма холодновато;
На сем Черкасе был набойчатый халат,
И тот был худ немножко.
На этот раз глядел в окошко
Боярин из палат.
По виду должно быть в такой одежде нищу,
Кому потребен грош на пищу;
Но видеть у сего льзя было из лица
Лет в тридцать молодца,
А не увечного бродягу,
Слепого самого отвагу,
Какой без костыля не ступит шагу, —
Такие как-нибудь
Находят путь —
А этот, шед, резвился. . .
Боярин, зря его, дивился,
Желанье знать об сем боярина влекло;
Стучал Черкасу он в стекло.
Черкас остановился,
А из палат к нему лакей явился —
Холопская рука,
Сверх воли бедняка,
Схватила за заплаты
И повела в палаты. . .
Как принят был Черкас, не нужно толковать;
Черкас пришел не пировать,
Его и называть
Не станут другом;
Что спросят, то сказал, да и направо — кру́-го́м! . .
Беседа такова не может быть долга.
Спросил его боярин строго:
«Чей ты такой слуга? . .»
Черкас пред ним и сам не изъяснялся много,
А только на вопрос
Ему донес:
«Ничей, — каже, — слуга. . . Слуга я пана бога. . .
Иду ж, куда мне есть дорога.

Не маю я денегов,
Не маю сапогов;
И се ж мне треба
Скушати хлеба! . . .»
По сих словах свою возвысить должно б честь,
Велеть чего принесть
Бедняге этому поесть. . .
Но тут безо всего назад Черкасу бресть. . .
Неложно бедность ту присловицу имеет,
Что сыт голодного отнюдь не разумеет. . .
Боярин мнил, Черкас сказал то без затей;
Спросил его еще: «Ты божеский лакей;
Да что же на тебе ливрея небогата? . . .»
Сказал Черкас, и речь была замысловата:
«Як богу я служу, такая мне и плата. . .»
Разумно ли сказал Черкас или умно?
Ведь это всё равно.
<1769>

68. ВЛЮБЧИВЫЙ

Цветущих самых лет
Жил в близости меня сосед,
По моде кой себя вести всегда старался,
По моде убирался,
Дух влюбчивый имел,
И нужные все те приемы разумел,
Как лъзя войтить в любовь, как к даме подлеститься,
Как нежно к ней предстать и страстным притвориться. . .
И был довольно смел.
Слепое счастье ему служило,
Удачею его во всем должно
И подало ему обрести благую часть,
На путь избыточный попасть:
Пристроило его к такому вскоре месту,
В котором он найдя завидную невесту,
С именем, с красотой,
Детина холостой,
Надеждой не пустой
Себя лаская

И случая сего никак не упуская,
 И тем и сем пленясь,
 На девушке женясь,
 И начал жить пан паном...

Воспользовавшись таким таланом,
 Сначала показал, что он с рассудком тем,
 Как должно быть во всем порядочному мужу;
 Да не замедлился пойтить своим путем,
 И склонности его все вышли тут наружу,
 Стал мыслить он не так!..

Жене препятствии жить вместе с ним нашлись;
 Вошли как скоро в брак,
 Так скоро разошлись...

Надеясь муженек на женино богатство,
 По склонности опять пустился в сердцетатство.
 Где б случаем кого из женщин ни обрел,
 И только лишь узрел

Нарядну, но притом так стару, будто клушу,
 Готов отдать ей душу!
 С ней вступит в разговор,

Предпримет выхвалять сперва ее убор,
 Какой она для глаз мужских прелестный носит,
 И как он ей к лицу;

Притом поцеловать у ней он ручку просит;
 Но речь не доведя еще к концу,
 Приметя у другой субтельну ножку
 И стройный башмачок,
 К ней сделавши скачок,

С ужимкой страстною приближась понемножку,
 И сядет под бочок,
 Влюбляется и паче;

А как лишь отошел, то мыслит уж иначе...
 С иной отчаянным он духом говорит,
 Что в прелестях ее подобной он не зрит!
 Достоинства тут в ней всей силой выхваляет
 И всем, что есть богинь, ее уподобляет!..

Та в плен его берет приятным голоском,
 Другая танцеваньем;

Он за городом их трактует пированьем,
 Гуляя под леском...

Которая ж хоть в смех мигнет ему глазком,
 Но мысленно смеется,

А он уж ей тотчас и в верности клянется. . .
 В сих роскошах вся жизнь его цвела,
 Пока от счастья подпора в том была;
 Но лишь несчастье в том ему поревновало,
 Так вот оно что стало.
 В один раз щеголь сей подъехал ко вдове
 И начал к ней ласкаться. . .
 А та как будто бы в том стала колебаться;
 Однако ж с вольностью пришло ей расставаться! . . .
 Их влюбчивости сей причины были две:
 Один искал любиться,
 Другая — чтоб нажиться.
 Союз тем самым их обоих сопрягал,
 А лестный сей предмет им в этом помогал.
 Сей щеголь лишь успел ей молвить два-три слова,
 Себя в услуги ей вручил. . .
 Кокетка не была уже к нему сурова;
 Кокетка без ума
 Влюбилася сама,
 Без лести. . .
 В кого ж? . . вить не в него,
 А в денежки его. . .
 Сказать к ее лъзя чести,
 Ей то и на руку, что щеголя сего
 Не скудного поймала.
 Привычка в ней была сызмала:
 За деньги всех любить, без денег никого!
 Прелестница своей любовью торговала
 И всё, что нужное, себе тем наживала;
 Сей был ее доход,
 Когда услужит чем влюбившийся ей мот! . . .
 То хитро и сего повесу подловила,
 И твердым быть в любви к себе установила. . .
 Уж он нигде забав без ней себе не зрит,
 Любовью к ней горит,
 И тем и сем дарит,
 По ней с ума он сходит!
 Ее на мысль всяк час приводит;
 Ему она
 Одна
 Утеха,
 Других веселий всех помеха;

Где нет ее, то там придет ему тоска,
И словом, съест без ней не мог он ни куска! . .
А та любовь по тех пор и пылала,
Покамест обирала;
Но лишь узрела, что у щеголя сего
Не стало ничего
И что уже его
Изрядным образом она пооблегчила,
Или, ясней сказать, всего поистожила,
Тогда ее совсем потухла кровь
И миновалась у ней к нему любовь! . .
Кокетка щеголя неласково встречает,
С ним долго быть скучает
И холодно на все приветствы отвечает:
«Ох, радость. . . отвяжись!
Несносен, ты уж скучишь. . .»
А он ей говорит: «Жестокая, смягчись!
Ты так, как варвар, мучишь. . .
Скажи. . . чем заслужил
Такую я холодность? . .
Я делал всё, что мог, всегда в твою удобность! . .»
А та, чтоб он совсем надежду отложил,
С насмешкой говорит: «Влюбленных эта должность!
Но, радость, уж ты мне всю голову вскружил!
К чему такие пени? . .»
В отчаянии он;
Пред сей неверною хоть станет на колени,
Пуская жалкий стон,
Не зря путей к рассудку;
Но та прелестница всё ставила то в шутку;
Ее уж был пленен иной любовью зрак,
Да только от него отстать не знала как.
Однако ж ухитрилась:
С прехрабрым воином она уговорилась. . .
Тот ей отвечивал: «Прелестный мой предмет!
Тебя мне в свете краше нет!
Я для твоей любви
Не пощажу врага, пролью с ушат в нем крови!»
И тотчас меры взяв свои,
Сказал ей: «Не пугайся,
На храбрость уж мою теперя полагайся!

Я ограиичу все опасности твои. . .»
Влюбленный своего несчастья не знает,
Прелестницу свою он в мыслях лобызает
И тень её в мечте руками осязает;
Он страсти к ней своей не может уменьшить,
К ней нудит всякий час его любовь спешить.
Но рок ему удар готов был совершить.
Достигши спальни, он найтить утеху чаёт.
Кого ж он тут в сей раз? .. Соперника встречает!
Кой щеголю сему не нежно отвечает,
И не любовная пошла у них игра.
«Ты знаешь ли, — сказал ему сей воин строго, —
Что вашей братьи тут перебивало много. . .»
Увидел щеголь тут, что мало уж добра,
В отчаянье пришел сей лютою судьбиной,
 Как воин тот погнал его дубиной
 Немедля со двора,
Перешибя ему неосторожно руку,
И оным учинил навек с вдовой разлуку. . .
Сей щеголь? Клял свой рок, раскаянье творил,
И твердым духом он от горя говорил,
Что ввск уже сию неверную забудет
 И вспоминать об ней по смерть не будет. . .
 В сих мыслях и домой пришел;
В великой горести жену свою нашел,
Клялся ей, что с ней жить не будет больше розно.
Он заблуждение свое узнал, да поздно,
Как всё именье с той беспутной промотал
И после сам в стыде и изувечен стал.

<1769>

69. ОШИБКА,
или
ОСТРЫЙ ОТВЕТ МОШЕННИКОВ ГОСПОДИНУ
Сказка

Поехать на гулянье
Имеют многие желанье.
По склонности своей себя всяк веселит,
Иной всё ходит там, иной сидит,

Иной, напившись пьян, бурлит,
Иные взад-вперед на иноходцах рыщут,
Другие надобных узреть случая ищут,
Посадску тот вдову в любовну ловит сеть
И думает от ней он руки понагреть.
Иной, пригожую узря, за ней гуляет,
Узнать об ней желает;
С лакеем он ее вступает в разговор
И спрашивает, чьих она и где их двор.
Другой, в знакомую влюбясь, пред ней вздыхает,
Его пылает кровь;
Нашедши случай тут, он больше не скрывает
К ней жаркую любовь.
Тот, ставши поражен красавицыным взором,
Стремится о любви дать знать ей разговором.
А щеголь жалку речь в отчаяньи творит,
Что долго он своей красавицы не зрит.
Ужамшись, петиметр к кокетке подступает,
На коем в платье нежный вкус блистает.
Красавица в убор прелестный в этот раз
Нарочно нарядясь
Напоказ,
И тем свет знающих людей прельщает.
Иному девушка приятно отвечает;
А инде за женой ревнивый примечает,
Как щеголь ей при нем цветочек подает
И ручку у нее пристойно жмет.
Соперники, сойдясь, друг друга бесят;
Посадски мужики с женами пьют;
А мелки торгоши овощ всяк продают,
Под пьяну руку всем за фунт полфунта весят.
За стойкой в кабаке подьячим сбор;
Солдат над мужиком трусливым хоробрится,
А с целовальником всяк за обмер бранится;
У пьяных меж собой бывает спор,
И здор,
И шум и враки,
И брань и драки.
Десятские глядят, получше кто одет,
К тому поприцепясь, потащат под бекет.
Гусары там бои кулачны разгоняют,
Бойцов под караул берут;

Бойцы орут,
Разгонщикам пеняют,
В них кольями швыряют;
Тут чья взяла,
Да только выторжка бойцам всегда мала.
Фабричны песнями народ там утешают,
Которы их творцы нередко вымышляют;
Плутушки ж по чужим карманам промышляют.
Читатель! я тебя рассказом утрудил.
А на гульбище вот какое было дело.
Мошенник смело
По всем местам ходил
И вокруг людей толкался,
Где плохо что лежит, к тому и прибирался;
Проворная рука в карман готова лезть,
Где деньги есть.
К боярину тогда мошенник тот подкрался
И безо всех чинов
В карман рукою — сов;
Искал часов,
А у боярина их нету.
Вор тотчас и в другой, в тот, где кладут монету,
И шарить стал,
Да только ничего и тамо не застал.
По платью завсегда нетрудно обмануться.
Деньжонки где? . . у сермяков,
Посадских мужиков
Ведутся.
А кто красно одет,
На верную тут денег нет!
Боярин слышал всё, да знал неложно,
Что было у него в карманах тех порожно;
И для ради того
Мошенника сего
Боярин не страшает
И шарить допускает.
Боярин — весельчак,
А вор — смельчак.
Сказал боярин вору так,
Чем дело обличилось:
«Не осуди, что тут поклажи не случилось».

Вор этот светский был и все ухватки знал,
Тотчас он, поклонясь, боярину сказал:
«Нет, ничего, сударь! У нас и зачастую
Живет, что и к купцам в мошну лазим пустую».

<1769>

70. ПЛУТОВСТВО НАД ПЛУТОВСТВОМ

В приказных что душа
Не очень хороша,
Честные люди знают
Тем самым, что от них уж многие стонают!
С презрением хоть мы на них глядим,
Однако же сей род крючков необходим;
Примером, если кто вступается в наследство,
Какое без писца возьмет тут средство?
Короче вымолвить, на всякое взятье
Составит крючкодей на то челобитье...
Но здесь представить я намерен не такого;
Разбора сей иного,
Который в жизнь свою и запивоха был,
И в карточной игре немелким слыл,
О должности своей почасту забывая.
Так взяток он не брал,
В трактирах пребывая,
И в карты там играл
И жил лишь сим доходом...
Случилось мимоходом
Такому ж игроку к сему крючку зайтить
И в карточный с ним бой вступить.
Ему хозяин рад, гостей случилось много;
Крючок сей картами жил очень неубого,
И будто бы как клад он в них нашел...
Сначала разговор приятельский пошел;
Божественный стоял тут нектар — с пуншем чаша.
Хозяин возглашал гостям всем: «Воля ваша,
Скучна беседа наша;
Чтоб пунш не простывал,
Мы лучше будем пить!» — и в рюмки наливал.

Немедля начались тут рюмочные стуки...
 По сем пришедшему хозяин предложил:
 «Не позабавиться ль нам в карточки от скуки?»
 Сказавши гость — изволь, и деньги положил,
 А картами им в том мальчишка услужил.
 Какая ж началась у них игра?.. Угадка;
 Один игрою карт начнет кидать,
 Направо карточку, налево же другую;
 Противники себе ждут всякий часть благую,
 Стремяся угадать
 На счастье сущее, иль кто и на уменье.
 Когда ж не угадал, так должно то отдать,
 На карте было что... и в сем не замедленье,
 Проставит тут иной и всё свое именье!..
 А ежель угадал,
 То всеми деньгами уж тот и завладал!
 И в ету-то угадку
 Игрок со игроком пустились в схватку.
 Тасует карты гость, крючок ему мигает
 И знаки те дает,
 Что будто заманить других он помогает,
 Шутя повел игру, и денег не кладет...
 Обряд сей игроков не ложный.
 Писец употребить взял способ всевозможный,
 Чтоб гостя обогнать, хоть тот и карты крал...
 Другне, видя то, игрой сей забавлялись
 И хитростям в том их обоих удивлялись...
 Писец выигрывал, и деньги брал,
 И в свой карман их клал
 Не шуткой, самым делом!
 Проигрывая ж, их назад не отдавал,
 А только головой кивал
 И разуместь давал,
 Мелить чтоб на него те деньги мелом...
 Приказный деньги все к себе переволок,
 И только на столе остался лишь мелок.
 Окончилась игра, пришедший чист остался!
 Хозяин с ним сквитался
 Впоследок и мелком,
 И не осталось и долгу ни на ком,
 Кроме проигранных пришедшим крючкодею...

К сему донести я смею,
Что гость не унывал
А верно уповал,
Что проигрыш свой весь опять назад достанет,
И более шутя играть не станет. . .
Он мыслил, в картах им обряды так велят,
Что выигрыш делят,
А истинны свои обратно получают;
Друг друга в том они никак не огорчают;
К тому же полагал, игра была шутя,
И он же не дитя,
Не рекрут и в игре, сам картой деньги удил!
И по тому всему подъячего он нудил,
Чтоб больше не шутил
И деньги возвратил,
Как должно игрокам согласным.
Но к удивленью всех, крючок с довóдом ясным
Ответствовал ему
На то по-своему:
«Почтенно доложить вам смею,
Я ваших у себя монетов не имею!
Теперь они мои. . . игра у нас была,
Тебе хоть счастье льстило,
Но деньги от тебя ко мне переместило;
Так я не виноват, мне карта их дала. . .»
С сердецв игрок вскричал: «Вить мы играли
шуткой!»
Но доказательств в том приказный не спросил,
А прямо доносил
Своей на то погудкой:
«На то-де в море ерш, карась чтоб не дремал;
Пускай все игроки нас в этом разбирают,
Что в деньги никогда для шутки не играют! . . .»
Пошел великий смех сему у бывших тут,
Что документ подвел крючок не худ!
И спорить не осталось. . .
Подобных случаев со многими сбывалось.
Гость мнил с добычей быть в игре сей *мастерством*,
Ан вышло *плутовство* у них над *плутовством*.

<1769>

71. ТРИ ЖЕНИХА

Быль

Женихи живут в столице,
А невесты в деревнях;
Нужда сделалась вдовице
Пред постом в последних днях
С дочкой в город прокатиться,
С людьми добрыми спроситься,
Выдать замуж ей дитя.
Мало времени спустя,
По приезде их в столицу,
Слух разнесся про девицу,
Что ей надобен жених.
Молодец один явился
И невесте полюбился,
Дело в лад пошло у них.
Нет препятствию тут места,
Жениху мила невеста;
В прочем девушка сама
Была сельского ума.
Вид у ней был самый кроткой,
Ничему не учена,
И прямою новгородкой
Взращена была она.

Не искал жених изрядства,
И вот что сему виной:
Он лишь только для богатства
Мнил иметь ее женой.
Уже делал он наряды,
Как есть свадебны обряды;
С тещей важно говорил,
А невесту всем дарил.
С ним невеста веселяся,
В его волю отдалася;
Не боявшись греха,
Быть ввек верною клялася,
Целовала жениха. . .

Только три дни миновали,
Кон случай подавали

Им приятною судьбой
Веселиться меж собой,
Но другой жених явился
И ей столько ж полюбился.
Разбрелись глаза у ней.

Не прошло еще двух дней,
Жених третий понемножку
Сыскал также к ней дорожку.
Мысль утроилась в ней.

Нет диковинки в сем деле,
И не будет в том греха,
Что в одной у них неделе
Три столкнулись жениха.

Жених всякий к ней ласкался,
Всяк изрядным ей казался.
Обольщен ее стал зрак,
С кем вступить не знала в брак!
В ней замужством кровь кипела,
Но тут масляна приспела,
Должно свадьбу отложить.

С дочкой мать поста в начале
Женихам к большой печали,
Чтоб им головы вскружить,
Всех надеждой забавляют,
Сами город оставляют
И в деревню едут жить.

Женихи по сей разлуке
Провождали время в скуке;
Но из всех один жених
Был проворнее других.
Он вступил в село к невесте
Без чинов, прямым лицом,
С нареченной тещей вместе
Прохлаждаться стал винцом;
Зная он ее охотку,
Сколь она пить любит водку,
За прохлад наедине

Рада жизнь скончать в вине!
Должно к этому прибавить,
Что ей трудно день пробавить
Без хмельного питейца.
Нрав в ней сделался упрямый,
Что и в праздничный день самый
Прославлять пойдет творца,
Выпив мерочку винца! . .

Жених к теще тем подбился,
Что хмельное подпивал;
А невесте полюбился,
Что один всё с ней бывал.
Сокращал он теще скуку,
Ослеплял вином ей зрак,
И под пьяную с ней руку
Сделал рядную на брак;
И потом быв в духе смелом,
Приступая самым делом
Спешно к брачному узлу.
Женихи же те остались
Потеряв то, чем ласкались;
Случай подан им *ко злу!*

Но теперь здесь молвить можно
В честь героя моего,
Что проворен он неложно;
То увидим из сего.
Многи люди есть приметны,
Что бывают ввек бездетны,
Из бояр и бедняков.
Сей женатый не таков:
Хоть женился и недавно,
Но уж сделал дело славно
Тем, что полгода спустя
Родилось ему дитя.

Пусть то всяк, как хочет, судит,
Что не с ним он схож лицом;
Но дитя его ввек будет
Кликать тятей и отцом.

<1769>

72. МОДНАЯ ЖЕНА

Быль

Любя, супругу муж избаловал потачкой,
Хотя и не был трус;
Однако им жена играет, как собачкой. . .
Страдает муж горячкой.
Жена о сем ничуть не дует в ус,
Имея с малых лет она в амурах вкус.
В болезни стонет муж, жена хохочет,
Вдовой быть хочет
И мужу говорит: «Когда, мой свет, умрешь? . . .»
Что ж должно бы на то сказать? — Жена, ты врешь!
А муж ответственал, хотя жену исправить:
«Желаю я и сам давно сей свет оставить,
Когда лишь тем могу покой тебе восставить».

<1769>

73. МУЖ И ЖЕНА

Быль

Охотник в карты муж играть:
Над картами потеет,
От карт не богатеет,
Скудеет.
Охотница жена с любви дань собирать:
Сбирая дань, потеет,
Трудом сим не скудеет,
Трудом сим богатеет.
Супругу муж свою подозревал,
Увещевал
Сие отринуть дело.
Жена ему на то сказала смело:
«Теперь я зрю сама,
Что нет в тебе ума.
Когда б не я пеклась о нашей денег трате,
Так был бы уж давно ты, муж мой, в магистрате».

<1769>

74. БЫЛЬ

Супругу муж любя, желал всегда быть с ней
 Во всяко время;
Супруге было то тяжело бремя,
 Желала, чтобы к ней
 Был муж похолодней:
 Любовь ее супружня мучит,
Супруг присутствием своим ей скучит.
Она, не видя с ним веселых дней,
 Всей силою старалась
На время от себя его поотлучить
 И вольность получить,
Чтоб страстную любовь иному облегчить.
 Пред мужем притворялась
 И так,
 И сяк,
 Как может вообразить об этом всяк,
И мужу говоря она чистосердечно:
«Я вижу то давно, что болен ты, конечно,
Что всяку ночь, когда ты очень крепко спишь,
 Прежестокó хранишь;
Итак, представь себе, что мы подвластны року,
Вообрази, что ты боль чувствуешь жестоку,
Любезный мой супруг и дорогой мой муж!»
 А муж, хоть был здоров и дюж,
 Да сам себе не верит,
И думает он так: «Жена не лицемерит
 И правду говорит».
Что цвет в лице его не свеж, и сам он зрит;
По слабости своей так точно рассуждает,
 Супруге угождает
 И боль предупреждает.
Искусного врача велел к себе призвать,
Стал лекарь по рублю на всякий день клевать,
 Больного посещая,
Лекарствами его здоровье изнуряя
И сущую ему горячку приключая.
Хоть выдумка сия была и хороша,
 Да мало барыша.
 Супруга в горе
Прибегла к способу другому вскоре,

Больному начала советы подавать:
«Коль сможешь ты, мой муж, хоть чуть
вставать,
То лучше всякий день по разу проезжаться,
А нежель всё лежать
И немочь умножать».
Муж должен и сего был правила держаться,
Изволил проезжаться.
Что ж вскрылось наконец из случая сего?
А вот идет молва народного здесь гласа,
Что вышла та болезнь на верх главы его,
И сделалась на лбу его прикраса.
1769 (?)

75. БЫЛЬ

Имея девушка с природы чувство нежно,
Стараяся прилежно
Природу раздражать,
Кокеткам подражать,
Их правила держаться,
По моде наряжаться.
Собою же она удобнее пужать,
А нежель заражать.
Продолговатый лик, на коем цвет смугленек,
Немножко лик рябенек,
Немножко рот кривенек,
Немножко ум слабенек;
А вообще сказать прямым словцом,
Чресчур дурна лицом;
И это не привязка.
Не знавшему ее,
Увидя в первый раз, подумать лъзя сие,
Что то на ней надета маска;
А девушка себе такую дурноту
Считает в красоту.
Но рок, колико можно,
Дал ей о том узнать, сколь мнение это ложно;
И вот то было как. Тут гость, или жених,
Когда бывал у них,
Слуга, которому за оным ездить должно,

Когда узреть ее случай ни находил,
Он глаз своих с нее в то время не сводил;
И как она его взор всякий час встречала,
То не иное в том как склонность заключала
И на сие молчала.

Не стало сил ее в незнаньи пребывать,
Ей должно было то молчанье прервать.
Вернейшей нянюшке всю тайну открывает,
Что сведать от слуги она желает

Причину взглядов всех его,

И для ради сего

Велела

Усердной сей рабе

Привести его к себе

Под видом дела.

И та минута ей казалась долга,
Котора подождать слугу ей оставалась;

Она в задумчивость вдавалась,

Услужника ль найдет себе или врага?

Предстал пред ней слуга.

Какое воображенье!

Ее стал полон ум

Приятных дум.

Вдруг сердце у нее пришло в движенье;

Не знала, что начать,

А время коротко, нельзя молчать;

И как против себя она ни вооружалась,

Но радость на лице у ней изображалась.

Смущало дух ее присутствие его:

Волненье таково

Она имела,

В ней кровь кипела;

Она робела,

Она хрипела

И обладать собой в то время не умела.

В смятении к слуге простерла речь сию:

«Я позволение, мой друг, тебе даю

Открыть мне мысль свою;

А я тебе божуся,

Что я не рассержуся:

Какую в этом ты утеху находил,

Что часто на меня глаза свои взводил?

Неужто я тебе приятно кажуся?
Ах! я стыжуся! . .
Возможно ль, чтоб тебя пленил мой зрак? . .»
Слуга сей был хотя и не дурак,
Да правды он держался,
К тому же испужался,
А больше что в делах амурных был простак,
Ответствовал ей так:
«Сударыня! нельзя пред вами мне таиться,
Я искренне готов открыться,
Исполню ваш приказ;
Что против вашего лица я становился,
Причина та тому, что я всегда дивился,
Сколь в знатных и простых домах, где ни бывал,
Я сколь каких из женщин ни знавал,
Верховых девушек, боярышен, крестьянок,
Грузинок, персианок,
Но сроду не видал по самый этот раз
Нигде дурные вас».

1769 ?

76. НЕУДАЧА

Быль

Мы рассудок сей имеем,
И то твердо разумеем,
Что есть худо, что добро,
Что есть злато, что сребро;
Но не все творим мы благо:
Люди нрава есть инаго,
Просто молвить, нрава злаго;
Иго то стремятся несть,
От чего страдает честь;
Иль в обман вдаются смело
На бессовестное дело,
Приключать другим напасть;
Иль в вине находят сласть;
А дурный всего есть красть.

Тщетно я доводы трачу
Склонность ставить злу виной,

Я скажу про неудачу
Вам прелестницы одной;
И прелестницы такой,
Каковой поступки редки.
Та по правилам кокетки
Прямо жизнь свою вела,
Волокит не отметала,
Нежну страсть для них питала.
В своей юности цвела,
И тем только утешалась,
Чтоб быть склонною ко всем,
Принимати не гнушалась
В знак подарков тем и сем.
Не избегла в жизни плача,
Волокит хоть был содом,
В них была ей неудача,
Не могла скопить тем дом.

Скоро век сей пременялся,
Некто модницей пленился,
Не убогий молодец,
Не прыткою чресчур хитрец;
Он на брак тотчас склонился,
На манерщице женился;
Можно молвить про заклад,
Не жену нашел он — клад!
Зря к себе ее приятство,
Ей себя и всё богатство
Простодушник сей вручил;
Лишь того не получил,
Чтоб верна была супруга.
Ей нужна других услуга,
Избрала иного друга;
Сим она полезла в знать;
В совершенны вступя леты,
Зачала кокетка брать
Уж не деньги, не портреты,
Что ж такое?.. Туалеты.
Но к потокам горьких слез
Рок дни младости унес,
Часть драгую пременяет:
Ей любовник изменяет.

О ты, светска суета!
Стала модница не та:
Ко искусству прибегает,
Ей и то не помогает,
Поувяла красота.

Что ж начать? Нельзя сердиться
На судьбину никому,
Должно было покориться
Ей рассудку своему.
Новой доле не пеняет,
Приходя во славу вновь,
Она девушек склоняет
Ко любовникам в любовь.
Не избегла в жизни плача,
Ей и в том мала удача:
Ее все благодарят,
Да не все ее дарят.

Как подьячий в гневе лютом
Негодует на указ,
Что поставлен в нем он плутом,
И претит брать взятки с нас,
Так манерщицу терзает
Потерянье юных лет.
Больше тех часов уж нет,
Кто б прислал ей туалет.
Страсть ей нова грудь пронзает,
Тмит рассудок как туман;
Уже модница дерзает
Прибирать всё в свой карман;
Что бы в руки ни попало,
У нее бы то осталось.
Промысл сей легок, все мнят,
И искусников не чтят.
О сем модница не мыслит,
Прибыль многу в этом числит,
Ищет опыт сей явить,
Где б ей руку обновить.
Опыт сей когда случился,
Я об том не известился;
Может, было в генваре,

Может, в марте иль в июне,
Ну, пусть было хоть в июле,
На гостином на дворе.
Тут купцам у нас в прибавку
И француз имеет лавку,
А уж это и давно
Для бояр не всё равно.
Пленены они французским
И гнушаются всем русским;
Так не диво, что туда
Чаще ездят господа,
Сколько ради покупанья,
Вдвое больше для свиданья.

В сей-то лавке случай был
Решить трудную задачу;
Рок манерщице судил
Показать свою удачу;
Тут с любезной некто был,
С тою вместе, кем он страстен
И в которой не несчастен.
Щеголь сей сперва любил
Эту модную кокетку,
А потом, влюбясь в брюнетку,
Ей не только изменил,
Но помочь себе склонил.
О нрав женщины послушной!
Ты почтение нашла,
Дружбой сей великодушной
Всех влюбленных превзошла.
Льзя к ее огромной чести
Здесь сказать без всякой лести:
Не прехвальны ль то дела?
Быв любовницей прямою,
Но любовнику к покою
Собой жертвовать могла.
Вознеслася тем и паче,
Не противяся судьбе,
Зря возлюбленного в плаче
О иной, не о себе.
Сколько слез ни уронила,
Но ее к нему склонила,

Подала случай иметь
Им взаимной страстью тлеть.

Тут сойдясь, она мнит точно,
Что за труд он подарит;
А он мнил, что то беспрочно,
Больше нужды в ней не зрит.
Что ж, начать в слезах и плаче
Ввек тужить о неудаче?
Но грусть скоро уменьшит,
Как намеренье свершит.
Исчисляя все поступки,
По порядку вел дела,
Что под образом покупки
Тут манерщица была.
Всяку вещь она торгует,
Смотрит всё, о всем толкует,
Как порядок купли есть,
Но, забыв нёмножко честь,
Вещь, которую держала,
Ту в руке своей зажала;
Наш парижец, сколь ни смел,
Но почтение имел:
Хоть и видел всё то дело,
Как кокетка нечто смело
Вдруг изволила склонуть
И в карман себе воткнуть,
Он не ставил ей то в кражу,
Что искал свою пропажу.
Вот пришла теперь беда,
Должно треснуть со стыда!
Она руку наклонила,
Табакерку уронила,
Француз тотчас подхватил,
Сам с боярами шутил.
Но, о часть, достойна плача!
Ей и в этом неудача.
Что ж осталось зачать?
Пред французом замолчать.

Тут супруг, увидя диво,
Кражу в жениной руке,

Слов пяток сказал учтиво
На французском языке;
Не парижду он пеняет,
Но супругу извиняет;
Руку об руку потер
И сказал: «Votre serviteur». ¹
Не хотя с французом драться,
Он спешил домой убраться,
Со женой уходит вон,
Сделав вежливый поклон.

1769 (?)

77. РАЗГОВОР С УЧЕНЫМ

Случилось мне быть когда-то у соседа,
У коего была нарядная беседа.
Различный сорт людей пирушку составлял:
Тут были неучи, тут были грамотей,
То и различные чинилися затей.
Из неучей сбор весь беседу забавлял;
А школьный грамотей всяк важный вид являл;
Невежды в очередь скакали и плясали,
И друг друга толкали;
Хмельные же себе сидя особнячком,
Дымя всех табачком,
Забавясь меж собой различными играми:
Кто в шашки, кто в гусёк, кто в семь листов
с бегами.
Разумные гласят: писатель был Прадон!..
А пьяные кричат: давай играть в юрдон!..
И обще все твердят хозяину тихонько,
Что подбивает он гостей плохонько,
Не нужен-де теперь нам белый свет,
Когда попойки нет!..
И словом, гости все дурили как хотели
И, что умели,
Пели!..
Я надобностью счел ученым сделать честь,
С почтеньем к ним подсесть;

¹ Ваш слуга (франц.). — *Ред.*

Желая поучиться
Чему случится,
Стал велеречивым глаголам их внимать.
Материй тут уже не занимать:
Их головы как есть разрядная Архива,
И всякая на спрос ответ дать не ленива.
Вмешался я в один их важный разговор,
И вот о чем у них случился спор.
Как мнения у нас не ложные в народе,
Что всё, что есть в природе,
То всё устроено на тот конец вовек,
Дабы господствовал над оным человек!
Не спорное то дело.
Как вдруг из грамотных один, вступая смело,
«Неправда! — возгласил, — могу вам я донести.
Позвольте подле вас мне сесть
И изданное в свет, сколь помню я, прочесть,
О сем как Голберг мыслил;
Он точно наравне со всей нас тварью числил. . .»
Я вымолвить посмел на это вопреки,
Что твари бессловесны,
Так мнения нам их прямые неизвестны. . .
А он на то в ответ: что все мы дураки!
И присвоаем то себе мы всё напрасно;
А я-де вам скажу на это ясно;
Не для ради чего, а только ради шутки:
«В реке купались утки,
И отряхаясь всходя на бережок,
Брели в лужок,
И квакали они, кидая всюду взоры;
А квакание то вить значит разговоры.
Какие ж, должно знать, их были тут слова?
А вот: что вся в лугах трава,
Ручьи, протоки, лужи,
Всё создано для них,
Всё для приволья их,
Другие ж твари все на свете уток хуже! . .
И люди служат нам,
По зимним временам,
Лелеют, кормят, греют
И попечение, как о себе, имеют! . .»
Я улыбнулся тут. . .

А он с сердцов вскричал: «В тебе рассудок худ!
Чему смеяться?
Всё может стать,ся,
Я брежу не во сне;
А как известно мне
И как я постигаю,
Так вам и предлагаю.
А чтоб материю сию нам не забыть,
То близко уток тут мышам случилось быть;
Они в норах своих пищали
И тож вешали:
«Не столько нам нужна дневная красота,
Как благосклонная ночная темнота,
В которо время мы без опасенья бродим
И пищу для себя находим
В скирдах по пустошам.
Кому такое есть житье, как нам, мышам? . . .»
Крот, выползши из норки
Для той же поговорки,
Сказал: «А кошка-то вам разве не боязнь? . . .»
Мышь древняя на то сквозь зубы пропищала,
Кроту вешала:
«С злодейкой этою нельзя войтить в приязнь;
Но здесь нас она еще не посещала. . .
Да лъзя сказать и то:
Бояться нам ее почто?
Она оплошную мышь только пожирает;
А осторожная, состарясь, умирает. . .»
Я ближе тут еще к рассказчику подсел;
А он уж речь склонял к тому, как шел осел
К какому-то протоку:
«Представился-де тут в воде ослину оку,
Как в зеркале, его весь точный вид.
Осел остановился,
К воде понаклонился,
Рассматривая, сколь собой он сановит!
А день случился ясный,
Осел так, как Нарцисс прекрасный,
Любуясь собой, вскричал: «Да что ж!
Довольно я пригож
И статен!
Пускай так люди врут: осел-де не умен;

Однако ж он
Живет нередко знатен! . .
Чему ослам учиться?

Довольно, ежели умеем мы гордиться.
Коль есть у нас кормок, всяк песни нам поет
И, раболепствуя, почтенье отдает;
Но только вот чего ослам недостает:

Рогов,

Без них нельзя бодаться. . .»

Осматриваяся и с рыла и с боков,
Не мог он на себя никак налюбоваться:
«Кто может, — говорил, — в природе сомневаться?
Чтобы на всех полях трава росла
Не для ради осла? . .

И люди созданы ослам повиноваться!
Всесветный умница, да беден без числа —
В услугах у осла!

Он носит корму нам, он чистит наше стойло
И водит нас на водопойло.

Куды блажен наш век! . .»

Такую дерзку речь услышал человек.
«Возможно, — говорил, — чтоб это бедно племя,
Которо по судьбе

Таскать осуждено всегда тяжело бремя,
Имело о себе

Толику

Мысль горду и велику!

Не постигают их ослиные умы,
Что властелины есть над всем здесь мы.

От самого начала века

Всё предоставлено для пользы человека. . .»
С восторгом все вскричав: вот правда, а не ложь!

Согласно утверждал и я им то ж:

«Из смертных иначе никто не воображает».

Рассказчик продолжает:

«Вседневно духи зрят с предальной высоты
На все мирские суеты;

Один из оных рек:

«Колико человек

От нас далек?

Он должен во слезах, в болезни в свет родиться
И, живши на земли, работать и трудиться,

Поля орать
И пищу собирать;
Беды и счастье с ним всегда попеременно,
И после умереть он должен непременно! . . .»
Не мог уж более я басни сей сносить:
«Как можно нагло так природу поносить?
Простительно в сем быть ребяческим затеям,
И то не всякий раз;
А вам не стыдно ли, почетным грамотеям,
Не знать того, какой дар божий в нас?
Всевышний нам внушает глас,
Премудрость научает:
О чем вся тварь скучает. . .
Познания судеб из смертных всяк лишен,
Единый только наш творец есть совершен! . . .»
В сем мненьи краснойбай со мною согласился;
Да не осталось что ему и говорить,
Так начал он табак курить. . .
А я, окончив речь, всем низко поклонился
И в дом свой удалился.

<1781>

78. УДАЧЛИВЫЙ ЛЮБОВНИК

Прелестница себя Венере посвятила:
Пристанище нашла
И в славу многую вошла,
Парижцу прелестьми своими ум смутила!
Последовало что ж?
Француз не так чтобы уж слишком был пригож
И не был из себя ничуть ничем завиден;
Лишь только, как француз, был дерзок и бесстыден.
Притом скуднечек тож отчасти и умком;
Но в наглостях к любви счислялся знатоком.
Любовь у всех в крови и страстию сражает,
Она и простяков, как умных, заражает;
Итак, сомненья нет, что пленен стал француз;
Имея на себе любовных тяжесть уз,
Перед красавицей не скрыл свою он муку,
Сжимая у нее почасту нежну руку,

И начал делать ей любовную доuku,
 Искал войтить он с ней в сладчайший тот союз,
 Которым чувства все, роскошствуя, томятся,
 Потом животворятся,
 Иль в чем сверх наших сил
 Сдержаться, ежели кто друг другу будет мил!
 Прелестница сперва, быв юницею, стыдилась,
 Быв юницею, гордилась;
 Однако ж ни к чему всё это не годилось.
 За гордость оную ей скоро рок отмстил:
 Француз незнамо чем прелестницу польстил,
 Вздых тяжкий испустил,
 Часа не упустил,
 Страсть пылкую ей в грудь вместил!
 Прямой любви добился,
 И наконец и сам ей много полюбился.
 Потом любил, любил, и будто как устал,
 Любится больше с ней не стал,
 Оковы страстные прервав, отстал.
 Какие ж из сего произошли успехи?
 Неверный делал ей хулы, и брань, и смехи,
 И тщился всех родов вреда ей наносить;
 Обманутая всё должна была сносить.
 Но чем иным решиться?
 Неужто ввек крушиться
 И плакать до конца?
 Ей должно и самой забыть сего страмца.
 Она немедленно сие и учинила, —
 Оставя скарета, хорошего пленила;
 Сей прямо чистою любовию к ней тлея
 И ничего для ней, быв страстным, не жалел!
 Вседневно на алтарь тот жертва возлагалась,
 Уборным столиком что лъзя назвать,
 Когда прелестница пред оным убиралась,
 Чтоб более красы тем можно ей придать.
 Довольно времени они любовью тая
 И в сладости прямой утехою считая
 Друг друга часто зреть
 И пламенной всегда любовию гореть!
 В приятной жизни сей и дни и ночи длились,
 Без помешательства любовники любились. . .
 Француз, о сем узнав,

К прерванью их забав
По правам волокит вскочил, встряхнулся,
К прелестнице шагнул,
Со страстною опять любовью к ней приткнулся
И глазом ей мигнул;
Как муха к меду льнет, и он так к ней прильнул;
Но что бы из сего последовать удобно?
Обиженной его принять довлекло злобно
И лютость на него всей силой испустить,
Чтоб за насмешество бесчестному отместить.
Сего и ожидали;
А вскрылось, напротив, чего не уповали:
На место лютости жар прежний в ней вспылал,
Вскружил ее головку,
Ей старая любовь казалась за обновку. . .
Притворщик на судьбу свою все пени клал
И умереть пред ней желал. . .
Прелестница к нему престала быть сурова
И сделалась к его желаниям готова;
По легкомыслию ее он подловил
И прежнюю любовь к себе возобновил.
Пустилась в прежнюю она забавку,
А страстному дала любовнику отставку.
Немедленно о сем различный толк пошел,
Но точных следствий едва ли кто нашел!
Знакомки в том ее оправить и хотели,
Да только не умели;
Сказали так: «Ума хоть нету в нем на грош,
Да он для ней хорош».

<1781>

79. ГОЛЛАНДСКИЙ БЫК

Был некто крючкодей собой дороден,
Не очень только моден;
Напротив, был зело богат, однако скуп,
К тому же и умком отчасти туп.
Он с юных лет своих служил с фузеей службу,
Да скоро перервал со службой этой дружбу;
Казалась ему она не по плечу.

Итак, сия повеса,
Желая интереса,
Взял мысли: «Я-де чин, как статский, ухвачу,
И сев в приказ, то в год немало получу.
Наука не хитра приказного порядка;
Тут надобна догадка,
Тут надобна ухватка
Дела вершить,
И как просильщика из прибыли душисть
И истины его лишить. . .
Пункт первый тот стоит во крюкотворном праве,
Предписан ими в их уставе:
Где хлебец есть ему, тут лъзя и погрешить;
По сей присловице: пред Вышним кто не грешен?
И пред царем кто есть невинен до конца?
Но нет еще у нас такого образца,
Чтоб был когда-нибудь за взятки кто повешен. . .»
Благие мысли взяв, недолго дело длил,
За красное сукно себя определил.
Навыкнув вскорости приказным всем ухваткам,
И присуседился гораздо плотно к взяткам.
На первый случай тут приказного рука
Простерлась на быка,
Примером, будто бы на ссуду,
Подцапала быка на крюкотворну уду.
Промчалась в городе такая весть,
Что у приказного сего бык дюжий есть,
Такой величины, с голландского завода,
Что туши не сvezет его одна подвода.
К его то похвале достойно здесь сказать:
Достал он вещь, что в мир на диво показать.
Две тучности сошлись, одна другой глупее;
В их меру толст был бык; и эту честь имея,
Приказный сей, смотря от жиру калмыком,
То с сим быком
Он мог о толщине поспорить хоть при ком,
Что он его не хуже,
И меру в толщину имеет точно ту же. . .
Уже с неделю сей носился слух,
Как вдруг
Узнал о сем мужик богатый.
Желая посмотреть скотины той рогатой,

Нет нужды до того, которого числа,
 Когда мужик прислал посла,
 Немудрого детину,
Со просьбой показать ему тое скотину.
Сей присланный вступил в покой и бил челом
 О том,
Дабы пожаловать прислать быка к ним в дом.
А он тогда сидел с делами за столом,
И как был присланный со просьбой без приносу,
То сделал тут ему приказный рожу косу
 И в просьбе отказал,
 В ответ ему сказал:
«Желающие зреть скотину ту рогату
Явиться могут здесь, взнеся приличну плату,
 А ты, дружочек мой,
С пустым ко мне пришел, с пустым поди домой! . . .»
Коснулся сей ответ до мужикова уха,
Посадский этот сам спесивого был духа,
 Иль лучше был упрям,
Со просьбой сам не шел к подъяческим дверям.
 С такого виду
Сказал он напрямки, чтоб не было в обиду:
«К приказным на поклон бродить не приобьк,
 Довольно! . . Числю я, что сам он бык».

Посадский вымолвил гораздо некрасиво,
Да не ответствуй так и крючкодей спесиво.

<1781>

80. ПРИКАЗНАЯ УЛОВКА

Читал печатное, не помню, где-то я,
 А повесть вот сия:
Когда б подъячих мы не сами баловали
И повод им к тому не сами подавали,
 Они б не плутовали,
 Они б не воровали,
И в век свой в сем грехе они бы не бывали. . .
 А я скажу на то —
 Вы спросите — а что? . .

Не пременю я слова,
 Рассказка вот готова.
 Как, в свете жив, нельзя порока избежать,
 Или болтливому рот накрепко зажать,
 Или ленивому к наукам прилежать,
 Так точно всякого подьячего от взятков
 Не можно вовсе удержать...
 Прибыток сей им сладок;
 А путь к нему им гладок.
 Хоть с первых дней указ подьячих испужал,
 Да брать им за труды никак не удержал!
 Приказный выдумал тотчас такие хватки,
 Как брать тайком им взятки,
 Дабы просильщикам о том не докучать,
 А прибыль получать.
 Подьячески головки
 Легко изобретут надежные уловки,
 И вот что вымыслил писец: его возьми
 В свою просильщик норку,
 Напой и накорми;
 Потом в нехитрую игорку,
 Что вычислил писец с просильщика содрать,
 То должно тут ему, конечно, проиграть...
 И в этом,
 Что взятков не берут, клянутся белым светом.
 Я здесь про них сказал лишь только что вершки;
 А в их казну рублей скопляются мешки.

<1781>

81. ДВОРЯНКА В КУПЧИХАХ

Чиновного отца дочь, девка сирота,
 По бедности купцом в супружество взята;
 Купецкой став молодкой,
 Другую начала ходить походкой;
 Во девушках она
 Не кушала вина
 И презирала водку;
 Одну имела лишь охотку
 Почасту кушать чай!
 Читатель, примечай.

Придвинувшись к купчищу,
Придвинулась к винищу
И к крепкому пивищу,
Пустилась в чарку нос частехонько втыкать,
Привыкла куликать. . .
И ныне уже пьет она с охоткой
Поутру тот же чай;
Но пьет его уж с водкой. . .
Читатель, примечай.
Плотненько ежель кто чо круг кого потрется
Иль с кем дружненько поведется,
Ума и разума того и наберется.

<1781>

82. КУПЧИХА В ДВОРЯНКАХ

Купеческая дочка,
На возрасте девóчка,
Смазливенька лицом,
В замужестве быть никак не мнила за купцом. . .
Отец ее имел достаточек свободный;
Так ей желалось быть, конечно, благородной!
Не стало дело в том,
Старуха шась к ним в дом!
Невесте роспись в руки,
И ей за женихов сама бралась в поруки. . .
Старик, свое дитя
Утешить захотя,
Не размышляя боле,
Желая следовать во всем дочерней воле,
Заметил женишка в сей росписи с чинком,
Которого отец ему бывал знаком. . .
Откладывать сего вдаль дела не хотели,
Условились; жених на смотр явясь,
Невесте полюбясь,
Ударив по рукам. . . Подружки песни пели;
Потом и свадебку немедленно свертели.
Причина скорости такой сия была:
Невесте честь мила. . .
Жених же выгоды свои, напротив, числил:
Он состояние свое поправить мыслил,

Деревню чтоб купя, иметь с нее доход...
Но сказан вдруг ему нечаянный поход!
Пришло супружнику с супругой расставаться;
Однако ж не забыл он к денежкам прибраться,
И, нагрузая всем, сел на воз как-нибудь,

Да и отправился в свой путь...

Осталась молодая,

Об муже потужа,

И всю по том печаль на радость преложа,
Затейливостей тех своих не покидая,
Какие в девушках приятны были ей.

На воле став своей,

Приданое она довольное имея,
Но как себя вести, того не разумея,
Не в зрелом возрасте она еще была,
По-новомодному во всем себя вела;

Уборы и наряды

Брала всегда без ряды.

Сначала чистые платила рубельки,
А после начала давать и вексельки,
Лишь только чтобы ей со вкусом нарядиться...

Не слушалась ни в чем родимого отца,
Не знала, как себе уставить и лица!

И вздумала гордиться

Перед купчихами, их стала презирать.
Пустилась картами исправно козырять!..
Убит в походе муж, супружница осталась...
Родня ей новая немедленно сыскалась:

Кто кум, кто сват, кто брат...

Недолго ж это длилось;

Повсюду вексельков довольно расплодилось;
Голубушку сию стащили в магистрат.
Отец хоть выкупил ее из сей неволи,
Но уж восстановить не мог ей прежней доли.
Купец при свадебке щедренько поступил:
За дочерью он всё именье укрепил,

Сам чистым-чист остался,

И после только чуть не по миру скитался.

83. ЛЖЕЦ

Кто лгать привык, тот лжет в безделице и в деле,
И лжет, душа покуда в теле.
Ложь — рай его, блаженство, свет:
Без лжи лгуну и жизни нет.
Я сам лжеца такого

Знал,
Который никогда не выговорит слова,
Чтобы притом он не солгал.

В то время самое, как опыты те были,
Что могут ли в огне алмазы устоять,
В беседе некакой об этом говорили,
И всяк по-своему об них стал толковать.
Кто говорит: в огне алмазы исчезают,

Что в самом деле было так;
Иные повторяют:
Из них, как из стекла, что хочешь выливают;
И так
И сяк

Об них твердят и рассуждают;
Но что последнее неправда, знает всяк,
Кто химии хотя лишь несколько учился.

Лжец тот, которого я выше описал,
Не вытерпел и тут, солгал:
«Да, — говорит, — да, так; я сам при том случился
(Лишь только что не побожился,

Да полно, он забылся),
Как способ тот нашли,
И до того алмаз искусством довели,
Что как стекло его теперь уж плавить стали.
А эдакий алмаз мне самому казали,
Который с лишком в фунт из мелких был стоплен».

Один в беседе той казался удивлен
И ложь бесстыдную с терпением внимает,
Плечами только пожимает,
Принявши на себя тот вид,
Что будто ложь его он правдою считает.
Спустя дней несколько лжецу он говорит:
«Как, бешь, велик алмаз тебе тогда казали,
Который сплавил? Я, право, позабыл.
В фунт, кажется, ты говорил?»
— «Так точно, в фунт», — лжец
подтвердил.

«О! это ничего! Теперь уж плавить стали
Алмазы весом в целый пуд;
А в фунтовых алмазах тут
И счет уж потеряли».

Лжец видит, что за ложь хотят ему платить,
Уж весу не посмел прибавить
И лжей алмаз побольше сплавить;
Сказал: «Ну, так и быть,
Фунт пуду должен уступить».

<1779>

84. УСМИРИТЕЛЬНЫЙ СПОСОБ

Был у отца сын, малый молодой,
Шалун и бедокур такой,
Хоть голову кому так рад сорвать долой.
Какая только где проказа ни случится,
Наш малый завсегда тут первым очутится.
«Что, — говорит отец, — с повесой мне начать?
И чем его унять?»
Однако, чтоб себя стыда и бед избавить,

А в малом жару поубавить,
Он способ с ним еще вот этот предпринял:
Как матушка на то любезна ни косилась,
В Америку его на сколько-то послал.

Что ж? чем поездка та решилась?
Ужли смирнее малый стал?
Где! бешеным таким еще и не бывал.
И для того отец и дядя посудили,
Подумали и положили,
Что как пути в нем не видать,
То б в службу малого военную отдать.
Поплакали, погоревали
И наконец его в солдаты записали,
Что в самом деле для него
Полезнее казалось всего.
Хоть люди каковы б военные ни были
И что б про них ни говорили,
Но многих палкой жить они уж научили.
А впрочем, нүжды в этом нет,
Что столько ж иногда умен и тот, кто бьет,
Как тот, кто за вину побой принимает.
Однако малого ничто не пронимает,
И палка даже не берет.

Посылка за отцом, чтоб в полк ему явиться.
«Нет, — говорят, — изволь назад ты сына взять
И сам, как хочешь, с ним возиться,
А нашей мочи уж не стало больше биться».
И велено отцу его назад отдать.
Теперь уж от него добра не ожидать!
Но нет, скорехонько детину проучили:
Еще и месяц не прошел,
Совсем детина присмирел.
Да чем же малого так вдруг переменяли?
Ужли в тюрьму отец детину посадил?
Нет, лучше этого его он проучил:
На злой жене женил.

<1779>

85. ХИТРЕЦ

Когда-то в Лондоне хитрец один сыскался,
Который публике в листочках обещался,
Что в узенький кувшин он весь, каков он есть,

С руками

И с ногами

В такой-то день намерен влезть.
Причем кувшину он рисунок прилагает,
Почтенных зрителей покорно приглашает
За вход по стольку-то платить;
Начало ровно в шесть часов имеет быть.

Пошли по городу листы. «Ба! что такое?
В кувшин залезть? Что он, с ума сошел? Пустое!
Где это слыхано? Да и дурак поймет,

Что способу тут нет,

Хоть как ни стал бы он ломаться.

Однако, чтобы посмеяться,

Пойдем и поглядим, что это за чудаки».

Уж с чернью взапуски кареты поскакали;
И едучи, купец с милордом доказали,
Что нет физической возможности никак
Ему в кувшине уместиться.

«Положим, — говорит

Купеческа жена, — что это он смудрит

И как-нибудь в кувшин втеснится;

Да вот что мудрено: как в шейку-то пролезть?
Однако же пора: уж бѣз четверти шесть.
Эй, кучер, погоняй!» — Полгорода, собравшись,
Почти без памяти на тот кувшин глядит,
Который хитреца великого вместит.
«Что ж? скоро ли? — один другому говорит. —
Пора бы уж начать». Кто палкою стучит,
Кто топает ногой. Но, долго дожидавшись,
Узнали, что хитрец и с деньгами пропал.

Каких, подумаешь, обманов не бывает!
Тот тем, другой другим обманщик промышляет.

Вот я у нас такого знал,
Который о себе в народе насаказал,

Что может видеться с духами,
Всем их показывать и с ними говорить,
Болезни все лечить
Одними порошками.
И собирались тож к нему смотреть духов,
И порошки его в болезнях принимали;
Однако же духов, как слышно, не видали;
А от чудесных порошков
Скоряе, нежели от прочих, умирали.
<1782>

86. ДОМОВОЙ

Пусть люди бы житья друг другу не давали,
Да уж и черти тож людей тревожить стали.

Хозяин, говорят, один какой-то был,
Которому от домового
Покою не было в том доме, где он жил:
Что ночь, то домовый пугать его ходил.

Хозяин, чтоб спастись несчастья такого,
Всё делал, что он мог: и ладаном курил,
Молитву от духов творил,
Себя и весь свой дом крестами оградил;
Ни двери, ни окна хозяин не оставил,
Чтоб мелом крестика от черта не поставил;
Но ни молитвой, ни крестом
Он от нечистого не мог освободиться.

Случилось стихотворцу в дом
К хозяину переселиться.
Хозяин рад, что есть с кем скуку разделить;
И чтоб ему смелее быть,
Когда нечистый появится,
Зовет его к себе с ним вечер проводить.
Потом просил его, чтоб сделать одолженье
Из собственных стихов прочесть бы сочиненье.
И стихотворец, в угожденье,
Одну из слезных драм хозяину читал
(Однако имя ей комедии давал),

Которою хотя хозяин не прельщался,
Да сочинитель сам, однако, восхищался.

Нечистый дух, как час настал,
Хозяину хоть показался,
Но и явления не выждав одного,
По коже подрало его
И стало не видать. Хозяин догадался,
Что домовый чего-то невзлюбил;
Другого вечера дождавшись, посылает,
Чтоб посидеть опять к нему писатель был,
Которого спать читать он заставляет;
И он читает.
Нечистый только лишь придет —
И тем же часом пропадет.

«Постой же, — рассуждал хозяин сам с собою, —
Теперь я слажу с сатанюю;
Не станешь более ты в дом ко мне ходить».

На третью ночь один хозяин наш остался.
Как скоро полночь стало бить,
Нечистый тут. Но чуть лишь только показался,
«Эй, малый, поскорей! — хозяин закричал. —
Чтоб стихотворец ту комедию прислал,
Которую он мне читал».
Услыша это, дух нечистый испугался,
Рукою замахал,
Чтобы слуга остался;
И словом, домовый
Пропал, и в этот дом уж больше ни ногой.

Вот если бы стихов негодных не писали,
Которые мы так браним,
Каким бы способом другим
Чертей мы избавляться стали?
Теперь хоть тысячи бесов и домовых
К нам в дома станут появляться,
Есть чем от них
Обороняться.

<1782>

87. ДВА БОГАЧА

Два были богача, и оба в тяжбе были;
Причины же прямой я не могу сказать:
 Кто может всё подробно знать?
К тому же толк иным делам приказным дать
Не так-то чтоб легко. Иные говорили,
 Что спор их из куска земли;
 Другие,
 Что будто бы долги какие
Прапрадедов своих друг нá друга начли.

 Таким-то и тягаться,
Которым кошелек поможет оправдаться
И у судей закон и совесть откупить;
 А недостаточные знают:
Без денег, как на торг, в суд незачем ходить.
Приказной формою дела их в суд вступают,
И каждой стороне их стряпчие ласкают,
 Что в пользу дело окончают.
Проходит год, другой, и близь десятка лет,
 Конца, однако, делу нет.
 Ужли судьи их сговорились
 Так долго дело не решить?
Вот тотчас клеветать и на судей вносить,
И думать, что они из взятков согласились...
Как будто бы нельзя другим причинам быть,
Что дело тихо шло. Ну, как тут поспешить?
С год, говорят, по нем в одних архивах рылись.

В том самом городе, где спор происходил,
 Какой-то живописец был,
Который написал на богачей картину
Так, что нагими их он в ней изобразил
И выставил в народ. Все спрашивать причину,
Весь город толковать и говорить об них,
И только что речей о богачах нагих.
 Дошло о том до богачей самих.
 Пошли смотреть картину
И видят: дело так. Тронúло это их:
Неудивительно. Готовы уж прошение

На живописца подавать,
Чтобы бесчестие взыскать
И, в тяжбе будучи, другую начинать.
«Как, говорят, снести такое поношенье!»
Пошли его спросить, однако, наперед.
«Пожалуй, говорят, скажи, что за причина,
Что в поруганье нам написана картина
И выставлена в свет?»
Что, разве ты, мой друг, сочел нас дураками,
Чтоб насмехаться так над нами?»
— «Нет, — живописец им сказал, —
Не с тем картину я писал,
Чтоб мне над вами насмехаться;
А только вам хотел картиною сказать,
Чего вам должно ожидать,
Когда еще вы станете тягаться».

<1782>

88. ПРАЗДНИК ДЕРЕВЕНСКИЙ

Мы в прихотях своих того не разбираем,
Во вред ли, в пользу ли нам то, чего желаем.

Стал праздник годовой в деревне наступать;
Кто празднику не рад? Крестьяне дожидаться,
Всем тем, что надобно на праздник, запастись
И с радости вперед уже располагать,

Как погулять,
Попировать,
Самим как в гости побывать
И как гостей к себе созвать.

Настал их праздник, и настало
Ненастье с праздником, какого не бывало,
Так что ни вон из изб. А правду всю сказать,

Так для народа
Тогда и погулять,
Как хороша погода.

А тут и дождь, и снег, и град,
Грязь по колени.

Крестьяне в жалобу и в пени;
Никто и празднику не рад,
И к богу вёдра приступили
(Язычники крестьяне были).
«Помилуй, — говорят, — во весь мы круглый год
Покою часу не имеем;
То пашем мы, то жнем, то сеем,
Когда не на себя, так на своих господ.
Неделя нам в году, чтобы повеселиться,
И та вот прахом вся пошла.
Погода до того всё хороша была;
Теперь на улицу не можно появиться».

«Неблагодарные! — бог вёдра им сказал. —
Не знаете, чего хотите.
Вперед судьбу вы не гневите.
К спасенью вашему я вам ненастье дал;
Хлеб на полях у вас совсем уж пропадал:
Зной выжигал его, а червь его съедал».

<1782>

89. МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ УЧЕНИК

Отец один слышал,
Что за́ море детей учиться посылают
И что вообще того, кто за морем бывал,
От небывалого отменно почитают,
Затем что с *знанием* таких людей считают;
И, смóтря на других, он сына тож послать
Учиться за море решил.

Он от людей любил не отставать,
Затем что был богат. Сын сколько-то учился,
Да сколько ни был глуп, глупе возвратился.

Попался к школьным он вралям,
Неистолкуемым дающим толк вещам;
И словом, малого век дураком пустили.
Бывало, глупости он попросту болтал,
Теперь ученостью он толковать их стал.

Бывало, лишь глупцы его не понимали,
А ныне разуметь и умные не стали;
Дом, город и весь свет враньем его сучал.

В метафизическом беснуясь размышленьи
О заданном одном старинном предложеньи:
 «Сыскать начало всех начал»,
Когда за облака он думой возносился,
Дорогой шедши, вдруг он в яме очутился.
Отец, встревоженный, который с ним случился,
Скоряе бросился веревку принести,
Домашнюю свою премудрость извести;
 А думный между тем детина,
 В той яме сидя, размышлял,
Какая быть могла падения причина?
«Что оступился я, — ученый заключал, —
 Причиною землетрясенье;
А в яму скорое произвело стремленье
С землей и с ямою семи планет сношенья».

Отец с веревкой прибежал.
«Вот, — говорит, — тебе веревка, ухватись.
Я потащу тебя; да крепко же держись.
 Не оборвись!..»
— «Нет, погоди тащить; скажи мне наперед:
 Веревка вещь какая?»

Отец, вопрос его дурацкий оставляя,
 «Веревка вещь, — сказал, — такая,
Чтоб ею вытащить, кто в яму попадет».
— «На это б выдумать орудие другое,
 А это слишком уж простое».
— «Да время надобно, — отец ему на то. —
 А это, благо, уж готово».
 — «А время что?»
 — «А время вещь такая,
Которую с глупцом я не хочу терять.
Сиди, — сказал отец, — пока приду опять».

Что, если бы вралей и остальных собрать
И в яму к этому в товарищи сослать?..
 Да яма надобна большая!

90. КУЧЕР И ЛОШАДИ

Не ведаю того, в каком то было лете
И точно коего то месяца и дня;
Лишь ехал господин по улице в карете,
То только знаю я.

На козлах кучер был с предолгими усами
И тамо управлял упрямыми конями.
Не так на небесах гордился Фаетонт
Иль Ахиллесов вождь коней Автомедонт
В то время, как то он без правил и закона
Скакал к стенам прегорда Илиона,
Как, козел с высоты, скиптр кучерский в руках,
Подобно как индейский шах,
Гордился кучер мой и так превозносился:
«Какая часть моя!

Где я?

В какой высокий чин на свет я сей родился?
Се подданны мои, на них мне власть дана,
Тварь бедна, для меня лишь ты сотворена».
Но в час, плачевный час, как хвастал он надменно,
Неслыханное зло в то время совершенно:

Конь в брюхо брык,

Упал мужик.

Поднялся крик.

Как прежде в высоте вверху был над конями,
То стал под коньими ногами.

О вы, великие и сильны на земли!
Толь страшну истину из уст моих внимая,

Страшитесь, чтобы не могли
Вы гордостью дойти погибели до края.
И вы, всевышнего подобие и вид,
Цари, я к вам мой глас днесь обращаю,
Простите мне, коль я вспоминать дерзаю,
Что не презрение любовь к вам в нас родит.

<1773>

91. МИРОТВОРЕЦ

Был-жил мужик
Зуб о зуб со своей женою,
Старинна леса кочергою;
Долгонек был у ней немножечко язык,
У муженька ее еще он был подоле.
В драчливый кой-то день рассорились дотоле,
Что за святые им пришло хватить власы.
Сомкнулися их лбы, сперлися их носы,
Взнесенны руки их главу превосходили,
И персты, впущенны в власы, их зацепили;
Подобно так, или и меньше горячо,
«Евстафий» с кораблем сцепилися неверным;
Подобно так они с усилием безмерным
Друг другу голову склоняли на плечо.
Не знаю, для чего за волосы схватились,
Не волосы бы им наказывать — язык;
Но видно, что сперва они не сговорились,
И говорят притом, мужик был так, как бык,
По-русски бык упрям. Поболе мы упрямы:
Мы часто не хотим и выходить из ямы,
В котору ввергло нас упрямство лишь одно.
Послушать не хотя, мы падаем на дно.
На крик, на вопль, на шум сосед один склонился,
На место мигом он сражения явился.
Три раза кашлянул и плюнул три раза
В глаза
Обоих сих героев,
Что уж по множеству начатых снова боев
Держали вырватых по клоку волосов.
Старинушки мои, его не слушав слов,

Друг с другом съединились
И, ссору позабыв, на друга вооружились.
Тут разнимальщик мой насилу дверь нашел
И, спину понагрев, домой скоряй ушел.

Где двое ссорятся, тут третий не мешайся
И в ссоры, сверх всего, супружни не вступайся.

<1773>

92. КОНЬ

Был конь — добра лошадка,
И статен и красив собой,
Одна в коне была повадка —
Махал частенько головой.

Хотелось отучить лошадку господину,
И так конюшему боярин приказал,

Чтоб от того коня он отучал.

Конюший рад тому и бьет себе скотину,

Да в голову — не в спину;

А конь головушкой поболе стал махать,

А конюх боле драть.

Из силы конь избился;

А конюх говорит: «Вот конь и отучился

И уж махать не стал».

То правда, что махать головкой перестал

И пал.

Головушка разбита.

Лошадушка зарыта.

Но дело мне не до коней.

Вы, коим поправлять досталось людей,

На пользу сей пример себе употребляйте:

Не силой — тихостью порочных исправляйте.

<1773>, 1780-е годы

93. ФРАНЦУЗСКАЯ ЛАВКА

Разврата обошла
Ряды все русских лавок,
Нигде по мысли не нашла
Ни лент, ни шпилек, ни булавок.
Всё было не по ней;
Ей не хотелось русских.
На что дешевых ей?
Ей надобно французских.
Французское добро годится ко всему,
Хоть дорого, да мило;
А русское всегда не годно ни к чему,
Что дешево, то гнило.
Российский глуп народ,
Не смыслит вымышлять различных дамских мод.
По правилу сему Разврата поступала,
Что дорого, лишь то она и покупала.
Пришед она к купцу, сказала: «Буржуа!
Пожалуй покажи мне ленты мерд д'уа».
Купец от радости себя позабывает,
Кусок лент лучших подает
И, чтоб скорей продать, ей тотчас объявляет,
Что их он продает
Недорогой ценою.
«Marchand, топ beau monsieur! ¹ Ты шутишь надо мною! —
Разврата, слыша то, со гневом бросив их,
Купцу так говорит. — Ты подал, видно, русских,

¹ Торговец, голубчик! (франц.). — Ред.

Не надо мне таких,
 Мне надобно французских».

— «В французских лавках те ж изволите купить, —
 Ответствует купец, — лишь только подороже».

— «Ах, русская свинья! тебе ль меня учить?
 И вкус в нарядах знать твоей ли мерзкой роже?
 Как смел против меня разинуть ты свой рот?
 Le pauvre diable! ¹ Ты глуп, ты русский скот!»

Сказав сие, она с досадою уходит,
 Французских лент купить к француженке приходит.
 Разврата в лавку лишь французскую вошла,
 По мысли всё нашла.

Какие чепчики! какие это шляпки!
 Флер, креп, лино, цветы, и перья, и накладки!
 Да тут же и сидит не русская торговка,
 Негодная плутовка,
 Но честная мадам
 Французския породы,

Котора принимать умеет знатных дам
 И из Парижа к нам выписывает моды.
 Что вымыслит сама, то модою зовет,
 И с данным именем парижским то слывет.
 Парижская ж дрянца получше русской дряни,
 Достойна налагать на дам российских дани,
 Достойна всех похвал.
 Не всяк ли это скажет?
 И гордый самохвал
 Почтение к ней кажет.

А вы, издатели французских разных мод,
 Достойны всякой славы!
 Вы русский учите переменять народ
 Свои на ваши нравы;
 Вы мудростью своей
 В изобретении вседневно моды новой
 Госпож и щеголей
 Увеселяете какой-нибудь обновой.
 За ваши все труды
 И малы те плоды,
 Что гривенную вещь за рубль вы отдаете
 И русское в пять раз дороже продаете.

¹ Бедняга! (франц.). — *Ред.*

Какая в лавке сей дорожке вещь была,
Разврате более казалась та мила.
 За всё она платила
 Роскошною рукой,
 Мадам обогатила,
 Поехала домой.
 Дорогой веселится,
Француженку благодарит,
 Хорошим всё ей мнится;
Она с собою говорит:
«Бессмысленные все скоты вы, россияне,
 Французы вам ли, ах, чета!
 И вы такие ж християне,
А мысль, не знаю я, чем ваша занята!»
<1782>

94. БЫЛЬ

Сердитый господин слугу всегда журит,
Кричит, ворчит, бранит, всегда так говорит:
 «Ты пьяница, мошенник,
 Свинья, скот, плут, бездельник,
 Злодей, разбойник, вор».
 Такой-то разговор
С слугою завсегда боярин сей имеет.
Слуга и отвечать боярину не смеет;
 Хоть прав, хотя неправ,
Сносить он принужден бояринов злой нрав;
 Хоть он всегда исправен,
 Но барину не нравен.
 Когда придет пора
 Хозяину с двора
 Идти, слуга крестится:
Без барина ему ад лучше рая мнится.
От брани, от побой лишь отдых без него,
При нем не видит он покою ничего.
Хотя он угодить во всем ему радеет,
Хоть ночи он не спит, хоть он в трудах потеет,
Но милости себе не видит от него:
 Он всё бранит его.

Боярин ни во что его услуги числит,
 Боярин мыслит:
«Так Феодул всегда обязан мне служить.
 О чем ему тужить?
Он должен милостью моею быть доволен,
 Что в том, что он не волен?
 Он пьет и ест мое,
 Он носит не свое,
 Его я одеваю,
 Заботы всей лишаю.

Не только должен он стараться угодить,
Он жизни за меня обязан не щадить.
За милости мои мала и эта плата,
 Мала ли это трата?
Во что становится он мне по всякий год?
 Изрядный будет плод,
Когда и впредь таких услуг он не окажет!
Но ты бранишь и бьешь его, иной мне скажет.
Да, так; но Феодул на то вить и рожден:
Не господином он, рабом произведен».

В сих мыслях он с своим слугою поступает;
Как вздумает, бранит, как хочет, так ругает.
Как долго ни терпел, как долго ни сносил,
Не стало наконец у Феодула сил.
Не снес, и барину сказал в одно он время,
Когда назвал его он *«Хамово ты племя»*:
 «Пусть я от Хама произшел;
Но вас хоть *Иафет*, хоть *Сим* бы произвел,
 Мне нужды в этом нету;
Я знаю лишь, что Хам брат Симу, Иафету
И что, хоть никуда совсем я не гожусь,
По Хаму я и вам роднею довожусь».

Боярину сие казалось обидно:
 Как барину не стыдно
 Слуге роднею быть?
 Но чем же пособить?
 Глаза ведь правда колет.
 Боярин не изволит,
Чтоб грубо Феодул ему так отвечал.
 Зачем он не молчал?
 С боярином так спорит!

Боярин ведь не вздорит,
Боярин никогда не врет,
Да с брани же слуга господский не умрет.
Коль бранного не снес от барина он слова,
Конюшня для него с плетью уже готова.
Как он отважился сказать такую речь!
За это до смерти не можно не рассечь.

Поди-ка отдувайся;
Вперед не огрызайся
И так не говори.

«Конюшего с плетью! возьми его, дери!
Спасибо, так, так, так, вот так-то хорошенько,
Еще, еще, еще, еще хоть бы маленько;
Давно уж у него не чесана спина,

Давно свербит она.

Ну, Митька, подсоби, еще, еще прибавьте.
Что? иль устали вы? Ну, полно, перестаньте.

Подите-ка сюды,
Я за эти труды
Велю своей кухарке
Вина вам дать по чарке».

Вот так-то своего слугу боярин дул!
Крехтит, кричит, визжит, вертится Феодул;
Не смеет говорить, однако размышляет:
«За что меня, за что так барин мой терзает?
Ах! должно ли того побоями морить,
Кто пред начальником стал правду говорить?
Над подчиненным власть на что он и имеет,
Коль правды вольно он сказать ему не смеет?
На то ль начальник дан,
Чтоб подчиненным он жестокий был тиран?
Приятно ль им себя в тиранской власти видеть?
Тирана лишь тиран не может ненавидеть.
Когда же обретут в начальнике отца,
Усердием к нему пылают всех сердца,
Во всем ему они охотно угождают,
И он жизнь и они спокойно провождают».

95. ФЛОР И ЛИЗА

(Сказка в стихах)

В Москве, обильной красотами,
Прелестна Лизанька цвела;
Самой любви она перстами
Прельщать сотворена была.

Как юна роза дней весенних
Скрывает прелести свои
От ветров, ею обольщенных,
Так Лиза крылась от любви.

Пред солнцем только разверзает
Свою цветущу роза грудь;
Лишь Флору Лиза дух вручает,
Возмогшему ее тронуть.

Ты клялся... трепещи, неверный!
Ты клялся Лизу ввек любить!
Зри казнь здесь каждый лицемерный,
Кто клятвами дерзнет шутить!

Любовь в их сердце не взрастала,
Нельзя ей было больше быть;
Ко Флору Лиза вся сгорала,
Как Флору Лизы не любить?

Вещала иногда, смутясь:
«Будь верен, счастье в том мое;

А если...» Слезы тут, лияся,
Перерывали глас ее.

Святейши клятвы, воздыханья
И всё, что есть, употребля,
Старался утолять страданья,
О, варвар! бедную губя.

Не верь льстецу, о Лиза нежна!
Не верь — его все ласки яд,
Твоя со смертью радость смежна,
В ком видишь рай — увидишь ад.

Колико прелестьми блистает,
Богатством Лиза так бедна;
Всечасно Флора то смущает,
Не ведает того она.

Затменна страстию, не знает,
Что лютей Флор готовит ей;
Одежду брачну та сплетает,
Тот — смерть возлюбленной своей!

Уж завтра должно б браку быти,
Уж завтра!.. Лиза вне себя...
Как мог ты, варвар, позабыти
Красу, любящу толь тебя?

Ты не забыл ее, несчастный!
А думал только, что забыл,
И, златом омрача дух страстный,
Не истребя любовь — затмил.

Твой, Лиза, Флор идет с иною
На брак в тот день, в который он
Был должен внити в храм с тобою...
Представьте Лизин горький стон!

Как бледна лилия, согбенна,
Падет от тяготы дождей,
Так Лиза, вестию сраженна,
Падет, лишась красоты своей.

Заря ее ланит затмилась,
Чело покрыла смерти мгла;
Прекрасной Лизы часть свершилась,
Для Флора лишь она жила.

Подруги, вокруг ее стоная,
Ей жизнь стремятся возвратить
И, имя Флора вспоминая,
Хотят несчастну оживить.

Услыша милое названье,
Раскрыла Лиза томный зрак,
Стенет: «Се брачно сочетанье!
Я в гроб иду, а Флор на брак.

Счастливым страшный, мне приятный,
Уж мой последний близок час;
Уже меня зовущий, внятный
Я слышу алчной смерти глас.

Ее вы зрите ль хладну руку,
Влекущую меня? . . . Иду
И, позабыв сердечну муку,
О смерть! покой в тебе найду.

Чем, Флор, я винна пред тобою?
Богатств у Лизы нет твоей;
Ты сыщешь злато со иною,
Не сыщешь ты любви моей.

Спешишь ты к алтарю с другою
И радость мыслишь там найти;
Я, верно, встречу там с тобою,
И я туда потщусь прийти».

Потом, к подругам обращаясь:
«Снесите вы мой труп в тот храм,
Где брачно торжество, свершаясь,
Не будет зримо сим очам.

Там Флор во брачном одеянье,
А Лиза будет в гробе там!»
По сем последне въздыханье
Конец соделало словам.

Ее свершили завещанье
И тело отнесли в тот храм;
Там Флор во брачном одеянье,
А Лиза в темном гробе там.

Флор, смутны взоры обращая,
Так близко Лизы зреть не мнит,
Но совесть, дух его смущая,
Вещает, кто пред ним лежит.

Не знает, отчего трепещет,
И меркнет брачный свет в глазах.
Приблизился. . . Что в очи блещет?
О, горесть! о, любовь! о, страх!

Безгласна Лиза, чувств лишенна,
Льстецу уж пеней не творит,
Но гроб, где Лиза протяженна,
Но гроб за Лизу говорит.

Он зрит: прекрасна тем покрыта,
В чем в брак готовилась она;
Одежда, розами ушита,
Не в брак, но в гроб обновлена.

Он видит те уста любезны,
Его просивши ввек любить.
Он алчет в те часы преслезны,
Но поздно алчет верен быть.

Зрит к сердцу сжаты нежны руки,
Которы он лобзать любил;
Зрит на челе ее все муки,
Которых он виною был.

Корысть его не утешает,
Над золотом верх взяла любовь.
Он видит смерть, и смерть вкушает,
В его хладеет жилах кровь.

Не плачет он, не воздыхает:
Сего превыше грусть его!
Дрожит, падет и умирает
Преступка жертва своего.

Невеста, к браку поспешая,
Уже супругом Флора чтит,
И, золотом, как заря, блистая,
На крыльях радости летит.

О, страх! жених ее с иною
Во гробе вечно сопряжен.
Сраженна лютою судьбою,
Бежит далеко страшных стен.

Несчастлива Лиза, Флор несчастный,
О ты, плачевная чета!
Да будет ваш пример ужасный
Горящим в страсти — не мечта.

<1778>

96. РЫБАК

Притча

Жил-был охотник рыбу удить.
Кто рыбу удил иногда,
Тот всяк легко рассудит,
Какого стоит то труда,
Какого беспокойства.
Охота рыбная не годна никуда;
Не моего охота эта свойства;
Однако же у всякого свой вкус.
Рыбак мой был не трус,
Сидит он у пруда, у озера, у речки,
Бросает уду днем, бросает и при свечке,
Но рыба не клюет.

Ловец напрасно рыбки ждет:
Сидит вся рыба дома,
Бойтся рыбака, как черт бойтся грома.
Казалось, что в водах нет больше рыб;
Иной бы, не привыкший к скукам,
Охоту всю свою отшиб
К форелям, к судакам и щукам.
Я плюнул бы на мокрых сих бояр:
Пуускай их чванятся и не хотят казаться;
А я для этого уж слишком стар,
Чтобы немых в передней дожидаться.
Однако же надежда рыбака
Толкает под бока
И много рыб ему сулит на уду.
Вот так
Мой думает рыбак:
«Сегодня счастливей я буду,
Сегодня много наловлю,
И засушу, и насолю,
Ухою голод утолю,
Сухоядение вчерашнее забуду».
С такой надеждою ранехонько встает
И рыб опять обманывать идет.
Уж под вечер, как он отчаявался,
И вправду карп ему попался.
Отяжелел на уде крюк,
И уда задрожала.
Весельем в рыбаке душа вострепетала.
Карп вытащен из влаги вдруг:
Карп этот был дороден, плотен,
Какая радость, кто есть рыб охотен!
«Здорово, карп, здорово ты, мой друг! —
Рыбак мой восклицает. —
Уже давно тебя очаг мой ожидает;
На ужин милости прошу к себе:
Я голоден, ты жирен,
Я в ужине себя дам знать тебе».
Но карп мой дик, не смирен,
Он людям незнаком;
За ужиною с рыбаком
Быть не намерен и не хочет,
Вертится на крюку, хлопочет;

Недолго поскакав
И уду оторвав,
К безмолвному народу,
Как воздух бьет стрела насквозь,
Так поплыл он сквозь воду —
И сделал рыбака хоть брось.

Мы все, сему подобно,
За случаем гонясь,
По времени вертясь
И время наконец сыскав удобно,
Хватаемся с восторгом за случай;
Но счастье невзначай
Себя переменяет
И своего истца,
Как рыб сего ловца,
С насмешкой оставляет.

<1778>

97. ФЕРИДИНА ОШИБКА

Сказка

Ферида говорит: «Что нужды в красоте?
Не красота меня в любовнике прельщает.
Как чудны мне все те,
Которых иль глазок, иль носик утешает!
В моем любезном мне его душа мила,
По чести говорю, и бог тому свидетель:
Какая честность в нем! какая добродетель! . .
Бог знает, сколько б я за то дала,
Когда б любовник мой вдруг сделался уродом!
Чтоб тем могла я доказать
Пред всем народом,
Что мой язык не может лгать».
Любовник между тем, сражаясь в поле ратном,
В случае для него весьма превратном,
Среди военных страшных гроз
За общество утратил вправду нос.
Потеря невелика.
Была бы лишь душа цела,
Которая Фериде так мила;

Ей нужды нет до лика.
Дурнее стал... так что ж?
Ведь нос не для любви, для табаку пригож...
Ферида, как свое, он сердце зная,
Летит без страха к ней,
И, на любви к душе надежду полагая,
Хоть с полною душой,
Однако же на самом оном месте,
Бывал где прежде нос,
Своей возлюбленной невесте
Лишь мушку черную принес.
Оцепенела вся Ферида,
У ног ее ей кажется злодей...
Кричит на слуг: «Какого странна вида
Впускаете ко мне людей?..»
— «Я тот... — любовник восклицает, —
Я самый тот, который не лицом —
Душой тебя прельщает,
А душу ту же видишь в нем...»
— «Так это ты? — Ферида отвечает. —
О! ты, который был мне прежде столько мил!
Ах! можно ли, чтоб нос так душу повредил!»
Вы будьте в клятвах осторожны,
Красавицы! свои вручаючи красы:
Бывают ваши клятвы ложны
И тем, у коих есть носы.

<1779>

98. УЛИСС И ЕГО СОПУТНИКИ

Сказка

Известно всем, что был Улисс Итаки царь,
И что спутников его в различну тварь,
Почтения к боярам не имея,
Дочь Солнцева, ворожея Цирцея,
Оборотила всех посредством пития,
Которого не понимаю я.
Напившись, сперва рассудок потеряли;
Потом, переменя свой вид,
Иные вдруг мычать, другие лаять стали,

Иные силою копыт
 Проходим угрожали,
 Иные всех бодали,
 Другие всех кусали.
Один Улисс остался человек:
 Улисс прямой был грек,
 А грека не обманешь.
 Улисс не промах был,
Обвороженного питья не пил. . .
 Что делать станешь?
 Где нечего нам силой взять,
 Там должно кланяться, ласкать. . .
 Улисс был молод и прекрасен,
Щеголеват, умен и мил лицом,
 А потому для женщин был опасен;
И так другим поддел колдунью колдовством,
 А именно — любовной страстью.
 Богиня и сама,
 Лишась ума,
Итакскому царю тем стала быть под властью.
 Ведь у богинь не как у нас:
 Что вздумают, тут было б тот же час.
 Они нетерпеливы
 И менее людей стыдливы:
 Что на сердце, того не потаят.
 Испившая любовный яд
 Итакскому царю сказала:
«Люби меня. . . От сердца моего
 Чего б душа твоя ни пожелала,
 Проси всего».
 Тем пользуясь, Улисс ей отвечает:
«Коль хочешь показать мне знак любви твоей,
 Которых власть твоя карает,
Моих спутников переверни в людей».
Цирцея говорит: «Когда есть воля их,
Исполнить я твое желание готова.
 Поди, спроси ты сам у них —
 Я возвращаю им дар слова».
 Ей царь отдав поклон,
К спутникам, не медля, поспешает
 И человечества урон
 Поправить обещает. . .

Лев первый с ревом возглашает,
Являя гнева жар:
«Оставлю ли я львиный дар
Когтей, зубов ужасных,
Сей страх зверей подвластных?
Между зверей
Я то ж, что ты между людей.
Я царь, Улиссу равный,
Так буду ль мещанин в Итаке я бесславный!
Оставь меня, хочу остаться вечно львом.
Неси к другим свои ты враки». —
Съел гриб наш царь Итаки
И прочь отходит со стыдом;
И говорит медведю:
«Тебя опять я к людям присоседею,
Мой друг! Мне стыдно за тебя:
Смотри, какую
Оброс ты бороною;
Не брешь ты себя,
Ногтей не остригаешь,
Волос не завиваешь;
Твой взор угрюм, суров.
Каков ты прежде был и стал теперь каков...»
— «Каков?.. Таков, как быть медведю надо.
Тебе ль судить?
Тебе ль рядить
О красоте медвежья склада?
Спроси медведицу о том:
Пригож ли я, она то скажет,
Она тебе докажет,
Что с гладким ты лицом,
Колико ты ни чванишься собою,
Урод передо мною.
Не нравлюсь я тебе —
Поди же мимо;
И будь тебе вестимо,
Что мне угодно ввек в медвежьей быть судьбе». —
В другой раз царь Итаки с носом.
Отправился с таким же спросом
К ослу, который до сего,
Как все сопутники, был барин у него,
И так его увещевает:

«Хотя ты меж людей
 И не был грамотей,
 Однако же твой царь не чаёт,
 Чтоб, не любя ни прозы, ни стихов,
 Бежа людского просвещенья
 И презирая свет ученья,
 Любил ты лучше жить среди ослов. . .»
 — «У всякого свой вкус, а у меня ослиный,
 И в тот же час, как сделан я скотиной,
 Не ощутил премены никакой. -
 Доволен я моей судьбиной.
 Поди. . . Простись навек со мной. . .»
 Ни в ком не видя толка,
 Царь счастья испытать
 Еще хотел у волка:
 «Не стыдно ли жизнь волчью проводить
 Честному человеку
 И, лютым став врагом овечью веку,
 Прекрасным горести пастушкам приключать?
 Оставь леса, свирепость позабудь
 И человеком ты честным опять пребудь. . .»
 — «Честным? . . Да много ль же их
 в вашем роде?
 Как был я человек, их, право, не знавал.
 Но, говоря с тобой в свободе,
 Скажи, не ешь ли ты и сам овец?
 А чтобы наконец
 Тебе ответствовать отрезом:
 За недостатком зуб — железом
 Друг другу за́ слово пронзая грудь,
 За честь, а иногда и за кривые толки,
 Ко смерти находя себе пространый путь,
 Не те ли же вы сами волки?
 Престань наш род бранить;
 И чтоб из двух одно избрать дурное,
 Так ведай: волком быть
 Честнее втрое. . .»
 Опять Улисс
 Ореха не разгрыз.
 Потом к каким животным ни совался,
 Они животными, а он Улисс остался.

<1783>

99. ЖИВОПИСЕЦ В ПОЛОНУ

Какой-то живописец славный,
Всё кистью выражать исправный,
Поездить вздумал по морям.
По нужде иль по воле?
Того не знаю сам.

И в море так же есть разбойники, как в поле.
Алжирцы были то, лишь грабить знатоки,
В художествах невежи, дураки.

На нашего они искусника напали,
Ему сковали

Животворящи кулаки

И привели его в железгах к дею.

О деях сих имеет кто идею,

Тот знает, каковы все эти усачи.

Они правители угрюмы, как туманы,

Притом же бусурманы

И христиан бичи.

Сердитым голосом, нахмуря брови черны,

Сказал художнику наш дей:

«Теперь с тобой у нас дела уже не спорны:

Ты раб — и часть твоя в руке моей.

Но если возвратить желаешь ты свободу,

Ты должен, мне в угоду,

Украстить кистию твоей

В моих чертогах стены;

Чтоб там все разные отмены

Одежд, обычаев и лиц

Народов всяких видеть было можно.

Когда исполнишь то, свободен ты неложно».

Приняв приказ, искусник наш пал ниц,

Палитру вынул, кисти, краски,

И ну чертить носки, рты, ушки, глазки,

Одежду всем давать, как водится у них.

«Великий государь! Уж всё теперь готово,

Исполнил силу я приказов всех твоих:

Теперь сдержи свое ты слово».

Дей смотрит: «Так, вот турок, вот и грек.

Сей гордый, важный человек

Точнехонько испанец.

А этот, что исподтишка

С ножом выходит из леска,
Италианец.
А вот продажная душа голландец.
Вот англичанин. Вот, и храбр и пьян,
Немецкий капитан.
А это кто таков? Не знаю.
И наг, и босиком,
С искроенным в руках сукном? . . .»
— «Француз, я в этом уверяю. . .»
— «Почто ж его ты не одел?»
— «Солгать пред вашим я могуществом не смел.
Не как все прочие народы,
Французы всякий день переменяют моды;
Какая же теперь, я этого не знал,
И для того его я голым написал»
<1786>

100. МЕРКУРИЙ И РЕЗЧИК

Меркурию в житье с богами неразлучно
На небе стало очень скучно
Не знать, в какой на свете он цене. . .
Он богом был. . . Так что ж? Ведь кто на вышине,
Тому хотя поклоны отправляют,
Но иногда всем сердцем презирают.
Итак, Меркурий наш отправился на низ,
Закутав божеских великолепье риз
В простую епанчу суконну,
Чтоб сердца в глубину бездонну
Людей проникнуть легче мог
И чтоб узнать, в душе такое ли почтенье,
Как и наружное во храмах обоженье.
Каков бы ни был, каждый бог
Безмерно хочет ведать,
Что люди говорят о нем,
Тогда ль, как сядут пообедать
И, развернув сердца вином,
В весельи просто, без искусства,
Лиют свои наружу чувства,
Или иначе как.
Меркурий не дурак,

То всякому известно,
Кто жизнь его читал.
То правда, не всегда он честно,
Однако же всегда по-людски поступал;
И часто Купидон, колико ни коварен,
Его себе на помочь звал
И был ему за то безмерно благодарен;
То есть, как значит то приказный штиль,
Амур ему платил.
И вот Меркурий наш уже и в город входит.
Дом славна резчика нечаянно находит.
По вывеске нетрудно то сыскать.
На ней написано: «Здесь боги есть продажны».
«Вот тут-то я могу узнать,
Которые для смертных боги важны», —
Меркурий сам себе сказал
И резчику предстал.
«Что сто́ит сей Зевес и с громом? . . .» — «Пять рублей».
— «А этот, Аполлон? . . .» — «Четыре. . .»
«Возможно ли богам, так славным в целом мире,
Толь мало стоить у людей! —
Меркурий сам с собою рассуждает. —
Однако же не так-то винен свет,
Что мало этих двух бессмертных почитает:
Один всегда гремит, другой всегда поет.
От них нет проку никакого.
Вот о себе без лести я скажу,
Что свойства я совсем иного;
Себя стократ полезней нахожу:
Между людей торги я разные вожу».
Сей мыслию надменный
И по уши в себя влюбленный,
Сказал: «Я думаю, резчик,
Ты за Меркуриев почтенный светом лик
Запросишь золота? . . .» — «Никак; я слов не трачу:
Коль купишь у меня кого из двух богов,
Повесу этого тебе готов
Я даром уступить впридачу».

Вот так-то о себе мечтая высоко,
Мы часто падаем безмерно глубоко.

<1787>

101. ЛАДНО И ПЛОХО,

РАЗГОВОР ДВУХ МУЖИКОВ, КОЗОВОДА И МИРОХИ

«А, кум, любезный Козовод!
Давно ли? . . .» — «Вот лишь только с клячи. . .»
— «Микола как тебя пасет?
В дороге много ли удачи?
Каков здоровьем ты?» — «Здоров.
А ты, Мирохо, сам каков?»
— «Я так же. . . Наши все ль здоровы?»
— «Все, слава! — кони и коровы;
Хевронья, тетушка моя,
Одна о Покрове дни пала;
Спасибо ей, домком живала,
И после ней с двором и я. . .»
— «Ну, это ладно. . .» — «Нет, Мирохо,
Хоть ладно видится, да плохо.
Хевроньин дом старенок был.
О ней ли, что ли, он грустил,
От старости ль упал, нль с горя,
О том с тобою я не споря,
Скажу, что он меня сдавил
И сделал из меня лепешку. . .»
— «И вправду, плохо. . .» — «Ни на крошку
Ты, куманек, не угадал.
Не плохо это — очень ладно.
Ведь денежки иметь изрядно?
Лишь только што оклечетал,
То, разбираючи я пади,
Нашел в широкой самой кади,
В капусте, денег жирный клад.
Приказчик дочь свою, Мавруху,
Мне отдал. . .» — «Ладно! . . .» — «Плохо, брат!
Жена-сумбурщица не лад.
Однажды эту я воструху,
Как солнце лезло на закат,
Застал в лесочке, за скотиной,
С Петрухой, знаешь, красиком.
Со мной, он думал, с дураком;
А я вязовою дубиной
Бока, как надо, отхватал,
И от Маврухи он отстал».

— «Што ж? Ладно! . . .» — «Нет, не больно ладно;
Маврухе, видишь, неповадно
С одним со мною только жить,
И ну грустить она, тужить,
Зачахла, сделалась как спичка.
Больных лечить плоха привычка,
Однако, бают, надо так.
Я трёс машинёю, как дурак,
Платил, платил, — не тут-то было.
Упрямое Мавруха рыло,
Хоть што, в могилу уперла;
Незапно подвела мне пешку,
И лекарям и мне в насмешку,
Вчера как надо умерла. . .»
— «Неужто и теперь не ладно?»
— «Насилу, кум, сказал ты складно!»

<1787>

102. МЕРКУРИЙ И АПОЛЛОН, СОГНААННЫЕ С НЕБЕС

Сказка

Меркурий, Аполлон, с царем богов Зевесом,
Не ведаю за что, когда и как,
Поссоряся, ему сказали: «Ты дурак!»
Не надо ссориться с могущим куролесом.
Юпитер им за «дурака»
Дал с неба тумака.
Свалились сверху оба боги;
Богам давай бог ноги —
Скитаются два друга по земле.
Но если кто у нас не хочет быть во зле,
Иметь казну он должен непременно.
Без денег всё у нас не ценно,
Без них и боги здесь не стоят ничего.
Такая у людей натура. . .
Умна ль она, иль дура,
Нет нужды в басне до того,
И не мое то дело.
Вот о богах — так смело,
Что хочешь, можешь всё болтать;

С людьми же надо скромно поступать:
 Они шутить не любят.
 Военные изрубят,
 Подьячие в судах сожмут,
 Потом бесчестие возьмут;
 А знатные — беда, когда невзлюбят.
 Итак, тут дело не о них;
 А только что Меркурий с Аполлоном,
 Оглушены Зевесовым трезвоном,
 Забыли второпях о кошельках своих
 И не взяли с собою с неба их.
 То голод,
 То холод
 Их жмут,
 А даром ничего под небом не дают. . .
 «Ох! дурно, Аполлон, на этом белом свете, —
 Меркурий говорит, — и по моей бы смете,
 Забыв, что биты мы,
 Полезней нам Зевесу поклониться,
 Чтоб на небо опять позволил воротиться
 Из этой страшной бедства тьмы».

Но Аполлон, прямой пиита,
 Имея душу, был спесив,
 И, помня, что спина его побита,
 Сказал со гневом наотрыв
 Своим великолепным слогом:
 «Кто силою одной
 Владеть желает мной
 И кто драчун, того не чту я богом,
 И стыдно мне ему отдать поклон».

Известно всем, кто этот Аполлон.
 В стихах разноманерных,
 И в мерных и немерных,
 Получше, как иной и в прозе, говорит;
 Против его стихов ничто не устоит,
 Окроме кулаков Зевеса-грубияна.
 Итак, быть лучше без кафтана,
 Без башмаков
 И без всего, что кончится на «ов».
 Меркурий согласился
 И с Аполлоном в спесь пустился. . .
 «Однако чем мы станем жить?

Подумай, надо есть и пить,
И словом то сказать, для светского обряда
Чего не надо!
Иные скажут: «Вот как боги — пехтуром!»
Другие так: «Какие это боги!»
Их фракы все в дырках, в грязи их ноги,
И в одеянии и бедном и дурном,
Без пудры, без помады!»
И жизни мы не будем рады,
И честь богов ударим в грязь лицом».
— «Что ж делать?» — Аполлон другого вопрошает.
«Что делать? Деньги добывать», —
Меркурий отвечает.
«Да как?» — «Мы станем торговать.
Здесь все живут торговлей;
И кто хоть мало не дурак,
Тот кормится и так и сяк:
Иные рыбной ловлей,
Иные совестью, иные и умом;
Который, если безуспешен,
Бывает очень грешен,
И он тогда зовется плутовством;
А если есть успех, тогда с покорством
Его зовут проворством. . .»
— «Нет! нам,
Богам,
То будет срам,
Когда, начав, как смертные, проворить,
Возможем здесь с судьями мы повздорить.
Коль надо торговать,
Мы станем промышлять
Товаром благородным,
Одним богам природным,
А именно: умом,
Который просвещает
И добродетели внушает. . .»
— «Нет, друг, не скопишь этим дом», —
Меркурий отвечает,
Который свет побольше знает.
Однако надо быть всегда согласну в том,
Чего Латонин сын желает.

Отправились бессмертны торгачи
В столицу славную на рынок;
Немного было с ними скрынок,
Хотя умом они и богачи;
Да ум, не как товары модны,
Немного мест займет.
Увидим, на него каков расход,
Чии догадки с делом сходны,
Кто прав — Меркурий ли, иль гордый Аполлон?
Последний, думая, что разум всё вмещает,
Кричит: «Всяк купит всё у нас, чего желает».
На рынке сделался от давки крик и стон:
Вот новые купцы и всякие товары!
Народ как вал, шумя, валит;
По нраву всяк себе товар сулит.
На бегунах летающи угары
Купить приходят рысаков.
Охотники до птичек
Идут купить синичек,
Чижей, дроздов,
С прибором клеток.
С мешками множество явилось богачей,
Со прелестьми толпа кокеток,
С бадинами препропасть щеголей:
Иной желает сеток,
Иной сукна, иной тафты, иной парчей,
Иные клонятся, иные приседают,
Иные деньги вынимают,
Иные на кредит.
Но Аполлон казался им сердит;
И все Меркурия ласкают.
«Как! кажется, ты как-то нам знаком?» —
Узнав Меркурия, прекрасны покраснели;
А щеголи, смеясь, зашумели:
«На что связался ты с угрюмым дураком?
Как будто торговать один и не умеешь;
Поверь, в делах скорее ты успеешь,
С людьми умея поступать;
Охотней у тебя все станут покупать;
Кажись скорей товар или хотя образчик».
При Аполлоне наш Меркурий не рассказчик,
И, чтоб беду с себя свалить долой,

Сказал: «Я только что приказчик,
А вот хозяин мой». Тогда стишиста красная
Отверзлися уста.
Как все купцы, свои товары похваляя,
Подобно он воспел: «Се время то наста,
В которо надлежит вселенной просветиться!
Да не дерзнет никто из вас надеждой льститься,
Чтоб мой товар обыкновенный был:
Небесный он товар, товар неоцененный!
И должно, чтоб его для духа всяк купил». В то время Фебов глас надменный
Красавиц голос перебил:
«А! а! духами он торгует, видно.
Да есть ли у тебя "а ла дюшес"? . . .»
Купцу небесному безмерно стало стыдно,
Что будто он с небес
Помаду только лишь принес.
Итак, риторику свою оставя,
Сказал он напрямки:
«Вы, люди, чудаки,
Что вы, себя людьми ставя,
К безделкам лакомы, а что нужней всего,
И нет вам нужды до того;
Я ум привез, вот вся моя продажа!»
Поднялся хохот, шум.
Кто думает, чтобы ему был нужен ум?
И всяк, себя уважа,
Презрев товар и ссорясь с купцом,
Чтоб не казаться дураком,
Бежит ума далёко.
Ошибся очень Аполлон.
Его печально видит око,
Что жить ему с одним умом нельзя широко
И что в торговле той ему велик урон.
С тех пор, во всем Меркурию послушен,
Сговорчив Аполлон, поклонщик, малодушен.

<1787>

103. СУДЬЯ И ВОР

Сказка

Подлез, подкрался вор —
В ворота или на забор,
 Нет нужды в этом;
 Когда — зимой иль летом —
 И в этом нужды нет.
О, как же любопытен свет!
Начни что сказывать, со спросами приступят
И ум рассказчика, хоть что, тотчас притупят.
 Подробно им скажи о том, о сем:
 Каков лицом?
 Каков кудрями?
 Каков бровями?
 Велик ли рост?
И даже и о том, у вора есть ли хвост?
 Довольно вам: его поймали,
 Его связали
 И привели к судьи.
Судья кричит: «Ах, батюшки мои! . .
Так! это он! старинный мой знакомец!
Стреляй, мой прежний сопитомец!
И с ним учился вместе я!
 Он вор — а я судья! . .
Скажи: товарищи, залетны наши птицы,
 Где ныне? как живут? и чем? и кто?
Какие в обществе они играют лица?
 Судьи ль они? или иное что?
 С тех пор как с ними я расстался,
 О них не слышу ничего».
На дружеский вопрос плечами вор пожался,
Сказав: «Повесили их всех до одного;
 Лишь только я да ты остался».
<1787>

104. ВОЛОСОЧЕСАТЕЛЬ-СОЧИНТЕЛЬ

Сказка

По имени Андрей,
По прозвищу Тупей,
А ремеслом чесатель,

Рехнулся на стихах и сделался писатель.
Недолго работáл
И драму,
Как даму,
В два мига причесал.
Черт самолюбия великий нам ласкатель,
Над нами множество он делает проказ.
Помадами душистый наш писатель
Принес Волтеру на показ,
На удивленье,
Свое творенье.
Волтеру? — О, смельчак!
Волтер, окончив чтение,
Снимает свой колпак;
Потом, вручая сочиненье,
С улыбкою сказал парнасский сей старик:
«Поди, творец, и сделай мне парик».

<1788>

105. ПОПУГАЙ

Если не поэма, так сказка

Пою несчастье попугая.
Чему ж смеетесь, друг другу вы мигая?
Чтобы всё петь — у муз такой манер.
Героя ль моего пренебрегая,
Смеетесь, что он не знатный кавалер?
Но чем же он Улисса хуже,
Который, долго так
Носимый бурями почти на луже,
Скитался, как дурак,
И до двора не мог найти дороги?
А моего, на крыльях ветров, боги,
Из Индии чрез океан промча,
Вкушавшего плоды там сладки,
В Россию привезли для вкуса калача,
Бонбонов и блаженств, которы были кратки.
Итак, не смейтесь, поэму я свяжу;

А если, чтоб я пел, на то не согласитесь,
Вы только не сердитесь,
Я вам и просто расскажу.

Была старушка мать, степенна, богомольна,
С прекрасной дочерью, своей судьбой довольна,
Тужила лишь о том, крушась,
Что сын ее, за славою гонясь,
Отправился с полком поближе к смерти.
Итак, приметьте, сын — военный человек.
Вы знаете, военные люди — черти,
И их от нашего совсем отменный век.
Меж тем и матери, и дочери прелестной,
Судьбою не весьма чудесной,
А именно за несколько рублей,
Достался попугай на бирже с кораблей.
Какая в скуке им отрада!
За сына от небес, за брата им награда!
«Вот птица райская!» — старушка говорит;
А дочь: «Какой прекрасный вид!
И наши щеголи в своих нарядных фраках
Не могут с ним сравняться пестротой,
Ниже с его любезной остротой
В своих манерных враках.
Как он учтив! как знает свет!
Пред ним скоты все птицы русски.
Ах! матушка, он знает по-французски,
Кричит: Bonjour! bonjour, Marionette!¹
Да почему мое он имя знает?
Вы слышите ль, меня он Марьей называет?»

Старушка несколько пожалась тут:
«Ахти! не ведьма ль птица эта?
Не зная, знает то, как дочь мою зовут.
Не наущеньем ли то демонска совета?»
— «И, матушка! как можно думать так?
Какая есть на ней чертовщины примета?
Прекрасной птицы вид, ее небесный зрак;
Притом же и язык французский разумеет.

¹ Здравствуй! здравствуй, Маринетта! (франц.). — Ред.

Со мною он не отупеет.
 Он мил; но выведу его я боле в свет».
 — «Однако ж, Машенька! — старушка так в ответ, —
 И о душе его нам надо постараться:
 Пусть будет он с тобой, как будешь убираться,
 Со мною же моей молитвы в час;
 Со мной к акафистам он станет приучаться,
 С тобой к манерам, как то водится у вас».
 И так и мать и дочь, наперерыв милуя,
 Как душу, попеньку любя,
 Старались каждая для себя:
 Поутру с матерью поет он «аллилуйя»,
 А Машенька, его целуя,
 «*Charmant objet*»¹ учила выпевать.
 И божества, и щегольства смешенье!
 Никто, как он, церковно пеньс
 С любовным не умел так сладко соглашать,
 Со умилением от сердца въздыхать
 И сахара из рук с учтивостью клевать.
 Велико дело воспитанье!
 Ласкаем и любим, заморский кавалер,
 Как нравиться, давал и щеголям пример.
 Его прелестно лепетанье,
 Пистойно завсегда,
 Не испускало никогда
 Тех слов, которые стыда
 Наводят краску.
 В беседах, ласкою платя за ласку,
 Красавицам кричал: «*Je vous adore!*»;²
 Целующим: «Целуй меня *encore!*»;³
 Старушкам: «Ну, подите с богом!»
 Вот так-то отвечал
 Разумник вдруг всем разным слогом.
 Подобно Цесарь вдруг и сам писал
 И сказывал другим совсем другие строки.
 Такие-то Жако имел
 Таланты превысоки,
 И так-то он в науках преуспел.

¹ «Прелестный предмет» (франц.) — название песенки. — *Ред.*

² Я вас обожаю (франц.). — *Ред.*

³ Еще (франц.). — *Ред.*

С таким достоинством недолго быть без славы.
За то, что дали толь благие нравы,
Мать с дочерью в награду за труды
Свой зрели полон дом всечасно.
Знакомства новые, и все везут плоды,
Конфекты, сухари, бонбоны! — Как прекрасно!
Катается Жако как в масле сыр.
И всякий день ему такой же пир,
Какой откупщики дают боярам редко,
Однако ж метко.
Всегда между людей
Жако, как будто казнодей,
С вершины позлащенной клетки
Собрания привлекал внимание и взор.
И петиметры и кокетки,
И матушек и тетушек собор,
Дворцовы кавалеры
И разны офицеры
Любили говорить с ним так, как меж собой.
Ах, долго ль, попенька! блаженной толь судьбой
Ты будешь наслаждаться?
Как может молодость легко избаловаться!

О ты, детина из детин!
Смиренной матери о беззаконный сын!
Прекрасныя сестры о братец преразвратный!
Почто с полком своим вступаешь в путь обратный?
Идет, пришел и в лагерь стал,
И к матери в минуту прискакал.
Сказав раз несколько: «А, матушка! сестрица!»,
Они ему: «А, сын! а, братец дорогой!» —
Он вдруг спросил у них: «Давно ли эта птица?»
— «Тотчас, как мы расстались с тобой».
— «Ах! если б, братец, знал, какой же он проказник!»
— «Ах! если б, сын, ты знал, как он поет кондак!
Какой смиренница! какой неблазник!»
— «Притом же, братец, он и не дурак».
— «Любезный сын, его такое поведенье,
Что если бы такой сыскался женишок,
Я Машеньке б дала благословенье».
Гордась собой, как будто петушок,
Во время сей похвальной речи

Жако приподнял плечи...
(Ошибся, виноват, приподнял крылья он)
И, сделавши учтивейший поклон,
Пропел три раза «аллилуйю».
Потом французскими словами заметал,
Которы с русскими из милости мешал,
И к Маше протянул он нос для поцелую,
И словом, выказал всего ученья сбрую:
Немного попугай-хвастун тщеславен был.
Но кто же не таков, кто быть хвален достоин?
Кто много от небес талантов получил?

Развеся уши, воин
И выпялил глаза и рот открыл.
«Сто тысячей ему!.. Ах, матушка! сестрица!
Mogbleu¹, какая это птица!
Ну как же за морем не быть умнее нас,
Когда у птиц такое просвещение!
Мне долго быть никак нельзя у вас,
Мне должно в строй сегодня на ученье.
Не отрекитесь мне сделать одолжение:
Пустите вы со мною на показ,
На удивленье
Толь редку птицу в полк».

Когда ягненокка хватает хищный волк,
Лишить его пастушки хочет,
Пастушка в ужасе кидается, хлопочет,
Не знает, что начать: хотя барашка жаль,
Но страшен волк проклятый.
Прожора алчный и зубатый.
Такая то была печаль,
Такое изумленье,
В которо привело и мать и дочь
Героево прошение;
Покрыла их глаза смертельна ночь.
Бледнеют и трепещут обе.
«Расстаться с попенькой! — ах! лучше б быть нам
в гробе!»
— «Mogbleu! — кричит герой, — я вижу ясно то,
Что вам и сын и брат ничто!

¹ Черт возьми! (франц.). — *Ред.*

Коль так, прощайтесь с ним, скорей его целуя:
Заставлю петь его последне «аллилуйя»
И за презрение ко мне, несносно толь! . . .»

— «Ах, братец! ах! любезный сын, изволь.
Но если наша жизнь нужна тебе неложно,
Пожалуй, поступай с ним нежно, осторожно. . .»
— «Поверьте мне, в два дни он будет здесь со мной.
Или пусть черт меня задавит».

Итак, положено судьбой
Любезного Жако отправить.
Уж время час расстанья принесло,
А чтоб в пути не растрясло,
Чтоб от каретного не оглушиться звука,
Назначена разлука
Дорогой водяной,
На шлюпке быстрою Невой.

Несут Жако; и мать и Маша провожают
Его до каменных на пристань берегов.
Ко описанию тоски не станет слов,
Котору дочь с старушкой ощущают. . .
Уж попеньку на судно опускают;
Уж воин матери, сестре «прости» сказал;
Уже багры отстать от берега помогают;
Уж «веслы на воду» квартёрмистр закричал;
Уж едут, удалились;
Слезами мать и дочь залились.
«Прости, прости, любезное дитя! —
Старушка, небесам Жакову часть вручая,
Поет, свой взор на небо обращая. —
Всё упование мое на тя!»
А дочь, печаль разлуки выражая:
«Прости, мой свет, в последний раз!»
Уж шлюпка с попенькой скрывается от глаз
И кажется вдали как будто муха.
И, лишены и зрения и слуха,
И дочь и мать домой идут,
Иль лучше так сказать — в унынии ползут,
Повеся головы, не говоря ни слова.
Пришли. О, горесть нова!
О, час! о, нестерпимый час!

Не слышен попугаев глас!
Все комнаты осиротели.
За ужином они, рыдая, просидели,
Не ели ничего; бонбонов лишь поели,
Которых попугай доклюнуть не успел.
Меж тем Жако свет новый зрел.
Вода, гребцы, их песни, шутки,
Их дюжи прибаутки —
Всё ново для него.
Ему то стыдно стало,
Что он не знает ничего.
Казалось ему его ученье мало.

Он слишком был честолюбив.
Испорчен тот всегда, кто долго был счастлив.
Не может он вмешаться в разговоры
Российских водяных повес,
Которы, заведя между собою споры,
Писали языком друг другу наотрез
Диковинны узоры.
Когда бы пошлину с них брать,
Колико раз они сказали «мать», —
Велики были бы таможенные сборы.

Сам воин, попенькин покров, чтоб их унять
И научить к Жако почтенье сохранять,
Пустил слов токи сильны, скоры,
Кончая все на «мать».
Жако тут сам приободрился
И, чтоб себя на свете показать,
Неблазным языком своим на них пустился:
Им что-то из молитв осмелился сказать.
Тут весь собор окончил брани смехом
И поднял попеньки невинность на зубки.
В унынье погружен своим дурным успехом,
Стать попенька не смеет на дыбки.
И, крылья опустя, привыкший барин к лести,
Как мокра курица сидит
И на свет не глядит.
Однако же, пронзаем жалом чести,
Решился прежние науки позабыть
И жив не хочет быть,

Когда не выучит наречья и поступок
Бесстыдных шалунов
И коренных российских слов.

Вот для каких покупок
Пустилось за море любезное дитя!
О молодость! себя к спасению претя,
Вот как свою невинность
Меняешь на бесчинность
И, к аду с радостью приемля путь, гресишь,
И, слишком свет любя, ты кажешь небу шиш.

На шлюпке наконец уроками напитан,
Уж начал забывать Жако, как был воспитан,
Уж стал насвистывать, подобно как буян,
Который катится шумя на дрожках пьян.
Уж стал уметь язык вертеть по-молодецки
И имя Иова горланить по-немецки.
Всё слыша то, был рад безмерно офицер,
Что так его Жаку понравился манер,
Что может с птицею заморскою по-свойски,
Как друг, открыто рассуждать.
В пути до лагеря он все слова героически
Пред ним старался истощать.
Жако, расставшись с глаголом нежным, тленным,
Уж в лагерь молодцом вступает совершенным:
Гуляя из шатра в шатер,
Из ставки в ставку,
Приветлив, как бурлак, как гранодер, востер,
Он благодарию дает последнюю давку.
Не столько он в свой век сластей клевал,
Колико слов проклятых в день глотал.
Бесстыдством он своим и воинов уж бесит,
И словом, так сказать, достоин стал,
Негодница! чтобы его повесить.

Меж тем что делаете вы,
Старушка с Машенькой, в печали?
Не можете изгнать Жако из головы.
Вы образом драгим все чувства напитали:
Всё кажется Жако, всё зелено в глазах,
И сердце занял он, и занял ваши души;

Всечасно слышат уши
Его приятный глас. Но, ах!
Жако уж нету с вами.

Осталась вам надежда лишь одна:
Волною унесен, и возвратит волна.
«Но скоро ли, ах! скоро ль будет с нами?
Чтоб сын, чтоб брат не задержал.
Сегодня он, сегодня обещал».

Все дамы в нетерпеньи,
Чтоб усладить свои мученьи,
Всегда колоду карт имеют при себе.

Они не дуры,
И, карты разложа на разные фигуры,
Всё видят в будущей судьбе.
И мать и дочь, страстей своих в борьбе,
К сему премудрому искусству прибегают,
И будет ли Жако в сей день, о том гадают.

«Приедет ли наш миленький француз?»
Но что ни делают, как карты ни мешают,
Ложится всё виновный туз.

«Ах, попенька любезный нездоров!»
В отчаяньи их чувства цепенеют;
Но сон страдающим покров.
Вздремали с горести, в руках имея карты.
Им грезился Жако — не нежный кавалер,
Но будто он угрюмый гранодер
И будто у него ужасны бакенбарты,
Широкие усы и шапка набекрень,
И будто он городит дребедень.

Во сне и мать и дочь от страха стали в пень,
Не зная, что начать, вострепенулись,
Зевнули, протянулись,
А после и проснулись.
Вскричала дочь тогда:
«Ах, матушка, беда!
Коль верить мне тому, что сон мне бредит,
То попенька явится без стыда.

Поехал умницей, таков ли он приедет?»
В тот самый час открылась дверь.
О, радость несказанна!
Старушка, ты восторг умерь,

И ты, о Машенька! увидя гостя жданна —
Уже не стоит он твоей любви, поверь.
Однако ж под собой они земли не слышат,
И радость, как печаль, объемлет наш язык.
Хотят вскричать: «Жако!» — но так восторг велик,
Что, рот раскрыв, они лишь только дышат.
Тогда вещает им военный изувер:
«Ну, вот сокровище вам ваше!
У вас он был хорош, теперь в сто раз он краше,
Я слово вам сдержал, как честный офицер».

Потом вручает Маше
Неоцененный сей залог.
Но что? о, рок, о, грозный рок!
О, страшная измена!
О, лютая премена!

У попеньки уже не тот носок,
Который щекотал, целуя, Машу прежде.
Ошиблась Машенька в приятной толь надежде:
Шалун своим проклятым ртом
Кусил ее за место,
Толь пухлое, как тесто,

А где — история не говорит о том.
Покрылись лилии багряным током крови,
И с Машей ахнули приятства и любви,
До сердца тронуты пременою такой,
Жаковой сражены злодейскою рукой.
Укушенная дочь с молитвенной старушкой,
Узрев, что попенька несносной стал вертушкой,
Хотят, чтоб, обличен толь лютою виной,
Раскаясь, попросил наглец у них прощенье.
Итак, во все глаза взирая на него,
Желают о грехах приметить сожаленье.
Не тут-то было: он проступка своего
Жестокостью гордится

И, вместо слез, буянит, веселится,
И, набок искривясь, как гневный гранодер,
Стыдливых жен к увечью
Огрел увесистою речью.

Хохочет офицер,
Краснеет Машенька, а матушка рыдает,
Себя, Жако и дочь крестит, благословляет.

«Ты видишь, матушка, что в нем уж нет пути,
 И то, что он испорчен.
 Смотри, как весь искорчен!
 В нем черт сидит; но я могу найти
 Его исправить средство».
 Вот развращения обыкновенно следствие.
 Ах! часто вояжер
 За новый свой манер
 Достоин заперт быть.
 Жако сажают в клетку силой.
 А чтобы из него чертей искоренить,
 Наш попенька, толь прежде милый,
 В крестовой, осужден, дрожит,
 Доколе, совести почувствуя грызенья,
 Окажет более он дамам уваженья.
 Испорченна Жако
 Уже не сласть питает;
 Уже не молоко
 Его гортань нечисту орошает,
 Но хлеб один сухой
 С простою лишь водой
 Быть праведным премудро научает
 И к благу путь несколько пролагает.
 Но стоит только раз
 С дороги доброй совратиться,
 А там уж грех всегда коробит глаз,
 Уже с невинностью нельзя соединиться;
 Или хотя и можно то,
 Однако ж очень трудно.
 Старушкины мольбы он ставит ни во что.
 Воннску полюбя науку безрассудно,
 Всегда, как возглашал
 Старушкин голос: «аллилуйю»,
 Он в рифму припевал. . .
 Старушка думает: ослышалась она,
 Еще всё то же повторяет,
 А он по-своему ей то же отвечает.
 Умильным пением Жаковым смущена
 (Смотрите, как черт силен,
 Как в вымыслах к соблазну он обленен —
 Кто может избежать от демонских ловитв?),
 Расстроена старушка

Среди усерднейших молитв
Вспомнила, что то — старинная игрушка,
И вображение ее кусила мушка.
Но, одолевши плоть,
Котора мысль тревожила приятно,
И плюнув троекратно,
Кричит: «Ко мне, ах, Маша! подь».
Лишь только дочь вступает,
Ту ж рифму для нее бездельник сочиняет.
«Ах, матушка! что он такое врет?
Какую
Жако поет
Несносну «аллилуйю!»»
(С тех пор сия у нас пословица идет,
Что «аллилуйю» тот поет,
Кто мелет вздоры.)
«Что ж дслать нам с Жаком?»
Ты видишь, хочет он остаться дураком,
Все способы мои неспоры,
Он по уши увяз в грехах,
У честных быть людей не должен на глазах».
Потом положено Жако навек оставить,
К домашним птицам в клев из милости отправить.

Вот так-то попугай блаженства с высоты,
В вояжах промотав свои благие нравы,
Низвержен и лишен сиянья красоты,
Не с Машей — с курами целуется без славы.

Между 1788 и 1790

106. СТРАНА ХРОМЫХ

Земля Хромых была в старинны где-то годы,
И обитали в ней уроды:
Там всякий стар и мал
И заикался и хромал.
Обычай есть закон, известное то дело;
Сказати можно смело,
Что хромлют где уж все, там прямо не ходи,
В том месте ковыляй иль вон скорей поди,
Коль быть не хочешь шúтом.
Честной между плутов неволей будешь плутом,
В поставленну чтоб пасть
От них бы не попасть.
Так в этой стороне не были все заики,
И малы и велики,
Не всяк родился хром;
Но сей на всех погром
Напался оттого, вошло что это в моду
И стало быть в чести подобиться уроду.
Итак, как я сказал,
Там всякий стар и мал
И заикался и хромал.
Прохожий в их стране случился
И этому чудился;
А жители ему взаимно хохотать
Все стали,
Сбегаяся, кричали:
«Какой урод родился!
Не может он хромать!

Хотелось бы знать,
Была его кто мать,
Что экого на свет пустила к нам уroda
Ребят пугать».
Прохожий счел за долг себя у них оправить,
Ошибку их убавить,
Сказал он им в ответ:
«Нет,
Испорчена у вас, как видно мне, природа;
Не сделан от нее хромы особый род.
У нас хромой — урод,
И должно вам, как я, вот так и так ходити,
Когда уродами не хотите вы слыти;
От этого себя потребно вам стеречь».
Сию услышав речь,
Заики надрывались,
Хватались за бока, до колики смеялись.
«Ах, как он говорит!
Он всех нас уморит,
Сорокой он щекочет,
А нас учити хочет».
Прохожий, видев то, что их не перемочь,
Пошел скорее прочь.
<1787>

107. СНОВИДЕНИЕ

Дамон Ирису обожает;
Однако за любовь
Презренье получает;
Знать, худо воспалил Ирисину он кровь.
«Ириса ведь не камень,
За что же грудь ее не жжет любовный пламень?» —
Так в мыслях сочинял он горький протокол,
Не ведая, чрез что суровую склонити.
Дамон был гол.
Без денег молодца за что в любовь манити?
Ириса без рублей умела страсть презреть;
За денежки она могла в любви гореть.
Однак Дамону в счастье
Настал уж быть черед.

Прошло тоски ненастье,
Он всех лишился бед
И в хижине заснул в соломенной постеле;
А счастье шасть к нему, так ровно как бы в деле.
И золота уж тьма вокруг его гремит.
Доходы счастье его минутно двойт;
Из хижины Дамон себе уж замок строит,
И мнит, что он не спит.
Ириса перед ним в минуту появилась,
В любовь склонилась;
Суровая его готова обнимать,
Готов был и Дамон драгую целовать.
Чего желати боле!
Сосед в тот час пришел, зовет Дамона в поле,
Дамона разбудил,
И счастье и сон в минуту прекратил.
«Досадный человек! что мне ты учинил! —
Дамон ему вещает. —
Один лишь твой приход всего меня лишает.
Во сне я счастлив был, златые дни вкушал,
Всему, всему приход ко мне твой помешал.
Пускай я ослеплен одною был мечтою,
Однако же не знал, что счастлив я во сне.
А днесь пришлось мне
Лишиться вновь покою».

<1787>

108. ПРИВИДЕНИЕ

В каком-то доме черт завел себе обитель;
Во всякую полночь он дом тот посещал,
Хозяина страшал.
Не знает, что начать, старинный дому житель:
Черт был то домовой,
Которого ничем прогнати невозможно.
Слышал, читатель мой,
Я так не ложно,
Что будто домовой не трусит никого,
И самых колдунов отнюдь он не боится,
Не трусит ничего.

Не знает как бы с ним хозяин помириться;
А черт в дому орет,
И кур дерет,
И за ноги хватает,
Кирпичную стрельбу с печей везде пускает,
И спать мешает.
Хозяин тот не спит, и очень ошалел;
Однако ж черт об нем ничуть не пожалел.
Терпя сию несгоду,
Он рад бежать хоть в воду
И черту крепость сдать,
Чтоб ею обладать.
Готов хозяин был совсем уже к походу,
Готов с двора бежать,
Как вдруг к нему на двор стоялец попросился.
Ему хозяин рад,
И мнит: «Нашел я клад!
Напрасно я бежать с двора так торопился;
Нас двое будет здесь, и черт шутить не станет,
Пугати перестанет».
Стоялец этот был детина не простой,
И был он стихотворец,
Пороков ратоборец,
Имел карман пустой,
Как в цехе ремесла его то обычно;
Так платы за постой
Хозяин ждать не чает;
Однако не скучает,
На двор его ведет,
Приятелем зовет,
И гостю рад сему явился чрезвычайно.
Пришел полночный час;
Хозяин гостя просит,
Не спать чтобы в тот раз;
Вино ему подносит
И бьет челом ему, стихов чтоб почитал.
А гость того и ждал:
Трагедию свою он начал громогласно,
Которую любил пред прочими пристрасно.
Итак, пиита мой во всю гортань ревет;
Хозяина тошнит и чуть уже не рвет,
Однако ж он то сносит.

Хоть хладные стихи
Читают за грехи,
Затем что ведь они не вкусней домового.
Хозяин тот молчит, не молвит гостю слова,
И с горя лишь вином гортань свою мочил;
Чего однак не ждал, то вдруг он получил.
С страницей одной пиит не распростался,
К хозяину как черт на цыпочках подкрался,
Чтоб мастер жалких стоп его бы не видал.
«Помилуй, мой отец! — так черт ему сказал. —
Вели ему стихи читать покиннуть,
Не буду я вовек тебе уже скучать,
Из дому твоего готов сей час я гинуть,
Лишь дай пожитченки мои с собой забрать.
Родясь таковой не видывал я муки,
Стихи мне уши прочь дерут».
— «А, а! попался, плут,
Попался ты мне в руки! —
Хозяин рек в ответ. —
Пощады нет.
Читай, мой друг, читай! — пииту он вещает. —
Читай вот. . . тут. . . вот тут». —
Пиита тот смекает:
«Приятностью, я зрю, стихи мои текут».
Пиита голосить еще громчей принялся,
И черт шутить унялся,
Пустил великий стон,
Исчез в минуту он,
Не снес ту шутку грубу,
Исчез, и на печи забыл свою и шубу.

<1787>

109. НЕЖНАЯ СУПРУГА

«Что ныне зрим, назавтре нет,
На свете всё не вечно,
Настанет и пройдет,
Вещь всякая конечна;
Сурова времени над смертными есть власть!
И сама страсть
Любви коль ни велика,

В том первая улика», —
 Приятель так один Клотандров рассуждал.
 «Не может быть сего, — Клотандр в ответ кричал, —
 Чтоб страсть жены моей ко мне бы охладела!
 Как мне она мила, я равно так ей мил;
 На свете верно нет, кто б так кого любил;
 В нас души одного властители суть тела.
 Живем мы так давно, и впредь так будем жить,
 И время нашу страсть не может победить».
 Поистине сказать, почти то было верно,
 Клотандр с женою жил примерно;
 Казалось, одна в обоих их душа,
 Была жизнь хороша,
 Велик в них жар пылает;
 Чего Клотандр хотел, жена того ж желает.
 Когда постился он,
 Жена тогда не ела.
 Вздыхнул, пустил ли стон,
 Она ту ж песню пела.
 Каков был муж во всем, жена была такой,
 Взаимно был у них друг в друге лишь покой.
 Взаимно счастье их друг в друге обитало.
 Однако между тем несчастье настало;
 Случилось, что Клотандр гораздо заболел,
 Холодным потом он в горячке запотел;
 Душа из тела лезет,
 В последний раз он грезит,
 В жестоком быв жару.
 Жена кричит: «Умру!
 И часу я по нем на свете жить не стану!
 Возможно ль в сердце мне снести такую рану!
 Конец его мне зреть?
 Нет, лучше умереть!
 О смерть! приди ко мне, скоси меня косою!»
 Сударыня моя, не очень голоси;
 Услужливая смерть придет, хоть не проси,
 Однак своей порою;
 А кто ее зовет,
 Туда ей шагу нет.
 Но в этот раз, однак, на зов смерть прикатила
 И двери отворила;
 Явилась она со всей своей красой

И с острою косою,
Кричит, оскалив зубы:
«Зачем меня зовут?»
Услышав то жена и крепко сжавши губы,
Ей кажет на постель: — «Он тут!»
<1787>

110. ЛГУН

Нас странствия в страны чужие наставляют;
Однако же нигде людей не учат лгать,
Хоть странствующие умеют прибавлять;
Но ныне истину от бредней различают
И могут счесть,
Что трижды по два — шесть.
Ложь слушать не обидно,
И только лишь лжецу от лжи бывает стыдно.
В беседе лгун сидел
И много вздору пел.
Со вздору пошрины в беседах не собирают
И носа кулаком лжецам не утирают.
Таким порядком лжец, покойно сидя, врал,
И вот что он сказал:
«Я в Индии видал
Такой листы капусты,
Что, полк одним накрыв, в краях места есть пусты,
И можно роты две еще там уместить».
— «Легко то может быть, —
Один ему в ответ, сидящий на беседе, —
В Японии я зрел,
Случившись на обеде,
Котел,
В котором тысячу слонов сварить вдруг можно».
— «Ах, братец, это ложно! —
Смеясь, оный лгун ему стал говорить. —
К чему б такой большой котел кому сковати?»
Ответствуют ему — случилось дело кстати! —
«На то, чтобы твою капусту в нем сварить».
Сие сидящих всех подвигло к громку смеху,
Который для лжеца не слишком был в утеху.
<1787>

111. ОТЕЦ И СЫН

Полезно нам свои пороки укрочать,
Полезнее людей ко злу не обучать,
Затем что зло растёт скорее и крапивы,
И мастер яд найдёт себе от этой нивы:
Ко злему обучен, злом платит ученик,
Понеже смысл добра в душе его не возник.
Злодей один забыл устав святой природы
И дряхлого отца, пришедша в стары годы,

Он вздумал уморить.

Кто в свет его родил, хранил как глаз, питая,
Кто жил лишь для него, трудясь и собирая,
Того кончиной он решился ускорить.

Отца не пощадивши

И в сани посадивши,

Отвез

Зимою в лес;

Не дрогнула душа, свершил злодей то смело,
Как доброе бы дело.

Мальчишка, сын его, сидев, всё примечал;

Схватил потом лубок, ножом его стругает.

«Что делаешь ты, плут?» — отец ему кричал.

«Я дело делаю, — мальчишка отвечает, —

Я сани горожу, вот здесь отрежу прочь,

Чтоб было бы на чем мне в лес тебя сволоочь».

<1787>

112. ВОР И ПЬЯНИЦА

С похмелья на печи взлез пьяница греть кости;

А вор в окошко шасть к нему незванный в гости,

И стал он по углам кое-чего искать,

Что можно утащить с собою.

В потемках шарит вор, не просит и свечи.

Хозяин на печи

С похмельной головою

Не спит,

И так он мнит:

«Возися, черт с тобою!

Пожалуй, поищи; тут нечего уж взять!»

А вор меж тем трудился,
Именья не нашед, он на печь взгромоздился
И, шаривши везде, хозяина схватил.

Не счел себе то вор в отраду.
«К худому я прибрался кладу!» —

Вор под нос говорил,

И с печи торопился;

Однако зацепился

И на пол полетел,

И лбом о стол задел.

Хозяин не сердился,

Об воре пожалел.

«Приятель, ты убился!

Чего оторопел?

Напрасно ты трудился

И лазил на беду.

Зачем бы хлопотати?

Кой черт тут ночью взяти,

Когда уж я и днем ни крошки не найду».

<1787>

113. ТАНЦОВЩИК И СТИХОТВОРЕЦ

В Мадриде иль в Париже,
А может статься, и поближе
На несколько, положим, миль,
Танцовщику с пиитом в споре
Нечаянно случилось горе.
Поверьте! право, это было.
У знатного соседа,
А было то после обеда,
Французских, аглинских, немецких,
Италианских, польских, швецких
Сыграв танцовщик наш ногами ролей сто,
И это для него безделица, ничто:
Разумны персты ног, и пяты не отбиты, —
Так не были забыты
В сем важном подвиге манерный казачок
И легонький бычок.
Хоть право, иль неправо,
Повсюду слышно: «Браво! браво!»
Танцовщик восхищен, еще три сделав па,
К пиите подскочил
И гордо говорил:
«Вертится ль у тебя так рифма и стопа?
Что дактили твои, что ямбы и хорей?
Головоломны лишь затеи;
Доходу с них тебе шесть тысяч лишь полусшек,
Вот сколько ты убог!
Мне мало этого для мелочных игрушек,
Не токмо для прикрас моих ученых ног.

Я со всего народу
Сбираю в год доходу
Шесть тысяч с небольшим рублей.
Еще бы надобно хоть триста для кудрей.
Вот сколько я во всем твоих талантов выше!»
Пиит детина был неплох;
Хоть пойман он врасплох,
Сказал танцовщику: «Потише;
Доходами отнюдь талантов ты не мерь
И верь,
Манежны лошади с тобой в искусстве сходны,
И куклы, сколько ты, умны и благородны.
Они одеты так, как ты,
Они подобие во всем твоей тщеты.
Благодари, что мог отец твой догадаться,
Где данного тебе рассудка доискаться:
В головушке твоей сперва его искал,
Но там на мель попал;
Искал его в руках,
И наконец
Догадливый отец
Нашел его в твоих ногах.
Хорошие стихи по смерти будут славны;
А ноги умные по смерти не забавны. . .»
Насмешки колкия танцовщик не постиг;
Считая всё себе хвалою,
А не насмешкой и хулою,
И вмиг
От радости хотел ногами сделать стих,
По их названью антраша;
Удача в том ему была нехороша:
Переломил он праву ногу,
Повергнулся бедняк в ужасную тревогу;
И говорят, что он купил себе костыль
И сделался хромой бобыль.
Пословица сбылась: хоть то же, да не то же —
Одно другого подороже.

<1786>

114. ПРАВДА ВСЕГО ДОРОЖЕ

В палате ли какой или в каком приказе,
Не знаю точно я,

Сидел судья,

И правды не искал он никогда в указе.

Она была-

Жила

В обширности его карманов;

Он прежде сам живал в коллегии обманов,

Пречудный нрав имел

И всё кривить умел;

Такой своей ухваткой

Весьма он сходен был с упрямою лошадкою.

Прямой дорогою он вечно не ходил

И леву сторону ужасно как любил,

Но он ее никак не похвалял словами,

А только лишь делами;

Так, видно, был не глуп.

С сим умником увидясь, Правдолюб,

И усмехаяся: «Здорово! — говорит. —

Что к нам ты никогда, дружок, не побываешь?»

— «Да где ты поживаешь,

Куда к тебе дороженька лежит?»

— «Вот здесь направо». — «О! туда не по дороге,

Да мне же там знакомых нет».

Приметя Правдолюб его в такой тревоге,

Учтивый делает привет:

«Давно уж правда трубит,

Что ваша милость-де не любит

Ее ни в чем, нигде,

А более всего в суде;

И ежели когда ей сделаешь услугу,

Так это не для ней,

Для тысячи рублей,

И то лишь только от досугу;

Иначе ты ее дорожке продаешь».

— «Напрасно песенку такую, друг, поешь, —

Судья отвечает. — Я правду почитаю

И в доме точно берегу;

Она не ходит на торгу,

А только я с нее проценты собираю.

За тысяч несколько я сам ее купил,
Ужели и в моем добре мне воли нет?
 О, как развратен ныне свет!
И я почти один всю правду сохранил;
 Я знаю ей достойну цену,
И проклят, ежели ей сделаю измену;
 Всегда я, спать ложась
 Или с постелею простясь,
Взамен молитвы: «Будь ты милостив мне, боже»,
Читаю: «Правда-мать всего у нас дороже!»
Теперь обеда час, прости, дружочек мой. . .»
 Тут Правдолюб, пожав плечами
 И правыми пошед путями,
Сказал: «Прости, *судья предорогой*».

<1786>

115. НЕТ

Сказка

Что *нет* бывает иногда
Гораздо лучше *да*,
В том всякий может быть уверен.
Чтоб это доказать,
Позвольте, я намерен
Вам сказочку сказать.
Помещик-старичок имел жену-молодку,
Проворную во всем, веселую красотку,
Да слишком был ревнив;
То правда, иногда бывал и справедлив,
Да жены этого не очень возлюбляют
И часто муженьков своих за то щуняют.
Для нужд своих,
Не знаю я, каких,
Хоть не хотел с женой, с деревнею расстаться,
Ревнивый старичок стал в город собираться;
Однако не забыл сказать жене:
«Пожалуй, сделай милость мне!
Не очень без меня с мужчинами водися,
Поменьше будь с гостями, в их речи не вяжися,
На их вопрос всегда давай сухой ответ
И иначе никак не отвечай, как *нет*.
Как будешь поскромнее,
Ты будешь мне милее.
Тогда поверю я, что мужу ты верна,
Тогда скажу: ах! как мила моя жена!
Пусть грубою тебя мужчины называют,
А ты исполни мой совет:

Пуškai их вздор болтают,
А ты на их вопрос всегда ответствуй *нет*.
То слыша, за тобой не станут волочиться.
Смотри же, светик мой, чтоб нам не побраниться».
— «Не бойсь, не побранюсь, — жена ему в ответ, —
И буду отвечать на их вопросы: *нет*».

Муж тем доволен был, с женой своей простился
И в город отлучился.

В отсутствие его в веселый летний день
Хозяюшка одна по рощице гуляла;
Приятный вид дерев, прохладная их тень
Частехонько ее из дому вызывала.

В середине рощи той,
Не знаю, кто такой,
Пригоженький собой
Дворянчик молодой

Проселочным путем в тот город пробирался,
Куда ревнивый муж недавно отправлялся.

Увидя женщину, пригожую собой,
Детина холостой,

Довольный встречу такой,
С колясочки спустился,

Учтиво, вежливо красотке поклонился
И начал говорить:

«Я вас осмелюся, сударыня, спросить,
Могу ли этою дорогой

Проехать в город я?» Она ему в ответ:
«*Нет*».

— «К чему ж такой ответ суровый, строгий?
Или противно вам, что я спросил вас?» — «*Нет*».

— «Всё нет да нет! мне очень это дивно! ..
Так, видно, скучно вам со мною говорить?»

— «*Нет*». — «Вы изволите теперь одне ходить...
Я пара буду вам. Вам это не противно?»

— «*Нет*». — «Вы изволите смеяться надо мной!
Или не можете со мною изъясниться?»

Когда угодно вам, я мог бы удалиться
И вам здесь дать покой.

Прикажете ли?» — «*Нет*». — «Так вы со мной согласны,
Чтоб я остался здесь? Как милы вы, прекрасны!

Ах! как доволен я! .. Пойдемте же гулять.

За толь приятное со мною обхожденье
Позвольте ручку мне у вас поцеловать.
Вы не осердитесь?» — «Нет». — «Ваше снисхожденье,
Которого не стою я,
Приятно очень для меня!..
Учтивостью такой вы сердце мне пленили...
Вы для моих всего милее глаз...
Когда б вы и на то теперь согласны были,
Чтоб я поцеловал и вас...
Да вам покажется обидно.
Вы мне откажете, и мне то будет стыдно.
Не правда ль?» — «Нет». — «О! если это так, —
Сказал он сам в себе, — не буду я дурак...»
Нет был счастливей да; всё дело тем скончал,
Что ей в знак верности молодчик перстень дал;
Потом, простившись, и в город поскакал.
Приехав, виделся с друзьями там своими;
А наконец меж ими
Нашел старинного дружищу своего
И не забыл уведомить его,
Что в роще с ним происходило.
Кто ж этот был его старинный друг?
Ревнивый старичок, несчастный тот супруг,
О коем сказано здесь прежде было.
По слову *нет* он тотчас всё узнал,
С досады, с ревности дрожал
И уж не в силах был дослушать окончанья.
«Постой, — сказал ему, — любезный друг!
Вся голова моя теперь вертится вкруг;
Я болен, мочи нет, простимся до свиданья».
Пришед домой, чего не делал он!
Проклятью вечному жену и друга предал,
С печали, бешенства дни по три не обедал,
Но время кончило его досаду, стон.
Чрез полгода опять он с другом повидался,
И как тогда уже в деревню собирался,
То вздумал и его просить с собой;
И чтобы над женой
Всё сделать отомщенье,
Хотел соперника представить в обличенье.
Тот слово дал. Итак, в другой день поутру
В деревню поскакали

И путь свой окончали
Довольно поздно ввечеру.
Приехали домой и до обеда спали.
Как чаю напились, в гостиную пошли,
Хозяйку, водку там, накрытый стол нашли.
Хозяйку видя, гость совсем не догадался,
Что некогда он в роще с ней видался,
Да уж и времени едва ль прошло не год,
И хоть хозяина любил он всей душою,
Но прежде не бывал знаком с его женою.

Да вот
Уж малый водку подает
И всем подносит.
Хозяин просит,
Чтоб гость опять тот случай рассказал,
Который в городе ему не докончал.
Гость был учтив и стал рассказывать с начала.
Меж тем хозяйюшка не знала, что начать;
Искусненько ему тот перстень показала,
Что знаком верности должна была принять...
Он перстень свой узнал и вспомнил *нет* счастливый,
Вдруг вспомнил и о ней,
Не кончив, замолчал. А муж ревнивый
Сказал жене своей:

«Смотри, чем кончится, а кончится прекрасно...
Что ж замолчали вы? извольте продолжать».
«Нет, — гость ответствует, — окончилось несчастно.
Лишь только стал у ней я руку целовать,
Лишь только было ей во страсти изъяснился,
Ан тут и пробудился».
— «Как! разве это вы всё видели во сне?»
— «Так точно... то-то и досадно мне».
Такой уловкою всё дело он поправил,
От подозрения хозяина избавил,
А с нею прежнего знакомства не оставил.
Но я прошу других сему не подражать:
Долг честных жен мужей своих не обижать.
Что в шутку сказано, то пусть и будет шуткой,
А там заговорим другою мы погудкой.
Мое намеренье не вредным свету быть,
Но чтоб читателей моих повеселить.

<1786>

116. ДУРНОЙ МУСУЛЬМАН

Сказка

Все люди хвастают своею стороной.
Приезжий Мустафа, храбрец из-за Дуная,
Стамбул свой ставя выше рая,
В беседе дружеской веселою порой
За Турцию стоял горой;
Рассказывал, хваля законы Махомета,
Что к сластолюбию различного предмета
Искать всем вольно каждый час —
Не как у нас!
И что мужьям дано там право
Хоть сотню жен иметь в удел.
«Я сей же миг туда бы полетел, —
Вскричал Дреблон в восторге. — Bravo!
Прекрасная страна! Я б дал себя там знать!»
— «Ну полно ж, муженек, пустое-то болтать, —
Сказала тут жена, пожав плечами. —
Живи-ка с нами;
Куда тебе! К чему такой обман?
Ведь ты б дурной был мусульман».

<1786>

117. ТРИ СТРЕЛКА ИЛИ ОХОТНИКА

Притча

В дикой роще вечером
Трое егерей гуляли
И от скуки кой о чем
Меж собою рассуждали.
Вдруг один из них, старик,
Вспомняв про старинку,
Как он стреливал дичинку,
Расхрабрился, поднял крик:
«О, когда б теперь мне встрелась
Лось иль дикая коза!
Уж бы так не отвертелась,
Я вlepил бы ей раза».
Как нарочно тут три лани
С горки показались им;

Счастье: по козе без брани
Всем достанется троим.
Двое были удалее,
Помоложе, поживяй;
Тотчас взявши по фузее,
Бац, и квит; а краснойбай
Взял ружье, но труд напрасный:
Егерь старый и несчастный
Дробь и порох растерял.
«Что ж ты, братец, не стреляешь? —
Тут один его спросил, —
Иль еще всё заряжаешь?
Эх, приятель, изменил!»
— «Да, — сказал старик с улыбкой, —
Не в исправности ружье.
Было тщание мое;
Вышел вздор моей ошибкой.
Лишь прицелиться хотел,
Посмотрю, ствол пуст, и больно.
Так и быть, с меня довольно,
Что на вас я поглядел».

Те, кои на словах бывают слишком бойки,
На деле не весьма или совсем не стойки.
Кто любит честь свою, не станет лгать нигде;
А хвастуны всегда останутся в стыде.

118. ЗЛАЯ ЖЕНА

Несносен в свете глад и язва моровая,
Несносны для людей война, пожар, потоп,
Всего несноснее жена для нас презлая,
Она есть тягостней нам, нежели самый черт.
Я это докажу читателю примером

И вот каким манером.

Плыл по морю корабль, не знаю я, какой,
А только плыл тогда он тихою водой.
Матросы, веселясь, между собой играли,
А наибольшие пунш в каюте попивали.
Но вдруг покрылися туманом небеса,
Ударил Аквилон свирепый в паруса,
Ударил страшный гром, перуны заблестали,
И мачты на местах, потрясшись, восстенали.
Поднялся в море рев, и вал, рождая вал,
Ломаясь о корабль, превыше мачт летал.
Борей во все страны, ярясь, корабль бросает
И в бездне потопить плывущих угрожает.
Матросы, ждущие кончины всякий час,
Пускают к небесам отчаяния глас.
«Умерьте, — вопиет им кормщик, — тщетно горе,
И с судна вержите тяжелое всё в море».
Сказал, и вдруг один, схватив свою жену,
С размаху бух ее во глубину,
Признавшись с клятвенной пред кормщиком божбою,
Что не имел ее тяжёлее с собою.

Пошла ко дну презлобная жена,
И тотчас на море явилась тишина.

<1789>

119. ОБНОВА

Пою... Умолкни всё в натуре!
Пою подъячего супругу на бандуре.
Жил секретарь,
Завязчивая тварь.
А у него была супруга дорогая.
Какая?
О том читателю хотя и не скажу,
Но точно докажу,
Что баба не повеса,
Хотя и старого была остаток леса
И сляпана по-русски топором.
Но дело-то не в том.
Она была верна и муженька любила,
Коров водила,
Варила,
Шила,
И тем секретарю премного удружила.
Супруг хотя и был похож на дикобраза,
Но, в силу данного попом ему указа,
Жену свою любил
И в угождение обнову ей купил,
Робронт с какой-то сеткой.
Жена оделася и сделалась насадкой,
Надулася и нос вдруг кверху подняла.
Скажи ж, о муза! нам, куда она пошла,
Надев обнову?
Доить корову.

<1790>

120. НОВОБРАЧНЫЙ

Женился Ветролет на девушке красивой;
Женясь он на ней, вдруг сделался ревнивый.
Стал всех пренебрегать,
Знакомых убегать,
Друзей позабывать,
Ворота запирать,
Церберов приставлять
И скважины везде во спальню затыкать.

О, чудо! Ветролет совсем переменялся.
Услышавши, что друг мой искренний женился,
«О, весть приятная! — в восторге я вскричал, —
О, весть! . . .» — и с радости ни слова не сказал.
Бегу к приятелю поспешными стопами
И друга поздравлять готовлюся стихами;
Эпиталамию сплетаю на пути
И тшусь, как к молодой получше подойти.
Но, о превратность света!
Пришедши наконец ко дверям Ветролета,
Хотел их отворить, но двери на замке.
Я сунулся к окну — решетка на окне.
Я сунулся к другим — о боже!
И там увидел то же.
Я ухо приложил: не слышно ничего.
«Конечно, — я сказал, — нет дома никого,
Иль, может быть, опочивают».
Однако стал стучать — мне тотчас отвечают:
«Кто тут? .. женат иль холостой?»
Вдруг удивившись задаче таковой,
Я в гневе закричал: «Конечно холостой!»
— «Извольте ж, — был ответ, — иди, сударь,
домой.
Наш барин холостых к себе не принимает;
Он рассуждает,
Что всякий холостой есть для женатых волк».
Сказал — и двери на замок.
О муза! у тебя я требую совету,
Скажи, что сделалось такое Ветролету?
Неужли он, женясь, вдруг сделался богат?
Смеешься ты! — Увы! конечно стал рогат.

<1794>

121. ПРЕЛЕСТА

Жила-была Прелеста молодая,
А попросту сказать, красавица такая,
К которой доступ был не труден никому,
Где по карману лишь ценились одному.
Случилось некогда зайти мне к сей красотке,
Не помню для чего, для ужина иль водки;

А может быть...

Но что пустое говорить?

Ведь я простой рифмач, не откупщик богатый;

Карман мой не рогатый

И вместо золотых лишь рифмами звенит,

Так нам ли дружба с Амурами водить?

Но как бы ни было, молодка полюбилась

И крепко к моему сердчишку прицепилась.

Я начал ластиться и ближе к ней подсел,

Две песенки пред ней любовные пропел,

Вздыхнул, как страстные любовники вздыхают,

Когда к красавицам впервые подлипают.

Потом... уж путь был не велик.

Но, о случай! Вдруг в двери откупщик,

Детина преширокий,

С окладистой бородой и ростом превысокий,

От ног до головы весь золотом облит.

Я думал, сам Плутон в покои к нам валит,

Вскочил и низко поклонился.

Он двинул тушею и в креслы повалился,

Потом, с презрением взглянувши на меня:

«Мне кажется, — сказал, — я видывал тебя,

Но точно где, не знаю,

Однако ж намекаю...

Не из приказных ли ты, брат?

Я очень рад.

Хотя стрекается приказная крапива,

Но нам она нужна... Не хочешь ли, брат, пива?»

Сказал — и брякнул кошельком.

Увидев золото, красавица летком,

Как птица из садка, к бородачу порхнула

И тем мне ясно намекнула,

Что ей не надобен мой стихотворный бред,

А нужен к завтраму обед.

122. СЛЕНОЙ С ФОНАРЕМ

Сказка

Невежда, иногда ж и умный говорит
О том, кто подает другим нравоученье:
«Он страсти побеждать столь строго всем велит,
Но более, как мы, предался в их волнение;
Или ясней сказать, другим давая свет,
В потемках ощупью насилу сам ползет.

И сам куда идет не знает,
Но путь показывать правдивый всем желает».
А я скажу на то: хотя тот и не прав,
Учивши кто других, но свой не правит нрав,
Однако же винить его не прежде должно,
Как испытав дела его, колико можно,

Не скоро заключать,
Причины все узнать,
Природным слабостям и нуждам дань оставить
И после обвинить его или оправить;
Мы, может быть, найдем такое что-нибудь,
Что к исправлению ему отъемлет путь,
Различны случаи иль слабости врожденны;
Не могут смертные во всем быть совершенны.
Пусть будет он страстями отсюда окружен,
Достойно и за то он может быть почтен,
Советы что дает, как должно нравы править,

Умев заранее представить,
Коль все оставить путь правдивый восхотят,
Хаоса прежню смесь чрез то возобновят,
И что ему придет погибнуть вместе с ними.

Не подражай ему пороками своими —
Коль слаб он и себя не может побеждать.
Хочу я сказочку теперь к сему сказать.

Когда скончавши Феб свой златозарный путь,
В кристальные струи заехал отдохнуть,
С покровом мрачна ночь, оставивши Эреба,
Явилася затмить лазурь прозрачна неба.
С кувшином молока и с фонарем слепой,
На рынке запоздав, спешил тогда домой.
Прохожий старику навстречу тут попался.
Увидевши его, вдруг громко засмеялся,
И в хохотаньи он едва возмог сказать:
«На что тебе, слепой, фонарь с собою брать?»
И в ночь и в день равно ты видишь свет не вдвое».
Старик ему на то: «Оставь меня в покое,
И знай, что я фонарь ношу не для себя,
Но для других людей, похожих на тебя,
При свете чтоб они поосторожней были
И чтобы моего кувшина не разбили».

Хоть, кажется, в свече слепому нужды нет,
Но он, неся огонь, другим являет свет.

<1789>

123. НЕ ДЛЯ ВСЕХ СПЛЮ

Сказка

Не должно брать в пример сего нам никогда,
Что на других глядят сквозь пальцы иногда.
Не всякому кого удастся обмануть:
Хоть толст в апреле лед, по нем опасен путь.
Подобно так иной хоть, кажется, плошает,
Однако ж берегись! Себя ведь всякий знает.
Недавно было то. Какой-то господин
Хотел приобрести через вельможу чин,
Иль до него имел дела по деревням,
Иль, может, по суду, в том нужды нету нам.
Но милость, знаю я, ему нужна была,
А у него жена прекрасна и мила,

Блισταючи глаза, собою всем складна,
 Вельможе нашему понравилась она.
 Проситель сведал то и говорит в себе:
 «Теперя ладно всё, благодарю судьбе;
 Не должно случаев полезных пропускать».
 Пошел вельможу он к себе обедать звать,
 И мыслит: «Коль с женой моею он побудет,
 От этого ее пригожства не убудет;
 А честь — но что она? .. лишь вымысел один».
 Решаясь так, спешил к вельможе господин.
 Пришел в переднюю, торится, дожидает.
 Вельможа выступил, он спину изгибает,
 С унижением поклон ему приносит,
 Меж тем на пир к себе сего кумира просит.
 Склонился он на то. Хозяин поспешает,
 Готовит к пиру всё и гостя ожидает.
 Приехал туз к нему со свитою немногой,
 Затем что просьба шла проселочной дорогой.
 Не столько уже горд вельможа наш казался,
 Поклон хозяину, с женой поцеловался. . .
 Лишь кончился обед, хозяин тако мнит:
 «Мне надо сохранить пристойности хоть вид».
 И притворился вдруг, что чересчур хлебнул,
 От винных будто бы паров уж и заснул,
 Нахмурил брови он и тотчас захрапел.
 А туз, привставши, мой к красавице подсел,
 Целует он ее, милует, обнимает,
 «Mon ange, mon soeur, mignon!»¹ — стократно
 называет,
 Иль просто: «Душенька, голубушка, мой свет,
 Милей, прекраснее тебя под солнцем нет! . . .»
 Увидел то слуга и заключил тотчас,
 Что поживиться он тут может в этот раз,
 И, рассуждаючи, с собою говорит:
 «Жене не до него, а муж ее ведь спит!
 Возьму-ко дорогой себе я кубок сей», —
 И руку протянул уж к добыче своей.
 В минуту господин весь сон свой истребя,
 Вскричал: «Опомнись, плут! Я сплю не для тебя».

<1789>

¹ Мой ангел, сердечко мое, крошечка (франц.). — *Ред.*

124. УЛИКА

Не выписал копист какого-то указа,
Не внес его в экстракт по данному приказу.
За ту его вину дьяк на цепь приковал
И, бивши по щекам, неистово ругал,
Пропойцею его, ярыгой называя;
Рассечь хотел плетьюми, от пьянства унимая.
Подьячий, зря беду, от страха весь дрожал,
Божился, что родясь он пьяным не бывал.
«Ах, скверный человек! ты хочешь оправдаться,
Пред ставкой очною дерзаешь запираяться?
Не я ли всякий день, хожу как на кабак,
Сам вижу там тебя?» — сказал кописту дьяк.

1776

125. СТРУЯ И ДОМ

Вод струйка, капелька, слезинка под землей
Сквозь берегу прокралась —
И всё час от часу извивистой змеей,
И так своей водой
Тихонько расширялась,
Что сделалась ручьем
И стала подмывать вседневно и всенощно
Прекрасный дом,
В котором весело, роскошно

Боярин знатный жил,
Столы давал, сады сажал
И в мысли не имел о ближущемся роке.
Но как сия
Уже струя
Усилилась в своем обширном быстром токе,
То вдруг открылася свирепою рекой.
Прости, прекрасный дом!
И место, где ты был, струя умчала.
Сей притчи смысл такой:
Предупреждай беду сначала,
Доколь не грянул гром.

Конец 1790-х годов

126. ХОЗЯЙКА

Хозяйка, клюшница, досужа домоводка,
Старуха иль молодка,
Нет нужды до того, но только мать,
Держала в доме птиц и их сама кормила,
Умеренно бросая зерн.
Довольны птицы были,
Что шел им нужный корм:
Хозяйку все хвалили,
Благодарили.
И меж собою говорили:
«Чего ж еще? Дают нам хлеб зобать.
А чтоб нам жирным стать,
Того мы можем подождать,
И на хозяйку не за что сердиться».
Меж тем хозяйке той случилось отлучиться
Куды-то со двора;
Она ушла,
Замедлилась, а птиц кормить пора пришла.
Мальчишко, сын ее, схватя с пшеницею лукошко
И высунясь по пояс из окошка,
Ну полной горстью корм бросать;
А птицы — ну клевать,
И, наклевавшись досыта,

Как уже нечего им стало ждать,
Пошли по гнездам спать.

Хозяйка домовита
С умом умела награждать.

Конец 1790-х годов

127. ЖМУРКИ

Хозяин молодой единожды, из шутки,
 Был прошен от детей,
 Своих друзей,
Чтоб с ними поиграть немножко в жмурки.
Он, согласясь на то, позволил иль повязку,
 Как водится, иль темну маску
 Надеть на свой прекрасный зрак,
И стал ему чрез то в его чертоге мрак.
Друзья-ребятички вокруг его обстали,
 А он в кругу у них
 С жгутом.
 Потом

Играть они, как должно, стали.
Известно, что сперва всяк в уголку притих,
Пыжился, прятался, а он им вслед гонялся,
 Ударить тех, ловить старался,
Кто мышкой где вдали тихонько заскребет,
Мяукнет кошкой там, тут петухом вспоет.
Они ж, чтоб поострить шаги его пытливы,
Манили пуще всяк к себе чрез гласы лживы;
А он упрямился, повязки не скидал,
То ó печь, то о дверь, то лбом, то носом попадал.
Ребята слепотой его смелее стали:

 Со всех сторон его щипали
И громко вокруг его над ним же хохотали,
Что он руками врозь ловил, ходил, не поймал,
А стулья и столы лишь только повалил;
 А наконец уж так устал,
 Что, закружась, запнулся,
 Упал и растянулся,
 И тем во всем дому

Такую поднял кутерьму,
Что описать ее не можно никому.

Не надо допускать класть на себя повязки
И вслед друзей своих будто слепцу ходить,
Или глядеть на них тихонько из-под маски;
А иначе — голову сломить.

1805

128. БОЙНИЦА И ВОДОПАД

С гор страшный водопад лился, шумя, рекою.
С бойницы же ревел град ядр, и огонь, и гром,
Так что и с твердою душою
Нельзя идти к ним напролом.
Но воинам чрез них пробраться было должно:
В военной службе *нет* не можно!
Что ж делать, что начать?
На месте не стоять,
Назад не отступить,
Чтоб не прослыть трусами;
Сего не водится меж русскими полками.
Но, к счастью, вождь у них старик уж был седой,
Хоть не мудрец и не герой,
А самый человек простой,
Но только в опытах весь век прошедший свой.
«Чего, ребята, вам бояться? —
Он им с усмешкою сказал
И батарею им и волн рев пёрстом показал:
Осмельтесь попытаться!
Под этот поднырнем,
Под эту подползем».
Вот так и сделалось — решились:
Вода и огонь чрез них перекатились.

Какой бы нам извлечь из притчи сей совет?
Ум опытный лишь зрит и отвращает вред.

1807

129. БЫЛЬ

Приказывал жене, собираясь некто в путь:
«Пожалуй, душенька, верна ты мне пребудь;
А если изменишь, приехав из дороги,
Увидишь ты на лбу моем бычачьи роги».
Жена клялась ему всю верность соблюсти,
Примолвя так: «Быков смертельно я боюсь,
И так перед тобой, ей-ей, не провинюся!»
Муж был доволен тем. Сказавши ей «прости»,
В дорогу ту пустился.
Но как окончил путь и в дом свой возвратился,
С повозки лишь сошел,
Супругу верную нашел
Стоящу на крыльце, она его встречала!
Супруг ее облобызал.
Она ж, не видя рог, забывшись, вскричала:
«Так забодать меня ты в шутках, знать, стращал?»»
<1789>

130. ИСКУСНЫЙ ВРАЧ

В каком то городе, в каком то было царстве,
Имен не помню их, да нет и нужды в том,
Лишь помню только то, что в городе большом,
За тридевять земель в десятом государстве,
Боярин жил;
В отставке ль был
Или служил,
Того не знаю точно;

Да и об этом знать беспрочно,
 К тому же не о том и речь моя;
 А вот что сказывать начну, читатель, я.
 Послушай! Тот господчик
 Был холост, и притом пригожий был молодчик;
 Но как-то господин,
 Наскучив быть один,
 Задумал вдруг жениться;
 Невесту вмиг сыскал
 И свататься он стал.
 Для свадьбы, говорят, что надобно влюбиться;
 А то-де без того нельзя с женой ужиться.
 И я согласен в сем.
 И спорить тут о чем?
 Для двух любящихся, конечно, брак прекрасен,
 Но брак не по любви не стоит ничего;
 Хоть век не будь его;
 К тому же он опасен.
 Послушайте ж теперь рассказа моего.
 Жених,
 Имея сердце нежно,
 Читал элегии прилежно
 И был влюбляться лих.
 В невесту он свою, как Селадон, влюбился
 И свадьбой поспешать скорей как можно тщился;
 Не пил, не ел,
 Вздыхал, кряхтел.
 В любви велико нетерпенье,
 Я знаю это по себе;
 Но коль, читатель мой, не сведомо тебе
 Любовное мученье,
 Прочи Овидия о нем стихотворенье.
 Он был профессором любовна ремесла;
 Он знал наперечет сей страсти тяжки муки,
 Как-то: разлуки,
 Вздыханья, слезы, скуки
 И прочи многи штуки,
 Которым нет почти числа...
 Ахти! куда меня нелегка занесла!
 Я про любовь заговорился
 И от рассказа удалился;
 Но не один сему подвержен я греху;

Так обратимся ж к жениху.
Он всё еще вздыхает,
И с нетерпением женитьбы ожидает.
Приходит дело то к концу,
Жених готовится уже идти к венцу;
Вдруг счастью его противится судьбина,
А может быть, и сатана:
Невеста сделалась отчаянно больна.
Крушится мой детина;
Зовет искусных лекарей,
Сбирает ворожей,
Подать чтоб помощь ей,
Сулит за то он им богатство неисчетно;
Однако ж тщетно.
Жених был щедр и был богат;
Но всякий, кто влюблен, бывает тороват.
К несчастью, щедрость тут совсем не помогает;
Любовница изнемогает,
Жених орет
И волосы себе в отчаяньи дерет.
С ума детина сходит,
С лица
На мертвеца
Походит.
Бежит от глаз его отрада в скорби, сон;
Пускает наш бедняк такой нелепый стон,
Как будто белены какой объелся он.
Откуда ни взялась вдруг старая грызунья,
Искусная колдунья,
И талисман ему дает,
В котором был один секрет.
Читатель! верь тому иль нет,
Как хочешь, я тебя нимало не неволю,
А отдаю на волю;
За истину того отнюдь не выдаю,
За что купил, за то тебе и продаю.
Секрет такой был в талисмানে,
Что кто его имел в руках или в кармане,
Невидимы тот вещи зрел,
Как, например сказать, умерших души тел.
Лишь взял сей талисман любовник от старухи,

То вдруг со всех сторон к нему полезли духи,
 Как летом к сахару иль к меду алчны мухи;
 Он так их ясно зрит, как лучший м(артирист),
 Все сильфы, саламандры, гномы,
 Все демоны ему знакомы;
 Но если всех прибрать, то выйдет целый лист.
 Дает старухе он награду
 За важную сию отраду;
 Схвативши талисман, с ним скачет ко врачу
 И рассуждает так: «Мне талисман всё скажет,
 Хотя и дорого за то я заплачу,
 Чего ж желаю я, то верно получу.
 Искусство ж лекаря мне талисман покажет».
 Приехав к лекарю, он чудо зрит в дверях;
 Его объемлет страх,
 Дрожат под ним колени:
 Он видит, вшедши в сени,
 Что в оных сотнями толпятся черны тени,
 Как будто б было то на Стиксовых брегах.
 Чьи ж тени были те? Людей тех были души,
 Которых врач побил своим леченьем туши.
 К другим он лекарям пошел;
 Но как ни вступит в сени,
 Опять явятся тени,
 И словом, тысячи теней у всех нашел.
 Возмнил он от того, что все врачи невежды.
 К последнему врачу он, наконец, пришел,
 И видит близ его избушки
 Две только маленькие душики.
 Горюн наш в дверь толкнул,
 Поспешно в горницу прыгнул,
 Насилу с радости промолвить слово может,
 И думает: «Сей врач, конечно, мне поможет».
 Причину своего прихода изъяснил
 И помощи просил;
 А тот его спросил,
 Являя удивленья знаки:
 «Какие довели тебя сюда признаки,
 И как ты мог найти мой дом?
 А здесь почти ни с кем еще я не знаком».
 Любовник отвечает:
 «Несчастлив тот больной, кто про тебя не знает.

Тебя обогатит, конечно, здешний град,
 И что тебя нашел, без памяти я рад;
 Искусства твоего я был теперь свидетель:
 Ты только уморил двоих, мой благодетель!»
 Врач, тяжело вздохнув, слова его прервал
 И вот что отвечал:
 «Пора, сударь, тебе, мне кажется, признаться,
 Что ты пришел сюда лишь только посмеяться:
 Еще недели нет, как в должность я вступил,
 И только двух ребят лечил».
 От сих неожиданных слов любовник так озлился,
 Что в рожу лекарю свой талисман пустил
 И в волосы ему вцепился;
 Кусал его, царапал, бил,
 И к тѣням чуть было его не проводил.
 Но мне его не жаль, таковский он и был.
 Покуда ж наш жених с Санградой колобродит,
 Невестина болезнь и без микстур проходит;
 Голодна смерть от ней, поджавши хвост, бежит;
 Невеста не в гробу лежит,
 Но на усыпанном цветами брачном ложе;
 А с лекарями вряд сбылося ли бы то же.
 Случалось ли видать читателям моим,
 Чтоб немощью одной досталось двоим
 Быть одержимым вдруг: бедняжке на рогоже
 И на пуху вельможе?
 К обоим им тогда врачи направят ход:
 Природа к нищему, а к знатному Тиссот;
 Трудов сих двух врачей какой же будет плод?
 Бедняжка, поглядишь, румян, игрив, как кот,
 И роет, возвратив опять с здоровьем силу,
 Его сиятельству — могилу.
 <1789>

131. ОТСТРЕЛЕННАЯ НОГА

О вещах таких есть споры,
 Каковых в природе нет,
 И за то ученых ссоры,
 Верно, слышал часто свет.

Коль кому соврать случится,
Что де скоро появится
В триста сажень великан,
То педант, взяв инструменты
И Евклида элементы,
Правдою почтя обман,

Измеряет великана,
И по знанью своему
Скажет, сколько для кафтана
Надобно сукна ему,
Сколь велики голенищи,
Много ль съест урод сей пищи,
Дурен он или пригож,
А того не рассуждает,
Не напрасно ль труд теряет,
Правда ль слух тот или ложь.

Бросим мы нравоученье,
На другой оставим раз.
Полно делать поученье,
А скажу теперь рассказ,
Докажу которым ясно,
Что, трудиться чем напрасно
И над вздорами потеть,
Лучше будет, если прежде,
Не поверивши невежде,
Вероятно ль, рассмотреть.

Некто письма получает...
Весть покажется нова;
С удивленьем он читает
В том письме сии слова,
Что в военную тревогу
У матроса чем-то ногу
В корабле отшибло прочь;
Лекарь, ногу ту приставя
И по-прежнему направля,
Вмиг умел ему помочь.

Прочитав, сказал: «Признаюсь,
Эта ведомость чудна;

Лишь немного сомневаюсь,
Справедлива ли она.
А дабы изведать точно,
Вправду ль то, или нарочно,
К докторам за тем пойду;
В их собрании ученом
Донеся о чуде оном,
Верно, истину найду».

Взяв с собою ту страницу,
Он пошел в ученых дом;
Показав им небылицу,
Просит толку он о том;
А ученые читают,
Меж собою в спор вступают,
Подымают шум и крик.
Прав из них хотел быть всякой;
Чуть не кончился шум дракой,
Сделался соблазн велик.

Был один весьма задорен
Из мужей премудрых тех;
Быв сим спором недоволен,
Превзойти желая всех,
Диссертацию марает,
Длинну книгу сочиняет
Толщиною пальцев в шесть.
Он без отдыха трудится,
Доказать в той книге тщится,
Что правдива эта весть.

Труд мудрец свой совершивши,
Набело списав тетрадь
И латынью испестривши,
Отдает ее в печать.
А что весть сия не ложна,
Вероятна и возможна,
Силлогизмом доказал;
Пишет: «Есть дела труднее,
Верим им, хоть и чуднее,
Ergo ¹: я за правду стал».

¹ Следовательно (лат.). — *Ред.*

Между тем как сей ученый
Свой надменный тешит дух,
Тот, кто слух рассеял оный,
Вот о нем что пишет вдруг:
«Государь мой! не взыщите,
Я ошибся, извините,
Хоть ошибка и мала;
Ведь нога, что отстрелили
И так скоро прирастили,
Деревянная была».

<1789>

132. СПОСОБ ВОСКРЕШАТЬ МЕРТВЫХ

Сказка

Наур, персидский древний царь,
Как Тит иль Марк, народом правил;
Победами себя, щедротами прославил,
И словом, сей Наур был редкий государь.
Блаженства Персии почтенный сей содетель
Был верный друг, притом был лучший из отцов,
И сверх того еще имел ту добродетель,
Чтоб правду обожать и не терпеть льстецов.
Вот был Наур каков!
Он, ненавидя многоженство,
Имел супругу лишь одну,
В которой обретал верховное блаженство:
Наур был по уши влюблен в свою жену...
Читатель, вижу я, смеется,
Не верит мне, но я его не обману;
Ведь это сплошь, сударь, бывало в старину,
И в наши времена, я думаю, найдется
Десятка два мужей таких,
Которы терпят жен своих;
Влюбленных же найти теперь не обещаюсь.
Итак, к персидскому царю я обращаюсь.
Уже никак лет семь престолом он владел,
Был счастлив, был спокоен,
Был счастья своего достоин,
Как своенравный рок однажды захотел,
Чтоб добрый царь сей овдовел:

Зюлима, нежная его супруга,
В которой он имел любовницу и друга,

Слегла

И умерла.

Представьте, как Наур взметался,
Когда пришли ему сказать,
Что должен будет впредь один он почивать,
Затем что навсегда с Зюлимою расстался.
Отчаянья его не можно описать,
Так тщетно я над тем трудиться и не стану;

Сию болезненную рану,

Кто может, пусть представит сам;

А любопытным господам

Я просто донесу, что царь скрипел зубами,

Ревел, кривлял глазами,

Топтал свою чалму, и словом, был таков,

Что всех персидских дураков

Минут в пятнадцать обесславил,

А в бороде своей оставил

Четыре только волоска.

Когда ж его тоска

От сильного сего движенья утомилась,

То в недрах сердца скрылась.

Тогда прервался царский крик

И оковала скорбь ему язык.

Печаль, которая безгласна,

Весьма опасна.

Наур задумал умереть.

Во внутренность своих чертогов удалился

И двери за собой изволил запереть,

Но не подумайте, чтоб там он удавился.

Куда бы я тогда со сказкой сей годился?

Притом же редко я слыхал,

Чтоб истинный герой удавкой жизнь скончал.

Известно, что герой себя помучить любит

И ни за что себя так скоро не погубит.

Итак, чтоб более мученья претерпеть,

Науру вздумалось вкусить голодную смерть,

И вдруг не стал терпеть он пищи даже духа.

Уж три дни, как вдовец не пьет, не ест, не спит,

Входить же никому к себе он не велит;

А только с ним одно отчаянье сидит.

Уже курносая и тощая старуха,
Которая нас всех со временем сразит,
Косой ему грозит.

Уже... как вход к нему незапно отворился;
Индийский философ Кулай пред ним явился.

Он часто о делах беседовал с царем,
Был другом он его и был секретарем.

К Науру искренним усердием пылая
И жизнь ему спасти желая,

В убежище его проникнуть он умел,
Чтоб как-нибудь его переменить судьбину;
Прихода ж своего так объявил причину:
«Великий государь! Я не затем пришел,
Чтоб осуждать твою законную столь горесть;
Но если веришь ты, что я имею совесть,

То верь, что я нашел

Простое очень средство

Твоей супруге жизнь отдать,

Народу возвратить царицу их и мать,
И словом, прекратить твое и наше бедство.

Почто ж сомнение в глазах твоих я зрю?

Поверь мне, государь, я правду говорю.

Известен ты о том, что я люблю учиться,

Люблю в бумагах рыться,

Имею много древних книг,

И способ редкий сей нашел вчера я в них;

Исполнить же его, мне кажется, способно:

Нам стоит лишь найти трех счастливых особ.

Всяк знает, что сыскать таких весьма удобно.

Когда ж мы их найдем, то на царицын гроб

Их имена поставим,

И сим

Царицу воскресим

И от тоски тебя избавим».

Царь пробуждается, как будто ото сна;

Надежды луч его внезапно озаряет.

Так точно мертвая природа воскресает,

Когда ей душу возвращает

Благотворящая весна.

«Мой друг! — вскричал Наур, — меня ты оживляешь,

Целительный бальзам ты в сердце мне вливаешь;

Я буду паки жить,

И способ твой хочу сей час употребить.
 Не медли ж более, поди, мой друг любезный,
 Поди и счастливых сих смертных обретай,
 Царицу оживляй
 И осушай
 Поток мой слезный».
 Тотчас
 Царь дал приказ,
 Чтоб все счастливыцы приходили
 К его секретарю
 И имена б свои в бумажках приносили;
 Что сим одним спасут они живот царю
 И воскресят царицу;
 Что будут имена их класть к ней на гробницу. . .
 Приказ сей возвещать послали крикунов.
 А между тем Кулай, мудрец из мудрецов,
 Со всею важностью индейских петухов,
 За красный стол садится;
 Однако же боится,
 Чтоб век за ним не просидеть
 Или с тоски не умереть.
 Уже скучать он начинает,
 Уже зевает;
 Как юноша к нему запыхавшись вбегает:
 «Я счастлив, — говорит, — а имя мне Кобад. . .
 Я очень рад,
 Что воскресить могу царицу. . .
 Однако ж, господин Кулай,
 Поверь мне, времени нимало не теряй. . .
 Теперь носи мое ты имя на гробницу. . .»
 — «Нельзя ль, — прервал мудрец, — спросить,
 К чему изволишь так спешить?
 Скоропостижности я сей не разумею. . .»
 — «Позволь, — сказал Кобад, — мне всё договорить,
 А там ты можешь сам об этом рассудить.
 Люблю Зельмиру я, любим подобно ею;
 Готов пожертвовать ей жизнь мою,
 И будь уверен в том, почтенный господин,
 Что я боготворю Зельмиру
 И милый взгляд ее один
 Не променяю на порфиру.
 Вчера она меня сурово приняла

И, разругавши впрах, в затылок прогнала
(Не в первый раз уже я принят так бываю);
Сегодня же опять меня к себе зовет.
Счастливее теперь Кобада в свете нет;

Но почему я знаю,
Что завтра ж может быть опять. . .»
— «Ага! — вскричал мудрец, — позволь себя прервать!»

Я это понимаю:
Зельмира то тебя ласкает, то бранит,
То вдруг любовника в тебе, то черта видит,
То вдруг возненавидит,
То вдруг опять боготворит,
Смотря по ведру иль ненастью.

Слуга покорный я завидному столь счастьем!
Ступай-ка, господин Кобад,
Назад;

Такое имя мне не нужно;
Притом же нам с тобой обоим недосужно.
Прощай, и, если лъзя, живи с Зельмирой дружно».

Кобад ушел,
На место же его супруг молодой пришел,
И с ним супруга.

Любя пять лет друг друга,
Но к сочетанию имея тьму препон,
Пять лет сия чета пускала тяжкий стон.
Но как-то наконец в тот день они женились,
И от подножья алтаря,

Где их желанья совершились,
Пришли уведомить о том секретаря
И счастье свое столь сильно изъяснили,
Что старика прельстили

И чувства черствые его поразмягчили.
Однако ж наконец прияв свой важный вид,
Он так им говорит:

«Такое счастье завидно;
Но ведь оно еще сегодня началось,
Боясь же, чтоб когда-нибудь не прервалось,
Вам не покажется, я думаю, обидно,
Что опыту его подвергнуть я хочу?
Я милостью царя за то вам заплачу.
Сей опыт сверх того с желаньем вашим сходен,
Итак, я думаю, он будет вам угоден:

Я требую от вас, друзья мои, того,
Чтобы вы десять дней друг другом услаждались,
Не делая отнюдь другого ничего,
Притом не видя никого,
Но чтобы вы собой одними занимались.
Не трудно, думаю, вам сделать будет то.
Для двух любовников, столь прежде притесненных
И наконец соединенных
Вселенная ничто».

С восторгом согласясь на это испытанье,
Супруги в дом к себе летели, а не шли,
Не дотыкаясь до земли,
Пришли — и начались меж ими лобызанья.
Слова нежнейшие лились у них рекой:
Голубчик; душенька, любезный светик мой,
В тебе я вижу все утехи и покой;
Тобой любиму быть одно мое желанье,
И не погаснет век мое к тебе пыланье,
И словом, в первый день они, забывши всех,
Вкусили тьму утех.

Назавтра ласки их слабее как-то стали,
Назавтра несколько они и позевали.
Назавтра подремали,
Назавтра поворчали,
Назавтра подрались,
Назавтра разошлись
И больше не сходились.

По сем к Кулаю появились
Счастливец целы табуны,
Но были все они такие ж шалуны
И к делу не годились.
Один из них богатств, другой чинов желал,
И всяк блаженство полагал
В каком-нибудь своем предмете;
А мудрецу за то в награду обещал
Быть всех счастливее на свете.
Но как он ведал свойства их
Гораздо лучше их самих,
То им отнюдь не верил.

Печатным, видно, он аршином счастье мерил,
А с ними вот какой поставил договор:
Что он о просьбах их входить не будет в спор.

Но прежде чтоб они немножко побродили
И чтоб людей к нему с собою привели
Довольных тем, чего себе они просили.
Не знаю, может быть, они таких нашли,
Но, слышно, к мудрецу назад не приходили.
Дотоле философ не видывал вовек
Такого скопища людей честолюбивых,
Скупых, беспутных, горделивых,
Смешных, безумных, прихотливых;
Но наконец к нему явился человек,
Который с прежними нимало не был сходен.
Сей скромнень был и благороден,
Сей не желал и не просил;
О счастья ж своем он вот что доносил:
«Богатств я не ищу, ни пышности, ни славы,
Люблю одни забавы;
По воле их себе могу я доставлять;
Но их умеренно привык употреблять.
Я, опасаясь пресыщенья,
Достиг до редкого уменья
Совсем отказывать себе в них иногда,
Без всякого труда.
Притом же я доход порядочный имею,
Которого концы с концами так свожу
И так расположить на круглый год умею,
Что в люди никогда обедать не хожу.
Вседневно за столом своим я угощаю
Двух, трех иль четверых
Приятелей моих,
При коих я себя отнюдь не принуждаю;
Я принужденности, признаться, не терплю.
Ни от кого я не завишу,
Врагов нет у меня, иль я о них не слышу.
Любовницу свою люблю
Не много и не мало,
Так, как и всем бы надлежало
Любить своих
И столько заниматься ими,
Чтоб о лишении не сокрушаться их
И замещать тотчас другими:
В запасе я держу всегда их пятерых.
Не правда ль, что могу я счастливым назваться?»

-- «Конечно так, мой друг, но, будучи тобой,
Я несказанно бы стал смерти ужасаться».
— «Увы! боюсь и я, боюсь, сударик мой!
Но в жизни надобно ж чего-нибудь бояться:
Нельзя без примеси нам счастьем наслаждаться;
Однако ж я не лгу,

Что мыслю я о том столь редко, сколь могу».
— «Совсем не помышлять о смерти постарайся,
Иль способ обрести вовек не умирать,
Тогда-то смело ты счастливым называйся
И приходи ко мне царицу воскрешать».
Уже три месяца, как философ трудился,
Но толку от того нимало не добился,
И наконец

Трагикомедию сию скончать решился
Уставший наш мудрец.
Ему наскучило такое упражненье,
В котором он терял и время и труды,
А поисков его единые плоды
Лишь прежнее его оправдывали мненье,
Что молодые, старики,
И словом, все мы чудаки,
Что меры мы в своих желаньях не знаем:
Исполнится ль одно, другое затеваем.

Итак, он тем же днем
О тщетных поисках, и словом, обо всем
Донесть решился государю,
Хотя бы он за то ему расквасил харю.

А между тем
Царева горесть помягчилась,
Охота умирать прошла,
Охота к пище возвратилась
И борода поотросла.

Не нужно сказывать, что был Кулай доволен,
Увидя, что Наур совсем уж стал другой,
Что возвращается к нему опять покой
И что уж он не болен.

Мудрец донес ему без всех обвиняков,
Что вместо счастливых нашел он дураков.
«На что ж, — сказал Наур, — мой друг, нам так
трудиться?
На что нам хлопотать и столько суетиться?»

На что далёко так нам счастливых искать?

Свое ты имя б мог на гробе написать,

И мудрых двух, как ты, к нему еще прибавить:

Сим мог меня давно от грусти ты избавить. . .

Но ты молчишь? . . почто ж так хвалят мудрецы

Нам счастье свое, премудростью владея?»

— «Монарх! — вскричал Кулай, вздыхая и краснея, —

Слепцы!

Нередко бредим мы и часто полыгаем;

Мы так же, как и все, во весь наш век желаем.

Чего ж желаем мы? Желаем пустяков,

И словом, мы в числе тех бедных дураков,

Которых мы людьми столь важно величаем.

Признаться, государь, ведь я и сам таков:

Я сам лет пятьдесят за мудростью гоняюсь,

Тружусь, учусь; но что ж узнал я от того?

Одно лишь то, что я не знаю ничего.

Со счастьем, как и все, я встретиться стараюсь,

Но только находил лишь тень одну его,

Его же самого

На свете никогда, поверь мне, не бывало,

С небес оно и не слетало.

— «Так нет, — вскричал Наур, — счастливых на земле?»

— «Нет, государь! и быть не может:

В сей жизни что-нибудь нам вечно сердце гложет.

Но дружеским моим советам ты внемли:

Почто, о государь! ты дух свой так терзаешь?

Или не знаешь,

Что нежная твоя супруга во сто раз

Теперь блаженнее всех нас?

Престань же сокрушаться.

И счастьем ее ты можешь огорчаться?»

О сказанном ему царь здраво рассудил;

За хитрость мудреца весьма благодарил

И мысли воскрешать царицу отменил;

Утешить же совсем его взялося время.

Притом же царского венца тяжело бремя,

Заботы и труды

И новые печали

Из памяти царя изгнали

Его минувшие беды.

<1791>

133. ИСПЫТАННАЯ ВЕРНОСТЬ

Не помню, право, я, какой сказал мудрец,
Что молодым жена́м ни в чем не должно верить,
За тем-де, что они все любят лицемерить.
Я ж мню, что так сказал какой-нибудь глупец,
Который не умел, как в свете обращаться,

И рад в том присягнуть, что он
Не знал, что есть *Beau monde*,¹ и что за зверь
Bon ton.²

Ну можно ль мудрецу так глупо завираться?
Не спорил бы я с ним и пропустил бы так,
Когда б сие сказал он о простых лишь бабах;

Но как он смел, дурак,
Таких напутать врак
О дамах,

Которы сто́ят все поставлены быть в храмах
За стеклами и в рамах?

Как в голову придет, чтоб пол прекрасный тот,
Взор коего один бесценная есть милость,

Похож был на известный плод,
У коего внутри одна лишь только гнилость,
Хотя прекрасен он на взгляд?

Возможно ль, чтоб в глазах был рай, а в сердце ад?

Неужто барыни обманывать нас станут?

От этой клеветы безбожной уши вянут.

Как им причастным быть столь подлому греху?

Не верьте ж! Лжет мудрец и мелет чепуху.

Однако ж хочется сказать мне вам ту сказку.

По коей делает он к женщинам привязку

И былью оную зовет;
Хоть он и врет,

И хоть того отнюдь вовеки не бывало,

Но сказку я его скажу;

Ведь этим, кажется, я дам не рассержу

И не обижу;
Итак, не вижу,

Чтоб вышла из того какая мне беда;

¹ Высший свет (франц.). — *Ред.*

² Хороший тон (франц.). — *Ред.*

Прошу ж послушать, господа!
Был в Индии портной, мужской ли был,
иль женский,

Того мудрец мне не сказал;
Известно ж только то, что платье он шивал
И был, как кажется, хороший, и не мерзкий,
Понеже был богат;

Но что нам до того? Портной тот был женат,
Нам это знать лишь нужно.

Он жил с супругою так дружно,
Что их все ставили согласию в пример.
И подлинно, любовь была их выше мер;
Портной наш не шивал ни рукавиц, ни шапок,
Чтобы на башмаки жене иль на подкапок

Не выгадал украсть;
Толико-то сильна была его к ней страсть!
Однажды, как чета сия клялась, божилась

Друг друга ввек любить,
Портному вздумалось жену свою спросить,
Что б сделала она, когда б его лишилась?

Портниха, вздохнув, слезами залилась;
Потом клялась,

Что ежели бы с ней напасть сия случилась,
То, верно бы, она тогда или взбесилась,

Или б с печали умерла;
А если бы сию беду перенесла,
То б сделались глаза ее двумя реками,
И что бы горькими и вечными слезами
Кропила день и ночь она супружний гроб.
Сказав сие, она портного лобызала,
Клянясь, что гладким ввек его пребудет лоб,
И с нежностью его о том же вопрошала.
Портной от радости почти был вне себя.

До глупости жену любя
И слыша от нее столь лестно уверенье,
Он сделал перед ней коленопреклоненье,
Сказав, что ежели ее лишится он,

То пустит столь ужасный стон,
Что слышан будет он во всех концах вселенной
(Гасконский ренегат супруг сей был почтенный).
Потом ей обещал три дни о ней провить
И, наконец, себя иголкой подавить.

Сим кончились их взаимны уверенья,
Которые мудрец в замочну слышал щель.
А после этого, чрез несколько недель,
К любви, столь редкой, рок без мала уваженья
 Некстати очень подшутил
 И сделал над портным проказу,
А именно: его супругу умертвил.
Хотя портной берег ее и больше глазу,
Но с роком, говорят, не сладит и Ахилл.
Вдовец сам лыжи чуть за ней не наострил;
Но, зная, сложение имел весьма здорово,
Что жив остался он, и, вспомня данно слово,
 Супругу схоронил,
И, бросясь на ее гробницу, волком выл.
 По кислому же рылу
 Такие слезы распустил,
Что сделал киселем жены своей могилу.
Уж три дни в сих слезах портной наш проволок,
И наступил ему уже давиться срок.
Любимую свою иглу он вынимает
И рот, как ласточка голодна, разевает. . .
 Но вдруг
 Пред ним явился страшный Дух;
Описывать его теперь мне недосуг.
Вот что лишь доложу о нем стихах я в двух:
 Он рост имел толикий,
Что по колени был ему Иван Великий.
Портной от ужаса забыл свою тоску,
Иголку из руки трепещущей роняет;
Но Дух тотчас ему спокойство возвращает,
Дав страх ему запить небесного кваску;
Потом сказал ему: «Твою печаль я знаю;
А так как в первый раз случилось слышать мне,
Чтоб так супруг орал нелепо о жене,
То я для редкости помочь тебе желаю,
И оживлю сей час, мой друг, твою жену. . .
Но ты не веришь мне? Я это примечаю;
Я ж, право, ни за что тебя не обману,
Мне это так легко, как выпить чашку чаю.
Тут Дух с десятков слов тарáбарских сказал,
Каких-то на песке фигур нарисовал

И оживил супругу,
А сам пропал,
Как скоро оказал ему сию услугу.

Портной, приятную сию увидя вещь,
Таковую ощутил в душе безмерну сладость,
Что, несмотря на слабость,
Он, бросившись к жене, впился в нее как клещ.
Весьма простительна была такая радость:
Жена его была свежа, как маков цвет,
Имела от роду невступно двадцать лет,
И словом, Гулендама
Была такая дама,
Что, может быть, таких теперь и в свете нет;
Однако ж об заклад я в том не буду биться,
Но к повести моей намерен возвратиться.
Портниха не могла довольно надивиться,
Какими средствами могла она ожить
И сделаться опять красой земному кругу.
Услышав же, что тем обязана супругу,
Ему клялася посвятить
Сей новой жизни все мгновенья.
Но если б все писать в любви их уверенья,
То б тем читателей я вывел из терпенья.
Не лучше ль поспешить,
Мне кажется, к развязке?
И так уж бы пора окончиться сей сказке.

Опомнясь несколько, сказал жене портной,
Что в саване ходить при людях неучтиво,
Что на нее смотреть все стали б как на диво,
И что он сбегает за платьем ей домой.
Сказав сие, бежать во весь он дух пустился;
А между тем султан, иль царь тоя страны,
Охотой полевой в местах тех веселился
И вдруг нечаянно, не знаю как, случился
Близ воскрешенной сей жены.
Он очень изумился
И чуть было сперва, трухнув, не ускакал,
Увидя женщину живую в том наряде,
В котором ходят только в аде;
Но, рассмотрев ее, иначе думать стал:

Он красоте ее чудесной удивился;
Как молнией, стрелой любовной уязвился.
Насилу мог собрать свой расточенный ум;
Насилу мог унять на час он в мыслях шум;
Но, как-то наконец собравшись с царской мочью,
Что он в нее влюблен, сказал ей напрямик,
И что божественный ее и милый лик
Мечтаться будет впредь ему и днем и ночью.
Цари не нам чета! Слышал я, что у них

Всё вмиг

Поспеет;

Пред женщиной султан, как наш брат, не робеет.
Итак, сказал он ей, что ежели она

Ни с кем не сопряжена,

То будет через час иль два его жена,
Любимою его султаншей назовется,
И что любить ее до смерти он клянется.

Султан был сильный царь, был молод и пригож,
Итак, портной пред ним наш сделался хорош
В глазах своей жены, как оловянный грош.

Так что ж?

Я чуда, право, в том не вижу никакого,

И разве был такой пример,

Чтоб вздумал кто менять султана на портного,
Хотя б он был и сам Ла-Пьер?

Услыша от царя такое предложенье,

Портниха сделала в минуту заключенье,

Что больше выгоды султаншей первой быть,

Чем мужу помогать чалмы да шапки шить.

И так мошенница сия, потупя взоры:

«Ограбили меня сей час, — сказала, — воры

И в землю думали живую закопать,

Но вы изволили им в этом помешать:

Они, услыша стук, как зайцы испужались

И разбежались

Неведомо куда;

Но вижу я теперь, что это не беда,

Когда сей случай мне доставил пышну славу

Быть вашею женой.

Никто не обладает мной,

И только от себя завишу я самой».

Султан ей приказал покрыться епанчой
И, ног от радости не слыша под собой,
С портнихою домой
Свой путь направил.

Когда же в городе портной наш всё исправил
И с платьем прибежал опять на женин гроб,
То, не нашед ее, свалился будто сноп.

Потом как бешеный взметался,
Как угорелый кот по всем местам совался,
Однако же нигде жены не доискался.

И стал опять вдовец.

Но наконец,

Услышав, что она в серале у султана,

Он без чалмы и без кафтана

Прямехонько бежать пустился во дворец,

Как будто сумасшедший;

Потом, туда пришедши,

С султаном говорить наедине просил.

Представ же пред него, смиренно доносил,

Как он по милости его стал быть с рогами.

Не знаю, право, я, какими то судьбами,

Хоть бусурманский царь, но был султан не лих,

А так, как агнец, тих;

Звал подданных людьми, смотрел на них умильно,

И дам не заставлял любить себя насильно:

Он не держал жены неволей ни одной.

Итак, я чаю, что иной,

Услыша выговор рогатого портного,

Не дав ему в ответ ни слова,

Велел бы сжечь его живого

Или б в бараний рог скрутил;

Но сей не эдак поступил.

Он с тихостью вот так портному говорил:

«Смотри, мой друг, поберегися!

Что здесь твоя жена, ты в том не ошибися,

И если ты солгал, то я хотя не зол,

Но уж тогда не осердися,

Что будешь посажен на кол,

Дабы другим портным не дать вперед потачки

В султанских вклепываться жен;

Я ж даром дать жену тебе не принужден,

Не стоишь ты такой подачки.

Пожалуй, у меня отнимут эдак всех;

И это будет курам смех,

Когда промчится слух такой в края чужие,
Что царский мой сераль расхитили портные».

Портной султану в ноги пал

И правду слов своих присягой утверждал;

Еще ж сказал,

Что коль жена его за мужа не признает,

То казни он себя лютейшей подвергает;

Но ежели его она обლობызает,

То просит он ее назад ему отдать.

Да сверх того просил велеть врача призвать,

Чтобы от радости она и от любви

Не умерла опять,

Так чтоб могли спасти ей жизнь пусканьем крови.

Султан своим женам велел тотчас сказать,

Что он немедленно всех видеть их желает.

От нетерпения портной наш умирает

И ласки от жены с три пуда ожидает.

Вдруг входит целый к ним красавиц хоровод.

Портниха ж красотой отменною блистала,

Сиянье прочих всех так сильно затмевала,

Как звезды тмит луна, взошел на синий свод,

Иль так, как тмит луну царя дневного восход.

Толико времени портной не видясь с нею,

К ней бросился на шею,

Крича: «Вот! вот она!»

Но как же верная сия жена

С супругом поступила?

Она ему скроила

Такого треуха,

Что чуть не сотворил портной того греха,

Которого укрыть не могут лучши воры.

Портниха, устремив на мужа гневны взоры,

Сказала так:

«С чего ты взял, дурак!

Что я когда-нибудь женой твоей бывала?

Я и во сне тебя, мерзавца, не видала.

И как ты смел обидеть так меня?

Ах ты, святошна харя!

Тебе ли отнимать жену у государя?»

Потом, к султану речь склоня:

«О правосуднейший монарх! — она вскричала, —
Я сей лишь час сего бездельника узнала:

Он самый тот ведь плут,
Который закопать хотел меня живую;
Спокойных до того не будет мне минут,
Пока в него кола, злодея, не воткнут».
Услыша от жены приветливость такую,
Муж очи вылупил, как филин иль сова,
И с плеч было его свалилась голова.
В нем вся замерзла кровь от жениной измены.
Не мог постигнуть он столь чудной перемены
И думал, что во сне всё это видел он.
Но наконец султан прервал сей мнимый сон;
Султан хоть был и царь, но раб был данна слова;
Притом же скверного преступника такого,
Который погребать любил живых людей,
Кто б если и простил, тот был бы сам злодей.
Итак, султан велел вести на казнь портного,
Хоть он и присягал, что был не виноват;
Но будто никогда невинных не казнят?

То вещь не нова.

Портной, увидя страшный кол,
На коем велено отвести ему квартиру,
Проклятью предавал жену и женский пол,
Таурился, кряхтел и упираясь шел,
Так точно, как мужик идет в солдатску меру.
Но в слабость этого, я думаю, и в стыд

Никто портному не вменит:

Кто как бы ни был тверд, хотя б сам Эпиктит,
И тот, не знаю я, какой бы сделал вид,
Увидя, что ему такая казнь грозит.
«Ах! лучше бы, — вскричал портной, — я подавился!
Да будет проклят день, в который я родился,

И тот, в который я женился

На этой сатане!

О Дух! На что просил тебя я о жене,
Которая теперь на кол меня сажает?
За всю мою любовь, за нежную приязнь,
Как гуся дикого на вертело втыкает,

И мне такую казнь

Злодейка изрекает,

Что изъяснить ее пристойность запрещает.

О Дух!
Будь ты еще мне друг!
Внемли ты моему моленью
И не предай меня такому посрамленью!»
Когда он учинил усердный сей возглас,
То Дух явился в тот же час
Среди народа.
Какое зрелище представилось очам!
Его, читатели, я опишу и вам.
Покорно вас прошу вообразить уroda,
Моря которому все были мельче брода;
Руками облака он, шедши, раздвигал,
И по две мили вдруг шагал;
Да кедром сверх того ливанским чистил зубы.
Когда ж раздвинул он свои ужасны губы,
То в страшную его гортань
Могла б уставиться с округою Казань.
Слова ж его так были грубы,
Что не было вовек ужасных столь громов;
И от таких умильных слов
Из бороды его и также из усов
С две сотни вылетело сов,
Которые там спали:
Знать, лесом бороду они его считали.
От голоса его все здания дрожали;
Все зрители на землю пали.
Сам царь от страха чуть был жив.
Дух, голос свой смягчив, вмиг оправдал портного,
Сказав историю его народу снова.
Кто силен, тот всегда живет красноречив:
Портного маленьким святым народ считает.
Вот видите ли вы, как обернулся лист?
Портной как стекло стал чист,
И царь его домой безвредно отпускает.
Но Дух не тем еще трагедию кончает.
Невинность, говорят, не вечно ведь страдает,
Без наказания зло также не бывает;
Дух, вследствие сего, негодницу жену
Таскал по городу день целый на веревке
И зашвырнул потом, мне помнится, в луну.
За дело! — ништо ей, жидовке!

(1799)

134. ТРИ ЖЕЛАНИЯ

Все состояния мне кажутся равны,
И равны степени блаженства всем даны.
Мужик, поработав, коль есть алтын в кармане,
То, выпивши винца, ест с мягким хлебом щи,
И больше он блажен, валяясь на печи,
Чем Крез, зевающий на бархатном диване
И жрущий нехотя заморски овощі.
Не лишнее еще и то к сему примолвить,
Что мы желания без счета любим плестъ;
Но можно ль их исполнить,
Когда невозможно счестъ?
Итак, не лучше ли б подтверже то нам помнить,
Чтоб быть довольну тем, что есть,
За счастьем на небо не лезть
И знать, что оное и дома всяк имеет,
Но познавать его не всякий лишь умеет.
Теперь же сказочку мою прошу прочестъ.

Давно, весьма давно, в старинны темны веки,
Как сотнями богов считали человеки,
Какой-то дровосек, наскучив бедным быть
И беспрестанными, несносными трудами
Жену, детей, себя кормить,
Бранился всякий день с судьбою и с богами,
И временно весьма он искренно желал,
Чтоб, с позволения сказать, его черт взял.
«Как! — говорил Филат, — как можно
не взбеситься?»

Неужто нет меня грешнее никого?
Я вымолить не мог у неба и того,
Чтоб было иногда мне можно полениться.
Нет! впредь не буду я по пустякам молиться,
Мне много без мольбы трудов.
Другой пусть, а не я, лбом об пол будет биться...
А я чтоб стал?.. За что благодарить богов?
Или за то, что я от них, как от козлов,
Не видывал вовек ни молока, ни шерсти?
Да у меня ж про них в запасе нету лбов.
А им немного, право, чести,
Что мучат так они меня».

Таким-то образом не проходило дня,
Чтоб господин Филат на небеса не лял;
Ему ж казалось, что он правдиво баял.
Но как бы ни было, однажды в летний зной
Таша дрова, он столько утомился,
Что, не дошед домой,
Середь дороги повалился
И с небом по своей привычке побранился,
Как вдруг
Гром страшный поразил его преступный слух.
Филат, возведши кверху очи,
Увидел середь дня на небе образ ночи.
Кто ж был виною сих чудес?

Зевес

Сходил с небес:

Змеисты молнии окрест его сверкали
И мрачность черных облаков,
На коих возлегал тогда отец богов,
Златыми каждый миг браздами рассекали.
Мужик на землю пал —
И робким голосом к Зевесу вопиял:

.
.
.
.
.
.
.
.
.

«Но знай! что жалобам твоим я внемлю
И что достиг ко мне стнящий голос твой;
Ты жалок мне! И я помочь тебе желаю.
Хотеть ты можешь трех вещей,
Я их исполнить обещаю».

Филат

Тому и рад;

Он бросился Зевесу в ноги,
А тот отправился в небесные чертоги.
Представь, читатель мой,
С какою радостью Филат пошел домой!
Дрова ему тогда казались легче пуху.
Спешит обрадовать он сим свою старуху.

И нетерпением хотя мужик пылал,
Однако ж ничего в пути не пожелал,
Так мня, что с общего с супругою согласия
Придумает себе гораздо больше счастья.
Пришедши наконец домой, кричит: «Жена!
Давай скорей вина!
Для радости такой, что небо нам послало,
Осьмухи выпить мало».

Потом,
Налив стакан вином
И оный осушив, сказал ей обо всем;
Однако ж в том
Едва уверил,
Что он не лицемерил,
И тем насилу мог ей правду доказать,
Чтоб эдак он вовек не выдумал солгать.
Тут начали они смекать,
Чего б им лучше пожелать.

А между тем, как сим супруги занимались,
Их щи на угольях в печи разогревались.
Филат вскричал, смотря на угольки:
«Ах! если бы теперь аршин свиной кишки!
Уж то-то б было жожа!»

Лишь только он сии слова сказать успел,
Как исполнение желания узрел.
«О пес! дурацкая ты жожа! —
Кричит жена, —
Конечно, сатана
Шепнул тебе то в ухо?»

Алмазов, яхонтов ты мог бы пожелать,
А ты, свинья! набить желаешь брюхо
И только лишь смекаешь жрать!»

Сим ласковым словам супруга в заключение
Дала ему туза
И чуть не выдрала глаза.
Филат наш, потеряв терпенье,
Едва не пожелал тихонько — овдоветь;
Не мог бы, может быть, он лучше похотеть.
Однако же умел обиду ту стерпеть
И только пожелал супруге в наказанье,
Чтобы аршин кишки сей к носу ей прирос.
Исполнилось его желанье:

Украсился кишкой мгновенно женин нос.
В какое же пришла она смущенье,
Увидя страшное столь носа приращенье!
Кричит она: «Мошенник! плут!
Скотина!»
Грозит отдать его под суд.
Взбесилась Акулина:
Ревет быком,
Комшит без милости Филата башмаком
И хочет поступить не так еще с ним грозно,
А именно кишкой страшает удавить.
Филат раскаялся тогда, но только поздно:
Что пролито, то ввек не может полным быть.
Но чем же горю пособить?
Он начал утешать носастую супругу
И говорил ей так, как другу:
«Не плачь, дружок мой!
Хоть я и виноват безмерно пред тобой,
Но починить берусь, мой светик, носик твой.
Богатым барином лишь быть я пожелаю
И, сделав длинную серебряну дуду,
Мы спрячем, женушка, в нее твою беду.
Притом же хоть мужик, но столько-то я знаю,
Что нос у богачей всегда живет пригож.
Поверь, Акулюшка! что правда то, не ложь...»
Нет, кстати ли! жена и слушать не хотела,
Но всё свое несла,
Ругала мужа без числа,
Змеей шипела
И вдруг вон из избы как птица полетела,
Крича: «Я удавлюсь,
Когда от сей кишки проклятой не избавлюсь,
Иль в стену лбом ударюсь
И сей же час убьюсь!»
Филат, увидя, что не схоже то на шутку,
И по-крестьянски, впрямь любя свою жену,
Забыл ее вину,
Престал ей предлагать серебряную дудку
И пожелал,
Чтоб лишний нос ее отпал.
Вот чем обещанны желания скончал!

Итак, по-прежнему остались у Филата
Лишь дети, да жена, труды, топор и хата.

Прошу, читатели, мне в грех то не вменить.
Что здесь еще мораль хочу я приклеить:
Желаем мы чинов, желаем быть богаты
И, не умеючи собой владеть,
Желаем над людьми начальство мы иметь,
Желаем — но желать ведь надобно уметь!
Мы строим в воздухе палаты,
У неба просим пустяков,
И словом, без обиняков,
Едва не все ли мы Филаты!

(1799)

135. АЛЬНАСКАР

Быль

Quel esprit ne bat la campagne?
Qui ne fait chateaux en Espagne?

Autant les sages que les fous:

Chacun songe en veillant, il n'est
rien de si doux.

*La Fontaine.*¹

На сивом октябре верхом
Борей угрюмый подъезжает;
Сибирских жителей² в тулупы наряжает;
Зефиров гонит голиком;
Опустошая царство Флоры,
На стеклах пишет он узоры.
Мух в щели, птиц в кусты, зверей же гонит
в норы.
С бровей на землю он стрясает снежны горы;
В руке его блестит та хладная коса,
Которой листьев он лишает древеса.
Грозит покрыть Иртыш алмазною корою

¹ Какому умнику не случалось молоть вздора? Кто не строил воздушных замков? Мудрецов столько же, сколько глупцов: каждый видит сны наяву, ничто не бывает так сладко. — *Лафонтен* (франц.). — *Ред.*

² Сия пьеса сочинена в Сибири.

И пудрит мерзлою мукою
Сосновы черные леса.
В Сибири чем убить такое скучно время?
Велим-ка дров принесть беремя:
Затопим камелек,
Разложим аленький трескучий огонек,
Сорокаградусны забудем здешни хлады;
А я
Скажу вам сказочку, друзья,
Котору бабушка-покойница моя
Слыхала от Шехерезады.
Один
Персидский мещанин,
Которому отец в наследство
Сто драхм оставил серебра,
Желая приобрести поболее добра,
Расчел, что лучшее для этого есть средство
В торги вступить;
Но что ж ему купить?
Не могли дорогим снабдить себя товаром,
Посудой вздумал он стеклянной торговать, —
Ах! чуть было ведь я не позабыл сказать,
Что звали *были* сей героя Альнаскаром.
Тотчас он накупил
Бутылок, карафинов,
Стаканов, рюмок и кувшинов,
Вмиг из лубков себе шалашик смастерил;
Посуду в короб склал, продажи ожидая,
И севши перед ним, он так заговорил,
О будущих своих сокровищах мечтая:
«Посуду эту всю в неделю я продам,
И через то казну свою удвою;
А там
Недели через две утрою,
Потом учетверю,
Потом уж голосом не тем заговорю.
Богатства потекут тогда ко мне рекою;
И был бы очень я плохой купец,
Когда бы наконец
Не накопил себе драхм тысяч сто именья.
В то время я уже с посудой прошусь

И продавать пушусь
Лишь драгоценные, редчайшие каменья.
 Как будет зол
 Великий на меня Могол,
 Услышав, что его алмазы
Перед моими всем покажутся за стразы.
Я буду только те каменья продавать,
 В которых весу фунтов пять;
А те, которые по грецкому ореху,
На драку стану я пригоршнями бросать. . .
 Вот тут-то будет смеху!
Когда же от своих великих я торгов
Червонцев накоплю с полсотни сундуков,
 Тогда пошлю послов
 Звать визиря к себе на пару слов;
А может быть, его оставлю и откушать.
Но если вздумает меня он не послушать
Или замешкает на зов явиться мой,
Тогда прощайся он навеки с бородой.
Я притащить его велю и на аркане,
 А борода его
Послужит флюгером для дому моего,
 Или на праздничном моем диване
 Пусть развеивает, как трофей
 Примерной храбрости моей.
Но нет, я думаю, что он тотчас прискачет.
Дозволю я ему перед собою сесть,
И так скажу: «Визирь! неслыханную честь
Я делаю тебе, послушай! будь мне тесть».
От радости такой нежданной он заплачет
И повалится вдруг к ногам моим, как сноп;
Я подниму его и поцелую в лоб,
Сказав, что дочь его люблю из всей я мочи;
А в доказательство, что правду говорю,
Я поклянусь ему, что после первой ночи
Червонцев тысячу ему я подарю.
Тогда поедет он для свадьбы делать сборы,
Готовить дочери богатые уборы,
И словом, так тогда мы оба заспешим,
Что церемонию на третий день свершим.
Я привезу жену мою в свои палаты,

Которы будут так огромны и богаты,
Что будь навеки я кисельник и страмец,
И не купец,
А чушка,

Коль шаха нашего дворец
Ничто, как гадкая пред оными лачужка.
Теперь, покупищиков еще покуда нет,
Мне сделать хочется жены моей портрет:
Как пальма райская пряма и величава,
Ступает будто пава;

Сапфир, что неба свод являет в ясный день,
Пред глазками ее как перед светом тень;
Увидя ж белизну ее прелестной шеи,
Попрячутся с стыда нарциссы и лилеи.
Но все красы ее считать теперь мне лень,
А словом: собраны в ней прелестей все роды,
И грации пред ней уроды.
Довольно ль этого для вас?

Когда ж наступит час
Нам спать ложиться,
То сам визирь придет об этом доложиться,
И, стукнув лысиной об туфлю мне раз пять.
Вот должен будет что сказать:
«Сиятельнейший зять!
Не повелишь ли ты Зельмиру раздевать?
Она уж начала зевать».
Но нá это ему ни слова не добиться;
Я на него и не взгляну,
А в знак согласия усами шевельну.
Когда ж положат спать со мной мою жену,
То к прелестям ее не сделав я ни шагу,
Спиной к ней лягу,
Ни слова не скажу
На все ее мне ласки,
А визиря в ногах постели посажу
И сказывать заставлю сказки.

С женой нежнее я никак не поступлю,
Хоть рвись она в клочки, наплачь хоть целу лужу;
Как доброму прилично мужу,
Я на одном боку всю ночь ту прохраплю.

Тогда-то, Альнаскар, поцарствуй!
Отнюдь ты важности своей не покидай,
И хоть сто раз твой тесть или жена чихай,
 Ты не моги сам молвить: здравствуй!
 Вот так-то наших знай!
Однако ж поутру, хоть тверд я, но не камень,
Из сердца выпущу наружу страстный пламень,
И в гурии жену свою произведу;
А с гуриями как в пророковом саду
 Или в Эдеме поступают,
Все правоверные и без меня то знают.
 Потом я визирю
Обещанный ему подарок подарю,
Да сверх того еще червонцев дам пять тысяч,
Из коих бы иной пять раз себя дал высечь,
 Но это для меня ничто,
 И даже тысяч сто
Ни на волос моих сокровищ не убавят.
О щедрости такой, какой примеров нет,
Газеты гамбургски уведомят весь свет
 И мне бессмертие доставят.
 Потом вся знать
 Ко мне явится с поздравленьем.
Я сидя буду все поклоны принимать.
Бездельник наш каді с коленопреклоненьем
В том будет у меня прощения просить,
Что некогда меня дерзнул он притеснить.
Я зареву как лев: «Вон! вон! подлец бездушный!»
И, сколько силы есть, ногой его толкну...»
Ахти! ты потерял богатство и жену,
 О архитектор мой воздушный!
 На что ты сильно так лягнул?
Опомнись, не каді, ты короб свой толкнул.
Бутылки, пузырьки, кувшины перебились,
И с ними гордые мечтанья сокрушились,
 А наш визирский зять
Без денег, без жены лег на соломе спать.

Между 1799 и 1801

136. ПРИСТЫЖЕННЫЙ МУДРЕЦ

Быль

Кто сколько мудростью ни знатен,
Но всякий человек есть ложь.

Ода к Фелице

Пусть хладный Мизогин прекрасный пол злословит;
Пускай его кричит, что он

В любовны сети нас на то лишь только ловит,
Что будто весело ему наш слышать стон;
Что женский милый взгляд ехиднино есть жало;
Что верной женщины на свете не бывало,
Что блеска всех богатств, всех скиптров и корон,
Всех в мире почестей и рая даже мало,
Чтоб постоянными принудить женщин быть,
И что не будет ввек он ни одной любить. . .

Но недостатки их хоть год он станет числить,

Я всё по-старому намерен мыслить,

Не слушая отнюдь его угрюмых врак;
Пусть продолжает он бранить из всей их силы,
Мне женщины всегда казаться будут милы,
А Мизогин медведь, ком снегу и — дурак. . .

Над нами женску власть докажет повесть эта,
Которую начну я сказывать вот так:

Завоеватель полусвета
Царь Македонский Александр,
Герой, какого и Скамандр

Не зрел на берегах своих во все те лета,

Как орошаемый им град
Насилу хитростью был взят;

От Александра ж бы отделался он вряд.

Стоустая молва охрипла,

Трубя его дела, трубя хвалы ему;

И к воину сему,

Как муха к патоке, Фортуна так прилипла.

Но вдруг среди своих бесчисленных побед

Он грозный меч в ножны влагает;

Опустошенный, бедный свет

Спокойство наконец вкушает;

Не льется более рекой невинных кровь.

Да кто же, спросят, был премены сей виною?

Тот, тигра лютого кто делает овцою,

А именно: любовь.

Она глазам его Темиру представляет,
Которая в себе все прелести вмещает.
Такую красоту описывать не мне,
Какой я в жизнь мою не видывал во сне.
Эссенция была она из всех трех граций.

Так пусть Д(ержави)н, наш Гораций,
Изобразит ее, когда ему досуг:

Он музам первый друг.

Иль пусть пером своим, пером из райской птицы,

Наш бесподобный К(арамзи)н

Опишет прелести небесной сей девицы

Так, как умеет он один. . .

Вселенной пышная корона

Против любви не оборона.

Крылатое дитя,

К царю внезапно прилетя,

Одной улыбкой прекращает

Военный страшный гром,

И Марсов шумный дом

В храм матери своей мгновенно превращает,

И словом, ставит всё вверх дном.

Купцы, дворяне, царедворцы

Пылают страстным все огнем;

Простые воины и даже полководцы

На посошки

Булатные мечи меняют,

И все поют да сочиняют

Любовные стишки.

А наша братья, стихотворцы,

Сии старинные льстецы,

Военных подвигов преставши быть певцы,

Слагают песенки, идиллии, эклоги.

К Парнасу полны столь народом все дороги,

Что тесноты такой

Никто не видывал вовек и на Тверской.

Все тяжкие пускают вздохи,

И слышны лишь везде одни увы да охи;

Короче вам сказать, любовно ремесло

В такую моду вдруг вошло,

Что всякий только им одним и занимался;

Никто не делал дел,
А лишь вздыхал да пел;
Подъячий уж не в суд, а на Парнас таскался.
Вот силен как царев пример!
Народ большая обезьяна,
И очень правильно сказал старик Вольтер,
Что, Август пил когда, была вся Польша пьяна.
Любовь однако ж не беда,
И возбранять ее вельможам бы не должно;
А в особливости тогда,
Когда с их должностью ей совмещаться можно
И быть лишь отдыхом от тяжкого труда.
Но если б так случилось,
Чтоб царь или министр совсем ей предался,
То б это никуда, конечно, не годилось.
Однако ж, кажется, я слишком заврался,
С моралью мне пора проститься;
Я всё пустое говорю;
И к Македонскому царю
Давно уж время возвратиться.
Учитель был его и дядька Аристот.
Аристотéлем бы назвать его мне должно;
Но всякий тот,
Кто писывал стихи, рассудит, что не можно
Такого имени и в стих почти вломать,
Так за это хулы нельзя мне ожидать.
Едва ль не первый был политик
Сей славный и ученый муж,
Был философ, поэт и критик,
Был проповедовать мораль отменно дюж,
Был к женщинам не падок;
И видя страшный беспорядок
В советах, в войсках и в судах,
Пошел, откинув страх,
Мыть голову — владыке мира,
И начал так: «Твоя Темира
Ослабила в тебе геройский прежний дух.
Тот царь, что налагал на всю вселенну дани,
Кто лаврами топить торговые мог бани,
Кто очертил мечом почти земной весь круг,
Тот гордый царь лежит теперь у ног девчонки,

Вдыхает перед ней, целует ей ручонки
 И скоро, кажется, бояться станет мух!
 Как мог унизиться ты до любовной страсти,
 Которой грубые, вещественные сласти
 Приличны лишь одним скотам?
 Ах! стыд какой и срам!
 Не персы, куры все смеяться стали нам.
 Спеши спасать себя от эдакой напасти...»
 За этот комплимент
 Не много б царедворец
 Мог получить чинов и лент;
 Но наш угрюмый страстоборец
 Не лаком был до них
 И правду говорить всегда был очень лих,
 Хотя и стихотворец.
 Царь, бросив на него стыдливо-грозный взор,
 Сказал: «Мне кажется, мудрец, ты мелешь вздор.
 Так грубо говорить не смей вперед со мною!..»
 И, обратясь к нему спиною,
 Ушел, и проповедь его
 Пересказал своей любезной,
 Примолвя, что мудрец труд принял бесполезный,
 И поднимал на смех он дядьку своего.
 Досада между тем Темире сердце гложет.
 Сию досаду тот один представить может
 Иль, правильнее молвить, та,
 Которая сама любимицей бывала
 И, следственно, сама собою испытала,
 Как сладко занимать подобные места
 И как несносно их лишаться;
 Несносно точно так,
 Как в ад из рая низвергаться,
 Коль не бессчетный я дурак.
 Темира мщением однако же пылает,
 Мгновенно план ему в уме своем чертит,
 Царю об оном сообщает
 И обещает,
 Что завтра ж старому хрычу она отмстит.
 И дельно! Как же он царю не возбраняет
 Род человеческий рубить и жечь,
 Варить и печь,
 Любиться же не позволяет!

За это б мудреца не худо и посещь. . .
 Дворец был окружен прекрасными садами;
 Аристотéлев же учебный кабинет
 Устроен был над цветниками.
 Старик чем свет
 Ходил туда учиться
 И в фолиантах рыться.
 Поутру царь дневной из Понта лишь возник,
 Темира, легонький тюник
 Накинув на себя, летит в цветник,
 Над коим жил старик.
 Спеша свершить свои затеи,
 Имея на уме лишь мщение одно,
 Плутовка на его окно
 Наводит сильные кокетства батареи.
 Старик давным-давно над книгами корпел,
 Трудился и потел,
 Как все такие грамотеи. . .
 Как вдруг
 Небесно пение сирены,
 Сквозь толстые проникнув стены,
 Его пронзает слух;
 Затрепетали в нем все жилки;
 Сильнее Лейденской бутылки¹
 Сей бесподобный глас
 Все фибры в нем потряс.
 Он бросился к окошку
 И что ж узрел в саду? — Конечно уж не кошку;
 Он видит на софе дерновой все красы:
 Малиновы уста, каштанные власы. . .
 «Что в сердце у меня так стало гомозиться? —
 Вскричал Аристотéль. — Ахти! никак любовь!
 Но к стати ли мне так на старости страмиться,
 Когда моя холодна кровь
 Дошла уже почти до точки замерзанья?
 Мне ль страстные пускать вздыханья?

¹ Для незнающих физики должен я сказать, что Лейденская бутылка есть стеклянный сосуд, обложенный внутри и снаружи оловянными листами до двух третей высоты; одну или несколько таких банок присоединяют к электрическим машинам для сильнейшего действия.

Мне ль чувствовать любовь,
Когда гнетет меня годов тяжело бремя;
Когда жестокое, неумолимо время
Кладет мне лысую печать свою на темя;
Как на лице моем есть тысяч пять морщин,
И смерть от плеч моих уж только на аршин? ..
О мудрость! тщетно ль я гонялся за тобою?
Спешу на выручку к любимцу своему!
И, сжалясь над моей несчастною судьбою,
Из сердца изгоняй любовную чуму...»

Однако ж, как мудрец с любовью ни вздорит,
Ее не переспорит:

Ей самый сильный силлогизм
Ничто, как слабый лишь софизм.
Эрот — мальчишка своевольный,
И логика его сильнее гораздо школьной.
Мудрец в досаде сам себе глаза подбил;
Но сколько он ни куролесил,
Эрот однако ж в нем премудрость перевесил,
И в рекруты к себе его он подцепил.
Нашедши моралист наш зеркальца кусочек,
Искусно вощечком к обоям прилепил;
Оставших волосов пригладил хохолочек;
Потом, открыв свой чемодан,
Он вынул из него голубенький кафтан;
На шею повязал платочек,
Как будто аленький цветочек,
В карман же положил другой,
Италийский голубой;
А в праву руку взял он модную дубинку,
И словом, точно так
Оделся старый наш дурак,
Как в *по мосту мосту* поют нам про детинку.
Окончив туалет
И с мудростью простясь, пошел наш дед
Еще страмиться;
Пошел в любви своей Темире он открыться
И, в ноги к ней упав, сказал ей: «Весь я твой!
Ступай хотя сей час в Гражданскую палату
И крепость совершай, а за это в заплату
Хоть взглядом награди жестокий пламень мой.

Я лишних пред тобой лет сорок пять имею;
Но слово лишь скажи — я вмиг помолодею;
Совсем перерожусь,
Не в дедушки тебе, в любовники гожусь. . .»
— «Что вижу я! — кричит Темира. —
Тот славный философ, светильник гордый мира,
Который напал так на любовну страсть
И хладнокровием хвалился,
Не устыдился
К ногам моим упасть?
Сей важный моралист *лежит у ног девчонки!*
Вздыхает перед ней, целует ей ручонки! . .
Ты, верно, дедушка, смеешься надо мной?
Как можно этому поверить! . .
Но способ я нашла любовь твою измерить;
И если справедлив *жестокий пламень твой*,
Конечно, ты мое исполнишь предложенье:
Пришло мне сильное хотенье
Поездить на тебе верхом.
Постой! я сбегаю в минуту за седлом. . .»
Не мог ему обман плутовкин быть приметен:
Кто истинно влюблен, тот слеп и безответен.
Мудрец же был притом весьма самолюбив;
Итак, себя забыв,
На четвереньки становётся
Наш старый грешник и страмец
И под седлом уже, как добрый конь, бодрится. . .
Как должен быть смешон оседланный мудрец! . .
Темира ставит ножку в стремя,
И будучи как пух легка,
Вспрыгнула вмиг на старика;
Толкает под живот его и под бока,
Как будто лошака;
А он, почувствовав приятное столь бремя,
Запрыгал, заскакал,
Как Александров Буцефал.
Печатал на песке свои он руки, ноги;
Ученая ж его седая борода,
Как будто помело, мела в саду дороги;
«Но что же, — мыслит он, — какая в том беда?
Не вечно мне возить, на всё ведь есть чреда. . .»

А между тем его Темира погоняет
И песни попевает.
Уж все почти места изъездил он в саду...
Как вдруг — о боги!
К смертельному его стыду
И к неописанной досаде,
Когда лишь только он пускаться стал в галоп,
Смех громкий поразил его как камнем в лоб.
Но кто ж смеялся так? Сам царь тут был в засаде...
«Ага! — вскричал монарх, — премудрый Аристот!
Что скажешь ты теперь? Не тот ли полно скот,
Седлать себя кто дозволяет
И так искусно роль осла кто представляет?..»
Оседланный мудрец, стыдясь глядеть на свет,
Зажмуривши глаза, дал сей царю ответ:
«Так, смейся, Александр, я этого достоин.
Но видишь ли теперь,
Какой любовью опасный зверь?
Ты вечно б без нее был первый в свете воин,
А я, пошлюсь на всех, был хоть куда мудрец;
А ныне, вижу сам, что стал большой подлец.
Послушай же меня! оставь колдовку эту!
Семь мудрецов она способна впрячь в карету,
Не только оседлать меня...»
Но если б Аристот прочел морали книгу,
То и тогда бы скушал фигу,
Не залил бы в царя любовного огня.
Темиру он любил сердечно;
Но так как всё у нас не вечно,
То сей огонь горел, горел, да и погас.
Вы видите, друзья, что время во сто раз
В сих случаях сильнее всех школьных пустомелей,
Сильнее логики и всех Аристотелей.

(1802)

137. ГОСПОДИН И КРЕСТЬЯНКА

Сказка

Однажды господин, по улице гуляя,
Услышал, что от слез крестьянка унимая
Ребенка своего, ему грозила так:

«Не плачь, не плачь, дурак!
Боярин вон идет: он съест тебя живова».
Не мог боярин снести такова дерзка слова.

Крестьянке он пеняет,
Почтенья что к нему она не сохраняет
И имя барское что всуе призывает;
А та себя пред ним вот этак извиняет:
«Родимой мой! Прости ты глупости моей;
У нас издавна так, рабят как унимаем,
То милостью твоей
Иль волком их пужаем».

(1789)

138. ЗАВИСТНИК

Завистливый всегда найдет, что охуждать,
И к этому хочу я быть одну сказать;
А может быть, что то и сказка,
Но сказка ль, или нет, была бы то привязка,
Когда бы точно кто хотел о том узнать.
Итак, я времени на справки не теряю
И к повести моей не медля приступаю.
В каком-то городе — а именно в каком? —
Никто меня, прошу, не спрашивай о том;

В каком бы ни было, но статуя стояла,
И мнилось, что ее Минерва изваяла.
Но медь иль серебро, или другой металл
Статуе редкой той существованье дал,
Останемся о сем мы также без заботы:
Довольно, что была отменныя работы.
Однако ж рок,
Который всем вещам на свете сем жесток
И коего ничто не избежит удара,
Судил, чтоб от пожара
Иль от другой какой беды
Красот статуи той закрылися следы.
Горюют жители, но ко отраде им
Явился к ним
Искусный вдруг художник.
Нет нужды изъяснять, что не был то сапожник
И не был то портной, а изваятель был.
Он поврежденную статую растопил
И вновь из ней другую слил,
Которая ни в чем явилася не хуже,
Да и не хуже так,
Что видеть ту же
В ней думал всяк.
Все хвалят мастера, его всяк превозносит,
Иной обедать просит,
Другой его дарит.
Завистник лишь один с презреньем говорит:
«Несмысленный народ легко всему дивится,
Известно это всем;
А я не вижу, чем
Вновь выезжий хитрец сей мог бы похвалиться»,
Когда к литью металл
От прежней статуй он взял».

(1789)

139. ГАСКОНЕЦ В ТРАКТИРЕ

Эзоповой лисе подобных много есть.
Как та, за высотой поспевша винограда
Не могли есть,
Сказала: «Рада,

Что мне невозможно взлезть
И что я не достану:
Он зелен, так равно ж я есть его не стану».
Подобно и меж нас так многие творят;
Хотя им жаль чего, но рады, говорят,
Однако ж верить им другие не хотят.
Гасконец, не имев в кармане ни алтына,
В трактире жил
И в долг в нем ел и пил;
Но как-то рассердил он дому господина,
Который несколько, как видно, был и груб,
Иль был он к знанию как жить гораздо туп.
Итак, тот, отложив все дальние затеи,
Из дому своего прогнал жильца,
Толкнув с крыльца,
И чуть-чуть не сломил ему, бедняжке, шею.
Гасконец, хоть того и больно не хотел,
Но вниз по лестнице, как птица, полетел:
Скорее он шара на улицу спустился.
Знакомый, мимо шед, тогда остановился.
Гасконец, видя то, немножко посмутился;
Однако ж не совсем, как видно, оробел,
И в помощь он себе призвавши наглость дерзку,
Сказал: «Давно квартиру эту мерзку
Оставить я хотел».

(1789)

140. КОЛЬЦО И ЖЕРНОВА

Кто в свет родится туп,
Тот сколько ни учись, но вечно будет глуп.
А чтоб моим словам давали больше веры,
Так надобны примеры.
В старинны времена жил-был один отец,
У коего был сын уж взрослый молодец;
Но сын понятия имел гораздо мало,
Что бедного отца чрезмерно сокрушало.
Однако ж наконец
По горевании решился тот отец
Отдать сынка в ученье.

Он так сказал в себе: «О сын, я уморю
Иль в умницу тебя, конечно, претворю;
А именно, отдам тебя я к штукарю».
Что вздумал, то свершил; пришло сынку мученье.
А как с старанием достигнуть лъзя всего,
То также и штукарь добился до того,
Что начал понимать детина тот его.

Штукарь, то видя, продолжает,
Глупца он принуждает,
Насильно в голову познания кладет
И года через три сынка к отцу ведет,
Которого отцу надменно представляет
И с сыном старика ученым поздравляет.
Но чтоб то самое на деле доказать,
То в руку что-нибудь велел отцу зажать.
«А что такое то?» — спросил потом у сына.

Детина

Тут к делу приступил
И вот задачу как решил:
По многим вычисленьям,
Вопросам, заключеньям,
Сказал он наконец,
Что круглу вещь собою,
В середине с пустотою
Имел в руке отец.

Отца, что сын сказал, немало веселило,
По той причине, что кольцо зажато было.
Однако ж, дабы зреть, догадка какова,
Сверх всех наук, в его любезном сыне,
По имени велел он вещь назвать детине.

Но что ж? В ответ на те слова

Сказал сын: «*Жернова*».

(1789)

141. ЗОЛОТОЙ ЗУБ

Я некогда читал, и мне то полюбилось,
Что где-то слух прошел,
Что будто с золотым зубком дитя родилось.
Какой же толк о том пошел
Между людей ученых!

Один из оных
Тому вину такую полагал,
Другой другую клал;
А третий говорил совсем уже иное.
Ведь это редко может быть,
Чтоб из ученых трое
Могли согласно мнить.
Итак, о зубе том различны вышли толки,
Потом и письменны уж споры родились,
Потом ругательства язвительны и колки,
И словом, мудрецы едва не подрались.
Однако же в одном они оплошны были,
А именно, узнать о том совсем забыли,
Что подлинно ль, иль нет,
Толь чудное дитя родилось на свет,
Что прежде споров знать весьма б им пригодилось;
По той причине, что дитя и не родилось.
А вышло наконец,
Что лжец
Был басни той творец.

(1789)

142. УЧЕНЫЙ И СЛУЖАНКА

Соседская служанка к ученому пришла,
Которого нашла
Сидевша у камина.
За чем же тот
Ее приход?
А вот тому причина:
Огонь был нужен ей.
Ученый внутренно смеяться стал над ней,
То видя, что огонь нести домой хотела,
Однако ж ничего с собою не имела,
Во что бы уголь положить.
Она ж о том отнюдь не думала тужить
И не заботилась нисколько.
А только
Простывшей на ладонь золы понабрала
И уголь на нее горячий положила;

И так она руки нимало не ожгла,
А чтоб ловчей нести, золой еще прикрыла.
 Что видя, тот ученый муж
 Чрезмерно удивился;
А как ошибки им соделанной стыдился,
 То в ту ж
 Секунду он решился,
Чтоб правило сие иметь в виду всегда,
Что презирать никем не должно никогда
И что такого нет простого человека,
 Который бы в течение века,
 В удобный час,
Чему-нибудь не научил бы нас.

(1789)

143. НЕУДАЧНЫЙ ИСКАТЕЛЬ БОГАТСТВА

Притча

Богат быть хочет всяк, но редкий так, как должно;
Всяк любит денежки, а потрудиться лень.
Немало есть таких, сказать могу неложно,
Которые, проспав на печке целый день,
Примаются в полночь за важную работу,
Выходят на охоту,
Иль шапки в темноте с чужих голов ловить,
Иль у соседа что тихонечко подбрить.
Иной, алтын достать хотя чрез способ легкой,
Притворно кажется калекой
И просит для Христа себе насущный хлеб.
Другие ж для своих нужд разных и потреб
Иные способы недобрые имеют.
Но что мне в том? Ведь все об этом разумеют,
А цель моя
Сия,
Чтоб точно описать, как некакий крестьянин,
Без поту, без труда хотел богатым быть
И жить как будто бы боярин.
Он не умел ни красть, ни для Христа просить;
А средство новое башку его вскружило.

Не знаю, в кою пору было,
Иль после Рождества, или на Фоминой,
Ходил по деревням дьячок за новиной,
А именно собирал с крестьян овес и хлебы

На нужные потребности,
 Как водится у них всегда.
 Зашел и к моему он старичку тогда;
 Но что? здесь хлеба нет ниже пол-ломочка,
 Ниже кусочка.
 Старик тогда хотел в заем просить идти;
 Но был остановлен сбиралой на пути,
 Учтиво просит извиненья,
 Что от него ему нет удовлетворенья;
 Тут горестну судьбу с слезами проклинал
 И с участью других свою часть соравнял.
 «Неправо, говорит, бог с нами поступает,
 Что в нищете мне жить весь век определяет,
 А инных день от дня щедрее богатит,
 Конечно, у него я вовсе позабыт.
 Я, кажется, ему на всякий день молюся,
 А ни копейки не добьюся».
 — «Ведь вот что, старичок, —
 Сказал ему дьячок, —
 Коль не потщишься сам ты денежки иметь,
 Так вечно нищету тебе сию терпеть.
 Без тщанья никогда нас бог не награждает;
 И он твои мольбы, конечно, презирает.
 Старанье приложи, так будешь и богат,
 Промыслишь рубль, а там и два вдруг прикатят.
 Псаломник воспевает,
 Что бездна бездну призывает».
 Старик ему в ответ: «Так, так, кормилец мой,
 Совет уразумел я твой.
 Конечно, богачи все так же разжились?»
 Потом мой старичок и клирик разошлись;
 Дьячок пошел в путь свой,
 А старичок домой.
 Вошедши в хижину, тащит старуху с печи,
 Взвалив себе на плечи.
 «Теперь-то я узнал, как можно богатеть,
 Как можно денежки иметь», —
 Старухе говорит с веселым самым взором.
 «А как, родимый мой? Не хочешь ли быть вором?» —
 Его старуха вопрошает.
 А он ей: «Бог меня тогда пусть покарает!
 Вот что! лишь надобно рублишка два достать.

А там их множество вдруг можно отыскать.
Да та беда! как я рубля-то два промышлю?
Я сделать ничего не смышлю...
Е! е!.. да продадим всё то, что есть у нас!..
Сбирай, старуха, всё тотчас;
Я не оставлю ни шубенки,
Ниже самой клячонки».
Потом, старуху ободрав
И всё в избе своей забрав,
С тем в город потащился,
И в мыслях выдумкой своею веселился.
Рублей за пять-шесть там товар свой променял;
Потом куда погнал?
Из слов дьячковых он безумно заключая,
Что, деньгою своей чужие призывая,
Себя всяк богатит,
С мешком своим летит
Ко зданью, где казна какая-то хранилась.

Он без свидетелей в окошко посмотрел
И весь от радости, зря деньги, обомлел,
Душа его тогда чуть с телом не простилась;
Но вскоре паки он себя приободрил

И вот что говорил:
«Любезны денежки! вот я вас поубавлю!
Вы залежались здесь, так я того избавлю».
Потом из пазухи мешочек вынул свой,
В окошко денежки свои в нем пропускает,
Держа его за краешек рукой,
Трясет мешком своим и, верно, уповает,
Что бездна гривн его другую призовет.

Ан нет!
Он, много раз мешок об стену бивши
И большей тягости в него не получивши,
Жестоко рассердясь, так в стену ботнул им,
Что, руку повредя, с сокровищем своим
В деньгохранилище сие мешок роняет.
Колико старика сей случай поражает!..

Как буйвол он ревет,
Рубашку, волосы и бороду дерет,
Дьячка клянет.
И в горести, в слезах к жене своей бредет.

Жена его встречает
И о удаче вопрошает.
«Чего, голубушка, — сказал старухе он, —
Проклятый пустозвон
Невесть чему меня наставил.
Сказал он мне, когда б я рубль один достал,
То рублик этот двух ко мне б в карман призывал.
Для этого я всё из дому размытарил
И, взяв за всё рублишков шесть,
Туда задумал их понести,
Где тьмы рублей хранятся.
Нашел я место то, и видел деньги тут;
Надеясь, что ко мне они все перейдут
И в кошеле моем с моими соединятся,
Мешок, держа в руке, в окошко опустил,
Манил в него рубли, да вдруг и уронил.
И так мои рубли в тот погреб преселились,
И с тою суммою большою соединились.
Теперь я так сужу,
И истинно скажу,
Что бездна большая меньшую призывает,
А меньшая к большой стремится, убегает.
Там рвется, тонко где;
Сие мы зрим везде».
Жена, узнав сие, слезами залилася
И старика ругать жестоко принялася.
Кричит: «Ах! старый пес,
Как в город черт тебя понес,
Зачем ты не сказал, что сделать там вскружился?
Я б от того тебя, конечно, отвела
И глупо поступить так, верно б, не дала.
А то я думала, что ты иль в торг пустился,
Иль работатъ хотел
И в деньгах нужду возымел.
Дьячок тебя учил хлеб доставатъ трудами,
А не безумными путями.
Трудися, не ленись, и денежка пойдет.
А бездна лености тьму нищеты зовет».

Читатели! прошу в вину мне то не ставить,
Что больше не могу морали здесь прибавить.

(1791)

144. КЛАД

Сказка

В каком-то было царстве,
В каком-то государстве
Жил-был с старухою старик;
Мне помнится и то, что жили в деревушке,
В худой избушке.
Достаток их хоть был и невелик,
Однако же они не слишком бедны были,
В деревне той не из последних слыли
И нужды не имели ввек ни в ком.
Но черт ворочает горами,
Не только что играет нами;
Он вздумал пошутить и с нашим стариком,
Которому вдруг быть богатым захотелось,
И сильно так сего желал,
Что от того ему не пилось и не елось,
И денег как достать, всё способы искал.
Тут счастье в оном
Немедля послужило так ему.
Однажды как-то рыл он яму с тяжким стоном,
На что? — причины же не помню я сему.
Вдруг чудо тут ему явилось,
Которому старик без памяти стал рад,
Увидев в яме он, что в сто рублей был клад,
И думал, не во сне ль ему сие приснилось.
Потом, опомнившись, его оттуда взял,
А деньги сосчитав, их инде закопал
И, карауля беспрестанно,
Мнил так, что будет век богатым он таким;

Но, бедный, он не знал, что всё непостоянно
И счастье лишь играет с ним.
Оно ему тогда недолго послужило,
Посредством тех людей всего его лишило,
Которы, ежели лежит где плохо что,
Без спросу присвоят то.
А люди ж их ворами величают
За то, что с деньгами насильно разлучают,
А иногда вдруг и с душой;
Но этого от них так часто не бывает,
Как от не знающих леченья лекарей,
Из коих каждый, нас леча, всего лишает.
Читатель, извини,
Что стал я завираться;
Прочти уж всё, потом меня брани;
Но в чем чтоб оправдаться,
Позволь себе сказать,
Что я стихи еще недавно стал кропать.
Но всё сие оставя
И скуки вас избавя,
Скажу, что сделали те воры с стариком,
С сим глупым мужиком.
Когда узнали то, где денежки лежали,
Без спросу у него себе они их взяли,
Ему же, бедному, спасибо не сказали.
Какой удар был старику тогда,
Когда
Увидел вместо кладу,
Где прежде он лежал, то место лишь одно,
И то простыло уж давно.
Но вот чем перемог старик свою досаду.
Пришел домой,
Во утешение схватя свою дубину,
Как будто домовою,
Коверкать ею стал старухину он спину,
Допрашивая так ее,
Сам севши на нее,
Как на двуногу животину:
«Скажи, не ты ли клад украла мой,
Иль он кому показан был тобой,
Не то прибью тебя, как дикую скотину».
Старухе нечего на это отвечать,

Не смея ж вслух кричать,
А бабе ведь нельзя совсем чтобы молчать,
Принуждена была сквозь зубы лишь ворчать.
Но после всех побой ему она сказала,
Во оправдание себя:
«Ей-богу, светик мой! Я даже и не знала,
Зарыты деньги-то где были у тебя».

Старик тут тише стал, покинул с нею драться,
Раскаявшись, сказал старухе он своей:
«Куда ж, жена, деваться;
Не шутка, сто-то ведь рублей
Дороже мне спины твоей;
А если бы сие стряслось у господина,
То, верно б, без побой
Едва осталася в дому одна скотина,
Которая ему милее нас с тобой.

Да не смешно ли,
И против бога не грешно ли
Жалеть о том,
Что получили не трудом?»

Но вот опять старик без памяти взбесился,
Чуть-чуть на тот свет не пустился,
Ума лишившись от того,
Когда вдруг вспомнил он, что вместе тут же
с кладом

Лежал мешочек с деньгами его;
Кричал он долго тут не ладом.
Но как же быть? Уже того не воротить,
И не за что опять старуху колотить.
«Я сам тому виною.
Богатства если бы не пожелал,
Своих бы денег я тогда не потерял,
И не терзался бы тоскою», —
Старик, опомнившись, так говорил себе;
Читатель, а тебе
Морали несколько прибавил:
«Так безрассудно не желай того,
Спокойно век прожить ты можешь без чего.
А если деньги как себе ты и доставил,
То лучше их с умом употребляй,
И так, как я, не зарывай».

(1791)

145. ЗЛАЯ ЖЕНА

Вдруг море хлынуло, весь город потопило;
Везде кричат: вода!
Везде кричат: беда!
Ивана одного не много то смутило,
Иван на крышу влез,
И так, как философ, то бедство перенес.
Потом пожар пришел, Иванов дом пылает,
Народа множество к Ивану прибегает.
Иван при смерти был; но он в окошко слез,
И так, как философ, то бедство перенес.
Потом Иван женился;
Хоть он того не ждал,
Жену презлую взял...
И в третьи от жены он сутки удавился.

(1792)

146. СЧАСТЬЕ И НЕСЧАСТЬЕ

Все люди счастья ищут,
И недовольны все судьбой,
За лучшим жребьем всюду рыщут;
Но жребий тот уж стал иной,
Каким его воображали,
Как только мы его снискали.
Мы — к счастью, а оно от нас.
Мы от несчастья убегаем,

Но мы несчастье встречаем
Во всех местах и всякий час.

Пускай же всякий, кто как хочет,
Трудится, мучится, хлопочет:
И счастье, и несчастье вздор,
Одних мечтаний ложных спор.

Пред счастьем шапки не ломаю,
Не пялю на него глаза;
Несчастье ж по носу шелкаю
И не боюсь его туза.
Я всем на свете сем доволен,
Когда я не бываю болен.
Улыбка и суровый вид
Меня фортуны веселит;
Друзья мои в весельи скачут,
Как счастлив я кажуся им;
Когда ж я случаем гоним,
Они же за меня и плачут.

Однажды мне друзья сказали,
Что я быть должен очень рад,
Случайно сделавшись богат.
Веселья все ко мне предстали.
А как сей счастья извол
Мой сделал очень вкусным стол,
То каждый день друзья толпами
Шли в дом мой скорыми шагами,
Числу их я и счет забыл.
Иный сервиз мой похвалил,
Понравился десерт другому;
Иный всю воздал честь портному,
Смотря на модный мой кафтан;
Другой, что перстень мой прекрасен,
Что солитер велик и ясен:
«Скажи. . . как дорого он дан?»
И словом, их веселы глазки
Вещам моим являли ласки;
Мое хвалили всё друзья. . .
На всё похвальна речь готова,

Лишь только обо мне ни слова...
Не правда ли, что счастлив я?

Друзья наперерыв забавы
Искать старались сильно мне.
Кто сильный был знаток в вине,
Тот вкуса моего для славы
Мне славный погреб показал;
А кто охотник до музыки,
Тот мне концерты учреждал.
Таланты славны и велики
Явились в доме у меня.
А кто свой хитрый ум пленя
Моих червонцев красотой,
Тот честной карточной игрою
Забавно потчевал меня;
Но так устроил то искусно,
Что то ему лишь было вкусно,
И сыт его лишь был карман...
Игра, все знают, не обман...
И словом, всяк был лаком к кусу,
Который был ему по вкусу;
И сделался для всех мой дом
Веселостей одних содом.
А я, как будто управитель,
За всё лишь денежки платил...
В шуму забав я скучно жил.

Один утех моих рачитель,
Который всех и всё ругал,
Меня в глаза лишь не замал,
Мою приметить вздумал скуку,
И мне любовную науку
Хитренько начал толковать,
И тем успел себе достать
Тысяги две рублишек;
А это ведь в любви не лишек.
Красавицу увидел я...
Не правда ли, что счастлив я?

Глаза ее огнем блистают,
Сердца которым воспаляют;

Ее прелестна белизна
Равнялась с белизною снега;
Приятность на лице видна,
В улыбке же сокрыта нега...
И розов на щеках игры
Румянцу уст ее равнялись;
На груди гордо воздымались
Крутые нежны две горы;
Карминовы на них вершинки
Чуть видны были из-под дымки;
Прелестный, тонкий стан и стройный
Украсил вид благопристойный,
От коего божок-любовь
Поставил козырьком бы бровь.
Укромненька нога ея,
И как хлопчатая бумага
Рука красавицы сея.
Сия всех прелестей ватага
От ней юркнула мне в глаза
Да в сердце мигом и засела...
Смотрю, а там и закипела
Любовна у меня гроза...
И эта милая Прелеста
Души моей уже невеста...
Хотя моя Прелеста сирота;
Но где телесна красота
И где душевных чувств дородство,
Так тут не надо благородство.

Я страсть любовную открыл,
Взаимной страстью счастлив был...
Мы дружка дружке дали слово,
И к свадьбе было всё готово...
Не правда ли, что счастлив я?

Но вдруг!.. увы! ах! зло! рок лютый!
Разверзися, земля! и скрой
Мои злосчастные минуты
И страстный сердца пламень мой!..
Не солнце ль в тверди померкает?
Или вселенна вид теряет?

Не стонут ли моря, леса? ..
Ах! лъзя ли быть сему в природе?
Конечно, лъзя... не чудеса,
По ясной и сухой погоде,
Чтоб землю дождик покропил.

С Прелестой я в театре был...
Сидели в ложах в нижнем ряде
Все в модном барыни наряде,
И сей прекрасный толь наряд
У всех на одинакий лад...
Последней моды на уборы
Прелестины летали взоры...
Везде одну встречали *шалъ*.
Прелесту тронула печаль,
Горька ей сделалась судьбина,
Без *шали* что она едина...

Вдруг строгий мне приказ от ней,
Чтоб завтра ж *шалъ* родилась ей...
Пришло исполнить повеленье.
На что тут много рассужденье,
Лишь надобно сказать — изволь...
Прелесте зрелище не нравно;
Ничто без *шали* не забавно;
В головушке ужасна боль...
Пришлось сыскать ее карету...
Она отправилась домой:
«Прощай, приказ исполни ж мой!..»

Назавтре поскакал я эту
Шалъ модную везде искать,
Гостиный двор кругом топтать.
Но, ах! куда я ни совался,
А *шали* в русских лавках нет.
Простяк! насилу догадался,
Чтоб ехать, мода где живет,
Во иностранны магазей,
Куда за англицки затен
Иль за французский милый вздор
Бывает денег русских сбор...

«Что вы, мусье, изволь? Товары
Берет на мой все знатны бары».

— «Мне *шаль* нужна, мусье, мой друг».
— «Мой очень жалко: *шаль* весь вдруг
На знатные сеньер возмили;
Нет больше *шаль* у нас... годили,
Я выпишит минога *шаль*.
Ешо што нада? Всё изволи;
А *шаль* на магазей нет боли».

Хотя того мне очень жаль,
Приехал я к моей невесте...
Без *шали* стал постыл Прелесте.
«Так *шали* нет...» — сказала мне.
«Сударыня! я тем размучен...»
— «Оставь, судáрь, меня... ты скучен...
Возможно ль? *шали* нет... ах, так!..
Оставь меня... какой дурак!..
— «Дурак! вот это мне забавно...
Браниться... право, это славно...
Так всё дурачество узнай...
Вот в чем оно: навек прощай...»
Я с тем с красавицей расстался,
Мгновенно я домой помчался...
За *шаль* разъехалась любовь.

Прелестной страсти в сердце жало
Уже меня не воспаляло,
И охладела в жилах кровь,
Исчезло в мыслях и прельщенье...
Не правда ль, что несчастен я?

О сем какое сожаленье
Явили залпом мне друзья!
И всякий мне из них казался,
Что он в несчастье погружался,
И, слыша их жаленья гам,
Почти им в том поверил сам.

Спустя не помню сколько время
Меня жестокой боли бремя

Принудило в постелю лечь.
Они со мной равно страдали,
И тотчас мне врача примчали;
Чтобы болезнь мою пресечь
И чтоб не прекратить мне веку,
Я часто посылал в аптеку.

Уж месяц целый я страдал,
А лекарь мне не помогал,
И мучили одни припадки
Меня от лютой лихорадки.
Поутру врач ко мне пришел,
С весельем на меня глядел. . .
Сказал: «Вы встанете с постели
Здоровым через две недели».
Я жду того; приходит срок,
А я лишь больше занемог;
Мой лекарь очень рассердился
И крепкою рукой пустился
Меня обманщиком бранить.

«Я знаю, ты здоров, конечно. . .»
— «Я рад бы был тому сердечно. . .»

«Не слушаю твоих я слов:
Я врач, тебя я больше знаю,
И если я с здоровьем поздравляю,
Так ты уж должен быть здоров;
А ты лежишь теперь напрасно,
Мою чтоб славу помрачить,
Иль чтобы мне не заплатить. . .
Так знай, что я вступлюсь ужасно
За мой презренный вами труд;
А если станешь отпираться,
Больным хоть мало притворяться,
За то стащу тебя я в суд
И буду я просить формально».

Толь уверение нахально,
Хоть облегченья нет совсем,
Сто рубликов с меня содрало,

И лекаря тотчас не стало,
А я не излечился тем. . .

Привести хотели мне другого,
Не так, каков был этот, злого.
А тот сказал: «Болезнь твоя
Ничем уже не излечима
И смерть твоя необходима».
Не правда ль, что несчастен я?

Не знаю, от чего случилось,
Мое здоровье исцелилось,
Как я оставил лекарей.
Одно лишь сделалось препятство:
Исчезло вдруг мое богатство;
Не вижу больше я друзей. . .
Куда же все они сокрылись?
Они, знать, в слезы погрузились?
И, верно, с горя не хотят
Во мне умножить грусти яд,
Унылый вид мне свой являя.
Вот сколько огорчила их
Моя напасть — судьбина злая!

А я, избавившись от них,
Смеюся эдакой печали. . .
Хоть деньги все мои пропали,
Пропали у меня друзья,
Да не пропал нимало я. . .
Я счастья в том не поставляю,
Когда сума моя толста,
Злосчастья же совсем не знаю,
Коль совесть у меня чиста.

(1792)

147. НЕСЧАСТЬЕ ОТ ЛОРНЕТА

Сказка

Была, не знаю где, девица,
Тиха, прекрасна, как денница;
Черты, взор огненный очей,
Румянец, роз самих нежней,
Киприду в ней изображали;
Уста любовь начертавали;
Души улыбка тишину;
Всё вместе — нежную весну.
С ней стоит только повстречаться,
Чтоб вечно не хотеть расстаться;
Сказать два слова — полюбить.

В пятнадцать лет она сучала
И часто томно воздыхала,
Что не с кем чувствий разделить.
Случалось ли при речке быть,
Где тихих вод струи журчали
И томным звуком выражали
Любовь, блаженство двух сердец;
Цветок где каждый страстью дышит,
Где громкий, сладостный певец,
Самой природой наученный
И тишиной обвороченный,
Поет станс Душеньке своей;
Под тенью ль сидя средь лилей,
Иль нежность видя голубей —

Везде она блаженство слышит;
Недостает его лишь ей.

Всё в ней желанье возрождает!
Хотя цены его не знает,
Чтоб боле, стра́стней пожелать;
Однако же — ну как не знать.
Уроки сердце может дать!
Чего же Лизинька хотела?
Хотела Лиза полюбить;
С другим собою разделиться,
В объятье нежно устремиться,
Со вздохом целый мир забыть.
Но Лиза горьку часть имела!

В сии холодны времена
Была на Севере война;
Сердца, которые пылали,
Природы презря нежный глас,
В войне венцов себе искали;
Любви священный огонь угас —
Киприды храмы опустели,
Свечи в них брачны не горели;
И вместо столь приятных жертв
Арею фимиам курили;
Сражались, токи крови лили —
Амур был томен, бледен, мертв.

В сии-то времена страдала
Прекрасной Лизиньки душа —
Что в том, что Лиза хороша?
В другие б дни она прельщала;
В другие б пали перед ней
Внимать из уст ее законы;
Повергли б скипетры и троны;
Чего и нет, повергли б ей;
А тут — тут ей недоставало
Сердечка, коим овладеть —
Что ж делать Лизиньке? — терпеть!

Терпенье мудрости начало,
Так философия твердит;

Но тот, кто чувствует, горит,
Любовь чьим сердцем уже водит,
В терпении горесть лишь находит,
В мечтании — блаженства вид.
Кто знает девушки сложенье,
Простит охотно нетерпенье.

У Лизы был старик отец;
Известны стариков беседы,
Старинны люди домоседы,
Не знают нежности сердец.
Знакомства — древнего покрою,
Друзья их — слишком взрослых лет,
Не смыслят шаркануть ногою,
Не скажут боле *да* иль *нет*.
В несчастном Лиза положеньи!
Но чем же Лизе пособить?
Желал бы я к ней ближе быть,
Желал бы, нежности в награду,
С румяных уст ее отраду
Душе влюбленной получить,
С ней сердце, чувства разделить,
Желал бы... кончим восхищенье.

Но рок другого ей судил.
Кто ж этот смертный столь счастливый?
Детина храбрый и служивый,
Который век в походах был
И, жертвуя везде собою,
Здоровье отдал туркам с бою,
А тело на покой привез.
Увидел Лизиньку — воскрес.
Душа геройска воскипела,
К траншеям Лизы полетела
И ну ее атаковать.
Что с Лизой сделалось? — вздыхает,
Неволью лавры уступает,
Молчит — а сердцем отвечает.
Час бьет! поехали венчать.

За час была она девицей,
Из церкви вышла молодежи:

За час задумчива была,
А тут как будто ожила.
Ей пылкое воображенье
Сулило нежно утешенье,
Роскошно, страстно наслажденье;
Но ах! — надежды тусклый луч
Подобно молнии блестящей,
Пременой в воздухе грозящей,
Мгновенно скрылся в недро туч.
Напрасно Лизинька мечтала
О нежной участи своей;
Не знать того, чего желала,
То доля Лизиньки моей.

Весь век людей — одно мечтанье,
Строенье в воздухе палат,
Блеск ложный, тусклый, ожиданье,
Надежда — подслащенный яд —
И бедной Лизы та же доля!
Средь воли сладостной — неволя.
Чего-то ей недостает;
Да и когда ж? В пятнадцать лет.

Грудь нежну Лизинька вздымает,
Приметна томность на глазах;
Покойна Лиза на словах,
Но в сердце горесть ощущает —
Чего же Лизинька желает?
Хотел бы узел развязать,
Хотел бы, но — мой долг молчать.

Что Лиза кой-что в свете знала
И даже авторов читала,
Я то сказать и позабыл.
Она свой разум изощряла —
Отец ей сам наставник был.
Пришли ей в память страшны веки,
Когда старинны человеки,
Желая землю населить
Чтобы ей праздною не быть,
На казнь тех женщин осуждали,

Плодов которы не давали —
Что в браке, если нет детей?
Смутилось Лизы вображенье:
Невинна будучи душой,
В душе находит преступленье.
Готова Лиза всё свершить,
Чтобы судимою не быть
Законом строгим уголовным.
Невинным быть и быть бессловным —
Душе великой смерть вкусить.

Среди ужасна беспокойства,
Когда душа слабеет в нас,
Утехи годы, муки час
Переменяют наши свойства.
Как роза, утренней росой
Смоченна, стебли распускает,
Но ветер повеет — умерщвляет;
Так Лиза меркнет с красотой —
Глаза прекрасны томны стали,
И розы на щеках увяли —
Изображает душу взгляд:
В лице унылость, в сердце яд!

Как Феб из мрачных туч выходит
И мечет искры на цветки,
Цветы умершими находит
И перстом пламенной руки
Подъемлет их и воскрешает,
Устами душу в них вдыхает,
Сулит часы блаженны им:
Подобно Лиза оживилась,
Из томной в страстну претворилась,
Когда предстал пред ней Любим.

Увиделись — сердца сразились:
Шутили, спорили, влюбились.
Казалось, Лизиньки душа
В тот миг вспорхнула, полетела,
К дружечку милому подсела —
Любови пламенем дыша,

На томно сердце искры мечет:
Она дрожит, Любим трепещет —
Коснулася ко груди грудь,
Уста сомкнулися с устами,
Молчат, — но говорят сердцами,
Рука дерзает в дальний путь;
Их ласки, нежность повторялись,
Лобзанья в эхо претворялись,
Но снова на устах являлись,
Чтоб более сердца тронуть.

Но прочных удовольствий мало —
Едва утехи луч блеснет,
Как молния меж глаз мелькнет —
Исчезнет всё, что нас прельщало.
Приходит к Лизе муженек:
«Любим! здоров ли ты, дружок?
Ну, знаешь ли, что я женился?»
— «Конечно». — «Что люблю, любим?
Что счастлив выбором своим?»
— «Всё знаю». — «Вот кем я прельстился!
Признайся, Лиза хороша!
Какой нрав ангельский, душа, —
А что в ней более бесценно,
Верна — и честью побожусь —
Желал бы — об заклад не буюсь —
Но если б сердце чье прельщено
Хотело в Лизе поискать,
Ни с чем изволило б отстать.
Хотя и должен я признаться,
Что расторопная жена
С охотой может поменяться
Таким, как я, на шалуна;
Но Лиза, раны уважая
И табель о чинах читая,
Атаку всякую снесет —
Ядром ее не прошибет.
Всегда стремяся к точной цели,
Честь держит в крепкой цитадели».

«О! я, судáрь, уверен в том».
— «Но, слушай, дело не о том».

Глаза-сердечушки пропали;
Что с Лизой мы ни вымышляли,
Но помощи ни малой нет.
Погиб бы, если б не французы!
Они мне с бельмов сняли узы.
Купил я, мой дружок, лорнет —
И что ж? Чуть на глаза наставил,
Как зрение себе прибавил.
Я в век мой лучше не глядел.
Но чтоб ты веру к ним имел,
Стань здесь — нет, нет, за нишь, подале.
Где Лизинька? шьет, верно, в зале —
Поди, мой друг, сядь с ним за нишь;
Ты мужа этим одолжишь.
Ах! это не лорнет — находка!
Добро, проклятая решетка!
Бывало, за тобой не вижу никого,
Теперь не скроешь ничего».

Кому не сродно ослепленье!
Хоть то ж имел старик мой зренье,
Но думал, ново получил,
И слишком над собой шутил.

С Любимом Лиза вместе сели;
Коснулись — чувства закипели —
Препятствий нет, исчез и страх.
Сплелися руки — онемели —
Любовь в душе, любовь в глазах;
Всё вместе, равно, ощущали —
Но глаз у стариченца нет!

«А! а! плутишки, зашептали.
Всё вижу — вот каков лорнет.
Ну дале, браво! — продолжайте —
О! смейтесь боле — не внимайте», —
Старик всем сердцем хохотал.
«Что? Что? Вы машете руками;
Как такты бьете вы ногами;
Прекрасно! . . . полно!» — он кричал.
Влюбленны пред него предстали,

Ни в чем как будто не бывали.
«Скажите: прав ли я, иль нет?»
Любим и Лиза отвечали:
«Ей-ей, прекрасен ваш лорнет!»

(1792)

148. А МУЖ? — ОН СПИТ. ПРИЯТНЫЙ СОН!

Сказка

У всякого свой вкус, конечно,
И трудно вкусы согласить;
Что нравится жене сердечно,
Несносно мужу может быть.
Темира музыку любила,
В ней сердце, душу находила,
И нежны разности страстей;
А муж — терзание ушей.
И если звуки сладкогласны,
Приятны, нежны, томны, страстны,
Касались уха муженька —
Напрасно к сердцу устремлялись:
Они средь воздуха терялись
И усыпляли старика.

Не могут прелести музы́ки
Сердца свирепы, грубы, дики
Своею нежностью тронуть;
И жизни благотворный пламень
Лучи как бисер мечет в камень,
Но не согреет хладну грудь.

Когда я в древность обращаюсь
И вижу всё сквозь мрак времен,
Тем боле музыкой прельщаюсь
И будто к Фивам преселен,
Где Амфион сладчайшим гласом,
Сопраном, дишкантом и басом
И камней тяжестью потряс,
И город создал с чем-то в час.
Пусть на *арфе* дробь перстами,
Заставил шевелить ногами

Брега, и реки, и леса —
Короче: делал чудеса!
Там горы казачка скакали,
В такт волны с *арфой* ударяли,
И всё умело приседать
И руку в знак приязни жать;
Там кедры, *эра* не теряя
И горду поступь сохраняя,
Махнули томный менуэт.
Не может Пик сравняться с ними!
В нем стройной легкости той нет.
Зефиры, вслед носясь за ними,
Зелены платья берегли,
Чтоб в танцах смять их не могли.

Не знаю, правда ль, говорят,
Что менуэт сей после в *моде*
В афинском мудром был народе,
И что по нем весь маскерад
С Платоном танцевал Сократ.

Соскуча без супруги в мире,
Орфей на сладкогласной лире
Сошел во мрачный ад играть;
Звук нежный слыша, адски силы,
Как *петиметры*, были милы
И ножкой начали дрягать;
Настроя к наслажденью души,
Как мехи растянули уши
И с восхищенья ну зевать.
Плутон заснул, а Прозерпина,
Забыв в тот миг всю важность чина,
Забыв, какого дочь отца,
Тряхнула тотчас голубца
И, нежным упоенна тоном,
Чуть-чуть было с своим Плутоном...
Да он изволил крепко спать.
Харон на лодке закачался
И, верно б, в Стиксе искупался;
Но тень, с ним бывша в те часы,
Его сдержала за усы.
Весь ад, растроганный музыкой,

Позволил с нежной Эвридикой
Наедине ему пробить
И жизнь дал слово возвратить;
Ну, да вольно́ ему шалить —
А после ослабела лира.

Душа любви, утех, Темира!
Предмет чувствительных сердец,
Которой нежный вкус, искусство
Пленяет слух, ум, душу, чувство;
Котора даже, наконец,
Другим женам не в образец,
Любима — и любить умеет.
Прости, что молодой певец
Тебя воспеть на лире смеет!
Он нежно сердце сам имеет.
И если любишь слог простой,
Где нету тяжести пустой,
Прочти — коль чте́нья удостоишь,
Ты к Пинду молодца пристроишь.

Скажи, о *муза!* — вот пустяк!
Нейдет нимало *муза* к сказке,
Как шито золото к подвязке.
Кто призовет ее — дурак!
Мне *муза* — милая Темира;
А взор драгой — любезна лира;
Награда — поцелуй ея.

Начнем, похващаем струнами,
Как просвещенный муж рогами;
Как модны нынешни друзья,
Без сердца, дружества дарами.
Не новость мне писать стихи
И к *музам* липнуть в женихи;
Да я же не один: нас много!
И ежели посудят строго,
Большая выйдет часть калек:
Тот крив, тот кос, тот хил, как грек.

В одежде легкой, серебристой,
Власы как мягкий лен волнистый,

Как солнца луч пред темнотою,
Своей блестяща красотой,
Темира, ангел кроткий, мирный,
Достойна почести порфирной,
Достойна скиптра и венца,
Пред клавикордами сидела;
Вздохнула, ахнула, запела —
Как нежные поют сердца.
Хоть сердце нечто сокрывало,
Но против воли вылетало
Драгое имечко: Всемир.
Всегда на языке, кто мил!
Прекрасны пальчики мелькали,
Когда в *клавiсы* ударяли,
И ненарочно повторяли:
Всемир! Всемир! Когда бы он с ней был,
Темира, стрелы направляя,
Сама б упала, им страдая.

Так легкий, тихий ветерок
Между серебристых вод играет:
То кудри вьет, то развеивает;
То, устремляя водный ток
К брегам, где роза почивает,
Вспорхнет, оставит ручеек,
Спешит пред розою предстать,
Ее украдкою обнять;
Но чуть коснется — пробуждает.
Открыт взор розы дорогой:
Прости и вольность, и покой!
Пред нею пленник упадет.

«Чтоб дьявол *мiзыку* побрал,
И с тем, кто первый вымышлял, —
Муж раздраженный закричал. —
И эти адские сонаты,
И все адажио, стаккаты,
Аллегро, менуэт, мажор,
А боле варварский минор,
Который душу так и тянет, —
И если милая жена

Меня им мучить не устанет,
То должен треснуть я со сна;
И суя по клавирам ручку,
Привьет мне вечную сыпучку.
Ну что бы то вам заиграть,
Что может душу восхищать,
Что направляет дух ко брани?
«Ой царь Иван ходил к Казани!»
Она приятна, хороша,
В ней видно сердце, ум, душа,
И громкий голос, и искусство;
А ваше всё тиранит чувство —
И вдруг то вверх, то вниз идет;
И дьявол сам не разберет!»

Темира шуму не внимала,
Сонату Плэйеля играла.
Бессмертный, нежный сей творец,
Душа чувствительных сердец,
Изображать умея страсти,
В своей имел, казалось, власти
Одною нотою простой
Владеть и сердцем, и душой.
Она искусством обладала
И слух, и вкус обворожать;
Ей стоит с чувством заиграть,
Чтобы пред ней Эрата пала;
Чтобы угрюмость заплясала
И, веселяся, ей сказала:
Раз слышать, вечно вображать!
А муж? Он более не внемлет
И с восхищенья уже дремлет —
Бог с ним! пусть спит — приятный сон!
Но, ах! Темиру грусть объемлет —
Ее ли участь тяжкий стон?
Ее — и сердце чем нежнее,
Тем любит страстней и пылчее.
Чтоб пламень мигом возродить,
Лишь в пепел искру уронить.

Играть Темира продолжала;
И вдруг — Всемил тому виной!

И вдруг — серебристою струей
Слеза на грудь ее упала;
Слеза до сердца пронизала
И только горесть умножала.

Так тиха, розова заря
По захожденьи дней царя
В уныньи томно утихает,
Хоть тусклый блеск ее лучей
Мелькает посреди лилей,
Но только жизнь их охлаждает.

Что жизнь? — Всечасно унывать,
Что страсти? — Горесть и мученье,
Досады — наших дней теченье.
Хотим и алчем обладать;
Свершилось — начали скучать.
Но если то, чего желаем,
Мы чрез препятства получаем,
Своим утехам мер не знаем.

К Темире прилетел Всемир —
Исчезла горесть и досада —
Какие радости, отрада!
Он вежлив, расторопен был,
Темиры руку лобызает —
В глазах Темиры огонь блеснул;
К устам коснулся — жизнь вдохнул,
Ко груди нежно прижимает —
Для ней вселенна исчезает.
А муж? Он спит — приятный сон!

Мгновенно прекратился стон;
В глазах Темириных — прельщенье,
В душе — небесно восхищенье,
Желание — во всех чертах.
Ее любовью сердце дышит,
На розовых устах ей пишет
Всемир надежду, нежность, страх.

Среди утех и восхищений,
Среди душевных наслаждений

Темира начала играть,
Всемир приятно припевать.
Амур на крыльях зефирных,
Амур, известный всем плутец,
Летит из областей эфирных
Умножить пламень двух сердец.
Спустясь украдкой, невидимкой,
Две розы, скрыты под косынкой,
Глазам Всемиловым открыл,
Близ них лилеи посадил —
И лук, натянут тетивою,
Вооружа своей стрелою, —
И лук чрез силу натянул;
Как вор из-за куста стрельнул,
Горящим факелом мелькнул —
Лучи сердца их возжигают!
Темира, будто не хотя,
Раскинулась, как бы дитя;
Всемир не менее сгорает,
В ее объятия летя.
Темиры руки заблуждали,
В клави́сы томно ударяли —
А муж? Он спит — приятный сон!

Мне время к мужу обратиться.
Шутливый, дерзкий Купидон
Изволит вокруг него резвиться;
И страшна сна его в улик
На лбу старинный ставит *ик*.

Что слышно там? «Мой друг!» — «Темира!»
Мгновенно голос исчезал;
И легче нежного Зефира
Темиры дымку разведал.
Музыка слух не возмущала,
Сна мужнего не умножала,
И муж — муж пробудился тем:
«Насилу кончили совсем!»

(1793)

149. ЛУНАТИК ПОНЕВОЛЕ

Сказка

Жил-был старинного покрою
Драгунский храбрый капитан,
Наскучил службой, марш к покою,
В деревню, штурмовать крестьян.
Чтоб дать герою блеску боле,
Скажу об нем, каков он был.
Он век провел на ратном поле,
Курил табак и храбро — пил.
Усы колечком извивались
Вкруг носа римского его,
На верхню губу опирались,
Смотрели вкось из-под него.
Лицо, рябинами покрыто,
Пестро, как решето иль сито.
И словом, прямо кавалер
Драгунский храбрый офицер.

Чем он в деревне занимался?
Крестьянам тактику читал,
Строй, атаки толковал
И сам собою любовался.
И вдруг — не знаю почему,
Влюбиться вздумалось ему.
Драгунский капитан не шутка!
Вперед не станет отлагать;
Взглянул — пошел атаковать.
Удача иль отказ им дудка.

«Сударыня! — он начал так, —
Ты видишь, я мужик-простак;
В словах, в любви не знаю складу.
Когда сдаешься, честь отдам,
И вмиг ударим по рукам;
Не любишь — в лагерь ретираду».
Девица слова не дала,
С улыбкой на него взглянула;
Умом и разумом смекнула,
Что клад в мужья себе нашла.

У многих женщин есть замашка,
Хоть мало в простачке пути,
Охотно за него идти.
Такой-де муж жене — рубашка!
Им можно так и сяк вертеть,
Подчас заснуть ему велеть,
Подчас чуть-чуть глаза прищурить,
А иногда совсем зажмурить.
Итак, за свадебку пирком —
И здравствуй с милым муженьком.

Живут — дни, месяцы и годы,
Горюет с муженьком жена.
Муж человек старинной моды;
Жена в столице рождена.
Ну как же мужем не наскучить?
Он может нежностью своей
В два месяца жену замучить.
Драгун в любви — прямой злодей!
Всё им сраженье да сраженье,
Атаки, приступы и строй;
Заря — марш воин на ученье,
Отбили — но он всё герой.

Меж тем какою-то судьбою
В деревню к моему герою
Приехал модный дворянин;
Имел деревни, деньги, чин,
Умел пришаркнуть, изгибаться,
По моде быть одет, чесаться,
На языке залет, резец,
Из франтов мудрый молодец!
Ума он не имел — и стало,
В нем ничего недоставало,
Чтоб женщину собой пленить.

Прошло с неделю, или боле,
Драгунская жена в неволе
Охотно рада полюбить
И мужу новый лавр привить;
Но как? когда? — Помыслить должно.
У воина всегда дозор,

За всем он смотрит осторожно,
И вечно их не дремлет взор.

Известно всем, что сын Киприды
Увертлив, хитр и плутоват,
На вымыслы жесток, богат,
Охотно делает обиды
Седым и пожилым мужьям,
Ну так, что слишком худо лбам.
В жену он хитрости вселяет,
Жену помыслить заставляет,
Чем нужде, горю пособить.
Посмотрим, как начнут шутить.

Герой, измученный трудами,
Лежал в постеле на боку,
Сосал он трубку табаку,
Пыхтел, похлопывал глазами.
Сидела близ него жена
Смущенна, томно воздыхала,
Притворны слезы проливала:
«На то ль, на то ль мне жизнь дана,
Чтоб вечно мучиться, терзаться
И бóльших горестей дожидаться?»
— «Каких? — герой мой спросил. —
Иль неприятель подступил?
Иль думает начать блокаду?
Иль с места сбил мою засаду?
Или? — Плутонг! вперед! — ступай —
Пали — скорее — заезжай —
Колонна будет! — слушай — стройся...»
— «Ах, друг мой милый, успокойся!
Какая, душенька, война?
Несчастлива твоя жена».
— «Жена! — Что, разве с плаца сбили?
Но мы пардона не просили».
— «Не то и я хочу сказать,
Хотя б желала помолчать:
Лунатик ты». — «Кто! я?» — «Так точно;
И здоровье твое непрочное.
Забыл, что ночью делал ты?»
— «Я ночью делал то, что должно».

— «Какие страшные мечты!
Сперва легонько, осторожно
Вскочил и в дырочку пролез,
Не хлопнул дверью и без стуку;
Потом, взяв шест предлинный в руку,
На крышу по стене полез;
Сидел с минуту, опустился,
Смеялся, плакал и сердился,
И, к счастью, в постелю лег.
За палец я тебя схватила,
Рукою жала и давила,
Чтоб только ты проснуться мог». ¹

И в самом деле так случилось,
Что храбрый капитан во сне
Сражался с кем-то на войне.
Воображенье воспалилось!
Слича слова жены своей
С почным, мечтательным походом,
В минуту сделался уродом,
Душевно в том поверил ей.

Как славный винопой с похмелья,
Надувшись, без вина сидит
И, вспомня прежни дни веселья,
Повесит рыло, чуть пыхтит,
Так мой герой воображенья
Погрыз в печаль и размышленья.

«Итак, лунатик точно я?»
— «Ах, истинно, душа моя!»
— «Что ж будешь делать ты со мною?»
— «Хочу за лекарем послать».
— «Но где его в деревне взять?»
— «Вчера вечернею зарею
Приехал Милов, наш сосед;

¹ Почтенные любители чудесностей принимают за сверхъестественное, что лунатик тогда просыпается, когда у него пожмешь мизинец. Я думаю, что он так же проснется, когда пожмешь и указательный перст. Желал бы я знать, какой лунатик и не лунатик не расстанется с богатырским сном, ежели ему дать полновесную пощечину? — и это не будет чудо.

Так нет ли с ним?» — «А если нет?»
— «И! как не быть». — «Пошли скорее».

И самой молнии быстрее
Жена послала за дружкой,
Чтобы он с лекарским лицом
В одежде мудрой, черной, длинной,
Как немец скромный, благочинный,
К ним в дом с рецептами предстал.
Минута — медикус подложный
Махнул с курьерской подорожной;
Герой взглянул — затрепетал.

Как туча черная, нахмурясь,
Дождем и молнией грозит,
Так лекарь ложный, истоурясь,
Герою взором смерть сулит.
На что ни смотрит — поглощает.
Увидя лекаря с собой,
Дрожит, трясется, обмирает
Умом страдающий герой.

Так смотрит наш солист известный,
Немецкий мастер гробовой;¹
Финтуя ножкою прелестной,
И в танцах носит смерть с собой.
Ступая чинно, благородно,
Как немчура легко, свободно
Чуть даме руку подает,
То будто в гроб ее зовет.

«Леча подагры, водяные,
Горячки с пятнами, простые,
Мигрень, изгагу, лом в костях,
Истерики и лихорадки,
Все женски нынешни припадки,
Скажу в коротких вам словах:

¹ С.(анкт)-П.(етер)бургский художник, менее известный прелестным своим мастерством, пежели танцами. Ибо на всех немецких и русских гуляньях по дачам он первый открывает балы.

Я отрасль древнего колена,
Родной племянник Галиена,
Мне шурин славный Иппократ,
А Эскулап крестовый брат;
И вся мне медицина — сват!
Нужна ли жизнь кому? — Дам душу;
Свалить ли с ног кого? — Тотчас.
Я созидаю, строю, рушу
И умерщвляю всё как раз».
Сказал — и руку взял больного.
Герой мой струсил, задрожал,
У лекарей ведь нет святого,
Они всё давят наповал.

«Ты под какой рожден планетой?»
— «Не знаю я науки этой».
— «Рожден ты точно под луной;
Итак, лунатик ты, друг мой».
— «Лунатик точно?» — «О! конечно;
Ты должен в этом верить мне.
Ну, часто ль бредишь ты?» — «Во сне».
— «И, нет, мой друг любезный, вечно.
Скажи: ты хочешь облегченья?»
— «Без всякого, сударь, сомненья».
— «Когда не в духе умирать,
Себя ты должен пеленать,
Когда ложиться будешь спать».
— «Как! пеленать?» — «Ни слова боле».
— «Да, да», — примолвила жена.
— «Иль спеленаю поневоле;
Вылечивать — мне власть дана». —

Сказал — и сделав грозну рожу,
Прихлопнул дверью и пошел.
Герою подрало всю кожу,
Герой от страха онемел.

«Как! пеленать? На что похоже,
И что я буду за дурак?»
— «Но если жизнь всего дороже,
То для чего ж, мой друг?» — «Никак!»
— «Так ты не хочешь согласиться?»

Терзай несчастную жену,
Заставь ее всего страшиться,
Заставь ее страдать одну;
Заставь, чтоб с смертию твоею
Пошла я по миру с семьею.
Ты любишь — а велишь стенать
И в нищете мне умирать», —
И слезы ложны полилися.
Зарюмил, тронувшись, герой:
«Не плачь, супруга, не крушися,
Что хочешь, делай ты со мной».
И стал на всё простак согласен.

«Как мил ты, как умен, прекрасен!
Нельзя тебя не целовать,
Нельзя тебя не обожать.
Вот муж любезный и примерный,
Послушный, тихий, кроткий, верный!»
Вот муж — примолвлю я: дурак!
Но кто не обольщен женою?
Они, вертяся сатанюю,
Вмиг врютят в Мидасов шишак.

Уже чуть солнышко блистало,
Стыдясь пред розовой зарей,
И искры тусклые бросало
От угасающих лучей.
Герой в постелю лечь сбирался,
Он лег — и тотчас спеленался.

Так дамы модны на заказ,
Как будто куклы напоказ,
Вокруг себя и всё шнуруют —
Чтобы не тронуться рукой,
Чтоб не уметь ступить ногой —
И как статуйки маршируют.

Герой заснул — но где жена?
Как ласточка с гнезда порхнула,
С дружочком милым прикорнула —
Имеет тонкий вкус она.
«Жена! — кой черт не отвечает!

Жена! — ахти как крепко спит!
Жена!» — герой мой продолжает —
И видит, что один лежит.
Желал бы тотчас приподняться,
Но как? — Нельзя распеленаться.
Желал бы вмиг маршировать,
Стучать нечаянну тревогу,
Но, ах! — ни руку он, ни ногу
Не в состоянии поднять.

«Клянуся честью капитана,
Что я в любезных дураках;
Что из меня страмца, болвана
Сыграли при моих глазах.
Клянуся — и во что б ни стало,
Но я открою всё в сей час».
Надулся вмиг — и одеяло,
Пеленки порвались как раз;
И стал в приятном беспорядке —
Как мать героя родила;
Трясется будто в лихорадке,
Идет ревизовать дела.

Луна в окошко чуть мелькала,
Рисуя по стене лучи,
И тусклый свет свой проливала
Сквозь мраки дремлющей ночи.
Везде, казалось, бродят тени;
Герой на цыпочках побрел,
На всё он пристально смотрел
И вышел полегоньку в сени.
Везде расставил вмиг дозоры,
Везде передовой форпост;
Сам занял самый важный пост,
Другие припер на запоры;
Неможно птичке пропорхнуть.

Была каморка меж другими,
Где вздумалось жене заснуть;
Туда он захотел взглянуть
Очами ясными своими.

Взглянул — и что же там нашел?
Чего бы вечно не хотел.

Власы волнисты рассыпались
У ней небрежно по грудям;
Сквозь них, как нехотя, казались
Цветочки алые глазам.
Из уст чуть вздохи вылетали
И капли пота осушали
На розовых ее щеках;
Слегка свернулось одеяло
И будто с нуждой открывало
Картину редкую для глаз.
Любовник нежный, несравненный,
Ее ласканьем упоенный,
Казалось, в последний раз
Вдохнул — и огонь в лице погас.
«К ружью! — дозор идет — скорее, —
И начал шевелить усы, —
Вставайте — время на часы —
Ну, становись во фронт — прямее!»
Жена упала перед ним,
Упала — не сказав ни слова.
«К ответу будь теперь готова,
А там с врагом поговорим».

Представьте нежну Афродиту,
Семнадцати, не боле, лет,
Смертельной бледностью покрыту,
Из глаз слеза струей течет,
Когда упала на колени,
Вулкановы внимая пени,
Когда едва пощады ждет;
Представьте грозного Арея,
Преобращенного в Фирсея,¹
Он чуть от страха не умрет —
Любовник это драгоценный.
«Сдаешься? Ты военнопленный.
Слабенец город защищать!

¹ Греческий царь, известный трусостию не менее, как Александр храбростию. См. «Илиаду».

Оставим же и мы блокаду
И перестанем осаждать,
Но будем, впрочем, ретираду
За вашу трусость почитать,
И мирные приняв законы,
Введем мы в крепость гарнизоны
И нужные посты зайдем;
Пардон, жена — пардон даем.
Но с тем, чтоб крепче защищаться
И в первый приступ не сдаваться».
Она коснулась к руке
И стала скромно в уголке.

«Ты что в ущелине засел? —
Герой мой к Марсу обратился. —
Слабенько, враг мой, укрепился,
И рано ты ура запел.
Из шанцев тотчас — расстреляю.
Ба! ба! да ты меня лечил?
Ну, видишь ли, как я вскочил
И лунатизмом не страдаю.
Я пропишу рецепт — вставай!
Пардона ты не ожидай».

Увы! он должен приподняться
И с трусостью повиноваться.
Герой к нему речь обратил:
«Ты всю расстроил дисциплину,
Не объявя вперед причину,
Войну прегнусную открыл
И цитадель мою разбил;
Так должно, чтоб наказан был.
Стань здесь — хоть чуть пошевелишься,
То целым залпом вмиг хвачу;
Я в стычках вечно не шучу:
Махну — и головы лишишься».

Сказал — и двери отворил.
«Вот дефиле, изволь продраться,
Чтобы уметь ретироваться».
Взмахнул ружье — и так хватил
Ручным его своим прикладом,

Что петиметр мой задом, задом
С двора чуть лыжи навострил
И, задеваясь за пороги,
С трудом домой направил ноги.
«А ты, — сказал герой жене, —
Забудь, что было на войне,
Забудь сражения примеры.
Хоть страждет честь, хочу простить,
Нельзя уж бреши починить —
Марш вмиг на зимние кварталы!»

Мужья, которы в сорок лет
На грех задумали жениться,
Когда уже надежды нет
Младой девице полюбиться;
Которым храбрый офицер
Несчастный подает пример,
Всмотритесь — худо жить с такою
Младой, прекрасною женою,
Что в дочери годится вам,
И не хотя — но быть бедам.

(1793)

150. НАКАЗАННОЕ ХВАСТОВСТВО

Сказка, взятая из истории

Историю нам нужно знать:
В ней славные найдешь примеры
Геройства, правды, чести, веры,
Всего, что можно чудом звать;
Нередко даже в ней для страху
Дела ужасны вмещены;
Огнем своим завлечены,
Историки иной раз с маху
Поставят целый свет вверх дном,
Дел славных, дивных, беспримерных
В герое накопив одном,
Родят в умах невероятных
Сомненье дерзкое о нем.
Но мной то в правило не взято,
И пирронизм я чту грехом;
Я вот как думаю о том:
Что напечатано, всё свято.
Того уж скука не возьмет,
В ком есть к истории охота.
Скажу на всё сие в довод
Я сказочку из Иродота.

Кандол Лидиейю владел,
Лидия — это было царство;

Так, следственно, Кандол имел,
Держа под властью государство,
Титу́л Лидийского царя.
Счастлив — но вдаль не говоря,
Мы ничего не увеличим,
Коль верх блаженства ограничим
В том только, что он был женат
И что в жене имел он клад,
Пред коим скипетра блистанье,
Народа тьмою обладанье,
Казны несметной сундуки,
Хвала от подданных труслива,
И слава по свету правдива,
Всё то, что царско, — пустяки.
Конечно, всякое блаженство
В себе включает лишь мечту.
Но посмотри на красоту,
Увидь в ней чувствий совершенство,
Заметь в ней каждую черту,
Коснись устами ручке белой,
Потом, стремя восторг свой смелый,
Коснись груди — и потом —
Взлетишь превыше смертных части —
И скажешь: всё равно нам в страсти,
Быть смертным низким иль царем.
Кандол знал это сам собою;
Он был чувствителен душою:
Его царицы взгляд один
Ему устав блаженства пишет;
Ее улыбка страстью дышит —
И он стал света властелин;
Ее грудь нежная трепещет,
К нему огонь в сердце тайный мечет —
И он богам уподоблен.

Ах, как тот счастлив, кто влюблен!
Сто раз счастливей, кто любезен:
В объятиях красы драгой
Проводит век он свой не слезен,
Проводит век он золотой.
Но чтобы в счастья утвердиться,

То счастьем надобно питаться
Как можно тайно, про себя,
И милую свою любя,
Беречь, как розочку весенну,
И самому давать ей цену;
Не должно, зависть чтоб снискать,
Пред светом ею щеголять.
Блеск счастье трате подвергает,
А скромность счастье стережет.
Кандол в любви мер не знает,
Кандол небесных царь красот,
Кандол со всем тем всё теряет.

Царя Лидийска двор велик;
Но изо всех его придворных
Гигес был только временщик,
С царем без чувствий он притворных
Во всяко время поступал;
Сам царь его с собой равнял.
Когда-то им двоим случилось,
Без церемоний, в тишине,
Быть в комнате наедине.
В царе владычество затмилось;
Болтал он с другом то и се,
И переговоривши всё,
Завел вдруг речь он про супругу:
«Скажу, Гигес, тебе как другу,
Что всякий день и всякий час
В ней зрю я новых тьму зараз.
Она мной правит, счастье стронт,
Но мной владеть она и стóит;
Моя душа — ее алтарь.
Признайся прямо предо мною,
Равна ли с кем она красую?»
— «Ни с кем, конечно, государь».
— «Черты в ней каковы?» — «Прелестны».
— «Глаза?» — «Божественны, небесны».
— «А стан?» — «Всех нимф он устыдит».
— «Но, может быть, Гигес мне льстит?»
— «Могу ль величество я ваше
Такою лестью оскорбить
И что не думать говорить?

Царицы нет на свете краше». — «О! если бы еще ты знал,
Всё то, что я один в ней знаю;
Когда б на всю ее взирал,
Остолбенел бы, уверяю.
Когда б узрел ты полную грудь,
К которой я касаюсь чуть;
Когда б узрел лилейны горы,
Пленяющие страстны взоры,
Манящи руку их пожать,
Которая когда их тронет,
Душа во сладостях вся тонет;
Коль мог ты б дале проникать,
Узрел бы больши совершенства».
— «Слова монаршески священны,
Как божеским я верю им».
— «Нет, красноречием моим
Все прелести не изочтены,
Их не опишешь никогда;
То стоит многого труда.
А чтоб совсем тебя уверить,
Что я не попусту хвалю,
То всю красу тебе явлю,
Чтоб мог ты глазом всё измерить».
— «Что слышу! можно ль!» — «Да, мой друг;
Тебя признаться я заставлю,
Что я счастливейший супруг.
Тебя в местечке я поставлю,
От ней сокрытом, в те часы,
Она как станет раздеваться;
Ты, там увидя все красы,
Возможешь ими любоваться».
— «Помилуй, государь; кто? я?
Чтоб таин был ее свидетель;
Чтоб оскорбились от меня
Величество и добродетель;
Чтоб дерзостный я бросил взор
На красоту моей царицы,
На лучших прелестей собор,
Незримых из-под багряницы?»
— «Не спорь, когда я сам хочу».
— «Но как? . . .» — «Когда не согласишься,

Ты милостей моих лишишься;
Ни слова боле. — «Я молчу».

Сим кончен разговор тот чудный;
Иным поверить, может, трудно,
Чтоб столько прост был этот царь;
Но мало ль что бывало встарь?
К тому ж всяк странности имеет,
И всяк другому не указ.
Настал назначенный уж час.
Кандол ведет, Гигес робеет;
Кандол любимца своего
Ввел в почивальную царицы
И, спрятав в уголку его,
Оставил тамо одного.
О вы, счастливые зеницы!
Чем наслаждались в тех местах?
Царица ничего не знает,
Косынки, платья скидывает;
Чем мене завес на красах,
Тем более она блистает.
Так пеленою смурых туч
Прекрасно солнце заслоненно,
Когда сквозь них пропустит луч,
Горит сильняе постепенно;
Сперва сквозь облачный тот флер
Шар палевый едва лишь блещет,
Потом яснейший кажет взор,
И каждая струйка туч трепещет;
Разбит, рассыпан весь туман,
Лазури вскрылся океан,
И солнце блеск и жар свой мещет.

Уж платья скинуты лежат,
Снята любовников препона:
Краса — царицын стал наряд,
Приятность — лучшая корона,
А скиптр — влекущий к неге взгляд.
Уж сим украшена убором,
Взойти на брачный хочет трон —
Меж тем Гигес был восхищен,
Всё жадным пожирал он взором.

Ах! твердость можно ль так иметь,
Чтобы в живой Киприде зреть
Смешенны с розами лилеи,
Упругость груди, негу шеи,
Стан, ножку — каждую черту,
Красой затменну красоту —
И зря, быть хладну, равнодушну?
Нет, трудно чувствам быть преслушну.
Гигес горел и трепетал;
Всё то он чувствовал, что должно,
И шевелясь неосторожно,
Внезапно чем-то застучал.
Царица слышит то, дивится,
На стук стремительно бежит —
И скрытого Гигеса зрит.
С чем может гнев ее сравниться?
«Несчастный! дерзостный! злодей!
Ты в спальне спрятался моей!
Ты зрел — о стыд! о униженье!
Нет, страшное толь преступленье
Загладишь смертью ты своей». —
В высокой самой страх степени
Тогда почувствовал Гигес;
Дрожа, упал он на колени,
Вскричал: «Царица! для небес,
Услышь мое ты оправданье.
Творя цареву я желанье,
Сокрывшись на тебя смотрел,
Он сам меня сюда привел». —
«Кто, он?» — «Клянуся в том богами,
Когда же мало клятвы сей,
Клянусь твоими я красами,
Которы и богов сильней». —
«Коль так — и лъзя ль тебе не верить? —
Тут рассудила крик умерить, —
Когда твой робкий, жалкий вид,
А пуще клятва мне твердит,
Что ты не можешь лицемерить.
Когда всё так, я говорю,
То гнев свой весь я усмирю;
Но чувства им мои пылают —
Я гнев к супругу обращаю;

Он виновен, так ему отмщу,
Как женщины мужьям отмщают».

Царев любимец сей расстроен,
Вспален, испуган, восхищен,
В различны страсти погружен,
Не знал, как с делом развязаться;
Но должен был царице сдаться.

(1793)

151. БАСНЯ

Болван-молокосос из силы вон кричал:
«Ах, ах! прекрасную я басню написал», —
А басню назвал ту «Оратором-Болваном».
Болвана слушали болваны изумясь,
И, грамоте едва-едва учась,
Почтили рифмача Парнасским Капитаном.
Как вдруг Пиита в дверь,
На коего Болван своею баснью метил.
Болвана страх осетил,
Болван трусливый зверь.
Но делать нечего, Пиите пожелалось
Всё ведать, что об нем в той басне намаралось.
Болван дрожит, но басню чтет;
Прочел — Пииты был ответ:
«Не трусь! от сердца я вещаю,
Что я тебе прощаю;
Ты списывал меня, а вышел твой портрет».

(1797)

152. КАРТИНА

Уж ночь на Петербург спустила свой покров;
Уже на чердаках у многих из творцов
 Погасла свечка и курилась,
И их объятая восторгом голова
 На рифмы и слова
 Сама собой скатилась.
 Козлова ученик
 В своем уединеньи,
Сидевший с Гением в глубоком размысленьи,
 Вдруг слышит стук и крик:
«Где, где он? Там? А! Здесь?» — и видит пред собою
 Кого ж? — Князь Вѣтров шарк ногою!
«Слуга покорнейший! а я, оставя бал,
Заехал на часок за собственным к вам делом.
Я слышал, в городе вас все зовут Апеллом:
Не можете ли вы мне кистию своей
Картину написать? да только поскорей!
Вот содержание: Гимен, то есть бог брака,
Не тот, что пишется у нас сапун, зевака,
Иль плакса, иль брюзга, но легкий, милый бог,
Который бы привлечь и труженика мог, —
Гимен и с ним Амур, всегда в восторге новом,
Веселый, миленький, и живчик одним словом,
Взяв за руки меня, подводят по цветам,
 Разбросанным по всем местам,
К прекрасной девушке, боготворимой мною —
Я завтра привезу портрет ее с собою, —
Владычица моя, в пятнадцатой весне,
 Вручает розу мне;

Вокруг нее толпой Забавы, Игры, Смехи;
 Вдали ж, под миртами, престол любви, утехи,
 Усыпан розами и весь почти в тени
 Дерев, где ветерок заснул среди листочков...
 Да! не забыть притом и страстных голубочков —
 Вот слабый вам эскиз! Чрез два, четыре дни
 Картина, думаю, уж может быть готова;
 О благодарности ж моей теперь ни слова:
 Докажет опыт вам — прощайте!» И — исчез.
 Проходит ночь; с зарей, разлившей свет с небес,
 Художник наш за кисть — старается, трудится:
 Что ко́ лбу перст, то мысль родится,
 И что черта,
 То нова красота.
 Уже творец картины
 Свершил свой труд до половины,
 Как вдруг
 Почувствовал недуг,
 И животворна кисть из слабых рук упала.
 Минута между тем желанная настала:
 Князь Ветров женится, хотя картины нет.
 Уже он райские плоды во браке жнет;
 Что день, то новый дар в возлюбленной княгине;
 Мила, божественна, при всех и нае́дне.
 Уж месяц брака их протек
 И Апеллесову болезнь с собой увлек.
 Благодаря судьбину,
 Искусник наш с постели встал,
 С усердьем принялся дописывать картину
 И в три дни дописал.
 Божественный талант! изящное искусство!
 Какой огонь! какое чувство!
 Но полно, поспешим мы с нею к князю в дом.
 Князь вышел в шлафроке, нахлучен колпаком,
 И, сонными взглянув на живопись глазами:
 «Я более, — сказал, — доволен был бы вами,
 Когда бы выдумка была
 Не столь игрива, весела.
 Согласен я, она нежна, остра, прекрасна;
 Но для женатого... уж слишком любострастна!
 Не можно ли ее поправить как-нибудь?..
 Какой мороз! моя ужасно терпит грудь.

Прощайте!» Апеллес, расставшись с сумасбродным,
 Засел картину поправлять
 С терпением, артисту сродным;
 Иное в ней стирать, иное убавлять,
 Соображая с последним князя вкусом.
 Три месяца пробыв картина под искусом,
 Представилась опять сиятельным глазам;
 Но, ах! знать, было так угодно небесам:
 Сиянье их совсем затмилось,
 И уж почти ничто в картине не годилось.
 «Возможно ль? .. Это я? —
 Вскричал супруг почти со гневом, —
 Вы сделали меня совсем уже *Хоревом*,¹
 Уж слишком пламенным... да и жена моя
 Здесь сущая Венера!
 Нет, не прогневайтесь, во всем должна быть мера!»
 Так о картине князь судил,
 И каждый день он в ней пороки находил.
 Чем более она висела,
 Тем более пред ним погрешностей имела;
 Тем строже перебор от князя был всему:
 Уже не взммилились и Грации ему,
 Потом и одр любви, и миртовы кусточки;
 Потом и нежные слетели голубочки;
 Потом и Смехи все велел закрасить он,
 А наконец, увы! вспорхнул и Купидон.

1790

153. МОДНАЯ ЖЕНА

Ах, сколько я в мой век бумаги исписал!
 Той песню, той сонет, той лестный мадригал;
 А вы, о нежные мужья под сединою!
 Ни строчкой не были порадованы мною.
 Простите в том меня; я молод, ветрен был,
 Так диво ли, что вас забыл?
 А ныне вяну сам, на лбу моем морщины
 Велят уже и мне

¹ Действующее лицо в трагедии г. Сумарокова.

Подобной вашей ждате судьбины
И о Цитерской стороне
Лишь в сказках вспоминать; а были, небылицы,
Я знаю, старикам разглаживают лица.
Так слушайте меня, я сказку вам начну
Про модную жену.

Пролаз в течение полвека
Всё полз да полз, да бил челом,
И наконец таким невинным ремеслом
Дополз до степени известна человека,
То есть стал с именем, — я говорю ведь так,
Как говорится в свете:
То есть стал ездить он шестеркою в карете;
Потом вступил он в брак
С пригожей девушкой, которая жить умела,
Была умна, ловка
И старика
Вертела как хотела;
А старикам такой закон,
Что если кто из них вскружит себя вертушкой,
То не она уже, а он
Быть должен наконец игрушкой;
Хоть рад, хотя не рад,
Но поступать с женою в лад
И рубль подчас считать полушкой.
Пролаз хотя пролаз, но муж, как и другой,
И так же, как и все, ценою дорогой
Платил жене за нежны ласки;
Узнал и он, что блонды, каски,
Что креп, лино-батист, тамбурна кисея.
Однажды быв жена — вот тут беда моя!
Как лучше изъяснить, не приберу я слова —
Не так чтобы больна, не так чтобы здорова,
А так... ни то ни се... как будто не своя,
Супругу говорит: «Послушай, жизнь моя,
Мне к празднику нужна обнова.
Пожалуй, у мадам Бобри купи тюрбан;
Да слушай, душенька, мне хочется экран
Для моего камина;
А от нее ведь три шага
До английского магазина;

Да если б там еще... нет, слишком дорого!
А ужась как мила!» — «Да что, мой свет, такое?»
— «Нет, папенька, так, так, пустое...
По чести, мне твоих расходов жаль».
— «Да что, скажи, откройся смело;
Расходы знать мое, а не твое уж дело».
— «Меня... стыжусь... пленила шаль;
Послушай, ангел мой! она такая точно,
Какую, помнишь ты, выписывал нарочно
Князь для княгини, как у князя праздник был».
С последним словом прыг на шею
И чок два раза в лоб, примолвя: «Как ты мил!»
— «Изволь, изволь, я рад со всей моей душею
Услуживать тебе, мой свет! —
Был мужнин ей ответ. —
Карету!.. Только вряд поспеть уж мне к обеду!
Да я... в Дворянский клуб оттоле заверну».
— «Ах, мой жизнёночек! как тешишь ты жену!
Ступай же, Ваничка, скорее». — «Еду, еду!»
И Ваничка седой,
Простясь с женою молодой,
В карету с помощью двух долгих слуг втащился,
Сел, крикнул, покатился.
Но он лишь со двора, а гость к нему на двор —
Угодник дамский, Миловзор,
Взлетел на лестницу и прямо порх к уборной.
«Ах! я лишь думала! как мил!» — «Слуга покорный».
— «А я одна». — «Одне? тем лучше! где же он?»
— «Кто? муж?» — «Ваш нежный Купидон».
— «Какой, по чести, ты ругатель!»
— «По крайней мере я всех милых обожатель.
Однако ж, это ведь не ложь,
Что друг мой на него хоть несколько похож».
— «То есть он так же стар, хотя не так прекрасен».
— «Нет! Я вам докажу». — «О! этот труд напрасен».
— «Без шуток, слушайте: тот слеп, а этот крив;
Не сходны ли ж они!» — «Ах, как ты злоречив!»
— «Простите, перестану...
Да! покажите мне диванну:
Ведь я еще ее в отделке не видал;
Уж, верно, это храм! храм вкуса». — «Отгадал».
— «Конечно, и... любви?» — «Увы! еще не знаю».

Угодно поглядеть?» — «От всей души желаю».
О бедный муж! спеши, иль после не тужи,
И от дивана ключ в кармане ты держи:

Диван для городской вострушки,
Когда на нем она сам-друг,
Опаснее, чем для пастушки
Средь рощицы зеленый луг.

И эта выдумка диванов,
По чести, месть нам от султанов!

Но как ни рассуждай, а Миловзор уж там,
Рассматривает всё, любитесь, дивится;
Амур же, прикорнув на столике к часам,
Приставил к стрелке перст, и стрелка не вертится,
Чтоб двум любовникам часов досадный бой
Не вспоминал того, что скоро возвратится
Вулкан домой.

А он как *в руку сон!* . . Судьбы того хотели!
На тяжких верях ворота заскрипели,
Бич хлопнул, и супруг с торжественным лицом
Явился на конях усталых пред крыльцом.
Уж он на лестнице, таща в руках покупку,
Торопится свою обрадовать голубку;
Уж он и в комнате, а верная жена
Сидит, не думая об нем, и не одна.
Но вы, красавицы, одной с Премилой масти,
Не ахайте об ней и успокойте дух!
Ее пенаты с ней, так ей ли ждать напасти?
Фиделька резвая, ее надежный друг,

Которая лежала,
Свернувшись клубком,

На солнышке перед окном,
Вдруг встрепенулася, вскочила, побежала
К дверям и, как разумный зверь,
Приставила ушко, потом толк лапкой в дверь,
Ушла и возвратилась с лаем.

Тогда ж другой пенат, зовомый попугаем,
Три раза вестовой из клетки подал знак,
Вскричавши: «Кто пришел? дурак!»
Премила вздрогнула, и Миловзор подобно;
И тот и та — о время злобно!

О непредвиденна беда! —
Бросаясь туда, сюда,

Решились так, чтоб ей остаться,
 А гостю спрятаться хотя позадь дверей.
 О женщины! могу признаться,
 Что вы гораздо нас хитрей!
 Кто мог бы отгадать, чем кончилась тревога?
 Муж, в двери выставя расцветшие два рога,
 Вошел в диванную и видит, что жена
 Вполглаза на него глядит сквозь тонка сна;
 Он ближе к ней — она проснулась,
 Зевнула, потянулась;
 Потом,
 Простерши к мужу руки:
 «Каким же, — говорит ему, — я крепким сном
 Заснула без тебя от скуки!
 И знаешь ли, что мне
 Привиделось во сне?
 Ах! и теперь еще в восторге утопаю!
 Послушай, миленький! лишь только засыпаю,
 Вдруг вижу, будто ты уж более не крив;
 Ну, если этот сон не лжив?
 Позволь мне испытать». — И вмиг, не дав супругу
 Придти в себя, одной рукой
 Закрыла глаз ему — здоровый, не кривой, —
 Другою же на дверь указывая другу,
 Пролазу говорит: «Что? видишь ли, мой свет?»
 Муж отвечает: «Нет!»
 — «Ни крошечки?» — «Нимало;
 Так тёмно, как теперь, еще и не бывало».
 — «Ты шутишь?» — «Право, нет; да дай ты мне
 взглянуть».
 — «Прелестная мечта! — Лукреция вскричала, —
 Зачем польстила мне, чтоб после обмануть!
 Ах! друг мой, как бы я желала,
 Чтобы один твой глаз
 Похож был на другой!» — Пролаз,
 При нежности такой, не мог стоять болваном;
 Он сам разнежился и в радости души
 Супругу наградил и шалью и тюрбаном.
 Пролаз! ты этот день во святцах запиши.
 Пример согласия! Жена и муж с обновой!
 Но что записывать? Пример такой не новый.

154. ПРИЧУДНИЦА

В Москве, которая и в древни времена
Прелестными была обильна и славна,
Не знаю подлинно, при коем государе,
А только слышал я, что русские бояре
Тогда уж бросили запоры и замки,
Не запирали жен в высоки чердаки,
Но, следуя немецкой моде,
Уж позволяли им в приятной жить свободе;
И светская тогда жена
Могла без опасенья
С домашним другом, иль одна,
И на качелях быть в день светла воскресенья,
И в кукольный театр от скуки завернуть,
И в роще Марьиной под тенью отдохнуть, —
В Москве, я говорю, Ветрана процветала.
Она пригожеством лица,
Здоровьем и умом блистала,
Имела мать, отца,
Имела лестну власть щелчки давать супругу,
Имела, словом, всё: большой тесовый дом,
С берлинами сарай, изрядную услугу,
Гуслиста, карлицу, шутов и дур содом
И даже двух сорок, которые болтали
Так точно, как она, — однако ж меньше знали.
Ветрана куколкой всегда разряжена
И каждый день окружена
Знакомыми, родней и нежными сердцами;
Но все они при ней казались быть льстецами,
Затем что всяк из них завидовал то ей,
То цугу вороных коней,
То парчевому ее платью,
И всяк хотел бы жить с такою благодатью.
Одна Ветрана лишь не ведала цены
Всех благ, какие ей фортуною даны;
Ни блеск, ни дружество, ни пляски, ни забавы,
Ни самая любовь — ведь есть же на свету
Такие чудны нравы! —
Не трогали мою надменну красоту.
Ей царствующий град казался пуст и скучен,
И всяк, кто ни был ей знаком,

С каким-нибудь да был пятном:
«Тот глуп, другой урод, тот *ужас*¹ неразлучен,
Сердечкин ноет всё, вздыханьем гонит вон,
Такой-то всё молчит и погружает в сон,
Та всё чинится, та болтлива;
А эта слишком зла, горда, самолюбива».
Такой отзыв ее знакомых всех отбил!

Родня и друг ее забыл,
Любовник разлюбил;

Приезд к пригоженькой невесте
Час от часу стал реже, реже —

Осталась наконец лишь с гордостью одной:
Утешно ли кому с подругой жить такой,
Надутой, но пустой?

Она лишь пучит в нас, а не питает душу!
Пожалуй, я в глаза сказать ей то не струшу.
Итак, Ветрана с ней сначала ну зевать,
Потом уж и грустить, потом и тосковать,
И плакать, и гонцов повсюду рассылать
За крестной матерью; а та, извольте знать,
Чудесной силою неведомой науки
Творила на Руси неслыханные штуки!
О, если бы восстал из гроба ты в сей час,
Драгунский витязь мой, о ротмистр Брамербас,
Ты, бывший столько лет в Малороссийском крае
Игралищем злых ведьм! . . Я помню, как во сне,
Что ты рассказывал еще ребенку мне,

Как ведьма некая в сарае,
Оборотя тебя в драгунского коня,
Гуляла на хребте твоём до полуночи,
Доколе ты уже не выбился из мочи;
Каким ты ужасом разил тогда меня!
С какой бывало ты рассказывал размашкой,
В колете палевом и в длинных сапогах,
За круглым столиком дрожащим с чайной чашкой!
Какой огонь тогда пылал в твоих глазах!
Как волосы твои, седые с желтиною,
В природной простоте взвевали по плечам!
С каким безмолвием ты был внимаем мною!
В подобном твоему я страхе был и сам,

¹ Слово, употребительное и поныне в губерниях.

Стоял как вкопанный, тебя глазами мерил
И что уж ты не конь. . . еще тому не верил!
О, если бы теперь ты, витязь мой, воскрес,
Я б смелый был певец неслыханных чудес!
Не стал бы истину я закрывать под маску, —
Но, ах, тебя уж нет, и быль идет за сказку.
Простите! виноват! немного отступил;
Но, истинно, не я, восторг причиной был;
Однако я клянусь моим Пермесским богом,
Что буду продолжать обыкновенным слогом;
Итак, дослушайте ж. Одижды, вечерком,
Сидит, облокотясь, Ветрана под окном
И, возведя свои уныло-ясны очи
К задумчивой луне, сестрице смуглой ночи,
Грустит и думает: «Прекрасная луна!
Скажи, не ты ли та счастливая страна,

Где матушка моя ликует?

Увы! Неужель ей, которой небеса
Вручили власть творить различны чудеса,
Неведомо теперь, что дочь ее тоскует,
Что крестница ее оставлена от всех
И в жизни никаких не чувствует утех?
Ах, если бы она хоть глазки показала!»
И с этой мыслью вдруг Всеведа ей предстала.
«Здорово, дитятко! — Ветране говорит. —
Как поживаешь ты? . . Но что твой кажет вид?

Ты так стара! так похудела!

И, бывши розою, как лилия бледна!
Скажи мне, отчего так скоро ты созрела?
Откройся. . .» — «Матушка! — отвечает она, —

Я жизнь мою во скуке трачу,
Настанет день — тоскую, плачу,
Покроет ночь — опять грущу,
И всё чего-то я ищу».

— «Чего же, светик мой? или ты нездорова?»

— «О нет, грешно сказать». — «Иль дом ваш небогат?»

— «Поверьте, не хочу ни мраморных палат».

— «Иль муж обычая лихого?»

— «Напротив, вряд найти другого,

Который бы жену столь горячо любил».

— «Иль он не нравится?» — «Нет, он довольно мил».

— «Так разве от своих знакомых беспокойна?»

— «Я более от них любима, чем достойна».

— «Чего же, глупенька, тебе недостает?»

— «Признаться, матушка, мне так наскучил свет,
 И так я всё в нем ненавижу,
 Что то одно и сплю и вижу,
 Чтоб как-нибудь попасть отсель
 Хотя за *тридевять* земель;
 Да только чтобы всё в глазах моих блистало,
 Всё новостию поражало
 И редкостью мой ум и взор;
 Где б разных дивностей собор
 Представил быль как небылицу. . .
 Короче: дай свою увидеть мне столицу!»
 Старуха хитрая, кивая головой,
 «Что делать, — мыслила, — мне с просьбою такой?
 Желанье дерзко. . . безрассудно,
 То правда; но его исполнить мне не трудно;
 Зачем же дурочку отказом огорчить! . .
 К тому ж я тем могу ее и поучить».

«Изрядно! — наконец сказала. —
 Исполнится, как ты желала».

И вдруг, о чудеса!
 И крестница и мать взвились под небеса
 На лучезарной колеснице,
 Подобной в быстроте синице,
 И меньше, нежели в три мига,
 Спустились в новый мир, от нашего отменный,
 В котором трон весне воздвигнут неизменный!
 В нем реки как хрусталь, как бархат берега,
 Деревья яблонны, кусточки ананасны,
 А горы все или янтарны, иль топазны.
 Каков же феин был дворец — признаться вам,
 То вряд изобразит и Богданович¹ сам.
 Я только то скажу, что все материалы
 (А впрочем, выдаю я это вам за слух),
 Из коих феин кум, какой-то славный дух,
 Дворец сей сгромоздил, лишь изумруд, опалы,
 Порфир, лазурь, пироп, кристалл,
 Жемчуг и лалл,
 Все, словом, редкости богатая природы.

¹ Автор поэмы «Душенька».

Какими свадебны набиты русски оды;
А сад — поверите ль? — не только описать
Иль в сказке рассказать,
Но даже и во сне его нам не видать.
Пожалуй, выдумать нетрудно,
Но всё то будет мало, скудно,
Иль много-много, что во тьме кудрявых слов
Удастся Сарское село себе представить,
Армидин сад иль Петергоф;
Так лучше этот труд оставить
И дале продолжать. Ветрана, николи
Диковинок таких не видя на земли,
Со изумленьем все предметы озирает
И мыслит, что мечта во сне над ней играет;
Войдя же в храмины чудесницы своей,
И пуще щурится: то блеск от хрусталей,
Сребристыя луны сражаяся с лучами,
Которые б почлись за солнечные нами,
Как яркой молнией слепит Ветранин взор;
То перламутр хрустит под ней или фарфор...
Ахти! Опять понес великолепный вздор!
Но быть уж так, когда пустился.
Итак, переступя один, другой порог,
Лишь к третьему пришли, богатый вдруг чертог
Не ветерком, но сам собою растворился!
«Ну, дочка, поживай и веселися здесь! —
Всеведа говорит. — Не только двор мой весь,
Но даже и духов подземных и воздушных,
Велениям моим послушных,
Даю во власть твою; сама же я, мой свет,
Отправлюся на мало время —
Ведь у меня забот беремя —
К сестре, с которою не виделась сто лет;
Она недалеко живет отсюда — в Коле;
Да по дороге уж оттоле
Зайду и к брату я,
Камчатскому шаману.
Прощай, душа моя!
Надеюсь, что тебя довольнее застану».
Тут коврик-самолет она подостлала,
Ступила, свистнула и вмиг из глаз ушла.
Как будто бы и не была.

А удивленная Ветрана,
 Как новая Диана,
 Осталась между нимф, исполненных зараз;
 Они тотчас ее под ручки подхватили,
 Помчали и за стол роскошный посадили,
 Какого и *видом не видано* у нас.
 Ветрана кушает, а девушки прекрасны,
 Из коих каждая почти как ты. . . мила,
 Поджавши руки вокруг стола,
 Поют ей арии веселые и страстные,
 Стараясь слух ее и сердце услаждать.
 Потом, она едва задумала вставать,
 Вдруг — девушек, стола не стало,
 И залы будто не бывало:
 Уж спальней сделалась она!
 Ветрана чувствует приятно томность сна,
 Спускается на пух, из роз в сплетенном нише;
 И в тот же миг смычок невидимый запел,
 Как будто бы сам Диц за пологом сидел;
 Смычок час от часу пел тише, тише, тише,
 И вместе наконец с Ветраною уснул.
 Прошла спокойна ночь; Натура пробудилась;
 Зефир вспорхнул,
 И жертва от цветов душистых воскурилась;
 Взыграл и солнца луч, и голос соловья,
 Слиянный с сладостным журчанием ручья
 И с шумом резвого фонтана,
 Воспел: «Проснись, проснись, счастливая Ветрана!»
 Она проснулась — и спальная уж сад,
 Жилище райское веселий и прохлад!
 Повсюду чудеса Ветрана обретала:
 Где только ступит лишь, тут роза расцветала;
 Здесь рядом перед ней лимонны деревья,
 Там миртовый кусток, там нежна мурава
 От солнечных лучей, как бархат, отливает;
 Там речка по песку златому протекает;
 Там светлого пруда на дне
 Мелькают рыбки золотые;
 Там птички гимн поют природе и весне,
 И попугаи голубые
 Со эхом взапуски твердят:
 «Ветрана! насыщай свой взгляд!»

А к полдням новая картина:
Сад превратился в храм,
Украшенный по сторонам
Столпами из рубина,
И с сводом в виде облаков
Из разных в хрустале цветов.
И вдруг от свода опустился
На розовых цепях стол круглый из серебра
С такою ж пищей, как вчера,
И в воздухе остановился;
А под Ветраной очутился
С подушкой бархатною трон,
Чтобы с него ей кушать,
И пение, каким гордился б Амфион,
Тех нимф, которые вчера служили, слушать.
«По чести, это рай! Ну, если бы теперь, —
Ветрана думает, — подкрался в эту дверь. . .»
И, слова не скончав, в трюмо она взглянула,
Сошла со трона и вздохнула!
Что делала потом она во весь тот день,
Признаться, сказывать и лень,
И не умеется, и было бы некстате;
А только объявлю, что в этой же палате,
Иль в храме, как угодно вам,
Был и вечерний стол, приличный лишь богам,
И что наутро был день новых превращений
И новых восхищений;
А на другой день то ж. «Но что это за мир? —
Ветрана говорит, гармонии внимая
Висящих по стенам золотострунных лир. —
Всё эдак, то тоска возьмет и среди рая!
Всё чудо из чудес, куда ни поглядишь;
Но что мне в том, когда товарища не вижу?
Увы! я пуще жизнь мою возненавижу!
Веселье веселит, когда его делишь».
Лишь это вымолвить успела,
Вдруг набежала тьма, встал вихорь, грянул гром,
Ужасна буря заревела;
Всё рушится, падет вверх дном,
Как не бывал волшебный дом;
И бедная Ветрана,
Бледна, безгласна, бездыханна,

Стремглав летит, летит, летит —
И где ж, вы мыслите, упала?
Средь страшных Муромских лесов,
Жилища ведьм, волков,
Разбойников и злых духов!
Ветрана возрыдала,
Когда, опомнившись, узнала,
Куда попалася она;
Все жилки с страха в ней дрожали!
Ночь адская была! Ни звезды, ни луна
Сквозь черного ее покрова не мелькали;
Всё спит!

Лишь воет ветер, лишь лист шумит,
Да из дупла в дупло сова перелетает,
И изредка в глуши кукушка занывает.
Сиротка думает, идти ли ей иль нет,
И ждать, когда луны забрезжит бледный свет?
Но это час воров! Итак, она решилась
Не мешкая идти; итак, перекрестилась,
Вздохнула и пошла по вязкому песку
Со страхом и тоскою;
Бледнеет и дрожит, лишь ступит шаг ногою;
Там предвещает ей последний час *ку-ку!*
Там леший выставил из-за деревьев роги;
То слышится *ау*; то вспыхнул огонек;
То ведьма кошкою бросается с дороги,
Иль кто-то скрылся за пенек;
То по лесу раздался хохот,
То вой волков, то конский топот.
Но сердце в нас вещун: я сам то испытал,
Когда мои стихи в журналы отдавал;
Недаром и Ветрана плачет!
Уж в самом деле кто-то скачет
С рогатиной в руке, с пищалью за плечьями.
«Стой! стой! — он гаркает, сверкаячи очьми, —
Стой! кто бы ты ни шел, по воле иль неволе;
Иль света не увидишь боле! . . .
Кто ты?» — нагнав ее, он грозно продолжал;
Но видя, что у ней страх губы оковал,
Берет ее в охапку
И поперек кладет седла,
А сам, надвинув шапку,

Припав к луке, летит, как из лука стрела,
 Летит, исполненный отваги,
 Через холмы, горы и овраги,
 И, Клязьмы доскакав высоких берегов,
 Бух прямо с них в реку, не говоря двух слов;
 Ветрана ж: ах!.. и пробудилась —
 Представьте, как она, взглянувши, удивилась!
 Вся горница полна людей:
 Муж в головах стоял у ней;
 Сестры и тетушки вокруг ее постели
 В безмолвии сидели;
 В углу приходский поп молился и читал;
 В другом углу колдун *досужий*¹ бормотал;
 У шкафа ж, за столом, вощанкою накрытым,
 Прописывал рецепт хирургус из немчин,
 Который по Москве считался знаменитым,
 Затем что был один.
 И все собрание, Ветраны с первым взором:
 «Очнулась!» — возгласило хором;
 «Очнулась!» — повторяет хор;
 «Очнулась!» — и весь двор
 Запрыгал, заплясал, воскликнул: «Слава богу!
 Боярыня жива! нет горя нам теперь!»
 А в эту самую тревогу
 Вошла Всеведа в дверь
 И бросилась к Ветране.
 «Ах, бабушка! зачем явилась ты не ране? —
 Ветрана говорит. — Где это я была?
 И что я видела?.. Страх... ужас!» — «Ты спала,
 А видела лишь бред, — Всеведа отвечает. —
 Прости, — развеселясь, старуха продолжает, —
 Прости мне, милая! Я видела, что ты
 По молодости лет ударилась в мечты;
 И для того, когда ты с просьбой приступила,
 Трехсуточным тебя я сном обворожила
 И в сновидениях представила тебе,
 Что мы, всегда чужой завидуя судьбе
 И новых благ желая,
 Из доброй воли в ад влечем себя из рая.

¹ В старину их называли *досужими*. См. Ядро Росс. Истор(ии) кн. Хилкова.

Где лучше, как в своей родимой жить семье?
Итак, вперед страшись ты покидать ее!
Будь добрая жена и мать чадолюбива,
И будешь всеми ты почтенна и счастлива».
С сим словом бросилась Ветрана обнимать
Супруга, всех родных и добрую Всеведу;
Потом все сродники приглашены к обеду;
Наехали, нашли и сели пировать.
Уж лицец зашипел, всё стало веселее,
Всяк пьет и говорит, любуясь на бокал:
«Что матушки Москвы и краше и милее?» —
Насилу досказал.

1794

155. ИСКАТЕЛИ ФОРТУНЫ

Кто на своем веку Фортуны не искал?
Что, если б силою волшебною какую
Всевидающим я стал
И вдруг открылись предо мною
Все те, которые и едут, и ползут,
И скачут, и плывут,
Из царства в царство рыщут,
И дочери Судьбы отменной красоты
Иль убегающей мечты
Без отдыха столь жадно ищут?
Бедняжки! жаль мне их: уж, кажется, в руках. . .
Уж сердце в восхищеньи бьется. . .
Вот только что схватить. . . хоть как, так увернется,
И в тысяче уже верстах!
«Возможно ль, — многие, я слышу, рассуждают, —
Давно ль такой-то в нас искал?
А ныне как он пышен стал!
Он в счастии растет; а нас за грязь кидают!
Чем хуже мы его?» — Пусть лучше во сто раз,
Но что ваш ум и всё? Фортуна ведь без глаз;
А к этому прибавим:
Чин стоит ли того, что для него оставим
Покой, покой души, дар лучший всех даров,
Который в древности уделом был богов?
Фортуна женщина: умерьте вашу ласку,

Не бегайте за ней, сама смягчится к вам.
Так милый Лафонтен давал советы нам
И сказывал в пример почти такую сказку.

В деревне ль, в городке,
Один с другим невдалеке,
Два друга жили;
Ни скудны, ни богаты были.
Один всё счастье ставил в том,
Чтобы нажить огромный дом,
Деревни, знатный чин — то и во сне лишь видел;
Другой богатств не ненавидел,
Однако ж их и не искал,
А каждую ночь покойно спал.

«Послушай, — друг ему однажды предлагает, —
На родине никто пророком не бывает;
Чего ж и нам здесь ждать? — со временем сумы.

Поедем лучше мы
Искать себе добра; войти, сказать умеем;
Авось, и мы найдем, авось, разбогатеем».

— «Ступай, — сказал другой, —
А я остануся; мне дорог мой покой,
И буду спать, пока мой друг не возвратится».

Тщеславный этому дивится
И едет. На пути встречает цепи гор,
Встречает много рек, и напоследок встретил
Ту самую страну, куда издавна метил:
Любимый уголок Фортуны, то есть двор;
Не дожидаясь ни зову, ни наряду,

Пристал к нему и по обряду
Всех жителей его он начал посещать:
Там стрелкою стоит, не смея и дышать,
Здесь такает из всей он мочи,
Тут шепчет на ушко; короче: дни и ночи
Наш витязь сам не свой;
Но всё то было втуне!

«Что за диковинка! — он думает. — Стой, стой,
Да слушай об одной Фортуне,
А сам всё ничего!

Нет, нет! такая жизнь несноснее всего.
Слуга покорный вам, господчики, прощайте,
И впредь меня не ожидайте;
В Сурат, в Сурат лечу! я слышал в сказках, там

Фортуне с давних лет курится фимиам. . .»
Сказал, прыгнул в корабль, и волны забелели.

Но что же? — не прошло недели,
Как странствователь наш отправился в Сурат,
А часто, часто он поглядывал назад,
На родину свою. Корабль то загорался,
То на мель попадал, то в хляби погружался;
Всечасно в трепете, от смерти на вершок;
Бедняк бесился, клял — известно, лютый рок,
Себя, и всем, и всем изрядна песня пета!
«Безумцы! — он судил, — на край приходим света
Мы смерть ловить, а к ней и дома три шага!»
Синеют между тем Индийски берега,
Попутный дунул ветер; по крайней мере кстате
Пришло мне так сказать, и он уже в Сурате!
«Фортуна здесь?» — его был первый всем вопрос.

«В Японии», — сказали.

«В Японии? — вскричал герой, повеся нос. —
Быть так! плыву туда». — И поплыл; но к печали,
Разъехался и там с Фортуною слепой!

«Нет! полно, — говорит, — гоняться за мечтой».

И с первым кораблем в отчизну возвратился.

Завидя издали отеческих богов,

Родимый ручеек, домашний милый кров,

Наш мореходец прослезился

И, от души вздохнув, сказал:

«Ах! счастлив, счастлив тот, кто лишь по слуху знал

И двор, и океан, и о слепой богине!

Умеренность! с тобой раздолье и в пустыне».

Итак, с восторгом он и в сердце и в глазах

В отчизну наконец вступает;

Летит ко другу, — что ж? как друга обретает?

Он спит, а у него Фортуна в головах!

1794

156. ВОЗДУШНЫЕ БАШНИ

Утешно вспоминать под старость детски леты,

Забавы, резвости, различные предметы,

Которые тогда увеселяли нас!

Я часто и в гостях хозяев забываю;

Сижу повеся нос; нет ни ушей, ни глаз;
 Все думают, что я взмогился на Парнас;
 А я . . . признаться вам, игрушкой играю,
 Которая была
 Мне в детстве так мила;
 Иль в память привожу, какую мне отрадой
 Бывал тот день, когда, урок мой окончав,
 Набегаясь в саду, уставши от забав
 И бросаюсь на постель, займусь *Шехеразодой*.¹
 Как сказки я ее любил!
 Читая их . . . прощай, учитель,
 Симбирск и Волга! . . . всё забыл!
 Уже я всей вселенны зритель
 И вижу там и сям и карлов, и духов,
 И визирей рогатых,
 И рыбок золотых, и лошадей крылатых,
 И в виде кадиев волков.
 Но сколько нужно слов,
 Чтоб всё пересчитать, друзья мои любезны!
 Не лучше ль вам я угожу,
 Когда теперь одну из сказочек скажу?
 Я знаю, что они неважны, бесполезны;
 Но всё ли одного полезного искать?
 Для сказки и того довольноно,
 Что слушают ее без скуки, добровольно
 И может иногда улыбку с нас сорвать.
 Послушайте ж. Во дни иль самого Могола,
 Или наследника его престола,
 Не знаю, города какого мещанин,
 У коего детей — один был только сын,
 Жил, жил, и наконец, по постоянной моде,
 Последний отдал долг, как говорят, природе,
 Оставя сыну дом
 Да денег с сотню драхм, не боле.
 Сын, проводя отца на общее всем поле,
 Поплакал, погрустил, потом
 Стал думать и о том,
 Как жить своим умом.
 «Дай, — говорит, — куплю посуды я хрустальной
 На всю мою казну

¹ Лицо из арабских сказок «Тысяча и одна ночь».

И ею торговать начну;
 Сначала в малый торг, а там — авось и в дальний!»
 Сказал и сделал так; купил себе лубков,
 Построил лавочку; потом купил тарелок,
 Чаш, чашек, чашечек, кувшинов, пузырьков,
 Бутылей — мало ли каких еще безделок! —
 Всё, всё из хрусталя! Склал в короб весь товар
 И в лавке на полу поставил;
 А сам хозяин Альнаскар,
 Ко стенке прислонясь, глаза свои устави́л
 На короб и с собой вслух начал рассуждать.
 «Теперь, — он говорит, — и Альнаскар купчина!
 И Альнаскар пошел на стать!
 Надежда, счастье и будуща судьбина,
 Иль лучше, вся моя казна
 Здесь в коробе погребена —
 Вот вздор какой мелю! — погребена? . . . пустое!
 Она плодится в нем и, верно, через год
 Прибудет с барышом по крайней мере вдвое;
 Две сотни — хоть куда изрядненький доход!
 На них. . . еще куплю посуды; лучше тише —
 И через год еще две сотни зашибу
 И также в короб погребу.
 И так год от году всё выше, выше, выше,
 Могу я, наконец, уж быть и в десяти
 И более — тогда скажу моим товарам
 С признательною к ним улыбкою: прости!
 И буду. . . ювелир! Боярыням, боярам
 Начну я продавать алмазы, изумруд,
 Лазурь и яхонты и. . . и — всего не вспомню!
 Короче: золотом наполню
 Не только лавку, целый пруд!
 Тогда-то Альнаскар весь разум свой покажет!
 Накупит лошадей, невольниц, дач, садов,
 Евнухов и домов
 И дружбу свяжет
 С знатнейшими людьми:
 Их дружба лишь на взгляд спесива;
 Нет! только кланяйся да хорошо корми,
 Так и полюбишься — она неприхотлива;
 А у меня тогда
 Все тропки порастут персидским виноградом;

Шербет польется как вода;
Фонтаны брызнут лимонадом,
И масло розово к услугам всех гостей.
А о столе уже ни слова:
Я только то скажу, что нет таких затей,
Нет в свете кушанья такого,
Какого у меня не будет за столом!
И мой великолепный дом
Храм будет роскоши для всех, кто мне любезен
Иль властью своей полезен;
Всех буду угощать: пашей, наложниц их,
Плясавиц, плясунов и кадиев лихих —
Визирских подлипал. И так умом, трудами,
А боле с знатными водясь господами,
Легко могу войти в чины и в знатный брак. . .
Прекрасно! точно так!
Вдруг гряну к визирю, который красотою
Земиры-дочери по Азии гремит;
Скажу ему: «Вступи в родство со мною;
Будь тесть мой!» Если он хоть чуть зашевелит
Противное губами,
Я вспыхну, и тогда прощайся он с усами!
Но нет! Визирска дочь так верно мне жена,
Как на небе луна;
И я, по свадебном обряде,
Наутро, в праздничном наряде,
Весь в камнях, в жемчуге и в злате, как в огне,
Поеду избочась и гордо на коне,
Которого чепрак с жемчужной бахромою
Унизан бирюзою,
В дом к тестю визирю. За мной и предо мною
Потянутся мои евнухи по два в ряд.
Визирь, еще вдали завидя мой парад,
Уж на крыльце меня встречает
И, в комнаты введя, сажает
По праву руку на диван,
Среди курений благовонных.
Я, севши важно, как султан,
Скажу ему: «Визирь! вот тысяча червонных,
Обещанные мной тебе за перву ночь!
И сверх того еще вот пять, во уверенье,

Сколь мне мила твоя прекраснейшая дочь,
А с ними и мое прими благодаренье».
Потом три кошелька больших ему вручу
И на коне стрелой к Земире полечу.
День этот будет днем любви и ликований,
А завтра. . . О восторг! о верх моих желаний!
Лишь солнце выпрыгнет из вод,
Вдруг пробуждаюсь я от радостного клика
И слышу: весь народ,
От млада до велика,
Толпами приваля на двор,
Кричит, составя хор:
«Да здравствует супруг Земиры!»
А в зале знатность: сераскиры,
Паши и прочие стоят
И ждут, когда войти с поклоном им велят.
Я всех их допустить к себе повелеваю
И тут-то важну роль вельможи начинаю:
У одного я руку жму,
С другим вступаю в разговоры,
На третьего взгляну, да и спиной к нему.
А на тебя, Абдул, бросаю зверски взоры!
Раскаешься тогда, седой прелюбодей,
Что разлучил меня с Фатимою моею,
С которой около трех дней
Я жил душою в душу!
О! я уже тебя не трушу,
А ты передо мной дрожишь,
Бледнеешь, падаешь, прах ног моих целуешь,
«Помилуй, позабудь прошедшее!» жужжишь. . .
Но нет прощенья! Лишь пуще кровь взволнуешь;
И я, уже владеть не в силах став собой,
Ну по щекам тебя, по правой, по другой!
Пинками!» — И в жару восторга наш мечтатель,
Визирский гордый зять, Земиры обладатель,
Ногою в короб толк: тот набок, а хрусталь
Запрыгал, зазвенел и — вдребезги разбился!
Итак, мои друзья, хоть жаль, хотя не жаль,
Но бедный Альнаскар — что делать! — разженился.

157. СТАРИК И ТРОЕ МОЛОДЫХ

Старик, лет семьдесят, рыл яму и кричал:
Добро бы строить, нет! садить еще хотел!

А трое молодцов, зевая на работу,

Смеялися над ним. «Какую же охоту

На старости бог дал!» —

Один из них сказал.

Другой прибавил: «Что ж? еще не опоздал!

Ковчег и большего терпенья стоил Ною».

— «Смешон ты, дедушка, с надеждою пустою! —

Примолвил третий Старику, —

Довольно, кажется, ты пожил на веку;

Когда ж тебе дожждаться

Под тению твоей рябинки прохлаждаться?

Ровесникам твоим и настоящий час

Неверен;

А *завтрем* льстить себя оставь уже ты нас».

Совет довольно здрав, довольно и умерен

Для мудреца в шестнадцать лет!

«Поверьте мне, друзья, — Старик сказал

в ответ, —

Что *завтре* ни мое, ни ваше;

Что парка бледная равно

Взирает на течение наше.

От провидения нам ведать не дано,

Кому из нас оно судило

Последнему взглянуть на ясное светило!

Не можете и вы надежны быть, как я,

Ниже на миг один. . . Работа же моя

Не мне, так детям пригодится;

Чувствительна душа и вчуже веселится.

Итак, вы видите, что мной уж собран плод,

Которым я могу теперь же наслаждаться

И *завтре*, может статься,

И далее. . . как знать? быть может, что и год.

Ах! может быть и то, что ваш безумец хилый

Застанет месяца восход

Над вашей, розами усыпанной. . . могилой!»

Старик предчувствовал: один, прельстясь

песком —

Конечно, золотым, — уснул на дне морском;

Другой под миртами исчез в цветущи лета;
А третий — дворянин, за честь к отмщенью скор,
Войдя с приятелем в театре в легкий спор,
За креслы, помнится. . . убит из пистолета.

(1795)

158. ЦАРЬ И ДВА ПАСТУХА

Какой-то государь, прогуливаясь в поле,
Раздумался о царской доле.
«Нет хуже нашего, — он мыслил, — ремесла!
Желал бы делать то, а делаешь другое!
Я всей душой хочу, чтоб у меня цвела
Торговля, чтоб народ мой ликовал в покое,
А принужден вести войну,
Чтоб защищать мою страну.
Я подданных люблю, свидетели в том боги,
А должен прибавлять еще на них налоги;
Хочу знать правду — все мне лгут.
Бояра лишь чины берут,
Народ мой стонет, я страдаю,
Советуюсь, тружусь, никак не успеваю;
Полсвета властелин — не веселюсь ничем!»
Чувствительный монарх подходит между тем
К пасущейся скотине;
И что же видит он? Рассыпанных в долине
Баранов, тощих до костей,
Овечек без ягнят, ягнят без матерей!
Все в страхе бегают, кружатся,
А псам и нужды нет: они под тень ложатся;
Лишь бедный мечется пастух:
То за бараном в лес во весь он мчится дух,
То бросится к овце, которая отстала,
То за любимым он ягненком побежит,
А между тем уж волк барана в лес тащит;
Он к ним, а здесь овца волчихи жертвой стала.
Отчаянный пастух рвет волосы, ревет,
Бьет в грудь себя и смерть зовет.
«Вот точный образ мой, — сказал
самовластитель, —
Итак, и смиренньих животных охранитель

Такими ж, как и мы, напастями окружен,
И он, как царь, порабощен!
Я чувствую теперь какую-то отраду». —
Так думая, вперед он путь свой продолжал,
Куда? и сам не знал;

И наконец пришел к прекраснейшему стаду.
Какую разницу монарх увидел тут!
Баранам счету нет, от жира чуть идут;
Шерсть на овцах как шелк и тяжестью их клонит;
Ягнятки, кто кого скорее перегонит,
Толпятся к маткиным питательным сосцам;
А пастушок в свирель под липою играет
И милую свою пастушку воспевает.

«Несдобровать, овечки, вам! —

Царь мыслит. — Волк любви не чувствует закона,
И пастуху свирель худая оборона». —
А волк и подлинно, откуда ни возьмись,
Во всю несется рысь;

Но псы, которые то стадо сторожили,
Вскочили, бросились и волка задавили;
Потом один из них ягненок догнал,
Который далеко от страха забежал,
И тотчас в кучку всех по-прежнему собрал;
Пастух же всё поет, не шевелясь нимало.
Тогда уже в царя терпения не стало.
«Возможно ль? — он вскричал. — Здесь множество

волков,

А ты один... умел сберечь большое стадо!»
— «Царь! — отвечал пастух, — тут хитрости не надо:
Я выбрал *добрых* псов».

(1802)

159. КАЛИФ

Против Калифова огромного дворца
Стояла хижина, без кровли, без крыльца,
Издавна ветхая и близкая к паденью,
Едва ль приличная и самому смиренью.
Согбенный старостью ремесленник в ней жил;
Однако он еще по мере сил трудился,
Ни злых, ни совести нимало не страшился
И *тихим вечером* своим доволен был.

Но хижиной его Визирь стал недоволен:
«Терпим ли, — он своим рассчитывал умом, —

Вид бедности перед дворцом?

Но разве государь сломать ее не волен?

Подам ему доклад, и хижине не быть».

На этот раз Визирь обманут был в надежде.

Доклад подписан так: *«Быть по сему; но прежде
Строенье ветхое купить».*

Послали Кадия с соседом торговаться;

Кладут пред ним на стол с червонцами мешок.

«Мне в деньгах нужды нет, — сказал им

простачок, —

А с домом ни за что неможно мне расстаться;

Я в нем родился, в нем скончался мой отец,

Хочу, чтоб в нем же бог послал и мне конец.

Калиф, конечно, самовластен,

И каждый подданный к нему подобострастен;

Он может при моих глазах

Развеять вмиг гнездо мое, как прах;

Но что ж последует? — Несчастливым слезы в пищу:

Я всякий день приду к родиму пепелищу;

Воссяду на кирпич с поникшей головой

Небесного под кровом свода

И буду пред отцом народа

Оплакивать мой жребий злой!»

Ответ был Визирю до слова пересказан,

А тот спешит об нем Калифу донести.

«Тебе ли, государь, отказ такой снести?

Ужель останется раб дерзкий не наказан?» —

Калифу говорил Визирь наедине.

«Да! — подхватил Калиф, — ответ угоден мне;

И я тебе повелеваю:

Впредь помня навсегда, что в правде нет вины,

Исправить хижину за счет моей казны;

Я с нею только жить в потомках уповаю;

Да скажет им дворец: такой-то пышно жил;

А эта хижина: он правосуден был!»

{1805}

160. РАЗБОРЧИВАЯ НЕВЕСТА

Была красавица, по имени Прията,
Знатна, богата,
Ловка и молода, притом и неглупа.
К ней обожателей охотно прилепилась
Несметная толпа,
Лишь с матерью она в собрание явилась;
На лучших женихов и летом и зимой
Пять лет, и более, был урожай большой.
Прията — душенька спесива,
На выбор милого некстати прихотлива
И на отказ скоро.
И свах и женихов ссылает со двора:
Тот ей по росту не угоден,
Тот сух, а тот дороден,
Тот слишком белокур или черноволос,
У этого короток нос;
Хотела, чтоб жених был у нее приятен,
Красавец, статен,
Умен, богат и знатен,
Не холоден и не ревнив.
Как договор такой довольно прихотлив, —
Первостатейные искатели отстали;
Места их женихи похуже заступали.
Тогда-то матушке изволит толковать
Прията: «Свадьбой нам напрасно поспешать».
А между тем старик с песочными часами,
С косою на руке и за спиной с крылами
Бредет дорогою своей,

То прелесть унесет, то свежесть роз, лилей,
То иногда — шутник старинный —
Некстати подарит красавицу морщиной;
И так Сатурн летал,
Семью годами он Прияту обязал.
Деревни, города починивать нам можно;
Жалеть лишь должно,
Что этих средств для лиц никто не вымышлял.
Пусть скажут: «Есть на то румяна и белила,
И вся волшебная духов в уборных сила».
Когда любовь «прости»
Спесивице сказала, —
Ей скука показала
К супружеству пути.
Тогда-то суженых без чванства выбирала,
И скоро жениха по мыслям отыскала;
Но вышла за кого она?
За старика и горбуна.

1785 (?)

161. ПРАЗДНИК БЫКОВ

Не в Риме, не в Москве —
На торжествующей Неве,
Когда России мать, преславная царица,
Со чалмоносцами свой праздновала мир,
Огнями разными блистала вся столица,
Народу целому давался пир;
Быки поставлены богатою рукою,
Вино лилось рекою.
В такие дни
Охотник возжигать Амур свои огни.
Одна красавица приятна, белокура, —
Как имя? Делия, а может быть, Лаура, —
Услыша пушечный народу зов,
Супруга своего с постели прочь толкает,
На площадь отпускает
Смотреть быков, —
Без платы торжества у нас чрезмерно редки, —
«Поди, уже пора, — вот все спешат соседки,
Такого скоро ли дожждаться можно дня?»

Муж был не пьяница и не зевака;
Упрявился идти (Адам нам всем родня,
Жена перекричит). Пусть муж не забияка, —
На праздник поплелся. Лишь он
Из дому вон,
К жене любезный гость явился,
К Лауре подлетел, с Лаурою резвился.
Какой последовал их резвости конец,
Тому свидетель был Амур-слепец,
А я тут, право, не случился,
Быть вестником проказ издавна не любил.
Лишь Тирсис из дверей, то в двери муж спешил;
А постоянная жена не дремлет,
Супруга дружески объемлет
И говорит ему,
Как сердца нежного любимцу своему:
«Что, праздник видел ты? Что, какова потеха?»
Супруг ей отвечал: «Нет, друг мой, не до смеха,
Насилу вырвался, большая теснота!
Я сам попал в скоты, пошед посмотреть скота;
И в спину и бока так сильно колотили,
Что видеть самого быка не допустили.
Поверь, что шутка мне безмерно дорога;
Увидел я, и то из-за людей, рога».
Жена, с улыбкою жеманясь на постели:
«Какая пустота!
Увидеть лишь рога, не видевши скота!
Я вижу их отселе!»

(1798)

162. ВДОВЕЦ И СОКРАТ

Был муж, была жена,
И что всего чуднее,
У сей четы душа одна,
И не было семьи дружнее;
Но смерть счастливый брак умела разорвать.
Жена скончалася, пустился муж рыдать;
Вдовец терзается, стонает,
Свет целый проклинаят.

«Любезная жена! — он вопиет стократ. —
Я без тебя и жизни сей не рад,
Пойду к Сократу я — приятель мне Сократ».
Сократ ему сказал: «Не дам теперь ответа.
Через полгода приди просить ко мне совета».
Печальный возразил: «Премудрый человек!
Я чаю окончатъ через неделю век.
Суди, возможно ль мне так долго дожидаться
И лютой горестью терзаться?»
Пошел — и полгода прошло.
К Сократу более не возвратился.
Знать, судно в ад его Хароново снесло,
Конечно, умер он? Нет — на другой женился.
(1802)

163. ХАРОН И ВДОВЕЦ

Притча

Знакомый старичок Харон
Через Стикс без устали, без лени
Отвозит тени;
Такой закон
Плутон сердитый предустановил.
На лодку посадя однажды он вдовца,
Сказал ему, лаская молодца:
«Твою жену я здесь недавно переправил,
Куда ей суждено, туда доставил».
А муж спросил его,
Для разрешения сомненья своего:
«Скажи, как другу,
Куда отвез мою супругу?»
Харон в ответ: «Я в рай отвез ее».
Но муж опять спросил: «А место где мое?»
— «Ты в рай; вам вместе быть судили боги».
Вдовец в отчаяньи сказал: «О верх досад,
Судьбины строги!
Пожалуй, отвези меня, Харон, ты в ад».
(1804)

164. СВОБОДНЫЙ ХЛЕБОПАШЕЦ И КЛАД

В Руси свободный пахарь был,
В довольстве жил;
А наконец пришлось с избытком расставаться,
То есть всему отдать поклон, —
Сынкам велел собираться
И на ухо шепнул тогда насилу он:
«По смерти завещаю,
Не продавайте вы отнюдь моих полей;
Про место не скажу, хотя наверно знаю,
Что в даче клад моей».
Они по батюшке тужили,
А кладом дорожили.
Лишь Флора все луга успела нарядить,
Ну бороной, сохами,
Усердными руками
Пахать, орать
И каждый клочок земли, как шелк, перебирать.
Пусть клада не сыскали,
Но редкий урожай с полей своих собрали.
Разумен старец был и завещал впад;
Хоть сельский, да проник Сократ,
Что трудолюбие большой на свете клад.

(1805)

165. БОЛЬНАЯ И ТУРЕЦКАЯ ШАЛЬ

Супруг шесть месяцев с любезной наслаждался
Благополучием приятного венца,
Взаимной страстию горели их сердца;
Но случай жалкий повстречался:
Жена здоровая поехала кататься,
С родней-соседкой повидаться,
А возвратилась она
Домой бессильна и бледна,
И словом заключить — не шуткою больна.
Страдает муж и горько плачет;
Больную на диван легонько посадя,
А сам на цыпочках вокруг ее ходя,

Велит искать врача, — и Эскулапий скачет,
Уже он на крыльце, уже вступает в дверь,
Больную за руку — и говорит: «Теперь

Я понимаю ясно,

Что вы тревожиться изволите напрасно;
Узнайте, от чего красавица больна,
Всю тайну объявлю: беременна она,
Амура юного родит и вам и свету».

Прыг с лестницы в карету,
Как звали, поминай. Потом приходит ночь,
Больной всё легче нет, муж ни на шаг не прочь,

Привозит снова

Врача другого;

А врач другой,

Поговоря с больной,

Без околичных слов супругу объявляет,

Что оспа высыпает.

Муж обеспамятел, недвижимо стоял,
Болезни разные как согласить, не знал.

Поверю я, что ближним горе,

Когда врачи с натурой в споре.

Проходит день, но оспы нет,

Больная между тем себе кончины ждет,
Как вдруг является — не врач-италиянец
И не француз, а кто? — Брадатый лишь бухарец
И шалей множество тащит в мешке с собой;
Сияют все они отличной красотой.

Больная говорит: «Я смерти ожидаю,
Уже мой близок час, почти померкнул взор,
Покров себе на гроб купить теперь желаю;
Прелестной суеты не нужен мне убор».

Больную попросил супруг приятным взором

И нежным разговором:

«На шали погляди и одолжи меня».

Супруга, вздохнув: «Не пережить мне дня».

Однако поглядела,

В руках вертела,

Шаль белую взяла она,

Но славную каймами.

Бухарец отвечал: «Пять тысяч ей цена».

О чудеса! о час торжественной тревоги!

Больная тут спустила ноги;

Немедля деньги муж бухарцу заплатил,
А шаль супруге подарил.
Супруга муженьку, в знак благодарной речи,
Надела шаль на плечи,
Оставила диван и к зеркалу пришла.
«Признаться, — говорит, — что эта шаль мила;
Не спору, — дорога, но шали очень редки;
Таковую видела я точно у соседки
В тот день, когда занемогла».
Немного погодя болезнь совсем прошла;
Чтоб воздуху вкусить, кататься захотела
И в шали новенькой к соседке полетела.
Пусть врач бывает часто враль,
Но кто же угадает,
Что цветом белая, узорчатая шаль
Болезнь в красавицах рождает.
(1806)

166. ВЗАИМНАЯ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Сказка

Я, женщины! для вас
Стремлюся на Парнас,
Взаимную любовь супружества представлю, —
Счастлив, коль сказкою хоть мало позабавлю;
Одна чувствительность украсит мой рассказ.
Был муж, была жена; они одно любили,
Одно и думали, одно и говорили,
Меж ними царствовал с любовью совет.
Супруг еще в поре, ему пробило
Недавно тридцать лет;
Супруге меньше было,
И точно двадцать два, о чем и спору нет.
Хоть знатную родню, большой доход имели,
Уединенно жить, как горлинки, умели;
Их не прельщал бостон, ниже нарядный пир,
Они самим себе составили свой мир.
Поутру очень рано
Утеха милая жене фортепиано;
Муж с скрипкою в руке ловил прелестный взгляд
И сердцем повторял согласный звуков лад.

Он друг ботаники; жена его музыкой,
А он ясьминами прельщался и гвоздикой;
Глубоко всё проник,
Умея угадать меж травок брачный миг.
Супруг с супругою вне обществ обитали,
Но были не одни:
С листочком, с бабочкой дружилися они,
Физиономию былинки каждой знали;
Притом — я не хочу солгать —
Любили ближним помогать
Советом искренним, а более слезами.
У мужа брат родной —
Вдовец немолодой,
Приятный человек, разумный, не убогий,
И нравственности был хотя защитник строгий, —
Беда, что с суетой не в ссоре жил,
Искусства, зрелища хвалил,
С Эдипом слезы лил;
Невестку милую и брата пусть любил,
Но их затеями отнюдь не восхищался,
Напротив, иногда над травками смеялся.
Однажды он вошел к ним без обсылки в сад
У эха спрашивать, где был с невесткой брат;
Тогда растения слезами окропила
Румяная заря и розу оживила;
В тенистой рощице, махнув крылом, зефир,
С листочками шептав, вдыхал любовь и мир.
Среди дерев в желаемое время,
Когда лишь нежится и птиц и травок племя,
Ни мужа, ни жены не может он найти,
Беседки, цветники и крытые пути
Поспешно пробегает,
Хозяев не встречает,
И дом и сад пустой,
А наконец в чаще глухой
Умильные он слышит звуки.
Дыханье удержав, сжимая к сердцу руки,
Шагами тихими на цыпочках плывет
И пение своей невестки узнает. . .
Но, удивление! — Таинственный, прелестный,
Ему доселе неизвестный
Находит храм.

Там мраморный помост, флер черный по углам,
Кругом его растут унылые нарциссы,
И кипарисы,
И незабудочки. Он далее идет:
Великолепного в преддверьи храма —
Куренье фимиама,
На своде купола переломлённый свет
Лучи приятные и томные лиет;
А там — на пьедестале —
Жена в печальном покрывале,
С отчаянным лицом и урною в руках,
Рыдает, вспомняв красноречивый прах;
У розовых кустов, средь мирт дугой склоненных,
При токе чистых вод, близ храма проведенных,
Невестушка его, как утренний цветок,
Красой блистала,
Супругом песенку любимую играла,
Искусно голос свой со звуками сливала.
Увидя близ себя родного своего:
«Зачем, — в смущении спросила у него, —
Нескромный! таинство сердечное похитил?
Но если прелестью природы взор насытил, —
Молчанья требую навек я твоего.
С супругом мы жрецы природы,
Сильфиды здесь живут и царствуют амуры,
Сей храм, знай, памятник супругу моему! . .
Ты поклянись про то не говорить ему.
Когда настанут мне часы вдовства унылы,
С ним вместе буду жить
В любимом мне саду, кругом его могилы
В былинке и в цветке супруга находить,
С ним гармонировать, нередко здесь встречаться
И чувством пламенным в эфире наслаждаться».
Родной ей отвечал:
«Свидетельства любви и ясны и неложны;
Но мужа вашего никто вас не лишал,
Вы слишком осторожны.
На голове его еще не видим мы
Зимы,
Он жив, здоров, пылать друг другом вам свободно;
Любовь — столь чувство благородно —

Поверь, не мудрено жизнь целую продлить
И радость чистую заставить слезы лить».

Пускай умно, прекрасно
Родной вития говорил,
То всё напрасно;

Призраков разума и чувств не победил,
С вдовой-замужнею был принужден расстаться
И далее пойти с другим лицом встречаться.
Найдя под хворостом под землю скрытый ход,

По лестнице дерновой,
Почти что новой,
Вступил под мрачный свод:

Там пирамида земляная,
Из камня дикого устроен мавзолей;
Лампады бледный свет, в углу одном мелькая,
Чуть освещал ряды *сажденных* тополей;

Подле огромной пирамиды
Брат посетителя, печальных образец,
Казалось, чей-нибудь оплакивал конец.
Но гость в уме смекал: «Что значат эти виды?»
Невестку в храме, здесь — увидел брата он,
Который с заступом рыдал над пирамидой;
Нечаянный приход сочтя себе обидой,

Вскричал, пуская тяжкий стон:

«Мирских сует любитель,
Восторгов на земле гонитель,
Оставь меня, ступай,

Чувствительной души веселья не смущай!
*Так точно, памятник супруге я готовлю,
Героя сим столбом я память славословлю,
Собачка милая под камнем здесь лежит,
А там, кем сердце, ах! впервые задрожало,
О ком оно теперь печалию дрожит. . .*

Увы! задернем покрывало!

Тут дева нежная на ложе миртов спит».

Брат светский заключил, речь слыша исступленья,
Что выше всякого на свете наслажденья
Поток высоких чувств, любовь благотворенья,
Печаль, уныние и сердца теснота;
Лишь говорят, что вся вселенная пуста.
Подземных житель мест, вращая мрачны взоры,
Тотчас полезные откинул разговоры;

А светский брат
Оставил навсегда невестку, брата, сад
И новых мудрецов о чувствах сердца споры,
Прочтя себе в урок:
Я в самой нежности излишество — порок.

(1820)

167. БЕССОННИЦА ВЕЛЬМОЖИ

Басня

Случилось слышать мне,
Не знаю, басня то иль истинная повесть,
Вельможа некий жил в какой-то стороне,
Которого всегда терзала сильно совесть,
А паче если был с собой наедине;
За лихоимство ль то, за пакости ль другие,
Но что об этом рассуждать?
Но, словом, он терпел мучения такие,
Что сряду целый год не мог совсем он спать.
Вдруг некий ближний собеседник,
Который ночи с ним сидел,
Сказал ему, что славный проповедник
Недавно с кафедры отважно возгремел,
Что сколько совести злодей ни заглушает,
Она всегда его терзает,
Ему покоя не дает,
И даже спать мешает,
И может мучить много лет.
От эдаких вестей взбесился наш вельможа:
На свой он принял это счет,
А проповедь ему на то казалась схожа,
Что будто на него сей целит оборот.
Еще мрачней его соделалася рожа;
Он только и твердит:

«Я весь направлю мой кредит,
Чтоб дерзкий сей болтун престрого был наказан».
И словом, ритор взят, допрошен, мучен, связан
 За то, что истину сказать дерзнул.
Однако ж от того вельможа не заснул.

(1804)

168. ПОРТРЕТ

Сказка

Клеонова жена чресчур была болтлива,
Избави боже нас от участи такой!
От этого вся жизнь быть может несчастлива.
С Клеоном случай был однако пресмешной,
Который рассказать вам можно вместо дива.
При остром языке Клеонова жена
 Была собою недурна
И для того портрет с себя писать велела.
Художникова кисть так славно в том успела,
 Что очень сходен был портрет
 И удивленья всех предмет.
От сходства так душа в Клеоне оробела,
 Что, на него едва Клеон взглянул,
 Вдруг оба уха он заткнул.

(1804)

169. ПУСТЫННИК И ФОРТУНА

Притча

Жил-был немудрый человек,
По светскому суждению.
Он непривычен был к придворну обхождению;
От ябед бегал целый век,
Не тщился лестию быть значущ у престола,
Утех не полагал в прельщеньи нежна пола,
Но при умеренной судьбе
Искал он счастья в себе,
А знанья — в действиях Природы.
Богатства, почестей, породы
И славы, общей сей прелестницы людей,
Для коей человек нередко был злодей,
Для коей Александр кроваву взял дорогу,
Волтер прикинулся, не верит будто богу,
А удивляющий наш век Наполеон,
Не совестясь, чужой подцапал трон, —
Мой сельский житель
Был только зритель,
А не слугитель.
Как вдруг в полночь
Стук-стук к нему в ворота.
В таком часу вставать не всякому охота,
Но сердце говорит, чтоб страннику помочь.
Он сердцу вял, побрел, калитку отворяет —
И сам себе не доверяет,
Увидя множество колясок и карет.
Казалось, к нему нагрянул целый свет!

Тогда одна великолепна дама,
Которая подчас хоть нравна и упряма,
Кричит ему: «Дружок! настал твой красный день.

Что ты стоишь как пень?

Фортуна я — смотри — хоть дикого ты нрава,
Но я и безо зву заехала к тебе;

Благодари судьбе!

Вот почести, чины, богатство, знатность, слава.

Скорей, скорей ворота отворяй,

И поезд мой к себе с поклоном водворяй».

— «Сударыня! — вскричал пустынный мой, —

и сроду

Я столько у себя не видывал народу!

Куда мне вас девать?

Я ведаю, вы прихотливы свойством,

А у меня всего одна кровать,

И та уж занята спокойством,

Которого для вас я выгнать не хочу».

Поклон им, дверью хлоп — и погасил свечу.

(1805)

170. ПРЕЖДЕВРЕМЕННЫЕ РОДИНЫ

(Подражание Руссо)

Рогатов был влюблен — чему дивиться!
Ведь это не беда,
Когда
От страсти сердце загорится.
Есть средство от сея болезни и лечиться;
Закон гласит:
Изволь жениться.
Рогатов от сего не прочь,
Чем мучиться и день и ночь;
К возлюбленной своей Аликсе он спешит —
Страстнейшую любовь свою ей открывает
И говорит,
Что в свете он ее всему предпочитает,
Что всею он душой Аликсу обожает,
И что бы счастлив был тогда своей судьбой,
Когда б владел ее он сердцем и рукой.
Аликса не сурова,
И зря перед собой любовника такого,
Не может ни руки, ни сердца отказать;
Себя ему вручает,
И брак их узами своими соединяет.
Но надобно сказать,
Что не прошло еще и месяцев пяти,
Как зрит уже Рогатов плод,
Который женский род
Приносит после девяти.

Смушение, тоска Рогатова объемлет,
Он сердится, крушится;
Аликса ж жалобам его печально внемлет
И случаю сему не может надивиться.
Но публика, что сказки любит,
А правду губит,
Вмиг разные молвы на счет их разнесла —
Иные уверяют,
Что рано чересчур Аликса родила,
Другие ж утверждают,
Что плод их потому так скоро появился,
Что слишком поздно уж Рогатов наш женился.
(1798)

171. ЦАРЬ И ПРИДВОРНЫЙ

Сказка

Случилось одному царю в Египте быть
И близ тех пирамид ходить,
Что чудом в свете почитают.
Скажу я правду всю
И ничего не утаю:
Царево зрение пира́миды прельщают.
Придворные ж таких случáев не теряют
И превосходно знают,
Когда и как царю польстить.
И потому один так начал говорить:
«Великий государь! зри камня блеск того,
Что сверху прочие собою прикрывает,
И кои сделаны лишь только для него.
Не верно ль, государь, сие изображает
Народ твой и тебя?
Не те ли меж тобой и им суть отношенья?»
Так царь льстецу на то сказал:
«Мой друг, совсем с тобой противного я мненья,
И мыслить никогда, как ты, не буду я.
Я вижу истину сего изображенья,
Которое весьма ты ложно понимал.
И потому желаю,
Чтоб случай сей заметил ты,
Затем что важным я его весьма считаю:

Тот камень, что свой блеск бросает с высоты,
Разбился б в прах — частей его не отыскали,
Когда б минуту хоть одну
Поддерживать его другие перестали.

(1805)

172. ВЕРХОВАЯ ЛОШАДЬ

Притча

Все люди в свете сем подвержены страстям.
К несчастью, страсти их почти всегда такие,
Что следствия от них бывают им худые.
Всечасно нашим то встречается глазам,
Привержен как иной ко взяткам и крючкам,
Как сильно прилеплен другой к обогащенью,
Иной к вину, тот к развращенью,
Иной к игре, другой к властям. . .
А Клит, читатели, пристрастен к лошадям.

Не трудно согласиться,
Что бы полезнее то было во сто раз,
Когда бы всякий между нас
Ко пользе общества желал всегда стремиться;
Но, видно, этому — так скоро не бывать!

Меж тем уж Клит идет ту лошадь торговать,
Которую к нему недавно приводили,
Которою в нем страсть лишь пуще возбудили,
И Клит купил. . . Но что ж? как лошадь ни статна,
Собой как ни красива,
Погрешность в ней тотчас открылася одна,
А именно: была она весьма пужлива.
Однако этого не ставит Клит бедой,
Он сей порок весьма легко исправить чаёт;
И только что успел приехать он домой,
То способ вот какой на то употребляет:
Велел тотчас салфетку взять
И лошади глаза покрепче завязать.
Потом
Садится на нее верхом

И скачет близ всего,
Чего пугался конь до случая сего.
С завязанными конь глазами,
Не зря предметов пред собой,
Мчит смело седока, пыль вносит облаками. . .
И в ров глубокий, водяной
С собою всадника с стремленьем вовлекает.

О вы, правители скотов или людей,
Заметьте через опыт сей,
Что тот безумно поступает,
Кто нужный свет скрывает
От их очей;
Что скот и человек, когда лишены зренья,
Опаснее для управленья.

178. МИЛОСТЫНЯ ИГРОКА

«По чести, сострадать несчастным я умею,
Готов их искупить покой!
Постой. . .
Лишь чуть разбогатею
Своею я игрой,
То докажу, что лгать язык не знает мой».
Так в проигрышный час *Понтер* наш рассуждает.
Не более прошло дни три, а много пять,
Как *двойка* милая его обогащает. . .
И принуждает
Какого-то глупца пять тысяч отсчитать.
Летит, летит *Понтер* зефира тут скорее
Ко Грации своей, с улыбкой на устах;
И застаёт. . . всего что мудренее. . .
У *Маши* — в спальне? — нет, в сених,
Он бедного на костылях,
Который подаянья просит.
«Вон, вон, старик!» — *Понтер* и палку уж заносит.
Но бедный смел тут прошептать:
«Чем милостыню б мне подать
За всё мое служенье,
Побить хотите в награжденье».
— «Ба, ба, старик, тебя узнал я тот же час. . .
Служил ты у меня?» — «Я дядькой был у вас,
Господь помог вскормить такого мне детину. . .»
«Гей! Гришка, дай ему полтину», —
Понтер погромче закричал
И — с тысячами к красотке побежал.

(1804)

174. СТИХОТВОРЕЦ С ВЫВЕСКОЮ

Сказка

Еще недавно я стихи марать пустился,
Но много вздору исписал;
Худенько. . . как же быть — ведь мало я учился;
Поэтов изредка читал,
Которы б ум мой озарили
И к стихотворству мне стремление внушили.
Кого ж я восхвалял?
Амуров, иль Киприд, иль Хлоюшек прелестных,
А иногда летал в странах небесных,
Да чуть, чуть не упал;
Тогда — прощай стихи, головка бы сломилась
И стихотворство бы всё к черту провалилось.
Но это всё к чему подробно наболтал:
Вступленья на Парнас, поэтов вдохновенья
И в облака паренья?
Своим собратам подражал,
Которы любят вздоры,
Споры.
Я одного из них намерен описать,
Так, господа, прошу покорно вас внимать!
Славенофил, педант, в поэты записался;
Лишь только запишись, поэтом все почтут,
Хотя ни крошечки пиитства не найдут, —
И новые стихи читая, всяк пленялся.
Повсюду он гремит,
Всяк зреть его летит,
А наш Славенофил тотчас в себя влюбился,
Воображением на небо преселился.

Ну где ему с людьми жить —
Парит, завесы расторгает,
Румяно-алую денницу восхваляет;
С духами лишь ему и быты!
Во всех прилавочках стихи его читают
И к завалывшимся их книгам прибавляют,
Разносчик-молодец из них тирады знал,
И так, как арии Русалки, — всяк певал.
Педант мой возгордился,
Педант мой веселился,
И, наконец, решился
Он вывеску к дверям прибить,
Чтоб всякий мог его найти
И всякий бы его маранью подивился.
«Ну что же, — говорит, — портного всякий знает;
Столяр и брадобрей
Не хуже, право, нас, и мало ли людей,
Которых вывеска достоинства являет!»
И видят на вратах
Все вывеску в стихах.

«Что нужно? — здесь поэт великий обитает,
Имеет всё, что надо вам,
Шарады, песни работáет
И драмы пишет по часам,
Загадки, стансы и сонеты,
Надгробну надпись, мадригал,
Акрóстих, рóндо, триолеты,
Давай, лишь только б успевал;
Поэмы мигом созревают,
За раз всё может сочинить;
Экспромта ж если пожелают,
За месяц надо предварить».
«За месяц? . . . но постой, не стали бы смеяться. . .
Как? чтоб экспромт мне мигом сочинить!
Пустое! смеют ли за это осудить?
Ведь мне не разорваться.
Оно безделица, и для того писать
Не надо торопить, а лучше заказать;
В экспромте же бамо всяк видеть ожидает,
Зато не вдруг и поспекает.
Об этом что болтать;

Меня давно все знают,
 Давно читают —
 По вывеске еще и больше будут знать».

Случилось Страннову тут мимо проезжать,
 Увидя вывеску, сперва поизумился,
 Однако ж заказать стишки ему решился,
 Своей чтоб милой подарить
 И ей тем угодить.

Взбежал на лестницу и прямо к кабинету.
 «Могу ли честь отдать поэту?»
 — «Чего изволите?» — «Стихи». — «Какие
 повелите?»

Любовные, или...» — «Какие вы творите?»
 — «Какие? — Всякие. Вы то могли узнать».
 — «Желал бы, сударь, я на пробу прочитать».
 — «Внимайте

И должную хвалу поэту отдавайте.
 В ученом обществе на празднике я был,
 Ему Панегирйк стихами сочинил:
 „С Дилеммой Силлогизм жилище здесь избрали,
 И философски вещества
 Софизмы наглы отогнали —
 Учено-видны существа.

Умоносильница...“ — «Постойте — изъясните?»
 — «То голова; но вы шумите

И мне мешаете искусство показать».
 — «Высоко! я не то хотел вам заказать —
 Нельзя ли понежнее,
 Милее,
 Веселее?

Вот вам сюжет: стихи к прекрасной.
 Я к ней горю любовью страстной;
 Сходна с Кипридою лицом,
 С Минервою умом,
 Невинна, как Аглая.

Краса божественна такая
 Была б описана пером,
 Достойным прелестей небесных,
 Да зрю в стихах чудесных

Величество, красу, приятства, добродетель...»
 — «Постой, мой благодетель!

Не по карману, брат, затеял ты стишки:

Ты всяку всячину желаешь в них узреть —

Оставь-ко пустяки,
И не мешай мне петь».

— «Да почему ж так драгоценны?»

— «С поэзией они совсем несоразмерны.

Величество гласят ведь ямбы величавы,

Хорей — нежности, и анапест кудрявый

Мне должно с дактилем вместить,

Пиррихий тут же приложить».

— «Так что же надобно за то?»

— «Вот что:

За строчку ямбов рубль, а за хорей полтина,

За дактиль гривен шесть, тож рубль за анапест,

Да свех того еще — и вот тому причина —

Я должен почерпать из разных лучших мест,

Трудиться и копать —

Сотнягой рубликов и придет расквитаться.

Да сроку — год». — «Как так? — мой Страннов

возопил. —

Как смеешь торговаться?

Вот пять рублей тебе, и если разгласил

Себя поэтом ты и вывеску поставил,

Работника собой представил,

Так, брат, пиши скорей!»

— «Нет, нет! — Славенофил вещает, —

Когда меня кто принуждает,

Не слушаю затей».

— «Ты, братец, обязался,

Поэтов в цех вписался».

Взбесился наш поэт и Страннова бранит.

А тот ему писать велит.

И дракой наконец сей спор их увенчался.

Славенофил своих творений том пустил;

Один столом оборонялся,

Другой же на него в сердцах чернила лил,

И дом вверх дном казался.

Был вечер, и объезд, услышавши стенанье,

Их крик и мебели бросанье,

Поэта с Странновым обоих подхватил

И в дом безумных заключил.

Обоих навсегда их тамо задержали.

Что если бы к сей паре чудаков
Других подобных им загнали?
Но мало здесь таких домов,
Где всем бы чудакам давали исцеленье!
Какое ж надобно иметь от них терпенье!

(1805)

175. ПИСТОЛЕТ

Сказка

Чистосердечно я смеюся людям тем,
Которые, пленясь богатыми дарами,
 Не дорожат ничем
 И даже честными женáми.
Ну, как же быть, ведь наш совет
 Не переучит свет;
Так только расскажу случившееся недавно
 Вам происшествие забавно.
Одна прекрасная, к Вулкану своему
 Всю верность сохраняя
 И никогда не изменяя,
Гордилась страстною любовью к нему;
 Но вдруг с ним шуточку сыграла,
О коей никогда себе не воображала.
 К чему ж зараней намекать —
 Всяк может прочитать.
Брюзгин испорченных был нравов от природы,
 Несносен, подл, бранчив,
 А более всего сребролюбив;
 Хотя не те уж были годы,
 Вступил однако в брак
С Миланой нежною, прекрасною, любезной —
 Какой для девушки то жребий слезный!
 Но знаете ль? она никак
 Не плакала и не грустила,
А всё на произвол судьбины положила.
 Немало Гименей
 Творит таких затей —
И с милой, с Грацией — Эзопов соединяет.
Амур же своего нимало не теряет —
 Уж он свое возьмет!

Будь узел Гордиев — он молодца представит,
 Который вмиг себя прославит
 И узел рассечет!
 Амур так подшутил над мужем и Миланы
 За то, что взять ее посмел;
 Скупяге старому подобные обманы —
 Ей-ей, достойнейший удел!
 Гусарский офицер прекрасный,
 Веселый Красовид, любезен, словом, мил,
 Почувствовал, узря Милану, пламень страстный,
 Который скрыть ему нет сил.
 Он изъясняется, вздыхает и хлопочет,
 Надеется. . . но вдруг ему отказ;
 И так, и сяк — уж он и застрелиться хочет,
 И повторяет сколько раз. . .
 Нет средства! как же быть? Решился
 То испытать, чем Зевс Данае полюбился —
 Песочком золотым глаза ей ослепить!
 Бренчат червонные, три сотни их готово.
 Успех бы только получить,
 Ах, нет, не удалось — отказано сурово!
 Отчаялся — кто б мог ему в том пособить?
 Брюзгин. — Как! сам супруг? — Чему же и дивиться?
 Увидите сейчас, как то могло случиться.
 Милана, верная супругу своему,
 Про Красовида всё сказала,
 И деньги как давал, и как не принимала;
 Вот это вострый нож ему.
 «Ой, скромница! — вскричал, — ты случай упустила,
 Червонцев не взяла зачем?»
 — «Неужли хорошо, когда б его пустила?»
 — «Да, худо, пакостно совсем,
 Что отказала ты;
 О глупые мечты!
 Сегодня ж ты должна опять на всё решиться
 И всё поправить — согласиться;
 А подлипало твой
 Чтоб, сим же вечером, наш посетил покой:
 Я спрячусь под софу — лишь кошелек покажет
 И деньги даст тебе,
 Скорее прибери к себе!
 Потом увидишь, что ему супруг твой скажет;

Я взашей его с двора долой тотчас —
 Червончики в сундук как раз!
 Кто может вобразить,
 Как тут жена краснела,
Но старого хрыча бесить она не смела —
 Не смела много говорить,
 И Красовиду написала:
 «Хотя тебе и отказала,
 Однако ж, рассудя о том,
Жалею, и теперь оставшиися одною,
 Сегодня — вечером —
 Тебе я жертвую собою!»
Как он восхитился, в какой вступил восторг,
Как будто кто ему темничну дверь расторг:
Дивился он такой незапной перемене,
 Совсем не понимал,
 Как ею он любим вдруг стал.
«Не мыслит ли она, — мечтал он, — о измене?»
Но может ли любовь кто в свете одолеть?
На все опасности любовник рад стремиться,
 Хотя б и умереть,
Лишь только б с милою своей соединиться.
Итак, пустился Красовид,
Его Амур сопровождает,
И кто его остановит,
Тот самого Амура обуздает.
Утехи, радости готовы для него;
 Какими сладкими питался он мечтами!
 Смущенье, краска щек его —
Суть новы красоты; усеяно цветами
Он ложе представлял... не знает, что сказать,
 Увидевшись с Миланой...
Он жалуется ей своей сердечной раной,
 А та тем стала отвечать,
Что много ль обещал он ей червонцев дать.
 «Такая смелость — с простотою,
 Такая подлость — с красотою,
Любовь невинная — с корыстною душою?» —
 Он так с собою рассуждал,
 Однако ж помышлял,
Что, верно, тайна тут скрывается большая;
На кресла положил, что прежде обещал.

До сих пор сцена всё почти была немая,
Потом Милана говорит:
«Вы заперли ли двери?»
— «Нет, — Красовид сказал, —
Не бойтесь ничего, не сделаю потери
В том, я чего искал;
Нам нечего бояться;
Кто смеет показаться, —
Войди сюда хоть муж, я череп сворочу,
Поверьте, не шучу, —
Хоть не взял ничего с собою,
Но, — так он продолжал с геройскою душою, —
Теперь же у меня есть новый *пистолет*,
Могу я испытать, как далеко берет!»
Представьте же себе досаду всю супруга,
Притом и страх, чтобы застреленным не быть.
Чем горю пособить? терпеть ли всё от друга,
Которого он сам собирался проучить, —
Иль выскочить? Хотел. . . и — под софой остался,
Не смея даже и дышать,
А гость с Миланой занимался
На том, под чем Брюзгин изволил отдыхать.
Заря застала их в приятном упоении,
Супруга ж, подлеца, в жестоком огорчении.
Да кто ж и виноват, сам на себя пеняй!
Поутру Красовид с Миланой распрощался,
А старый негодяй
Корыстолюбие навек оставить клялся.
Скупые! вот пример:
За золото из жен не делайте Венер!

(1805)

176. РЕБЕНОК, ЗЕРКАЛО И РЕКА

Басня

Царь мудреца велел казнить:
Как в сочинении тот смел изобразить
Его дела худые.
Но в оправдание свое тот говорит
Слова такие,
Которым царь внимать велит:

«Ребенок в зеркало смотрелся.
Он безобразен, глуп, зол был.
Другой иначе б обошелся,
А сей, что дурен так, то зеркало разбил. . .
И мыслит: вот его не стало,
Я знаю, что лицо мое похорошало.
Но в скором времени он смотрится в реку —
Узрел ту ж дурноту! — Реку нельзя разбить,
Тогда несносный стыд, тоску
Был должен проглотить.
Ребенка этого, цари, в пример возьмите!
Пускай то зеркало, что правду мог сказать,
Вы это истребите;
Река ж — потомство есть! . . . Царь должен
помышлять,
Что он лишь только им ценится!»

Его мудрец сим устыдил.
«Нет, царство мудреца такого не лишится!» —
С восторгом государь сказав, его простил.

(1807)

177. ВДОВА

Сказка

В каком-то городке земли Магометанской
Селим, супруг Фатимы молодой,
Веревкой ли султанской,
Приспевшею ль чредой,
Иль силою пилюль турецкого Санграда,
Как ни было б, но ко вратам отшел он ада,
Чрез кои в райские поля
Все шествовать должны. Прекрасная земля!
Не воды там в реках, шербеты протекают;
Не груши, *гурии* растут на деревьях;¹
Блаженны души разъезжают
На *Альборагах*,² не на лошадях.
(Спросите *муфтия*, *факиров* иль *иманов*,
Хоть *дервишей* седых: они то ж скажут вам;
А не поверит кто правдивым их словам,
Того замучит сонм *шайтанов*.³)
В такую-то страну отправился Селим;
Чего, казалось бы, жене его терзаться
И наполнять гарем⁴ стенанием своим?

¹ Туркам обещаны *Магометом* в раю такие деревья, что плоды оных будут превращаться в прекрасных девиц, *Гуриями* называемых.

² По крайней мере *Магомет* на сем крылатом чудовище, в очень короткое время, объездил несколько ярусов неба.

³ *Муфти* — глава турецкого духовенства. *Иманы* — духовные. *Дервиши* и *факиры* — пустынники. *Шайтаны* — злые духи.

⁴ Та часть дома, где содержатся достаточными турками их жены.

Ах! расем *дервишей* невозможно, знать, пленяться
Оставшимся в живых супругам нежным? — Нет!
Жалеют все о том, кто в тот прекрасный свет
Из здешнего убрался.

Фатимин дух от скорби волновался;
«Увы! Селим! увы! — несчастна вопиет. —

О милый мой супруг, любезный!
Нежнейшая любви предмет!

Селим! услышь мой вопль; увидь поток сей слезный
И к жизни возвратись; но ты молчишь — ты мертв. . .
Где нож? . . пусть и меня пожрет злой смерти зев. . .

(Тут спрятали ножи, все сабли и кинжалы,
А то б. . .) Жестокие! старанья ваши малы —

Напрасны, чтоб меня от смерти отдалить:
Хочу — и буду я с Селимом вместе жить.

Селим! Селим!» — «Прерви, любезная Фатима! —
Тут мать сказала ей, — прерви свой горький стон

Хоть для меня; или я боле не любима
Фатимою моею? Утешься; твой урон

Велик, но ты его оплакиваешь тщетно;

Забудь. . .» — «Что слышу я? Забыть? Нет, вечно

Клянусь его не забывать;

Клянусь лить слезы век!» — Умолкла мать.

Селима отвезли ко предкам погребенным,
И так как был богат, то мрамором нетленным

Накрыли тленный прах. На нем араб-пиит
За деньги написал: *Постойте, проходящи!*

Взрыдайте над костями, под камнем сим лежащи;

Заплачьте: здесь лежит

Селим, прошедший жизнь в делах богоугодных,

Селим, честнейший из людей. . .

И прочая потом, как пишут на надгробных

Усопших богачей,

В щедротах чтобы их служили увереньем.

Меж тем прошло дней пять; вдова всё слезы льет,

Терзает белу грудь, власы прекрасны рвет,

А мать, как мать, опять к Фатиме с утешеньем:

«Послушай, дочь, прими мой матерний совет —

Оставь умершего; слезами ты своими

Его не воскресишь, — займись живыми.

Послушай-ка, мой свет,

Моя любезная Фатима.

Вот только лишь сей час один паша прислал
Со просьбою к тебе, что очень бы желал
Он место заступить покойного Селима.
Прекрасен, молод и богат — так говорит
Весь город наш о нем; зовут его Герцид». —
«Да будет проклят он! — скорее иссушится
Архипелаг, скорей Стамбул весь развалится,
Скорее имя я свое могу забыть,
Чем тени соглашусь супруга изменить.
Герцид? Злодей! как он осмелился решиться
Помыслить, что вдова Селима согласится
Вступить с ним, негодяем, в брак?» —
Фатима тут озлилась так,
Что мать принуждена молчать о сочетаньи.
Прошло еще дни три во вздохах и стенаньи,
Но только не в таких, как в первый день. Потом,
К исходу двух недель, с подругами тайком
Вдова чему-нибудь смешному улыбнется,
Но так, что чуть опять слезами не зальется.
Потом под вечерок зайдут и гости к ней.
Потом — как отказать в прощении гостей? —
Фатима к ним. А там тихохонько в молчанье
Подале спрятали печально одеянье;
Ведь плакать можно и в цветном.
Чрез месяц томным голоском
Фатима пссенку запела.
Прошла еще неделя,
И ах! — Архипелаг водою весь залит,
Стамбул как был, таков и есть, — один Герцид,
Злодей Герцид, проклятый и негодный,
В объятиях Фатимы непреклонной! . .

(1805)

178. ВЫВЕСКА

Басня

Шли два прохожие путем —
Далеко ль, близко ли — но оба захотели
С дороги отдохнуть. «Давно, брат, мы не ели! —
Сказал один. — Итак, зайдём

Да, выпив наперед (конечно, немцы были),
 Позавтракаем где-нибудь;
 А после с трубкою недурно и всхрапнуть».

Калякая, вступили
 Они в какой-то град.

Вдруг им в глаза трактир; на вывеске чернеет:
Здесь всё к услугам есть. . . Кто выразить посмеет
 Всю радость их? — «*Всё есть! всё есть!* — бесценный
 клад!» —

Вскричали пришлецы — и мигом очутились
 За *пребольшим* столом. «Хозяин, эй!» — «Сей час!»
 — «Давай». — «Чего?» — «Гусей». — «Не водятся у нас».

— «Индеек». — «Нет». — «Шпинату».

— «Нет». — «Колбас».

— «Недавно изошли». — Пришельцы удивились.

«Хоть соусу и пива». — «Нет».

— «Ин, сыру нам». — Один ответ.

Такой обед,
 Как с голодом и жаждой спорим,
 Не вкусен никому. «Да где же *всё*, которым
 На вывеске обещано кормить?»

Пожалуй, нас уведомят:
 В чем это *всё*, хозяин, состоит?»

— «*В бульоне с хлебом!!*»

Увы! и книга, что *всего*,
 Читатель, обещает,
 Нередко доставляет —
 (Всяк догадается, что рифма) — *ничего!*

(1805)

179. СТРЕЛОК

Какой-то егерь целый день
 Палил по кулику в болоте;
 Таскался до того, что стал почти уж в пень.
 А неудача на охоте
 Нож вострый для стрелка,
 Особенно еще когда стрелок задорен.
 Сердит и этот был, но очень непроворен;
 Взбесился он на кулика,

Схватил ружье свое с досады
И всыпал в дуло все заряды,
Которые имел;
Прибил потуже пыж, курок как надо взвел
И, притаясь за куст, почти по горло в тине,
Ждет кулика; а тот, быв легок на помине,
Откуда ни возьмись, у егеря в виду
И сел. — Узнаешь ли беду! —
Стрелок ползть, ползть, подкрался — бац! . .
и что же? —
Ружье все вдребезги, а дребезги по роже
Рассыпались стрелка.
Но этого еще и мало:
Глаз, ухо правое и правая рука —
У злобного стрелка
Как будто не бывало.

Сердиты все такой подвержены судьбе,
Их вредный гнев вредит единственно себе.

(1807)

180. ВДОВА И СМЕРТЬ

Скончался муж; жена — несчастная жена! —
Вся в черное облечена,
В отчаяньи, слезах, растрепанна, бледна,
Кричит: «Мне жизнь моя постыла —
Несносен белый свет! — о, если бы одна
Пожрала и меня могила!
О, если бы теперь,
Теперь же Смерть. . .» А Смерть и в дверь,
«Что вам, сударыня, угодно? —
Скелет ей говорит, — охотно
Служить готова вам». — «Ах, ежели ты мне,
Старушка, оказать намерена услугу,
То поскорей поди к соседовой жене
И отпровадь ее ты к моему супругу.
Тогда. . .» — «А что тогда?» — «Тогда б я вздыхать
И плакать, верно, перестала:
Ревнивая бы не мешала
Меня соседу утешать!»

(1807)

181. ХАМКИН

Басня

Уж ночи протекло почти до половины,
Но бал еще идет, у Хамкина крестины!
Родня, приятели, соседи, кумовья
Сошлись со всех сторон; итак, своя семья.
Всего довольно тут, вина — хотя опейся,
А пивом с головы до ног себе облейся;
Пред каждым молодцом стаканчики стоят
С сладчайшим питием; но что там говорят?

Послушаем у них.

Лишь громкий шум утих —

Один почтенный муж из общества сего,
Шатаясь, восстал от места своего. . .
И, к Хамкину подшед, с поклоном так сказал,
А прочим всем гостям речь слушать приказал:

«Хозяин наш драгой!

Довольны мы тобой. . .

Мы у тебя с утра до белого рассвета
Здесь прохлаждаемся — дай бог вам многи лета!

С хозяйшкой драгой,

Притом со всей семьей!

Но, смею ль доложить, я вижу в вас смятенье.
Что скорби сей вина? в лице что за смущенье?
Не учинил ли кто обиды вам коварной,
Скажите нам скорей, кто сей неблагодарный?»
— «Не то, мои друзья, — им Хамкин отвечал, —
От вас обиды я ни малой не видал!

Но прежде вас прошу воссесть по местам,
Потом и донесу не обвиняясь вам.
Есть некто в граде сем из маленьких чинов,
В отставке офицер, фамильей Бедняков,
Который десять лет процессию имеет
 В повытье у меня — но дело преет! . .
 Или сказать — гниет;
 А может, пропадет,
 Исчезнет, аки дым!
 Но я ли винен сим? . .
Что сделать я могу, коль самые судьи
Давно горячкою отчаянно больны! . .
И в год лишь более двух раз не заседают,
Когда ж случится быть — от грусти засыпают.
 Но это ничего,
 Нет дела до того;
Однако ж сердца я, вы знаете, какого:
 Жалею очень Беднякова!
Он, милый, прожился, и нечего кусать,
И денег — ни гроша! — о сем извольте знать.
 Какая ж польза мне?
 Поживки нет нигде. . .
И вот уж с полгода его я не видал,
Об этом-то теперь я деле горевал! . .
Что дал по глупости большую я промашку:
Всё обобрал с него, забыл лишь снять рубашку!»

(1809)

182. МИРЗА И СОЛОВЕЙ

Мирза, любимый сын Великого Могола,
Однажды в рощице с наставником гулял;
От скуки делать что, не знал —
А скука, говорят, живет и у престола;
Вельможи и князья зевают чаще нас,
И веком кажется иной вельможам час.
Но дело не о том. Мирза гулял в лесочке;
Там, сидя на кусточке,
Лесных певцов Могол пел громко и свистал,
И пением своим дивил и восхищал.
Мирза, как царский сын, и в клеточку скорее
Пернатого певца желал бы посадить.
В чертогах, думал он, жить птичке веселее —
И ну ее ловить.
Но только лишь Мирза пошевелился,
Певец в дубраве скрылся.
Сынок Могола осердился.
«Как можно, — он сказал, — что здесь в лесу
густом
Так свищут соловьи и пеньем восхищают,
А у меня перед дворцом
Одни грачи и воробьи летают?»
— «Дивиться этому не должно никогда, —
Ему наставник отвечает, —
Глупцов встречаем мы и видим их всегда,
Но мудрый кроется и пышность презирает».
Блажен тот государь, кто мудрых обретает!
(1798)

183. ЯПОНЕЦ

Один японец молодой
 Был глух и слеп, к тому ж немой,
 Но участью своей доволен:
Имел всё нужное, покоен был и волен.
«Благодарю богов, — нередко мыслил он, —
 Что я в Японии живу благословенной!
Японцы так добры, чтут правду и закон,
 И я, всех чувств почти лишенный,
Еще блаженствую и ими не забыт:
 Одет, обут и сыт».

Какой-то славный врач, в Японии известный
(Не худо бы и нам таких врачей иметь!),
 Дал бедному бальзам чудесный:
Он начал говорить, и слышать, и глядеть.
Какое счастье — вы скажете, конечно.
 Но что ж японец наш узнал?
Товарищи его не стоили похвал:
Друг друга грабили они бесчеловечно;
 Везде бессильный был погран;
 В судах коварство обитало,
 На торжищах обман,
 И словом, зло торжествовало.
 «О ужас! — юноша вскричал
С прискорбием души, с сердечными слезами. —
Таких ли гнусных дел от вас я ожидал?
 Что сделалось, японцы, с вами?
Куда ни оглянусь — в стране несчастной сей
 Или безумец, иль злодей!»
Слова его судьям пересказали,
 И тотчас отдан был приказ,
Чтоб из отечества навек его изгнали.
«Японцы, — он сказал, — теперь я знаю вас,
И с вами счастье найти без спору можно,
 Но быть уродом должно
 Без языка, ушей и глаз».

(1806)

184. МЕРКУРИЙ И УМЕРШИЕ

К Плутону грозному, в жилище страшных фурий,

Умерших провожал Меркурий;

Их было четверо: красавица, герой,

Старик и стиходей. Они тотчас дорогой

Вступили в речи меж собой.

«Удар судьбы несносный, строгий! —

Сказала девушка. — Как в юности такой

Оставить белый свет, с весельями проститься?

Любовник нежный мой

Навеки осужден крушиться:

Он счастье во мне лишь находил одной.

С такую пылкою душой

Он без меня и жить не будет,

А если будет жив, то, верно, не забудет».

— «Что делать? — говорил старик. —

Поверь, красавица, и мой урон велик:

Расстался я с женою,

С любезными детьми; над гробовой доскою,

Я знаю, что они теперь льют реки слез...

Пошли отраду им Зевес!»

— «Что вы передо мною! —

С презрением герой вскричал. —

Я именем моим вселенну наполнял

И ужас был врагов. В истории, конечно,

Великого вождя жить будет имя вечно.

Скажите, кто со мной равняется из вас?»

— «Не обижайте нас! —

Ответствовал пийт. — Вы служите примером

Всем полководцам... может быть!

Но в памяти людей я доле буду жить.

Что Ахиллес перед Омером?

Все будут наизусть стихи мои твердить,

И, прославляя оды громки,

Восплачут обо мне, любимце муз, потомки...»

— «Вы ошибаетесь, — крылатый бог сказал. —

Любовник твой теперь другую уверяет,

Что ей он сердце посвящает

И что прямой любви доселе он не знал.

В твоём, старик, огромном доме

Идет ужасная война:

В суд просьба на детей женою подана;
Она б хотела их всех видеть на соломе;
Мешки разложены, и детки — в кладовой;
 Не слезы льются — дождь златой.
О подвигах твоих, непобедимый воин,
 Никто не говорит,
Лишь имя твоего преемника гремит:
Он более тебя всех почестей достоин,
Он истинный герой — так носится молва.
А ты, набитая стихами голова,
Великий рифмоткач, слывешь певцом пескладным
И журналистам в снедь остался непощадным».

Меркурий точно прав. Мы, люди, таковы:
 Ближайших к сердцу забываем,
 И с ними навсегда — увы! —
 Любовь и горесть погреем.

(1808)

185. БЫЛЬ

На Лизе молодой богач-старик женился,
И участью своей он недоволен был.
«Что ты задумалась? — жене он говорил. —
 Я, право, пищи всей лишился
С тех пор, как бог меня с тобой соединил!
Всё ты сидишь в углу; не слышу я ни слова;
А если молвишь что, то вечно *вы* да *вы*.
Дружочек, любушка! скажи мне нежно: *ты* —
 И шаль турецкая готова».
При слове *шаль* жена переменяла тон:
«Как *ты* догадлив стал! Поди ж скорее вон!»

(1808)

186. КАБУД ПУТЕШЕСТВЕННИК

На берегах Эвфрата
Жил пахарь, именов Гассан,
Смирный, добрый мусульман,
Который не имел ни серебра, ни злата,

Имел осла; любил его как брата,
Лелеял, чистил и кормил,
И качества его он всем превозносил.
На утренней заре и солнца на закате
На нем наш пахарь разъезжал
И повода из рук, задумавшись, бросал,
Уверен будучи в своем осле и брате,
Что верно привезет Гассана он домой.
И подлинно! — признаться должно —
Осел был умница прямой,
Красавец, выступал он гордо, осторожно,
Ушами длинными приятно шевелил
И взором ласковым Гассана веселил.
Но, впрочем, красота наружная пленяет,
А счастья никому она не доставляет.
Ум надобен; осел с рассудком точно был:
Под ношею своею не спотыкался,
По сторонам не озирался,
И по утесам он чиннехонько ходил,
Как ходят богачи по гладкому паркету;
Известный Сади говорит,
Что истинный рассудок состоит
Единственно лишь в том, чтоб, следуя совету
Великих мудрецов, под ношей не кряхтеть,
Уметь ее носить — и, в случае, терпеть.
Однажды наш Гассан рысцою
Поехал на осле в ближайший городок;
И вот с ним встретился седой дервиш с клюкою.
Гассан ему поклон. «Здорово, мой дружок, —
Сказал дервиш, — великий наш Пророк
Да ниспошлет тебе свое благословенье!
Какой же у тебя прекраснейший осел!»
— «Честный отец! он мне товарищ, утешенье,
И красоту свою понятием превзошел:
Послушен, добр, дорогу всюду знает:
Я брошу повода. . . а он идет, идет
Всё далее вперед.
Не я его, меня дружище берегает.
За десять томанов осла я не продам».
— «Я сотню дам, —
Святоша возразил, — и с радостью большою».
Гассан любил осла и сердцем и душою,

Но столько денег получить,
 Разбогатеть!.. Что делать? так и быть!
 Хотел махнуть рукою,
 Как вдруг дервиш вскричал:
 «Напрасно продавать осла я убеждал;
 Он должен быть тебе любезен;
 Жалеешь ты о нем, я вижу по глазам;
 Послушай, друг! обним вам
 Я быть могу полезен.
 Умеет ли, скажи, осел твой говорить?»
 — «Нет, кажется, ни слова».
 — «Читать, писать, судить
 О мире, что в нем есть и доброго и злого?»
 — «Не думаю». — «Он, может быть,
 К иному приложил охоту, попеченье;
 И верно, географ, историк, философ?..»
 Наш пахарь в изумленье.
 — «Святой Пророк! — сказал, — не только всех
 ослов,
 Тогда бы и меня он превзошел в ученье!
 Осел и философ!» — «Диковинки в том нет!
 Такие ль чудеса случались под луною?
 Обман не сроден мне; я дам тебе совет:
 Возьми мой кошелек иль отпусти со мною
 Ты в Мекку друга своего;
 На время можно разлучиться,
 И путешествие полезно для него.
 В отчизну он свою ученым возвратится:
 Он будет говорить на многих языках,
 Читать и Алкоран, и воспевать в стихах
 Движение миров и красоту природы;
 Узнает, как живут все прочие народы;
 Год протечет... осел увидится с тобой!
 Я смело уверяю,
 Что будешь скоро ты с несметною казной.
 Решись: сто томанов иль в Мекку?» —
 «Отпускаю! —
 Воскликнул наш Гассан. — Ударим по рукам!
 Вот мой осел! По пустякам
 Златого времени я тратить не желаю.
 Какая слава мне, какая будет честь,
 Когда на мудреца верхом изволю сесть,

Когда меня, смиренного Гассана,
Поднимет на хребет учитель Алкорана!
Счастливым путь, отец святой! . . .»
И дело сделано. С осла Гассан слезает,
Целует с нежностью, с слезами провожает:
— «Прости, Кабуд, мой друг! Прости, Пророк
с тобой!

Для счастья твоего, красавец дорогой!
Идешь ты странствовать по свету:
Послушен будь; молись почаще Магомету
И возвратись скорей философом домой!»
На доброго осла вскарабкался святоша,
Поехал; вслед кричит наш пахарь: «Через год,
Смотри, я жду тебя!» А сам. . . пешком идет,
И спину бедного согнула крюком ноша.

Доплелся кое-как
В деревню наш бедняк
И говорит: «Осел поехал мой учиться;
Великим мудрецом, конечно, возвратится,
И ровно через год мы будем вместе жить.
Увидите, друзья! Теперь ни слова боле!

Пусть странствует Кабуд по воле!
Хотя и тяжело подчас пешком ходить! . . .»
Горюет наш Гассан, а дни текут за днями.
Дервиш с товарищем объехал много стран:
Всю Анатолию, обильную плодами,
Обширный Диарбек, торгующий слонами
И наделяющий шелками персиян.
Проходят и Алеп, богатый жемчугами,
Касарию, Моссул, Эдессу и Гарам,
Где, по преданиям, родился Авраам.

«Вот здесь, — наш богомол почтенный
Кабуду говорил, —
Несчастливых персиян Филиппов сын разбил;
А там, царем Понтийским раздраженный,
Иулий, славой озаренный,
Пришел, увидел, победил!»
Кабуд не отвечал ни слова;
Но от внимания большого
Ушами хлопал и зевал,
А между тем его святоша погонял. . .

Вот наши странники пристали к каравану,
Который с грузом в Мекку шел.
 Описывать не стану,
 Какое множество нашел
Кабуд тут мудрецов, врачей и астрологов,
 Историков и филологов,
 Художников и рифмачей,
И разных языков искусных толмачей.
 Какой же случай для ученья! . .
Один читал свои о мире рассужденья;
Другой отыскивал источник всем словам
И — будучи башкир — речь длинную готовил,
В которой уверял, что праотец Адам
Башкирским языком беседовать изволил
 С прекрасной Евою своей.
На правой стороне брюхастый стиходей
 Достойнейших писателей злословил
И пасквили писал на сочиненья их;
А помнил сам в душе один известный стих,
Которым он воспет в поэме был шутовой.
В соседстве от него под зонтиком лежал
Истолкователь снов, надутый, горделивый;
 В руках сонник он с важностью держал
 И в будущем читал,
А настоящего и знать не добивался.
 Кабуд всё слушал, примечал
 И молча просвещался.
Приблизился к концу несчастный, скучный год;
 Гассан Кабуда ждет да ждет,
 И в горести глубокой
Он, сидя вечером у хижины своей,
Вздыхая, говорит: «Скажи, дервиш жестокой,
Что прибыли в уме и святости твоей?
 Кабуда ты меня лишаешь,
 Работаю вседневно я один,
 А ты на нем, как знатный господин,
 Покойно разъезжаешь.
 Как прежде весело я жил!
В трудах моих осел помощник верный был;
Я в одиночестве изнемогаю ныне,
 И будет ли конец
 Гассановой кручине?»

Сказал. . . и что ж? честной отец
 Тащится на осле в долине.
 «Вот он! вот он!» — Гассан в восторге закричал.
 Дервиш к избушке подъезжает.
 «Где милый мой Кабуд?» — наш пахарь
 вопрошает.
 «Неужель своего ты друга не узнал?
 Вот он!» — «О Магомет! Товарищ мой хромает
 И спотыкается!» — «Не спорю; но душой
 Он не споткнется вечно».
 — «Да где же глаз другой?
 Он крив, урод!» — «Конечно!
 Но разве мудрецом не может быть кривой?
 И в книге сказано Пророком:
 Одним, но прозорливым оком
 Нам должно проникать в сердца».
 — «Какой он прежде был дородный, величавый!
 А ныне вижу в нем срамца».
 — «Дородность ничего не значит перед славой,
 Перед ученьем мудреца».
 — «Итак, Кабуд учен?» — «Он философ великий,
 И знает хорошо восточные языки,
 Не запинаясь, говорит;
 И верь, что здесь он всех в селеньи удивит.
 Прости! мне недосуг, и квиты мы с тобою!»
 — «Прости, святой отец!
 А ты, Кабуд, любезнейший мудрец,
 На место прежнее прошу идти за мною!»
 Уже далёко наш дервиш.
 Гассан товарища ласкает
 И с умилением вопрошает:
 «Что ты, мой друг, не говоришь?
 Устал, конечно, от дороги;
 Поди и отдохни, твои трясутся ноги,
 А у меня всё есть: солома и овес.
 Я вижу, что труда ты много перенес;
 Ты завтра всё расскажешь,
 И философию, и разум свой докажешь.
 Спи, мой сердечный. . . будь здоров!»
 Проходит ночь; Гассан соседям объявляет,
 Что у него в хлеве ученый философ,

Хоть родом из ослов,
 И всех на смотр сзывает.
 Толпою жители бегут.
 Гассан кричит: «Вот мой Кабуд!»
 Он говорит стихами по-башкирски
 И прозою по-сирски.
 Ученья своего не будет он таить;
 Прошу пожаловать и с ним поговорить».
 Старик с плешивой головою
 И с длинною до чресл висящей бородою
 Выходит из толпы и, низко поклонясь,
 К ученому ослу с учтивостью взывает:
 «Имеет ли земля с небесной твердью связь
 И для чего луна рогатая бывает?
 Надеюсь, говорит, ты не вменишь в вину,
 Мудрец четвероногий,
 Что, школы сельския учитель я убогий,
 Испытывать хочу ученья глубину».
 Кабуд в ответ ни слова;
 И шайка остряков была уже готова
 Над бедным пахарем шутить.
 «Помедлите, друзья! — сказал Гассан
 смиренный. —
 Молчания виной стыдливость может быть;
 Кабуд — философ несравненный,
 Я смело уверяю вас».
 — «Постойте, — возгласил сапожник
 толстобрюхий,
 Забавник, балагур, охотник до проказ, —
 Вы дайте волю мне. Философ вислоухий,
 Скажи скорей, который час?»
 Кабуд, зашевелив ушами,
 Собранье осмотрел,
 Расширил ноздри, и ногами
 Затапав, он махнул хвостом. . . и заревел.
 «Прекрасно говорит философ новый с нами», —
 Сапожник с смехом закричал.
 Гассан в отчаяньи дубину в руки взял
 И ею потчевал Кабуда.
 «Напрасно бьешь осла, — сапожник продолжал, —
 Скажи, сосед, откуда
 Такие в голову нелепости ты взял,

Что может твой осел нас удивить ученьем
И говорить, как философ?
Где видел ты ослов
С умом и просвещеньем?
Дервиш смеялся над тобой,
Ему пешком идти казалось очень трудно;
А ты, с пустою головой,
Святошу наградил Кабудом безрассудно.
Живут здесь разным ремеслом,
И этому, сосед, не должен ты дивиться;
А кто поехал в путь ослом,
Ослом и возвратится».

(1818)

187. КРАСАВИЦА В ШЕСТЬДЕСЯТ ЛЕТ

Шестидесяти лет Пулхерия-старушка,
Которая в свой век была
Кокетка и вострушка,
Мечтала, что еще пленять она могла
И что амуры вокруг прелестницы резвились;
Но в зеркале себя увидев невзначай,
Сказала, прослезясь: «Веселие, прощай!
Как зеркалá переменились!»

(1821)

188. ДОГАДЛИВАЯ ЖЕНА

Муж умирающий так говорил жене:
«Скажи чистосердечно мне:
Вот слишком десять лет, как я живу с тобою,
Была ль ты мне верна? Я от тебя не скрою:
Казалось мне, сосед Фома
Любил тебя, дружочек, без ума.
Скажи всю истину; чего тебе бояться?
Я через час умру, впросак не попадешь!»
— «Нет, муженек, не смею я признаться:
Ну, как обманешь — не умрешь!»

(1821)

189. НЕВОЗВРАТНАЯ ПОТЕРЯ

Сказка

Жены Миридиас лишился
И, быв в компании, покойную хвалил;
И так заговорился,
Что всем зевоту наводил.
Миридиас того совсем не примечает
И продолжает:
«Была тиха, скромна,
Веселонравна и умна;
И в обхождении приятна;
Я ею обожаем был. . .»
Тут некто подхватил:
«Увы, мой друг! твоя потеря невозвратна!»
(1806)

190. ПОСПЕШНОСТЬ

Сказка

«Еще сегодня же поспею я в Москву, —
Сказал приятелям молодчик самый модный,
Живя в деревне подмосковной. —
Климена ждет меня к себе на *рандеву*.
В коляску заложа лошадок, погоняет,
Взвывает пыль столбом, прохожих ослепляет.
Уж лошади в поту едва-едва бегут,
А их, сердечушек, еще-таки всё бьют.
Как жалки бедные творенья,

Которые глупцов подобных повеленья
Должны всечасно исполнять!
Им отдыху в свой век, конечно, не видать.
Меж тем молодчик наш, как молния, мелькает;
Прохожего встречает.
«Далёко ль до Москвы?» — «Не очень далеко,
Еще до вечера туда поспеть вам можно —
Хоть солнце уж невысоко —
Лишь только ехать тише должно».
Тогда, прохожего ударив раз, другой,
Прикрикнул на удалых снова,
И снова вихрем он летит. . .
Но, ах! судьба сурова.
По-своему вертит! . .
Вдруг ось ломается, коляска упадает;
Нет способа помочь!
Поспешность тут свою молодчик проклиняет
И, вместо *рандеву*, в грязи проводит ночь!
(1806)

191. БЫЛЬ

Прелестна Делия, с чувствительной душой
И с пламенным воображеньем,
Сидела под окном. Эраст ей с выраженьем
Читал *Бианку* вслух. Растрогана судьбой
Несчастной, Делия слез токи проливала.
В то время нищий шел,
И видя, как она рыдала,
Сказал в себе: «Нашел,
Нашел я наконец такое сердце нежно,
Которо усладит все горести мои», —
И к Делии тогда он подступил надежно.
«Сударыня! прости, что я мечты твои
Осмелился прервать. . . Ах! сжался надо мною!
Служа отечеству, я руку потерял,
Навек калекой стал;
Имею дочь — она осталась сиротою:
Нет матери у ней! . .
Ах! дайте что на пищу ей!»

Но Делия ему нимало не внимает
И мысли все свои *Бианкой* занимает.
«О Делия!» — сказал Эраст —
И указал рукою...
Тогда красавица, кивнувши головою,
Сказала нищему: «*Бог даст*».

(1806)

192. ИСПРАВНЫЙ ПЛАТЕЛЬЩИК

Сказка

Гордей
Соседу своему был должен сто рублей;
Не хочется платить Гордею;
Клянется он перед судьбою,
Что денег не бирал
И должен не бывал...
Сосед слова его в смущеньи прерывает:
«Подумай о душе своей!
Готовишь ты погибель ей».
На что ему Гордей с усмешкой отвечает:
«И думать не хочу;
Хоть душу я гублю, да денег не плачу».

(1806)

193. ОКУЛИСТ

«Супруга вашего пришлите лишь ко мне, —
Известный окулист сказал одной жене,
Которой муж страдал болезнию главною
И был ревнив и стар. — Вы знаете, какую
Здесь славой пользуюсь, я чудеса творю».
Жена ему в ответ: «Нет нужды в том нимало!
Боюсь, чтоб дорого леченье мне не стало;
Покорно вас благодарю!
Когда я и теперь страдаю повсечасно,
Представьте, что ж тогда, как будет видеть

ясно?»

(1806)

194. ВДОВА

Сказка

(Из Бензерада)

«Не сетуй, милая, и покорись судьбе! —
Так дочери отец сказал во утешенье,
Когда она в слезах рвалась при погребенье
Супруга своего. — Уж я нашел тебе
Другого жениха... не плачь — мне, право,
больно!..»

Он молод и хорош, любезен, мил и тих».
Потом, когда вдова наплакалась довольно,
Спросила с томностью: «Где ж, батюшка, жених?»
(1806)

195. ЦАРЬ, ПУСТЫННИК И МУЖИК

Бессонницею царь был болен издавна.
Я слышал, все цари вкушать не могут сна.
Чтоб скуку разогнать, поехал на охоту,
Где встретил мужика, — мужик, свою работу
Оставля, отдыхал
И так покойно спал,
Что зависть возбудил в царе своей судьбою.
Пустынник тут же шел — он жизнью святою
Почтение от всех в то время заслужил.
Не словом истину — примерами учил.
Увидел его царь и так ему вещает:
«Смотри: крестьянин сей, что всё здесь угнетает,
Гоним фортуною, с богатством незнаком,
Покоится теперь таким приятным сном,
Которого, быв царь! нигде не обретаю;
Причиной что сему — тобой узнать желаю!»
Пустынник с твердостью монарху отвечал:
«Мужик сей никогда указов не давал.
В свой век он никогда на смерть не осуждает,
И честолюбие в нем душу не терзает.
Ошибка сделавши, страдает он один;
От податей грустит — других же нет причин.
Богатство — часть твоя, его же часть —
спокойство.
Всесильным сделано премудрое устройство,
Которое одним покой с трудом дает;
Другие ж мучатся, трудов собирая плод.
Цари! народами трудяся управляйте,
И добрых вы людей в любимцы избирайте.

В постелях когда сон хотите вы вкушать,
Старайтесь менее на тронах ваших спать!» ·
Так старец говорил — царь злобный рассердился,
Велел его казнить — но с сном не помирился.
Несчастлива та страна, где гордый государь
Считает подданных за бессловесную тварь.
Такого бедствия Россия не страшится.
Нас любит Александр — и век для нас трудится.

Начало 1800-х годов

196. ЖИВОПИСЕЦ

 Был живописец славный,
 Рафа́илу в искусстве равный,
 И очень, очень не дурак,
 Но сердцем жалкий был простак:
Уж до того он совести держался,
 Что даже знатным льстить боялся!
 А кто сие почтет за грех?
 Спросите вы у всех.
Сей добрый человек хотел себя прославить,
 И чем же? вздумал он представить
 Пороки все и глупости людей.
Судя по мастерству, он сущий чародей!
Нельстива кисть его: что ни изобразила —
 Одушевила.
 Картину кончивши, тотчас
Он выставил ее народу напоказ;
 Но лишь ее узрели —
 Кокетки обомлели,
 У плута волос дыбом стал,
 Лжец трепетал,
 Грызть ногти начал скряга,
 Грозил указами сутяга,
Кобенился пред живописцем франт,
 И Катилиною назвал его педант.
 Пылая в сердце мщеньем,
Порочные кричат художнику с презреньем:
 «Ты пасквиль написал,
 Честь нашу обругал;
В картине сей хотел смеяться ты над нами».

— «Бог с вами! —

Художник отвечал. —

Я глупость и порок изобразить желал,
А вас не трогал я; да я вас и не знал.
Уродов можно ли вам сравнивать с собою,

Когда красавцы вы душою?»

Но мастер сей не мог себя тем оправдать;
Хоть умные его взялися защищать,

Но их не много было,

И всё витийство их глупцов не убедило.

Художник отдан был под суд,
Который сжечь велел его прекрасный труд.

Так будет всякому, кто только дар имеет
И льстить пороку не умеет.

(1810)

197. КРАСНОРЕЧИЕ И БАСНЯ

Валит народ, валит толпою,
Встречается народ с богатой госпожою;
Блестит на барыне наряд,
Гордится барыня нарядом,
Ни с кем себя не ставит в ряд
И удостоить чернь своим не хочет взглядом.

И подлинно! уж есть похвастать чем:

Украшена всем тем,

Что только ныне

В своем старинном магазине
Могла для ней мадам Риторика сыскать.

Убор такой мне вряд ли описать;

На голове не чепчик — хрия,

В фигурах платье всё, фигуры ж эти все,

Поверьте мне —

Работы мастерские,

Их выдумал какой-то грек,

Искуснейший в сем деле человек.

В руках, наместо опахала,

Пук тропов модница держала,

И гордо Красна Речь на фижмах выступала.

Навстречу даме из села
Зачем-то Басенка брела.
Одета не по-барски,
А просто, по-крестьянски,
Но так к лицу, что мило поглядеть;
Желал бы, кажется, с ней жить и умереть.
Тут все простилися с нарядной госпожою,
Котора столько их заставила зевать;
Все к Басенке спешат,
Ее прелестною любуясь простотою.

198. БАРЫШНИК

Оставя прочие заботы,
В торговлю Клит вступил;
Стопу бумаги он купил,
И собственной работы
Стихами написал;
Потом о барыше великом возмечтал.
Но тщетно с рифмами носился по базару:
Гуртом и в розницу продать не мог товару.
Уж Клит и сам стопе не рад;
Пытался в лавку он отдать ее назад,
Но лавочник не брал, хоть делал Клит уступку.
Насилу в горести набрел он на купца,
Который взял стопу за рубль у молодца
И стал воспламенять свою стихами трубку.
Иной богач,
Как бедный сей рифмач,
Бог весть что затевает,
И наконец барыш такой же получает.

199. ДАМОН

Дамон имел немало честь
Фортуны зреть в себе любимца,
И у Дамона, у счастливица,
Неможно даже было счастье

Родных, друзей горячих, страстных,
Не только кушать с ним, — и умереть согласных.
Но вдруг фортуною за что-то презрен он.

Осиротел Дамон!

Друзья, которые с ним умереть решились,
Не видя прибыли, все в бегство обратились.
Лишь не рассталася собака с бедняком,
Являя ласки одинаки.

Дамон задумался и произнес потом:
«Увы! друзья мои не стоят и собаки».

200. ЗАБАВНАЯ БЕСЕДА

«Внемлите, горы и леса,
Стремлюсь поведать вам предивны чудеса...»
— «Чтоб ты пропал, рифмач, с твоими чудесами! —
Вскричала Фиркина, — ты мучишь всех стихами.

Прямой парнасский ты урод!

Насильно рифмами зажать мне хочешь рот...
О чем, бишь, господа, я рассказать хотела?

Да! да — вот десять дней, как я уж овдовела!

Ну! как вам нравится печальный мой наряд?

Такую вдовушку нельзя не обожать;

Вчера Вертушкину я голову вскружила...»

— «Убей тебя драгунска сила, —

Рубакин вдруг как конь заржал, —

Вралиху глупую сквозь строй бы я прогнал!

Болтает о себе да о своих нарядах,

Ни слова вымолвить не даст о вахтпарадах.

Как выступим в развод — ну! посмотрели б вы;

Вдруг станем мы во фронт, стоим все как столбы».

— «Ей-ей! я знаю всё о сицевом параде;

Курьезнее у нас дела текут в палате», —

Гортанью хриплою приказный возразил.

«Tascendum! ¹ — грозно муж ученый возгласил. —

Начнем беседовать о важных мы предметах,

О манускриптах и кометах...»

¹ Умолкните! (лат.) — *Ред.*

— «Мне ваших никогда не переслушать врак, —
Примолвил весельчак. —
Когда не глупы вы, то все вы очень странны,
И для меня тем более забавны,
Что все вы любите вранье —
Лишь не чужое, а свое!»

201. ПРОХОЖИЙ И ГОСПОДСКИЙ СЛУГА

Басня

Шел некто близ палат, через господский двор,
И видит, что слуга метет в том доме сени.
Подмел и с лестницы потом счищать стал сор,
Но только принялся не с верхней он ступени,
 А с той,
 Которая всех ниже.
 Чиста ступень; слуга с метлой
На ту, которая к сметенной ближе:
 И та чиста.
 Слуга мой начал улыбаться.
 «Без двух, без двух!» — кричит спроста
 И ну за третью приниматься.
Подмел и ту, — еще убавилось труда:
 Глядь вниз — нежданная беда!
Уж чистых двух опять не видно из-под сора.
«Эк! сколько всякого накидано здесь вздора! —
Слуга сквозь зуб ворчит. — Гну спину целый час,
 А не спорится и с трудами!
 Как будто сеют на заказ».
Пошел бедняк обратными следами
Метенное вторично подметать.
Вот в подлинну пылинки не видать!
Но только чистота не долго та продлилась,
 И нижняя ступень
 Опять от верхней засорилась.

Слуга стал в пень;
Устанешь поневоле!
Раз десять вниз сошел иль боле.

«Дурак! дурак! —
Прохожий закричал, тут выйдя из терпенья, —
Да ты метешь не так!»
Ну если бы, какого где правленья
Желая плутни истребить,
Кто начал наперед меньших тузить:
Сперва бы сторожа, привратных и копистов,
Потом подьячий род, канцеляристов,
Потом секретарей,
А там-то бы взялся и за судей,
То скоро ли бы он завел в судах порядка?
Судью подьячим не уймешь;
Подьячего хоть в трут сожжешь,
Судья по-прежнему брать станет взятки.

(1809)

202. ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК И ЗОЛОТО

Сказка

Жил за морем старик; он не был знатен,
Провел, как говорят, свой век в глуши;
Но был за доброту души
От всех почтен, всем мил и всем приятен.
Совета ль попросить, иль с нуждами, с бедой
К нему бежал и малый и большой,
И всякий от него спокойным возвращался.
Он не был и богат, однако жил без нужд;
Быв также гордости безумной чужд,
За слабость на людей не слишком раздражался,
Умел от ней делить порок:
«Найдите, — говорил, — такого, кто бы мог
Собой представить совершенство!
Один горбат, тот глух, тот хром,
Другой картав, а тот с бельмом,
И недостатки их суть общее наследство.

Природа на пути,
По коем каждому назначено идти,
Рассыпала различные каменя,
Итак, чтоб избежать паденья,
Пойдемте, братцы, мы рука с рукой». —
И подлинно он то оправдывал собой,
Всем простирая руку!
С печальным грусть делил, с унылым скуку,
С убогим серебро; когда ж копейки нет,
То, дав хотя благий совет,
Утешив, обласкав, с словами лил надежду.
Случалось ли найти невежду,
Иль вертопраха, иль лжеца, —
С такую ж кротостью, не затевая ссоры,
Их просвещал умы и исправлял сердца.
Там прекращал семейные раздоры,
Здесь с юными девицами шутил,
Искал супругов им достойных,
Для всех был нужен, мил,
И видел вокруг себя одних довольных.

Когда-то добрый сей мудрец
Нашел несметное червонцами именье.
«Вот новое убогих всех наследье!» —
Найдя, он вдруг вскричал; но под конец
Задумался и взял другие меры.
«Нет, лучше деньги те пушу я в рост;
Войду в чины, займу хороший пост.
Ужель министры все, судьи и кавалеры
Достигли службою высоких столь честей?
Ну много ль бы нашлось на степенях людей,
Когда бы степени за службу раздавались?
И графства с молотка нередко продавались,
А простенький судейский чин —
Безделица! . . . куплю, и не один!
Тогда в достоинстве сем новом
Могу для каждого я пользу оказать:
За притесненного горою стать,
А сирому служить покровом.
Притом и сам уж сделаюсь не тот,
Не буду никаких домашних знать хлопот.
Куплю побольше слуг, сострою дом огромный,

Прибавлю пашней и садов
И буду в них владелец полный».

Сказал и за десять замков
Любезные червонцы замыкает.
Когда же снова он о почестях мечтает,
Тогда пришли ему сказать,
Что в праздничном наряде,
Как по воскресным дням то исстари в обряде,
Крестьяне юные сошлись поплясать
И ждут его прихода.
«Как будто я живу для них и хоровода!
Вели одним начать», —
Хозяин отвечал и спрятался подалей,
Чтоб лучше жертвой быть забот, мечты, печалей.
Потом придумал он
Участок золота, назначенного бедным,
Сложить с тем золотом найденным;
Но вдруг за дверью слышит стон:
То бедный был из ближнего селенья;
Знав благодать мудреца, пришел к нему
Просить в напасти вспоможенья.
«Меня, — он говорит, — влекут в тюрьму
За то, что не плачу оброка,
Недели не дают поправиться мне срока!
Ах! сжаляся, помоги беде моей!
Скот, рухлядь, хлеб — всё выпродано в доме;
Лишь шестеро детей осталось на соломе».
— «Ей-ей, —
Наш Крез сказал, — нет ни единой
Копеечки наличными теперь!»
Проситель затворяет дверь,
Без подозрения ко лже постыдной,
Вздыхнул, — и вон ушел ни слова не сказав.

Тут сердце у себя богатый отыскав,
Бежит к крестьянину, бросается на шею,
Дает сто золотых с признанием в вине;
Потом, собрав народ, живущий в той стране:
«Друзья! — им говорит, — врага я здесь имею!
Спасите от него! — С тех пор, как он со мной,
Я сделался ни ваш, ни свой;

Душа моя черствее камня стала.
Сей враг: куски металла! . .
Пусть всяк из вас возьмет единую их часть
И сердцу моему даст прежнее веселье.
В руках у одного они влекут напасть;
По многим разойдясь, приносят утешенье».

Излишек золота, равно как нищеты,
Всегда покоя враг, нередко — правоты.

{1809}

208. СЧАСТЛИВОЕ СУПРУЖЕСТВО

«Какой уж ныне свет!
В нем правды вовсе нет».
— Зачем судить так ложно? —
Что в век наш золотой
Нигде, никак найти не можно,
Чтоб не был муж какой
С рогатой головою!

И в добром мире жил с любезною женою!
И то уж говорить, что редкий день пройдет,
Когда у них до брани не дойдет!
Почтенные мужья! вам это не обидно,
Когда на вас клеветают так бесстыдно?
Извольте, я вступлюсь — неправду докажу.
И вот, послушайте, один пример скажу,
В каком согласьи муж с женою жили:
До смертного часа друг друга так любили,
Как будто в первую ночь, пришедши от венца,
И страстью вечною горели их сердца,
А ссоры меж собой во весь свой век не знали,
Супружеской любви никак не изменяли!
— «Вот этому уж я поверить не могу», —
Так скажет мне иной, — поверьте, это быль,
И точно я не лгу.

И даже так, как жизнь свою они кончали,
Их смертный поцелуй столь сладок, страстен был,
Как в первые часы, когда их обвенчали, —
Иль лучше скажем так: иной объездит целый свет,
А эдакой любви примера не найдет.

— «Какое диво!

Да полно, правда ли, чтоб был пример такой?»

— Уверить вас могу, что говорю нелживо.

— «А сколько жили лет они между собой

В такой завидной доле?»

— Не помню что-то я! — дни два иль три.

— «Не боле?»

Конечно так! — а то б иной сказал,

Что я солгал.

(1812)

204. МУЖ И ЖЕНА

Была жена

Прямая сатана;

Супруг был глуп, итак, она

Не только им повелевала

И каждый день ему рога ковала

(Дивиться нечему! Когда супруг дурак,

То исстари ведется так!),

Но даже и бивала

Рукою сильной по щекам,

А иногда подчас и палкой по плечам.

С примерной твердостью супруг сносил, молчал,

Лишь только иногда от боли вздыхал —

Но время есть терпенью! —

Так наконец и он устал

И день и ночь сносить удары, огорченьи;

Однажды, как она его

Побила по щекам средь гнева своего,

За моську может быть, за что-нибудь другое,

Иль он ей помешал, к несчастью своему,

Когда она ему

Готовила рога, — но, верно, за пустое, —

От боли охая, и с битую спиною,

Одумался супруг и рассуждал с собою:

«Да долго ль мне терпеть! Что, разве я дурак?

Ведь муж глава жене, и всякий скажет так!

Нет! полно ей шутить со мною!

Ей-ей, кто там? подай дубину мне скорей,

Разведаюсь я с ней!»

— «Извольте, вот она». — И сильною рукою
Дубину толстую берет,
На брань против жены идет:
«Постой, голубушка! теперь-то я с тобою!
Весь долг свой заплачу; да где она?
Поддай ее сюда — прибью и изувечу!»
Услышав грозный крик, коварная жена
Взяла большую плеть, идет ему навстречу.
«Что вздумал ты? .. Вот я! ..» — и плетью грозит.
«Ай! ай! — супруг кричит
И в сени поскорей с дубиною бежит. —
Кто там! кто там! спасите!
От плети защитите!»
И спрятался в чулан пустой.
Супруга вслед за ним могучею рукою
Махает плетью большой.
Не думая и в нем найти себе спасенье,
Наш новый Геркулес прокрался и ушел,
А чтоб избавиться от тяжкого мученья,
Он спрятался — куда ж? — под стол!
Прижался к уголку. «Меня здесь не найдет
Проклятая жена, — так говорил с собою, —
И ежели придет,
Не струшу: я и сам с дубиною большою».
Она как тут — и с плетью притом,
И что же? бедняка узрела под столом:
«А! а! куда залез, поди-ка ты сюда,
Теперь не так прибью, голубчик мой! поболее!»
И бедненький супруг был должен поневоле
Оттуда вылезать — теперь пришла беда!
Трепещет пред женой, бросает прочь дубину
И подставляет ей с покорностию спину.
«Как! как ты смел?»
— «Не вас, сударыня, я Федьку бить хотел!»

(1812)

205. ШУТ В ПАРИЖЕ

Однажды в маскараде
Явился старый шут в неслыханном наряде:
С хрустальной запонкой и воротом косым
Из ткани пестрыя на нем была срачица,
 Да с гульфиком большим
 Атласна черна исподница;
 С нагнутых плеч его висел
Запачканный тулуп, но настоящий русский;
 На голове же он имел
 Распудренный парик французский.
За старым шúтом вслед шел молодой чудак,
 В престранном тоже одеянье,
В каком-то шахматном, смешном полукафтанье,
И с колокольчиком торчал на нем колпак.
 Лишь в залу чучелы вступили,
Все бросилися к ним, кругом их обступили,
 Никто не мог свести с них глаз.
Старик, пожав плечьми, воскликнул: «Вижду аз,
Коликой степени достигли развращенья!
О! . . . но воздержимся еще от удивленья!
О, буйно скопище безумцев и невежд!
И мужеск пол и женск совлекся тех одежд,
Которыя дедов и бабок украшали.
Почто французския вы моды переняли?
Воззрите на меня, на юношу сего,
Так иноземного не найдешь ничего.
Всё русское на нас, изящно всё и лепо;
Мы любим старое, и вы любите слепо. . .»

Тут некто старика прервал
И вежливо ему сказал:
*«За что всех, дедушка, поносишь?
Ты сам парик французский носишь».*
О, если бы кто видел тут,
Как разозлился старый шут!
Сначала у него язык прильпе гортани;
Потом уж кое-как собрался с силой он,
И полился из уст его источник брани.
*«Безбожник! — закричал, — изменник! франкмасон!
Сжечь надобно его, на веру нападает!»*
Что ж это был за шут, никто не отгадает.
1811

206. СТИХОТВОРЕЦ И ЧЕРТ

«Ну есть ли кто на свете
Несчастнее меня? И не было и нет!» —
Так говорил Дамон-поэт,
Сидя один в полночь со свечкой в кабинете,
Вздыхая тяжело и нюхая табак,
Которым вымарал лицо, халат, колпак
И, с позволения сказать, свои творенья.
«Кляню день своего рожденья:
Такое горе я терплю!
Уж сорок лет пишу, хвалю себя, хвалю;
Не верит мне никто, как я ни уверяю!
Уж я ли не поэт? не знаю!
По смерти памятник мне, верно, соорудят,
А нынче — посидеть со мною не хотят!
Начну читать стихи — смеются;
Печатаю — не продаются;
Пришло с Парнаса в петлю лезть!
Чтоб уважение и славу приобрести,
Каких я не искал каналов!
Платил газетчикам, издателям журналов,
Свои сам книги раскупал,
Все раздарил — а их никто и не читал!
Врагам своим писал в честь оды и посланья
И в книжных лавках стал предметом посмеянья!

Рад душу черту я отдать,
С тем только, чтоб он стал стихи мои читать!»
Едва слова сии Дамон успел сказать,
Черт страшный вылез из камина.
«Я здесь, условимся со мной.
Что надобно тебе?» — «Ах, мой отец родной!
Садитесь. . . Перевел я сцену из Расина,
Послушайте. . .» — «О, нет!» — «Да почему ж?»
— «Спешу».

— «Послушайте, как я пишу;
Не читывали вы такого перевода.
Я вам прочту еще посланье, притчу, оду;
Стишки, ей-богу, хороши!»
— «Мне дело до твоей души;
Дай кровью мне сперва свое рукописанье».
— «В стихах? с охотою, чур, слушать наперед!»
Исполнил черт его желанье,
Садится, а Дамон берет
Претолстую тетрадь, потеет и читает.
Черт бедный морщится, зевает
И ничего не понимает.
Бьет час, бьет два, бьет три, четыре, пять, ---
Дамон не устает читать.
Прочел трагедию, лирически творенья,
За притчи принялся. . . Черт потерял терпенье,
Ушел и никогда назад уж не придет.
Пускай же кто другой так черта проведет!

1811

207. УТОПЛЕННИЦА

Не дай бог никому капризную жену!
Одна из жен таких на мужа рассердилась.
За что? — Да он молчал, так за́ это взбесилась!
Кричала, плакала, бранилась,
И кинулась в реку — пошла как ключ ко дну!
Муж бедный с радости иль с горя прослезился,
Как скоро до него достигла эта весть;
Но он философ был и всё мог перенести;
Подумал и пустился
Супруги труп искать,
Чтоб долг последний ей отдать.

И так в тоске, в печали
По берегу реки тихохонько идет,
Глядит на всё, что ни плывет;
Но волны только щепки мчали,
И нет как нет жены!
Знать надобно, что шел он против быстрины.
Встречается с ним кум, дивится заблуждению
И говорит ему: «Пойдем вниз по теченью:
Кума должна вон там, гораздо ниже, всплыть».
— «Не может, братец, это быть;
Покойница во всем напротив поступала
И никому не уступала;
Против воды она, поверь мне, поплывет;
Поставит на своем, хоть три разá умрет».

1811

208. МОЛОДАЯ ВДОВА

По мертвом как ни плачь, а он уже не встанет,
И всякая вдова
Поплачет месяц, много два,
А там и плакать перестанет:
Жаль мужа, и себя ведь жаль!
На крыльях времени летит от нас печаль,
И нечувствительно спокойствие приходит.
Большое Лафонтен различие находит
Во всех вдовах чрез день и через год.
И подлинно: теперь вдова горюет, плачет,
А через год, смотри, мазурку пляшет, скачет.
Таков уж, видно, женский род!

Одна красавица лишь только овдовела;
Кричала, билася, рыдала и рвалась;
Ни пить, ни есть, ни жить на свете не хотела;
Река горчайших слез из глаз ее лилась.
Отец печалиться дал полную ей волю;
Но, видя, что уже проходит шесть недель
И что она слегла в постель,
Свою оплакивая долю,
Сказал ей: «Полно плакать, дочь!
Слезами ведь нельзя помочь.

Не ты одна вдова на свете;
 Еще ты очень молода.
 Муж умер? Экая беда!
 Есть у меня жених прекрасный на примете,
 Уж не покойному чета!
 Красавец, молодец, почти в твои лета. . .»
 — «Ах, батюшка! — вдова прервала. —
 Мне замуж? Мне другой венец?
 Нет, нет, я в монастырь пойду!» — и зарыдала.
 Смолчал и прочь пошел отец.
 Источник слез помалу иссыхает.
 Проходит месяц и другой,
 Вдова уж менее вздыхает;
 Почти забыт муж дорогой.
 И слезка на глазах ее не навернется;
 Невольно иногда она и улыбнется,
 Увидя в зеркале, что траур ей к лицу.
 Прошло уж полгода, глядит в глаза отцу;
 Но тот не говорит ни слова.
 Решилась наконец она спросить его.
 «Что ж, батюшка, когда увижу я. . .» — «Кого?»
 — «Кого хвалили вы». — «Кого же?» — «Молодого. . .
 Ну сами знаете. . . ха! ха! . . .
 Красавца жениха».

1812

209. ОБМАН ЗА ОБМАН

Один купец на сохраненье
 Железа триста пуд соседу дал в анбар,
 А сам на ярманку повез другой товар.
 Лукавый ввел соседа в искушенье:
 Он вздумал утаить железо у себя.
 «Что, братец, жаль тебя! —
 Сказал хозяину, когда тот возвратился. —
 Не знаешь, грех какой случился!
 Анбар мой был немного худ. . .
 Приказчики не досмотрели. . .
 Твое железо мыши съели».
 — «Неужли всё?» — «Все триста пуд!
 Ну что же делать мне с мышами?»

Купец пожал плечами
 И в сердце всю досаду скрыл.
 У плута сын малютка был.
 Купец его в свой дом тихонько заманил
 И запер в комнате; потом к себе соседа
 Откушать хлеба-соли звал.
 «Ох! братец, мне не до обеда!
 Ни пью, ни ем теперь: Ванюшка мой пропал!»
 — «Неужто?» — «Точно так». — «Давно ли?»
 — «Дни уж два».
 — «Сосед! я видел сам: третьяго дни сова
 Ребенка унесла, и, право, думать должно,
 Что это Ваня твой. . .» — «Помилуй, как возможно!
 Таскает ли сова ребят!»
 — «И мыши, кажется, железа не едят!»
 Вор не дурак был, догадался,
 Покражу тотчас возвратил
 И сына на обмен железа получил —
 Да лгать уж на мышей боялся.

1812

210. СНЕЖНЫЙ РЕБЕНОК

Поехал в Астрахань из Вологды купец
 И там жену оставил.
 На Волге в три года он все дела исправил
 И с радости наконец
 К жене в свой город возвратился;
 Но как же удивился,
 Увидя мальчика при ней почти двух лет.
 «Послушай-ка, мой свет, —
 Спросил он у нее, — да чей ребенок это?»
 — «Наш, батюшка! Вот третье лето
 В Петров пост будет, как я Петю родила».
 — «Помилуй, три года ты без меня была!»
 — «Что делать? виновата!»
 Стояла на крыльце я без тебя зимой,
 Пошел вдруг снег, касатик мой,
 Да попади мне в рот, и сделалась брюхата.
 Не веришь? Скажет вот Ивановна-кума,

Что девочку она так родила сама.
Смотри, как Петя мил! какой он белый, нежный!
И видно, что уж снежный!
Да поцелуй его». — Купец поцеловал
И более жены расспрашивать не стал.
Она лисой к нему ласкалась,
Всем угождать ему старалась
И только что с одной Ивановной-кумой
Тайком над ним смеялась.
Лет через шесть купчина мой
Собрался в Астрахань опять и взял с собою
Петрушу-пасынка. Тогда была весна,
А воротиться с ним он обещал зимою.
Не смела тут ему противиться жена;
Скрепясь, сына благословила,
И правду молвить, не без слез
В путь дальний с мужем отпустила.
А тот в Москву приемыша завез,
Да против женина желанья
В сиротский отдал дом его для воспитанья.
Пришла зима, приехал муж один,
Мать бедная беды своей еще не знает
И за воротами хозяина встречает.
«А! здравствуй, батюшка! Где ж Петинька, наш
сын?
Ох! не озяб ли он?» — «Нет, не озяб, растаял
Он в Астрахани от жаров.
Признаться, этого, жена, я сам не чаял,
Да сделался уж грех таков!
Не мудрено: ребенок слабый, нежный,
А там жары не то, что здесь —
В минуту беденький при мне растаял весь,
И видно, что был снежный!»

20 февраля 1814

211. КУПЕЦ МОШНИН

В Калуге был купец Мошнин,
Нет, именитый гражданин.
Торговлю отправлял он многие уж годы,
Не знал, что есть наклад, а только богачел.

Чего он не имел?
 Суконны фабрики, чугунные заводы,
 С которых получал великие доходы;
 Деревни сыновьям с чинами покупал,
 И всякий перед ним поклоны в пояс клал.
 Все деньги у него, как в Банке, занимали,
 Однако же они в долгах не пропадали;
 Приказчики его отнюдь не воровали;
 Возьмет ли откуп, иль подряд,
 Наверное найдет тут клад!
 За то его и называли

В Калуге колдуном.

Жил очень хорошо, как чаша полон дом!
 Держал открытый стол; давал пиры и балы;
 Обедать ездили к нему и генералы.
 Приятель Мошнину купец был Бородин.
 Вот как-то подгуляв, один с ним на один,
 Тот искренно ему признался,
 Что счастию его в торговле удивлялся.

Мошнин расхохотался

И наконец сказал: «Послушай, брат Семен,
 Всегда тот счастлив, кто умен.
 Знай, я, не испытавши броду,
 Не суюсь в воду:

Есть разум у меня, и от того богат;
 Убытков не несусь, зато я осторожен!»

Лет через шесть попал наш умник в Магистрат —
 Не в члены, а в тюрьму! — За что ж? — Был много
 должен;

Остался только лишь на нем кафтан один,
 И он почти мирским питался подаяньем.

В то время с ярманки приехал Бородин;

Идет к нему и с состраданьем,

С слезами говорит: «Что сделалось с тобой!»
 — «*Судьба!*» — тот отвечал. А вот какой судьбой

Мошнин, бедняжка, разорился:

При откупах погорячился

И всех соперников своих он победил,

Да после миллион за это заплатил.

Должник его себя тут объявил банкротом,

Приказчик сделался из честного вдруг плутом,

Один сынок деревню промотал,
Другой сто тысяч проиграл,
А кажется, он их как должно воспитал!
К тому ж за молодой, второй своей женою
Заводы укрепил, хоть в ней нашел врага,
И получил еще на старости рога.
Судьба! Судьба всему виною!

Вот так-то в счастья гордимся мы умом,
В несчастьи вину всю на судьбу кладем.

19 марта 1815

212. СТРАСТЬ К СТИХОТВОРСТВУ

Как пьянство, так и страсть кропать стихи — беда!
Рифмач и пьяница равно несчастны оба:

Ни страха нет в них, ни стыда;

Один всё будет пить, другой писать до гроба.

Был на Руси один поэт,
Которого весь знает свет;

Но имени ему здесь нет.

Он, верно, за грехи на муку нам родился:

Лишь буквы выучил, писать стихи пустился,

Да как же? со всего плеча.

Что день, то новые стихи у рифмача.

Объявлена ль война? Вот радость для уroda!

Прочел реляцию — и уж готова ода!

Из сродников его, из ближних кто умрет,

Он рад и этому, тотчас перо берет

И мертвых и живых терзает без пощады.

В сатире ли его, как шута, осмеют? —

Он плачет от досады,

Не пьет, не ест, не спит; однако же и тут

В кропани стихов находит утешенье.

Простил бы я ему уж это согрешенье;

Пускай бы только он писал,

А то стихами он всем уши прожужжал.

Одну жену до смерти зачитал,

Другая, не прожив с ним году,

За ум взялась

И развелась.

Была б, как первая, в могиле без разводу!
Последняя жена с ним потому жила,
 Что на ухо крепка была.

И люди у него никак не уживались,
Хотя для слушанья стихов чередовались.

Вот наказал злодея бог:
Рифмач опасно занемог,
 Лежит и бредит всё стихами!

Призвали доктора. «Что сделалось с вами? —
Спросил тот у него. — У вас, конечно, жар?»

— «Как жару и не быть! Я, правда, хоть и стар,
 Но я поэт, притом же лирик,
 И лирик первый, вам не лгу. . .»

— «Пожалуйте-ка пульс». — «Еще сказать могу,
Что я и фабулист, и трагик, и сатирик. . .»

— «Вам вредно много говорить».
— «Ну, а стихи читать мне можно?»
— «Нельзя». — «Так умереть мне

должно!

Что ж это вы меня хотите уморить?

Я напишу на вас за это эпиграмму.

Постойте, à propos! ¹ я сочиняю драму

 И выведу на сцену вас. . .»

 — «А я вот сей же час

По власти докторской употреблю и силу:

 Покрепче рот вам завяжу

И муху шпанскую к затылку приложу.

 Вам, верно, хочется в могилу?»

Со страха прикусил язык себе больной.

 Минуты не прошло одной,

Как доктор, прописав лекарство, удалился,

Рифмач опять читать стихи свои пустился.

Читал, читал, читал, и так он ослабел,

Что доктор, потеряв надежду, отказался,

Да и никто лечить его не соглашался.

Вот он духовного отца позвать велел.

 С сердечным сокрушеньем

 Покаялся ему в грехах

 (Не прозою, а на стихах)

И подарил его своим стихотвореньем,

¹ Кстати (франц.). — *Ред.*

Посланьем — он ко всем послания писал
И каждое в печать особо отдавал.
Сам эпитафию себе продиктовал.
Уж, наконец, язык у бедного отнялся.
И даже тут еще, пока он не скончался,
 Всё стопы пальцами считал. . .

20 мая 1815

213. КАРЕТА И ЛОШАДИ

Ах! если бы хотя под старость дал мне бог
 Местечко где-нибудь такое,
Где б мог остаток дней я провести в покое,
 Где б взятки брать иль красть я мог, —
Клянуся честью и совестью моею,
Уж дал бы знать себя! Что? скажут: *не умею?*
Пустое! выучусь, лишь только захочу,
Да многих, может быть, еще и поучу.
Взгляните: грамоте иные не умеют,
 А как живут! Как богатеют!
Вот главное: *иметь не надобно стыда.*
Отставят? — отставляй, и это не беда:
 Коль наживу полмиллиона,
В отставку сам тогда пойду без пенсионна. .
Рассказывал один знакомый мне купец
(Не здешний, и теперь едва ли не покойник),
Что в городе у них советник был делец,
Великий взяточник, невежда и законник:
 Указ прибравши на указ,
Оправит всякого за денежки как раз.
Когда напишет сам экстракт, определение,
Хоть юрисконсультам отдай на рассмотрение:
В законах пропуска, ей-богу! не найдут,
 А дела не поймут!
 Так спутает, так свяжет,
И белым, наконец, вам черное покажет.
Кто больше даст ему, тот у него и прав;
А там в глаза ругай, он ничего не скажет, —
 Такой имел уж нрав!
Проситель подарил советнику карету;
Соперник же, узнав о том через людей,

Не знаю, по чьему совету,
 Прислал к советнику четверку лошадей.
 Он принял их, и я бы сделал то же.
 Как четверня была кареты подороже,
 То в пользу лошадей и сделан приговор,
 Объявлено истцу с ответчиком решение.
 Вот вечером катит к советнику на двор
 Бедняк, что потерял с каретою именье.
 В сердцах кричит ему: «Бездельник! шельма! вор!
 Ты обманул меня; отдай мою карету».
 — «Да, как не так!» — «И совести-то нету!
 Отдай. В присутствии при всех я расскажу».
 — «Так что ж?» — «Свидетелей представлю,
 докажу;
 К присяге ведь тебя притянем».
 — «Пожалуй, присягать мы станем».
 — «Ты взял карету, взял!» — «Ну что же? взял,
 так взял!»
 — «А чалых четверню кто, кто к тебе прислал?»
 — «Соперник твой, на нем ищи своей потери:
 Ведь чалые свезли карету со двора.
 Однако ужинать пора.
 Прощай! Вот бог! вот двери!»
 22 апреля 1816

214. ДОГАДЛИВАЯ ЖЕНА

Предвидя свой конец, Петр-лавочник в грехах
 Духовному отцу признался
 И смерти дожидался.
 Жена стоит пред ним в слезах.
 «Не плачь, — он ей сказал, — Дуняша!
 Ты знаешь, сколько нам приносит лавка наша;
 Беда, коль отойдет от нас теперь Кузьма.
 Выдь замуж за него, людских речей не бойся».
 — «Ох! батюшка, не беспокойся:
 Я это думала давно уж и сама».
 22 сентября 1816

215. КАПРИЗ ГОСПОЖИ

«Послушай, маменька, мой друг, —
Супруге говорил супруг, —
Ванюшка давеча мне в ноги повалился. . .»
— «Что, верно, пьян вчера напился?»
Ну, папенька, прости для праздника его».
— «Нет, маменька, не то; он, знаешь ли,
влюбился».
— «Влюбился! а в кого?»
— «Да в горничную Катерину:
Охотою идет Катюша за него».
— «Велю я положить женитьбу им на спину!»
— «Ты шутишь?» — «Никогда я с вами не шучу!»
— «Послушай, маменька. . .» — «И слушать
не хочу!»
Жените их, а я уж на своем поставлю,
В деревню их отправлю,
И там свиной пасти заставлю.
Вот вздумали женить слугу!
Да я, судáрь, терпеть женатых не могу».

27 января 1817

216. ПРОСТОДУШНАЯ

Параша девушка премилая была;
В деревне с матерью жила
И вместе с ней хозяйством занималась;
Скромненько, просто одевалась,
Романов в руки не брала
И кроме «Сонника» других книг не читала,
А только кружева плела
Да в пядцах вышивала.
Исполнилось ей уже семнадцать лет;
Пора узнать ей свет,
Пора пристроить уж и к месту.
Приданого ж за ней — большой в Зарайске дом,
Пять тысяч в Банке серебром
И триста душ. Не правда ль, что невесту
Таковую дай бог хоть кому. . .
Хоть предводителю в уезде самому.
Но женихи в уездах редки:
Сорокины, мои зарайские соседки,

В девицах всё еще сидят,
А им уже сто лет обеим, говорят.
По первому пути зимою,
Лишь начался Филиппов пост,
Парашу маменька взяла в Москву с собою
И прямо — на Кузнецкий Мост.
Там у француженок обнов ей накупила,
Как куколку ее по моде нарядила,
И начала учить Парашу танцевать,
Чтоб святками могла в собраньи побывать.
Вот святки уж пришли: Параша выезжает
И с важной маменькой своей
Собранья, клубы посещает.
Недели не прошло, явилось у ней
Двенадцать женихов, штаб-, обер-офицеры,
Большую частью кавалеры;
Но всех счастливее был ротмистр Пустельгин:
Параше только он понравился один,
И чем же? — черными, поддельными усами.
Другие были с орденами
И лучше во сто раз,
Но без усов, так им отказ.
В крещенье Пустельгин с Парашей обручился;
От радости он ум последний потерял;
Всем уши о своей невесте прожужжал.
«По чести, — говорил, — я век бы не женился,
Когда бы феникса такого не сыскал:
Красавица, умна, скромна, тиха, послушна,
И что милей всего, то очень простодушна.
Невинность сушая, а ей семнадцать лет!
Поверьте, что другой такой в столице нет.
В сорочке, право, я родился!»
Через месяц Пустельгин женился,
И новый сделал в долг себе к венцу мундир;
Невеста множество имела бриллиантов —
В копейку свадебный стал пир!
При гrome певчих, музыкантов
Шампанское лилось рекой;
А ужин был какой!
Пять лучших поваров его приготавлиали;
Часов в одиннадцать из-за стола уж встали.
Лишь польский заиграли,

Парашу увели — все гости по домам —
За исключением двух самых близких дам.
Вот новобрачную раздели;
Сидит в дезабилье на креслах у постели.
Явился в шлафроке перед ней ее супруг.
Параша бедная краснеет.
Целует он ее — и вдруг
Она, как смерть, бледнеет,
Вся сморщилась, и слезы на глазах.
«Что, ангел мой, с тобой?» — спросил ее муж. — «Ах!
Ах, дурно, дурно мне! нет мочи! помогите!..»
— «Прикажешь каплей, что ли, дать?
Или за доктором послать?»
— «За акушером? да, скорей, скорей пошлите».
(1818)

217. СМЕРТЬ И СТИХОТВОРЕЦ

Уж крепом ночь давно небесный свод одела,
И первые давно пропели петухи.
Все спали, лишь старик Хвастон писал стихи;
Свеча перед ним в ночном шандале догорела
И в табакерке уж не стало табаку —
Как вдруг нечаянно к седому дураку
Явилась Смерть. Хвастон не испугался.
«Зачем, — спросил ее, — не вовремя пришла?»
— «Да за тобой, старик! Ведь ты уж
записался...»
— «Помилуй, мать моя! да ты с ума сошла!
В Театре здесь меня еще не увенчали,
И в Академии. . . сказать тебе стыжусь. . .
Не получил еще я золотой медали.
Тебя, сударыня, я вовсе не боюсь:
Тот жив, бессмертен тот, которого сравнивали
С Расином, Депрео, и кто в своих стихах
Сияет, как в день Фев один на небесах. . .
Дай притчи мне мои поправить и посланья,
Прибавить двадцать, тридцать од,
Почистить *Россомаху*,
Трагедию мою, — тогда изволь, без страху
Пойду в Елизиум». — «Урод! прямой урод!

Неужели тебе писать не надоело?
 Смотри, как от стихов твое иссохло тело!
 Пора уж, право, на покой!»
 — «Да разве я старик какой?
 Давно ли стал писать? Не будет и полвека!
 А сколько, например,
 Жил Фонтенель, Вольтер?
 Я разве хуже их? Такого человека,
 Как я, должна ты пощадить. . .»
 — «Да ты кого щадил, мучитель? . . .»
 — «Прошу учтивее со мною говорить:
 Через десять лет за мной ты можешь приходить».
 — «Через десять лет? Нет, нет, проказник-сочинитель:
 Изволь теперь собраться в путь!»
 — «Нельзя ли как-нибудь
 Отсрочить, матушка, хоть на два, на три года?
 Я напишу тебе за это мадригал;
 А хочешь, к завтраму еще поспеет ода!
 Ранехонько пошлю в один журнал,
 Благонамеренный. . .» — «Недостает терпенья!» —
 Вскричала Смерть и косу занесла.
 «Постой! у ног твоих молю, чтоб ты дала,
 Из милости, из сожаленья,
 Мне сроку на десять, не более, минут!»
 — «На что же? принести в грехах, что ль, покаянье?»
 — «Нет, кончить это вот последнее посланье
 И эпитафию себе. . .» — «Прямой ты шут!
 Да только о твоей кончине здесь услышут,
 То эпитафию тебе, поверь, напишут.
 Марш! марш!» — Удар за словом вслед!
 И на творения свои упал поэт,
 Косою смерти пораженный!
 Глаза, в которых огонь поэзии потух,
 На стол, где он писал, остались обращенны;
 А дух его, бессмертный дух,
 Нисшел во области Плутона,
 Там, в мрачном Тартаре, тень грозная Хвастона
 Читает всем свои стихи.
 Не дай бог в ад теперь попасться за грехи!

4—5 марта 1819

218. КЛЯТВА ПЬЯНИЦЫ

Филат жене своей с похмелья побожился,
Что пуншу в рот он не возьмет;
Посмотрит ввечеру, чуть жив домой идет.
«Бессовестный! опять напился!
Где был?»
— «У свата Емельяна».
— «Пунш пил?»
— «Нет! . . . рому выпил три стакана».

(1820)

219. СОБАКА И ВОР

(Посв. С. Д. П(ономарев)ой)

Вы любите собак — как их и не любить?
Ну есть ли зверь другой умнее,
Усерднее, вернее,
Великодушнее? — Нет, и не может быть! . . .
Собака рада смерть принять за господина.
Не всякая. . . Но Гектор и Мальвина,¹
Конечно, с радостью умрут за госпожу.
Позвольте, бить одну теперь вам расскажу.

Жила-была собака пребоольшая,
Предобрая, презлая;
Ласкала всех своих,
Бросалась на чужих —
И только что бросалась,
А не кусалась,
Затем что на цепи привязана была.
Жизнь пренесчастную вела;
Представьте: бедной есть дни по два не давали,
А как начнет визжать — бивали!
Хозяин же ее богатый был купец
Пафнутий Сидорыч Заржавин,
Обманщик, ростовщик, скупаец!
Ну настоящий жид, а впрочем христианин:
Посты он свято наблюдал,

¹ Имена собак г-жи П-ой.

Заутрени не пропускал
И по полушке в день на рубль процентов брал.
Жил у него Степан-работник,
Престрашный до вина охотник.
За пьянство Сидорыч журил его, бранил
И в наказанье не кормил;
Степан же с голоду всё пил —
Пил много, а работал мало.
Вот у хозяина терпения не стало:
Согнал его он со двора,
Отдав ему пашпóрт да гривну серебра
И вычтя сто рублей из договорной платы.
Что делать? бедного всегда прижмет богатый!
Степан грозил Заржавину судом,
И к надзирателю он с просьбой обратился,
Просил и частного, но толку не добился;
Итак, вздохнув, пошел — куда? — в питейный дом.

Ах, до чего страсть к пьянству не доводит!
Несчастный мой Степан
Напился с горя пьян;
И что ж ему на ум приходит? —
Отмстить хозяину, обворовать его;
А он не воровал ни разу до того.
«Ведь я свое возьму! — Степан так рассуждает. —
Теперь же ночь темна; — ничто не помешает:
Меня Барбоска знает».
Решился и пошел. Уже через забор
Он перелез к Заржавину на двор.
К нам! к нам! ужасный лай раздался.
Степан к себе Барбоску подозвал,
Погладил, хлебца дал;
А тот замолк и к вору приласкался.
Чтоб время не терять,
Степан стал в узел собирать
Белье, которое тут на дворе висело.
Уж он свое окончил дело
И шел с узлом к воротам смело.
Барбоска за ворот его
И оземь — только не кусает;
Тот хочет встать — он не пускает.
Лег на него и лает.

Хозяин прежде всех услышал страшный лай;
Вскочил он с сундука, кричит: «Огня давай!
Вставай, Макарьевна, вставай!
Гаврила, Павел, Карп! вставайте!
Фонарь, фонарь скорей давайте!
Барбоска лает; верно, вор!
Гаврила! Ты возьми запор,
Ты водонос, а ты топор!
Ступайте все передо мною.
Макарьевна, поди и ты хоть с кочергою.
А я за вами с фонарем.
Пойдем, пойдем!»
Пошли — Барбоска пуще лает.
Степан ни жив, ни мертв лежит.
«Вот вор! Барбоска, усь! . . .» — Макарьевна дрожит
И кочергу из рук роняет.
«Постой, вот мы тебя! Ребята! бей, вяжи!
Что у тебя в узле? скажи!
Ба! ба! да это наш Степаң-работник!
Ах ты разбойник!
Смотрите-ка, белье всё наше он собрал!»
Степан просить прощенья стал,
И наконец его простили,
Когда порядочно уже поколотили.
Пафнутий Сидорыч Барбоске изъявил
При всех свое благоволенье,
Иль, попросту сказать, его он *похвалил* —
А похвала — большое награжденье!

6 августа 1820 — 14-17 апреля 1821

220. СМЕТЛИВЫЙ ЭКОНОМ

Хемницер говорит: *где сборы,*
Тут и воры!
А я скажу: где есть расход,
Там, верно, и доход
Всегда тому бывает,
Кто деньги выдает или что закупает.
Был у меня один приятель эконом,
Который в пять-шесть лет себе построил дом
По крайней мере тысяч во сто,

А жалованья брал в год триста девяносто
И шесть рублей — за вычетом на госпиталь.

Покойник умер! Очень жаль!
Мы часто в шашки с ним играли
И пунш пивали.

На свадьбе дочери его попиروвали
И славно подгуляли —
Шампанским запоил!

«А что, Клим Сидорыч, — я у него спросил, —
Воруешь ты? Скажи всю правду-матку;
Скажи, пожалуйста». — «На что тебе? Ха! ха!

Сам знаешь, кто же без греха?»
— «А много ль в год?» — «Ну, тысяч по десятку,
А может быть, и с лишком два».
— «Вот ты купил теперь дрова. . .

Почем?» — «По десяти, и то едва-едва
Знакомый уступил; зато дрова какие!
Здоровые, сухие!

Осины нет, всё березняк!»
— «Какую ж цену в счет поставишь ты? Двенадцать?»
— «Избави господи! да что я за дурак!»
— «Неужели тринадцать?»
— «Смешон ты право мне!» — «Четырнадцать?
Пятнадцать?»

— «Да, как тебе не так!
По десяти купил, по десяти поставлю;
Знай, никогда в цене полушки не прибавлю.
Но сажень сот пяток я у себя оставлю».

3 сентября 1821

221. ВСТРЕЧА ДВУХ ПОДРУГ

Две дамы встретились в рядах.
«Ах!

Прасковья Марковна! вы ль это?»
— «Я, Анна Дмитриевна; вот нынешнее лето
Из Твери приплыла». — «Ах, боже мой! лет пять
Мы с вами не видались!

Привел же бог — увидеться опять».
(Тут три раза они поцеловались.)
«Как рада я! . . Но как переменились вы!

Ужасно похудели! . . .»
 — «И вы не очень подобрели!»
 — «Конечно, замужем?» — «Увы!
 Четвертый год. . .» — «А кто супруг ваш?»
 — «Крючоктворец,
 Советник Праволов; богат, но страх как скуп!
 Ревнив! . . .» — «А у меня и стар и глуп,
 И к этому же стихотворец!»
 — «Я взаперти живу, не вижу и людей;
 Взгляну ль в окно — и он шумит, кричит, ругает. . .»
 — «А у меня такой злодей:
 И день и ночь всё мне стихи свои читает!»
 — «Скажу вам: муж мой ведь вдовец;
 Он был женат, не знаете ль? на Ленской, —
 И уморил ее!» — «А мой-то молодец
 Двух жен отправил уж к Смоленской.
 Представьте: первая сошла совсем с ума;
 В чахотку он вогнал вторую;
 Не знаю, право, и сама,
 От виршей чувствую тоску такую. . .»
 — «Смотрите! вслед за мной ревнивец мой бежит;
 Не даст поговорить мне с вами!»
 — «И мой вон тащится!.. Душа так и дрожит. . .
 Ах, боже мой! и со стихами!»
 Ревнивец прибежал. «Парашенька, друг мой!
 Как ты замешкалась! Пора, пора домой!
 Что ж стала?» — «Не браните;
 Я встретила вот здесь с подругою моей;
 Пять лет мы не видались с ней,
 А вместе выросли. . .» — «Как рад я!.. Извините. . .
 Рекомендуюсь вам. . . имею честь. . .
 Однако же часов уж шесть. . .»
 — «А у меня посланье есть! —
 Вскричал, к ним подошедши,
 Рифмач седой и сумасшедший. —
 Анята! знаешь ли? тебе я написал
 Прелестный мадригал!
 Послушай. . .» — «Батюшка! да постыдись народу
 И дай с знакомыми ты мне поговорить».
 — «А смею вас, судáрь, спросить,
 Читали ли вы оду
 На погребение Прибыткина купца?»

У Холмогорского певца,
Ей-богу, нет такой! Войдемте в эту лавку,
Я оду вам прочту, да притчей пять в прибавку».
Сказал и за ворот советника схватил;

А тот хоть изумился,
Но за руку жену с собою потащил.
Народ пред лавкою столпился
И по гостиному двору прохода нет.

Бессовестный поэт,
Что силы есть, стихи читает,
Жена напрасно унимает,
Купец из лавки выгоняет,
Сиделец головой качает —
Он ничего не примечает,
А всё читает, да читает
И от себя ревнивца не пускает.

Тот всё молчал, молчал,
Но напоследок закричал:
«Ой, караул!» — и побежал.
Рифмач за ним — кричит: «Держи! держите!»
Я притчей не читал еще, а вы бежите», —

И оба скрылися из глаз.
«Ну, матушка, таких проказ, —
Прасковья Марковна сказала, —
Признаться, я не ожидала.
Мой Петр Кондратьевич ревнив,
Взыскателен, сварлив,
Но всё сносней, чем ваш мучитель».

Я сам, к несчастью, сочинитель;
Писать стихи люблю
И уж никак не утерплю,
Чтоб не читать *друзьям* свои стихотворенья;
А бедная моя жена —
Пошли ей, господи, терпенья! —
Хотя не хочет, но должна
Сидеть и слушать, как читаю басни, сказки, —
Молчит голубушка и только щурит глазки.
Ах! знаю по себе, что всякий метроман
Жены своей тиран.

Ноябрь — 4-5 декабря 1821; 1822

222. ТАК, ДА НЕ ТАК

В одной губернии был жадный Губернатор,
Без взяток жить никак не мог.
(Давно уж отрешил его наш император,
Да ниспошлет ему за то здоровье бог!)
Однажды поутру пришел к нему приятель,
Питейных сборов содержатель,
И говорит: «Из Питера сейчас
Я получил письмо; мне пишут, что в Правленье
К вам с той же почтою отправлен уж указ
Сената, чтобы мне отдать за долг именье
Корнета Дурова. Вот делай одолженье!
Наличных у меня взял тысяч шестьдесят!
А за имение дадут ли пятьдесят? . .
Но сам я виноват; введите во владенье».
— «Не можно, братец, сделать *так*».
— «Как?
Сенат велел, так сделать должно».
— «Я говорю, что *так* не можно».
— «Помилуйте, Сенат. . .»
— «Пустое, брат!
Ну, будто ты не понимаешь?
Сам знаешь,
Что ничего нигде не делается *так*».
— «Ах! извините, я дурак!
Забыл вам доложить: ко мне вчера прислали
Из Оренбурга две прекраснейшие шали;
Из них одну. . .»
— «Да обе уж пришли: я подарю жену,
Другую дочери». — Проситель поклонился
И с шалиями чрез пять минут назад явился;
А губернатор тот же час
Послал секретаря в Правленье,
И секретарь принес откупщику указ
О вводе во владенье.
Вот надо делать как!
Хоть так, однако же не *так*.

20 января 1823

223. ПЕВЧИЕ

Басня

Богатый дворянин, приезжий из Калуги,
Привез в Москву певцов,
Иль певчих — сорок молодцов!
А эти певчие его все были слуги.
Регентом же у них был пожилой гуслист
Срамченко, подканцелярист.
Весь хор глушил один басист,
Лакей Потап кривой, ужасная машина!
Аршин между плечьми, а ростом в три аршина!
На крылосе он был всех выше головой
И за каретою стоял всегда кривой.
Тенор был первый — псарь Гаврюшка,
Альтист — фореитор, хват Андрюшка;
Дишкантик же солист, осьми не больше лет,
Сиротка; все его Богдашей называли
И одному ему поутру чай давали.
Он лучше был других одет
И был любимец господина,
Который содержал его почти. . . как сына
И в ключницы возвел его родную мать,
Девицу, так лет в двадцать пять.
Вот он в Москве зовет гостей к себе откусать,
Да с тем, чтобы и певчих слушать;
А певчих эдаких, — Срамченко уверял, —
И в Киеве он не слышал.
За стол лишь только гости сели, —
И певчие запели.
Визжат, ревут, орут,
Так уши и дерут.
Но кончился концерт. «Понравилось ли пенье?» —
Хозяин говорит с улыбкою гостям.
«Угодно, верно, было вам
Узнать, имеем ли терпенье?» —
Сказал ему один известнейший артист.
«Помилуйте, концерт Бортнянского. . .» — «Я знаю;
Но певчих-то учил не он. . .» — «Нет-с, а гуслист».
— «Который в музыке невежда, утверждаю.
Поверьте мне, ваш хор
Вам только стыд, срам и позор.

Бортнянского прекрасны сочиненья;
У ваших же певцов
Нет даже голосов,
Не только что уменя;
Не знают вовсе нот
И всякий, хочет как, поет».

Не много пользы нам законы доставляют,
Хоть как они будь хороши,
Коль судьи их не понимают.
А если нет в судьях ни смысла, ни души?

28 марта 1823

224. ЛГУН

Павлушка *Медный лоб* (приличное прозвание!)
Имел ко лжи большое дарованье.
Мне кажется, еще он в колыбели лгал!
Когда же с барином в Париже побывал
И через Лондон с ним в Россию возвратился,
Вот тут-то лгать пустился!
Однажды. . . ах! его лукавый побери! . .
Однажды этот лгун бездушный
Рассказывал, что в Тюльери
Спускали шар воздушный.
«Представьте, — говорил, — как этот шар велик!
Клянуся честью, такого не бывало!
С Адмиралтейство! . . что? нет, мало!
А делал кто его? — Мужик,
Наш русский маркитант, коломенский мясник,
Софрон Егорович Кулик,
Жена его Матрена
И Таня, маленькая дочь.
Случилось это летом в ночь
В день именин Наполеона.
На шаре вышиты герб, вензель и корона.
Я *рисовал* — хотите? — покажу. . .
Но после. . . Слушайте, что я теперь скажу:
На лодочку при шаре посадили
Пять тысяч человек стрелков
И музыку со всех полков.

Все лучшие тут виртуозы были.
 Приехал Бонапарт, и заиграли марш.
 Наполеон махнул рукою —
 И вот Софрон Егорыч наш,
 В кафтане бархатном, с предлинной бородою,
 Как хватит топором —
 Канат вмиг пополам — раздался ружей гром —
 Шар в небе очутился
 И вдруг весь газом осветился.
 Народ кричит: «Diable! vive Napoléon!
 Bravo, Monsieur Sophron!»¹
 Шар выше, выше всё — и за звездами скрылся. . .
 А знаете ли, где спустился?
 На берегу морском, в Кале!
 Да опускаясь к земле,
 За сосну как-то зацепился
 И на суку повис,
 Но по веревкам все спустились тотчас вниз;
 Шар только прорвался и больше не годился.
 Каков же мужичок *Кулик?*»
 — «Повесил бы тебя на сосну за язык, —
 Сказал один старик, —
 Ну, Павел, исполать! Как ты людей морочишь!
 Обманывал бы ты в Париже дураков,
 Не земляков.
 Смотри, брат, на кого наскочишь! . .
 Как шар-то был велик?»
 — «Свидетелей тебе представлю, если хочешь:
 В объеме будет с полверсты».
 — «Ну как же прицепил его на сосну ты?
 За олухов, что ль, нас считаешь?
 Прямой ты *медный лоб!* Ни крошки нет стыда!»
 — «Э! полно, миленький, неужели не знаешь,
 Что *надобно прикрасить иногда.*»

15 сентября 1823

¹ Черт возьми! Да здравствует Наполеон! Bravo, господин Софрон! (франц.) — *Ред.*

225. ФАДЕЙ С ФОНАРЕМ

Лихой был встарину у нас боец кулачный,
Фадей *Чугунный лоб*, мужик не так-то взрачный.

Он, правда, силы не имел

И биться не умел;

Зато был очень смел.

Идет Фадей однажды с бою,

Повеся голову. «Ай, ай! —

Кричит, с ним встретившись, насмешник Николай. —

Что сделалось, Фадей, с тобою?

Добро бы ночью, а то днем

Идешь ты с фонарем!»

— «Да бились мы теперь вдвоем».

— «С кем?»

— «С Александром-Колотушкой».

— «О, это, брат, ведь не с Павлушкой!

Не долго с ним и до беды!

Да ты как будто из воды!

Мокрехонек, как мышь!» — «Я на Фонтанке бился,

Погорячился, оступился,

Упал

И в полынью попал».

— «Ну, славно ж в полынье, Фадей, ты окрестился!

Смотри же, почитай, брат, крестного отца».

— «Не ставлю я его совсем за молодца

И за кулачного бойца.

Счастлив он, что на льду вдруг так я поскользнулся,

А то бы у меня сам перекувырнулся».

— «Однако ж какво теперь твоим бокам?»

— «И Колотушкиным досталось. . . кулакам!

Распухли, чаю!

Беда ему, когда его где повстречаю! . . .»

— «В другой-то раз

Побереги другой свой глаз».

— «Подбей он: я его вот так и . . . *обругаю*».

14—15 апреля 1824

226. ДУРА ПАХОМОВНА

«Не дай бог с дураком связаться», —
Сказал Иван Андреевич Крылов.
А с дурую? . . . Могу признаться,
Что дура во сто раз опасней дураков,
И тем опасней, чем моложе,
Красивее, лицом пригоже.
Боюсь дур: молодых, пригожих не люблю,
А старых и дурных, ей-богу! не терплю.

Пахомовны-старушки сын,
Не помню, города какого мещанин,
Который некогда был где-то маркитантом,
Решился сделаться. . . бумажным фабрикантом!
Весь нужный инструмент достал
И по ночам работать стал.
На пробу сделал он синюшку,
И матушку свою старушку
Послал бумажку разменять.
Та в лавочке и разменяла,
Хоть в деньгах счет не так-то знала,
Да и на что старухе знать?
Вот мастер наш прилежно работáет,
Бумажки всё приготовляет,
А матушка меняет,
И разменяла так она бумажек шесть.
Знать надобно б и честь,
Нет, дай седьмую ей принесть.
«Откуда, старая, бумажки ты таскаешь? —
Воскликнул лавочник Егор. —
Где взять тебе? Твой сын и пьяница и вор.
Уж не фальшивые ль бумажки ты меняешь?»
— «Фальшивые? Что ты, козлина борода!
Мой сын *сам* делает бумажки. . .» — «Сам?»
— «Да! да!»

Плохая вышла шутка!
У лавочки стояла будка.
«Фадееч! — лавочник с испуга закричал, —
Сюда! . . .» — и за ворот старуху крепко взял.
Явился в лавочку Фадееч с миной важной,
С секирою, в броне сермяжной.

Он грамоте немножко знал
И ассигнацию фальшивую признал.
Мгновенно учинил свое распоряжение,
Чтоб мастер с фабрики куда не ускользнул,
Пахомовну раз пять ругнул,
А к надзирателю отправил доношение.
Потом к Пахомовне гурьбою в дом пошли
И за работою сынка ее нашли;
Веревкой обоих рука с рукой связали;
На съезжую с триумфом отвели,
Судили, наказали —
И слезы тут не помогли!
А бедная уж выла, выла,
Что сдуру и себя и сына погубила.

28 и 30 мая 1824

227. СЛЕНИНА ЛАВКА

У Сленина в лавке на креслах сижу;
На книги, портреты смотрю и гляжу.

Вот бард наш Державин, вот Дмитрев, Крылов!
А вот Каталани — под нею Хвостов.

Тимковского цензора тут же портрет.
Есть даже Гераков — Измайлова ж нет!

Авось доживу я до светлого дня!
Авось в книжной лавке повесят меня!

Чу! чу! колокольчик в сенях зазвенел;
Хозяин с улыбкой к дверям полетел.

Кого-то к нам в лавку лукавый принес?
Не граф ли? — Нет, польский задорный наш пес!

Измайлова видя, бледнеет вдруг он,
И крестному батьке отвесил поклон.

Приходят Рылеев, Бестужев и Греч,
Язык бы последнему надо присечь.

Вот Сомов вбегает, вот входит Козлов!
А вот из Сената заехал Хвостов.

В собрании этих почтенных людей
К Измайлову речь обращает Фадей.

«Что? сказочки нет ли какой на меня?»
— «Есть! Бойся ты сказок моих, как огня.

Любезный мой крестник! изволь, одолжу:
Три новые сказки тебе я скажу.

Кусал пес задорный большую свинью,
А я его кинул под лед в полыню.

С поляком бездушным я бился вдвоем,
И с боя бежал он в слезах с фонарем.

Безграмотный ротмистр-беглец был у нас,
Судьею его посадил я в Приказ. . .»

Булгарин взял шляпу и вон побежал —
А то бы Измайлов еще продолжал.

1824

228. ПОМЕЩИК И УПРАВИТЕЛИ

Помещик Вякалкин хозяин славный был;
В своих владениях лет двадцать сряду жил
И управлял он сам своими деревнями;
 В одной деревне погостит —
Глядишь, где и не ждут, в другую прикатит,
И чуть что где не так — разделка со спинами.
О, Влас Перфильевич был строгий человек,
Не баловал крестьян и старост больно сек.
В деревне прожил бы он, может быть, весь век;
Но страсть к одной, в Москве воспитанной, девице
Заставила его пойти опять служить;
Женился он на ней, да и остался жить
С женою молодой, с родней ее в столице;
 А в отчины свои послал

Пять управителей и строго наказал,
 Чтобы в течение года
 Семь тысяч каждый дал, не менее, дохода.
 И отчины могли такой доход давать;
 Уж как Перфильичу не знать?
 В деревне взрос сам с бородами
 И арендатором он был бы меж жидами.
 Проходит год,
 И каждый управитель шлет
 И деньги и отчет.
 Что ж пишет первый управитель?
 «Отец и покровитель!
 Служить вам верою и правдою я рад;
 Но прошлую весною
 Червь яровое съел, а летом сильный град
 Побил озимое — власть ваша надо мною!
 Вот выручили, что могли:
 Три тысячи сто двадцать три рубли.
 Другой же в рапорте нижайше изъясняет:
 «Уж я ль служить вам не хотел?
 Да волей божией овин зимой сгорел. . .»
Пять тысяч с сотнями он только посылает.
 А третий пишет так: «Хоть уродилась рожь,
 Но скотский-де теперь у всех дворян падёж,
 И все лишились кура́жу,
 Что не на чем возить хлеб в город на продажу. . .
 Однако продал я, что мог».
Две тысячи пятьсот приходу весь итог.
 Четвертый полного дохода
 Не мог дать потому, что умер вдруг Увар,
 Первейший винокур, который был хоть стар,
 Но был главой, душой завода
 И в уважении у пьющего народа.
 Без действия завод стоит,
 Казенная ж Палата настоит
 О выставке вина, и строго;
 Купили у других — убытка вышло много.
 Во всякой отчине напасть!
 Что делать? Божья власть! . .
 Но пятый бога, зная, боялся
 И так о выгоде господской постарался,
 Что *десять тысяч* выслал вдруг!

Не управитель это — друг!
 Перфильич рассердился
 На первых четверых.
 «О, воры! я вот их!» —
 За ужином он так проговорился.
 Но воры ведь не без родни,
 Не без друзей — не дураки они;
 Хоть хоронить концы и не всегда умеют,
 Но покровителей, заступников имеют.
 И у Перфильича защита есть плутам,
 А всё от дам:
 Старушка-ключница Марина,
 Христина-нянюшка, кормилица Ирина,
 Шутиха пьяная, любимица Макрина,
 Все, со слезами на глазах,
 Идут к Перфильичу и в ноги чебурах,
 Лишь только выходить хотел он из столовой.
 «Простите, батюшка, Петра:
 Родной мне внук!» — «Матвей мне брат
 крестовый».
 — «Ивану Дудкину, кормилец, я сестра».
 — «Егор мне, барин, кум». — Все вдруг заговорили
 И хором все завыли.
 Как не разжалобить и в жалость не привести?
 И у Перфильича ведь также сердце есть. . .
 Для слуг и для родных. — Он, рассмотрев отчеты,
 Вздохнул, присел к бюро
 И за перо.
 Вот циркуляр его работы:
 «Приемля в уваженье, —
 Так пишет к первым четверым
 Плутам приказчикам своим, —
 Несчастье, невзначай постигшее именье,
 Рекомендую, чтоб на следующий год
 Безотговорочно был собран весь доход».
 А пятому он дал, конечно, награжденье?
 Терпенье, господа, терпенье!
 На награждение не так Перфильич скор.
 Он к пятому послал такое отношенье:
 «Хоть у тебя и перебор
 И больше продано, чем прежде, ржи, пшеницы,
 Но чечевицы

В продаже вижу я лишь на сто шестьдесят,
А за год перед сим на двести пятьдесят;
Тогда ж и цены были плохи.
Нет, видно, есть в тебе, брат, блохи. . .
Да я их выгоню — не позабудь того!»

Каков Перфильевич? . . Повесил бы его!

10 апреля 1826

229. БАБУШКА И ВНУЧКА

«Натанцевалась ли, сударыня, вчера?»
Так бабушка Ненила
Петровна внучке говорила.
«Всю ночь до самого утра
Ты, как юла, вертелась
И в зеркало один раз только посмотрелась.
Ох! этот вальс
Погубит вас!
Жаль, право, нет закона,
Чтобы не танцевать на балах котильона!
А ваш проклятый rot rouggi¹
Лукавый побери!
Чуть не стрелялися из-за него в Твери.
Вперед не дам тебе я воли
И буду за тобой глядеть:
Не всё вертись; изволь и посидеть. . .
Чай, на ногах мозоли?»
— «Нет, бабушка, не чувствую я боли,
Ниже усталости. . . да молодым ногам
Что может сделаться? . . А доложу я вам,
Когда мы танцевали,
Вы всё в бостон да в вист играли.
Как жаль мне было вас!
Устали, верно, ваши ручки;
Послушайтесь вашей внучки:
Ну, поиграйте час,

¹ Попурри (франц.). — *Ред.*

Два, три — а то как можно в ваши лета
Играть с семи часов до самого рассвета?
Не хуже ль это, чем наш вечный котильон?»
— «Пошла же, грубиянка, вон!» —
Вскричала бабушка Ненила
И картами в лицо насмешнице пустила.

Мы часто молодых за шалости браним,
Упреков же себе и слышать не хотим.
Однако же кому стыднее,
Нам, старикам, иль молодым?
Кто должен быть умнее?
Мы, кажется, — скажу, как моралист:
Вертитесь, барышни, вертитесь;
А вы, почтенные, на милых не сердитесь
И знайте свой бостон да вист.
Девица, сделавшись старушкой,
Займется, как и вы, бостоном, вистом, мушкой.

13 февраля 1827

230. ДВОРЯНКА-БУЯНКА

Быль

Как могут люди забываться!

Прилично ль дамам драться?
Одна из городских и самых важных дам,
По долгу христианки
Вошедши в божий храм,
Плывет, поднявши нос, как гордые дворянки,
Которые крестьян, мещан
Едва ли чтут за христиан,
Жеманится, пытит. Лакей большой пред нею.
Но в церкви теснота — прохода не дают.
«Что ты зеваешь, плут? —
Кричит она лакею. —
Не может растолкать, урод,
Приказных этих модниц,
Чепёшниц и купчих-платочниц.
Пусти меня вперед!»

И барыня моя — нет, барышня, девица,
Рванулася вперед как львица.
С отважностью лихого мясника,
Который с братией своей из кабака
Стремится на площадь рвать голову с быка,
Идет она и всех толкает под бока
На обе стороны локтями,
Ступает с форсу каблуками
На ноги секретарш смиренных и купчих,
Да и ворчит еще на них.
Вот вдруг вперед взглянула —
Стоит смирнехонько тут барышня одна,
Одета запросто и молится она.
Буянка так ее толкнула,
Что та упала на амвон.
Раздался вопль и стон.
Диакон оглянулся
И содрогнулся.
Невольно вздрогнули на крылосе дьячки,
От ужаса у них приподнялись пучки.
Но чем же кончилось? — Она остановилась,
Не извинилась
И богу с важностью дворянской помолилась,
Потом же на уборы дам
Глядела и косилась.

О, стыд! о, срам!
И это сделала дворянка и девица?
Проклятая! срамница!
Будь я архиерей,
Иль хоть протоерей,
То, право б, проучил злодейку:
На паперти б ее поставил у дверей,
Вздвев ожерелье ей железное на шейку.¹
Сошлось бы множество народа поглядеть.
Дай, господи, ей век весь в девках просидеть.

11 апреля 1827

¹ В старину надевали в церквах железные ошейники на тех, которые делали там какое-либо бесчиние. Ошейники сии прикованы были цепью к стенам.

231. ЗАВЕТНОЕ ПИВО

Басня

- Фома на завтрак звал Кузьму,
И после водки
Так говорил ему:
«Покушай-ка селедки.
Ну что за сельдь! крупна! жирна!
А как вкусна!
Голландская! ей-богу! без обману!
У Королева брал. Тебе-то лгать не стану...
Вот свежая икра
Из осетра...
Прикажешь лучку
Зеленого?.. Попробуй эту штучку:
Балык, да ведь какой балык!
Ну так, как мед, во рту и тает.
Нельзя не есть; возьми: кусочек не велик».
— «Помилуй, эдак я не стану и обедать».
— «А семужки нельзя никак, чтоб не отведать;
Ведь из Архангельска прислал в гостинец сват.
Покушай, брат!»
— «Фома Панкратьевич! покушал я довольно».
— «Э! как тебе не стыдно? Полно.
Чем только лишь богат,
Тем гостю дорогому рад...
А вот грибочки:
Тут рыжички, а здесь грузочки;
И тех отведай, и других.
Грузочки хороши, а рыжики так диво!
Здесь не найдешь таких, —
Из Вологды!» — «А в кружке что?» — «Да пиво».
— «Ну, накормил ты молодца;
Пожалуй-ка теперь пивца».
— «Вот этого нельзя; пей, если хочешь, водку».
— «Помилуй, ты меня соленым всё кормил,
А пива жаль тебе!» — «Я звал ведь на селедку;
О пиве ж ничего тебе не говорил».
— «Умилосердися! дай промочить мне глотку».
— «Пей водку».
— «Ведь пиво есть?» — «Есть про себя,
Не про тебя».

— «Хотя кваску вели подать, Панкратьич».
— «Есть, Елизарьич,
И квас,
Да лишь про нас».
— «Ей-ей, пить хочется!» — «А знаешь, на *хотенье*
Терпенья!»
Терпение Кузьма тут вовсе потерял,
Встал,
За кружку хватъ рукою;
Другою
Он так хозяина толкнул,
Что опрокинул тот стол с завтраком и стул.
Упал — кричит: «Ай, караул!»
Рукой дрожащею хватает
За свой кровоточивый лоб,
Сквозь слез грозит, ругает.
Молчит гость, пиво допивает
И об пол кружку хлоп.

Красавицы-кокетки!
Ведь это вам наветки!
Зачем собою нас прельщать?
Зачем любовь в нас возбуждать
Притворной нежностью и хитрыми словами,
Когда мы не любимы вами
И не хотите вы руки своей нам дать?
Вам весело, как мы любвию к вам жаждем;
Смеетесь вы — мы страждем.
Не корчите Фому —
Не то попасть вам на Кузьму.

23 мая 1828
Вологда

И острые слова, и шутки тут рекою:
Везде веселья он предметом и душою!
И счастье у него казалось в кабале:
Не знал, о чем вздохнуть, не ведал огорчений;
Кострами *billets-doux*¹ на письменном столе;
И час не пролетал без милых приключений.
Вдруг вздумалось в чины — полсотни видных мест!

Графиня выпросила крест,
Княгиня мужу спать спокойно не давала,
Доколе палюмаж Любиму не достала.
Князь мог ли отказать? — Любим ли не служил?
Княжие тяготы он на себе носил.

Притом и откупщик примолвил два, три слова —
И — у троих обнова!

Катается Любим, как словно в масле сыр;
Вельможам ближний друг, свояк с откупщиками,
И Купидон сердца дарит ему горстями;

Вся жизнь его — вседневный пир!
Но вдруг нечаянно случилось Любиму

Быть дома одному,
И как-то вздумалось ему
Рассеять облака волшебна, светска дыму
И взор свой обратить на пролетевши дни.
Взял порознь каждый день — день каждый полон
действа,

Но вкупе их объял — исчезли чародейства!
Зрит — всюду пустоту и призраки одни.

Душа заняла, встосковалась,
Не взмилились пиры. У чаши круговой
Любим — унылой сиротой;

И вздохами его грудь часто воздымалась, —
Тоскует, сам не ведая о чем!

Прости, Москва! — летит в деревню!
Пришел в отцовский, ветхий дом,
Взглянул на луг, на липу древню,

Под коей в детстве он с беспечностью играл, —
Стеснили грудь его все сладки вспоминанья,
И нежности отца, и матери ласканья!

Вдруг слезы хлынули, — и легче он дышал,
Довольней стал собою.

¹ Любовные записки (франц.). — *Ред.*

Промчалась ночь! — Впервой еще с давнишних пор
Любимов взор
Всход солнечный встречал над тихою рекою.
Разлился пурпур над горою,
И бор дремучий оживал.
Он на колена пал:
Уста дрожат, слеза струится;
Нет слов, одна душа безмолвная чудится!
Спешит под кров родной:
Тут старые друзья родителя почтенна,
Зря дедовским полям, их дружбе возвращенна,
Любима встретили приветом и душой.
И день за днем течет, и месяцы мелькают!
В беседе избранной друзей,
Иль с книгой на холме, в виду лесов, полей,
Иль над рекой, где лебеди играют;
Или в вечерний час,
Сливя он с лирой тихий глас,
Гимн сельской жизни воспевае...
Но кто на сей земле один счастлив бывает?
Почувствовал Любим,
Что скука у него опять в душе таится.
«Несчастен, беден тот, чье счастье не делится!
Будь ангелом-хранителем моим, —
Сказал Лизете он, — и поделись со мною
Небесною душою —
Я буду жить дыханием твоим».
У Лизы щеки запыхали,
Поникнули глаза
И речи на устах дрожащих замирали,
В ресницах крупная слеза.
Давно Лизета страсть таила,
Любим давно ей мил;
Любовь их съединила,
И брак их бог благословил.
Как после бурь пловец, ступя на брег родимый
Из легка челнока,
Пучиной зрит корабль носимый
И содрогается издалека, —
Знаком и он был с этою бедою,
Бывал и он гоним свирепою волною;

Но днесь на бури лишь глядит
И рок благодарит;
Любим из тихого отеческого дома,
Где средь семьи своей сокрылся от сует,
Глядит на треволненный свет
И говорит в душе: «Была и мне знакома
Сия ужасная гроза», —
И сладких слез полны глаза!

{1815}

233. СТРАНСТВОВАТЕЛЬ И ДОМОСЕД

Объехав свет кругом,
Спокойный домосед, перед моим камином
Сижу и думаю о том,
Как трудно быть своих привычек властелином;
Как трудно век дожить на родине своей
Тому, кто в юности из края в край носился,
Всё видел, всё узнал — и что ж? из-за морей
Ни лучше, ни умней
Под кров домашний воротился;
Поклонник суетным мечтам,
Он осужден искать... чего — не знает сам!
О страннике таком скажу я повесть вам.

Два брата, Филалет и Клит, смиренно жили
В предместьи Афин, под кровлею одной;
В довольстве? — не скажу, но с бодрою душой
Встречали день и ночь спокойно проводили,
Затем что по трудах всегда приятен сон.
Вдруг умер дядя их, афинский Гарпагон,
И братья-бедняки — о радость! — получили
Не помню сколько мин монеты золотой
Да кучу серебра: сосуды и амфоры
Отделки мастерской.
Наследственным добром свои насытя взоры,
Такие завели друг с другом разговоры:
«Как думаешь своей казной расположить? —
Клит спрашивал у брата. —
А я так дом хочу купить

И в нем тихохонько с женою век прожить
 Под сенью отчего пената.
 Землицы уголок не будет лишний нам:
 От детства я люблю ходить за виноградом,
 Водиться знаю с стадом,
 И детям я мой плуг в наследство передам;
 А ты как думаешь? — «О! я с тобой несходен;
 Я пресмыкаться не способен
 В толпе граждан простых,
 И с помощью наследства
 Для дальних замыслов моих,
 Благодаря богам, теперь имею средства!»
 — «Чего же хочешь ты?» — «Я?.. славен быть
 хочу».
 — «Но чем?» — «Как чем? — умом, делами,
 И красноречьем, и стихами,
 И мало ль чем еще? Я в Мемфис полечу
 Делиться мудростью с жрецами:
 Зачем сей создан мир? Кто правит им и как?
 Где кончится земля? Где гордый Нил родится?
 Зачем под пеленой сокрыт Изида зрак,
 Зачем горящий Феб всё к западу стремится?
 Какое счастье, милый брат!
 Я буду в мудрости соперник Пифагора!
 В Афинах обо мне тогда заговорят.
 В Афинах? — что сказал! — от Нила до Босфора
 Прославится твой брат, твой верный Филалет!
 Какое счастье! десять лет
 Я стану есть траву и нем как рыба буду,
 Но красноречья дар, конечно, не забуду.
 Ты знаешь, я всегда красноречив бывал
 И площадь нашу посещал
 Недаром.
 Не стану я моим превозноситься даром,
 Как наш Алкивиад, оратор слабых жен,
 Или надутый Демосфен,
 Кичася в пурпуре пред царскими послами.
 Нет! нет! я каждого полезными речами
 На площади градской намерен просвещать.
 Ты сам, оставя плуг, придешь меня внимать,
 С народом шумные восторги разделяя,
 И, слезы радости под мантией скрывая,

Красноречивейшим из греков называть,
Ты обоймешь меня дрожащею рукою,
Когда... поверишь ли? Гликерия сама
На площади с толпою
Меня провозгласит оракулом ума,
Ума и, может быть, любезности... Конечно,
Любезностью сердечной
Я буду нравиться и в сорок лет еще.
Тогда афиняне забудут Демосфена
И Кратеса в плаще,
И бочку шута Диогена,
Которую, смотри... он катит мимо нас!»
— «Прощай же, братец, в добрый час!
Счастливого пути к премудрости желаю, —
Клит молвил краснобаю. —
Я вижу, нам тебя ничем не удержать!»
Вздыхнул, пожал плечьми и к городу опять
Пошел — домашний быт и домик снаряжать.
А Филалет? — К Пирею,
Чтоб судно тирское застать
И в Мемфис полететь с румяною зарею.
Признаться, он вздохнул, начавши одиссею...
Но кто не пожалел об отческой земле,
Надолго расставаясь с нею?
Семь дней на корабле,
Зевая,
Проказник наш сидел
И на море глядел,
От скуки сам с собой вполголос рассуждая:
«Да где ж тритоны все? Где стаи nereид?
Где скрылися они с толпой океанид?
Я ни одной не вижу в море!»
И не увидел их. Но ветер свежий вскоре
В Египет странника принес;
Уже он в Мемфисе, в обители чудес;
Уже в святилище премудрости вступает,
Как мумия сидит среди бород седых
И десять дней зевает
За поученьем их
О жертвах каменной Изиде,
Об Аписе-быке иль грозном Озириде,
О псах Анубиса, о чесноке святом,

Усердно славимом на Ниле,
 О кровожадном крокодиле
 И... о коте большом!...

«Какие глупости! какое заблуждение!
 Клянуся Пбллуksom! нет слушать боле сил!» —
 Грек молвил, потеряв и важность, и терпенье,
 С скамьи как бешеный вскочил
 И псу священному — о, ужас! — наступил
 На божескую лапу...

Скорее в руки посох, шляпу,
 Скорей из Мемфиса бежать
 От гнева старцев разъяренных,
 От крокодилов, псов и луковиц священных,
 И между греков просвещенных
 Любезной мудрости искать.

На первом корабле он полетел в Кротону.
 В Кротоне бьет челом смиренно Агатону,
 Мудрейшему из мудрецов,
 Жестокому врагу и мяса, и бобов
 (Их в гневе Пифагор, его учитель славный,
 Проклятьем страшным поразил,
 Затем что у него желудок неисправный
 Бобов и мяса не варил).

«Ты мудрости ко мне, мой сын, пришел учиться? —
 У грека старец спросил
 С усмешкой хитрою. — Итак, прошу садиться
 И слушать пенье сфер: ты слышишь?» — «Ничего!»
 — «А видишь ли в девятом мире
 Духов, летающих в эфире?»
 — «И менее того!»

— «Увидишь, попостись ты года три, четыре,
 Да лет с десяток помолчи;
 Тогда, мой сын, тогда обнимешь бранным взором
 Все тайной мудрости лучи;
 Обнимешь, я тебе клянуся Пифагором...»
 — «Согласен, так и быть!»

Но греку шутка ли и день не говорить?
 А десять лет молчать, молчать да всё поститься —
 Зачем? чтоб мудрецом,
 С морщинным от поста и мудрости челом,
 В Афины возвратиться?

О нет!

Чрез сутки возопил голодный Филалет:
«Юпитер дал мне ум с рассудком
Не для того, чтоб я ходил с пустым желудком;
Я мудрости такой покорнейший слуга;
Прощайте ж навсегда Кротонски берега!»
Сказал и к Этне путь направил;
За делом! чтоб на ней узнать, зачем и как
Изношенный башмак
Философ Эмпедокл пред смертью там оставил?
Узнал — и с вестью сей
Он в Грецию скорей
С усталой от забот и праздности душою.
Повсюду гость среди людей,
Везде за трапезой чужою,
Наш странник обходил
Поля, селения и грады,
Но счастья не находил
Под небом счастливым Эллады.
Спеша из края в край, он игры посещал,
Забавы, зрелища, ристанья
И даже прорицанья
Без веры вопрошал;
Но хижину отцов нередко вспоминал,
В ненастье по лесам бродя с своей клюкою,
Как червем, тайною снедаемый тоскою.
Притом же кошелек
У грека стал легбк;
А ночью, как он шел через Лаконски горы,
Отбили у него
И остальное воры.
Счастлив еще, что жизнь не отняли его!
«Но жизнь без денег что? — мученье нестерпимо!» —
Так думал Филалет,
Тащась полунагой в степи необозримой.
Три раза солнца свет
Сменялся мраком ночи,
Но странника не зрели очи
Ни жила, ни стези: повсюду степь и степь
Да гор в дали туманной цепь,
Илотов и воров ужасные жилища.

Что делать в горе! что начать!
Придется умирать
В пустыне, одному, без помощи, без пищи.
«Нет, боги, нет! —
Терзая грудь, вопил несчастный Филалет, —
Я знаю, как покинуть свет!
Не стану голодом томиться!»
И меж кустов реку завидя вдалеке,
Он бросился к реке —
Топиться!
«Что, что ты делаешь, слепец?» —
Несчастному вскричал скептический мудрец,
Памфил седобородый,
Который над водой, любуясь природой,
Один с клюкой тихонько брел
И, к счастью, странника нашел
На крае гибельной напасти.
«Топиться хочешь ты? Согласен; но сперва
Поведай мне, твоя спокойна ль голова?
Рассудок ли тебя влечет в реку иль страсти?
Рассудок, но его что нам вещает глас?
Что жизнь и смерть равны для нас.
Равны — так незачем топиться.
Дай руку мне, мой сын, и не стыдись учиться
У старца, чем мудрец здесь может быть счастливым». —
Кто жить советует — всегда красноречив, —
И наш герой остался жив.
В расселинах скалы, висящей над водою,
В тени приветливой смоковниц и олив,
Построен был шалаш Памфиловой рукою,
Где старец десять лет
Провел в молчании глубоко
И в вечность проникнул своим орлиным оком,
Забыв людей и свет.
Вот там-то ужин иль обед
Простой, но очень здравый,
Находит Филалет:
Орехи, желуди и травы,
Большой сосуд воды — и только. Боже мой!
Как сладостно искать для трапезы такой
В утехах мудрости приправы!

Итак, в том дива нет, что с путником Памфил
Об атараксии¹ тотчас заговорил.

«Всё призрак! — под конец хозяин заключил. —

Богатство, честь и власти,
Болезнь и нищета, несчастья и страсти,

И я, и ты, и целый свет, —

Всё призрак!» — «Сновиденье!» —
Со вздохом повторял унылый Филалет;

Но, глядя на сухой обед,
Вскричал: «Я голоден!» — «И это заблуждение,
Всё грубых чувств обман; не сомневайся в том».
Неделю попостясь с братастым мудрецом,
Наш *призрак*-Филалет решился из пустыни

Отправиться в Афины.

Пора, пора блеснуть на площади умом!

Пора с философом расстаться,

Который нас недаром научил,

Как жить и в жизни сомневаться.

Услужливый Памфил

Монет с десятков сам бродяге предложил,

Котомкой с желудьми сушеными ссудил

И в час румяного рассвета

Сам вывел по тропам излучистым Тайгета

На путь афинский Филалета.

Вот странник наш идет и день и ночь один;

Проходит Арголиду,

Коринф и Мегариду;

Вот — Аттика, и вот — дым сладостный Афин,

Керамик с рощами... предместия начало...

Там... воды Иллиса!.. В нем сердце задрожало:

Он грек, то мудрено ль, что родину любил,

Что землю целовал с горячими слезами,

В восторге, вне себя, с деревьями, с домами

Заговорил!..

Я сам, друзья мои, дань сердца заплатил,

Когда, волненьями судьбины

В отчизну брошенный из дальних стран чужбины,

Увидел наконец Адмиралтейский шпиг,

Фонтанку, этот дом... и столько милых лиц,

Для сердца моего единственных на свете!

¹ Душевное спокойствие.

Я сам. . . Но дело всё теперь о Филалете,
Который, опершись на кафедру, стоит
 И ждет опять денницы
На милой площади аттической столицы.
 Заметьте, милые друзья,
Что греки снаряжать тогда войну хотели,
 С каким царем, не помню я,
Но знаю только то, что риторы гремели,
 Предвестники народных бед.
Так речью их сразить желая, Филалет
Всех раньше на помост погибельный взмогился.
 И вот блеснул Авроры свет,
 А с ним и шум дневной родился.
 Народ зашевелился.
В Афинах, как везде, час утра — час сует.
На площадь побежал ремесленник, поэт,
Поденщик, говорун, с товарами купчина,
 Софист, архонт и Фрина
 С толпой невольниц и сирен,
И бочку прикатил насмешник Диоген;
На площадь всяк идет для дела и без дела;
 Нахлынули, — вся площадь закипела.
Вы помните, бульвар кипел в Париже так
 Народа праздными толпами,
Когда по нем летал с нагайкою казак,
Иль северный Амур с колчаном и стрелами.
Так точно весь народ толпился и жужжал
 Перед ораторским амвоном.
Знак подан. Начинай! Рой шумный замолчал.
И ритор возвестил высокопарным тоном,
 Что Аттике война
 Погибельна, вредна;
 Потом велеречиво, ясно
По пальцам доказал, что в мире быть. . . опасно.
«Что ж делать?» — закричал с досадою народ.
 «Что делать? . . — сомневаться.
Сомненье мудрости есть самый зрелый плод.
Я вам советую, граждaне, колебаться —
 И не мириться, и не драться! . . .»
 Народ всегда нетерпелив.
Сперва наш краснобай услышал легкий ропот,
Шушуканье, а там поближе громкий хохот,

А там. . . Но он стоит уже ни мертв, ни жив,
 Разинув рот, потупив взгляды,
 Мертвее во сто раз, чем мертвецы баллады.
 Еще проходит миг —
 «Ну что же? *продолжай!*» — Оратор всё ни слова:
 От страха — где язык!
 Зато какой в толпе поднялся страшный крик!
 Какая туча там готова!
 На кафедру летит град яблоков и фиг,
 И камни уж свистят над жертвой. . .
 И жалкий Филалет, избитый, полумертвый,
 С ступени на ступень в отчаяньи летит
 И падает без чувств под верную защиту
 В объятия отверсты. . . к Клиту!
 Итак, тщеславного спасает бедный Клит,
 Простяк, неграмотный, презренный,
 В Афинах дни влачить без славы осужденный!
 Он, он, прижав его к груди,
 Нахальных крикунов толкает на пути,
 Одним грозит, у тех пощады просит
 И брата своего, как старика Эней,
 К порогу хижины своей
 На раменах доносит.
 Как брата в хижине лелеет добрый Клит!
 Не сводит глаз с него, с ним сладко говорит
 С простым, но сильным чувством.
 Пред дружбой ничего и Гиппократ с искусством!
 В три дни страдалец наш оправился и встал
 И брату кинулся на шею со слезами;
 А брат гостей назвал
 И жертву воскурил пред отчими богами.
 Весь домик в суетах! Жена и рой детей
 Веселых, резвых и пригожих,
 Во всем на мать свою похожих,
 На пиршество несут для радостных гостей
 Простой, но щедрый дар наследственных полей,
 Румяное вино, янтарный мед Гимета, —
 И чаша поднялась за здравье Филалета!
 «Пей, ешь и веселись, нежданный сердца гость!» —
 Все гости заодно с хозяином вскричали.
 И что же? Филалет, забыв народа злость,
 Беды, проказы и печали,

234. ОСТОРОЖНЫЙ ШАХ

Сказка

Однажды шах Надир, правдивый, мудрый шах,
Травил зверей в своих лесах.
Усталый, жаждой утомленный,
Ловитву кончить он велел,
Сошел с коня, в тени под кедром сел,
Толпой придворных окруженный.
А как вблизи тех мест струившийся ручей
Иссох от солнечных лучей,
То все мурзы, к груди с прижатыми руками,
Заехать в ближний сад дают совет царю,
Чтоб жажду утолить плодами.
«В чужой? — сказал монарх. — Нет, нет,
благодарю.
Хозяин за плоды не примет, верно, платы,
А если даром съем хотя зерно гранаты,
То визири мои, клянусь вам, целый сад
С деревьями съедят».

(1815)

235. ГУСЯТНИК И БАРИН

Басня

Здесь, в Питере, по мостовым
Гусятник с стадом пребольшим
Промеж обозов и людей
Один гнал множество гусей,
Крича: «Вот гуси арзамаски!»
И разные к сему припаски,
Ступая важно, возглашал.
Уж до Фонтанки их догнал,
 Но гуси, видя воду,
 Не пременяя ходу,
Плетутся стадом всем к Сенной.
Подобно стройных войск колонна,
Велениям вождя покорна,
Без шуму движется стеной:
 Так гуси выступали
И дружно ход свой направляли.
Вдруг едет барин четверней.
Покорность усмотря гусей,
 Приходит в удивленье;
Неслыханно ему казалось явленье,
 Что гуси не летят
И, бывши близ реки, поплавать не хотят.
Итак, остановя карету,
Позвал гусятника и, дав ему монету,
Сказал: «Открой, дружок, мне свой секрет:
Как мог ты, гнавши столько верст,

Один с гусями управляться
И на пути не растеряться?
Ну, гуси вздумали б лететь,
То горьку песню б стал ты петь».
— «Эх, добрый господин! — гусятник отвечает. —
Ведь я им крылья подвязал,
А связан кто, тот не летает.
Вот я секрет тебе сказал».

Иной на родину желал бы полететь,
Но нуждой, как неволей, связан,
Птенец без перьев не вспорхнет,
Тот скован долгом, кто обязан.
Крылата гения, прикованна к стене,
Я видел где-то на картине;
Вздыхнувши о своей судьбине:
«О бедность! — я сказал, — вот он подобен мне».

(1816)

236. ДУБ-ОРАКУЛ

Басня

Предания гласят, что в древности почтенной
Был лес Юпитеру в Додонах посвященный,
В котором деревья
По-человечески вешали,
И их слова
Оракулом считали.
И в наши времена про лес
Старушки говорят, что бес
Там в виде лешего проказит,
В деревья влазит
И испускает страшный вой;
Что многие, когда грибов искали,
Его видали,
Описывая лик и рост его какой,
Что он с верхами сосн равнялся!
И под листок травы скрывался!
Воображения нередко пылкий взор
За истину приемлет вздор,

А легкоеверие то видит и очами,
 Что почитает чудесами,
И водворяется среди волшебных стран.
 Давно всяк это знает,
Но свет сей, стареясь, людей не пременяет.
 Какой-то шарлатан,
На легкоеверных счет желая поживляться,
 Решился за оракул взяться
 И тем себя обогатить.
Сперва он за секрет сказал своему другу,
 Потом уверил всю округу,
Что в ближнем лесе дуб на высоте стоит,
 Который отвечает,
 Когда кто вопрошает
 И принесет ему посильный дар;
Что этот дуб двенадцатью веками стар
И при Бове еще оракулом считался;
 Что сей секрет
Открыл ему покойник Филалет,
 Столетний дед его, когда кончался;
И что по новолунии в первую ночь
 Дуб этот только прорицает
 И скажет каждому точь-в-точь,
 О чем кто ведать пожелает.
Обманщик выдал баснь и место указал,
 Где вещей дуб стоял,
 Огромный и ветвистый,
 При корене дуплистый.
 Молва как Волга разлилась!
 Толпа народу поплелась
В назначенную ночь к оракулу с дарами:
 Тот хлеб несет с вином,
 А тот лоток с плодами,
 Богач кису, набиту серебром,
 Вдова коробку с пирогами;
И каждый, положи дары перед дуплом,
 Со умилением вопрошает. . .
Обманщик же в дупле за дуба отвечает
 И угождает всем.
Народ предубежден рассказом шарлатана,
 Не ищет понимать обмана
 И был доволен тем,

Что в лесе их толь редкое явление,
Особое небес благоволенье.

Чрез несколько перерожденных лун
Замысловатый тот шалун
От легковерных поразжился —
И вскоре бы разбогатился.
Но рок нечаянно судил,
Что он в солдаты угодил.
Вдруг древо веще замолчало,
Оракула не стало.
Потом чудился всяк. . .

Как, веря глупости, он мог попасть впросак!

Что легковерие источник ослепленья,
Уверен в этом всяк.

В Испании один прелат
С кафе́дры возглашал мирянам поученья,
Которы сочинял ему лиценциат;

И все, пока того не знали,
Великим витией прелата почитали;
А по узнании не мыслили уж так.

(1816)

237. СТАРЫЙ ГРЕХОВОДНИК И СУД

Старик лет с семьдесят прожил,
Грехов премного накопил;
Окончил жизнь — на суд явился.
Минос на старика сердился,
Ну старика в суде бранить —
А тот уж и не смеет говорить.
Однако ж Радамант вступился,
И старику он волю дал,
Чтоб в пользу тот свою, что может, отвечал.
Он отвечает: «Я, помилуйте! женился,
И сорок с лишком лет я жил с женой».
— «Ну так зачем его знакомить с сатаной?
Мы светское страданье
Вменим ему здесь в наказанье!»
У них приискан был закон,
По коему прощен быть может он.
Как хорошо жениться!
Когда не здесь, ну так в том свете пригодится.

Вкушает рай, живет кто с доброю женой.
С сумбурщицей, как с сатаной,
Тот муж лишь уживется,
В котором чертов дух ведется.

{1816}

238. ДЕЛЕЖ

Два пахаря соседи были,
Пахали вместе и сажали,
И правду истинну сказать,
 В работе помогать
 Друг другу не ленились.
 Но вот как разделились:
Пшеницею один другого заделил.
Но дело кончено, и тот его простил,
 Затем что сам он в том признался;
Однако же мужик пшеницы не отдал.
 А как опять пахать собирался,
 То с ласкою сказал:
 «Чтоб прежде в дележе сравниться
 И в дружестве опять
 Пахать,
Навозом вздумал я с тобою поделиться».

(1817)

239. ИСКУССТВО И ЗАВИСТЬ СО ЗЛОБОЮ

Искусства бич, пожар, статую растопил
 Такую, коей удивлялись.
 Растопленны куски ее попались
 Художнику, который слил
 Не хуже той, что потеряли.
Но Зависть с Злобою и тут сказали,
 Что верно бы ему такой не слить,
Когда б не удалось той бронзы получить,
Котора прежнюю статую составляла.

Суждений таких у нас не мало!

(1817)

240. ГОСПОДИН И ПАРИКМАХЕР

Какой-то господин вот так распорядился,
Как из села в Москву он ехать снарядился:
 С деревни мальчиков велел забрать,
 Чтоб их в ученье там раздать.

«Хоть хлебопашество чрез то и оскудеет, —
Он думал так, — карман зато мой потолстеет».

Приехали в Москву, и кто куда попал,
Он всех по жеребью раздал, —
Способен где кто быть — того не разбирал.
Иной хоть и умен — в прикмахеры попал,
Без уха кто и слуха — тот музыкантом стал.
Желанью, просьбам их никак он не внимал.
«Я так хочу — и вы должны повиноваться!
Учитесь, полно вам в деревне баловаться. . .»

Столяр и слесарь принялись,
И музыканты удались,
Гостям изрядно уши драли;
Сонаты наизусть уж ввали
И барина тем восхищали.

Раз барин с трубкою сидит
И с умилением глядит,
Как Ванька пиликает.
Но вдруг Антропка прибегает,
Помещику он в ноги пал,
Его перепугал. . .

«Помилуйте! меня едва не зачесали;
Со времени того, в ученье как попал,
Не больше трех часов уснуть мне в ночь давали. . .

Под гребнем, видел я, как умирали,
И мудрено ли жизнь скончать,
Как примутся все драть. . .

Я вспомнить не могу, как им тупей взбивали,
Покойников как завивали,

Их пудрили, чесали,
Волосья мелом натирали, —

Ну точно, как на бал приготавливали.

Ну вот совсем готов, посмотришь — ан дерут
Опять, все букли разовьют

И сызнава скрутят и припекут. . .

Волос и кожи не жалеют,

Хоть нету бороды, а всякий день нас бреют.

Хозяин коль куды пошлет,

За милость то считаешь.

А как домой идешь, того и ожидаешь —
Что за воротами толпа уж ждет,
За голову мою берется.
И дыбом волос тут взнесется,
Мороз по коже подерет,
Садиться время как придет.
Отделаться скорей чтоб от урока,
Один тупей дерет,
Другой затылок трет,
Да чешет третий сбоку.

А если, на беду, хозяин подойдет,
И, боже сохрани, когда не в духе, —
Тем, кто чесал меня, он даст по плюхе,
На мне ж все букли изорвет
И по полу разметет.

За что же за вину других меня увечит?»
— «Обут, одет ты, сыт, —
Антропку барин вопрошает, —
И не бываешь ли напрасно бит?»
В слезах Антропка отвечает:
«Доволен всем, и бит я не бывал,
Коль не считать то в драку,
Что рвут меня всегда, как бешену собаку».

— «Поди ж к хозяину, скажи, я приказал,
Чтоб он опять тебя чесал.
Окончишь как ученье —
И будешь сам других чесать,
Я не советую тебе позабывать,
Какое сам терпел мученье», —
Помещик так решил.
Желаю очень я, чтоб не забыл
Антропка наставленья,
Затем что терпим огорченья
Частехонько от тех, которых век чесали.
Не знаем отчего — теперь случайны стали!
Лишь попадися к ним, зачешут, задерут!
Есть правосудие! В том свете суд найдут.

(1817)

241. СКУПОЙ И ЕГО СЫН

Один скупой,
Кого из скромности мы здесь не называем,
Однажды летнею порой,
Каким-то вдруг случаем
Корзинку яблоков купил.
Он тотчас их в сундук железный положил
И запер четырью замками.
Когда же иногда часами
Он вздумает покушать их,
То взявши парочку гнилых,
Их съест — хорошие ж кладет всегда в сторонку;
И всё-то от семьи таскает потихоньку.
Впоследствии случись, что как-то старший сын,
Оставшись ввечеру один,
Ключ к сундуку прибрал, замки все отворяет,
Находит яблоки, все лучшие съедает,
И яблокам конец.
В то время входит вдруг нечаянно отец.
Увидя с горестью такое похищенье,
Взбесился наш старик.
«О, превеликое, — кричит он, — преступленьє!»
И, разумеется, был шум, и шум велик.
Сын, яблоками сытый,
Увидя, что отец стал чересчур сердитый,
Для оправдания сказал ему в ответ:
«Я думал, папенька, большой беды тут нет.

Заметь, что всегда вы кушали гнилые,
То и никак не смел
Отведывать такие;
Я только лишь одни хорошие поел».

(1816)

242. ДВА МАЛЬЧИКА

Один малютка был умен,
Товарищ же его препростенький мальчуга,
Иль лучше, вовсе несмышлен.
Однажды оба наши друга,
В подарок получа орехов горсти две,
Хотят делить их меж собою.
Который поумней, тот, их прибравши все,
Зерно возьмет себе, а друга лишь одною
Попотчивает скорлупою.
Простяк, не ведая, ему что делать с ней,
Вконец едва мог догадаться,
Что, видно, и детей,
Которы похитрей,
Должно остерегаться.
«Ну ладно ж, — он сказал, — вперед не проведет
Меня приятель мой; я сам не оплошаю;
Не всякий же я раз вить дураком бываю».
Через несколько недель вот кто-то им дает
Весьма хороших слив. Друзья давай делить.
Тут мой простяк взялся всю трудность разрешить.
«Ты в прошлый раз, — сказал он другу своему, —
Верхушку мне давал, а сам съедал зерно;
Так должно потому,
По чистой совести, мне право быть дано
Взять зернышки себе, тебе ж дать остальное».
— «Согласен, — отвечал который поумней, —
Вот правосудие прямое,
Какого не найдешь и у самих судей».
Потом исполнили решение такое.

От опытности пользы нет,
Когда уж без ума родились мы на свет.

(1816)

243. ДОЛГ

Сказка

Лука, узнавши, что Сергей,
Который должен был ему пятьсот рублей,
В болезни тяжелой умирает,
К нему, как можно поскорей,
За час до смерти прибегает
И требует, чтобы он долг свой заплатил.
Кажись, в такой бы час тревожить непристойно.
Преслабым голосом Сергей его просил,
Чтобы он дал ему хоть умереть спокойно;
Но наш Лука кричит: «Нет, мой голубчик,
врешь...
Изволь-ко заплатить — а прежде не умрешь!»
(1816)

244. ДОБРАЯ МАТЬ

Каким-то случаем одна несчастна мать,
Имея сына одного,
Вдруг неожиданно лишилася его.
Грусть бедной матери немощно описать.
Во утешение священник ей вещает:
«Бог Аврааму приказал,
Чтоб сына своего на жертву он заклал;
И волю вышнего он с страхом исполняет;
Так ныне не должно ль такими быть и нам?»
— «Ах, батюшка! — ему мать нежна отвечает, —
Какой пример мне Авраам?
Конечно, все мы человеки,
Но верьте, что сего вовеки
Всевышний матери б никак не приказал.
Он сердце нам совсем особенное дал».
(1816)

245. ХИТРЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК

Приехавши с пути, пристал в один трактир
Дорожный, от дождя промокший чрезвычайно;
Тут застаёт большой он пир,
И вкруг огня сидит людей необычайно.

Погреться бедному нельзя уже никак,
Но путешественник не вовсе был дурак.
Призвав хозяина, он отдал повеленье,
Сто устриц сей же час снести его коню.
Приказ сей произвел такое удивленье,
Что все, мешавшие приблизиться к огню,
Диковинку сию увидеть поспешили
И с мест своих вскочили,
А он, подвинувшись, сел,
Где надобно было, к камину.
Зеваки, возвратясь, сказали господину,
Что устриц конь его не ел.
«О! коли так, — он им холодно отвечает, —
Так съем же я их сам».
И сидя у огня, их подлинно съедает.
Вот эдак пыль в глаза пускают простякам.

(1816)

246. УСТРИЦА И ДВОЕ ПРОХОЖИХ

Прохожие вдвоем шли по берегу моря
И видят, устрица лежит вблизи от них.
Запрыгали глаза у ходоков моих.
Но есть ли радости на свете сем без горя?
Один лишь к устрице, другой ему толчок:
«Постой, брат! Этот ведь не делится кусок;
Так надобно сперва о том уговориться,
Кому-то устрицей придется поживиться.
По справедливости, в ней волен только тот,
Кто мог ее из нас увидеть наперед».
— «Ну, стало, устрице и должно быть моею:
Ты знаешь, я глаза презоркие имею».
— «Спасибо, и мои не плоше, брат, твоих;
И хочешь, сей же час готов лишиться их,
Когда не первый я увидел эту штуку».
— «А я сейчас даю отсечь и нос и руку,
Когда уж за версту я по духу не знал,
Что здесь она, вот здесь! Да я ж и указал».
На сей забавный спор прохожих краснобаев
Является Крючок-Зацепич-Обираев.
Они его просить. Он устрицу берет,
Раскрыл — и прямо в рот.
Убрал, и с важностью сказал им: «Вот, Палата
По раковине вам решила дать на брата.
Прощайте! Да вперед не спорьте меж собой:
От тяжёб — хлеб судьям, а спорщики — с сумой».

(1816)

247. ПОДЬЯЧИЙ И ЧЕРТИ

Подьячий где-то был,
Который так крючки любил
И так их много натворил,
Что сполз по ним в чертоги адски
И зажил было там с рогатыми по-братски.
Душа с ним в душу был преважный Велзевул,
И с самым Сатаной свел тесную Федул;
А прочие чины и мелкие чертенки
Дрожали перед ним и пялили глазенки.
Федулу в аде всё повиновалось так,
Как к злomu мужику попавшийся батрак,
И словом, наш Федул в таком был уваженьи,
Как древле черный бык египтян в вображеньи.
Чего б еще ему, казалось, и желать?
Свое бы место знал, чего уж бушевать?
Но, видно, говорит пословица неложно:
Повадится кувшин как по воду ходить,
То так уже ему и голову сломить.
Так-то подьячему — без ябед жить невозможно.
Он суд там учредил,
Установил
Доносы,
Рожном и сковродой
Разженною допросы,
А сам насильно стал судьей.
Подвел под свой крючок и жителей и войски
И ну господ чертей отделявать по-свойски.
Иного тычет в бок,
Другому прочь хвостище,
Иного, захватя клещами за носище,
Таскает за собой, выдавликает сок;
Иному терном гладит рожу,
С другого так совсем сдирает с мясом кожу.
А черного царя
Он ставил ни во что — подлей нетопыря.
Короче: наш Федул там так всё взбаламутил,
Что чернь, и знатные, и Сатана сам струсил.
Федул, приметя то, перо чинит острей,
Крюк за крюком чертит — и всех прогнал чертей.

Так диво ль, что для нас крючки страшнее смерти,
Когда, бояся их, бегут из ада черти?

(1816)

248. ДВА ПУТЕШЕСТВЕННИКА

Два друга странствовать любили,
И вместе в путь идти однажды положили;
Но, оставляя дом,
Друг другу клятву дали в том,
Чтобы в несчастьи хоть каком
Не выдавать один другого.
Пошли — идут и день, и два, идут и пять,
Прилягут, отдохнут — а там пойдут опять;
И вот конец уж дня шестого,
Но всё, хвала судьбе! несчастья никакого.
И так им удалось в пути
Уж время долгое пройти
Друг с другом неразлучно
Весьма благополучно;
Как вдруг в один злосчастный день,
Когда от солнечного жара
Красой и юностью друзей цветущих пара
Поверглась дров под тень,
Сверкаячи глазами,
На них стремятся вепрь с предлинными клыками.
Друзья в смятении, едва успели встать,
Один другого жизнь старались защищать;
И враг хоть нападал, они всё отступали,
Но душ в согласии погибель отвращали.
Пришедши же к водам глубокого ручья,
Заспорили друзья:
Лишь узкая доска через него лежала,
А каждый перейти хотел из них сначала —
Толкались и — один в ручье свой гроб сыскал,
Другой от вепря пал.
Единодушие родит к спасенью средства;
А ссоры, где напасть, — ужаснейшие бедства!

(1816)

249. УСТАНОВИТЕЛЬ ОБЩЕСТВА

Быль

Один чудака из чудаков
Своей ученостью мечтал себя прославить,
Знакомых соглася, заставить
Включить его в число блистательных умов.
Билеты пышные заранее рассылает:
Ученых, неученых всех,
Соседей и друзей к беседе приглашает.
Народу дельного он созвал не на смех,
Но никому еще не открывал потехи. . .
Уж кофей разнесен, чай подан с коньяком,
И два раза кругом
Гостям обнесены кедровые орехи.
Хозяин кашлянул. . . просил поближе сесть. . .
И предложил проект прочесть,
Которым предлагал им общество составить,
Всех просветить, наставить
И деньги получить и честь.
Проект прочитан пред гостями.
В восторге чувства, со слезами
Творец взирает на друзей.
Кто хвалит, кто шумит, иные ж поскромней
Тихонько шепчутся и только жмут плечами.
Но вскоре утвердил собранья общий глас:
«Да будет общество у нас!»
— «Итак, перекрестясь, скорее мы приступим!»—
Им прожектер вещал.

«Приступим!.. Но с чего ж?..» — «Подсвечников
мы купим!

Заблаговременно об том я рассуждал.

Себя на деле мы покажем,
Покроем стол сукном, и стол большой закажем!»

— «Помилуйте, — один сказал, —

Никто столом не славен стал;

Когда б писать мы не умели,

Столы бы нам не помогли,

Хотя б мы дюжину имели!»

— «А иностранной-то земли

Столов вы разве не видали?»

— «Нет, но к чему и видеть их!

Столы бесед не украшали».

— «То правда, мебелией есть много и других!

Нам нужны зеркала, канкеты,

Богатая софа, картины, табуреты

Да стол, как я сказал об этом наперед».

— «Вам стол с ума нейдет!

Ведь общество не ряд торговый,

Храм муз — не магазин.

Начто меблировать? Здесь стул есть не один,

И стол хороший есть». — «Да стол-то ведь не новый!

Без бронзы». — «А начто она?»

— «Какой вопрос! По вас, в уборе

И красота, знать, не нужна?»

— «В ученом разговоре

Нам в бронзе, право, нужды нет.

Мы можем сесть без табуретов

И без канкетов

Видеть свет».

— «Всё так, но мне никак не можно согласиться.

Я на софе хочу садиться

И генералов в гости звать!»

Так долго споры продолжались,

Но неостанет слов всего пересказать.

Что ж гости делали? Молчали — и смеялись.

Вдруг бьет одиннадцать часов,

И все домой поторопились,

Один по одному с хозяином простились,

Промолвив наскоро учтивых пару слов,

Но только уж к другой беседе не явились.

Всех членов распустив, чудак наш погрустил,
Подсвещников, софу да с бронзой стол купил.
Теряся в жару болезни стихотворной,
Решился с улицы к себе прохожих звать.

Засел читать свой вздор отборный,
А если кто начнет без милости зевать,
То утешался тем, что глупости забудут
И так же наградят, как и других, венцом,
Когда смотреть лишь только будут,
Что он сидит за бронзовым столом.

(1818)

250. ОТСТАВНЫЕ МАТРОСЫ

Двенадцать человек матросов пожилых
Скучали службою и кораблями править,
Стоять на реях, парус ставить
Напротив бегу туч седых,
Соскучив на одном и том же месте сидя,
А может быть, наград не видя...
Да как же и награды ждать,
Когда не хочешь работáть?
И праотец Адам по воле ль, по неволе,
Чтоб хлеб найти себе, с сохой трудился в поле...
Но рассуждать о том есть должность не моя,
А только знаю я,
Со старости ли лет, с болезни иль печали —
Матросы захромали, —
И захромали так, что и ногой ступить
Нельзя, ни работáть, ни так ходить.
Пришлось на костыли бедняжкам опираться,
И то кой-как таскаться!..
Жалеет всё начальство их,
И скоро ль наберешь матросов удалых!
Зовут кого, лишь с ним же горе!
Он охая идет,
И то за шагом шаг, идет-нейдет, плетется
Да тут же кувыльнется
И упадет.
Ну, словом, жалостные виды!..
Матросы сделались хромые инвалиды;

Вдобавок же к тому иной
Кто крив, кто с горбом за спишой.
И вот увечный строй
Тащится на клюках в каюту капитана.
Он просьбу принял их, не замечав обмана,
Да и какой обман быть мог?
Ведь в свете нет железных ног!
А охрометь не трудно.
Итак, не чудно,
Что добрый капитан дал всем отставку им
И выходил еще и пенсию хромым.
Один из них определенье
Попраздновать хотел и осетрины хвост
Купил попотчивать ботвиньей на веселье
Своих товарищей. — Тогда был пост.
Поставил блюдо он на полку,
И ситом рыбу он накрыл,
На верх же сита положил
Кружком обтесанную доску
Для отвращения хлопот,
Короче, чтоб не съел Сибирка, хитрый кот.
Из рода кошечья сей кот был всех хитрее —
Ведь также есть среди котов,
Как и людей,
Один умней,
Другой глупее.
Сибирка был готов
Стащить, что спрятано, потом бежать проворней.
А с виду — чудо был в котах!
Смирение в его начертано глазах,
Нельзя ни ласковой, ни больше быть покорней!
С когтями сжатыми, повеса хвост ходил,
А уж не гневайся, коль плохо положил!
Вот кот, обнюхивая сито,
Узнал, что там съестное скрыто;
Он лапкой толк его, в другой и в третий раз!
Доска свалилась,
И сито на боку, и рыба появилась!
Лишь только бы схватить, как на беду проказ
На костылях хозяин дотащившись,
Смиренника согнал, а он хвостом махнул,

Прыгну́л

И в дверь ударился скорее,
Как вдруг потише, поскромнее,
На лапках... всё вперед, вперед,
На полку взобрался и, с стороны подкравшись,
• Когтями рыбу достает
И бросился бежать, ответа не дождавшись.
Матрос, увидя то, терпенье потерял,
Отбросив костыли, за вором побежал.
Куда бы с костылями
Ему ловить кота!
Что за болезнь, что за лета!
Откуда что взялось с ногами! . . .
«Злодей Сибирка, — он кричит, —
Сибирка плут! и будет бит!»
Как вдруг он набежал... о страх! — на капитана,
«Восьмое чудо, милый мой!
Давно ль с здоровой ты ногой?
Не все ль твои друзья большие
Такие ж, как и ты, хромые?
А у меня лекарство есть.
Эй, боцман! палок нам принести!»
Матросы бросились просить вине прощенья,
Но с легкой боцмана руки,
Ударом палки с первым разом,
Проворны стали и легки.
Кривой другим уж смотрит глазом,
Горбатый жердочкой стоит,
Хромой не ходит, а бежит.
И смех, и плач, и удивленья!
Лекарство не без исправленья.
С тех пор никто из них хромым не вздумал быть;
И хоть тужили, не тужили,
А десять лет еще матросы прослужили.
Что если б не одних матросов так лечить?
• Но храбрецов хвастливых,
Злословных светских болтунов,
Педантов, щеголей спесивых,
Капризных щеголих и модных дураков?

(1818)

251. БЕДНОСТЬ И ТРУД

*Народная сказка*¹

«Что-то, утихла ль метель? Посмотри-ка ты, Лиза,
в окошко», —
Бабушка, с печки слезая, так внучке сказала, и Лиза,
Порх, как синичка, к окну — и, окно отворя и защелкнув:
«Бабушка! страшно метет, и сугробы, как горы,
а с крышек
Вихорь так клочья и рвет и вертит! ни звезды нет!..
а месяц!
В мутную тучу уплыл! Ах, как страшно, как холодно
в поле!»
— «Как же в светлице нам быть-то? Опять вы
в бирюльки? Аль вечно
Руки поджавши сидеть, а работу под лавку? Нет, дети!
Боже спаси вас! Ведь чуть заленишься, откуда возьмется
Гость нежеланный на двор, гость недобрый: зовется
он — Бедность!
Бедность! ох, бойтесь ее: то лихая колдунья с клюкою,
Ходит в отрепьях, на ней закоптелая старая шуба,
Ветер пустую суму и лохмотья хлобыщет... Злодейка
Бродит по селам, как волк, и грызет поселян,
а мальчишек
Гонит на снег босиком, чтоб кричали проезжим:
подайте!»

¹ Сочинитель старался сделать в сей сказке опыт применения *экзаметра* (стройного, звучного, великолепного стиха) к простонародному русскому рассказу. Успел ли он — это могут решить рассудительные читатели. Содержание сказки очень просто: *бедность* и *труд* олицетворены; первая бесспорно может почесться врагом, а последний благотворителем гражданских обществ.

— «Чем же Бедность гонять?» — спросила сонливая Соня.
«Только Трудом да Трудом! — прибодрясь, отвечала старушка. — Труд хоть куда молодец! И какое село он залюбит, Там и житье!.. От его богатырского посвиста Бедность, Злобясь, бежит и, назад озираясь, зубами щелкает!»
— «Что ж то за Труд молодец? да откуда приходит та Бедность? Бабушка, сем расскажи нам об этом получше!» — так, с печи Спрыгнув и речь перебив, подхватила вертлявая Катя. «Вот уж я вижу, опять мне придется вас сказкой потешить: В сказке как в зеркале всё!» — «Ах, чего же нам лучше, — все в голос. — Вечер ведь только настал, и ночник прогорит еще долго... Сядь же, родная, за стол, хоть в почетном угле под божницей!»
Села, а внучки кругом, так и ласться, вьются к старушке — Ждут не дождутся; но вот и без дела остаться не смеют: Лиза взялась за чулок, а работу полегче — то Соне, Катенька ж, с донцем подсев, вертенном, как игрушкой, вертела.
«Что ж, начинать ли?» — спросила старушка. — «Скорее! Скорее!..»
— «Ну так сидите ж». — «Сидим». — «Ну да слушайте ж». — «Слушаем». — «Тихо! Бог весть, давно ли и где, только жили да были крестьяне Все на лентяе лентяй! Вот придет ли пора, чтоб посеять, — Пахоты нет!.. *Стрекоза*¹ уж юлит, и *козелец*² во цвете, Сыплет и рожь. Эй, пора, им твердят, яровое под соху!³ Лето летит и не ждет; а ленивцы всё *тары да бары*,

¹, ², ³ Появление стрекозы, которая обыкновенно любит виться около цветов с жужжанием, зацветание травы козелеца и рожь, высыпающаяся в колос, суть верные признаки (в некоторых губерниях России!) наступающей поры ярового посева.

Тихо, вяло, плуго́м нивы слегка чуть поранят. . .
Нивы звонцом заросли, и покрылося во́лчцем всё поле.
Что им до поля? . . . Еще ж, на беду, *искуше́нье*
в соседстве:
Пиво, и пенник, и мед! . . . Вот и пьют, и шумят, и гуляют.
Время ж бежит да бежит! . . .» — «Ну, а что же их жены
и дети?»
— «Малый за старым идет! . . . Их и жены и дети
ленились:
Всё, чтоб попеть, поплясать, да на ярманку. . . коней
избили,
Домы свели! . . . а к зиме, как сурки по норам, западали. . .
Страшно к ним в избу войти: поутру, лишь затопится
печка,
Хлынет вдруг дым — и давай тут и двери и окна все
настежь! . . .
Копотно, сине вверху! — а с полать, угорев, робятишки
На пол да на пол скорей! . . . полегли на соломе, а тут же
Гость к ним — козел бородатый вдруг шасть. . . и овца
по привычке
В избу, и ну теребить из-под них аль из люльки
солону. . .
Горе им в горьком дыму! . . . Где ни взглянешь, всё
скудно. . . ленивцы
Терпят от лености всё и чернеют, коптясь тихомолком.
Глухо и в гумнах, — кругом ни гу-гу! . . . да чему ж
у ленивцев
Рано и поздно стучать? Аль цепам, по токам,
в подовинах?
Спят их цепи, а в снопах воробьи лишь, воружа, щебечут.
В житницах ветер живет; про запас селянин не молотит;
Что ж смолотил, то и съел! . . . а в рекрутскую складку,
а подать
Чем же платить, как придет к ним с высокою палкой
десятник?
Вынь да положь, а не то. . . Ну, казна-то не свой брат,
не шутит!
То-то ленивых житье! Ведь ни ложки, ни плошки
в деревне.
Век по чужим всё углам их волочит с заплечной
котомкой
Бедность-злодейка с клюкой — впереди, а за нею ленивцы;

Тихо, уныло и робко, скрипучей тропою по снегу,
 Скорчась, под окна бредут и насилиу прошепчут осипло;
 «Дайте нам, ради Христа!» — И в селе их ко храму
 господню
 Снегом и след замело!.. Хоть звонь и звонят и
 трезвонят
 Резко им в уши, но звон улетает на ветер... Когда же
 К церкви пойдут, так смотреть на ободранных стыдно!
 Ну, дети,
 Вот вам и Бедность!» — «А Труд?» — «Погодите
 немного, у старых
 Память тупеет! — а вам не сидится? — ну тихо ж! —
 да слушать.
 Послан к ленивцам был Труд, и то, знать, за мольбы уж
 отцовски:
 Ловкий детина пришел к ним, и бог весть и как
 и откуда,
 Гоголем парень идет, и речист, и умен, и приветлив,
 Ростом высок он, плечист и в подбитом овчиной кафтане,
 Статен, пригож молодец!.. По бедрам коломянковый
 пояс,
 Шапка с заломом, лицо — словно кровь с молоком,
 взгляд — соколиный!..
 Он-то был Труд, и в село чуть вошел — закричал
 на ленивцев:
 «Что? аль не видите вы, что грозит вам беда неминуча?
 Бедность вас всех загрызет! Так вставай, не зевай,
 за работу!»
 Вот как бы кто растолкал всех ленивцев: ленивцы
 проснулись!
 Тот за топор, а другой с долотом, с молотком, да
 с обухом;
 Стук по деревне и гук!.. Закружась, жернова заревели;
 По клину клин зазвенел... и пила, расходясь, засипела...
 Скрипнули створы; коней всяк выводит, а кони чуть
 бродят!
 Все собрались и гужом потянулись в путь во дорогу...
 Жены ж, оставшись, меж тем уж досужи и падки
 к работе;
 Только петух кукарекнул — лучина горит уж по избам,
 Ярко горит и трещит, только искры, как блестящие,
 сверкают!..

Вьется кудель, и, вертясь, вертено, промеж пальцев,
 играет;
 Пряжа прядется; а там — там скрипучие шаткие кросны
 Ходят; проворный челнок то туда, то сюда всё шныряет,
 Берда бренчат!.. Так зима пролетела, как сутки...
 Знать, стало
 Близо к весне, что вдруг клокот, кудахтанье кур; тут
 откуда
 Утки трюшком, ковыльком, шепелявые плещутся
 в лужах;
 Говорных гордых гусей долговыйна ватага гогочет,
 Сипло шипя на прохожих... вокруг клекчут, курлычат
 индейки...
 Каркает черный *вран*, грахает *грач*, и *сорока* стрекочет...
 Свищет и чиркает *чиж*, и всё в роще чиликает, чуя
 Веспу и красные дни...¹ Так всё было — вдруг утром,
 однажды.
 Что-то чернеет вдали... и все смотрят и слышат: всё
 ближе
 С топотом шум!.. И в селе — что за *крик*, что за *скрып*,
 что за *шелест*?
 Кони заржали... И вот воротился обоз наш! — и всякий
 Сыт и одет, и коня откормил, а притом и копейку
 Всякий зашиб... И пошли поживать, попевая, крестьяне.
 С той-то поры в том селе старики молодым говорили:
 „Дети! живите с *Трудом*, и не будет опасна вам
Бедность!“»

(1818)

¹ В *другом списке* сей сказки Сочинитель, уважая советы некоторых искусных в словесности людей, выпустил или заменил другими все пять звукоподражательных стихов — от 95 до 100. — Здесь же оставляет их с тем намерением, чтоб показать, сколь способен богатый и гибкий экзаметрический стих к выражению различных звуков, криков и голосов, слышимых в природе. Лучшие древние стихотворения и новейшие германские, особенно *Фоссовы* экзаметры, избилуют чудесами звукоподражания. — В наше время, благодаря общему порыву к просвещению, более нежели когда-либо занимаются *теориею* стихосложения. Один из ученых соотечественников наших (г. Гонорский) написал уже весьма любопытную книжку: «О Гармонии слова». И скоро, может быть, кроме иного достоинства в стихах наших, как и в древних, будет слышны и топот коней, и стук и звяцание молота, и громкое журчание ручьев, и тихий шепот веющих по цветам *зефиров*; но все это, если не ошибаюсь, может быть выражено удачно одним только экзаметром.

252. ТРИ БРАТА ИСКАТЕЛИ СЧАСТЯ

Сказка

Филлос, Филéмон и Фíлон, три брата, три пастыря, стадо
В тихой долине пасли; не послали им боги богатства;
Стадо, свирели, шалаш — всё добро, всё наследье

от предков!..

Юности ранние дни, как волшебные сны, пронеслися;
Зреют желанья в груди, и мечты их умы взволновали:
Славой Филемон пленен; всё гремящие битвы, всё лавры
Только и видит он днем и в спокойном безмолвии ночи;
Зыби морские Филóн возлюбил и, предавшись им

сердцем,

Весело, в мыслях своих, по лазоревой влаге кристальной
Плыл и летел!.. Видеть свет и, корыстей и золота

жадный,

Счастье с богатством найти он хотел непременно,

безумец!

Золоту с счастьем души мудрено уживаться!.. Ах, часто,
Часто над златом сидят и на злато льют горькие

слезы!..

Други! короткий наш век золотится любовью

и дружбой! —

Филлосу втайне открыл то сам Зевс, покровитель

смиренья.

Старшие братья в пути, а юнейший, где жил, там

остался!..

С длинным в деснице копьем и в гремящем доспехе,

красуясь

Шлемом, с мечом на бедре, и шумя и блистая, Филемон

Быстро в соседни края, где война, воспылав, загремела,

Шествует; вскоре в полях шум и ропот от топота коней,

Строи на строи пошли!.. И тьма стрел вверх как вихрь

понеслася:

Тяжко вздыхала земля, и мечи о мечи сокрушались,

Копья летали жужжа, и трескали щиты!.. Тут Филéмон,

Славой и кровью покрыт, бой окончил; но рок посылает

Смерть!!!.. Копием прободенный, он пал и о родине

вспомнил,

Поздо он вспомнил о ней!.. А меж тем уж на влажных
 пустынях
 Филон спокойство зрит вод и волнение... То ясным
 зеркалом
 Кажутся бездны, то вмиг, вмиг запенятся страшно под
 бурей!
 Ветры, исторгшись из гор и расторгнув преграды
 гранитны,
 Волны на волны валят и кипящей их пеной венчают!..
 С скрипом шаталась снасть, и вглубь бездны корабль
 погружаясь,
 Вновь возникал!.. Но и смерть и волнение ревущей
 пучины
 Филон презрел: он алкал лишь богатых корыстей
 и злата!
 Скоро пристали к странам, где рождаются и злато и перлы:
 Камни драгие из гор на долины катятся с ручьями.
 Филон богатство загреб и, стяжанной корыстью красуясь,
 Жаждет возврата; но вот и шумит, и кипит — вновь
 на море
 Двинулись бездны! Волна меж гранитов хлебещет, —
 и буря
 Носит корабль как перо и то бьет, то вздымает,
 то топтит!..
 Ночь заменяется днем, день опять пременяется ночью,
 Буря шумит на морях! — И внезапно, при бреге
 безвестном,
 Страшный о камни удар, и корабль расщепился
 со треском!
 Вопли и стоны кругом, всё погибло!.. Ко брегу волною
 С клокотом щоглу клубит!.. Тут за щоглу хватается
 Филон —
 Сильного вихря порыв вмиг к утесам полмертва приносит.
 Филон остался в живых, но и жизнь средь пустыни
 безлюдной
 Бремя для сердца; один и печален, восседши на бреге,
 Тяжко вздыхая, стенал он по родине милой: «О боги! —
 Слезно зывал. — Ах, смягчите вражду разъяренного
 рока:
 Дайте увидеть мне край, край бесценный мой — детства
 обитель;

Родину, родину мне покажите, всемогущие боги!
 Дайте завидеть ее хоть вдаль, хоть как радугу в небе;
 Дайте увидеть хоть дым, что над кущами предков
 клубится!
 Ветры! повеите ко мне от цветущего берега родного!
 Волны! примите мой стон и скажите берегам, где
 рожден я!
 Вдался безумец мечтам и погибнул в стране неизвестной!
 Филлос услышит ваш глас!» — Что ж сей Филлос?
 Оставшись при стаде,
 Тихо, спокойно живет; он далек от сует и волнений.
 Филлос незнатен, убог; а всегда ли тот счастлив, кто
 знатен?
 Счастье в блеске ль богатств? Но имеет богатство
 и Филлос.
 В милой Филене оно!.. «О Филена, дочь милая неба!
 Радость моя! — Так поет восхищенный Филею
 Филлос. —
 Друг мой, ты всё мне, приди! Здесь веселые воды
 гуляют,
 С шепотом плещет ручей, и шелещет шумящая пена!
 Веяньем теплой весны оживились фиоли младые,
 Милых, влюбленных певцов благовонные липы лелеют;
 Горлицы, нежно целуясь, друг другу про радость
 воркуют;
 Тут и душистей цветы, и пушистее зелень в сем доле;
 Тут и людей не видать!.. О Филена, любовь их боится!
 Ясно пылает заря, и лиловое небо алеет!
 Росы спустились в луга, и заискрилось бисером поле;
 Смолкла вечерня свирель, посмотри, уж темнеют долины,
 Даль засинелась... спешите! Ах, весенние ночи так
 кратки!..
 Счастьем же полны часы и годов нам милее печальных!
 Вот уж высоко луна!.. Пусть бросает нам Цинтия
 с неба
 Взгляды завистны; ах нет! И богиня заблещет светлее,
 Нежа чету молодую... Поверь мне, что счастье смертных
 Небу приятно — приди ж!.. Благовонное ложе нас
 манит;
 Сладко забыться в цветах, тиховейным лобзаясь
 Зефиром!..

(Счастье, поверьте, само в шалаши тихомолком
заходит! . . .)
Низких свободен страстей, позлащенным кумирам
не служит,
Сердцем же предан добру, всем и брат он, и друг,
и помощник;
Он-то богат и счастлив, и ему да поет моя лира!
(1818)

253. ПОДРЫВАТЕЛЬ

Басня

Сосед шумит,
Сосед кричит,
Сосед Макар лишь чуть не воет,
Что под носом его, в его глазах,
Плутяга крот всё роет, роет. . .
«Ну, веришь ли, мне жалко — страх!
И сердце, братец, так и ноет:
Любимую гряду, злодей, изрыл.
Вот и дубина есть. . . уж я б его хватил,
Потешился б над вражьей спиной! —
Так говорил Макар, кроту грозя. —
Да, видишь сам, он роет подо мною,
А мне попасть по нем нельзя! . . .»

Сосед Макар! бывает случай разный:
Так роются под нас и клевета, и ложь,
Так подрывается увертливый приказный —
И видишь, и шумишь порой, и бьешь,
Да всё по нем не попадешь! . . .
(1826)

254. КАНАРЕЙКА

Басня

Канарочку Олёнушка купила;
Как няня, нянчилась с пташуркой, берегла,
И белым сахаром из алых уст кормила
Любимицу. . . и вот уж птичка так смела
И так мила:

Лишь стукнут чашками, она как тут была,
И каждый день поутру, у стола,
Кружит, проказит — и без спроса,
Хозяйкой чайного подноса,
То сахар, то бисквит клюет,
А между тем поет, поет. . .
И страх как пташечку Олёнушка любила
И очень ею дорожила.
Но девушек любовь — послушать старика —
Полегче перушка, потоньше волоска!
Сдружилась Лёнушка с котом-мурлыкой:
Настанет день — он тут; сидит угрюмый, дикой,
А птичке это не под стать.
И вот уж песенок резвухи не слышать;
Манят — нейдет! А барышня — сердиться,
И в слезы, и шуметь. . . А няня ей совет:
«Олёна Ниловна, мой свет!
Уж ты на возрасте — пора бы вразумиться;
Загадка, матушка, ведь очень-то проста:
Ну, хочешь с птичкой быть, так выгони кота!»
(1827)

255. УСЛУГА ОТ МЕДВЕДЕЙ

Быль

Уж осень очень глубока:
Пустынной лес, полней река;
Краснеет даль главою кудрявая рябины,
И гриб и груздь под соль идет,
И сушится запас душистая малины,
И щебетливые собираются в отлет
Куда-то за море касатки. . .
Хозяйка в огурцы кладет пахучий тмин,
Пустеет огород, поля и нивы гладки.
Но пахнет лакомо дымящийся овин
Зерном подсушенного хлеба. . .
И вот уж сумерки подкралась как-то с неба,
Осенний день завечерел,
И страшный брянский лес темнел, темнел;
На стороне маячилась избушка,

В ней жил Мирон с женой и матерью-старушкой.

Вот к ним стучат: «Пустите на ночлег!

Мы двое вчетвером, но нет от нас помехи;

А завтра вам доставим смех,
Пирушку с пляской и потехи!»

То были два поводыря

И с ними два огромные медведя.

Мужик, гостей благодаря,
Сказал мальчишке: «Ну, брат Федя!

Сведи их на сарай, а ужинать со мной;

Я новосел, в избе нам негде поместиться:

Живу с старушкой, с парнишкой да с женой».

Вот ужин прочь, и всяк в своем углу ложится.

Но гостю одному не спится:

Здоров, и на сене, и хорошо поел,

И уж медведь его, свернувшись, захрапел,

Товарищ тож храпит из всей поры и мочи.

Уж время близко полуночи,

А к гостю всё не сходит в гости сон,

И вдруг почувял он

Какой-то шум, какой-то стон протяжный. . .

Могучий, молодой и по душе отважный,

Он из сарая вон, глядит, глядит:

Изба в огне, но не горит!

Он под окошко: видит. . . худо!

Ватага удалых, их было семь на счет

(В стране лесной, в глуши безлюдной),

Хозяина, скрутив, на вениках печет

И гаркают: «Давай казну!» Жена-хозяйка

Тож связана. . . Вот наш к товарищу: «Вставай-ка!

Смотри: вот так и так! Медведей прочь с цепей —

И по дубине им: скорей, скорей!»

Встают, бегут к избе — там двери на запоре.

Но ведь не свой же брат медведь! . . Не шутит

в споре,

Притом зверей толкнули под бока:

«Бей, Мишка! Машка, бей! . .» И двери розно!

И входят витязи с дубинами прегрозно.

От радости у мужика

Душа дрожит, а воры — кто куда попало.

Однако ж им на пай достаточно досталось!

Связали нескольких — и в земский суд.

И судьи — если мне рассказчики не лгут —
Медведей налицо, по форме призывали:
 Уж, разумеется, они желали
 Удостовериться, узнать,
 Хотя бы с ставкою очною,
 Что могут иногда, порой иню
 И нелюди людей спасти!

(1828)

256. СУДЬЯ И СОСЕД

Сказка

В дождливый день, обеденной порою,
Под ветхим зонтиком и с тяжкой ношей дел,
Судья старинного покрою
Домой в задумчивости шел.
Дорогою сосед с ним повстречался;
Судья с приятелем поцеловался,
Потом, вздохнув, сказал: «Всё, всё идет не так!
Да и какому быть добру, любезный, с нами?
Попутал всех лукавый враг!
Ну, видно, за грехи мы нашими отцами
На свет сей рождены.
Здесь — правда, совесть, честь совсем истреблены;
Все о добре твердят, а к делу лишь коснется,
То всякий от добра спиной и отвернется.
Забыли бедные и смерть и страшный суд;
Не в царствие небес, а в ад себя влекут!
И братья-то моя, скажу не в осужденье,
Уж потеряли всё к уставам уваженье;
Нет чести на волос в душах!
Так наживаются, так совестью торгуют,
Что выговорить страх!
Как картами, дружок, законами тасуют!
В разврате свет погряз!
Настал, соседушка, настал последний час!»
Сосед глазам своим не верил,
Зря редкий честности судейской образец.
Судья, казалось ему, не лицемерил:

Простак не знал людских сердец,
Простак на свой аршин всё мерил.
Но между тем судьба соседа привела
С каким-то богачом в суде иметь дела.
К судье-приятелю лишь тяжба перешла,
Тотчас бежит сосед к служителю Фемиды,
Бранит с ним свет и всех людей,
Замолвил слова два о правоте своей,
Исчислил все соперника обиды;
Но, на беду, из судьиных речей
Заметил, что судья не те имел уж виды:
Угрюмо, сухо отвечал,
То справки к делу собирал,
То завтра побывать соседа приглашал.
Насилу вышло разрешение,
Которого бедняк так долго ожидал.
Определили. — Что ж? — Богатому именье,
А бедному, как водится, терпенье.
Тогда сосед сказал, что те других бранят,
Которые прикрыть свои грехи хотят!

(1818)

Так вон в кустах Аминт, спроси его: узнаешь,
Как я почтителен был к прелестям твоим;

Да вот я сбегая за ним!»

— «Куда, Линдор? Зачем? Побудь еще со мною!»

— «Нет! нет! Аминт меня оправит пред тобою;

Я приведу его, а ты здесь погоди!»

— «О добренький Линдор! — красавица

сказала, —

Останься ж лучше ты и нас обоих жди!»

Вскочила и в кусты к Аминту побежала.

Линдор остался ждать.

Уж вечерет день, уж солнца не видать,

Уж ночь туманом лес покрыла —

Алина всё не приходила! . .

(1819)

258. ЖРЕЦ И КУМИР

Басня

Льстить любят многие, хвалить умеет редкой.
Не в меру похвала опасней брани едкой.
Усердья ложного подать ли образец?
В рассказ мой вслушайтесь: какой-то древний жрец,

К кумиру своему излишне богомольный,
Уж так кадил ему, уж так ему кадил,
Что с ног до головы его он закоптил.
И полно? — Нет! и тем уроком недовольный,
Так размахнулся раз, в пылу слепой руки,
Что он кадильницей расшиб его в куски.

Фортуны баловни! кумиры черни зыбкой!
Любимцы срочные забывчивой молвы!
Не стрел вражды крутой, но лести гибкой
Кадильниц берегитесь вы! . .

1819

259. ПОЖАР

Небрежностью людей иль прихотью судьбы
В один и тот же час, и рядом,
От свечки вспыхнули обои здесь; там на дом
Выкидывало из трубы!
«Чего же было ждать? — сказал советник зрелый,
Взирая на пожар. — Вам нужен был урок;
Я от такой беды свой домик уберег».
«А как же так?» — спросил хозяин погорелый.

«Не освещаю в ночь, а в зиму не топлю».
— «О, нет! Хоть от огня я ныне и терплю,
Но костенеть впотьмах здесь человек несроден;
В расчетах прибыли ущерб место дам:
Огонь подчас во вред, но чаще в пользу нам,
А твой гробовый дом на то лишь только годен,
Чтоб в нем волков морить и гнезда вить сычам!»

1820

260. МАЛЮТКА НА ЛОШАДИ

Малютка на коня просился, — посадили.
Сперва в восторге он: «Вот, вот и я большой!» —
Товарищам кричит, которые толпой,
Ему завидуя, счастливица окружили.
Но только повода пустили
И лошадь тронулась, — малютка поднял вой
И задрожал, как будто за уроком,
Как будто с розгами учитель перед ним.
Не в радость уж ему и быть большим.
Сидеть ли прямо, сесть ли боком,
Глядеть ли на лошадь — всё мучит равный страх.
Зажмурит ли глаза, еще страшней впотьмах,
И с часу он на час всё более бледнеет.
Заметивши отец, как он робеет,
Сказал: «Дурак, тебя никто не принуждал!»
И, сжался над ним, его с коня он снял.
Подумаете вы, он плакать перестал,
Теперь покоен и на воле, —
Напротив, плачет вдвое боле,
И злится, и кричит, и рвется на коня.
О, сколько на веку вельможей видел я,
Которые, пока в числе любимцев были,
Под ношей почестей томилась и грустили,
И с высоты на прежний жребий свой
Со вздохом обращали взгляды
И у царя для всей награды
Просились домой.
Отпустит лишь их царь, вняв просьбе, на покой —
Бедняжки чахнут от досады.

Между 1819 и 1822

261. ВИЗИРЬ ГАССАН

Сказка

В киоске пышной, золотой,
Под шумом резвого, блестящего фонтана,
Дремал визирь Гассан, любимец, друг султана,
К подушке бархатной склоняся головой.
Послушные рабы вокруг него стояли,
И робкое в груди дыханье притаив,
Свой взор на сонного Гассана устремив,
Покой и тишину в местах сих охраняли.
Но вдруг невдалеке раздался смутный крик.
«Кто там?» — проснувшись, вельможа вопрошает.

И вот к Гассану приступает
Ведомый стражею осанистый старик.
Гассан, прикрыв рукой глаза свои от света,
Глядит и щурится, с дивана привстает —

И что же? Узнает

В пришельце своего любезного Макбета, —
Макбета, с коим он от самых юных дней
Был дружен, вместе рос, и даже уверяли,
Что в них различие одно лишь замечали:

Несходство мыслей и страстей.

Теперь совсем не то: Макбет в простом наряде,

Почти с нечесанной бraidой,

Хоть храбрый воин был, но воин лишь простой;

Однако ж ум блистал в его отважном взгляде.

А тот — уже визирь! Богатству — сметы нет!

Не будучи знаком ни с скукой, ни с делами,

С утра до вечера пирует он с друзьями,

Ест плов, курит албй и пьет всегда шербет.

«Я вижу, счастлив ты! — сказал Макбет со вздохом.—

Дай бог! Я рад тому; фортуна людям клад!

Счастливец загадал, и всё пошло на лад!

А я — что приобрел? Гонимый злобным роком,

Одни лишь горести повсюду находил.

Ты знаешь, давний друг, что правду я любил;

Она-то и была всех бед моих виною!

Нет, не могу кривить душою!

Я в должность кадия вступил,

И суд, клянусь, давал правдивый, беспристрастный;

Но злых людей язык опасный
 Меня, безвинного, увы! не пощадил.
 Соскучась клеветой и избегая мщенья,
 Я нового искал служенья
 И с новым рвением ко брани полетел!
 Служил, сражался, сколько можно:
 Вот раны на груди то говорят неложно;
 Но кланяться и льстить я вовсе не хотел,
 Надеюсь на свои заслуги, —
 И что ж? За все мои увечья и недуги
 Паша, начальник мой,
 Благодарил меня пустою лишь хвалой —
 И то так нехотя и так, чтоб не слышали;
 А те, кто в шахматы и в кости с ним играли
 Или за трубкой и вином
 Его почти равнять дерзали с божеством,
 Одни все почести и славу получали.
 Увидя, что коварный рок
 Ко мне нимало не смягчался,
 И в мире, и в войне всё так же был жесток,
 От дел и подвигов навек я отказался,
 И возвратясь теперь домой,
 Лет тридцать прослужа, притом с пустой сумой,
 Хочу в моем уединеньи
 Прожить остаток дней без шума, без сует
 И вспоминать подчас, что сей обширный свет
 Есть рай для злых сердец, для добрых же —
мученье».
 — «Мне, право, жаль тебя! — вельможа отвечал. —
 Но время протекло, и пособить невозможно;
 К тому ж еще признаться должно:
 Ты сам всему виной, — ты сам беды искал!
 К чему столь горду быть пред вышними властями?
 И что приобретешь ты с правдою своей? . .
 По мне: тот всех из нас умней,
 Кто брани не ведет с людскими ввек страстями.
 Такое мнение поставивши в закон,
 Ты всё бы получил без дальнего старанья:
 Чины, и почести, и лестные названья.
 И разве тягостен для головы поклон?
 Послушай! мы одни — откроюсь пред тобою:
 Я сам не думал быть суровым мудрецом;

Зато — теперь визирь! Как чаша полон дом,
И всё передо мной поникло головою!

Люблю поесть, попировать;

В жилище у меня все роскоши столицы!

Певцы и плясуны, актеры и певицы,

Когда ни вздумаю, готовы забавлять.

А там... что бог велит! Быть может, покаяньем...»

— «Довольно! — перервал Макбет с негодованьем. —

Коль честность так редка в наш развращенный век,

Пусть будешь ты — визирь; я — честный человек».

{1823}

262. СУДЬЯ И ДВА ПРОСИТЕЛЯ

К судье какому-то, случилось так, что вдруг
Меж разных истцев два соперника ходили;

Просили, кланялись, сулили,
Но не дали еще... Судья был к просьбам глух,
Одну всё песню пел: «Я занят, недосуг», —
И, наконец, прогнал обоих неучтиво.

Просители тогда легко могли понять,

Что нужно — поскорее дать.

Но тот из них, чье дело было право,
Казалось бы, когда посудим здраво,
Дарить ни почему не должен был судей;
Однако же и он, вняв опытных людей

Благоразумному совету,

Стащил к крыльцу судьи дешевую карету —
Дать больше он не мог по бедности своей.

Другой же истец пребогатый,

Кругом по делу виноватый,

Судье — четверкою карету подкатил:

Да уж карету не такую,

Какую бедный подарил,

А модную, с гербом, карету выписную!

Судья умел дары ценить:

Умел — судить!

В сарай он спрятал, в зад, дрянную колымагу.

А вот, радеющий общественному благу,

Судья в судилище в карете дорогой

На хватской четверне катил по мостовой!

Тут повстречались с ним дорогой
Богатый истец и убогой.

«Позвольте вымолвить одно лишь слово нам!» —

Кричат они. «Постой!» — сказал судья слугам,

А истцам: «До меня какая нужда вам?»

«Что, дело, — говорят, — уж, чай, в суде решилось?»

Судья тут, выставя судейское чело,

Ответил бедняку:

«Твое, брат, тяжело —

Остановилось. . .»

А богачу:

«Твое же повезло!»

Сказал, махнул рукой — и кони вновь помчали!

И снова гибкие рессоры закачали

Судью с продажною душой!

А истцы что ж? Бедняк, обиженный судьей,

Неправосудье клял, на суд просить сбирался,

О праве говорил. Богач — над ним смеялся.

Когда же люди доживут,

Что будет богачам и бедным равный суд?

263. ГОСТЬ БЕЗ ПАРИКА

С весельчака в гостях парик слетел;
Все видевшие — в смех, кто явно, кто закрывшись;
 Другой бы со стыда сгорел,
Что ж он? Он лысиной к гостям оборотившись:
«Вам чудно, — говорит, — что с головы моей
 Чужие волосы слетели,
 Да ведь они и на своей
 Держаться не умели».

Случися это же с глупцом,
 Над ним бы посмеялись вдвое;
Но острякам хвала! Они одним словом
 Поправят дело не такое.

(1820)

264. РАСЧЕТЛИВЫЙ СКУПЕЦ

Скупой, обкраденный, кляня свой рок противный,
Кричал в отчаяньи: «Повешусь на крюку!»
Но вдруг опомнился: «Веревка стоит гривны.
Нет, лучше даром я...» — и бросился в реку.

(1827)

265. БОГАЧ И БЕДНЯК

Обременив желудок пресыщеньем,
Но в сердце с сильным сожаленьем,
Что переесть всех блюд не стало сил,
Пыхтя с прежирного обеду,
Садился Откупщик в карету.
«Подайте, батюшка! — тут Нищий возопил. —
Два дня не евши и не пивши,
От голода чуть ноги волоку».
— «Смотри ж пожалуйста! — вскричал Богач,
вспыливши, —
Он голоден, — ведь счастье ж бедняку!»

(1827)

266. ЧУДАК

Один чужак,
Не знаю, как сказать, умен был иль дурак,
Но, путешествуя по свету,
Видал, что виноград там на полях растет,
Задумал развести и у себя сей плод,
Которого совсем в его отчизне нету.
А потому, когда приехал он домой,
За важное не счел, что климат был другой;
Не медля боле,
И вправду виноград наместо хлеба в поле
Чужак мой начал разводить.
Соседи, видя то, все стали говорить:
«Помилуй! Что ты затеваешь,
Себя напрасно разоряешь,
Не может виноград родиться здесь никак».
Однако же тому не верил мой чужак.
Итак,
Тем кончилось, что он, за все труды в награду,
Вовек не мог дожидаться винограду.

Друзья! пригож на взгляд
И вкусен виноград,
Но там, где он родится;
А здесь без пользы им мы будем разводиться.

(1821)

267. ИСТУКАН

Не славной отрасли потомок,
А попросту сказать,
Недальнего ума богач, попавшись в знать
И только в мире быв одним богатством громок,
Желал чрезмерно быть и он
В историю мужей великих помещен.
А как не постигал надменный,
Что добродетель нас к бессмертию ведет,
То рассудил не храм наукам посвященный
И не пристанище для бедных и сирот,
Но ярко позлащенный,
Из меди весь литой,
Потомству и векам воздвигнуть образ свой.
Гордясь таким изображеньем,
А более всего
Сиянием его,
И вправду думал он быть света украшеньем
И в памяти людей остаться навсегда.
И что же? Не шутя всю честь себе тогда
И славу приобрел своим он истуканом:
Народ, который тут толпился и зевал,
Уж не простым его, как прежде, величал,
Но золотым болваном.

(1825)

238. ВЫБОР ЖЕНЫ

В дурачествах своих нам трудно признаваться:

Мы все помешаны на том,
Что сами никогда ни в чем
Не можем ошибаться.

Причиной неудач, всех горестей и бед —
Иль случай, иль судьба, иль что-нибудь другое,
Но только уж не мы. Один несчастье злое
Клянет, с дурной игрой поставивши лабет;
Другой, хотя блеснуть с умеренным доходом,
Вступает с богачом в неровную борьбу —
И после, не сведя никак приход с расходом,

Винит во всем жестокою судьбу,
Как будто бы она и в том уж виновата,
Что бедный человек не должен жить богато,
А с взяткою одной бостон нельзя играть.

Но чтобы вы, друзья, не начали дремать

От сих преважных поучений,

Не лучше ль мне, наместо рассуждений,

От скуки вам кой-что порассказать?

Сюда, друзья, в кружок — я сказку начинаю:
В одной из двух столиц — а точно где, не знаю,
Положим, что в Москве — для сказки всё равно,

Тому назад не так чтобы давно,

Среди веселья жил счастливец,

Фортуны баловень, по имени Клеон —

И подлинно был счастлив он,

Красот московских всех любимец,

Душа их общества и зависти предмет;

Все маменьки его ласкали
И часто дружеский совет
Без умысла ему давали
(Хваля своих любезных дочерей)
Жениться поскорей.

И после этого — кому поверить можно —
Счастливец сей, признаться должно,
Природой был не слишком одарен:
Красавцем он не мог назваться,
Отлично не был и умен,

И даже — я стыжусь, по чести, вам признаться —
И даже — не умел в мазурке рисоваться;
А несмотря на то — как будто б на подряд,
Невесты скромные его ловили взгляд.
За что ж, вы спросите, Клеона уважали?
Хотите знать? — Он был... я вижу, отгадали!
Да, да, друзья — он был богат.

Но участью своей кто в мире сем доволен? —
Клеон вдруг сделался задумчив, беспокоен;
Стал редко ездить со двора,
Вздыхать, грустить, томиться,
Иль, попросту сказать, ему пришла пора
Жениться.

Поверьте, в тридцать лет приятней жить вдвоем!
Итак, счастливец наш, обдумав всё путем,
Решился общему последовать закону —
И, чтоб сомненья все вернее истребить,
Отправился тотчас к приятелю Честону
И так с ним начал говорить:

«Женитьбой никогда, мой друг, шутить не должно!
Тут надо поступать отменно осторожно:
Ты опытен и знаешь свет,

Так в этом можешь дать полезный мне совет!
Из всех невест я двух сестер предпочитаю.
Послушай, я тебе точь-в-точь их опишу;
Знать мнение твое, Честон, весьма желаю,
Но только, милый друг, быть искренним прошу!
Они фамилии не знатной, но известной;
Аглая, старшая сестра, тиха, скромна,
Имеет нрав прелестный

И даже, говорят, умна,
Но только утверждать я этого не смею:

С тех пор, как езжу я к ним в дом,
 Едва ли удалось, как помнится, о том
 Сказать слов шесть мне с нею,
 Что время скверное и дождь идет с утра.
 Какая разница, мой друг, ее сестра!
 Представь себе, Честон, Киприду для примера:
 Как слабо и тогда сравнение твое!
 Нет, нет! Эмилия, конечно, не Венера,
 А лучше во сто раз ее!
 Остра, умна, талантов бездна,
 А как ловка, мила, любезна! . . .
 Пускай иной в ней слабости найдет:
 Она — не спорю я — как будто бы спесива,
 Немножко ветрена — немножко прихотлива —
 Да только вот беда! — всё это к ней идет;
 Насмешлива — нельзя и в этом не признаться,
 И если уж над кем она шутить начнет,
 То мертвого заставит рассмеяться!»
 — «Всё это хорошо, да только не в жене;
 Ведь сердцу доброму таланты не замена!
 Поверь, Клеон, как другу, мне:
 Коварство, злоба и измена
 Всегда насмешников удел!»
 — «И, милый друг, ну что за преступленье!
 Как будто бы грешно
 Над тем смеяться, что смешно?
 Да где же взять терпенья
 С глупцом без смеха говорить?
 При том же с клятвою могу я утвердить:
 Чувствительней ее невозможно быть;
 Она добрее, чем Аглая:
 Та любит лишь людей,
 А эта даже и зверей.
 Эмилия, на днях лишившись попугая,
 Почти иссохла от тоски. . .
 Нет, нет, мой друг, она совсем не злоречива,
 А любит изредка глупцам давать щелчки;
 Сестра ж ее уж слишком молчалива.
 Ты скажешь, что она скромна;
 Что ж толку в том? Зато ведь вовсе невидна;
 А я хочу, чтобы жена моя блистала,

Чтоб свет не только красотой —
Талантами, умом и всем обворожала;
Чтоб праздник тот считался за пустой,
Который ей собой украсить не угодно.
А если ж вздумаю явиться всенародно,
Пушусь в собрание с ней. . .
Какое торжество! — Среди толпы людей,
В глазах у всех — она как Грация танцует;
Не только что умы — сердца у всех взволнует:

Того-то и хочу.

Все вокруг нее теснятся,

Все ахают, дивятся;

А я — стою спокойно и молчу;

Гляжу на всех с улыбкой сожаленья

И думаю: ей дань платите удивленья,

А мне — завидуйте, друзья!

И вот уж шепчут, слышу я:

Вот муж ее — вот он — и вокруг меня народу

Ужасная толпа — и мне уж нет проходу!

От мысли сей одной в восторг я прихожу. . .»

— «Умерь его, мой друг, — сказал Честон,

вставая, —

И выслушай совет — я в двух словах скажу:

Супругой доброй быть способнее Аглая, —

Поверь, блистать всю жизнь не может человек;

С женою жить не год, не два, а целый век.

Теперь прощай, в деревню еду —

Мне хочется поспеть на станцию к обеду;

Смотри ж, Клеон — держи совет мой в голове!»

Простилися. Клеон подумать обещался. . .

И на Эмилии, спустя недели две,

С большим парадом обвенчался.

Три года минуло, и вот опять Честон

В столицу возвратился;

Оправиться едва успел с дороги он

И тот же час к приятелю пустился.

— «Ну вот, Клеон, опять в Москве я наконец.

Куда, мой друг, давно с тобой мы не видались!

Ты был жених, когда расстались:

Теперь любовник, муж и счастливый отец. . .

Но ты нахмурил лоб — молчишь — не отвечаешь?

Какой ужасный взгляд — ты стал совсем другим —
 Тебя, по чести, не узнаешь!
 Давно ли чудачком ты сделался таким?»
 — «Давно ль? С тобой на что таиться...
 С тех пор, как за грехи задумал я жениться!»
 — «Возможно ли, Клеон? Да разве уж жена
 Твоя в собраньях не блистает?»
 — «По-прежнему всегда толпой окружена
 И всех собой обворожает».
 — «Талантов, что ль, убавилось число?»
 — «О нет... ведь нравиться желанье не прошло:
 В мазурке и пенье она весьма успела!»
 — «Так что ж? Неужели богиня подурнела?»
 — «Богиня, скажешь, красоты?»
 — «Да это говорил не я, мой друг, а ты!»
 — «Не может быть! Я толк немного в этом знаю!
 И что в ней нравится — никак не понимаю!
 У ней во всем лице нет правильной черты».
 — «Скажи же, наконец, что сделалось такое?»
 — «А то, Честон, что добрая моя жена
 Долг матери святой считает за пустое:
 По балам каждый день, в гостях, разряжена;
 Супружеской любви в ней даже нет и тени;
 Со всеми страх мила, но только не со мной;
 И если я когда останусь с ней одной,
 Тотчас пойдут и спазмы, и мигрени...
 И сверх того злодейка так хитра,
 Что в свете прослыла предоброю женою, —
 Я мученик — и все ж смеются надо мною!»
 — «А где теперь ее сестра?»
 — «Давно уж замужем — Людмил на ней женился:
 Ну, видно, богу он молился!
 Как счастливо живет он с ней!
 Она всегда с детьми, всегда в семье своей.
 В женитьбе испытал Людмил одно блаженство.
 За что ж такое неравенство?
 Один счастлив, другой судьбою угнетен;
 За что ж не он — а я жить должен несчастливо?
 Куда, подумаешь, судьба несправедлива!»
 — «Напрасно ты винишь судьбу, — прервал

Честон. —

Вини себя в своей печали:

С Людмилом оба вы нашли — чего искали!
Аглая попросту, без пышных всех затей,
 Живет для мужа и детей;
Зато твоя ловка, по моде разодета,
 Пленяет всех, а мучит — лишь тебя.
А кто же виноват? Ты взял жену для света,
 А он женился для себя!»

{1821}

269. СПУТНИКИ УЛИССОВЫ

Сказка

Друзья! скажите, что за чудо:
Когда владимся мы в какой-нибудь порок,
То сколько ни тверди нам мудрость: *это худо!* —
Мы ни во что вменим ее урок?

И в самой древности тому примеры были,
Тогда, как мудрецы по всем странам бродили,
Бросая в глупости людские тучи стрел —
Стрел красноречия; их слушали, хвалили,
А лучшим стать никто как будто не хотел!
Нам правду говорят: привычка — та ж природа;
И это подтвердил в стихах Гомер-слепец,
Героев, битв, богов певец
И слава своего народа.

А я, в простых словах, природным языком,
Не смея в высоту пускаться,
Хочу, любезные, лишь только попытаться
Вам в сказке рассказать о том.

По разореньи Трои
Пустились по домам все гречески герои,
Кто царством править, кто сохой;
Тогда был век такой,
Что воин за соху приняться не гнушался,
И с поля ратного лишь приходил домой,
То с плугом, с заступом на ниву возвращался.
С дружиною Улисс в Итаку поспешал;

Но на Олимпе суд верховный,
Не знаю, за какой проступок уголовный,
Царю Итакскому быть дома запрещал.
Он долго по морям из края в край блуждал,
Пока богам угодно было,
Чтоб на десятый год
Улиссов флот
Волнами к острову прибило.

Цирцея, хитрая колдунья, там жила,
Которая всех ведьм искусством превзошла.
Царя со свитою колдунья приветила,
Как добрая, на хлеб и соль их пригласила
И зелена вина по чаре поднесла;
Короче, допьяна незваных напоила.

Всяк пил и выхвалял,
И не один себе все губки облизал.
Что ж вышло из того?.. Лишь только протрезвились,
Увидели, что все в зверей оборотились:

Храбрец — когтистым львом,
Невежа сделался ослом,
Из гордеца стал конь спесивый, рьяный,
Пустился землю рыть слепым кротом мудрец,
Коварною лисой вилял придворный льстец,
Вертлявый щеголек наряжен обезьяной,
Медведем тунядец стал,
И лежа на боку, всё лапу лишь сосал;
Судья, что в жизнь свою кривым законов толком

С просителей по шкурке драг,
Явился кровожадным волком;
Сын Эскулапиев — гиеной из врачей,
И крысой — царский казначей,
Скупые богачи — свиньями,
Благочестивый жрец — прожорливым котом,
И ел мышей, простясь с молитвой и постом;
А те, которые не ладили с женами,
Преобратясь в быков, пугали всех рогами;
Ретивы плясуны запрыгали козлами;
И словом, кто к чему в свой век наклонен был,
Такого ж зверя вид и свойство получил.

Один Улисс не пил:
Не промах этот царь, в обман не отдавался;
Собою молодец, поступкой и станком,

Дородством, речью и лицом
Он так Цирцее показался,
Что чуть было сама
Колдунья не сошла с ума.

А если женщина в кого-нибудь влюбилась,
То, почитай, равно — как бы ума лишилась.
Лишь искорка любви

К Цирцее в грудь успела зарониться,
Как пламя разлилось по всей ее крови. . .
Волшебница идет к Улиссу изъясниться
И говорит ему: «Не ты стал пленник мой,
Я пленница твоя! Бери мое именье,
Беспорно управляй и мной и сей страной;
Я вводный лист тебе вручаю на владенье».
При сих словах она Улисса обняла
И сладкий поцелуй в залог любви дала.
Такой превратности Улисс сперва дивился,
Но вдруг, опомнившись, тотчас за ум хватился

И дал такой ответ:

«Какая польза мне в любви твоей, мой свет,
Коль вижу спутников моих поработенных,
В уродливых скотов тобою превращенных?

Они со мною на войнах

Труды, опасности и раны разделяли,

И грудь булатную в боях

За своего царя бесстрашно выставляли.

Когда любовь свою мне хочешь доказать,
То поспеши им всем природный вид отдать».

— «Охотно! Я на то с обеими руками!

Да ты спроси у них: хотят ли греки сами

Принять свой прежний вид?» —

Колдунья хитрая Улиссу говорит.

Улисс ко стаду их бежит,

«Ну, радуйтесь, друзья! — кричит, —

Не будете бродить на четвереньках боле,

Дать прежний образ вам теперь в моей уж воле;

Однако ж вы сперва должны мне отвечать,

Хотите ль сделаться людьми опять?»

В минуту всяк из них дар слова получает.

Встал лев, взревел и так Улиссу отвечает:

«Чтоб согласился я принять

Людскую образину жалку?

На ломкий, хилый меч иль на простую палку
И когти острые и зубы променять?
Я царь и стал тебе, Улисс, по сану братом;
Так захочу ли я в Итаке быть солдатом?

Других обманывать ступай,
А вздорами ты мне вперед не докучай».
Медведю проповедь читать Улисс пустился:
«Смотри, любезный друг! в кого ты превратился?
Мохнат и неуклюж, с предлинным рылом стал;
А прежде, помнишь ли, ты всех собой прельщал».
— «Ну, что ж? я стал мохнат — тем для меня
не хуже.

Зимой, в снегах и стуже,
Как в бане, буду я шесть месяцев лежать!
Да и к чему тебе мой вид пересуждать?
Ты думаешь, что ты проворней и храбрее?
Отведай-ка, дружок, моих медвежьих сил!
Не нравлюсь я тебе? . . Так прочь иди скорее,
Покамест лапой я тебя не придавил».

Пошел Улисс; он волка подзывает
И так его увещевает:
«Не стыдно ли тебе на стадо нападать?
Не стыдно ль милую пастушку обижать?
Послушай, как бедняжка плачет,
Что от тебя нигде своих овец не спрячет!
Ты, помнится, хоть их стригал,
Однако ж никогда с них кожи не сдирал.
Я почитал тебя за умного детину,
Послушайся, покинь свирепую личину;
Веди опять свой век,
Как добрый человек!»

— «Да много ль добрых-то? — бирюк Улиссу воет.—
Не каждый ли из вас другому яму роет?
Я знаю по себе: я прежде кожи драл,
И то же делаю, когда я волком стал.
Но ты-то сам каков? — вы все овец едите,
А волка постником заставить быть хотите!
Поверь, что если б я вид прежний получил,
То кожи и тогда не меньше бы лупил.
И вы, которые терзаете друг друга,
По злобе, жадности, иль просто от досуга,
Не те ли ж волки вы, всё скопище людей? . .

Поди, я не хочу на двух ногах таскаться;
Быв волком по душе, таким хочу остаться

И бегать полной четверней».

Осел мычал: «Оставь меня ходить по воле!

Я рад теперешней моей ослиной доле;

И прежде я всегда меж вами слыл ослом,

Я так и остаюсь». — «И я рад быть кротом! —

Пищал слепой мудрец. — Когда подумать здраво,

Людская логика не лучше нашей, право!»

А свиньи хрюкали: «Мы тоже не хотим

С любезным логовом своим

Ни для чего расстаться;

А лучше сам

Ты в лужу к нам

Ступай валяться!»

Итакский царь

Ходил ко всем зверям, но никакая тварь

Его и слушать не хотела:

Привычка всех их одолела.

«Не станем, — он сказал, — с глупцами тратить слов.

Дубиной погоняй ослов!»

(1821)

270. ДВА ИЗВОЗЧИКА

Сказка

Не помню, где-то на Песках
Два *Ваньки* встретились порожняком в санях.
Один, почтенный муж, в извозе поседелый
И шестерых уже заездивший коней,
Тряхнувши шапкой порыжелой,
Органом Стентора вскричал: «Держи правой!»
Другой, еще во цвете дней,
Но много на веку возил семинаристов
И корпусных учителей,
И рифмачей,
И журналистов
(Людей, которые, спокойствие любя,
Тяжелым кошельком не бременят себя
И ухарским саням предпочитают санки
Двугривенного *Ваньки*) —
Другой, я говорю, извозчик-филолог
Давно за случаем гонялся
Всю мудрость выказать, которой он набрался
В беседах седоков, и утерпеть не мог,
Чтоб Нестору извозчичьего цеха
Не вскрикнуть: «Дуралей!
Кричит — *держи*, а не *возьми* правой!
Знать, и в уме, как на локтях, прореха!»
Старик не мастер был сражаться языком
И критику тотчас отвечивал кнутом;

Тот осадил коня, готов на возраженье,
Сскочил с своих саней — и началось сраженье!
Насилу разняла полиция бойцов.

«Не худо заперать подобных дураков!» —
Прибавит к этому какой-нибудь издатель
Периодических листков
Иль критик, строгий наблюдатель
Всех пятен солнца и луны.

Нет, господа, прошу немножко снисхожденья.
Хотите ль, чтобы вам прощали заблужденья? —
Прощайте ближнему вины.

А правду молвить, ваши споры
За точку с запятой, за *есть* или за *ять*
Нимало не умней ужасной Ванек ссоры,
Хоть и изволите их дураками звать.

(1823)

271. ПЬЯНИЦА

Сказка

Жене пред образом раз клятву дал Степан,
Что на хмельное уж не взглянет;
Она подумала: «И впрямь, он пить не станет!
Он хоть и пьяница, а всё не басурман,
Шутить иконою не станет
И, давши клятву, не обманет. . .»
Ан глядь! он к вечеру идет, как стелька пьян,
И пишет по грязи мыслете. . .
Как громом, бедная,шибена была,
Насилу чувства собрала,
Насилу вымолвить могла:
«Негодный пьяница! Ну есть ли кто на свете
Бессовестней тебя? Не ты ль мне клятву дал,
Что уж не взглянешь на хмельное?
(Вот образ! ты его порукою давал)
Моя душа была в покое,
А ты? . .» — «Жена! — Степан ее прервал, —
Оставь свое несносное ворчанье,
Иль силой на тебя я наложу молчанье!
Я клятвы никогда не думал нарушать».

— «Вот новое! еще ты хочешь уверять,
Что не пил! А?» — «Я пил, и очень много,
Но клятву помнил строго;
И, чтоб хмельного не видать,
Не забывал глаза рукою закрывать!»

272. ДЕКОРАЦИИ

Сказка

«Хоть я и небогат,
А прогулять пришлось *синицу*,¹ —
Сказал помещик наш Филат,
Приехав по делам в столицу. —
Пойду в театр!» — Пошел, сидит,
На декорации глядит
И так соседу говорит:
«Ну, батюшка, и я сегодня вижу ясно,
Что живописцы здесь большие мастера;
Как нарисовано прекрасно!
Уж это ли не храм? уж это ль не гора?
И вот долина, вся усеяна шатрами!
А там — точнехонько ручей
Течет между цветами!
Хвалить недостает речей!..»
— «И подлинно, не худо, —
Сосед с улыбкой отвечал, —
Но... я вам покажу еще другое чудо».
(Филат от радости чуть-чуть не закричал).
Всё кончилось. Сосед Филата взял на сцену
И к декорациям подвел...
«Узнали ль живопись?» — Увидев перемену,
Филат остолбенел: «Я, право, не осел, —
Он молвил с огорченьем. —

¹ В некоторых провинциях — в шутках и в просторечии — называются ассигнации: синяя *синицею* или *синюшкою*, красная *краснушкою*, белая *белянкою*.

Не стыдно ль, мой отец, смеяться надо мной?
Не мог плениться я такую пестротой!»

— «Вы обманулись отдаленьем, —
Сказал сосед, смеясь, и кончил поученьем. —
И в людях часто мы находим сей обман!
Иного издали мы гением считаем,
А как приблизимся — узнаем,
Что он — нетесаный болван».

(1823)

273. ЗНАЙ ВРЕМЯ

Грешно терять слова не в пору, по-пустому!

Вот сказочка по случаю такому.

В ночь ясную, зимой,

Откуда-то домой

Два кума-мужичка тихонько пробирались

И молча твердию алмазной любовались;

Но вскоре начался меж ними разговор:

«Что, если б звезды все, Архипушка, свалились?

Я чаю, на гумне б они не поместились».

— «И, Сидор, — тот сказал, — какой несешь ты
вздор!

Да велики ль они? ведь с востриё иголки.

Так сколько есть их в высоте,

Улягутся и в решете».

И вот у Сидора пошли с Архипом толки,

Как звезды падают и велики ль оне;

Войдут ли в решето иль только на гумне

Им поместиться можно.

Однако ж спор окончить должно!

Условились зайти к приходскому дьячку,

Который на своем веку

Учился физике и слыл красноречивым,

Зашли — и рассказали спор.

«Друзья! — сказал дьячок со взглядом

горделивым, —

Садитесь, слушайте! — ведь это метеор,

Что спадшею с небес вам кажется звездою;

Ведь каждая звезда своей величиною

Поболее земли, ну, так сказать, в мильон;

А электричества закон,

Упругость воздуха, эфир тому виною,
Что загораются горючи вещества;
И можно ли, чтоб царь премудрый Естества
Нарушил вечные уставы? ..»
— «Да кто же прав из нас? скажи, отец родной, —
Крестьяне говорят, — уж нам пора домой. . .»
— «Эх, братцы! оба вы неправы,
Сейчас вам докажу. . .» Но мужики бегом!
И всю дорогу хохотали,
И дома рассказали,
Как виделись они с дьячком,
Как чернокнижным языком
Он с ними объяснялся.
Назавтра в колдуны ученый наш попался,
От них в безбожники один лишь только шаг,
И, наконец, во всех окружных волостях
О дьявольском его художестве узнали;
Крестьяне, встретясь с ним, крестились и дрожали
И приглашать к себе на праздники не стали.

Дьячок! . . conclusio: ¹ с невеждами молчи
И бисера пред ними не мечи.

(1827)

¹ Мораль (лат.). — *Ред.*

274. ПЬЯНСТВО

Сказка

Однажды две кумы шли улицей одной
И говорили меж собой.
«Скажи-ка, милая, как ныне поживает
Кума наша, Иванова жена?»
— «Маланьюшка? Ах! бедная, она
И в аде равного житья не чаёт!
Она страдает, не живет...
И только горьки слезы льет...
Уж бог дал муженька! без просыпу гуляку...
И злого — как собаку!..
Он пьет,
А бедную жену раз десять на день бьет.
Ах! горе кумушке несчастной!»
— «За что ж бы, кажется?» — «Пропала занапрасно!
Муж злой,
А больше пьяница, всегда найдет причину
Подраться со своей женой.
Проспался — и за ней, дай гривну, дай полтину;
Где хочешь, а возьми и дай!
Хоть всё в заклад снеси, хоть лик святой продай!
А нет, — так и беда! Он и поднимет драку!..»
— «И мне бог мужа дал большого ж забияку —
Да проучила же!..» — «Ах, мать моя!.. Как?..
где?..»
— «Просила на него в суде.
С тех пор, как испытал судейские мытарства,
Отстал от пьянства».

(1828)

275. РАССКАЗЫ

Сказка

«И, Власьевна! не знаешь, что случилось
У Климыча с своей женой?
Недавно подрались». — «Неужли?» — «Бог святой
Порукою тебе! — У Климыхи водилось
Рублишков пять;
Узнал муж-пьяница об этом;
Сегодня рано, перед светом,
Он стал к ней приступать.
Отступу нет! «Дай рубль!» — «На что?» — «Снести
в питейный.
Там, — говорил, — лежит в закладе мой кафтан
И с кофтою твоей кисейной,
Так я вот выкуплю». — Пусть был бы он не пьян,
А то чуть на ногах держался.
Как взбеленилася на Климыча жена! . .
Я думала, что уж она
Прибьет его до полусмерти,
«Прости! — сказала я, —
Теперь душа твоя
Уж прямо в ад пойдет, ее утащат черти».
Но лишь она ухват схватила, занесла
И по спине его хотела приударить,
Как он — голубушка, я чуть не умерла,
И можно ли представить? —
Стал вдруг трезвехонек, давай Окулю бить
То в голову, то в спину,
Да с приговоркою: *сильней жене не быть*.
Что делать с пьяницей? дала ему *полтину*».
(1828)

276. МУЖ И ЖЕНА

Сказка

«Жена! . . Федосьюшка . . да дай же, ради бога,
Полтинку только лишь . . я не прошу уж много».
— «Полтину дать тебе? . . А если в доме грош?
Лишь только дай да дай! а сам не принесешь.
Не будет . . прочь поди . . не говори ни слова! . .

Ах, согрешила я — не вышла за другого!
Соседка Марьюшка — как в масле сыр живет.
А ты — лишь мучишься... и смерть-то не придет!..
Хотя б ты умер уж скорее.
Как камень у меня на шее!»
— «Ну, полно ж, не бранись». — «И я ж изволь
молчать!»
— «Бог милостив, у нас всего еще есть вволю». —
«Так надо всё и пропивать?»
— «Нет, с завтрашнего дня, поверь, пить полно боле.
И буду навсегда твоей покорен воле».
— «Но что ни говори, а денег гроша нет!»
— «Федосьюшка... да умилился!..
Мне смерть придет...
Хоть гривну!..» — «Отвяжися!»
— «Жена, ужли меня ты хочешь уморить?
Вперед не стану пить... вот бог тебе свидетель!
Ну, Фенюшка!.. друг милый!.. благодетель!..»
— «Не приведи господь за пьяницею быть!
Хоть глаз ему коли, не даст тебе покою.
На гривенник, злодей!
Да не вина возьми, а водочки! Не пей, —
А принеси домой: быть может, что с тобою
Хоть капельку и я — от горя в рот возьму.
Поди ж... скорей ходи!.. да не забудь жену!»

(1828)

277. ТРЕВОГА

Крестьяне под вечер с полей домой убрались,
Намаявшись, кой-где поразметались, —
Ведь в селах простота в семейственном кругу! —
На лавках, на полу заснули без постели,
Другой на сеннике, согнувшись в дугу;
Умолкло всё тогда: в селеньи ни гу-гу!
Как вдруг колокола на диво зазвенели.

Крестьяне, ахнув, зашумели:
«Пожар! пожар! — кричат, — ахти! беда!»
Бегут, кто как попало, кто куда,
Без шляп, с разутыми ногами,
С ушатами, с ведрами,
С шестами, с топорами;
Селенье обежав кругом,
И сами в пень устали
(А всё колокола гудеть не перестали).
Но где ж пожар? И слуха нет о нем
Ни здесь, ни в сторонах окольных:
А вышло, наконец, что эти чудеса
Наделала коза —
Запутавшись в веревках колокольных.

Примолвить можно тут:
Другой в делах увязший плут,
Когда распутаться не может,
То и честных людей встревожит.

(1832)

278. СТАТУЯ

Сиротка маленький, прошедшею весною,
С малютками забрел на праздник в Летний сад,
Набегался и, говорят,
Сел на лужок, заснул под липкою густою.
Проснулся — ночь! — и всё вокруг в тиши,
Бедняжка в страхе, без души,
Дрожит. . . Нет никого, куда ни глянет,
То побежит дорожкой прямой,
То в сторону другой,
То станет;
Не знал, куда идти,
Дорогу в домик свой найти,
И вот к статуе подбегает. . .
Что за герой стоит? не знает.
Статуй он сроду не видал,
Так за живого почитал,
И с просьбой жалобной к статуе приступает:
«Любезный дяденька! попался я в беду:
Дороги к дому не найду;
Ах, сделай милость, ради бога,
Скажи, куда домой дорога?»
Но истукан как пень стоит,
Ни слова!
Не жди ответа никакого.
Вот мальчик плачущий в глаза ему глядит,
И снова жалобно со вздохом умоляет.
Меж тем уже и рассветает.
Бедняжечка один побрел,
А истукан — и глазом не повел.

С терпением жребий свой, несчастные, снесите,
От истуканов же пособий не просите.

(1832)

279. КРЕСТЬЯНИН И ЦЫГАН

Привыкли о судьбе гадать,
Гадатели привыкли лгать,
Однако ж иногда бывал и прав гадатель.
Какой-то мужичок был счастья искатель,

Зазвал цыгана в дом, — и как святому рад!
Он чайл; ворожкой цыган укажет клад.
«Добро пожаловать! Садись-ка, вот скамейка, —
Мужик ему сказал. —

Давно поворожить я о судьбе желал;
Вот видишь ли, родной, моя тут вся семейка:
Жена, две пары кур, котенок и дитя;
Жить можно бы, кажись, хоть рукава спустя,

Но нет ни в чем мне счастья,
Ты только что на печь — ан, валится забор,
Чуть только задремал — беда катит на двор;
Досуг ли тут заснуть? Всё мокнет от ненастья.
В трудах идет зима, и лето, и весна;
Насилу оторвешь для отдыха и сна

Часочков десять в день, а много двадцать в сутки,
Да два на прибаутки.

Не знаешь ли, родной, как счастье приманить?
А с ним бы увальнем прожить?»

— «Изволь, сваткó, к твоим услугам.

Дай руку правую, тебе поворожу,
Всю истину скажу,

Пусть буду век твоим я другом.

Таланлива рука... дружище! Ты счастлив... .

Ну, если б не одно». — «Да что такое?

Скажи, пожалуйста». — «Оно почти пустое... .

Работать ты ленив».

(1832)

280. НАБЛЮДАТЕЛЬ

Привычка, говорят, вторая есть натура.
Один хозяин так привык глядеть в окно,
Что всё на улице им было сочтено:
 Прокатится ль карета, дрожки, фура,
 Случится ль драка, спор —
 Не промигнет его орлиный взор.
(Вы спросите: а что в дому, того не знает?
 Какие право вы!
 Ведь назади глаз нет у головы).
Он у носящего свое белье скупает,
 Которое спустил его слуга,
И рад: покупочка пришлась недорого!
 К себе знакомца зазывает,
 А тот сейчас лишь от его жены
(Конечно, были там комиссии даны).
Ну, словом, целый день хозяин у окошка,
 И разве что вздрогнёт,
 Как у шкатулки заскребет
 Проказливая кошка,
 Или как в спальне кто-нибудь
 Шелóхнется за занавеской —
 Так дрожь ему повесткой,
Что, верно, у жены опять стреляет в грудь.
 Но чтобы обратиться
 И посмотреть, что делают в дому,
 Подумать он боится;
 Стократ приятнее ему
Смотреть на улице чужую кутерьму.

Не он один, и многие считают
Шаги других;
Себя ж самих /
И посевевши не узнают.

(1831)

281. КРЕСТЬЯНИН И РЕКА

«Нет, брошу я прелестницу Лизету;
Прощай вино, игра!
Какого с вами ждать добра!
Опомниться пора.
И так давно блуждаю я по свету.
Прервавши с миром связь,
Я стану жить, уединясь,
Под кровлею смиренной,
С наукою и дружбою степенной», —
Так рассуждал благоразумный Клим,
Дорогой идучи с приятелем своим.
«Когда начнешь, любезный,
Ты подвиг сей полезный?» —
Его товарищ тут спросил.
Запнулся Клим в ответе.
«Через неделю, — он сказал, — теперь нет сил
Вдруг объявить Лизете;
Вот случай встретится: я рассержусь
И кончу всё; притом в игре сочтусь:
Осталось с тысячу на банкете. . .»
— «Эй, лучше брось сейчас, когда бросать.
Боюсь!
Ведь это ты не раз уже имел в предмете!» —
Промолвил Климу друг. Тут подошли к реке
И видят, что мужик сидит на березке
И в нетерпеньи
Глядит, как волны в ней текут.
«Ты что, приятель, тут?» —
Клим мужика спросил. «Нужда мне есть в селеньи,
Вон видишь, барин, там, что за рекой.
Туда я тороплюсь; да случай вот какой:
Ни лодки, ни моста, — так я пережидаю,
Пока перебежит вода;

Тогда
Я посуху пройду». — «Ну, я не полагаю,
Чтоб мог ты переждать течение вод;
Когда желаешь быть в селе, ступай-ка вброд!» —
Такой Клим дал совет. Крестьянин, согласившись,
Пошел в реку, перекрестившись;
А Клима тут приятель толк ногой
И на ухо ему: «Совет благой!»

(1831)

282. СЛЕДСТВИЕ МОДНОГО ВОСПИТАНИЯ

Сказка

Один какой-то был чиновник,
 Майор или полковник, —
Я, право, позабыл фамилию и чин,
Довольно, если он природный дворянин,
 Зажиточный, богатый,
По временам скупой, подчас и тороватый;
 Довольно, если он
Имел пять тысяч душ да денег миллион.
Чего же более? — Семейство небольшое:
 Он сам, жена да деток двое,
 Сынок и дочь,
Которых без души отец и мать любили
 И редко отходили
 От милых деток прочь.
При всем том был сынок шалун, а дочь брюнетка
 Кокетка.
Что делать? За детьми везде ли доглядишь,
И, видя их вины, как милым не простишь?
 Уже их Роза, Василёчек
(Так назывались их дочка и сыночек)
 Достигли тех цветущих лет,
 Когда в большой вступают свет.
Уже Розалии ударило пятнадцать,
 А Васиньке семнадцать.
Боярин говорит жене:
 «Как для тебя, мой друг, по мне
Пора бы Васиньку во Францию отправить,
Где мог бы глупость он на разум обменять;

Для Розочки меж тем учителя нанять —
Француза: время нам детей на ум наставить.
Хотя вояж сынка в сей западный Эдем,
 Руководителя наем
 И дорогонько будут стоять,
Что делать? должно же их счастье устроить,
 Не правда ли, душа моя?»
 — «На всё, мой свет, согласна я, —
Сказала барыня. — Решительный родитель!
По мне, хоть сей же час сын в путь, на двор учитель». —
 Итак, с четверкой вороных,
С тремя лакеями, с баулой золотых,
Срядив, как водится, и помоляся богу,
Любезного сынка отправили в дорогу.
Меж тем, чтобы тоску и скуку разогнать,
Для дочки начали наставника искать.
Не знаю, долго ли сей поиск продолжался,
Известно только то, что педагог сыскался,
 И не простой,
 Француз природный
 И хват собой,
 И видный, и дородный,
 Мужчина в двадцать лет,
 По имени Дорет.
 Когда сей выходец французской
 На сцене показался русской,
Иль попросту сказать, вошел в боярский дом,
 Всё повернулося вверх дном.
 Старик, который не был сроду
Охотник до затей, бранил нередко моду,
 На старости помолодел
 И, к изумленью всех, надел
 Фрак модного покроя.
 Жена его, седая Хлоя,
 Была как будто без ума;
Что делала она, не знала и сама:
То чепчик, то платок на плéчах поправляла,
То девок за худой везде убор ругала.
Все люди пялили на выходца глаза.
У Розы капала от радости слеза.
Предание молчит о силе слов блестящих,
 Из уст Дорета исходящих,

Не говорит о том,
 С каким весь дом,
 От барина до поваренка,
 От старика и до ребенка,
 Восторгом слушали его,
 Не понимая ничего.
 Хоть русской грамоты Дорет не знал ни слова,
 Но что за надобность была ему и знать?
 Ужели девушка не может понимать
 Француза молодого?
 Движенья губ и глаз
 Заменой языку не в первый служит раз,
 И потому Розета
 Могла ль не понимать Дорета?
 Притом же он
 Так нежно говорил, как древний Амфион.
 Сей способ обучать хорош, — я в том согласен;
 Но для девицы он опасен.
 По навыку в глаза молодчику смотреть,
 Захочет на него и больше поглядеть.
 Сказать короче и яснее:
 Он будет для нее на свете всех милее.
 Так и случилось. Розета не спала
 По несколько ночей, не ела, не пила.
 Всё б это ничего, но вот беда какая.
 Вдруг няня Розина, вбегая
 Внезапно к господам,
 Кричит в беспамятстве: «О, срам!
 О, поруганье!
 Ахти, какое наказание!»
 — «Что, няня? — в ужасе спросили господа, —
 Скажи скорей, что за беда?»
 — «Ах, баря! в нынешнюю ночь
 Проклятый бес-француз увез вить вашу дочь!»
 — «Как? ..» — барыня вскричала
 И в обморок упала.
 «Как? .. — барин грозно заревел
 И сам от ярости на месте чуть сидел. —
 Эй, девки, спирт несите!
 Лакеи, сей же час за извергом бегите!»
 Все люди бросились по разным сторонам,
 Искали беглецов везде — и там и сям,

Совались в разные дороги,
 Но тщетно забивали ноги:
 Кого искали, тех давно и след простыл.
 Напрасно барин слуг бранил
 За то, что не догнали;
 Куда с плутовкой плут ушли, ведь не сказали.
 К досаде сведали чрез месяц стороной,
 Что их учитель дорогой
 Далёко с барышней умчались
 И тайно обвенчались;
 Что новый богоданный зять
 Не так-то важные имеет род и знать,
 А именно: мосьё магистер
 Парижский был кухмистер.
 Услышав барыня весть эту, обмерла
 И в гневе волосы на голове рвала;
 А старый барин
 В досаде теребил поношенный парик
 И столько был свиреп и дик,
 Как при Мамаевом побоище татарин.
 Жаль бедного отца, несчастливую мать;
 Но если хорошо всё дело разобрать,
 Найдется, что они всему виною сами:
 Не обольщаться бы заморскими умами.
 Еще от первых слез не осушили взор,
 Как новая беда внезапно бряк на двор.
 Один старинный их приятель извещает,
 Что Васинька домком в Париже поживает.
 «Жена! — сказал старик, — твой сын разбогател,
 Уже и домик там свой собственный завел!
 Приятель пишет к нам, что Васинька влюбился
 И — коротко сказать — женился».
 — «На ком? Давно ли?» — вдруг спросили господа,
 Читают далее — вот здесь-то и беда —
 Что Вася их женат. . . ужель не на дворянке? . .
 Увы! . . на тамошней мещанке;
 Что их невестушка, по имени Лорель,
 Была известная парижская мамзель,
 Которая жила сперва у прокурора,
 Потом кухаркою у одного гравера.
 «Злодей!» — кричит, всплеснув руками, госпожа.
 «Злодей! — ворчал отец, — зарезал без ножа!»

«Ну, — люди, головой качая, говорили, —
Зятек с невестушкой уху для бар сварили!»
Французы! ваши повара
Готовить кушанье большие мастера!

(1832)

283. ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Какой-то англичанин жил
В Неаполе. В словах или на деле,
Кого и чем он оскорбил,
Не мог разведать я доселе.
Но, возвращаясь вечерком,
Чуть повернул он в переулок темный,
Встречается ему резак наемный,
С которым он отчасти был знаком,
Не так как с резакон,
А как с рассыльщиком. Вчастью тот, бывало,
По городу справлял его нужды,
И денег за труды
В год перебрал с него немало.
Британец, вóззревшись в бродячего слугу,
Не ждал отнюдь опасной встречи,
Как тот ему: «Милорд! моей послушай речи,
Да сам, смотри же, ни гу-гу,
Не то — вот нож. Ты мне заказан:
Тебя зарезать я обязан, —
И хоть теперь могу.
Да вот в чем затрудненье!
Во-первых, мы друзья;
Тобою не обижен я,
И даже помню одолженье,
Как ты в конце зимы
Поверил мне два скудия взаймы;
Заели нас тогда кормы,
И мне б не миновать иль пётли иль тюрьмы.
Но это прошлое! А ныне воскресенье;

Мне патер Вольпи запретил,
 Чтоб души я по праздникам губил.
 А деньги уж взятъ! Так слушай предложенье.
 С другим оно меня ввело бы в опасенье;
 Иной, пожалуй, нож прибрав к своим рукам,
 Пырнет, злодей; но ты душой кривить не станешь
 И, давши слово, не обманешь.
 Не откажи: чем вздорить нам,
 Зарежься сам!
 А нож какой! Взгляни: я наточил, как бритву.
 Прочти-ка наскоро молитву,
 Да с богом». — «Можно ли!» — «Я знаю, грех велик;
 Но ты ведь еретик,
 Ни в папу ты не веруешь, ни в бога,
 Так всё же в ад тебе дорога.
 Решайся!» — «Не хочу». — «Не хочешь. А, милорд!
 Я думал, ты, как англичанин, горд,
 И не откажешь хоть из чести.
 Что ж о себе вы распустили вести,
 Как будто, вас чуть разберет тоска,
 Вы духом режетесь, и не дрогнёт рука?
 Ан струсил ты!» — «Неправда, я не трушу.
 Коли судьба меня под нож твой привела,
 Быть так, но сам себе не сотворю я зла.
 Режь ты». — «Бессовестный! губить живую душу
 Мне патер в праздник не велел». —
 «Так отпусти». — «Признаться, не хотел,
 А, видно, богу так угодно.
 Прощай же, до другого дня;
 Но ты теперь замечен у меня.
 Ты поступил неблагородно,
 И попадись еще мне раз,
 Припомню всё — и просьбу и отказ!»

1835

284. ТОПОР

Хозяин позвал батрака
 И говорит ему: «Поленница у бани
 К исходу вся; возьми же, брат Лука,
 Без подрезов большие сани

И запряги в них сивку да гнедка.
 В лес поезжай, дров привези-ко новых;
 Да сплошь валить по роще не могли:
 Осиновых или сосновых
 Не надо даром мне; их сколько ни сожги,
 Всё жару нет; руби на выбор чистых
 Березовых, но не болотных мшистых,
 А соковых, чтоб кожа их была,
 Что называется, как лайка,
 Тонка, гладка, бела:
 Сам знаешь; с богом же ступай-ка.
 Ну! что стоишь? пора».
 — «Хозяин-батюшка, пожалуй топора».
 — «Какого?
 На что?» — «Дрова рубить». — «Не затевай пустого,
 Всех у меня их два; один слывет: топор,
 А гож колоть лучину;
 Так стар и худ, что, молвить не в укор,
 Иного косаря не стоит вполовину.
 Мне ведь не жаль, возьми его,
 Но им не срубишь ничего».
 — «Пожалуй нового». — «Тебе бы и в охоту,
 Да лих, я не затем купил
 И рубль целковый заплатил,
 Чтоб вдруг пустить в тяжелую работу;
 Хорошее и надобно беречь».
 — «Но чем я? ..» — «Сказано тебе: пустая речь.
 Мне слушать надоело,
 Распоряжать — хозяиново дело;
 Ты знай свое: язык на привязи держи,
 И как велят, так и служи».
 — «Служить — моя, вестимо, доля.
 И рад я и готов,
 Но — вся твоя, хозяин, воля —
 Без топора не рубят дров».

 Пусть так, но что ж из этих вышло слов?
 Чем дело кончилось? К несчастью,
 Чем все кончаются дела,
 (Где) правда борется со властью:
 За гривну (у него одна лишь и была)
 Бедняк Лука у бедняка соседа

Взял напрокат топор, поехал в лес, рубил
И, не щадя последних сил,
Без завтрака и без обеда,
Привез уж в сумерки дров добрую сажень.
И от хозяина сухое съел спасибо?
Хозяин побранил за лень:
Дрова не так ровны, а лошади весь день
Не ели, оттого что либо пьян он, либо
С природы глуп как пень.
На первый раз прощается покуда,
Но если-де вперед. . .
Тогда пойдет другой черед
И не прожить ему без худа.

1835

285. ДВОРЯНЧИК МИРОН

Знавал ли кто дворянчика Мирона?
Он был простяк и годен только для бостона;
Но, к счастью, в городке, где жил мой философ,
В заводе не было в то время мудрецов;
Дворянство было всё друг друга не хитрее —
 Мирона не умнее,
 И, стало, он
 Не мог казаться им смешон;
Напротив, все его разумником честили,
 И все с ним дружны были.
 Мирон мой загордился,
Он в рассказы, в суждения пустился,
Мирон стал умничать, Мирон стал лгать
 И вздор такой болтать,
 Что все плечами пожимают —
 И думать что об нем, не знают!
 «Уймись, Мирон, ну, право, стыд! —
 Жена ему так говорит. —
 Весь город на тебя дивится;
 А тут добру нельзя случиться:
 Тебя на смех подымет всяк!»
Куды! . . Мирон не думает никак
 Оставить умную затею —
И всё без умолку несет он ахиною.
Но вышло что? Сперва жалели все об нем,
 Потом
 Исподтишка смеяться стали.
 И кончилось на том,
Что он прославился забавным дураком.
(1836)

236. ДВЕ ВДОВЫ

«Скажи мне, что за страсть —
Весь век злословить, клеветать?!
А сколько дам живут лишь только в это —
В Москве я знала дам большого света!
Божусь, что это мне смешно!
Неловко как-то, мудрено», —
Так вдовушка вдове, подруге говорила.
Подруга тоже повторила,
Что злой язык ужасен страх.
Прошло дней пять — они увиделись в гостях.
«У Лидиной ты мальчика видала, —
Одна другой вполголоса сказала, —
Которого она приемышем зовет?»
— «Видала!»
— «Слух идет,
Что это сын ее... ты слышишь, сын любезный!
Малютка нежненький, прелестный!..
От связи с Вельским...»
— «Боже мой!

Да Лидину считали мы святой!
И Вельский — только что военный —
Какой-то Дон-Кихот, забавник и надменный.
Взойдет и всех задушит табаком...
И как с ее умом
Влюбиться в этого урода!
А муж чего смотрел!.. Такого сумасброда,
Как муж ее, со свечкой поискать!
Ему бы только в клуб и в карты бы играть —
И вот послал сынка за проигрыш создатель...
И прокопченный обожатель...
Ах! Лидина... да это так смешно!
Святоша... можно ли!.. Мне, право, мудрено!
Лакей, карету мне, карету!
Поеду — извещу скорей княжну Анету,
Вралевых, Звоновых порадую молвой.
Герой и Лидина! И смех и стыд какой!»

(1836)

287. СОСЕД-ПРИЯТЕЛЬ

Сосед соседа кушать звал —
Сосед запотчевал соседа!
Давненько гость мой не видал
Такого пышного обеда.
«Да кушай, сделай одолжение! —
Кричал хозяин-хлебосол. —
Еще котлетку... Что за вздор!
Куска не съешь без приглашенья!
А этот рябчик? Право, чудо!
Как нежен он, да как хорош!
Еще... и что ж ты не берешь?
Изжарен, верь же, он не худо!
Хоть ножку, милый, не отстану...
И всё жеманишься со мной!
Сосед... приятель... друг, родной...»
— «Я сыт по горло! Есть не стану!»
— «Кусочек хоть...»

— «Довольно, право!

Поверь, что нет уж больше сил!
Твой рябчик нежен, очень мил...
Тебе и честь, тебе и слава —
Но я... я сыт, я сыт ужасно!
Скажи-ка лучше, хлебосол,
К чему такой роскошный стол?
Со мной жеманишься напрасно;
И для меня... какой проказник!
Ведь я с тобой так короток!
По мне бы просто шей горшок...
А ты такой затеял праздник!
Во всем и роскошь, и избыток,
И сколько блюд — не перечеть!
Да нам в неделю всё не съесть.
К чему, скажи, такой убыток?»
— «Убытку нет тут никакого!
Тебе тревожиться не след —
Поверь, готовил я обед
Не для тебя, а для другого,
Да гость вчера мой простудился,
И слег в постелю нынче он.
Его ты знаешь... так смешон!..

И ты не раз ему дивился —
Начальник мой барон Вернаке».
— «Так вот что! — думает сосед. —
Он предложил мне свой обед,
Чтоб не стравить его собаке».

Другого чванишку-модиста
Лишь для того пускают в дом —
Занять чтоб место за столом
И сделать партию для виста!

(1836)

288. ХИТРОСТЬ ПОВЫТЧИКА

Сказка

Был опытный повытчик в старину:
Он никогда в делах не торопился,
Всё делал нехотя, как будто бы ленился;
Однако ж понабил порядочно мошну.
Товарищи его никак не надивились,
Откуда у него явились деньги, дом.
 «Неужли, — думали, — пером
 Мы менее его трудились?»
И наконец пришли узнать его секрет.
 «Товарищи! — сказал повытчик, —
 Нажить богатство чуда нет,
 Когда дарит нас каждый челобитчик;
 Но чтобы мне он больше дал,
Я по пословице старинной поступал,
 И вот она: *Дли дело дольше,
 Так хлеба будет больше*».

(1839)

289. МУЖ, ЖЕНА И ВОР

Один предобрый муж, с наружностью прекрасной,
Так горячо жену свою любил,
Что от нее на шаг не отходил,
А все-таки был муж несчастный.

Жена

Его не только не любила,
Но даже с ним не говорила,
Как будто бы жила одна.

Когда к ней муж захочет приласкаться,
Она начнет его ругать;
Пожалуй, с ним готова хоть расстаться
И целый век бы не видеть.

Однажды летом,
Перед рассветом,
Через забор
Залез к ним вор,

И в спальню прямо он пробрался,
И начал вещи их таскать.
Услышав, муж не испугался,
Жена же начала кричать,

С испугу

На шею бросившись супругу,
Как будто к нежному, премилому уж другу.
Не бывши никогда в блаженстве он таком,

Едва от радости не вспрыгнул
И в восхищении воскликнул:

«О вор, ходи ко мне почаще в дом!»

(1844)

290. УПРАВИТЕЛЬ

Кто к деньгам слишком падок
И низким образом их хочет приобрести,
Тот до того уж низок, гадок,
Что дерзость всякую он может перенести.
Нисколько ей не оскорбится,
Хотя б его и стали бить;
Готов за это поклониться,
Лишь только б денег накопить.
Тому я буду объяснитель.

У господина был какой-то управитель,
Не собственный, а нанятой,
Как говорится, продувной.
У господина всем именем
Он долго управлял
И без пощады обирал
Его со всем подьяческим уменьем.
Хоть господин про это знал,
Но всё до времени молчал.
Однажды он, приехавши в именье,
Сам управителя заметил плутовство,
Позвал его к себе и, потеряв терпенье,
Сказал: «Да это, брат, ведь просто воровство!
Употребляешь ты во зло препорученье;
Так делают одни лишь наглецы,
Мошенники и подлецы!»
И это говоря, он больше рассердился:
Ругается, кричит;
А управитель мой всё слушает, молчит.
Тогда один знакомый тут случился
И управителя отводит к стороне
И говорит ему: «Довольно странно мне
И даже за тебя мне стыдно,
Что на тебя так господин кричит
И как слугу ничтожного бранит —
Неужели тебе всё это не обидно?»
— «Да разумеется, что нет! —
Тут управитель мой сказал ему в ответ. —
Пускай ругается и, сколько хочет, злится,
За это я ничуть не думаю сердиться».

— «А если же побьет тебя твой пан,
Ты скажешь и тогда: не рассержуся?»
— «Ну что ж? Пощечину хоть съем — утруся!
А деньги буду класть я всё-таки в карман».

(1844)

291. УГОЛЬЩИК И ТРУБОЧИСТ

Раз угольщик путем-дорогой шел
И с трубочистом вдруг столкнулся.
«Ослепнул что ли ты, осел!» —
Во гневе угольщик вскричал и замахнулся,
А тот на эту брань ответствовал метлой.
Сраженье жаркое меж ними закипело;
Однако ж несколько прохожих подоспело,
Героев розняли и прекратили бой.
«За что, — спросили их, — вы подрались? В чем дело?»
— «Он замарал мне сажей весь кафтан!»
— «Неправда! Ты сперва толкнул меня, болван!
Смотри: я весь в углях!» — Бранятся забияки,
И дело бы дошло опять до драки,
Но кто-то им сказал: «Вы, чудачки, смешны!
О чем вы спорите? — Ведь оба вы черны;
А всяк из вас наверно знает,
Что черный черного никак не замарает».

Примолвить можно здесь, что спорщиков таких
Мы каждый день встречаем:
Мы видим черноту других,
А сами каковы, того не замечаем.

(1830)

292. ОРЛЯНКА

Отстряпав барский стол,
Надел Фома китайчатый камзол,
Колпак и праздничный передник
И вышел к воротам, где друг и собеседник,

Антип, давно его, на лавке сидя, ждал,
 Потягивался и зевал;
 (Не диво: до свету уж вымел он Фонтанку).
 «Чем руки-то сложа сидеть, — Фома сказал, —
 Давай в орлянку!»
 — «Давай». И началась игра.
 Антипу повезло. Фоме же — нет талана!
 Всю мелочь вышарил, несчастный, из кармана,
 И дело уж дошло до серебра,
 А пользы нет: Антип конает без пощады.
 Фому кидает в пот с досады.
 — «Позволь, Антипушка, швырнуть целковым вдруг!»
 — «Изволь, любезный друг!»
 Швырнул Фома. И что ж? Не взвидел, бедный, света!
 И крупная его последняя монета
 В Антиповой мошне!.. Бежит на ту беду
 Из-под ворот с кастрюлей поваренок.
 «Куда ты, дьяволенок?»
 — «Я в лавочку иду».
 — «Ведь выдумал, небось, как раз, мошенник,
 сказку!» —

И дал Фома мальчишке таску.

С Фомою схожи мы бываем иногда.
 От собственной вины придет на нас беда,
 А за нее тому безвинно достается,
 Кто первый нам в глаза по силам попадется.

(1830)

293. ПЛОТНИК И ЕГО ПРИЯТЕЛЬ

Тонут — так топор сулят, а
 вытащат — и топорisha жаль.

Русская пословица

Путем-дорогой шел крестьянин Агафон.
 Он ремеслом был плотник.
 Его земляк и друг, Артемий, сельский скотник,
 С ним рядом брел. Тем был известен он,
 Что миром решено: «Артемию — награда
 За то, что в двадцать лет из стада,
 Которое он пас,

Пропажи не было». Коров он бездну спас
И от волков, и от медведей.
Честим Артемий был от всех своих соседей
И от всего села.

Награда, между тем, отложена была
Впредь до решения и рассужденья мира.

(Не думайте, что тут сатира
На непризнательность. О, нет!
В деревне и везде один и тот же свет).
Ну вот, идут себе наш плотник
И друг его Артемий, скотник,

И очутились на берегу реки.

«Послушай, Агафон, ты по льду не пускайся!
Провалишься грехом!» — «Какие пустяки!
Ну, ты на берегу, Артемий, оставайся,
А я через реку, увидишь, как пройду!»
На самой глубине сквозь лед он провалился
И, по пояс в воде, приятелю взмолился:
«Артемий, милый друг, Артемушка! Спаси!
Топор тебе отдам! Ведь тульский! Просто чудо!»
Великодушие не редкость на Руси.

«Ну, братец! — проворчал Артемий, — дело худо!» —
Да и скакнул на лед, за шиворот схватил
И друга своего на берег притащил.

«Ох, исполать тебе, Артемушка почтенный!

За долг сочту я непременно
Тебя впоследствии преважно подарить!»
— «Да что об этом нам так много говорить! —
Артемий отвечал. — Давай топор ты мне-то,
Который обещал». — «Приятель! Как же это?

Ну как же я тебе топор отдам?

Без топора я пропаду и сам».

— «Ну за услугу дай ты мне хоть топорище».

— «Да что ты выдумал за вздор,
Почтенный мой дружище!
Без топорища что топор!»

Недаром наши предки
В пословице своей
Сказали про людей,
Что благодарные меж ними очень редки.

(1850)

294. САПОЖНИК И САПОЖНИЦА

Шила в мешке не утаишь.

Русская пословица

Жила-была сапожница, вдова,
По имени Орина,
В селе, где было душ всего десятка с два,
И вот какая с ней случилась причина.
Приехал в то село сапожник Харитон,
Там, с дозволения начальства, поселился
И начал отбивать барыш у бабы он;
Не удалось, так он на хитрости пустился.

Пришел к Орине он тишком,

Под вечерок, с мешком.

Ей поклонился очень низко

И, к ней подсевши очень близко,

Так начал говорить: «С тобой, Орина, мы
Сапожным ремеслом живем на белом свете
И оба далеки от нищенской сумы.

Ты у меня давно уж на примете.

Чем друг у дружки нам доход перебивать,
Выйдь замуж за меня! Барыш наш будет вдвое,

И ты и я останемся в покое

И в полном счастье». — «Вот на! Какая статья

Мне замуж за тебя! Вишь, вздумал с чем

придраться!

Вдовой, вдовой хочу остаться!

Вишь, пополам дели с ним барыши!

Нет, батюшка, ты этак не гречи!

Многонько я в сей жизни натерпелась,

Не проведешь меня,

И попадешь ты в пламя из огня!»

— «Да что ты, матушка, за что так взъелась?

Аль белены объелась?

Голубушка моя, ты не дури

И дело говори.

За что со мной ты вздумала ругаться?»

— «Вдовой, вдовой хочу остаться!

Ты барышей не смей делить со мной!

Ведь я не кто иной;

Коль это вздумаешь, то сильно озадачу

И дам тебе с лихвой, коль подерешься, сдачу.

Ступай, ступай сейчас домой!
Не то тебя с двора спроважу кочергой».

— «Оринушка! да перестань браниться!
За что озлилась ты? Готов я помириться,
Лишь ты меня уважь и, грешного, прости!»

— «Нет, вижу я, в тебе не будет уж пути.
Вишь, вздумал свататься, противная ты рожа.
Да посмотри ты сам, на что она похожа!

Пошел, пошел ты вон, злодей,
И постыдись ты добрых всех людей».

— «Оринушка! неумоготу мне спорить
И тем тебя напрасно лишь задорить.

Иду, кормилица моя, сейчас иду,
Чтоб не попасть мне в пушую беду».

Тем спор и кончился Орины с Харитоном.
Он вышел из избы с пренизменным поклоном,
Потом сапожницу сквозь зубы он ругнул:
«Вишь, ведьма! Хорошо, что у тебя стянул
Твое сапожное-то шило!

Шей без него теперь ты сапоги!
Нет, с Харитоном ты тягаться не могли

Одно лишь у тебя и было,
За новым же тебе, колдунья, не пойти:
До городу, чай, триста верст пути!
Нет, баба, ремесло твое теперь уплыло».

Свистя, идет наш Харитон,
Как вдруг погоню слышит он.

Бежит за ним, пыхтя, сапожница вдогонку.
Ахти, беда! Шмыгнул бы хоть в сторонку,
Да некуда! Орина нагнала
И за ворот сапожника взяла.
«Отдай сейчас мне шило, ты, разбойник!»

— «Слышь, баба, я сшибу с тебя повойник,
Коль не отстанешь ты. Нет шила у меня!

Вишь, дура, спрашивает шила!»

Не взвидя бела дня,
Источным голосом Орина взвыла.
А шило, как на грех, глядь, из мешка торчит.
— «А это что, злодей!» — сапожница кричит.
Улка ясная! Ну что тут делать было?
Смущенный Харитон Орине отдал шило.

Она за то егохватила по щеке,
Примолвив: «Шила, плут, не утаишь в мешке!»

Как Харитоны дел бесчестных ни скрывают,
Но шилом из мешка обличены бывают

Почти всегда.

Не правда ль, господа?

(1850)

295. ПОРТНОЙ И РАБОТНИКИ

Жил-был портной,
Который ножницы, иголку
Взять в руки не умел и никакого толку
Не знал в шитье; но малый мой,
При всем незнании своем, не потерялся,
На хитрости поднялся.
Работников набравши кое-где,
Он объявил в газетах и везде,
Что мастер он ученый, заграничный,
И добросовестный, и вообще отличный.
Поверила толпа! Портной наш платья шьет,
Товар свой с выгодой большою продает,
Хотя и рядит он доверчивых всех в шуты.
Работники его без дела ни минуты!
Уродливый сошьют сюртук иль фрак —
Портной божится всем, что это сшито так,
Что это-де фасон новейший, европейский!
И что же? Не один простак,
С осанкой гордою — что твой петух индейский, —
Нарядом щегольнуть спешит,
И умных всех людей, как чучело, смешит.
Разбогател портной наш в два-три года,
Заважничал. Но вдруг пришла невзгода!
Повздорил с подмастерьем он,
А тот ему поклон
Да вон!
За ним работники все также поднялись
И разбрелися.
Тут, с горя, шарлатан-портной
Уселся торговать лохмотьем на Сенной,

На хитрости опять подняться не добился,
В банкротство впал и разорился.

Мы этой баснею имели цель внушить:
Как худо быть портным, когда не знаешь шить;
А впрочем, и в других делах, иные —
Такие же, как наш, портные.

(1850)

296. НАПОЛЕОН И ХАРЧЕВНИК

Харчевник Ермолай
Престрашный был хвостун и забияка.
Случится ли в селе меж мужиками драка,
Ну так и знай,
Что Ермолай наш тут как тут на месте боя
И с храбростью героя
Наносит кулаком тузы
Всем тем, кто силой послабее;
Когда ж заметит он бойца себя сильнее,
То с легкостью козы
Бежит храбрец наш без оглядки,
Ну так, что лишь сверкают пятки.
В двенадцатом году, когда Наполеон
К границе от Москвы стремился,
Погреться с маршалами он
В харчевне той остановился,
Где был хозяином наш храбрый Ермолай.
Жена его, взглянув из своего окошка,
Вспрыгнула словно кошка,
Крича: «Беда, ай, батюшки! Ай! ай!»
— «Что сделалось с тобой? О чем горланишь, дура?
Что ты за жалкая, трусливая фигура!» —
Воскликнул Ермолай. — «У нашего крыльца
Французы с лошадей слезают!»
— «Ну что ж! Такого молодца,
Как я, они не испугают.
Я их попотчю чайком
С кизлярской водкой, аль с ромцом,
И будет дело всё с концом.
Да перестань дрожать, точь-в-точь от лихорадки!

Чего бояться их! С меня ведь взятки гладки.
Заваривай скорее чай,
Живее поверни ты делом», —
Так говорил жене наш храбрый Ермолай,
А сам всем телом
Ну что твой лист осиновый дрожал .
И с чашками поднос едва в руках держал.
С пренизменным, чуть не земным поклоном
Поставил он поднос перед Наполеоном.
Целковый заплатил Наполеон за чай
И в путь отправился. Бежит наш Ермолай
К жене, которая забилась под перину.
«Ну полно трусить-то, скорее вылезай!
Нет, господа французы, наших знай!
Не испугать такого вам детину!
Со свитой у меня был сам Наполеон,
Чай чинно выкушал; когда ж заметил он
Мой рост, дородство плеч, мою медвежью лапу,
То поскорей надел он шляпу
И мигом из харчевни вон!»
— «Никак графинчик там разбился?
Спросила так жена. — Как грех такой случился?»
— «А вот что, матушка! Нарочно подшутил,
Графин с кизлярскою с подноса я спустил
И маршалам штаны обрызнул водкой.
Себе я на уме, хоть даром что с бородкой.
За шутку похвалил меня Наполеон,
А маршалы — так нет, сказали все: кошон!
Моя проказа их немного рассердила».
— «Что за кошон такой?» — жена спросила.
«Французской грамоте хоть не учился я,
Но слышал, что кошон — по-нашему: свинья».
— «Не уронил ли ты графинчик-то от страху?»
— «Вот на! что вздумала! Э, дура! Ну их к праху,
Французов этих всех!
Коль я боялся б их, не поднял бы на смех».

Найдет в себе кто сходство с Ермолаем,
Тому мы храбрости и здравия желаем.

(1850)

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящий сборник является первым сводным изданием стихотворных сказок (повелл) — жанра очень популярного в русской литературе второй половины XVIII — первой трети XIX века.

Широта хронологических рамок, большое количество авторов, писавших в данном жанре, обилие материала, объединенного авторами в сборники басен и сказок или разбросанного по журналам того времени, — все это заставило ограничить издание избранными, хотя и достаточно широко охваченными образцами стихотворной повеллы. Отбирая материал, составитель стремился показать наиболее характерные для жанра образцы, отдавая предпочтение самым совершенным в художественном отношении. Вместе с тем в сборнике представлен не только основной тип сказки (реально-бытовая повелла в стихах), но и ее разновидности.

В сборник включено 296 произведений, принадлежащих семидесяти трем авторам. Сказки крупных поэтов имеют давнюю издательскую традицию. Их творчество представлено первоизданиями, прижизненными и посмертными переизданиями. Существуют дореволюционные издания А. Сумарокова, Аблесимова, В. Майкова, Княжнина, Хемницера, Дмитриева, А. Измайлова, В. Пушкина, в которых напечатаны и сказки этих авторов. Полностью или выборочно сказки перечисленных поэтов включены в посвященные им выпуски большой серии «Библиотеки поэта», вышедшие в недавнее время (сборники стихотворений А. Сумарокова, В. Майкова, Хемницера, Княжнина, Дмитриева). Довольно значительное количество сказок, без ограничения их от басен, помещено в сборнике той же серии «Русская басня XVIII и XIX века», подготовленном Н. Л. Степановым. Встречаются сказки и в другом сборнике — «Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX в.»

Тем не менее основная масса сказок остается затерянной в редких и не всегда легко доступных даже специалисту изданиях. Особенно это относится к сказкам второстепенных писателей, авторов многочисленных сборников басен и сказок и сотрудников различных журналов второй половины XVIII — первой трети XIX века.

Материал сборника расположен не в прямой хронологической последовательности появления произведений в печати, а сгруппирован по персональному принципу. При установлении последовательности авторов учитывалось время создания произведений, публикуе-

мых в сборнике, дата их первого появления в печати, период наиболее интенсивной работы поэта в жанре стихотворной сказки и его принадлежность к литературным направлениям и группировкам.

В комментариях к сказкам сделана попытка помимо объяснения реалий указать на источники сюжетов русских стихотворных сказок или соответствующие сюжетные параллели в европейских литературах, русском фольклоре или в произведениях, относящихся к другим жанрам. Специфика жанра сказки состоит в том, что в большинстве случаев она пользуется традиционным сюжетом. При этом не всегда можно точно определить, имеем мы дело с вольным переводом иноязычного произведения или с вполне оригинальной обработкой русским автором общеизвестного сюжета. С другой стороны, когда речь идет о бродячих сюжетах, подвергавшихся многократным переработкам в разных литературах, в том числе и в русской, вопрос об источнике данного конкретного произведения, по-видимому, вообще не может быть решен однозначно. Поэтому в комментариях термин «перевод» используется лишь в тех случаях, когда на это либо указывает сам русский автор, либо об этом свидетельствуют детальные совпадения русского и иностранного текстов. Следует отметить также, что даже на фоне весьма вольного обращения переводчиков XVIII века с оригиналом переводы стихотворных сказок отличаются большой свободой и стремлением к русификации деталей, «склонением» сюжета на русские нравы. Тем не менее комментаторы сочли полезным указать на известные им сюжетные параллели и соответствия к русским стихотворным сказкам.

Термин «стихотворная сказка» не имел в русской литературе устойчивого значения (см. вступ. статью, стр. 8). Поэтому в примечаниях сохраняются те жанровые обозначения произведений, которыми пользовались их авторы — притчи Сумарокова, басни Майкова, сказки и были Аблесимова и т. д. — в отличие от вступительной статьи, где терминология приведена в соответствие с жанром: сказкой называется всякая стихотворная новелла, которой свойственны признаки этого жанра, независимо от авторского наименования.

Тексты помещенных в сборнике произведений даются, как правило, по последней прижизненной публикации. Единичные отступления от этого принципа оговорены в примечаниях. Кроме первой и последней публикации указываются те из промежуточных, текст которых свидетельствует об авторской работе над произведениями. Описания журналов, книг и сборников, являющихся источниками текста, в комментариях даются в сокращении. Буквенные сокращения названий журналов раскрыты в списке сокращений (стр. 605); полные названия книг и сборников приводятся в соответствующих библиографических справках, предшествующих комментарию.

В библиографических справках дается лишь краткая характеристика творчества писателя, преимущественно в жанре стихотворной сказки и смежных с ней жанрах басни, притчи, были, баллады. Биографические сведения ограничиваются самыми общими, особенно в отношении известных писателей. Несколько больше внимания уделено биографиям малоизвестных писателей, сведения о которых отсутствуют в историко-литературных справочниках, или тем авторам, которые были забыты как литераторы. В целях экономии места

справки не документируются в тех случаях, когда сведения о творческом пути и жизни писателя почерпнуты из печатных источников. Ссылки даются только на архивные материалы.

Объяснение устаревших слов, мифологических имен и названий, в тех случаях, когда они не были употреблены автором в каком-либо неспецифическом значении, отнесено в приложенный к книге словарь.

Биографические справки об И. Ф. Богдановиче, И. И. Хемницере, М. Н. Муравьеве, Я. Б. Княжнине, Д. Дягилеве, П. А. Плавильщикове, И. И. Дмитриеве, Д. П. Горчакове, А. А. Писареве, И. Г. Аристове, М. Олешева, В. Л. Пушкине, С. Н. Марине, А. Е. Измайлове, Ф. Ф. Иванове, И. П. Пнине, П. А. Катенине составлены Н. М. Гайденковым. Остальные справки составлены В. П. Степановым.

Условные сокращения, принятые в примечаниях¹

Андреев-Аарне — Н. П. Андреев, Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне, Л., 1929.

Бл — «Благонамеренный».

БГ — «Беседующий гражданин».

ВЕ — «Вестник Европы».

ВЗ — «Вечерняя заря».

ГПБ — Государственная публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина.

Державина — О. А. Державина, «Великое зеркало» и его судьба на русской почве, М., 1965.

ДЖ — «Дамский журнал».

ДН — «Доброе намерение».

ДП — «Друг просвещения».

ЕС — «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие».

ЖПЛЗЧ — «Журнал приятного, любопытного и забавного чтения».

ЖПУ — «Журнал для пользы и удовольствия».

ЖРС — «Журнал российской словесности».

ЗС — «Зеркало света».

Иппокрена — «Иппокрена, или Утехи любословия на 1799 год».

Иртыш — «Иртыш, превращающийся в Иппокрену».

Курганов, «Письмовник» — Н. Г. Курганов, Российская универсальная грамматика... СПб., 1769.

ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР.

ЛС — «Любитель словесности».

ЛСЗ — «Лекарство от скуки и забот».

МЕИ — «Модное ежемесячное издание, или Библиотека для дамского туалета».

МЖ — «Московский журнал».

МЗ — «Московский зритель».

НЕС — «Новые ежемесячные сочинения».

¹ В список не включены сокращения заглавий авторских сборников и собраний сочинений. Их полные названия приводятся в соответствующих биографических справках.

- НЗ — «Невский зритель».
- ПД — Институт русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский Дом).
- ПУ — «Полезное увеселение».
- РЗБ — «Раскащик забавных басен, служащих к чтению, в скучное время, или когда кому делать нечего. Стихами и прозою».
- Д. Ровинский — Д. Ровинский, Русские народные картинки. Тексты, т. 1, СПб., 1881.
- СВ — «Северный вестник».
- Семенов, «Товарищ разумный» — П. Семенов, Товарищ разумный и замысловатый, или Собрание хороших слов... чч. 1—2, СПб., 1764.
- СЛРС — «Собеседник любителей российского слова, содержащий разные сочинения в стихах и в прозе некоторых российских писателей».
- СМ — «Северный Меркурий».
- СО — «Сын отечества».
- Соревнователь — «Соревнователь просвещения и благотворения» («Труды Вольного общества любителей российской словесности»).
- СПбВ — «Санктпетербургский вестник».
- СПбЖ — «Санктпетербургский журнал».
- СПбМ — «Санктпетербургский Меркурий».
- СЧ — «Свободные часы».
- ТП — «Трудолюбивая пчела».
- ЦГИА — Центральный государственный исторический архив (Ленинград).
- ц. р. — цензурное разрешение.

СТИХОТВОРЕНИЯ

А. П. СУМАРОКОВ

Александр Петрович Сумароков (1717—1777), крупнейший деятель русского классицизма, сыграл выдающуюся роль в развитии стихотворного рассказа, хотя его реформаторская работа в этом направлении и ограничивалась жанром басни. Басни Сумарокова, которые сам автор последовательно именовал «притчами», завершили длинный период осознания сатирических возможностей этого дидактического рода литературы в первой половине XVIII в. Точно не установлено, когда им были написаны первые притчи, однако в «Эпистоле о стихотворстве» (1747) уже присутствовала вполне самостоятельная характеристика жанра, со ссылкой на Лафонтена как образцового баснописца и сказочника. В 1755 г. Сумароков выступил противником басенной формы, предложенной в «Риторике» Ломоносова, и противопоставил ей свои собственные обработки сюжетов, использованных ранее Ломоносовым и его учениками. В общих чертах система баснописания Сумарокова сложилась к 1762 г. Он отказывается от равностоппного ямба и заменяет его вольным ямбическим стихом с широким колебанием числа стоп, от одной до семи в стихе, имитирующим интонации разговорной речи. Центральное место в притче заняла фигура рассказчика-балагура,

ведущего свободный, выдержанный в нарочито вульгарном тоне, разговор с читателем. Иносказательный сюжет перестает быть у Сумарокова центром притчи. Он излагается по ходу разговора, насколько это необходимо для иллюстрации авторских наставлений, разрывается на части репликами и пояснениями или сжимается в несколько строк. Иногда сюжет почти тонет в авторской речи, и притча из иносказания превращается в прямую сатирическую беседу с читателем.

Все эти особенности получили многообразное развитие и применение у последователей Сумарокова. Для стихотворного повествования в целом первостепенное значение имел общий характер сумароковской притчи, которая стала восприниматься как анекдот, случай, рассказанный в кругу любопытных слушателей, открывая, таким образом, возможности для недидактического рассказа.

В большинстве своем притчи Сумарокова написаны на сюжеты, известные из античных или новых европейских писателей, но не являются точным переводом оригинала. «„Творческий“ принцип, следуя которому Сумароков создавал притчи, состоял в том, чтобы сочинить или, еще чаще, найти в уже существующей басенной литературе подходящее по сюжету к обстоятельствам момента произведение и пустить его в литературный оборот, снабдив своими стихотворными намеками и толкованиями» (см. примечания П. Н. Беркова в кн.: А. П. Сумароков, Избранные произведения, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1957, с. 543). При этом, русифицируя сюжет, автор широко использовал фольклорные образы и обороты речи. В отдельных случаях Сумароков прямо обращался к народному анекдоту и фациям.

Прямое влияние Сумарокова-баснописца прослеживается вплоть до начала XIX в., являясь предметом постоянных литературных споров. В эпоху Крылова и Дмитриева его стиль и манера сказа получают подчеркнута отрицательную оценку. Однако даже Белинский, отрицавший серьезное значение деятельности Сумарокова-поэта, считал нужным оговорить, имея в виду сатирические произведения, что «дидактическое направление Сумарокова было полезно для современного ему общества». Из современников особенно высокую оценку Сумарокову дал Новиков, назвавший его притчи «сокровищем российского Парнаса».

Время работы Сумарокова над притчами трудно установить. Первоначально они печатались в немногочисленных журналах 1750—1766 гг. В 1762 г., разделив их на две книги по общепринятому образцу, Сумароков выпустил отдельное издание — «Притчи» (кн. 1—2, СПб., 1762). В 1769 г. вышла 3-я книга. Сюда были включены не все из уже опубликованных произведений, но зато ряд притч появился впервые. К 1777 г., как можно судить по письму Сумарокова к С. Г. Домашневу, у него были уже готовы для издания две новые книги притч. Новиков, получивший для издания «Полного собрания всех сочинений» Сумарокова (чч. 1—10, М., 1781—1782) бумаги писателя, должно быть, имел дело с уже подготовленными текстами 4-й и 5-й книг. Шестая книга составила из стихотворений, затерянных в журналах или сохранившихся в черновиках, о чем можно заключить по отточиям печатного текста, отмечающим, по-видимому, неразобранные издателем места. Поскольку в архиве Сумарокова

могли сохраниться переписанными чужие стихи, то в отношении этой части наследия возникает трудно разрешимая, за неимением фактических данных, проблема атрибуции. Традиционно, однако, и эти произведения приписываются Сумарокову.

1. ЕС, 1755, т. 1, май, с. 485.

2. Там же, т. 2, окт., с. 351.

3. Там же, с. 352.

4. ТП, 1759, март, с. 188 с жанровым обозначением «Притча». Печ. по Притчи, 1762, кн. 2, с. 3. В основе сюжета притчи лежит популярный народный анекдот (Андреев-Аарне, № 1682).

5. Там же, май, с. 305, под загл. «Старик, сын его и осел» и с жанровым обозначением «Притча». Печ. по Притчи, 1762, кн. 2, с. 5. Сюжет заимствован из басни французского баснописца Лафонтена (1621—1695) «Le meunier, son Fils et l'Âne» или из басни французского поэта Бурсо (1638—1701) «Le paysan et l'âne», в свою очередь восходящих к Эзопу. До Сумарокова к нему обращался Ломоносов в притче «Послушайте, прошу, что старому случилось» (1747). Притча была использована в лубочной картинке XVIII в. «На всех не угодишь» (Д. Ровинский, с. 268). *Шумен* — пьян.

6. Там же, июль, с. 411, с жанровым обозначением «Притча». Печ. по Притчи, 1762, кн. 2, с. 9. Ст. «Дни с три уже она не напивалась водки» исправлен по тексту ТП. *Был отдан в монастырь*. По указу Петра I от 3 мая 1720 г. монастыри должны были выполнять функции инвалидов домов. Там размещали непригодных к военной службе по старости или из-за увечья солдат и офицеров. Указ был отменен Екатериной II в 1764 г. *Деньгами довольна* — зажиточна. *Все дни ей пятница была и среда*. Пятница и среда — по правилам православной церкви, постные дни недели. *Из ряды* — подрядившись.

7. Притчи, 1762, кн. 1, с. 15. Вольный перевод басни Лафонтена «Le Trésor et les deux Hommes». Подобный же сюжет в басне датского писателя Гольберга (1684—1754) «Найденное сокровище скупого», переведенной Д. И. Фонвизинным («Басни нравоучительные с изъяснениями г. барона Голберга», М., 1761). К этому сюжету также обращались Херасков (см. № 21) и Измайлов в басне «Два человека и клад».

8. Там же, с. 17. Вольный перевод басни Лафонтена «Le Chatte metamorphosée en femme», сюжет которой восходит к Эзопу. Басню также перевел А. Е. Измайлов. *Фишбейная юбка* — юбка на каркасе из китового уса (нем. Fischbein — китовый ус).

9. Там же, с. 30. Подражание басне Лафонтена «La Vieille et les deux servantes», восходящей к Эзопу. На ту же тему басня немецкого баснописца Геллерта (1715—1769) «Die schlauen Mädchen». Этот же сюжет использован Крыловым в басне «Госпожа и две служанки». Также встречается в русском фольклоре (Андреев-Аарне, № 1566).

10. Там же, с. 36. *Надпись... у черного орла* — надпись «*suitt siique*» (каждому свое) на звезде прусского ордена Черного орла.

11. Там же, с. 44. *Набитый брат* — напросившийся в дружбу.

12. Там же, с. 45. *Имела ту находку* — добилась, чего хотела.

13. Сочинения, ч. 7, с. 212 (в составе 4-й книги притч). Содержание притчи связано с историческими занятиями Сумарокова; сохранились сделанные им переработки сказаний о возникновении Москвы и составленная им «Краткая московская летопись» (СПб., 1774). Возможно, притча направлена против дворян, не находивших нужным принять участие в борьбе с пугачевским восстанием, развернувшимся на южной окраине России. В таком случае она может быть датирована 1773—1774 гг. Многозначие в ст. «И мне не сделает увечья», очевидно, отмечает пропуск какого-то неразобранного Новиковым при публикации с рукописи слова. *Иоанн, великоленные в Кремле воздвигший башни* — Иван III Васильевич (1440—1505), укрепивший кремлевскую стену шестью каменными башнями. При нем Московское государство перестало платить дань татарскому хану. *Они готовы ныне нам и т. д.* По-видимому, Сумароков, не делая различия между крымскими татарами и турками, имеет в виду результаты русско-турецкой войны 1769—1774 гг., в ходе которой Крым был объявлен независимым от Турции и на ханский престол был посажен русский ставленник Шагин-Гирей (1771). Кучук-Кайнарджийский мир (1774) обязывал Турцию выплатить значительную контрибуцию. *Замоскворечье* — неукрепленная слобода на противоположном от Кремля берегу Москвы-реки.

14. Там же, с. 335 (в составе 6-й книги притч). Стилевая пародия на Чулкова (см. стр. 619). *У парников сидели три богини... а сами ели дыни* — намек на ирои-комическую поэму Чулкова «Плачевное падение стихотворцев» (1769), вторично напечатанную в 1774 или 1775 г. Поскольку к 1774 г. относится «Эпиграмма» Сумарокова, где упоминается тот же эпизод из поэмы Чулкова, то стихотворение также может быть отнесено к 1774—1775 гг. *Чтоб их судил Парис*. Парисов суд — в греческой мифологии рассказ о том, как Парис должен был решить, кому из трех богинь — Гере, Афине или Афродите должно быть присуждено яблоко с надписью «прекраснейшей». Парис присудил его Афродите, которая пообещала ему в жены красивейшую женщину на земле. Позднее она помогла ему похитить прекрасную Елену, из-за чего разразилась Троянская война, в результате которой Троя была разрушена. *Матерь Купидона* — Венера. *Пчельник* — здесь пчеловод. *Экстракт* — краткое изложение судебного дела, выписка, извлечение. *Протокол* — судебное решение. *Дочь Мозгова* — Афина Паллада (Минерва); по античному мифу родилась из головы своего отца, Зевса. Сумароков в пародийных целях перемешивает в притче имена из греческой, римской мифологии и православных святцев

15. Там же, с. 209 (в составе 4-й книги притч). Сюжет близок к басне Геллерта «*Der Bauer und sein Sohn*». Близка также к басне французского поэта Эмбера (1747—1790) «*Le Paysan et son Fils*».

В русской литературе к похожему сюжету обращались Хемницер (см. № 83), Левшин (см. № 110) и Крылов в басне «Лжец». У самого Сумарокова есть вторая басня на эту же тему, «Господин лжец». *Рассказен ков* — словесная западня. *Слоновье звено* — ломоть слонового мяса от одного позвонка до другого.

16. Там же, с. 225. Сюжет восходит к известному народному анекдоту о том, как бабы взялись исполнять мужскую работу (Андреев-Аарне, № 1408).

М. М. ХЕРАСКОВ

Михаил Матвеевич Херасков (1733—1807) начал литературную деятельность в 1750-е годы, вскоре после окончания Сухопутного шляхетского кадетского корпуса, известного своими литературными традициями. С 1755 по 1802 г., исключая пребывание в Петербурге в 1770—1779 гг., он служил при Московском университете, занимая должность заведующего типографией и библиотекой, а затем директора и куратора университета.

Как писатель и идеолог Херасков в общем сформировался в среде последователей Сумарокова, но уже его ранние произведения свидетельствуют о достаточной творческой самостоятельности. В частности, трагедия «Венецианская монахиня» значительно отходила от сложившегося к этому времени драматургического шаблона. Зримые расхождения с Сумароковым наметились к началу 1760-х годов, когда Херасков предпринял издание журналов «Полезное увеселение» (1760—1762) и «Свободные часы» (1763), хотя и объединивших учеников Сумарокова, но демонстративно избегавших злободневной сатиры и посвященных прежде всего морально-этической проблематике. Лейтмотивом творчества самого Хераскова в это время становится мысль о необходимости морального самосовершенствования, по-видимому связанная с его масонской деятельностью. В этом смысле указанные журналы, и в еще большей степени позднейшие «Вечера» (1772—1773), являлись предшественниками масонских изданий, выдвинув ряд тем, характерных впоследствии для русского сентиментализма и преромантизма. Несмотря на эти тенденции, Херасков всецело оставался в пределах поэтики классицизма. Из его многожанрового, огромного по объему наследия современники более всего ценили эпические поэмы. Действительно, «Россиада» (1779) была первой и образцовой эпопеей на русской почве и как бы увенчивала систему жанров русского классицизма.

Что касается малых повествовательных произведений (басни, притчи, сказки), то здесь достижения Хераскова не были столь значительны. Херасков впервые выступил с баснями в академическом журнале «Ежемесечные сочинения» как подражатель Сумарокова. Становление собственной сказовой манеры Хераскова в основном завершилось в 1760-е годы параллельно с его идейной эволюцией. Если в баснях периода «Полезного увеселения» еще слышатся выступления против откупщиков, подьячих, новоиспеченной аристократии, то в 1764 г. Херасков выпускает две книги «Нравоучительных басен», в которых преобладает морально-философская аллегория. В соответствии с поучительным заданием сглаживается стиховой и языко-

вый строй басен. Херасков избегает столкновения разностилевых выражений, резких ритмических ходов сумароковской притчи; рассказ приобретает у него более спокойный и связный характер, и, таким образом, намечается синтез ломоносовской и сумароковской манер повествования. В отношении выработки сглаженного «среднего» слога в басне Херасков выступает ранним предшественником И. И. Дмитриева. Вместе с тем своеобразное развитие получает в творчестве Хераскова и балагурная манера басенного рассказчика, восходящая к Сумарокову. Из нее вырастает особый, специфичный только для Хераскова, род стихотворений, которым он дал название «прибасок».

17. ПУ, 1760, март, с. 119; подпись: М. Х.

18. Там же, июль, с. 15, с жанровым обозначением «Притча»; подпись: М. Х. *Десятский* — низшая полицейская должность; исправлялась обывателями по наряду органов городского самоуправления. *Без фонаря она*. Десятские следили за порядком на улицах, в частности за тем, чтобы мирные жители ходили ночью со светом; расношение это обычно не соблюдалось.

19. Там же, авг., с. 73; подпись: М. Х.

20. Там же, сент., с. 94; подпись: М. Х. Подобный сюжет о похвалбе пьяного встречается у Сумарокова в притче «Пьяница трус». *Вставь в землю мне кольцо — поворочу землю* — перифраз выражения Архимеда «Дайте мне точку опоры, и я сдвину землю».

21. Там же, 1761, авг., с. 65; подпись: М. Х. — под «Прибасками», заключающими подборку стихотворений в этой книжке журнала. Это означает, что и другие стихотворения этой подборки принадлежат тому же автору, в данном случае — Хераскову. О практике печатания подборок произведений одного автора, из которых подписывалось только последнее, см. в работе Г. А. Гуковского «Очерки по истории русской литературы XVIII века» (М.—Л., 1936, с. 205—207). Сказка является более пространной обработкой сюжета, использованного Сумароковым в притче «Скупой» и, по-видимому, также восходит к Лафонтену или Гольбергу (см. прим. 7).

22. Там же, дек., с. 222. Вместе со стих. «Мартышка во дворянах» под общим жанровым загл. «Басни»; подпись: М. Х. Об авторстве см. прим. 21. В основу положен рассказ римского писателя Плиния Старшего (I в.) в его книге «Естественная история» о греческом живописце Апеллесе (IV в. до н. э.). Этот же сюжет использовал Пушкин в эпиграмме «Сапожник». *И с петиметром спор заводит философ* — возможно, намек на полемику 1750-х годов о сатире И. П. Елагина «На петиметра и кокеток».

23. СЧ, 1763, февр., с. 89; подпись: М. Х. — под всей подборкой стихотворений (об авторстве см. прим. 21). Сюжетная ситуация сказки восходит к народному анекдоту (Андреев-Аарне, № 1695).

24. Там же, апр., с. 248; подпись: М. Х. — под всем разделом стихотворений апрельского номера (об авторстве см. прим. 21). *Стихами часто я клеветников дарю*. Тема клеветы и клеветников постоянно возникает в стихах Хераскова и его единомышленников, поэтов круга «Полезного увеселения». Она связана с подозрительным отношением дворянского общества к херасковскому литературному кружку (Г. А. Гуковский, *Очерки по истории русской литературы XVIII века*, М.—Л., 1936, с. 43, 210—211).

25. «Вечера», 1772, ч. 1, вечер 9, с. 70; без подписи. Без изменений во 2-м издании «Вечеров» (М., 1788). Соль анекдота, лежащего в основе сказки, как указывает сам Херасков, заимствована им из басни римского баснописца Федра «Симонид, спасенный богами» («*Simonides a dii servatus*»). Однажды кулачный боец заказал греческому лирику Симониду Кеосскому (VI—V вв. до н. э.), писавшему за деньги хвалебные песни, такую песнь, но заплатил ему только третью часть договоренной платы на том основании, что в ней кроме него говорилось о созвездиях Кастора и Поллукса. С них он и предложил Симониду дополнить остальные две трети. Дети Зевса и Леды, близнецы Кастор и Поллукс, превращенные в созвездия и причисленные к бессмертным богам, сочли себя оскорбленными. Решив отомстить обидчику, они вызвали Симонида с пиршества у обидевшего его кулачного бойца, а затем обрушили потолок на головы пирующих. Этот сюжет использован также Сумароковым в притче «Пинт и урод». Басня Хераскова полемична с басней Лафонтена «*Simonide, préservé par les Dieux*», которая завершается моралью: «Для Мельпомены нет униженья торговать стихом». *Не должно таковых пиитов ставить рядом и т. д.* — выпад против сервильных стихотворцев типа В. Г. Рубана (1742—1795), к которым независимая группа дворянских поэтов, возглавляемая Херасковым, относилась с нескрываемым пренебрежением. *Хотел в числе скотины быть рогатой* — собирался жениться. *Купида* — бог любви Купидон, сын богини любви Афродиты.

А. А. РЖЕВСКИЙ

Алексей Андреевич Ржевский (1737—1804) начал службу еще в царствование Елизаветы Петровны, — как и большинство молодых дворян его времени, в гвардии. Решающую роль в его судьбе сыграл переворот 1762 г., в котором он принял деятельное участие. С этого момента начинается быстрая придворная и служебная карьера Ржевского. Он исполнял должность директора Академии наук, был президентом Медицинской коллегии, имел звания сенатора и камергера, а к концу жизни и чин действительного тайного советника.

Хотя имя Ржевского стоит в числе первых членов Российской Академии, о его писательском прошлом к концу XVIII в. помнили лишь в кружке близких друзей. Между тем в пору расцвета своей поэтической деятельности, правда очень недолгой (1759—1764), он считался среди литераторов весьма значительной фигурой. Новиков в «Опыте словаря русских писателей», оценивая творчество Ржевского, особо отметил, что оды, притчи и сказки его «весьма хороши и изъявляют остроту его разума и способность к стихотворству. Сти-

хотворство его чисто, слог текущ и приятен, мысли остры, а изображения сильны и свободны». В печати первые произведения Ржевского появились одновременно в «Ежемесячных сочинениях» и «Трудолюбивой пчеле» за 1759 г. Затем он активно сотрудничал в журналах раннего херасковского кружка, «Свободные часы» и «Полезное увеселение». Написанные в 1760-е годы трагедии «Прелеста» и «Подложный Смердий» особого успеха не имели.

Наибольших успехов Ржевский добился в лирических жанрах, доведя до высокого формального совершенства язык современной элегии. Менее самостоятелен он был в притчах и сказках, которые количественно составляют самую значительную часть его наследия. Здесь яснее всего прослеживаются принципы сумароковской школы, хотя, обратившись к этому жанру одновременно с Сумароковым, Ржевский и сам участвовал в их разработке. Во многих случаях Ржевский шел дальше своего учителя, с которым его связывали дружеские отношения. Он намеренно усиливал функцию рассказчика, превращая притчу в прямой разговор с читателем, или, напротив, экспериментировал с короткой басней, переходящей в эпиграмму. В отличие от Сумарокова, у Ржевского почти не встречаются прямые сатиры на конкретных лиц, его басни более моралистичны и отвлечены.

26. ПУ, 1761, апр., с. 117; подпись под всей подборкой стихотворений. Об авторстве см. прим. 21. Притча восходит к народно-сказочному сюжету (Андреев-Аарне, № 1164). Этот же сюжет обработан в притче Сумарокова «Злая жена и черти».

27. Там же, с. 119. Об авторстве см. прим. 21.

28. Там же, май, с. 182. Об авторстве см. прим. 21. Концовка притчи восходит к фацециальному сюжету, давно вошедшему в еврейскую литературу.

29. Там же, с. 183. Об авторстве см. прим. 21.

А. В. НАРЫШКИН

Алексей Васильевич Нарышкин (1742—1800) принадлежал к поколению молодых дворянских литераторов 1760-х годов, последователей А. П. Сумарокова, вышедших из среды гвардейских офицеров. Несколько его переводов было напечатано в «Трудолюбивой пчеле» еще в 1759 г., но основная часть стихотворений появилась в «Полезном увеселении» М. М. Хераскова в течение 1760—1762 гг. Позднее он опубликовал две оды на тезоименитство Екатерины II (СПб., 1763 и 1765). Будучи во время путешествия императрицы по Волге свитским адъютантом при Г. Г. Орлове, он принимал участие в коллективном переводе «Велисария» Мармонтеля. Он перевел также несколько статей из «Энциклопедии» Дидро и Даламбера для предпринятого Херасковым при Московском университете издания «Переводы из Энциклопедии» (М., 1767). Дальнейшая деятельность Нарышкина была далека от литературы. Последовавшие в 1787 г.

избрание в члены Российской Академии, одновременное с назначением в сенаторы, являлось скорее данью его высокому служебному положению, нежели свидетельством его литературной известности. В 1770 г. Нарышкин был русским посланником в Сардинии, в 1775—1776 гг. — губернатором во Пскове, имел придворное звание камергера и принадлежал к числу екатерининских вельмож. Последние годы жизни больной Нарышкин провел в подмосковном имении по соседству с Немцовым, где жил возвращенный из ссылки А. Н. Радищев.

30. ПУ, 1761, май, с. 169; подпись под всей подборкой стихотворений. Об авторстве см. прим. 21.

31. Там же, с. 174. О теме клеветы в творчестве поэтов «Полезного увеселения» см. прим. 24.

И. Ф. БОГДАНОВИЧ

Ипполит Федорович Богданович (1743—1803) вошел в русскую литературу главным образом как автор поэмы «Душенька» (1778—1783), явившейся одним из высших эстетических достижений дворянского классицизма; ее стиль и художественные принципы оказали огромное влияние на русскую поэзию конца XVIII — начала XIX вв. В развитии этого стиля имели немаловажное значение ранние стихотворения Богдановича, в том числе притчи и сказки, для которых характерны простота и легкость повествовательной речи, композиционная стройность и цельность. Литературная деятельность Богдановича началась в 1760 г. в журнале «Полезное увеселение», где он принимал активное участие как один из молодых писателей кружка Хераскова. В 1763 г. он сам был редактором издававшегося кн. Е. Р. Дашковой журнала «Невинное упражнение». Большинство притч и сказок Богдановича создано в этот начальный период творчества. Несколько басен «на пословицы», написанных позднее, связаны с интересом поэта к фольклору, результатом которого был сборник «Русские пословицы, собранные Ипполитом Богдановичем» (1785). При жизни Богдановича вышел лишь один сборник его произведений — «Лира, или Собрание разных в стихах сочинений и переводов некоторого муз любителя» (СПб., 1773), куда вошла значительная часть стихов, напечатанных в «Полезном увеселении».

32. ПУ, 1761, март, с. 98; подпись под всей подборкой стихов. Об авторстве см. прим. 21. Сюжет сходен с новеллой 53 из русского перевода «Великого зеркала» — «Как не терпит враг диавол идеже союз любви и чего собою творити не может, творит человеки, паче же бабами» (Державина, с. 231—233); по характеру развития действия близок также к народно-сказочному (Андреев-Аарне, № 1165).

33. Там же, апр., с. 138; подпись под всей подборкой стихов. Об авторстве см. прим. 21. Вольный перевод басни Бабрия «Вор и его мать», восходящей к Эзопу. Текст притчи использован в лубочной картинке «Зачем мать сына худо учила» (Д. Ровинский, с. 261). Этот же сюжет в притче А. П. Сумарокова «По трудах на покой».

34. Там же, июль, с. 14; подпись: И. Б. Текст был использован в лубочной картинке XVIII в. «Подьячий и смерть» (Д. Ровинский, с. 447).

35. Там же, с. 15, под загл. «Притча». Печ. по Лира, с. 67 (др. ред.). Журнальный текст был использован в лубочной картинке XVIII в. «Притча о скупом и о жене его сребролюбивой» (Д. Ровинский, с. 263).

36. СЛРС, 1783, ч. 6, с. 174.

А. Г. КАРИН

Александр Григорьевич Карин (1740-е годы — 1769), старший из трех братьев Кариных, выступивших на литературном поприще в 1760-е годы. Он учился в университетской гимназии и в Московском университете, по окончании которого служил в лейбгвардии Конном полку, принимавшем участие в возведении Екатерины II на престол. Карин начал заниматься литературой в конце 1750-х годов. В 1759 г. им был издан и поставлен на московской сцене перевод комедии Гольдони «Граф Карамелли, драма комическая на музыке». Тогда же появилась его «Ода» к дню восшествия на престол Елизаветы Петровны. Карин был одним из активных членов кружка Хераскова и сотрудником журналов «Полезное увеселение» и «Свободные часы», где появились его оригинальные и переводные стихотворения, в том числе и притча «Два прохожих и река», в которой отчетливо проявляются принципы басенно-сказовой речи Сумарокова. По свидетельству Новикова, рано умерший Карин подавал большие надежды и как переводчик, и как стихотворец. После него остались неопубликованными не дошедшие до нас комедия «Россиянин, возвратившийся из Франции» и отрывки незавершенной трагедии «Антигона».

37. СЧ, 1763, март, с. 169, вместе со следующим стихотворением под жанровым загл. «Притчи»; подпись под всей подборкой. Об авторстве см. прим. 21. Использован сюжет басни Бидпая «О двух путешественниках и о льве, сделанном из белого камня», вошедшей в сборник, восходящий к «Панчатантре», — «Политические и нраво-учительные басни Пильпая, философа индейского...» (СПб., 1762) в пер. Б. Волкова. На тот же сюжет написана басня В. И. Майкова «Двое прохожих и клад».

И. С. БАРКОВ

Иван Семенович (по другим данным — Степанович) Барков (1732—1768) в позднейшей литературной традиции считался преимущественно автором грубых, непригодных для печати эротических стихотворений. Его переводческие и сатирические опыты были забыты, а между тем в середине XVIII века он был значительным литератором ломоносовской школы. Его первым опубликованным произведением была ода 1762 г. на день рождения Петра III, но еще ранее он принимал участие в стихотворных полемиках 1750-х годов и был привлечен Ломоносовым к работе над «Древней российской историей»;

в том же 1762 г. Барков подготовил первое русское издание сатиры А. Д. Кантемира. Хорошо зная новые и древние языки, особенно латинский, он в короткий срок издал несколько переводов, в частности перевел стихи сатиры Горация. Выход книги «Федра, Августова отпущенника, нравоучительные басни, с Езопова образца сочиненные» (СПб., 1764; изд. 2 — СПб., 1787) был также примечательным литературным событием, тем более что Барков поставил перед собой задачу дать наиболее близкий перевод, демонстративно напечатав параллельно и текст оригинала. Обратившись к Федру, такому же образцовому баснописцу, как и Эзоп, Барков в понимании жанра притчи следует за «Кратким руководством к красноречию» Ломоносова. Смысл притчи для него заключается в дидактизме, в том, что, «применяя... басенные прилоги к обращениям житейским, находим мы следы, чего держаться и чего убегать должно». В отношении поэтики басни он придерживается связного и последовательного изложения сюжета, четко выделяет басенную «мораль» и пользуется равностопным ямбическим стихом, нигде не применяя вольного. Все эти черты отличают его от баснописцев сумарковской школы.

38. Федра нравоучительные басни, с. 21.

39. Там же, с. 47. Этот же сюжет встречается в притче Сумарокова «Человек среднего века и его две любовницы», которая является вольным переводом басни Лафонтена «L'Homme entre deux âges, et ses deux Maitresses».

И. И. ФОНВИЗИН

Павел Иванович Фонвизин (1746—1803), брат комедиографа, с 1757 г. учился в Благородной университетской гимназии, а затем в самом университете. Занятия братьев литературой начались почти одновременно. Павел Иванович печатался преимущественно в изданиях университета — «Собрании лучших сочинений» (1762) профессора И.-Г. Рейхеля, «Полезном увеселении» Хераскова, в журнале своего приятеля В. Д. Санковского «Доброе намерение» (1764), также близком к университету. В 1760-е годы отдельными изданиями вышел ряд его переводов с французского, из которых наибольший успех имели «Нравоучительные сказки г. Мармонтеля» (чч. 1—2, М., 1764). В 1762 г. Фонвизин приступил к службе в Семеновском полку, куда он был зачислен солдатом еще в 1754 г. Покинув гвардию в 1780 г., он служит председателем палаты Московского уголовного суда, а с 1784 по 1789 г. — директором Московского университета. Позднее он был произведен в действительные статские советники и назначен сенатором. Из его поздних литературных работ известно сильно дополненное переиздание перевода «Сказок» Мармонтеля (чч. 1—3, М., 1787—1788). Кроме того, ему приписывается комическая опера «Матросские шутки» (М., 1780) и крупное участие в создании так называемого «раннего варианта» «Недоросля» (середина 1770-х годов). Немногочисленные оригинальные стихотворения Фонвизина относятся к 1760-м годам.

40. ДН, 1764, окт., с. 443; подпись: П. Ф.

Василий Иванович Майков (1728—1778), сын ярославского помещика, юность провел в провинции. Сколько-нибудь серьезного образования он не получил, и недостаток знаний сказывался на протяжении всей его литературной деятельности. Так, он, до конца жизни не зная иностранных языков, делал свои стихотворные переводы с помощью прозаического подстрочника. В Петербург, на службу в Семеновский полк, он приезжает лишь в 1747 г. К 1750-м годам относится его знакомство с А. П. Сумароковым, тогдашним директором Российского театра; труппу Волковых Майков знал еще по Ярославлю. Дружеские и творческие связи Майкова и Сумарокова с годами окрепли настолько, что в глазах современников Майков всегда оставался лишь учеником своего старшего товарища.

Писать Майков начал в конце 50-х годов, но первое выступление в печати состоялось в 1762 г., после переезда в Москву. Там он становится членом херасковского литературного кружка и сотрудником его журналов. Известность приходит к Майкову с появлением первой прои-комической поэмы «Игрок ломбера» (1763), в которой шутивно описывался процесс модной карточной игры и переживания игрока. Репутацию поэта по преимуществу комического закрепил шумный успех второй поэмы в том же роде — «Елисей, или Раздраженный Вахх» (1771). Здесь нарочито приподнятым слогом описывались похождения ямщика Елеси, пьяницы и буяна, которого бог вина и веселья Вахх избирает орудием мести откупщикам за повышение цен на водку. Насмешливое и остроумное описание грубых бытовых сцен в кабаке и на улице, литературные намеки и, главное, новый травестийный слог сделали поэму образцовой в ряду «шутовских» произведений XVIII в. Драматические произведения и многочисленные оды Майкова не отличались такой самостоятельностью и оригинальностью. Они несут следы разнородных воздействий, главным образом Ломоносова и Сумарокова.

Как баснописец Майков выступал только в 60-е годы. Интерес к этому жанру возник у него, видимо, под влиянием писателей круга «Полезного увеселения». По крайней мере сборник «Нравоучительные басни» (чч. 1—2, М., 1766—1767) носит то же заглавие, что и вышедшая двумя годами раньше книга Хераскова. Однако стилистически Майков оставался ближе к чисто сумароковской притче. Басенные сюжеты он в большинстве заимствует из русских переводов Эзопа, Федра, Бидпая, Гольберга, но, как правило, перерабатывает их, русифицируя и уснащая дополнительными подробностями. Ряд сюжетов может быть отнесен к числу оригинальных, некоторые связаны с фольклорными мотивами. Уже в ранних баснях Майков делает попытку комической разработки бытовой ситуации, используя при этом эффект столкновения высоких славянизмов с грубым просторечием и диалектизмами. Работа над притчами была промежуточным этапом на пути поэта от аллегорического «Игрока ломбера» к живому травестийному повествованию в «Елисее», который еще для Пушкина оставался «истинно смешным» произведением.

41. СЧ, 1763, авг., с. 469. Печ. по Нравоучительные басни, ч. 2, 1767, с. 10. Переложение одноименной басни Эзопа. Сюжет обрабо-

тан также в притче Сумарокова «Ненадобное сено» и в басне А. Е. Измайлова «Собака на сене».

42. Нравоучительные басни, ч. 1, 1766, с. 13. *Ехал из гостей, так ехал пьян* — перифраз строки из народной песни «Ехал пан, ехал пан, Ехал пан от князя пьян. . .».

43. Там же, с. 20. Похожий сюжет ср. у Попова (см. № 60).

44. Там же, с. 21. Подражание басне Лафонтена «L'Avare qui a perdu son trésor», восходящей к Эзопу. К сходному сюжету обращались также Сумароков (см. № 7), Херасков (см. № 21), Измайлов (см. прим. 7 и басню «Кашей и его сосед»). *Гарпагон* — главное действующее лицо комедии Мольера «Скупой». У *Федра* есть дракон. Имеется в виду басня Федра «Лисица и дракон». А *Сумароков* называет и т. д. Имеется в виду басня Сумарокова «Сторож богатства своего», являющаяся переложением указанной басни Федра.

45. Там же, ч. 2, 1767, с. 3. Восходит к народно-сказочному сюжету (Андреев-Аарне, №№ 790, 1416) или к тексту русских переводов «Великого зеркала» (Державина, с. 143, 284—285). Сюжет имеется также в средневековых латинских сборниках (басня «Отшельник»). Сходную обработку он получил у Сумарокова в притче «Пени Адаму и Еве».

46. Там же, с. 14. В основе басни лежит распространенная в XVIII в. мысль о возможности рационального устройства сословного государства. В частности, она подробно развивается в редакционной статье «Всякой всячины» — «Молодые люди всего желают отведать» (1769, с. 339). Эта же идея развивается в притчах Сумарокова «Голова и члены», «Единовластие» (сюжет притчи «Голова и члены» заимствован Сумароковым из басни Лафонтена «Les Membres et l'Estomac»). Басня Майкова пользовалась в XVIII в. некоторой популярностью. В частности, она была перепечатана в журнале Плавильщикова «Утра» (1782, май). *Хлебопашества художник* — земледelec.

47. Там же, с. 18. Сходна по содержанию с притчей Сумарокова «Отпускная». Сюжет восходит к античному сборнику анекдотов «Филогелос».

48. Там же, с. 28.

Н. В. ЛЕОНТЬЕВ

Николай Васильевич Леонтьев (1739—1824) был воспитанником Сухопутного шляхетского кадетского корпуса, затем служил в Измайловском гвардейском полку. Литературную деятельность он начал «Одой» в честь восшествия на престол Екатерины II (СПб., 1762). Позднее он состоял в конторе строения Исаакиевского собора в Петербурге, в 1796 г. был назначен сенатором, возглавлял Медицинскую коллегию и умер в чине действительного тайного советника.

Кроме посвященных различным событиям придворной жизни од и оригинальной песенки в журнале «Приятное и полезное препровождение времени», Леонтьевым, по-видимому, была переведена повесть д'Аржанса «Счастливый флорентинец, или Жизнь графа де ла Валле» (СПб., 1763). Однако его литературную репутацию определил сборник «Басни» (СПб., 1766), сочувственно встреченный современниками. Уже анонимный автор «*Nachricht von einigen russischen Schriftstellern*» (1768) отзывался о баснях штаб-ротмистра гвардии Николая Леонтьева, что, «хотя они и не могут выдержать строгой критики, однако же обличают, что автор не лишен вкуса и что любовь к изящным искусствам может повести его далеко». В 1783 г. Леонтьев был включен в число первых членов только что организованной Российской Академии и принимал участие в работе над академическим словарем, но литературную деятельность прекратил.

Характерные особенности стиля басен Леонтьева довольно метко схвачены в анонимном отзыве начала XIX в., сохранившемся в бумагах Российской Академии: «Необыкновенная простота рассказа составляет одно из главнейших достоинств этого произведения. Простота эта иногда доходит до излишества, и заставляет читателя невольно улыбнуться над простодушием автора... Однако его простодушная веселость, в иных местах, и как бы невольное сострадание к глупостям человеческим, в других, забавляют и привлекают читателя».

49. Басни, с. 10. В часть тиража в процессе печатания внесены стилистические исправления. Печ. по второму варианту издания (см.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в., т. 2, М., 1964, № 3606).

50. Там же, с. 17.

51. Там же, с. 21.

52. Там же, с. 25.

53. Там же, с. 30. Сюжет восходит к басне Федра «Эзоп и задира». Движение рассказа в басне такое же, как в народных анекдотах о дураке (Андреев-Аарпе, № 1696). На ту же тему имеется басня А. П. Сумарокова «Эзоп и буян».

М. Д. ЧУЛКОВ

Михаил Дмитриевич Чулков (ок. 1743—1793) по происхождению не принадлежал к дворянству. Начатки образования он получил в гимназии для разночинцев при Московском университете, где учился в 1758 г., был актером придворного театра, дворцовым камерлакеем и придворным квартирмейстером, пробовал жить чисто литературными заработками, пока наконец в 1772 г. не поступил на службу в Сенат, где и выслужил себе потомственное дворянство.

Литературная деятельность Чулкова была не менее пестрой, чем его биография. В разное время он то писал комедии, то переводил с французского, составил многотомное «Историческое описание рос-

сийской коммерции», издал четыре части «Собрания разных песен» и несколько мифологических словарей, посвященных в основном русским народным поверьям и обрядам. Последние из указанных работ сыграли важную роль в развитии литературного фольклоризма. Однако историко-литературное значение Чулкова определяется прежде всего его прозаическими произведениями. В 1766 г. вышли первые части его сборника «Пересмешник, или Словенские сказки» (5-я часть появилась лишь в 1789 г.), состоявшего из плутовских и волшеббно-сказочных новелл, а в 1770 г. — первая часть незавершенного романа «Пригожая повариха, или Похождения развратной женщины». Кроме того в 1769—1770 гг. он единолично издал два сатирических журнала — «И то, и се» и «Парнасский щепетильник», наполненных полемикой с современными писателями. В «И то, и се» были опубликованы стихотворные произведения Чулкова — ироническая поэма «Плачевное падение стихотворцев», «Стихи на качели» и «Стихи на семик», написанные в том же стиле, и притчи, или, как их называет сам автор, «стихотворные повести». Последние особенно ясно связаны с новациями Чулкова в прозе, которые состояли в подчеркнутом отказе от правоучительной дидактики. Поэтому Чулков обращается не к басенной европейской традиции, а к фацециям, плутовским сюжетам западной фавль и бытовому анекдоту. При этом он в значительной степени отходит от принципов сумароковской школы баснописцев, уделяя больше внимания изложению самого сюжета, чем словесному орнаменту рассказа. Немногочисленные притчи Чулкова, хотя и не получившие широкой известности, стоят у истоков русского стихотворного рассказа.

54—56. «И то, и се», 1769, неделя 21, май, с. 1, 2, 6; без подписи. Объединены под общим заглавием с другими стихотворениями. Принято считать, что все произведения, опубликованные анонимно в журнале «И то, и се», за исключением немногих, атрибутируемых исследователями другим авторам, принадлежат Чулкову (см.: П. Н. Берков, История русской журналистики XVIII века, М.—Л., 1952, с. 229).

1. Этот рассказ в прозаическом изложении имеется в «Письмовнике» Курганова.

2. Прозаический вариант рассказа имеется в книге Семенова «Товарищ разумный» и «Письмовнике» Курганова.

3. Рассказ имеется в «Письмовнике» Курганова. Сходный сюжет обработан у Левшина (см. № 112).

57. Там же, неделя 25, июнь, с. 6; без подписи. Рассказ имеется в «Письмовнике» Курганова.

58. Там же, неделя 33, авг., с. 8; без подписи.

59. Там же, неделя 45, ноябрь, с. 7; без подписи.

¹ В «Краткой литературной энциклопедии» датой рождения Попова указан 1742 г. Данных, подтверждающих эту датировку, обнаружить не удалось.

Биографические сведения о Михаиле Ивановиче Попове чрезвычайно скудны. Он родился в 1740-х годах¹, а скончался около 1790 г. По крайней мере сборник песен «Российская Эрата» (СПб., 1792) уже имел подзаголовок — «песни, собранные и частично сочиненные покойным Михаилом Поповым». До 1764 г. он вместе с М. Д. Чулковым был актером Российского театра, затем, по-видимому, занимал незначительную чиновничью должность. Актерское прошлое отразилось в драматических опытах Попова. Он сочинил первую русскую комическую оперу «Анота», перевел либретто оперы Паэзинелло «Севильский цирюльник» и несколько других пьес. Значительное влияние на его литературную деятельность оказал Н. И. Новиков, с которым Попов познакомился еще до 1766 г. и который поддержал его первые опыты. Позднее Новиков привлек своего подопечного к сотрудничеству в «Трутне» и к переводческой работе в Собрании, старающемся о напечатании книг. В частности, по заданию этой организации Попов сделал прозаический перевод «Освобожденного Иерусалима» Тассо (чч. 1—2, СПб., 1772). Большой популярностью пользовались песни Попова, в которых он довольно удачно подражал лирическим народным песням. Маленький сборник «Песни» выдержал два издания (СПб., 1765 и 1768), а впоследствии перепечатывался во многих песенниках. Большинство поэтических произведений Попова вошло в первую часть его книги «Досуги, или Собрание сочинений и переводов» (чч. 1—2, СПб., 1772). Среди них находятся три притчи, первоначально появившиеся в сатирических журналах 1769—1770 гг. Обращаясь к популярным обличительным темам, Попов в притчах, как и ранее в песнях, выступает учеником А. П. Сумарокова. «Два вора» являются наиболее резкой из притч Попова.

60. «Трутень», 1769, лист 3, 12 мая, с. 17; без подписи. Печ. по Досуги, ч. 1, с. 29. В «Трутне» притча опубликована как часть переписки племянника с дядей, приказным из провинции. В письме дяди, помещенном в предшествующем листе (2-м), говорится: «При сем посылаю я тебе вирши, которые писал на нас прокурор наш. Прочитай их и после рассуди, что прибыльнее, вирши марасть, иль деньги собирать? Он нас бранит, а мы наживаемся и говорим: брань на ворота не виспет». Примечание: «Присланная ко мне от дяди притча напечатана будет в следующем листе» — имело в виду публикуемое стихотворение. Сюжет ср. с басней Майкова (см. № 43). *И перво в них мое искусство покажу.* В творчестве Попова, до 1769 г. писавшего только песни, «Два вора» являются первым опытом в повествовательном жанре. *В серяке* — в серой крестьянской одежде, серяге. *Съезжая* (или приказная) изба — присутственное место, ведавшее сбором податей и пошлин.

А. О. АБЛЕСИМОВ

Александр Онисимович Аблесимов (1742—1783) был одним из ранних представителей так называемой «демократической» линии в литературе XVIII в. Он происходил из бедной дворянской семьи и не получил законченного образования. Молодые годы Аблесимова

прошли на военной службе, которую он начал солдатом и которая прерывалась только с 1767 по 1770 г., во время его работы в Комиссии по составлению нового Уложения. Будучи уже участником нескольких походов и дослужившись до чина капитана, в начале 1770-х годов он вышел в отставку и кончил жизнь экзекутором в московской управе благочиния.

В 1756 г. Аблесимов по ходатайству Сумарокова был прикомандирован копиистом к только что организованному Российскому театру.

Литературная известность Аблесимова, и прижизненная, и посмертная, была связана в основном с его драматическими произведениями, прежде всего с комической оперой «Мельник, колдун, обманщик и сват», долго державшейся в репертуаре русского театра. Его поэтическая деятельность, представляющая не меньший интерес, развивалась под сильным влиянием А. П. Сумарокова. Первые пробы пера Аблесимова — подражательная «Элегия» и несколько эпиграмм — появились в 1759 г. в «Трудолюбивой пчеле». В дальнейшем творчестве Аблесимова, однако, получили развитие не высокие жанры, а сатирические традиции, заложенные Сумароковым, и он, по собственному признанию, «пустился по баснотворцевым следам». В автобиографическом стихотворении Аблесимов подробно говорит об этом переломе:

Как в юности я был
И в разуме незрелом,
То занимался я несвойственным мне делом;
Над рифмами потел,
И вот чего хотел:
Чтоб нежность лишь одна пером моим владела!
К элегиям стремил я весь свой ум...
Да рад, что пылкая кровь скоро охладела,
И склонность довела на сем мне месте встать,
Чтоб басенки сплестать...

В середине 1769 г. выходит сборник «Сказки в стихах Александры Аблесимова» (М., 1769). Такие же сатирические «были» он пытается напечатать во «Всеякой всячине» Екатерины II, но, встречая отказ, становится сотрудником новиковского «Трутия». Здесь же было напечатано и его письмо, в котором он присоединялся к литературной позиции издателя и давал собственное обоснование принципа сатиры «на лицо». Особо подчеркнутое в письме право автора описывать «всякие происшествия», так же как и сам жанр «былей», позволяют предположить, что многие из стихотворений Аблесимова метили в известных лиц и являются переложением бытовых анекдотов. Основные темы Аблесимова — обличение приказных «крючков» и галломании дворянства. Сатира его прочно связана с обличительной литературой эпохи относительного правительственного либерализма 1760-х годов, хотя и не поднимается до уровня общественно-политических обличений, составляющих высшее достижение сатирической журналистики XVIII века. Связи Аблесимова с Новиковым не порываются и позднее. Когда в 1781 г. он предпринимает издание журнала «Раскашик забавных басен», то Новиков бесплатно печатает его в университетской типографии, а сам издатель помещает в нем ряд переработанных старых сказок.

Начав с подражаний Сумарокову и сохранив к нему глубокий пиетет до конца дней, Аблесимов вместе с тем внес значительные изменения в структуру повествовательного стихотворения. По сравнению с притчами учителя, его сказки отличаются большим объемом, развернутым и стройным сюжетом, уменьшением роли рассказчика. Сниженная тематика, изображение простонародного быта вызывали резкие нападки современников, в частности со стороны поэтов державинского круга. Лишь позднее эти особенности стихотворной сказки Аблесимова, так же, как и сам жанр, получили развитие в литературе начала XIX в., прежде всего у А. Е. Измайлова.

61. «Трутень», 1769, лист 11, 7 июля, с. 81; без подписи. Авторство Аблесимова установлено А. Н. Пыпиным («Сочинения и переводы В. И. Лукина и Б. Е. Ельчанинова», СПб., 1868, с. XXXIII). Сказка является сатирой на В. И. Лукина (1737—1794), драматурга, находившегося во враждебных отношениях с большинством писателей 1760-х годов. Сюжет сказки обыгрывает заявление Лукина, страстного игрока, в предисловии к комедии «Мот, любовью исправленный», что он больше никогда не будет играть в карты. *С оника... по сотне убивал* — выигрывал с первой вскрытой карты. *Приткнем кленок* — на немецких картах вины (пики) изображались листьями плюща (винограда).

62. Там же, лист 12, 14 июля, с. 89; без подписи. Атрибутировано А. Н. Пыпиным (см. прим. 61). Стихи «Втирался ль боком, Тянулся ль блоком» даются в исправленном виде по 2-му изданию «Трутня». Является откликом на споры 1760-х годов между сторонниками Ломоносова («лирик») и Сумарокова («драмматист»). Возможно, под «хулителем» Сумарокова подразумевается все тот же Лукин; в «Трутне» нападки на него соседствуют с защитой Сумарокова (см., например, письмо «К г. издателю „Трутня“» в листе 17 за 1769 г.). Первоначально сказка была отправлена автором для публикации во «Всякую всячину» при письме, из которого можно понять, что она метила в какого-то театрального недоброжелателя Аблесимова. Как известно, Лукин служил при И. П. Елагине, заведовавшем императорским театром. Появление сказки в «Трутне» послужило для «Всякой всячины» предлогом не печатать этот личный выпад на своих страницах.

63. Сказки, 1769, с. 10, под загл. «Правда и ложь». Печ. по РЗБ, 1781, лист 7, с. 49 (др. ред.), где вместе со следующей (см. № 64) опубликованы как произведения, присланные сторонним корреспондентом. Сказка является переложением басни Гольберга «Суд между правдою и ложью», которую ранее перевел прозой Д. И. Фонвизин («Басни правоучительные с изъяснениями г. барона Голберга», изд. 2, М., 1765). *За бесчестие всё в выть отдать* — т. е. за клевету отобрать имущество в казну (выть — подать).

64. Там же, с. 17, под загл. «Женатый хвостуш». Печ. по РЗБ, 1781, лист 7, с. 54 (др. ред.), где опубликовано без подписи (см. прим. 63). *Сорвал банк ста с два* — играя в какую-то азартную карточную игру, выиграл 200 рублей, составлявшие всю стоимость банка. *Приз* — в карточной игре условная счетная единица, фишка. *Мастер*

подбирать — подтасовывать; подобранные карты — колода шулерски подтасованная.

65. Там же, с. 19. Вторую половину сюжета см. № 66. *Словесный суд* — суд, находившийся в ведении магистрата (см. прим. 73) и рассматривавший дела, не требующие большого делопроизводства. Разбирательство в нем происходило устно; тяжба продолжалась не более недели, решение исполнялось немедленно. *Уложение* — основной свод законов Российской империи, подвергшихся кодификации в XVII в. при царе Алексее Михайловиче.

66. Там же, с. 23. Продолжает сюжет предыдущей сказки (см. № 65). *Экспедитор* — в данном случае, очевидно, имеется в виду, что секретарь-проситель заведовал экспедицией почтамта.

67. Там же, с. 25, под загл. «Острый ответ черкаса господину». Печ. по РЗБ, 1781, лист 10, с. 76 (др. ред.), где опубликована без заглавия. *Черкас* — казак (по названию г. Черкассы, центра казачества на Украине при Богдане Хмельницком). *Як богу я служу, така мне и плата* — перифраз украинской пословицы «Яка плата, така й робота»; аналогичная по смыслу пословица встречается в русских сборниках: «Как пан меня трактует, так я ему и служу».

68. Там же, с. 27, под загл. «Волокита». Печ. по РЗБ, 1781, лист 23, с. 177 (др. ред.). Текст 1-й редакции использован в лубочной картинке XVIII в. «О женатом волоките» (Д. Ровинский, с. 244). *Субтельна* — субтильная.

69. Там же, с. 31. Впоследствии в переработанном виде сказка была включена Аблесимовым в стихотворное описание первомайского гулянья в Москве (см. РЗБ, 1781, листы 18—19). *Жалку речь в отчаяньи творит* — жалуется вслух.

70. Там же, с. 34, под загл. «Карточный обман». Печ. по РЗБ, 1781, лист 52, с. 202 (др. ред.).

71. «Трутень», 1769, лист 29, 10 ноября, с. 229; без подписи. Авторство Аблесимова устанавливается на основании письма Азазеза Азазезова (псевдоним Аблесимова), датированного 20 октября 1769 г., в том же листе «Трутня», где он сообщал, что посылает издателю две из двенадцати сочиненных им «былей» (см. также № 73). Сюжет, близкий к этой «были» Аблесимова, использовал впоследствии Измайлов (см. № 216). *Но тут масляна приспела* — масленица, последняя неделя перед постом, в течение которого нельзя было устраивать свадьбы. *Рядная на брак* — рядная запись, опись приданого, которое родители обязывались дать за невестой.

72. Там же, с. 232; без подписи. Об авторстве см. прим. 71.

73. Там же, лист 31, 24 ноября, с. 245; без подписи. Об авторстве Аблесимова свидетельствует порядковый номер (третий) стихотворения. В письме к издателю (см. прим. 71) Аблесимов писал, что если высылаемые им две «были» «примутся благосклонно» (т. е.

будут помещены в журнале), то он сообщит и оставшиеся. *Магистрат* — высшее учреждение городского самоуправления, функции которого распространялись в основном на «третье сословие» — купцов и мещан; ему были подведомственны полиция и городской суд, ведавший, в частности, вексельными делами.

74. Там же, 1770, лист 5, 2 февраля, с. 35; без подписи. Об авторстве и датировке см. прим. 71 и 73. *На лбу его прикраса* — рога.

75. Там же, с. 37; без подписи. Об авторстве и датировке см. прим. 71 и 73. *Верховые девушки* — дворовые девушки, взятые в барский дом прислугой или в девичью.

76. Там же, лист 7, 16 февраля, с. 49; без подписи. На авторство Аблесимова указывает общий заголовок издателя «Из дюжины новых былей» (см. прим. 71 и 73). В ст. «Можно молвить про заклад» исправлена явная опечатка первой публикации — «за проклад» (проклад — нега, сибаритство). Эпизод с кражей в модной лавке, однако с другими подробностями, встречается в «Ведомостях» 4-го листа «Трутня» за 1769 г. Представление, что в иностранных магазинах занимают сводничеством, стало распространенным в литературе конца XVIII в.; об этом много писал И. А. Крылов (см. «Почта духов», ч. 4, письмо 42, и его комедию «Модная лавка»). *Портреты* — имеются в виду модные в XVIII в. миниатюры в дорогом обрамлении, иногда с драгоценными камнями, или помещавшиеся на дорогих табакерках, в медальонах и т. п. *Негодует на указ*. Имеется в виду изданное Екатериной II в 1762 г. и впоследствии неоднократно подтверждавшееся запрещение чиновникам брать взятки.

77. РЗБ, 1781, лист 1, с. 5; лист 2, с. 9 (окончание); без подписи. На авторство Аблесимова указывает завершающая обращение издателя к читателям фраза «А на первый случай прошу почитать наших басень». В стихотворении использован сюжет басни Гольберга «Китайская». Ранее басня была переведена Д. И. Фонвизиным (см. прим. 63). Под тем же заглавием, переложенная Аблесимовым в стихи, вошла в сборник «Сказки» (1769). Переработанный вариант ее вошел в состав публикуемого стихотворения. Обработка Аблесимова полемична по отношению к источнику. Гольберг стоит на фаталистической и пессимистической антилейбнищанской точке зрения. Аблесимов в своей сказке, говоря о человеке как о венце творения божия, присоединяется к противникам Вольтера, осмеявшего в «Кандиде» философию оптимизма. *Гусёк* — игра в шашки, в которой они передвигаются в соответствии с выброшенными на игральных костях числами. *Семь листов с бегами*, или семерик — в простонародье игра в носки. *Прадон* (1630 или 1632—1698) — французский поэт и драматург, известный своей непримиримой враждой к Буало и Расину. *Юрдон* — по указанию М. И. Пыляева, «самая азартная карточная игра, от которой произошло известное выражение „проюрдонился“» («Старый Петербург», СПб., 1887, с. 414—415). В. Даль в «Словаре» иначе объясняет это выражение, приводя его как областной (костромской) синоним к «проюрить», т. е. проиграться в карты, в

кости и, вообще, беспутно промотать деньги. Аблесимов, как известно, был родом из Костромы. *Разрядная Архива* — архив, в котором хранились дела уничтоженного Разрядного приказа; в конце XVIII в. являлся крупнейшим хранилищем исторических документов.

78. Там же, лист 3, с. 19; без подписи. Принадлежность Аблесимову подтверждается заключительной фразой предшествующей статьи «Долг», написанной от лица издателя: «Извольте, я и любовное дело представлю». Возможно, что герой стихотворения, «парижец», — лицо реальное. В 52-м листе «Раскашика» были помещены стихи некоего «К. Примирителява», который утверждал, что «парижец» теперь уже не критикует стихов Аблесимова и желает быть ему другом.

79. Там же, лист 6, с. 42; без подписи. Стихотворению предшествуют слова издателя: «Я, повинувся господам читателям, и за свои рассказы примуся... извольте слушать». *Служил с фузейей службу* — был солдатом. *Красное сукно*. Стол в присутственных местах (суде) покрывался по форме красным сукном.

80. Там же, лист 12, с. 92; без подписи. Этот лист «Раскашика» целиком заполнен стихотворениями Аблесимова, о чем свидетельствуют открывающие выпуск стихи:

Продолжаючи рассказы,
В коих я мирян проказы
Подрядился в год сплётать
и т. д.

Описываемая Аблесимовым уловка подьячих примыкает к заметкам того же рода, помещавшимся в новиковском «Трутне», — заклад между истцом и судьей об исходе дела, решение дела в неприступное время и почти совпадающее с сюжетом сказки описание обеда для подьячих с последующей игрой в бильярд («Трутьень», 1769, листы 21, 33, 34). *Читал печатное* — имеется в виду заявление «Всякой всячины», что подьячие берут взятки, так как их дают сами просители. Против этого выступил журнал «Смесь». Ответом на подобное объяснение причин взяточничества являлось также опубликованное в «Трутне» (1770, лист 11) письмо к издателю, автором которого на деле был сам Новиков. *Указ* — см. прим. 76.

81. Там же, лист 19, с. 152; без подписи, но с указанием Аблесимова: «...за сим (за стихами некоего г. Благодарного) опять наши».

82. Там же, лист 22, с. 174; без подписи. За стихотворением следует примечание издателя: «Господа читатели! Рассказ сей гласит о слепом чадолюбии... невозможно, чтоб не любить детей своих, только непадобно давать им воли... Воля, ой! ой! как молодых людей портит; а особливо пол женский; это мы из многих опытов довольно видим». *Старуха* — здесь: сваха. *Роспись* — список женихов. *Магистрат* — см. прим. 73.

П. П. ХЕМНИЦЕР

Иван Иванович Хемницер (1745—1784) является одной из центральных фигур в истории русской басни.

Общественное положение Хемницера было более чем скромным. Сын обрусевшего немца, военного лекаря, он за 12 лет, проведенных в армии, дослужился лишь до чина поручика, с 1769 года занимал незначительную должность при Горном училище, а незадолго до смерти хлопотами друзей получил место консула в захолустной Смирне.

Как поэт Хемницер сформировался в дружеском кругу Н. А. Львова, Державина и В. В. Капниста. Басни Хемницера начал писать в 1770-ые годы. Первый сборник «Басни и сказки» (СПб., 1779) вышел под псевдонимом N. N., а через три года под тем же заглавием появилось их второе, более полное издание в двух частях. Вместе с текстами, напечатанными в посмертном издании («Басни и сказки И. И. Хемницера, в трех частях», СПб., 1799) и найденными Я. К. Гротом («Сочинения и письма Хемницера...», СПб., 1873), они составляют основную часть литературного наследия поэта. Ранние оды Хемницера, так же как и сатиры, несущие отпечаток влияния Сумарокова и не предназначавшиеся для печати, не имеют в его творчестве серьезного значения. Именно в баснях полнее всего выразилась его поэтическая индивидуальность. В эпоху полного господства поэтики сумароковской школы баснописания он выступил создателем оригинального и нового для русской литературы типа стихотворного рассказа. Как повествователь Хемницер стремится к прозрачной ясности рассказа и сжато новеллистическому построению. Хотя он и не ориентировался на правила «Риторики» Ломоносова, но фактически реабилитировал стройное сюжетное повествование в жанре басни. Генетически басня Хемницера в значительной степени связана не с французскими источниками, а с немецкой просветительской традицией, крупнейшим представителем которой был Геллерт. Многие из его басен Хемницер перевел; точно так же близким оказался ему и философский морализм Геллерта, окрашенный в пессимистические тона. Хемницер не имел прямых продолжателей в области басни. Но уже критика начала XIX века рассматривала его как непосредственного предшественника И. И. Дмитриева.

83. Басни и сказки, 1779, с. 32. Печ. по Басни и сказки, 1782, ч. 1, с. 42. *В то время самое, как опыты те были* и т. д. Опыты с алмазами проводил сослуживец Хемницера по Горному училищу А. М. Карамышев, с которым вместе Хемницер редактировал русский перевод книги Урбана Брюкнера «Сочинение о драгоценных камнях». О сюжете сказки см. прим. 15.

84. Там же, с. 46. Печ. по Басни и сказки, 1782, ч. 1, с. 56. Перевод басни Геллерта «Der ungeratene Sohn».

85. Басни и сказки, 1782, ч. 2, с. 12. Вольный перевод басни Геллерта «Hans Nord». Концовка сказки Хемницера оригинальна и, возможно, имеет в виду пребывание в 1779 г. в Петербурге международного авантюриста графа Калиостро.

86. Там же, с. 21. Вольный перевод басни Геллерта «Das Ge-spenst». Сюжет обрабатывался также Сумароковым в притче «Ре-цепт», Левшиным (см. № 108), Измайловым (см. № 206). *Слезная драма*, точнее «слезная комедия» — жанр, предшествовавший бур-жуазной драме и сочетавший элементы смешного и чувствитель-ного. Геллерт был его родоначальником в Германии и в своей басне отрицательно отозвался не о слезной драме, а о трагедии. Об отно-шении Хемницера к «слезной драме» см. его неоконченную заметку, посвященную этому жанру («Полное собрание стихотворений», М.—Л., «Б-ка поэта» (Б. с.), 1963, с. 311).

87. Там же, с. 46.

88. Там же, с. 64.

89. «Сочинения и письма Хемницера по подлинным его рукопи-сям, с биографической статьей и примечаниями Я. Грота». СПб., 1873, с. 259; под загл. «Метафизик». Печ. по кн.: И. И. Хемницер, Полное собрание стихотворений, М.—Л., «Б-ка поэта» (Б. с.), 1963, с. 138, где текст вновь выверен по автографу. Басня не была оконча-тельно обработана автором и не предназначалась для печати. Широ-кую известность получила в редакции В. В. Капниста, которая была напечатана под загл. «Метафизик» в изд. «Басни и сказки И. И. Хем-ницера, в трех частях» (ч. 3, СПб., 1799, с. 88).

М. Н. МУРАВЬЕВ

Михаил Никитич Муравьев (1757—1807) родился в дворянской семье. Учился в гимназии при Московском университете, затем по-ступил в университет, но пробыл студентом лишь несколько месяцев. Недостаток образования Муравьев восполнил самостоятельным изучением наук, языков, искусства и литературы и стал одним из образованнейших людей последней трети XVIII и начала XIX вв. Муравьев — один из ранних русских сентименталистов, выступивший последовательным противником рассудочных принципов поэтики классицизма. Являясь в раннем творчестве продолжателем Хераско-ва, он освобождает его традиции от эклектической противоречивости и ставит в основу поэтического творчества раскрытие личности автора, подготавливая тем самым ранний романтизм Батюшкова и Жуковского. Большую роль в нравственном развитии Муравьева сыграл Новиков, в масонских изданиях которого он сотрудничал. Басни относятся к раннему периоду творчества Муравьева. Его бли-жайшими учителями были В. Майков и Херасков, стоявшие на раз-ных художественных позициях. Это обстоятельство сказалось на баснях, в которых отчетливо видна сумароковская сатирическая направленность, смягченная нравственной поучительностью, а в отно-шении поэтического своеобразия — последовательное повествование, оживляемое народным просторечием и умеренным балагурством рас-сказчика при полном отсутствии гротескно-комических особенностей сумароковских басен. Первый и единственный сборник басен Му-равьева вышел в 1773 г. под заглавием «Басни лейб-гвардии Измай-ловского полку фурыера Михайлы Муравьева, кн. I» (СПб., 1773).

90. Басни, 1773, кн. I, с. 6. Печ. по изд.: М. Н. Муравьев, Стихотворения, Вступ. ст., подг. текста и прим. Л. И. Кулаковой, Л., «Б-ка поэта» (Б. с.), 1967, с. 57, где текст дан по авторизованной рукописи 1772—1773 гг. Как указывает Л. И. Кулакова, для печати текст исправлен автором по замечаниям неизвестного рецензента (там же, с. 322, 325; здесь же приведены разночтения печатной редакции).

91. Там же, с. 7. *«Евстафий» с кораблем сцепились неверным* — эпизод Чесменского морского сражения (1770), когда корабль «Святой Евстафий Плакида» взял на abordаж турецкое судно; оба корабля затонули.

92. Там же, с. 1. Печ. по изд. 1967 г. (см. прим. 90), с. 54, где опубликовано в редакции 1780-х годов по авторизованному рукописному сборнику «Собрание стихотворений» (см. там же, с. 320, 324).

А. Ф. ЛАБЗИН

Александр Федорович Лабзин (1766—1825), крупнейший деятель позднего русского масонства, как писатель и мыслитель сформировался в кружке Н. И. Новикова и И. Г. Шварца. Обучаясь в Московском университете, он был членом Собрания университетских питомцев с момента его основания (1781 г.); его подпись стоит на экземпляре журнала «Покоющийся трудолюбец», поднесенного студентами Новикову. Вступив в 1783 г. в общество розенкрейцеров, Лабзин участвовал в основных масонских изданиях XVIII в.: «Утреннем свете» (1777—1780), «Вечерней заре» (1782), «Утренних часах» (1788—1790). Пропаганда масонских религиозных идей, практическая работа с 1800 г. в основанной им самим ложе «Умиравший Сфинкс» занимали в его жизни значительно большее место, чем официальная служба, хотя и здесь он достиг высокого поста вице-президента Академии художеств.

Собственно художественно-литературная деятельность Лабзина приходится на юношеские годы, период раннего увлечения идеями французских просветителей. В частности, им были переведены «Фигарова женитьба» Бомарше (М., 1787) и комедия Мерсье «Судья» (М., 1788). Сатирические стихотворения Лабзина связаны с сатирой новиковских журналов, особенно с теми произведениями, которые посвящены борьбе с галломанией русского дворянства. Его стихотворение «Чертик на дрожжах» долгое время приписывалось Д. И. Фонвизину, по чистоте стиха и удачным бытовым зарисовкам. Лабзин был одним из немногих сатириков в масонской журналистике. По предположению В. П. Семенникова, в «Вечерней заре» именно ему принадлежат анонимные напечатанные стихотворения того же плана, что и заведомо лабзинская «Модная лавка».

93. ВЗ, 1782, ч. 2, июль, с. 230; без подписи, под загл. «Быль. Французская лавка». Печ. по СЛРС, 1784, ч. 11, с. 23, где опубликовано с подписью: «Некто 1.30.5.20.200.1.50.4.100 — 30.1.6.7.8.50», что расшифровывается как «Александр Лаб(s)ин». *Буржуа* (фр. bourgeois) — человек, принадлежащий к третьему сословию; здесь — тор-

говец (с несколько пренебрежительным оттенком). *Ленты мерд д'уа* (фр. *merde d'oise*) — ленты цвета гусяного помета (зеленовато-желтые). *Флер, креп, лино* — дорогие ткани, изготовлявшиеся на французских фабриках. *Накладка* — парик, фальшивый шиньон.

94. Там же, авг., с. 307; без подписи. *Хам, Иафет, Сим* (библ.) — сыновья Ноя, прародителя рода человеческого.

Я. Б. КНЯЖНИН

Яков Борисович Княжнин (1740—1791) сложился как писатель в кругу идейно-художественных традиций Сумарокова. Являясь, как и Сумароков, одним из наиболее талантливых представителей русского просветительского классицизма, Княжнин приобрел известность своими драматическими сочинениями — трагедиями, комедиями и комическими операми. В его баснях и сказках видны традиции сумароковских притч, с характерным для них гротескным комизмом, народным просторечием, натуралистическим колоритом сюжетных картин и характеристик героев, балагурством рассказчика, интонационно-ритмической непринужденностью стихотворной речи. Творческим своеобразием отмечена поздняя сказка Княжнина «Попугай», представляющая вполне самостоятельную обработку исходного мотива антиклерикальной поэмы Грессе. Напечатанная лишь после смерти автора, она была широко известна в первой четверти XIX века и воспринималась как предшественница шуточных произведений поэтов «Арзамаса».

Княжнин сотрудничал во многих журналах XVIII века. В конце жизни он выпустил «Собрание сочинений», (тт. 1—4, СПб., 1787), включавшее, однако, далеко не все им написанное, и к тому же изобилующее опечатками. Басни и сказки помещены Княжнинным среди мелких сочинений, составивших 4-й том. Автографы оригинальных произведений Княжнина не сохранились. Произведения, не печатавшиеся при жизни, дошли до нас лишь по тексту посмертных изданий 1802—1803 и 1817—1818 гг., осуществленных сыном писателя, А. Я. Княжнинным, по материалам архива отца.

95. СПбВ, 1778, ч. 1, февр., с. 110; подпись: Я. К**. В посмертном «Собрании сочинений» (2-е и 3-е изд.) с изменениями и под загл. «Наказанная неверность. Романс».

96. Там же, ч. 2, окт., с. 272; без подписи; СЛРС, 1783, ч. 1, с. 122. Печ. по Собр. соч., т. 4, 1787, с. 183.

97. МЕИ, 1779, ч. 1, янв., с. 26; без подписи; СЛРС, 1783, ч. 1, с. 107. Печ. по Собр. соч., т. 4, 1787, с. 186. *Мушка* — кусочек черного пластыря или тафты, который в старину наклеивали на лицо для красоты, как фальшивую родинку.

98. СЛРС, 1783, ч. 10, с. 158; подпись: Я. Кн. Печ. по Собр. соч., т. 4, 1787, с. 167. Подражание басне Лафонтена «Les Compagnons d'Ulysse». Этой же басне подражал Сомов (см. № 269). Иная обработка сюжета у М. Н. Муравьева в басне «Улиссовы спутники». В журнальном тексте сказка кончалась «моралью», опущенной во

второй публикации, возможно случайно (см.: Я. Б. Княжнин, Избранные произведения, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1961, с. 752—753). Ст. «Цирцея говорит. . .» исправлен по тексту первой публикации. *Свел гриб* — потерпел неудачу. *Друг другу за слово пронзая грудь* и т. д. Имеются в виду дуэли. Эта тема была актуальна и для России; несколько позднее, в 1787 г., появился особый манифест, устанавливавший довольно строгое наказание за участие в поединке.

99. НЕС, 1786, ч. 6, дек., с. 62; без подписи, с подзаг. «Сказка». Печ. по Собр. соч., т. 4, 1787, с. 227. *Дей* — титул турецких правителей в Алжире в XVII — начале XIX вв.

100. Там же, 1787, ч. 8, февр., с. 67; без подписи, с подзаг. «Басня». Печ. по Собр. соч., т. 4, 1787, с. 237. Сюжет восходит к басне Эзопа «Гермес и скульптор». *Сей Зевес и с громом*. Громовержец Зевс изображался с пучком молний в руке.

101. Там же, с. 70; без подписи, под загл. «Ладно и плохо. Разговор двух мужиков»; ЗС, 1787, ч. 4, с. 668. Печ. по Собр. соч., т. 4, 1787, с. 241. Сюжет заимствован из сказки французского писателя Коллена (1755—1806) «*Tant pis, tant mieux*». Похожий рассказ из книги Семенова «Товарищ разумный» сюжетно ближе к сказке Гобе (1765—1832) «*Le rencontre des deux amis, ou la consolation dans le Malheur*», Построение сюжета у Княжнина напоминает также народные анекдоты типа «хорошо да худо» (см. Андреев-Аарне, № 2014). *Микола* — святой угодник Николай Мирликийский, был, по народным представлениям, покровителем путников («Призывай бога на помощь, а св. Николая в путь»).

102. Собр. соч., т. 4, 1787, с. 176. Похожий сюжет использован в притче Сумарокова «Аполлон и Минерва». Для Княжнина источниками могли послужить: «Торг семи муз. Из Кригеровых снов», вольный перевод Д. И. Фонвизина из книги немецкого писателя И.-Х. Крюгера (1722—1750) «Сны» (опубликован в «Собрании лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствия», 1762, т. 1), или письмо «Любопытного зрителя» из «Живописца» (1772, ч. 2, лист 2). *Бесчестие возьмут* — взыщут штраф за нанесенное словесное оскорбление. *Бадина* (фр. badine) — тросточка. *Прекрасны покраснели*. Меркурий был покровителем сводников. «*A la duchesse*» (фр. à la duchesse) — название духов.

103. Там же, с. 188. Вольный перевод сказки французского писателя Лакомба (1724—1811) «*Les amis de collègue*». Анекдот на этот сюжет был опубликован также в СПбВ, 1778, ч. 2, с. 207. Княжнин редактировал этот журнал.

104. НЕС, 1788, ч. 30, дек., с. 73; без подписи. Вошло во 2-е изд. «Сочинений». Переложение в стихи известного анекдота о Вольтере и цирюльнике из Лангра. Парикмахер Шарль Андре в 1760 г. сочинил скверную трагедию под заглавием «Лиссабонское землетрясение» и отправил ее Вольтеру при письме, в котором называл его «дорогим собратом». Ответ Вольтера: «Занимайтесь-ка лучше своими париками» («*Faites des perruques!*») стал крылатым выражением.

105. Собр. соч., изд. 2, т. 5, СПб., 1802, с. 223. Печ. по изд.: Я. Б. Княжнин, Избранные произведения, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1961, с. 704, где опубликована по списку 1790-х годов, дающему доцензурную редакцию, с исправлением явных ошибок переписчика по печатному тексту. При жизни Княжниина не печаталась. Является вольной обработкой сюжета антиклерикальной поэмы французского поэта Ж.-Б. Грессе (1709—1777) «Vert-Vert». *Бонбоны* (фр. bonbon) — конфеты. *Биржа* — петербургская биржа, находилась в «Портовой таможне» на Васильевском острове. *Цесарь вдруг и сам писал* и т. д. По преданию, Гай Юлий Цезарь мог одновременно и писать и диктовать различные распоряжения своим подчиненным. *Ложится всё синноватый туз*. При гадании 36-ю картами туз пик означает всякого рода неприятности: желаемое не осуществится, большая потеря, болезнь родственника, неприятное письмо. *Вояжер* (фр. voyageur) — путешественник. *Крестовая* — комната с образами, домашняя молельня.

В. А. ЛЕВШИН

Василий Алексеевич Левшин (1746—1824) был одним из самых плодovitых переводчиков и компиляторов XVIII века. Среди огромного количества составленных им компилятивных руководств по хозяйству, переводов пьес и романов — оригинальные сочинения занимают скромное место. Литературный дебют Левшина состоялся в 1773 г. Первым произведением были «Загадки, служащие для невинного разделения праздного времени» (М., 1773); затем вышла книга правоучительных писем о любви «Утренники влюбленного» (М., 1775), посвященная Левшиным своей будущей жене. В 1780-е годы Левшин становится масоном, сближается с Новиковым и начинает выполнять многочисленные работы по заказам его издательской фирмы. Из произведений этого периода для истории русской прозы наибольший интерес представляют многотомные сборники Левшина «Русские сказки» (чч. 1—10, М., 1780—1783) и «Всечерние часы, или Древние сказки славян древлянских» (чч. 1—6, М., 1787—1788), в которых использованы мотивы былины и сказочного фольклора. Влияние масонства выразилось в творчестве Левшина прежде всего в отказе от вольтерьянских идей, которыми он, хотя и умеренно, увлекался юношей, и в смене литературной ориентации. Левшин начинает интересоваться немецкой литературой, в частности, переводит «Оберона» Виланда и «Идиллии и пастушьи поэмы» Геснера (обе книги: М., 1787). Из баснописцев Левшину, по-видимому, ближе всего был Геллерт. Переводы из него с сохранением моралистического задания подлинника вошли в «Нравоучительные басни и притчи Василия Левшина» (М., 1787). Они хорошо сочетались с общими тенденциями масонской литературы и этическим учением розенкрейцеров. Собственного басенного стиля Левшин не создал, ориентируясь из числа предшественников в основном на Хераскова и Хемницера.

106. Нравоучительные басни, с. 5. Перевод басни Геллерта «Das Land der Hinkenden». Более ранняя переработка этой басни, сделанная И. И. Хемницером, появилась в 1779 г. под загл. «Земля хромопгих и картавых».

107. Там же, с. 7. Перевод басни Геллерта «Der wunderbare Traum». Этот же мотив сна и отрезвляющего пробуждения присутствует в притчах Сумарокова «Бред» и «Счастье и сон».

108. Там же, с. 8. Перевод басни Геллерта «Das Gespenst». Вольный перевод этой басни был опубликован И. И. Хемницером в 1782 г. (см. № 86); этот же сюжет позднее использовал А. Е. Измайлов (см. № 206).

109. Там же, с. 17. Вольный перевод басни Геллерта «Die zärtliche Frau». Басня имеется также в переводе А. Е. Измайлова под загл. «Нежная жена» и А. П. Сумарокова — «Жена в отчаянии».

110. Там же, с. 20. Перевод заключительной части басни Лафонтена «Le Dépositaire infidèle». Подобную тему с таким же движением сюжета обрабатывали А. П. Сумароков («Господин лжец», см. также № 15), И. И. Хемницер (см. № 83), И. А. Крылов в басне «Лжец».

111. Там же, с. 48. Сюжет кочующий; на нем построено старо-французское фавльо «Разрезанная попона». Также встречается в русских народных сказках (Андреев-Аарне, № 982). Л. Н. Толстой в рассказе «Дедушка и внучек» из «Народной книги для чтения» обработал его, воспользовавшись «Сказками» братьев Grimm.

112. Там же, с. 53. На этот же сюжет написана «повесть» М. Д. Чулкова (см. № 56).

Е. П. КОСТРОВ

Ермил Иванович Костров (ок. 1755—1796), сын вятского дьячка, прошел долгий и нелегкий путь от провинциального семинариста до известного поэта и переводчика. Первые стихи его были напечатаны в 1773 г. в Москве и представляли стихотворную просьбу о зачислении в Славяно-греко-латинскую академию. Из академии он попал в университет, который окончил в 1782 г. и при котором остался в неофициальной должности университетского поэта, с обязанностью сочинять стихи по торжественным случаям. К этому времени Костров был не только автором большого числа од, ничем не выделяющихся на фоне рядовых похвальных песнопений, но и зарекомендовал себя умелым переводчиком. В 1779 г. он выпустил стихотворный перевод «Тактики» Вольтера, а в 1780—1781 гг. под заглавием «Золотой осел» вышли переведенные с латинского «Метаморфозы» Апулея, дожившие до переиздания 1911 г. С переводами связана и дальнейшая известность Кострова, обусловленная как тем, что он впервые взялся за решение сложных задач передачи древних авторов на русском языке, так и тонким пониманием современных литературных потребностей. Костров переводит 8 песен «Илиады», применяя рекомендованный для этого еще Ломоносовым александрийский стих и стилистически обрабатывая поэму Гомера в духе героической эпопеи классицизма. Важное значение в развитии русского преромантизма сыграл его прозаический перевод песен Оссиана. По языку эти переводы настолько легки и в такой степени соответствовали вкусам

читателя, что еще много лет спустя их предпочитали переводам Гнедича и Карамзина.

Что касается малых жанров и, в частности, повествовательных, то они слабо представлены в творчестве Кострова. Его мелкие стихотворения печатались в основном в «Зеркале света» Ф. О. Туманского, журнале, связанном с московскими масонами. Появившиеся здесь анонимно басни выделяются разве что автобиографическими чертами, подтверждающими дошедшие до нас сведения о крайней бедности Кострова. Оригинальные сочинения Кострова были собраны воедино лишь после смерти поэта в издании «Полное собрание всех сочинений и переводов в стихах» (ч. 1—2, СПб., 1802).

113. ЗС, 1786, ч. 1, № 7, 18 марта, с. 165; без подписи. Вместе со следующим стихотворением включено издателями в посмертное «Полное собрание всех сочинений и переводов в стихах» (ч. 1, СПб., 1802). Стихотворение развивает мысль «Эпиграммы» А. П. Сумарокова:

Танцовщик! Ты богат. Профессор! Ты убог.
Конечно, голова в почтеньи меньше ног.

114. Там же, № 14, 8 мая, с. 313; без подписи. Об авторстве см. прим. 113. *Коллегия обманов* — ироническое название ведомства Юстиц-коллегии.

П. М. КАРАБАНОВ

Петр Матвеевич Карабанов (1764—1829) учился в Тверской семинарии, затем в Московском университете, по окончании которого служил в Петербурге в конторе дворцовых строений и в канцелярии Потемкина, а с 1793 г. — в придворном ведомстве, сначала при кабинете императрицы, а затем хранителем архива кабинета. Печататься Карабанов начал в 80-е годы XVIII в., сотрудничая преимущественно в изданиях, враждебных сентиментализму: «Зеркало света», «Санкт-петербургский Меркурий», «Зритель» и др. Широкой известностью пользовался его перевод трагедии Вольтера «Альзира, или Американцы» (1786), ставившийся на сцене и неоднократно переиздававшийся, вопреки всем насмешкам над тяжеловесностью стиля. Позднее Карабанов перевел описательную поэму Делиля «Сады, или Искусство украшать сельские виды». По литературным убеждениям Карабанов был типичным классиком и архаистом. В частности, он принимал участие в переводе на русский язык «Ликея» Ж.-Ф. Лагарпа, последнего теоретика классицизма. Похвальная ода и другие торжественные жанры преобладают в творчестве Карабанова.

В 1803 г. он был избран членом Российской Академии; с 1811 г. являлся одним из деятельных членов Беседы любителей русского слова. Однако, как и другие поздние представители русского классицизма, Карабанов обращался и к жанрам легкой поэзии в духе «анакреонтических песен» Державина. Фривольные сказки Карабанова, по свидетельству С. П. Жихарева в «Дневнике чиновника», считались его лучшими произведениями «по легкости, остроумию и прекрасному языку» и пользовались широкой известностью еще до того, как появились в печати.

Произведения Карабанова выходили отдельным изданием два-

жды, под заглавием «Стихотворения нравственные, лирические, любовные, шуточные и смешанные, оригинальные и в переводе» (СПб., 1801; изд. 2, чч. 1—2, М., 1812).

115. ЛСЗ, 1786, № 3, 15 июля, с. 41; без подписи. Стихотворения, 1801, с. 252. Печ. по Стихотворения, изд. 2, ч. 1, 1812, с. 302.

116. Там же, № 21, 18 ноября, с. 226, без подписи; Стихотворения, 1801 (др. ред., под загл. «Муж-хвастун»); изд. 2, ч. 1, 1812, с. 307. Печ. по журнальной публикации, так как вторая, сокращенная, редакция является скорее эпиграммой, чем «сказкой». Перевод сказки французского поэта Темиссоля (1684—1746) «Le pauvais turg». Иной, анонимный, перевод ее см. ЛСЗ, 1786, № 1, 1 июля, с. 12.

117. Стихотворения, изд. 2, ч. 1, 1812, с. 313. Припечатана в конце тома вместе с другими сказками столь же двусмысленного содержания. Упоминается в протоколах Российской Академии за май 1803 г., где указано, что Карabanов «сообщил сочинения своего еще нигде не напечатанные стихи под названием „Равнодушие от непостоянства“ и притчу „Трое стрелков“». По теме совпадает со стихотворением Державина «Стрелок», написанным в 1799 г. (опубликовано в «Анакреонтических песнях», СПб., 1804).

О. П. БЕЛЯЕВ¹

Осип Петрович Беляев (1764—1807) происходил из семьи священника и учился в Московской Славяно-греко-латинской академии. В 1783 г. из класса риторики он был затребован в Петербург и зачислен в студенты Академии наук с одновременным определением в надзиратели Кунсткамеры. С 1786 г. он служил переводчиком при Академии, а в 1804 г. исполнял обязанности корректора типографии и учителя словесности в академической гимназии. Последние годы жизни, уже будучи надворным советником, Беляев занимал при Академии должность унтер-библиотекаря. Им было составлено описание «Кабинета Петра Великого...» (СПб., 1793; более полное 2-е издание: СПб., 1800), собраны и напечатаны под заглавием «Дух Петра Великого...» (СПб., 1798) анекдоты о Петре I и Карле XII. Заслуживает внимания попытка Беляева в 1795 г. напечатать «Потерянный рай» Мильтона, по рукописи перевода А. Г. Строганова, сделанного еще в 1745 г.; публикация была запрещена цензором как ввиду несовершенства старого перевода, так и из-за имевшихся в поэме противоречий со Священным писанием. Стихотворения Беляева начали появляться в академическом журнале «Новые ежемесячные сочинения» с 1788 г. Вместе с неопубликованными произведениями они были собраны автором в изданной им на свой счет книге «Муза, или Собрание разных забавных сочинений в стихах» (СПб., 1794). Кроме переводов с французского, Беляев пробовал свои силы в самых разнообразных жанрах, сочинял дружеские стихи, песни, эпиграммы. В сатирических стихотворениях,

¹ Биографические сведения взяты из послужного списка (ЦГИА).

к числу которых можно отнести и его басни, он является продолжателем той демократической линии в поэзии XVIII в., в начале которой стояли Аблесимов, Попов и другие второстепенные писатели.

118. НЕС, 1789, ч. 31, янв., с. 92, с жанровым обозначением «Басня». Печ. по Муза, с. 6. Использованный в басне сюжет известен в русских переводах фавстий под заглавием «О тяжести права женского»; также включен Кургановым в «Письмовник», а Семеновым в книгу «Товарищ разумный».

119. НЕС, 1790, ч. 53, янв., с. 75—76; без подписи. Печ. по Муза, с. 5. *Робронт* или робронд (фр. robe ronde) — аристократический дамский туалет в XVIII в., широкая юбка на каркасе.

120. Там же, с. 10. *Эпиталамия* (эпиталама) — стихотворение на бракосочетание, содержащее поздравление новобрачным.

121. Там же, с. 12. *Откупщик* — в России XVIII в. человек, купивший у правительства монопольное право на торговлю водкой или другим товаром в какой-либо местности. *Карман мой не рога-тый* — т. е. не богатый.

С. А. ТУЧКОВ

Сергей Алексеевич Тучков (1766—1839), боевой армейский генерал, как поэт пользовался известностью в очень узком кругу литераторов, хотя писал довольно много. Написанное им составляет четыре части «Сочинений и переводов» (СПб., 1816—1817), не считая интереснейших «Записок», опубликованных лишь в 1900-х годах. Волею случая его увлечение поэзией началось знакомством с масонскими песнями и стихотворениями Ломоносова. Наставником Тучкова оказался ректор Киевской братской академии Кассиан Лехницкий, поддерживавший связи с московскими масонами и посылавший его опыты в студенческие журналы, издаваемые Новиковым. Что это были за сочинения, неизвестно, но, попав в Москву, Тучков становится членом Ученого дружеского общества, а вскоре, по рекомендации новых друзей, его принимают в только что организуемое промасонское санктпетербургское Общество друзей словесных наук, где он состоял в числе членов-учредителей. В журнале общества «Беседующий гражданин», участником которого был также и А. Н. Радищев, Тучков выступил как один из наиболее резких поэтов-сатириков, поместив здесь около 30 стихотворений. Среди них находятся «Рондо» и «Сонет. Придворная жизнь», которые по основным обличительным мотивам исследователи сопоставляют с «Путешествием из Петербурга в Москву». Следует отметить, что в этот период, наряду с появлением в творчестве Тучкова гражданских мотивов, окончательно закрепляется и его пристрастие к архаическому, утяжеленному языку, столь характерному для масонов-литераторов.

Об участии Тучкова в журналистике после ликвидации Общества друзей словесных наук в связи с процессом Радищева ничего определенного неизвестно. Тем не менее он собирает и издает свое «Собрание сочинений и переводов в стихах» (М., 1797), не оставляя ли-

тературных занятий и впоследствии. Значительнейшими из поздних трудов Тучкова являются вольные переводы трагедий Расина «Федра» и «Гофолия».

122. БГ, 1789, ч. 1, февр., с. 193; Собрание сочинений 1797. Печ. по Сочинения и переводы, ч. 4, 1817, с. 69. В оглавлении отмечено звездочкой с примечанием: «Сочинения, над которыми поставлены сии знаки, были сочинены в первые лета упражнения моего в стихотворстве». На тот же сюжет имеется басня Н. Ф. Остолопова «Осторожный слепец».

123. БГ, 1789, ч. 2, май, с. 103. Печ. по Собрание сочинений, 1797, с. 51, где сопровождается примечанием: «Сочинения под номерами от 11-го (см. предыдущую сказку) до 23-го были напечатаны в «Беседующем гражданине», но здесь переправлены, как и все взятые из сей книги». Анекдот, на котором построена сказка, имеется в «Товарище разумном» Семенова, но там он отнесен к римскому Меценату. Есть также сказка Е. Смагина «Сон неспящего человека».

Г. Р. ДЕРЖАВИН

Гавриил Романович Державин (1743—1816), крупнейший лирический поэт XVIII в., фактически не был известен современникам как баснописец, поскольку при жизни его басни, кроме двух, затерянных в журналах, не появлялись в печати. Его первое обращение к этому жанру относится к 1770-м годам и, по всей видимости, явилось следствием творческого влияния И. И. Хемницера, входившего вместе с Державиным в львовский кружок. Большинство же дошедших до нас басен Державина было написано значительно позднее, в 1790—1800-е годы. В 1810—1811 гг. из них составил рукописный сборник, некоторое время спустя вновь подвергшийся редактуре автора и получивший название «Басни и притчи». Он включал 23 произведения, которые были напечатаны лишь полувеком позже в «Сочинениях» Державина, вышедших под редакцией Я. К. Грота (т. 3, СПб., 1866). Для истории жанра эти не попавшие в литературный оборот произведения представляют особый интерес. Многочисленные рукописные редакции свидетельствуют, что Державин целеустремленно работал над стилистикой и сюжетом басен. Он отказывается от традиционных и заимствованных сюжетов, изобретает собственные, часто обыгрывая конкретные бытовые ситуации. Второстепенное значение имеет для него и моралистическая установка классической басни. Как заметил еще первый комментатор державинского творчества Я. К. Грот, басни Державина представляют собой по существу маленькие политические памфлеты на злобу дня, с конкретным адресатом. В других, таких как «Хозяйка» и «Жмурки», поэт, пользуясь средствами басенной аллегории, продолжал давать «уроки царям», подобно тому, как ранее он делал это в своих гражданских одах. Басня такого типа с политическим содержанием получила довольно широкое распространение в начале XIX в.

124. Сочинения, т. 3, 1866, с. 462, где опубликовано по авторизованному тексту 7-й, оставшейся в рукописи, части «Сочинений»

Державина. Раннюю редакцию стихотворения Я. К. Грот датирует по положению среди стихотворений 1776 г.; промежуточная редакция в тетради 1790-х годов озаглавлена «Дьяку».

125. Там же, с. 530, по тексту одной из четырех сохранившихся редакций. Печ. по беловому автографу (ГПБ). Ранняя редакция датируется Я. К. Гротом по положению в рукописи 1799-м г. и истолковывается им как отклик на французскую революцию.

126. Там же, с. 551, по тексту одной из пяти сохранившихся редакций. Печ. по исправленному Державиным автографу (ГПБ). Ранняя редакция датирована Я. К. Гротом по положению в рукописи 1799—1800 гг. Одна из двух окончательных редакций, помещенных в сборнике 1810—1811 гг., переписанном секретарем Державина Абрамовым, имеет заглавие «Мать и сын». Притча намекала на щедрые награды, раздаваемые Павлом I своим любимцам.

127. Там же, с. 554, по тексту одной из трех сохранившихся редакций. Печ. по сборнику 1810—1811 гг. (ГПБ). Ранняя редакция датируется Я. К. Гротом по положению в рукописи 1805-м г.; им же высказано предположение, что притча отражает недовольство русского общества несамостоятельностью, как казалось современникам, политики Александра I, предоставившего большие совещательные права «дружескому кружку» В. П. Кочубея, Н. Н. Новосильцева, А. Чарторижского и П. А. Строганова.

128. Там же, с. 569, где опубликована по беловому автографу. Две другие черновые редакции имеют заглавия: «Огнестрелни и водопад» и «Парк артиллерии и водопад». Ранняя редакция датируется Я. К. Гротом 1807-м г., окончательная — 1813—1814 гг. В начале XIX в. слово «бойница» иногда употреблялось как синоним слова «батарея».

И. П. СУМАРКОВ

Панкратий Платонович Сумароков (1765—1814), внучатый племянник А. П. Сумарокова, начал службу в гвардейском Преображенском полку. Здесь произошло его знакомство с Н. М. Карамзиным, добрые отношения с которым сохранились навсегда. В том же, 1786 г. в журнале «Лекарство от скуки и забот» появилось его первое стихотворение — эпиграмма «Клеон Дамону говорил...». Вскоре, однако, Сумароков был надолго оторван от столичной литературной жизни. В 1787 г. за изготовление фальшивой ассигнации молодой корнет вместе с двумя товарищами был предан суду и на 20 лет сослан в Тобольск с лишением чинов и дворянства. Серьезные занятия Сумарокова поэзией начались здесь, в отдаленной провинции, где он сумел развернуть широкую литературную и культурную деятельность. Скорее всего именно он был инициатором изданий, выходящих от имени Тобольского Главного народного училища — «Иртыш, превращающийся в Иппокрену», «Журнал исторический», а с 1792 по 1794 г. сам выпустил 12 томов состоявшей из переводов «Библиотеки ученой...». Судя по тому, что Сумароков является самым плодовитым вкладчиком в эти журналы, а другие участники явно

подражают его литературной манере, он был в Тобольске центральной фигурой, вокруг которой группировались любители словесности. Позднее Сумарокову удается пересылать свои стихотворения в карамзинские «Аониоды» и «Приятное и полезное препровождение времени» В. С. Подшивалова. В Москве же выходит и его первая книга — «Собрание некоторых сочинений, подражаний и переводов Пан. Сум.» (М., 1799), подводившая итог сибирскому периоду жизни. В 1801 г., после того, как Сумароков в стихотворении «Послание к Всемилу...» непосредственно обратился к только что вступившему на престол Александру I, поэт добился пересмотра своего дела и получил помилование. Поселившись в тульском имении, он в 1802—1804 гг. издавал «Журнал приятного, любопытного и забавного чтения», а на протяжении 1804 г. редактировал «Вестник Европы». В 1808 г. вышла под прежним заглавием 2-я часть его стихотворений. Последние годы Сумарокова были заняты хозяйством и составлением экономических и медицинских компиляций.

Сказка и басня занимают главное место в наследии Сумарокова и наиболее полно характеризуют его основные художественные принципы. В сказках, которые иногда достигают размера небольшой поэмы, Сумароков широко использует ироико-комическую традицию русского классицизма, восходящую к В. И. Майкову, вводит бытовые эпизоды, снижающие тон рассказа и изложенные нарочито просторечным языком. Это отличает его от И. И. Дмитриева, писавшего свои сказки в это же время, хотя, с другой стороны, их сближает отказ от прямого морализма и скорее иронический, чем сатирический подход к теме.

Языковая реформа Карамзина не оказала на Сумарокова существенного влияния. Образцом стиля для него оставалась все же «легкая поэзия» Державина (ср. вступление к сказке «Альнаскар» и «Осень во время осады Очакова») и И. Ф. Богдановича, «Душеньке» которого он откровенно подражал в поэме «Амур, лишенный зрения». Стихотворения Сумарокова были благосклонно приняты современной критикой. Ретроспективная оценка, которая давалась писателями 1820-х годов, была более строгой и содержала упреки автору в «грубости» и отсутствии «вкуса». Несмотря на это в 1832 г. сочинения Сумарокова вышли новым изданием.

129. Иртыш, 1789, сент., с. 26; подпись: Пан... Сум... в. Тот же мотив «забывчивости» положен в основу лубочной картинки «Женская рассеянность» (Д. Ровинский, с. 257).

130. Там же, с. 27; подпись: Пан... Сум... в; под загл. «Сказка. Искусный лекарь». Печ. по Собрание сочинений, ч. 1, 1799, с. 26 (др. ред.). *Селадон* — герой пасторального романа французского писателя Оноре д'Юрфе (1568—1625) «Астрея»; его имя стало нарицательным для искомленного нежным чувством влюбленного. *Овидия о нем стихотворенье* — «*Agis amatoria*» («Наука любви»), поэма римского поэта Публия Овидия Назона (43 г. до н. э. — 17 г. н. э.). *Мартинист* — масон, принадлежащий к последователям французского мистика Сен-Мартена (1743—1803). Зашифрованное Сумароковым упоминание имело в виду прежде всего русских мартиновистов, интересовавшихся алхимией и оккультными науками. *Сильфы* — по

средневековым представлениям — духи воздуха, саламандры — духи огня, гномы — духи земли; в форме перелиски гномов и сильфов издавался выходивший в том же, 1789 г. журнал И. А. Крылова «Почта духов». Санградо — комический персонаж романа «Похождения Жильбلاза из Сантильяны» французского писателя А.-Р. Лесажа (1668—1747), врач, пациенты которого редко выздоравливали. Тиссот — С.-А. Тиссо (1728—1797), известный французский медик, работавший в Швейцарии.

131. Там же, окт., с. 54; подпись: П: С.: Печ. по Собрание сочинений, ч. 1, 1799, с. 99. Этот же сюжет использован в басне И. Бахтина «Золотой зуб» (см. № 141). *То педант, взяв инструменты* и т. д. — подобная сцена имеется в повести Вольтера «Микромегас». *Евклида элементы* — латинизированное название труда древнегреческого математика Эвклида (III в. до н. э.) «Начала», излагающего основы геометрии.

132. Там же, 1791, сент., с. 25; подпись: Пан: Сум... в. Печ. по Собрание сочинений, ч. 1, 1799, с. 1 (др. ред.). *Тит* — Тит Флавий Веспасиан (41—81), *Марк* — Марк Аврелий (121—180), римские императоры, имена которых в новое время стали символами мудрого государственного правления. *Индийский* — распространенное в XVIII в. написание слова «индийский».

133. Собрание сочинений, ч. 1, 1799, с. 38. *Гасконский ренегат* — выходец с юга Франции, из Гасконии; склонность гасконцев к хвастовству и преувеличениям вошла в поговорку. *Ахилл* (Ахиллес) — непобедимый герой поэмы Гомера «Илиада», который все же погиб, как это и было предначертано богами, несмотря на все попытки матери, богини Фетиды, предохранить его от смерти. *Иван Великий* — колокольня в Московском кремле. *Ни с кем не сопряжена* — не замужем. *Ла-Пьер* — известный французский портной конца XVIII в. *Сераль* — дворец, в котором жили жены турецких султанов. *Святошна харя* — лицемер, обманщик. *Эпиктит* (правильно, Эпиктет, I—II вв.) — римский философ-стоик, наиболее последовательно развивавший мысль о равнодушии ко всему внешнему как необходимом условии внутренней свободы. *Мужик идет в солдатску меру*. В старую армию брали рекрутов не ниже определенного роста.

134. Там же, с. 66. Сходный сюжет имеется в средневековых латинских сборниках (басня «Крестьянин и гном»). Пропуск 8 стихов, излагающих сетования мужика на судьбу, возможно, представляет изъятие, сделанное духовной цензурой, так как, судя по контексту («и с небом по своей привычке побранился»), мужик не только жаловался, но и обвинял богов в несправедливости. *Дала ему туза* — ударила его кулаком.

135. ЖПЛЗЧ, 1802, ч. 1, № 1, с. 17; без подписи. Печ. по Собрание сочинений, ч. 2, 1808, с. 25. Вольный перевод сказки Эмбера «Alnascar». Эту же сказку переводил Дмитриев (см. № 156). Прозаический пересказ истории Альнаскарра был сделан еще в 1766 г. Л. Сичкаревым в книге «Забавный философ... Пер. с английского» (СПб., 1766). В иных обработках сюжет бесплодных мечтаний был

известен в русской литературе и до переводов из Эмбера. См. притчу Сумарокова «Крынка молока» (перевод басни Лафонтена «La Laitière et le pot au lait»), попавшую в лубочную картинку «Рассеянная молочница» и более раннюю картинку «Мысли ветреные» (Д. Ровинский, №№ 80—81). Известен также фольклорный сюжет «Мечты о счастье» (Андреев-Аарне, № 1430). Косвенным указанием на время написания «были» (1799—1801) является авторское примечание, что она сочинена в Сибири: «Альнаскар» не вошел в издание 1799 г., а возвращение Сумарокова в Москву относится к 1801 г. *Шехерезада* — рассказчица в арабских сказках «Тысяча и одна ночь». *Великий Могол* — принятое в Европе название индийских правителей в период XVI—XIX вв.; с именем этой династии связано название крупнейшего в мире ограненного алмаза «Великий Могол». *Стразы* — поддельные бриллианты из свинцового стекла (по имени парижского ювелира Страсса). *Кисельник* — персонаж притчи Сумарокова «Кисельник», «замаранная маслом тварь», торговец гороховым киселем с конопляным маслом. *Эдем* — по Библии, место, где жили Адам и Ева до грехопадения, рай. *Газеты гамбургски* — во время Великой французской революции газеты, выходившие в Гамбурге, давали наиболее подробную и разностороннюю информацию о европейских событиях и получили широкое распространение в разных странах. *Кади* — духовный судья в Турции.

136. Там же, ч. 2, № 4, с. 3; без подписи. Печ. по Собрание сочинений, ч. 2, 1808, с. 36. Пропущенный здесь ст. «Дворец был окружен прекрасными садами» и испорченный ст. «К смертельному его стыду» восстанавливаются по журнальному тексту. Эпиграф взят из оды Державина «Фелица». *Мизогин* — женоненавистник. Это место перекликается с «Посланием к женщинам» Н. М. Карамзина (опубликовано в «Аонидах» 1796 г.). *Александр Македонский* (356—323 до н. э.) — греческий полководец, распространивший пределы своей империи до индийских княжеств; начал свои завоевания с победы над персидским царем Дарием. *Скамандр* — река, протекавшая вблизи Трои, у стен которой совершал подвиги Ахиллес, по «Илиаде» Гомера — величайший герой Греции. *Державин* — см. с. 637. *Гораций* — Квинт Гораций Флакк (65—8 до н. э.), римский поэт; в XVIII в. его творчество воспринималось как образцовое. *Карамзин* Н. М. (1766—1826) — русский писатель. *Крылатое дитя* — Амур; его мать — богиня любви Венера. *Тверская* — улица в Москве, с бульваром, служившим излюбленным местом прогулок москвичей. *И очень правильно сказал старик Вольтер* — цитата из стихотворного послания прусского короля Фридриха II к своему брату, приводимая в стихотворении Вольтера «Императрице России, Екатерине II» (1771). Оно сразу же появилось в переводе И. Ф. Богдановича под заглавием «Стихи г-на Вольтера, в России переведенные». У Богдановича эта фраза переведена следующим образом: «Как Август в Польше пил, народ всегда был в пьянстве» («Lorsque Auguste buvait, la Pologne était ivre»). *Август III* (1670—1733) — курфюрст саксонский и король польский, известный своей любовью к развлечениям. *Аристотель* (384—322 до н. э.) — греческий философ, наставник Александра Македонского. *Понт Эвксинский* — древнее название Черного моря. *Тюник* (фр. tunique) — туника. *По мосту, мосту* — неточ-

ное начало русской народной песни. В варианте, записанном Якушкиным, «молодец» описан следующим образом:

Уборненький детинка, снарядливый:
Голубой на нем кафтан — полы машутся,
Грязетовый камзол раздувается,
Екипажецка рубашка, аляет вороток,
Окол шеечки платок, словно розовый цветок,
Во кармане второй — персидский дорогой,
Во правой руке тросточка камышевая,
Около тросточки лепточка букетовая.

(Якушкин, Сочинения, СПб.,
1884, с. 642, № 164)

Гражданская палата — палата гражданского суда, высшего в губернии судебного органа по гражданским делам; ведала также выдачей документов на владение крепостными и недвижимым имуществом. *Буцефал* — имя любимого коня Александра Великого.

П. П. БАХТИН

Иван Иванович Бахтин (1754—1818) в молодости был определен в армию, но уже в 1776 г., дослужившись лишь до чина поручика, вышел в отставку. Дальнейшая его служба проходила в незадолго до этого реорганизованных провинциальных губернских учреждениях. С 1782 по 1794 г. он был стряпчим в Tobольске и Перми, занимал должность тобольского губернского прокурора, затем побывал в Новгороде, Калуге и Туле. С 1797 по 1803 г. Бахтин служил по министерству финансов в Петербурге, причем в последний год, пользуясь особым доверием Александра I, занимался специальными делами о злоупотреблениях помещиков. Длительное время, с 1803 по 1814 г., он был губернатором Слободской Украины, с местопребыванием в Харькове, получив этот пост по рекомендации своего друга В. Н. Каразина. Остаток жизни он провел в Петербурге.

Хотя литературная деятельность Бахтина растянулась на 30 лет и его основные книги «Вдохновенные идеи» и «И я автор, или Разные мелкие стихотворения» вышли в 1816 г., как поэт он окончательно сформировался значительно раньше. По его собственному признанию, большая часть произведений была создана им уже к началу 1780-х годов. Кроме стихотворений самых разных жанров в то время им были также написаны драма «Ревнивый» (СПб., 1816; поставлена в 1811 г.) и какие-то прозаические сочинения. Несколько стихотворений появилось в «Лекарстве от скуки и забот» 1786 г., но настоящие возможности для печатания открылись перед Бахтиным только с началом издания в Tobольске журнала «Иртыш, превращающийся в Иппокрену» (1789). После П. П. Сумарокова он являлся наиболее серьезным и литературно подготовленным сотрудником журнала, помещая здесь как старые, переработанные, так и новые стихотворения. На общем фоне они выделяются сатирическими мотивами, особенно сильными в «Сатире на жестокости некоторых дворян к их подданным».

К началу XIX в. Бахтин практически перестает заниматься сочинительством, но не утрачивает окончательно интереса к литературе. Об этом свидетельствует его дружеское общение с профессурой Харьковского университета и подготовка, незадолго до смерти, сборников избранных произведений, как бы подводивших итог литературной деятельности писателя, с новой переработкой включенных сюда текстов.

137. Иртыш, 1789, сент., с. 25; подпись: Ив: Бахт.: Печ. по И я автор, с. 47.

138. Там же, окт., с. 18; подпись: Ив: Бахт.: Печ. по И я автор, с. 18, где вместе со следующими стихотворениями (см. №№ 139—142) помещена в разделе «Притчи». Вольный перевод басни немецкого писателя Лессинга (1729—1781) «Die eiserne Bildsäule». Иной перевод см. у Ладыжинского (№ 239).

139. Там же, ноябрь, с. 10; подпись: Ив: Бахт.: Печ. по И я автор, с. 22. *Эзопова лиса* — персонаж басни Эзопа «Лисица и виноград».

140. Там же, с. 11, под загл. «Кольцо»; подпись: Ив: Бахт.: Печ. по И я автор, с. 23. *Штукарь* — фокусник.

141. Там же, с. 13, подпись: Ив: Бахт.: Печ. по И я автор, с. 25, где сопровождается примечанием: «Притча сия сочинена мною лет тридцать тому назад; а ныне мне вздумалось сделать к ней примечание. Худо верить скоро, а особливо худому про кого-нибудь. Худо это нам, посредственного состояния людям, а большому господину еще хуже: обманывать его и причин и желающих больше». В сказке использован тот же сюжет, что и у П. П. Сумарокова (см. № 131).

142. Там же, с. 15; подпись: Ив: Бахт.: Печ. по И я автор, с. 27.

П. В. ЛАФИТОВ

Иван Борисович Лафитов (дата рождения не установлена, умер в 1810 г.) происходил из духовного звания, учился в Московской Славяно-греко-латинской академии, а затем был определен в учительскую семинарию при «Комиссии об учреждении народных училищ». В 1789 г. он получил назначение в Тобольское Главное народное училище преподавателем политической истории, естественной истории и географии в старших классах, и говорил речь при торжественном его открытии. Здесь, кроме преподавания, он с 1797 г. заведовал библиотекой и натуральным кабинетом, а в 1802—1805 гг. исполнял обязанности директора училища, ожидавшего преобразования в гимназию.

Лафитов принимал участие в издававшемся под маркой училища журнале «Иртыш, превращающийся в Иппокрену», который своей

¹ Краткие сведения о Лафитове приведены в книге С. Н. Замахаева и Г. А. Цветаева «Историческая записка о Тобольской гимназии» (Тобольск, 1889), где использованы материалы архива Главного народного училища.

официальной задачей ставил «доставить учителям свойственное звание их упражнение, посредством коего и среди исполнения возложенной на них почтенной должности достигали б и они дальнейших способностей, к вьшшему усовершенствованию толь изящного заведения». Высказывалась также точка зрения, что он был в числе лиц, редактировавших журнал. Свои стихотворения и переводы, опубликованные здесь, Лафитов подписывал несколько облагороженным вариантом фамилии — «Лафинов». Кроме прозаических вещей, ему принадлежит более двух десятков стихотворений в самых разнообразных жанрах — загадки, элегии, эпиграммы, рондо. Публикуемая притча является единственным опытом Лафитова в этом жанре.

143. Иртыш, 1791, март, с. 44; подпись: И. Лафинов. *Фомина* неделя — вторая неделя после пасхи. *Ходил по деревням дячок за новинкой* — незаконный, но существовавший как обычай натуральный сбор в пользу церковного причта. *Псаломник воспеваает* — т. е. говорит царь Давид, по библейскому преданию сочинитель псалмов, составивших православную «Псалтирь»; имеется в виду стих 8-й псалма 41.

Д. ДЯГИЛЕВ

Дмитрий Дягилев (даты жизни не установлены) известен только стихотворениями, напечатанными в «Иртыше, превращающемся в Иппокрену». В подписи под ними он называет себя «кадетом Сибирского полка». Кроме публикуемой сказки Дягилев поместил в журнале басню «Конь и бык» и несколько эпиграмм.

144. Иртыш, 1791, янв., с. 59. По основному мотиву — клад скупого — сказка родственна таким произведениям, как притчи Сумарокова «Два скупые», «Скупой» (см. № 7), Богдановича (см. № 35), Майкова (см. № 44), Хвостова «Скупой и клад».

П. А. ПЛАВИЛЬЩИКОВ

Деятельность Петра Алексеевича Плавильщикова (1760—1812) была широка и многообразна. Выходец из купеческой семьи, он в 1779 г. окончил Московский университет по отделению философии, но, вопреки всем обычаям времени, стал актером и сумел выдвинуться в ряды крупнейших деятелей русской сцены. Как литератор Плавильщиков впервые выступил в 1782 г., предприняв издание журнала «Утра», просуществовавшего, правда, недолго. Из напечатанных здесь произведений самому издателю достоверно принадлежит «Рассуждение о зрелищах», хотя, возможно, он же был и автором некоторых анонимных стихотворений. Примерно в это же время Плавильщиков начал писать для театра. С 1783 по 1803 г. им было создано несколько стихотворных трагедий, в основном на исторические темы. Особым успехом пользовались его комедии в прозе, лучшими из которых считаются «Бобыль» (1790) и «Сиделец» (1803).

Наиболее интенсивными были в жизни Плавильщикова 1790-е годы. Вместе с Клушиным и актером И. А. Дмитревским он становится пайщиком типографии «И. Крылова с товарищи» (1792—1794) и ведущим сотрудником «Зрителя» (1792), также издававшегося коллективно. В этом журнале появились его программные статьи

«Нечто о врожденном свойстве душ российских» и «Театр», излагавшие взгляды автора на русский национальный характер и призывавшие к созданию самобытной русской драматургии. Опубликованные здесь анонимно сказки Плавильщикова примыкают к сатирической манере стихотворений Клушина и молодого Крылова.

В 1812 г. Плавильщиков собирался выпустить собрание своих сочинений и успел приготовить к печати первую часть издания. Состав остальных частей, по свидетельству его сына в предисловии к «Сочинениям Петра Плавильщикова» (СПб., 1816), был только утвержден автором, хотя некоторые из ранних произведений он все же успел исправить. Текст сказок, помещенных вместе с другими стихотворениями в 4-й части, исправлений не содержит.

145. «Зритель», 1792, февр., с. 33; без подписи. Так же как и следующее, вошло в посмертное издание «Сочинений» Плавильщикова.

146. Там же, окт., с. 137; без подписи. См. прим. № 145. *Не боюсь его туза* — букв.: удара кулаком; здесь: бояться удара судьбы. *Солитер* — крупный отдельно оправленный бриллиант. *Божок-любовь* — Амур. *Солнце ль в тверди померкает* — т. е. в небесной тверди, в небе.

А. П. КЛУШИН

Литературная деятельность Александра Ивановича Клушина (1763—1804) началась в Петербурге, куда он переехал из провинции к 1790 г. Здесь он сблизился с демократически настроенной литературной и театральной молодежью и уже в этом году выступил как драматург с переделкой комедии Патра «Рассудительный дурак, или Англичанин». Подружившись с И. А. Крыловым и Плавильщиковым, он участвует в издании журнала «Зритель» (1792), а в 1793 г. вместе с Крыловым предпринимает издание «Санктпетербургского Меркурия». Клушин писал сатирические статьи, повести, комедии, лирические стихи, стихотворные сказки. Произведения его в начале 90-х годов отличались сатирическими нападками на дворянство. Таковы, например, «Портреты» в «Зрителе». Творчество Клушина в эстетическом отношении противоречиво: то он выступает как последователь позднего классицизма, то как типичный представитель романтизма («Вертеровы чувствования, или Несчастный М—в, оригинальный анекдот», СПб., 1802). Для его сказок, написанных в стиле легкой французской поэзии, характерны легкость стиха и фивольность тематики. Умение выбрать комическую ситуацию, которое Крылов высоко ценил в комедиях Клушина, является также и сильной стороной его сказок. Однако в этом жанре Клушин не справляется с сюжетным построением. Повествование в сказках затянато и не имеющими прямого отношения к развитию действия подробностями, они однообразны по ритму.

147. «Зритель», 1792, ч. 2, июль, с. 216. *Душенька* — героиня одноименной поэмы И. Ф. Богдановича; здесь — возлюбленная. *Была на Севере война* — русско-шведская война 1788—1790 гг. *Табель о чинах* — введенная Петром I «Табель о рангах», в которой, между прочим, были оговорены права старших чином перед младшими.

148. СПбМ, 1793, ч. 1, янв., с. 52. *Амфион* — по античному преданию, древнейший музыкант Греции. Он построил каменные стены вокруг своей столицы, города Фивы: от его игры на лире камни оживали и сами укладывались в стены. *Эр* (фр. air) — внешний вид; образ кедра в поэтическом употреблении был символом величия; здесь, следовательно, — не теряя величавого вида. *Пик* — римский бог полей и лесов. *Платон* (427—347 до н. э.) и *Сократ* (V—IV вв. до н. э.) — греческие философы, в XVIII в. считались одними из самых замечательных мудрецов древности; Платон был учеником Сократа. *Орфей* — мифический певец и музыкант, игра которого укрощала зверей, заставляла склоняться деревья. Когда он спустился в ад, чтобы повидать тень своей умершей жены, нимфы Эвридикы, то его музыка не только укротила адского пса Кербера и заставила плакать злобных Эриний, но и так растрогала богиню царства теней Персефону (Прозерпину), что та согласилась вернуть Эвридику на землю. *Клависы* — клавиши. *Плейель* (1757—1831) — немецкий композитор, ученик Гайдна, автор популярных фортепианных сонат. *Дней царь* — солнце. *На лбу старинный ставит ик* — т. е. рога; «ик», название буквы «у» в церковнославянской азбуке, имело начертание 8

149. Там же, ч. 2, май, с. 91; подпись: А. Кл—ъ. *Сын Киприды* — Купидон. *Плутонг* — небольшие подразделения войск, которые стреляют залпами, одно за другим. *Галиен* (правильно, Гален, II в. до н. э.) — римский врач, оказавший сильное влияние на средневековую медицину, крупнейший медик античности после Гиппократы. *Иппократ* (Гиппократ, 460—377 до н. э.) — греческий врач, основоположник античной медицины. *Эскулап* — латинское имя греческого бога врачевания Асклепия. *Наука эта* — имеется в виду астрология. *Врютят в Мидасов шишак* — сделают дураком, оставят в дураках. *Форпост* — передовая застава. *Время на часы* — время идти в караул. *Шанцы* — временные военные укрепления. *Дефиле* — узкий проход между естественными препятствиями на пути движения войск.

А. И. БУХАРСКИЙ¹

Андрей Иванович Бухарский (1767—1833) выступил в печати, когда ему было всего 14 лет. В 1781 г. была напечатана переведенная им с французского комедия «Неумышленные ошибки». Период серьезного литературного творчества начинается позднее, после того как в 1788 г. Бухарский покидает военную службу, и ограничивается довольно коротким промежутком времени до 1800 г. За эти 12 лет отдельными изданиями вышло несколько официальных од Бухарского, появились на сцене комедии «Плата тою же монетою» (СПб., 1805; поставлена в 1795 г.) и «Любовная ссора» (СПб., 1806; поставлена в 1800 г.), были опубликованы геронда «Кора к Алонзу» (СПб., 1793) на сюжет из романа Мармонтеля «Инки...» и ряд других произведений. Особенно интенсивным было участие Бухарского в современной журналистике. Он активно сотрудничал в изданиях самых разных литературных партий, но прочнее всего был связан с жур-

¹ Биографические сведения взяты из послужного списка (ЦГИА).

налами «Зритель» и «Санктпетербургский Меркурий», с издателями которых — И. А. Крыловым, П. А. Плавильщиковым и А. И. Клушиным его, видимо, сближал интерес к театру. Из других литераторов он поддерживал дружеские отношения с Ф. В. Каржавиным, соавтором по стихотворению «Письмо к жене от мужа, идущего на приступ к городу Очакову в декабре 1788 года» (СПб., 1790), представляющему собой обработку реального бытового письма. Журнальные стихотворения Бухарского, часто фривольного содержания, написаны в духе «легкой» французской поэзии. К оригинальным произведениям примыкают переложения из Катулла, Сафо, «Антологии». Во всем этом сказалось влияние сентиментализма, хотя в общем Бухарский остался чужд преромантическим настроениям и ориентировался прежде всего на лирические жанры позднего классицизма.

В 1796 г. денежные затруднения заставили Бухарского вступить в статскую службу. Постепенно он отходит от литературы, окончательно порывая с ней после отъезда в Вильно в 1811 г. на должность почт-директора, которую занимал до конца жизни.

150. СПбМ, 1793, ч. 2, июнь, с. 200. В сказке использован рассказ из «Истории» Геродота о лидийском царе Кандавле. На основании изменения исходного сюжета (у Геродота царица и Гигес убивают Кандавля и Гигес овладевает трон) и нарушенной рифмовки в последних стихах П. Н. Берков высказал предположение, что текст сказки подвергся цензурным искажениям («История русской журналистики XVIII века», М.—Л., 1952, с. 481). *Пирронизм* — учение древнегреческого философа Пиррона (ок. 365—275 до н. э.), основателя скептической школы в философии, считавшего все человеческие суждения недостоверными.

Н. П. НИКОЛЕВ

Николай Петрович Николев (1758—1815), поэт и воинствующий теоретик позднего русского классицизма, получил воспитание в доме своей родственницы, княгини Е. Р. Дашковой и, пользуясь ее покровительством, был вхож в круг лучших литераторов своего времени. Еще молодым Николев потерял зрение, что, однако, не отразилось на его литературной активности. Довольно рано, еще в 1780-е годы, сформировался николевский кружок литературных архаистов, манифестом которого стало «Лирическое послание» главы объединения (1791), вызвавшее резкий разрыв не только с молодыми сентименталистами, но и с поэтами старшего поколения — Державиным и Херасковым. В этой полемике родилась репутация Николева как тяжелого и бездарного поэта-педанта. С другой стороны, в кругу друзей восторженный культ его творчества сохранялся долгие годы, даже в новую, пушкинскую эпоху. Исторически деятельность Николева подготовила литературную программу шишковской «Веседы». Писать он начал рано: его первая сатира датируется 1770 г. Выступление Николева в печати относится к 1774 г. За ним последовали другие, однако в основном это были оды и драматические сочинения. Произведения других жанров, стоявших ниже в иерархии жанров классицизма и менее ценимых поэтом, появились лишь в 4-м и 5-м томах оставшегося неоконченным издания «Творений» Николева (М.,

1797). В повествовательном роде Николевым написано всего около десятка басен и «былей», часть из которых представляет переложение известных сюжетов. Его оригинальные «были» по построению и стилю близки к жанру «сатиры», как он сформировался в творчестве А. П. Сумарокова.

151. Творения, ч. 4, 1797, с. 144.

И. И. ДМИТРИЕВ

Иван Иванович Дмитриев (1760—1837) приобрел широкую популярность и как автор чувствительной песни «Стонет сизый голубочек», и как создатель сказки-сатиры «Модная жена», появившейся в печати в 1792 г. Главный творческий интерес его как одного из основоположников сентиментализма заключался в разработке поэтического слога, в преодолении классицистической напыщенности и схематизма через раскрытие внутреннего психологического отношения поэта к действительности и человеку. Образцами поэтического преодоления схематизма и условности являются стихотворные сказки, в которых Дмитриев, соединяя принципы волшебной фантастики французской «легкой» поэзии с гротескно-натуралистической простотой и непринужденностью Сумарокова-баснописца, воплощал живой характер рассказчика и расширял возможности воспроизведения реальной действительности, как об этом свидетельствует, в частности, сказка «Модная жена». Сказки Дмитриева печатались в разных журналах и входили во все отдельные издания его сочинений. Первым таким сборником явились «И мои безделки» (М., 1795), где сказки были помещены среди прочих сочинений. Особый раздел они составили в «Баснях и сказках И(вана) Д(митриева)» (СПб., 1798). В первое собрание своих сочинений (которое он позднее считал вторым, после «И моих безделок»), «Сочинения и переводы» (чч. 1—3, М., 1803—1805), Дмитриев включил как старые сказки в новых редакциях, так и ряд вновь написанных произведений. Далее они входили во все переиздания: «Сочинения» (изд. 3-е, М., 1810; изд. 4-е, М., 1814; изд. 5-е, исправленное и умноженное, М., 1818), «Стихотворения» (чч. 1—2, изд. 6-е, исправленное и уменьшенное, СПб., 1823).

152. МЖ, 1792, ч. 8, окт.-ноябрь, с. 5; подпись: И., с подзаг. «Сказка»; И мои безделки, 1795; Басни и сказки, 1798 (др. ред.); Сочинения, 1803 (др. ред.); изд. 3; изд. 4. Печ. по Стихотворения, изд. 6, ч. 2, 1823, с. 19, где помещено в разделе «Сказки». Сходный в сюжетном отношении рассказ «Изображение супружеского состояния» имеется в книге «Спутник и собеседник веселых людей» (ч. 3, М., 1788, с. 136—139). *Козлов Г. И.* (1738—1791) — исторический живописец и портретист. *Апелл* (Апеллес, IV в. до н. э.) — знаменитый древнегреческий живописец. *Хорев* — герой одноименной трагедии А. П. Сумарокова, убивает себя из-за безответной любви к Оснельде; здесь — слишком страстный любовник.

153. Там же, ч. 5, февр., с. 157; подпись: И., с подзаг. «Сказка»; И мои безделки, 1795; Сочинения, 1803; изд. 3. Печ. по Стихо-

творения, изд. 6, ч. 2, 1823, с. 32, где помещено в разделе «Сказки». Сказка построена на бродячем сюжете, источником которого является старофранцузское фавль. Он обработан, в частности, в «Гептамероне» Маргариты Наваррской (день первый, новелла 6). Одной из его стихотворных переделок является сказка французского поэта Ардуи (1718—1785) «Le borgne duré». Подобный же рассказ имеется в книге Семенова «Товарищ разумный» и в лубочной картинке «Повесть забавная о купцовой жене и о приказчике» (Д. Ровинский, с. 99). Датируется по упоминанию в письмах Н. М. Карамзина к Дмитриеву за 1791 г. *Цитерская сторона* — от Цитерея, одного из имен богини любви Афродиты; здесь в смысле — время, пора любви. *Стал ездить он шестеркою в карете* — достиг чина четвертого класса по петровской «Табели о рангах» и стал штатским генералом; по указу Екатерины II низшим чинам запрещалось иметь выезд шестеркой. *Блонды* — шелковые кружева. *Каска* — женский головной убор, имитирующий военный шлем. *Лино-батист* — см. прим. 93. *Тамбурна кисея* — кисея с особого рода ручной вышивкой. *Тот слеп, а этот крив* — т. е. любовь слепа. Однако возможно и более конкретное значение шутки: в XVIII в. Амур иногда изображался или слепым, или с повязкой на глазах. Такое же сравнение Амура со слепым обыграно в средневековой латинской эпиграмме Иеронима Амальтея (была переведена А. Х. Востоковым. — «Опыты лирические», ч. 2, СПб., 1806). *Выдумка диванов* — распространившаяся в конце XVIII в. в связи с победоносными русско-турецкими войнами мода на все восточное, в частности на турецкие диваны. *Лукреция* — римская матрона, покончившая жизнь самоубийством после насилия, совершенного над ней сыном римского тирана Тарквиния Гордого; здесь сравнение употребляется иронически, как и позднее у Пушкина в «Графе Нулине».

154. И мон безделки, с. 55, с прим.: «Предваряю читателя, что эта сказка родилась от Вольтеровой сказки «La bégueule». Лучше признаться, пока не уличили»; Басни и сказки, 1798; Сочинения, 1803 (др. ред.); изд. 3; изд. 4. Печ. по Стихотворениям, изд. 6, ч. 2, 1823, с. 40, где помещено в разделе «Сказки». Ст. «Чрез холмы, горы и овраги», пропущенный здесь, восстанавливается по предшествующим изданиям. *Свѣтло воскресенье* — пасхальные праздники. *Марьяна роца* — место весенних ярмарок и гуляний москвичей. *Берлин* — старинная карета, род четырехместной крытой коляски. *Брамербас* — персонаж комедии А. П. Сумарокова «Тресотипиус», «офицер-самохвал», рассказывающий о своих военных подвигах. М. А. Дмитриев указывает, что драгунский ротмистр, фигура из детских воспоминаний И. И. Дмитриева, «списан с натуры. Это тамошний (из деревни Ивашевка Симбирской губернии) помещик, самый чиновный из многочисленных мелких дворян той деревни майор Ивашев» («Мелочи из запаса моей памяти», изд. 2, М., 1869, с. 125). *Как ведьма некая в сарае* и т. д. В этом вставном эпизоде Дмитриев пересказывает мотив украинской сказки; позднее его использовал А. С. Пушкин в стих. «Гусар». *Колет* — форменная куртка кавалеристов-драгун. *Пермесский бог* — Аполлон, по имени реки Пермеса, стекающей с Геликона; здесь — вообще бог поэтического вдохновения. *Богданович* — см. с. 14. *Пироп* — драгоценный камень темно-

красного цвета. *Лалл* — рубин. *Армидин сад* — сад волшебницы Армиды, героини поэмы Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим». *Лиц* Фердинанд (1742—1798) — венский скрипач и композитор, с 1771 г. живший в России. О его игре Дмитриев написал «Экспромт (на игру г-на Лица)» (1798). *Амфион* — см. прим. 148. *Князь Хилков* А. Я. (ум. 1718) — русский резидент при дворе шведского короля Карла XII; под его именем был опубликован труд «Ядро российской истории», на самом деле составленный секретарем посольства А. И. Манкиевым. *Липец* — напиток из липового меда.

155. «Аониды», кн. 2, М., 1797, с. 92 (нарушенной пагинации), с подзаг. «Сказка»; подпись: ***; Басни и сказки, 1798; Сочинения, 1803 (др. ред.); изд. 3. Печ. по Стихотворения, изд. 6, ч. 2, 1823, с. 12, в разделе «Сказки». В 3, 4, 5-м изданиях помещалась в разделе «Басни». Перевод басни Лафонтена «L'Homme qui court après la Fortune, et l'Homme qui l'attend dans son lit». *На родине никто пророком не бывает* — перифраз строки из Евангелия «Несть пророка в отечестве своем». *Сураг* — название области и города в Индии; в переводе означает «Хорошая страна».

156. И мои безделки, 1795, с. 18; Басни и сказки, 1798; Сочинения, 1803 (др. ред.); изд. 3. Печ. по Стихотворения, изд. 6, ч. 2, 1823, с. 24, где помещено в разделе «Сказки». Вольная обработка сказки Эмбера «Алпасар». Эту же сказку перевел П. П. Сумароков (см. № 135). *Кадий* — кади, см. прим. 135. *Могол* — см. прим. 135. *Лубок* — луб, древесная кора. *Сераскир* — звание командующего армией в Турции.

157. Там же, с. 208, в разделе «Притчи»; Сочинения, 1803; изд. 3. Печ. по Стихотворения, изд. 6, ч. 2, 1823, с. 142, где помещено в разделе «Басни», кн. 3. Перевод басни Лафонтена «Le vieillard et les trois jeunes hommes». *Под миртами исчез в цветущи лета* — умер от чахотки.

158. ВЕ, 1802, ч. 6, № 23, дек., с. 213, с подзаг. «Перевод из Флориана», подпись: ***; Сочинения, 1803; изд. 3. Печ. по Стихотворения, изд. 6, ч. 2, 1823, с. 146, где помещено в разделе «Басни», кн. 3. Перевод басни французского баснописца Флориана (1755—1794) «Le roi et les deux bergers».

159. Сочинения, ч. 3, 1805, с. 41, в разделе «Продолжение басен»; изд. 3. Печ. по Стихотворения, изд. 6, ч. 2, 1823, с. 17, где опубликовано в разделе «Сказки». Во всех предшествующих изданиях печаталась как басня. Перевод басни Флориана «Le Calif». *И каждый подданный к нему подобострастен*. Против употребления слова «подобострастен» в том смысле, как это делает Дмитриев, протестовал Вяземский в статье, открывающей издание «Стихотворений» 1823 г. Дмитриев, знакомый со статьей еще в рукописи, однако, не внес изменений в стих.

Дмитрий Иванович Хвостов (1757—1835) остался в истории русской литературы примером бездарного графомана, осмеянного несколькими поколениями писателей. Между тем он начинал свою литературную деятельность как подающий надежды молодой поэт сумароковской школы. Он был племянником А. Г. и Ф. Г. Кариных, в доме его отца бывали А. П. Сумароков, Д. И. Фонвизин, в занятиях литературой его поощряли В. И. Бибииков, И. А. Дмитриевский, М. Н. Муравьев, известные и авторитетные литераторы XVIII в. В 1777 г. Хвостовым была написана, а в 1789-м ставилась и имела успех на сцене придворного театра комедия «Легковерный». Не вызвало порицания и первое издание перевода «Андромахи» Расина, впоследствии осыпанного эпиграммами. Отношение к Хвостову коренным образом меняется только после выхода его «Избранных притч из лучших сочинителей российскими стихами» (СПб., 1802). Хотя Хвостов всегда декларировал, что он стоит выше личных и групповых пристрастий, в период литературного размежевания этот сборник противостоял карамзинистам, и прежде всего басням И. И. Дмитриева. В противоположность басне сентименталистов Хвостов в качестве образцовой возрождал поэтику «русского Лафонтена» Сумарокова. В пародиях арзамасцев и «шуточных баснях» Крылова, которые также были направлены против Хвостова, осмеивались, кроме примеров языковой глухоты и смешных несообразностей, прежде всего утрированный вольный стих, столкновение разных стилевых рядов, грубость сюжетов, многочисленные авторские отступления, т. е. доведенные до крайности особенности сумароковской басни. Хвостов считал себя баснописцем по преимуществу и даже пытался дать теоретическое обоснование басенному жанру на русской почве. Свое послание «О притчах» (1814) он рассматривал как восполнение пробела в «Искусстве поэзии» Буало. Существенным коррективом, который он привносил в понимание жанра, является неперемнное требование дидактического иносказания. По этому же принципу он отделял «сказку», лишенную иносказания и тем самым как бы художественно менее совершенную, от притчи (басни). Свои собственные сказки, в которых чувствуется влияние Дмитриева, он впервые включил лишь во 2-е издание «Полного собрания стихотворений» (ч. 3, СПб., 1822). Показательно, что при этом Хвостов считал необходимым подчеркнуть как особое достоинство морализм своих сказок. «Сии сказочки, — замечал он, — совсем не то, что у Лафонтена *Contes*, почерпнутые из Бокаса (Боккаччо). Они имеют свою цель и нравоучение, и различаются от иносказательного рода только излишними подробностями...»; сказки же Лафонтена, «хотя сладко писаны, служат в самом деле к растлению нравов».

Хвостов переиздавал притчи чаще, чем остальные сочинения. От издания к изданию текст их подвергался сильной переработке и исправлению, которые, однако, не затрагивали раз навсегда установившейся поэтики. Кроме упомянутого выше издания 1802 г. существуют следующие прижизненные издания притч: «Избранные притчи...» (изд. 2, СПб., 1816), «Басни» (СПб., 1820), «Полное собрание стихотворений» (ч. 3, СПб., 1817; изд. 2, СПб., 1822), «Полное собрание стихотворений», изд. 3 (тт. 4—5, 7, СПб., 1829—1830). Со сборни-

ком «Притчи» (М., 1807), который был затем переведен на французский язык, составитель не имел возможности ознакомиться.

160. Притчи, 1802, с. 12; ДП, 1806, ч. 3, авг.; Притчи, изд. 2, 1816 (др. ред.); Полное собрание стихотворений, ч. 3, 1817; Басни, 1820; Полное собрание стихотворений, изд. 2, ч. 3, 1822 (др. ред.). Печ. по изд. 3, т. 4, 1829, с. 15. В примечаниях помещено пояснение ко всей басне: «Басня *Разборчивая невеста* переведена весьма давно, то есть около 1785 года и напечатана во всех изданиях. В рукописи она была счастлива и летосчислением старее басни того же содержания, соч. Ивана Андреевича Крылова. У Лафонтена она просто называется: „Девушка (La fille)“». К ст. «Лишь с матерью она в собрание явилась» сделано примечание: «Автор разумеет Московское, так называемое *Благородное собрание*, где бывают маскарады и концерты для членов, коих ежегодно числится до тысячи и более osób». Ст. «И на отказ скоро» восстанавливается по предшествующему изданию.

161. «Аониды», кн. 3, М., (1799), с. 137; подпись: Дм. Хв.; Полное собрание стихотворений, изд. 2, ч. 3, 1822 (др. ред.). Печ. по изд. 3, т. 4, 1829, с. 288, где помещено в разделе «Сказки». *Со чалмоносцами свой праздновала мир* — подписание Ясского договора (29 декабря 1791), окончательно закрепившего результаты русских побед над Турцией в XVIII в.

162. Притчи, 1802, с. 175. Печ. по Притчи, изд. 2, 1816, с. 6 (др. ред.). *Сократ* (V—IV вв. до н. э.) — древнегреческий философ, глава школы софистов; по преданию, его жена Ксантиппа была необыкновенно сварливой женщиной.

163. ДП, 1804, ч. 3, июль, с. 23.

164. Там же, 1805, ч. 1, март, с. 173; Притчи, изд. 2, 1816 (др. ред.); Полное собрание стихотворений, ч. 3, 1817; Басни, 1820; Полное собрание стихотворений, изд. 2, ч. 3, 1822. Печ. по изд. 3-му, т. 4, 1829, с. 183. Перевод басни Лафонтена «Le Laboureur et ses Enfants», сюжет которой заимствован у Эзопа. Этот же сюжет изложен в книге Семенова «Товарищ разумный» и был использован В. И. Майковым в басне «Отец и дети». Сопровождена примечанием: «Басня сия хотя без действия, имеет прекрасную цель, и вымысел затейливо делает справедливую похвалу трудолюбию». *Свободные* (или *вольные*) *хлебопашцы* — бывшие крепостные, освобожденные помещиком с земельным наделом за выкуп на условиях, определенных указом 20 февраля 1803 г., здесь — в значении: вольный, не крепостной крестьянин. *Сократ* — см. прим. 162; *сельский Сократ* — здесь: крестьянин-мудрец.

165. ДП, 1806, ч. 2, июнь, с. 174; Полное собрание стихотворений, изд. 2, ч. 3, 1822 (др. ред.). Печ. по изд. 3, т. 4, 1829, с. 284. Подражание басне Геллерта «Die kranke Frau». *Эскулапий* — Эскулап, см. прим. 149.

166. НЗ, 1820, ч. 4, окт., с. 34; Полное собрание стихотворений, изд. 2, ч. 3, 1822. Печ. по изд. 3, т. 4, 1829, с. 277. *Бостон* — коммерческая карточная игра, ввезенная в Европу из Бостона Бенджамин-ом Франклином и очень популярная в конце XVIII — начале XIX в. *Эдип* — легендарный фиванский царь, главное действующее лицо трагедии В. А. Озерова «Эдип в Афинах», впервые поставленной в 1804 г. и пользовавшейся шумным успехом. *Флер* — то же, что креп, шелковая ткань особой выделки; черный креп — знак траура, скорби. *Сильфиды* — то же, что сильфы (см. прим. 130).

П. И. ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ

Павел Иванович Голенищев-Кутузов (1767—1829) был сыном директора морского кадетского корпуса И. Л. Голенищева-Кутузова, писателя и члена Российской Академии. Еще юношей он напечатал несколько стихотворений в «Собеседнике любителей русского слова» и «Новых ежемесячных сочинениях». Оставив военную службу и поступив на гражданскую при Павле I, он был назначен одним из кураторов Московского университета. Именно кураторская, а затем попечительская деятельность при университете наиболее ярко демонстрируют общественную позицию Кутузова: он разработал проект превращения Благородного пансиона в кадетский корпус, добивался полной бюрократизации Московского общества истории и древностей, преследовал передовую профессуру университета. Кутузов принадлежал к выделившейся из новиковского кружка и активизировавшейся в начале века группе масонов во главе с О. А. Поздеевым, которая ставила своей целью борьбу со всяческим вольномыслием, и в этом отношении зарекомендовал себя многочисленными допосами на Карамзина.

Литературная деятельность Кутузова, особенно интенсивная в первое десятилетие XIX в., связана с масонскими традициями. Наиболее характерно для него обращение к переводам произведений английского преромантика Грея; с другой стороны, он интересуется высокой поэзией и переводит оды Пиндара. Из классиков древности он перелагает, пользуясь французскими переводами, также стихотворения Сафо и поэмы Гесиода.

По литературной ориентации Кутузов принадлежал к «Беседе» А. С. Шишкова и был соиздателем, совместно с Д. И. Хвостовым и Г. С. Салтыковым, журнала «Друг просвещения», предварявшего программу этого объединения архаистов. В основном здесь печатались его мелкие стихотворения, вошедшие затем в 3-ю часть «Стихотворений Павла Голенищева-Кутузова, содержащую сочинения, переводы и подражания» (М., 1804).

167. ДП, 1804, ч. 2, апр., с. 25; подпись: П. Г. Кутузов. Печ. по Стихотворения, ч. 3, с. 80. Подражание стихотворной сказке анонима «Le Roi, le paysan et l'hermite» («Nouveau Recueil de Meilleurs contes en vers...», Genève — Paris, 1784). Басня на этот сюжет под заглавием «Царь, крестьянин и пустынный» ранее была напечатана в ЗС, 1786, № 49, с. 318; позднее к нему обращался Марини (см. № 195).

168. Там же, с. 28. Печ. по Стихотворения, ч. 3, 1804, с. 88.

Князь Дмитрий Петрович Горчаков (1758—1824) родился в небогатой семье. Образование он получил дома и юношей поступил на военную службу, но служил недолго и уже в 1780 г. вышел в отставку. В 1790 г., когда началась русско-турецкая война, он вновь вернулся в армию. Во времена Александра I был таврическим губернским прокурором, в 1815 г. — гражданским губернатором в Костроме, в 1816 г. вышел в отставку. Горчаков состоял членом Российской Академии и Беседы любителей русского слова. Литературной деятельностью он начал заниматься в 1770-х годах. В 1786 г. вышли его комические оперы «Калиф на час» и «Щастливая тоня», сделавшие его имя широко известным публике. Горчаков писал сатирические стихи и комедии, отличавшиеся остротой, свободомыслием и критическим отношением к религии и нравственным порокам дворянства.

169. ДП, 1805, ч. 4, ноябрь, с. 123. Подражание басне французского поэта Грекура (1684—1743) «Le solitaire et la Fortune». Вольным переводом этой сказки являются также басня Дмитриева «Пустынник и Фортуна», написанная в 1792 г., и «Басня аллегорическая, Фортуна и уединенный» Н. П. Николева, опубликованная в 1797 г. *Александр* — см. прим. 136. *Волтер прикинулся, не верит будто богу*. Волтер, будучи деистом, никогда не отрицал существования бога. Ему принадлежит фраза: «Если бы бог не существовал, его следовало бы изобрести». Однако вольтеровская критика ортодоксальной религии и церкви зачастую, особенно в России, воспринималась как атеизм. *Безо зву* — без зова.

И. П. ПНИН

Иван Петрович Пнин (1773—1805) был внебрачным сыном екатерининского вельможи князя Н. В. Репнина. Отец «великодушно» приписал его к дворянскому сословию, но не дал никакого состояния. Образование он получил довольно скудное. Недолго проучившись в Московском университетском пансионе, Пнин вынужден был перевестись в Артиллерийско-инженерный кадетский корпус, откуда и был выпущен в армейские офицеры. По мемуарным свидетельствам, литературные способности Пнина проявились в ранней молодости. Печататься же он начал сравнительно поздно, лишь в «Санктпетербургском журнале на 1797 год», который редактировал совместно с А. Ф. Бестужевым (отцом декабристов). Новый подъем литературной деятельности Пнина произошел в начале царствования Александра I. В это время появляется его крупнейшее публицистическое произведение «Опыт просвещения относительно к России» (СПб., 1804), расширяются литературные связи. В 1801 г. он знакомится с Радищевым. Служба в департаменте Министерства народного просвещения сблизила Пнина с М. Н. Муравьевым, И. И. Мартыновым и с группой молодых литераторов, объединившихся в Вольное общество любителей словесности, наук и художеств. С 1802 г. Пнин становится членом Общества и помещает свои стихотворения в близких к нему изданиях «Северный вестник» и «Журнал российской словесности». Хотя в повседневной работе Общества Пнин не принимал

участия, тем не менее его литературный и общественный авторитет в кругу единомышленников был настолько велик, что в 1805 г., незадолго до кончины, сочлены избрали его своим президентом.

По политическим взглядам Пнин принадлежал к позднему и весьма умеренному по своей позитивной программе русскому просветительству. Поэтические произведения во многом иллюстрируют и разъясняют общественные воззрения Пнина-публициста. Таковы прежде всего его оды и натурфилософские стихотворения. К ним примыкают притчи и басни, развивающие мысль о необходимости мудрого общественного правления, о личных и общественных добродетелях. Они оказали влияние на общее направление развития моралистической басни у поэтов Вольного общества. Большинство произведений Пнина известно по прижизненным или посмертным журнальным публикациям. Задуманное издание сборника своих стихотворений «Моя лира» поэт не успел осуществить.

170. СПбЖ, 1798, ч. 4, ноябрь, с. 122, без подписи. Об авторстве Пнина в отношении стихотворений, опубликованных в СПбЖ, см. аргументацию В. Н. Орлова в книге «Сочинения И. П. Пнина» (М., 1934, с. 239—240). Подражание восьмой эпиграмме французского поэта Ж.-Б. Руссо (1671—1741) «*Jean s'est lié par conjugal serment*» из второй книги эпиграмм. Подобная же шутка имеется в «Товарище разумном» Семенова.

171. ЖРС, 1805, ч. 2, № 7, с. 152; подпись: *****. В. Н. Орлов указывает, что в рукописном цензурном экземпляре этой книжки журнала сказка подписана: Р—й, что, возможно, является зашифровкой слова «Русский» («Сочинения И. П. Пнина», М., 1934, с. 283).

172. ЛС, 1806, ч. 2, июнь, с. 207. Мораль притчи совпадает с мыслью, развернуто изложенной Пниным в «Опыте о просвещении относительно к России»: «... искусство Законодателя, предпринимающего начертать законы для народа, в невежестве пребывающего, должно состоять в том, чтобы частные страсти направить к единой цели, общее добро заключающей, и к коей не строгостию наказаний, удобных произвести в душах большее только ожесточение, но чрез просвещение можно довести людей».

А. А. ПИСАРЕВ

Александр Александрович Писарев (1780—1848) учился в Сухопутном шляхетском кадетском корпусе, позднее служил в гвардии. В период наполеоновских войн он участвовал во многих сражениях, отличаясь храбростью. С 1825 по 1830 г. был попечителем Московского университета и председателем Общества истории и древностей российских и Общества любителей российской словесности при Московском университете. Писарев был поэтом, переводчиком, писателем по вопросам искусства и военной истории. Он состоял членом Беседы любителей русского слова, почетным членом Академии наук, Академии художеств и различных обществ. Литературная деятельность его началась с 1802 г. Он печатал свои произведения почти во всех журналах первой четверти XIX в. Как поэт он выступал пре-

имущественно с торжественными одами. В ранние годы, однако, на него известное влияние оказала близость с поэтами Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. Вступив в него в 1804 году, он в этот период написал несколько сатирических стихотворений. Они показательны как образцы творчества наиболее умеренной части членов Общества.

173. СВ, 1804, ч. 2, № 5, с. 231; подпись: «—». *Понтер* — игрок, который делает ставку против банкомета. *Грация* — здесь: возлюбленная, любовница.

И. Г. АРИСТОВ

Иван Гаврилович Аристов (даты жизни не установлены) принадлежал к кругу поэтов Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. Его увлечение поэзией началось в Петербургской юнкерской школе, где он учился вместе с Н. И. Гречем в 1802—1804 гг. и был центром стихийно сложившегося литературного кружка. По своим вкусам юноши-юнкера принадлежали к карамзинской школе легкой поэзии и яростно спорили с преподавателем словесности А. И. Левандой, поклонником классицизма.

Первые стихотворения Аристова были напечатаны в «Новостях русской литературы» за 1803 г. Затем он становится деятельным сотрудником «Журнала для пользы и удовольствия» (1805), издаваемого А. Н. Варенцовым, некоторое время игравшим роль мецената и покровителя литературной молодежи. Здесь была опубликована основная часть произведений Аристова. В 1807 г. он был принят в корреспонденты Вольного общества и участвовал в его работе на протяжении 1808 г. В изданиях, связанных с Обществом, его имя, однако, не встречается, сведения о его дальнейшей судьбе до нас не дошли.

174. ЖПУ, 1805, ч. 1, янв., с. 52; подпись: Н. Арств. Стихотворение было представлено Аристовым в Вольное общество любителей словесности, наук и художеств при вступлении в него, в июле 1807 г. Направлено против поэтов проишишковской ориентации. *Хлоюшка* — от Хлоя, имени героини романа греческого писателя Лонга (V в.) «Дафнис и Хлоя», чистой и невинной пастушки, возлюбленной Дафниса. *Арии Русалки* — имеется в виду популярная опера «Днепровская русалка» (музыка Ф. Кауэра, С. И. Давыдова и К. А. Кавоса; текст представляет переделку с немецкого Н. С. Краснопольского), впервые представленная в 1803 г. *Бамо* (фр. *bon mot*) — удачно сказанное слово, остроумие. *Аглая* — одна из граций (харит), которые по античным представлениям были прекрасны, девственны и скромны. С этим нарицательным значением ее имя было широко распространено в XVIII в. как имя литературных героинь.

175. Там же, ч. 3, авг., с. 124. Перевод стихотворной новеллы французского поэта Луи Филиппа Сегюра (1753—1830) «Le Pistolet». *И с милой, с Грацией — Эзопов съединяет*. По античному преданию, греческий баснописец Эзоп отличался невероятным безобразием. *Узел Гордиев* — имеется в виду античное предание, что Александр Македонский решительно рассек мечом завязанный царем Гордием сложный узел, которого никто не мог развязать. *Зевс Данае полю-*

бился — имеется в виду миф о том, что Зевс проник в спальню Данаи, пролившись золотым дождем.

176. «Поэты-радищевцы. Вольное общество любителей словесности, наук и художеств», Л., 1935, с. 753, где опубликована по автографу, представленному Аристовым членам Вольного общества в июле 1807 г. Перевод басни Сегюра «L'Enfant, le Miroir et la Rivière». Прозаический перевод этого стихотворения появился в 1802 г., в «Новостях русской литературы» (ч. 4, с. 65); в 1803 г. Д. В. Давыдов сделал его стихотворный перевод, заострив при этом политический смысл басни. Стихотворение Давыдова широко распространялось в списках. Перевод Аристова не был напечатан при жизни автора, скорее всего, как можно судить по сохранившемуся отзыву о нем А. Х. Востокова, цензора Общества, ввиду соображений художественного порядка.

А. П. БЕНИЦКИЙ

Александр Петрович Бенитцкий (1780—1809) родился в небогатой дворянской семье. В его литературной биографии некоторую роль сыграло то обстоятельство, что первоначальное образование он получил в московском пансионе Шадена, где хорошо изучил немецкий язык и познакомился с немецкой литературой. Немецкие писатели и теоретики — Клопшток, Лессинг и в особенности Гердер — впоследствии оказали сильное влияние на литературные взгляды Бенитцкого. Пансионские знания, явно недостаточные, Бенитцкий восполнил усиленным самообразованием после того, как в 1803 г. покинул военную службу и поступил переводчиком в Комиссию составления законов. Его писательская деятельность тесно связана с Вольным обществом любителей словесности, наук и художеств. В 1805 г. он впервые выступил со стихами в «Журнале российской словесности» и «Северном вестнике», а в следующем году стал корреспондентом Общества. В 1807 г. Бенитцкий издал альманах «Талия, или Собрание разных новых сочинений в стихах и прозе» (издание остановилось на первой книге) и с этого времени, уже в качестве действительного члена, много энергии уделял делам Общества. Он выступил с обширным проектом активизации его деятельности и некоторое время исполнял обязанности секретаря. В 1809 г. он совместно с А. Е. Измайловым организовал «Цветник», один из лучших журналов начала XIX в. Сам Бенитцкий выступил в нем прежде всего как критик с защитой и развитием стилистической реформы Карамзина. Здесь же появились и его «восточные повести», которые показывают, что Бенитцкий обладал незаурядным талантом прозаика. Стихотворные сказки и притчи Бенитцкого родственны этим иносказательным морально-дидактическим произведениям. Темой их также является изображение общечеловеческих свойств и пороков. В них Бенитцкий избегает как резкой сатиры, так и прямого морализирования, добываясь того, чтобы мораль вытекала из самой фабулы произведения, построению которой он уделяет много внимания.

Ему принадлежит теоретическая статья «О басне» (1809), написанная с учетом мнений Гердера об этом жанре. Хотя сам Бенитцкий не был плодовитым баснописцем, его интерес к басне оказал известное воздействие по крайней мере на ближайшее окружение. Вряд ли

можно считать случайным, что именно в 1809 г. начинает писать свои басни и сказки близкий друг Бенитцкого А. Е. Измайлов и в «Цветнике» появляются первые из них.

177. ЖРС, 1805, ч. 2, июль, с. 154; подпись: А. Бе. Сюжет близок к басне Лафонтена «La jeune Veuve». Позднее эта басня была переведена Измайловым (см. № 208). *Санградо* — см. прим. 130. *Архипелаг* — Греческий архипелаг, группа островов в Эгейском море вблизи Балканского полуострова; в XVIII—XIX вв. принадлежала Турции.

178. Там же, ч. 3, сент., с. 43; подпись: А. Бенитцки.

179. «Талия», ч. 1, 1807, с. 176, без подписи, как и остальные опубликованные здесь произведения самого издателя.

180. Там же, с. 184.

М. ОЛЕШЕВ

Михаил Олешев — поэт круга Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. Биографические сведения о нем чрезвычайно скудны. Известно лишь, что он был принят в Вольное общество 3 мая 1802 г. и представил на суд сочленов два своих стихотворения. Спустя две недели в одном из заседаний Олешев читал свой перевод из Оссиана, а через три — свои стихи «Свидание» и «Гусарская песня». Им была написана также прозаическая комедия «Женитьба по жребию», но текст ее не сохранился. В печати имя Олешева в первый и последний раз появилось лишь через семь лет, когда в «Северном Меркурии» на 1809 г. было опубликовано пятнадцать его стихотворений.

181. СМ, 1809, ч. 1, март, с. 231; подпись: М.О.е.е.ъ. *Процессия* — здесь: тяжба, судебный процесс.

В. Л. ПУШКИН

Пушкин Василий Львович (1770—1830), родной дядя А. С. Пушкина, родился в состоятельной дворянской семье. Он получил хорошее домашнее образование, в совершенстве владел французским языком, читал и писал еще на четырех языках, был хорошо знаком с европейской литературой, любил поэзию и театр. В молодости он служил в лейб-гвардии Измайловском полку, но в 1799 году вышел в отставку и поселился в Москве, где продолжал вести светскую жизнь завсегдатая московских салонов.

Первоначальными, дилетантскими опытами Пушкина были куплеты и альбомные стихи, имевшие большой успех среди его знакомых. Он рано сблизился с И. И. Дмитриевым и стал горячим сторонником карамзинского направления в литературе. Своими «Посланиями» В. А. Жуковскому и Д. В. Дашкову (1810—1811) и поэмой «Опасный сосед» (1811) он начал открытую войну карамзинистов с шишковской «Беседой», а позднее стал активнейшим участником «Арзамаса». Как баснописец Пушкин выступил учеником И. И. Дми-

триева, сторонником «изящной», как в стилистическом, так и в сюжетном отношении, басни. Для него также характерен интерес к короткой стихотворной сказке-эпиграмме. Ряд таких сказок он перевел из французских поэтических антологий начала XIX века.

Единственное собрание сочинений Пушкина — «Стихотворения» — вышло в 1822 году в Петербурге.

182. «Аониды», кн. 3, (1799), с. 243, с подзаг. «Подражание Флориану»; подпись: В. Пшкн. Печ. по Стихотворения, 1822, с. 58, где помещено в разделе «Басни и сказки», кн. 1. Сказка печатается под 1798 г., так как 31 декабря 1798 г. рукопись 3-й книги «Аонид» была подана Карамзиным в московскую цензуру, а 14 января 1799 г. уже получена из нее. Подражание басне Флориана «Le rossignol et le prince». *Могол* — см. прим. 135.

183. МЗ, 1806, февр., с. 47, с подзаг. «Баснь». Печ. по Стихотворения, 1822, с. 85, где помещено в разделе «Басни и сказки», кн. 2. В журнальной публикации к ст. «Не худо бы и нам таких врачей иметь» издателем (П. И. Шаликовым) было сделано примечание: «Издатель другого мнения... Лучше оставаться глухим и немым, нежели слышать и видеть печальные истины!.. Лучше думать, что мы счастливы, нежели говорить о несчастьях своих».

184. «Аглая», 1808, ч. 2, апр., с. 66. Печ. по Стихотворения, 1822, с. 90. Перевод басни французского поэта Антуана Де ла Мотта «Mercure et les Ombres». *Омер* — Гомер.

185. ВЕ, 1808, ч. 41, № 17, септ., с. 50. Печ. по Стихотворения, 1822, с. 127.

186. Труды Общества любителей российской словесности при Московском университете, 1818, ч. 10, с. 96, с подзаг. «Восточная сказка». Печ. по Стихотворения, 1822, с. 111, где помещена без подзаг. в разделе «Сказки». Вольное стихотворное переложение сказки неизвестного французского автора, прозаический перевод которой под заглавием «Кабуд путешественник. Восточная сказка (которая пригодится кому-нибудь на Севере)» был ранее напечатан в ВЕ, 1809, ч. 47, № 19. По предположению Б. В. Томашевского, сказка написана в 1817 г. Пушкин собирался напечатать ее в неосуществленном арзамасском сборнике «Отрывки, найденные в Арзамасе». «Кабуд» упоминается в сохранившемся оглавлении сборника (Б. В. Томашевский, Пушкин, кн. 1, М.—Л., 1956, с. 112). *Сади* — Саади (1184—1291), персидский поэт. *Дервиш* — странствующий монах, паломник. *Томан* — персидская золотая монета. *Мекка* — священный город Востока; место паломничества мусульманского мира и центр мусульманской религиозной учейности. *Алкоран* — священная книга мусульман, излагающая учение пророка Магомета. *Анатолия*, *Диарбек* (Диарбекр), *Алеп* (Алеппо), *Касария* (Кесария), *Моссул*, *Эдесса*, *Гарам* (Харран) — города и области Малой Азии и Месопотамии. *Где по преданиям родился Авраам* — ветхозаветный патриарх и родоначальник еврейского народа, по сведениям Библии, родился в месопотамском городе Ур. *Филиппов сын* — Александр Великий, греческий пол-

ководец, был сыном македонского царя Филиппа; он покорил персидское царство царя Дария. *Нулий* — Юлий Цезарь (100—44 до н. э.), разбивший боспорского царя Фарнака в битве при Целе. В связи с этой молниеносной победой ему приписывается выражение «*Veni, vidi, vici*» («Пришел, увидел, победил»). *Другой отыскивал источник всем словам* и т. д. — выпад против А. С. Шишкова, который с помощью этимологических выкладок доказывал тождество русского и церковнославянского языков, а также их необыкновенную древность. Подобное же высказывание приписано Шишкову в сатире А. Ф. Воейкова «Беседчики»: «Наречья русского язык Славенский царь... Им говорят поднесь все ангелы в эфире, им с Еввою Адам в Эдеме говорил» («Эпиграмма и сатира», т. 1, М.—Л., 1931, с. 74). *Брюхастый стиходей* и т. д. — А. А. Шаховской, драматург, член Беседы любителей русского слова; в комедии «Новый Стерн» (1805) осмеял Н. М. Карамзина, в «Липецких водах» (1815) выступил против Жуковского; в обществе ходили слухи, что он был яростным гонителем В. А. Озерова. *Один известный стих* — реплика от автора в «Опасном соседе» В. Л. Пушкина «Прямой талант везде защитников найдет», которая относится к сцене чтения «Нового Стерна» обитательницами публичного дома. Пушкин гордился этой строчкой, отметив позднее: «Я злого Гашпара убил одним стихом». *Истолкователь снов* — возможно, имеется в виду С. А. Ширинский-Шихматов, автор «Ночи на гробах» (1812) и «Ночи на размышления» (1814), подражаний мистической поэзии Юнга. *Сапожник толстобрюхий, забавник, балагур* и т. д. — намек на самого В. Л. Пушкина.

187. Стихотворения, 1822, с. 128 (ц. р. 30 сентября 1821 г.), в разделе «Сказки». Вольный перевод эпиграммы французского поэта Николя-Луи-Франсуа де Нефшато (1750—1828) «*L'ergreur com-
tine*».

188. Там же, с. 129, в разделе «Сказки». Перевод эпиграммы французского поэта Луи-Жозефа Легэ (1759—1830) «*L'érouse
païve*».

Б. К. БЛАНК

Борис Карлович Бланк (1769—1825)¹ родился в семье петербургского архитектора К. Я. Бланка. В молодости он служил в гвардии. По выходе в 1797 г. в отставку полковником, он ведет жизнь богатого помещика в своем тамбовском имении, содержит оркестр, устраивает иллюминации и фейерверки, покровительствует молодому неимущему поэту П. И. Шаликову, служит в выборных дворянских органах.

¹ В «Русском биографическом словаре» указано, что Бланк скончался в 1826 г. Берем дату, приведенную П. И. Бартеневым в примечаниях к воспоминаниям В. Б. Бланка, сына писателя («Русский архив», 1897, № 10, с. 173). Е. И. Бартенева, сестра историка, была замужем за П. П. Бланком, и, по всей видимости, ему были известны какие-то семейные предания. Год 1825 как дата смерти Бланка приведен и в генеалогической заметке К. А. Губастова «Бланк. Тамбовская ветвь». — «Известия Тамбовской ученой архивной комиссии», 1917, вып. 57, с. 287.

Первые выступления Бланка в литературе относятся еще к XVIII в. В 1789 г. были напечатаны его оперы «Красавица и привидение» и «Тамира и Зелим», позднее он перевел с французского английский анонимный роман «Платонический опекун» (М., 1795), «Живого мертвеца», роман псевдо-Радклиф (М., 1806) и с немецкого — поэму Захарии «Четыре части дня» (М., 1806). Как стихотворец, Бланк принадлежал к правоверным сентименталистам, хотя, в отличие от своего друга Шаликова, в изданиях которого он преимущественно печатался, не примыкал ни к каким литературным группировкам. Он сотрудничал в «Московском зрителе», «Аглае», «Дамском журнале», эпизодический характер имело его участие в «Драматическом журнале» (1811). Сказки Бланка представляют любопытный пример вырождения приемов стихотворного рассказа, введенных Дмитриевым, на периферии литературы. Обращаясь также преимущественно к анекдоту, Бланк сглаживает его, и, избегая «грубости», тем самым лишает стихотворение остроты, обрабатывая разные сюжеты в одинаково альбомном стиле.

189. МЗ, 1806, ч. 2, апр., с. 23; подпись: Б. * Перевод сказки французского поэта Сен-Марка (1728—1818) «L'eroix inconsolable».

190. Там же, ч. 3, июль, с. 28; подпись: Б. * *Рандеву* — (фр. rendez-vous) — свидание.

191. Там же, с. 29; подпись: Б. * С примечанием издателя (П. И. Шаликова) к словам «Бог даст»: «Для этого рода чувствительности французы имеют особое выражение — *sensiblerie*». *Бианка* — роман немецкого писателя А. Г. Мейснера «Бианка Капелло» (в русском переводе издавался в 1793 и 1802 гг.).

192. Там же, сент., с. 35; подпись: Б. *

193. Там же, с. 61; подпись: Б. *

194. Там же, ч. 4, дек., с. 64; подпись Б. * Вольный перевод басни французского поэта Изаака де Бенсерада (1612—1691) (*Fables*, 22). Этот же сюжет, но заимствованный через Лафонтена, разработали Бенитцкий (см. № 177) и Измайлов (см. № 208).

С. Н. МАРИН

Сергей Никифорович Марин (1776—1813) служил в лейб-гвардии Преображенском полку. В ночь убийства Павла I Марин командовал дворцовым караулом и был на стороне заговорщиков. В 1807 г. он получил звание флигель-адъютанта. Литературная деятельность Марина началась стихотворением «На новый 1790 год». Известность ему принесла сатирическая «Пародия на оду 9-ю Ломоносова, выбранную из Йова», осмеивавшая гатчинские порядки в армии при Павле I. В литературу Марин вошел прежде всего как автор сатирических стихов и литературных пародий. Кроме того, он интересовался театром и перевел трагедию Вольтера «Меропа». Он был близок с Державиным, И. А. Крыловым, Батюшковым, А. А. Ша-

ховским, вместе с которыми принимал участие в журнале «Драматический вестник».

Марин состоял членом Беседы любителей русского слова. У него имеются выпады против Карамзина и его подражателей. Однако и к напыщенной поэзии «Беседы» Марин относился глубоко иронически.

Хотя стихотворения Маринна пользовались довольно широкой известностью, при жизни поэта лишь очень немногое попало в печать. Основная часть его литературного наследия дошла до нас в рукописном виде. «Полное собрание сочинений» Марина вышло в издании Государственного литературного музея («Летописи», М., 1948).

195. Полное собрание сочинений, 1948, с. 79, где опубликовано по писарской копии в «Зеленом альбоме гр. В. Н. Завадской» (ГПБ). В целом рукопись авторизована; данное стихотворение помет не имеет. По упоминанию Александра I может быть датировано периодом с 1801 по 1812 г. На этот же сюжет написаны басня Голенищева-Кутузова (см. № 167) и анонима (см. прим. 167). *В постелях когда сон хотите вы вкушать* — вероятно, намек на убийство Павла I, в котором Марин принимал непосредственное участие.

А. Н. НАХИМОВ

Аким Николаевич Нахимов (1782—1814), харьковский стихотворец, является одним из немногих провинциальных поэтов начала XIX в., получивших некоторую общелитературную известность. Он происходил из мелкого украинского шляхетства, первоначально учился в пансионе при Московском университете, затем служил в Мариупольском гусарском полку и чиновником в Петербурге. Ранние ученические переводы Нахимова, преимущественно сатирического характера, появились в московских журналах «Приятное и полезное препровождение времени» и «Иппокрена, или Утехи любословия» в 1798—1799 гг. Большинство других произведений, вошедших в «Сочинения Акима Нахимова, в стихах и прозе, напечатанные по смерти его» (Харьков, 1815), не поддается даже приблизительной датировке, так как при жизни сочинителя лишь немногое попало в печать. Скорее всего, однако, самым плодотворным для Нахимова было время по возвращении на Украину в 1805 г. Здесь он поступил в новооткрытый Харьковский университет, который закончил в 1808 г. и при котором остался служить. До середины 1811 г. он читал лекции по языку и словесности гражданским чиновникам, готовившимся к экзамену на следующий чин, — занятие, оставлявшее ему много досуга. Последние годы, уже будучи в отставке, он провел в маленьком родовом хуторе под Харьковом.

Творчество Нахимова интересно как продолжение малоизменной традиции сатиры XVIII в. В эпоху переоценки литературных репутаций он остался верен крупнейшим литературным авторитетам прошедшего столетия — Сумарокову, В. Майкову, Державину. Общественные воззрения Нахимова были довольно консервативны: религия и монархия, бог и царь остались темами запретными для его сатиры. Обычные объекты его обличения — дворянская галломания и неправосудие подьячих. Навадки на засилье ипостранцев, в сочетании с недвусмысленным и резким осуждением французской просветительской философии и французской революции, сближают Нахи-

мова с писателями шишковской «Беседы». Стихотворения против подъячих написаны в манере писателей сумароковской школы. Как и предшественники, Нахимов использует здесь целую гамму мелких жанров — эпиграмму, эпитафию, надпись, или трагестийно переосмысляет высокие жанры, например в сатирической «элегии» «Восплачь, канцелярист...». Явственные отзвуки ирои-комических приемов В. Майкова есть и в его частично напечатанной поэме «Пурсо-ниада».

Басня Нахимова также близка к сумароковской. Он не принял опыта Хемницера и не последовал поискам своих современников — Дмитриева и Крылова. Его басня прежде всего короткая сатира с афористическим заключением. Сюжеты басен, за редким исключением, оригинальны, но рассказ как таковой мало интересовал Нахимова. Поэтому он часто вообще заменял его диалогом персонажей.

196. «Периодическое сочинение об успехах народного просвещения», 1810, № 24, с. 94, вместе с другими стихотворениями с жанровым определением «Басни»; подпись: Харьковского университета студент (ныне кандидат) Аким Нахимов. Печ. по Сочинения, 1815, с. 22. *Рафаил* — Рафаэль Санти (1483—1520), итальянский художник и архитектор. *Катилина* (108—62 до н. э.) — римский патриций, глава заговора, организованного в Риме демократической партией, который под демагогическими лозунгами преследовал личные цели. Имя его было долгое время синонимом развратного и беспринципного человека.

197. «Цветник избранных стихотворений в пользу и удовольствие юношеского возраста», ч. 2, М., 1816, с. 179 (ц. р. общее для обоих томов — 25 окт. 1815 г.); «Харьковский Демокрит», 1816, март, с. 25 (ц. р. 3 марта 1816 г.) под загл. «Проповедь и басня» с соответствующей заменой слова «красноречие» в тексте. Издатель «Цветника», скрывшийся за инициалами П. П., указывает в предисловии, что кроме перепечаток он включил в сборник ряд новых «сочинений, писанных известнейшими нашими поэтами, напитанных чистой нравственностью, отличающихся остроумием», испросив на то разрешение авторов. Г. В. Ермакова-Бигнер высказала предположение, конкретно, однако, ничем не подтвержденное, что изменение заглавия басни в «Цветнике» — результат цензурного вмешательства. В первые три издания «Сочинений» Нахимова не вошло. *Хрия* — совокупность приемов для ораторского развития предложенной темы, упражнение для развития ораторских навыков. *Фигура* — по определению школьной поэтики, выразительный оборот речи. *Какой-то грек* — Аристотель (см. прим. 136), автор «Риторики», трактата и учебника ораторского искусства. *Троп* — слово, употребленное в иносказательном, переносном смысле. *Фижмы* — то же, что фишбейная юбка (см. прим. 8).

198. Сочинения, 1815, с. 35.

199. Там же, с. 37.

200. Там же, с. 84: *Вахтпарад* — развод караула.

Анна Петровна Бунина (1774—1829) была первой русской поэтессой, более или менее профессионально занимавшейся литературой. Она прожила трудную жизнь. Рано осиротев, только благодаря собственной настойчивости и уже в зрелом возрасте, она сумела стать разносторонне образованной женщиной. Не имея почти никакого состояния, Бунина вынуждена была пользоваться покровительством влиятельных лиц и материальной поддержкой царской семьи. Распространенное отношение к ее литературным занятиям, как к своего рода бытовому курьезу, само имя «русской Сафо», часто бывшее поводом для иронии, задевали и оскорбляли поэтессу.

Мало печатаясь в журналах, Бунина отдельно опубликовала две книги стихотворений «Неопытная Муза» (СПб., 1809—1812), сборник прозы «Сельские вечера» (СПб., 1811) и как итог своего пути «Собрание стихотворений» (ч. 1—3, СПб., 1819—1821).

Ее первыми поэтическими наставниками были второстепенные поэты-сентименталисты Б. К. Бланк и П. И. Шаликов. Поскольку она начала писать в эпоху славы Карамзина и Дмитриева, естественно было бы ожидать, что Бунина выступит как представительница легкой поэзии. Однако теснее всего она оказалась связанной с А. С. Шишковым и Беседой любителей русского слова, почетным членом которой и состояла, не принимая, конечно, участия в современной полемике. «Беседа» оказала сильное влияние на поэтический стиль Буниной. Наиболее значительным ее произведением является мифологическая поэма «Падение Фаетона», в первой публикации основательно отредактированная членами «Беседы». В популярном среди беседчиков жанре басни ею написано всего несколько стихотворений; сюда же может быть отнесена и единственная сказка, публикуемая ниже. Несмотря на добрые отношения с И. А. Крыловым (он читал «Падение Фаетона» в заседании «Беседы»), учителем Буниной в новом для нее роде и образцом для подражания был И. И. Дмитриев. В стихотворении «И. И. Дмитриеву. При посвящении ему следующих 1 сказки и 3 басен» она прямо говорит, что не только перенимает «песни» учителя, но и поет, лишь когда тот «молчит», так как песни «кузнечика» не слышны были бы за пением «соловья». Несмотря на подражательность, критика доброжелательно встретила басни Буниной. В рецензии «Цветника», издававшегося двумя баснописцами — А. П. Бенитцким и А. Е. Измайловым, сказка и несколько басен были приведены как образцы лучших ее стихотворений.

201. Неопытная Муза, 1809, с. 53. Печ. по Собрание стихотворений, ч. 3, 1819, с. 140. Сказка является вариацией на тему басни Хемницера «Лестница». К первой публикации было сделано примечание: «Следующие две басни (публикуемая и «Волк, осел и конь») удостоились быть представлены имп. Российской Академии». *В трут съехать*. Когда изготовляют трут, то трыпицу томят на огне в закрытом сосуде, не давая ей окончательно истлеть.

202. Там же, с. 59. Печ. по Собрание стихотворений, ч. 3, 1819, с. 160.

Н. В. НЕВЕДОМСКИЙ

Николай Васильевич Неведомский родился 14 марта 1791 г.¹ в селе Зобнине Тверской губернии, в семье исправника Кашинского земского суда. Юношей вступил в гражданскую службу. По объявлении набора в ополчение в 1812 г. определился корнетом во 2-й волонтерский казачий полк барона Боде. В 1813 г. в составе смешанной команды из гусарских и казачьих полков он попадает в отряд, организованный известным партизаном 1812 г. А. С. Фигнером из покинувших наполеоновскую армию испанцев и немецких волонтеров. В бою под Дессау, где отряд был разбит, а Фигнер погиб, раненый Неведомский попадает в плен. После освобождения из плена и окончания Отечественной войны он продолжает строевую службу, сначала в гусарском, затем в кирасирском армейских полках. В 1821 г. Неведомский выходит в отставку в чине штаб-ротмистра, некоторое время служит чиновником, а затем отдается хозяйству, литературным и историческим занятиям в своем тверском поместье.

Литературная деятельность Неведомского началась задолго до выхода его первого стихотворного сборника. В записи С. П. Жихарева от 5 мая 1807 г. несколько иронически упоминается «чиновник Неведомский, хромой пиита, над которым беспрестанно подтрунивали товарищи, называя его пиитой-Вулканом». Круг литературных знакомств Неведомского, как и Жихарева, в это время состоял из будущих организаторов Беседы любителей русского слова. Протезируемый сенатором И. С. Захаровым, он получает служебное повышение. «По этому случаю, — отмечает Жихарев, — он писал басню «Калека и скороходы» и, напечатав ее в небольшом количестве экземпляров, разослал по своим служащим».

Летом 1812 г. в Петербурге вышел небольшой сборник «Басни и сказки Николая Неведомского. Издал Д***», включавший, по-видимому, первые поэтические опыты молодого автора и насмешливо встреченный критикой. А. Е. Измайлов, отмечая неудачные, «не стоившие г. Неведомскому большого труда», подражания А. П. Сумарокову, И. И. Хемницеру, И. И. Дмитриеву, И. А. Крылову, не соблюдению автором «главнейших правил стихосложения», рекомендовал молодым писателям не следовать этому примеру. Более или менее благожелательно им были отмечены со стороны отделки басня «Мальчик и змея» и другая, «подлиннее и гораздо похуже» — сказка «Муж и жена».

С началом Отечественной войны Неведомский издает стихотворение «К русским на всеобщее вооружение» (ц. р. 16 июля 1812 г.), и в следующем сборнике «Воин-поэт» (М., 1819), посвященном памяти своего друга, немецкого поэта-партизана Теодора Кернера, выступает уже как «гусарский» поэт, не слишком умелый подражатель Дениса Давыдова. Книга вызвала злую, долгое время приписывавшуюся Пушкину, эпиграмму П. И. Колошина:

¹ В «Провинциальном некрополе» годом рождения Неведомского указан 1796-й. Берем дату, приведенную в «Русском биографическом словаре» на основании документов Архива Департамента герольдии Правительствующего Сената, которая более согласуется с достоверными фактами биографии Неведомского.

Неведомский, поэт неведомый никем,
Печатает стихи неведомо зачем.

К этому времени относятся последние басни Неведомского, составившие один из разделов «Война-поэта». Из первого сборника здесь перепечатаны лишь два полностью переработанных стихотворения. К переработке двух других ранних сюжетов поэт обратился в начале 1820-х годов, опубликовав в «Трудах Общества любителей российской словесности при Московском университете», сотрудником которого был избран в это время, басни «Петух» и «Собака, вол и осел». «Исправленные» юношеские басни автор собирался вновь выпустить отдельной книгой, однако намеченное издание полностью осуществлено не было; вышла лишь первая книга «Стихотворений Николая Неведомского. Песни и романсы. Издал Д.» (М., 1821). Затем после незначительного перерыва появляется в отдельных изданиях целый ряд новых произведений Неведомского: «Лирические поэмы (Русский Орел. Наполеон)» (СПб., 1828); «Энеида. Комическая поэма» (СПб., 1828); «Партизаны. Описательная поэма». (СПб., 1829); «Деньги. Сатира» (СПб., 1833); «Бурка. Поэма» (СПб., 1835). В 1830-е годы он начинает работу над историей партизанской войны в разных странах. Отдельные статьи из этого много томного, оставшегося незавершенным труда печатаются в «Современнике» П. А. Плетнева, с кругом которого у Неведомского устанавливаются близкие отношения. Последняя статья, связанная с этим замыслом — «Горцы Аbruццо и Калабрии 1799 года», — появляется в 1852 г. в «Москвитянке». 8 октября 1853 г. Неведомский скончался.

263. Басни и сказки, 1812, с. 50. Вольный перевод басни Геллerta «Die glückliche Ehe». Басню ранее перевел Хемницер.

204. Там же, с. 60.

А. Е. ИЗМАЙЛОВ

Александр Ефимович Измайлов (1779—1831) учился в Горном кадетском корпусе, по окончании которого служил в Петербурге в Министерстве финансов, а с 1826 г. — в провинции, сначала тверским, а потом архангельским вице-губернатором. В начале 1829 г. он, не поладив с местным начальством, снова возвратился в Петербург. Последние годы он сильно нуждался и подрабатывал преподаванием словесности в Пажеском корпусе.

Первую известность Измайлову принес роман «Евгений, или Пагубные следствия дурного воспитания и сообщества» (чч. 1—2, СПб., 1799—1801), продолжавший традиции сатирической журналистики и нравоучительно-бытового романа XVIII в. С начала 1800-х годов в различных журналах стали появляться его оригинальные и переводные стихотворения. Измайлов также много занимался издательской и редакторской деятельностью. В 1809—1810 г. он издавал сначала с А. П. Бенитцким, а потом с П. А. Никольским журнал «Цветник», в 1812 г. редактировал «Санктпетербургский вестник», в 1817 г. — «Сын отечества» Н. И. Греча, и с 1818 по 1826 г. издавал единолично журнал «Благонамеренный». Большую роль сыграл он в истории Вольного общества любителей словесности, наук и

художеств. Будучи его членом с 1802 г., он в 1816 г. выступил инициатором его возобновления и до 1825 г. оставался бессменным председателем Общества, прекратившего свое существование после отъезда Измайлова из Петербурга.

Из стихотворений Измайлова особое значение имеют басни и сказки, в которых по преимуществу и обнаружилось его индивидуальное авторское своеобразие, тот бытописательный «фламандский» стиль, который позволил современникам увидеть в нем «русского Теньера». Взгляды Измайлова на басню, изложенные в его критических работах «О рассказе басни» и «Разбор басен» не отличались особой оригинальностью. На практике же измайловская басня оказалась весьма своеобразным явлением в литературе первой четверти XIX века. Она выделяется сугубо конкретной злободневностью тематики, близостью к чисто сатирическим жанрам, обилием современных бытовых зарисовок. Сюжет оригинальных сказок Измайлова — чаще всего — остроумно рассказанный анекдот. Уже первый сборник «Басни и сказки» (СПб., 1814) поставил Измайлова в ряд с крупнейшими современными баснописцами. О читательской популярности свидетельствует целый ряд прижизненных переизданий, постоянно дорабатываемых и дополняемых автором: «Басни и сказки, изд. 2-е. Вновь исправленное и умноженное» (СПб., 1816); «Новые басни и сказки, также разные мелкие стихотворения» (СПб., 1817); «Басни и сказки, с присовокуплением «Опыта о рассказе басни» и разбора некоторых образцовых басен лучших российских фабулистов, в 3-х частях. Изд. 4-е, вновь исправленное и умноженное» (СПб., 1821) и под тем же заглавием изд. 5-е, «вновь исправленное и умноженное» (СПб., 1826). Из задуманного в эти же годы издания «Сочинения в стихах и прозе» выпущен был только 1-й том, содержащий прозаические сочинения (СПб., 1826); том 2-й в свет не появился.

205. Сочинения, СПб., 1849, т. 1, с. 195. Печ. по автографу (ГПБ). В Сочинениях и автографе датирована 1811 г. Дата уточняется в «Записках» Д. И. Хвостова, где указано, что 1 августа стихотворение уже появилось в рукописных списках, как сатира на А. С. Шишкова («Литературный архив», т. 1, М.—Л., 1938, с. 373—374). Выступление Измайлова является откликом на официальное открытие «Беседы любителей русского слова», первое публичное заседание которой состоялось 14 марта 1811 г. *Молодой чудак... в шахматном полукафтанье* — поэт С. А. Ширинский-Шихматов (1783—1837), член Беседы любителей русского слова, на которого Шишков возлагал большие литературные надежды. *Визжду аз... и т. д.* — пародия на архангелский, насыщенный церковнославянскими стилями, в защиту которого выступал Шишков. *О!... но воздержимся еще от удивленья!* — цитата из «Рассуждения о красноречии Священного Писания...» Шишкова, прочитанного в конце 1810 г. на заседании Российской Академии и изданного в 1811 г. (СПб., 1811, с. 104). Этот намек Измайлова, так же как и следующие выделенные курсивом реплики, отражают полемику между Д. В. Дашковым и Шишковым в связи с «Переводом двух статей из Лагарпа» последнего. Так в брошюре «О легчайшем способе отвечать на критики» (СПб., 1811; ц. р. 12 сент. 1811) Дашков обыгрывал ту же цитату: «Основательные доводы показали ему (Шишкову) средством слишком обыкновен-

ным; отвергнув их, он употребил против меня оружие совсем новое, а именно — *восклицания!*» (с. 12; к той же цитате автор обращался на сс. 42—43, 45). *За что всех, дедушка, поносишь? Ты сам парик французский носишь.* Еще в статье, написанной для «Цветника» Измайлова и П. А. Никольского (1810, ч. 8, № 12, с. 423), Дашков указывал, что, протестуя против иноязычных заимствований, сам Шишков в работе «Перевод двух статей. . .» не избегал употребления иностранных слов. Более резко этот полемический тезис он сформулировал в брошюре 1811 г.: «Он (Шишков) наполнил буквальный перевод свой галлицизмами и соблюл даже целыми страницами французское словосочинение, не переставая между тем вопиять против галлицизмов» (с. 11). *Безбожник. . .* и т. д. По поводу выдвигавшихся Шишковым против своих оппонентов обвинений в нападках на религию Дашков писал: «Касательно же предполагаемой г-м сочинителем (Шишковым) цели *ум и сердце каждого отвлечь от нравоучительных духовных книг*, и далее на той же странице, *чтоб язык веры не мог обуздывать языка страстей*, то я удивляюсь, с чего взял он все это» («О легчайшем способе. . .», с. 24). *Франк-масоны* — одна из разновидностей масонства.

206. «Пантеон русской поэзии, издаваемый Павлом Никольским», ч. 3, кн. 3, СПб., 1814, с. 95, в «Росписи» (оглавлении) отнесена к «Басням»; Басни и сказки, 1814; изд. 2, 1816; изд. 4, ч. 2, 1821. Печ. по изд. 5, кн. 2, 1826, с. 6. Сюжет тот же, что и в баснях Хемницера (см. № 86) и Левшина (см. № 108), у которых он восходит к Геллерту. Написана на Д. И. Хвостова (см. стр. 650), причем в рукописи (ГПБ) адресат назван более прозрачно — Хвастоном. Сохранился отзыв самого Хвостова об этой сатире: «. . . Измайлов на меня писал многие пасквили и сочинил на мое лицо басню «Черт и поэт», которая у него из лучших». Сказка Измайлова пользовалась большой известностью и даже попала в лубочную картинку, изображавшую стихотворца, со стихами в руке догоняющего черта (напечатана в 1845 г.); оригиналом для лубка послужила заставка на тот же сюжет, открывавшая издания «Басен и сказок» 1814 и 1816 гг. *Платил газетчикам* и т. д. А. С. Пушкин в письме к К. Ф. Рылцеву писал: «Не должно русских писателей судить как иноземных. Там ищут для денег, а у нас (кроме меня) из тщеславия. Там стихами живут, а у нас гр. Хвостов прожил на них». *Сцена из Расина* — намек на хвостовский перевод «Андромахи» Расина.

207. «Цветник». 1811, ч. 8, № 11, с. 224, с подзаг. «Басня», без подписи; Басни и сказки, 1814; ВЕ, 1817, ч. 92, № 8; Новые басни и сказки, 1817; изд. 4, ч. 2, 1821. Печ. по изд. 5, ч. 2, 1826, с. 4. Перевод басни Лафонтена «La femme pouée». Такой же сюжет встречается среди русских народных анекдотов (Андреев-Аарис, № 1365) и в переводных фациях под заглавием «Муж упившую жену противу воды ищет» (О. А. Державина, Фацияи, М., 1962, с. 138—139). Первая в России стихотворная обработка этого сюжета принадлежит М. В. Ломоносову («Жениться хорошо, да много и досады») в «Кратком руководстве к красноречию» (СПб., 1748; закончено в 1747 г.); затем к нему обращался Сумароков в притче «Противуестественник». В ВЕ к этому и двум другим стихотворениям, напечатанным под общим заголовком «Сказки» (см. №№ 214,

215), примечание: «Из собрания новых басен и стихотворений А. Измайлова, которое уже печатается и в скором времени выдет из тиснения».

208. СПбВ, 1812, ч. 1, № 1, с. 60, в подборке басен; Басни и сказки, 1814; изд. 2, 1816; изд. 4, ч. 2, 1821. Печ. по изд. 5, ч. 2, 1826, с. 9. Перевод басни Лафонтена «La jeune Veuve». Подобный рассказ имеется также в книге Семенова «Товарищ разумный». Очень близкую обработку этого сюжета представляют «восточная» сказка Бенитцкого (см. № 177) и сказка Бланка (см. № 194), восходящая, однако, к другому источнику. Басню Лафонтена перевел также В. Л. Пушкин.

209. Там же, № 3, с. 282, с жанровым обозначением «Басня»; Басни и сказки, 1814; изд. 2, 1816; изд. 4, ч. 2, 1821. Печ. по изд. 5, ч. 2, 1826, с. 11. Подражание басне Лафонтена «Le Dépositaire infidèle», восходящей в свою очередь к «Панчатантре» (ср. прим. 37).

210. Басни и сказки, 1814, с. 47; Новые басни и сказки, 1817; изд. 4, ч. 2, 1821. Печ. по изд. 5, ч. 2, 1826, с. 15. Подражание сказке Грскюра «L'Enfant de neige», сюжет которой заимствован из книги новелл французского писателя Антуана де ла Саля (1398—1462). Текст сказки Измайлова использован в лубочной картинке 1820—1830 гг. под тем же заглавием (Д. Ровинский, с. 270). *Петров пост*, или Петровки, — пост с понедельника 9-й недели после Пасхи до 29 июня, дня апостолов Петра и Павла.

211. СО, 1815, ч. 22, № 20, с. 20, с подзаг. «Сказка»; Басни и сказки, 1816; изд. 4, ч. 2, 1821. Печ. по изд. 5, ч. 2, 1826, с. 19. Подражание басне Лафонтена «L'ingratitude et l'injustice des hommes envers la Fortune». *Банк* — Государственный заемный банк, единственный в эти годы в России. *Магистрат* — см. прим. 73.

212. ВЕ, 1815, ч. 32, № 16, с. 253, с жанровым определением «Басня»; Басни и сказки, 1816; изд. 4, ч. 2, 1821. Печ. по изд. 5, ч. 2, 1826, с. 25. В ВЕ имеется примечание редактора (М. Т. Каченовского): «Это, кажется, не басня, а сказочка». Направлена против Д. И. Хвостова (см. стр. 650). *Объявлена ль война* и т. д. Чисто графоманское безразличие Хвостова к тематике своих стихотворений осмевалось неоднократно. Ср. в анонимной эпиграмме: «Всему наш Рифмии рад: пожару, наводнению... Лишь только б случай был приняться за перо и приступить к тиснению» («Эпиграмма и сатира», т. 1, М.—Л., 1931, с. 174). *Стихами он всем уши прѣжужжал*. Подборку воспоминаний современников о «страсти» Хвостова читать свои творенья см. в кн.: «Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX в.», «Б-ка поэта» (Б. с.), Л., 1959, с. 688. Ср. также «Стихотворец и черт» (№ 206).

213. СО, 1816, ч. 30, № 20, с. 16, с подзаг. «Сказка»; Новые басни и сказки, 1817; изд. 4, ч. 2, 1821. Печ. по изд. 5, ч. 2, 1826, с. 31. Подобный сюжет известен в русских переводах фацеций под заглавием «О судии и судившихся» (О. А. Державина, Фацеции, М., 1962, с. 110), в «Письмовнике» Н. Г. Курганова. Кроме Измайлова к этому сюжету обращался Филимонов (см. № 262). *Определение* — судебное

решение, приговор. *Экстракт* — см. прим. 14. *Присутствие* — судейская комната, вообще официальное служебное место.

214. ВЕ, 1817, ч. 92, № 8, с. 263; Новые басни и сказки, 1817; изд. 4, ч. 2, 1821. Печ. по изд. 5, ч. 2, 1826, с. 43. Вольный перевод басни французского поэта Баратона (середина XVII в. — 1720—1730-е годы) «*Le Boucher*».

215. Там же, с. 264; Новые басни и сказки, 1817; изд. 4, ч. 2, 1821. Печ. по изд. 5, ч. 2, 1826, с. 45.

216. Бл, 1818, ч. 2, № 5, с. 154, с подзаг. «Сказка»; подпись: И.; Басни и сказки, ч. 2, 1821. Печ. по изд. 5, ч. 2, 1826, с. 56. Сюжет сходен с «былью» Аблесимова (см. № 71). *Сонник* — под таким названием выходили многочисленные толкователи снов. *Банк* — см. прим. 211. *Предводитель в уезде* — уездный предводитель дворянства, высшая выборная должность в уездных органах дворянского самоуправления. *Зарайские соседки* — в Зарайске находилось именованное двоюродного брата Измайлова М. А. Каменева-Любавского. *Филиппов пост* — предрождественский пост с 15 ноября до 25 декабря (по имени св. апостола Филиппа, день которого празднуется 15 ноября). *Кузнецкий Мост* — одна из главных улиц Москвы (названа по находившемуся здесь мосту через Неглинную), где располагались модные лавки. *Собрание* — см. прим. 160. *Святки* — время от Рождества до Крещенья, т. е. от 25 декабря до 6 января по старому стилю. *Штаб-офицеры* — старшие офицерские чины от майора до полковника; *обер-офицерскими* чинами были чины от прапорщика до капитана. *Ротмистр* — чин в кавалерии, соответствовавший капитанскому. *Феникс* — легендарная птица восточных преданий, которая в конце жизни сжигает себя и вновь возрождается молодой из собственного пепла; здесь — чудо, редкий по дарованиям человек. *Польский* — полонез, которым обычно открывался бал. *Быть в дезабилле* (фр. *déshabillé*) — быть не вполне одетым. *Шлафрок* (нем. *Schlafrock*) — халат.

217. Сочинения, СПб., т. 1, 1849, с. 197. Печ. по автографу (ГПБ). 14 ноября 1821 г. сказка была прочтена Измайловым в заседании Вольного общества любителей российской словесности. Написана на Д. И. Хвостова. *В Театре здесь меня еще не увенчали* — насмешка над драматическими опытами и переводами Хвостова. В начале XIX в. широко известно было о торжественном чествовании Вольтедраматурга во Французском театре (1778), где в присутствии писателя его бюст был увенчан лавровым венком. Возможно, однако, имеются в виду слухи, что лавровый венок был поднесен А. А. Шаховскому членами «Беседы», которые чествовали драматурга после представления «Липецких вод» (1815) в доме А. П. Буниной. Этому посвящена сатирическая кантата Д. Дашкова «Венчание Шутовского». *Не получил еще я золотой медали*. По уставу Российской Академии 1818 г., «стихотворения, красноречивые и другие сего рода сочинения, признанные академиею отличными, могут от нее ободраемы и увенчаемы быть серебряною и золотыми разной величины медалями». В 1823 г. большие золотые медали получили Крылов, Дмитриев, Карамзин. *Тот жив, бессмертен тот* — цитата из «Надгробья»

(эпитафии) Хвостова М. И. Кутузову: «Тот жив, бессмертен тот, отечество кто спас»; Хвостов гордился этим стихом и процитировал его в «Автобиографии» (М. И. Сухомлинов, История Российской Академии, т. 7, с. 528). В «Сочинениях» Хвостова помещалась иная редакция эпитафии. *Расин* (1639—1699) — французский драматург. *Депрео* — Буало-Депрео (1636—1711), французский поэт, критик, теоретик классицизма. В «Послании к И. И. Дмитриеву» Хвостова имеются стихи:

В мои года писал стихами Буало,
Шутил затейливо, остро, приятно, зло.

Россомаха — намек на переведенную Хвостовым трагедию Расина «Андромаха». *Элизиум* — поля в царстве мертвых, куда попадают души людей, отмеченных особой милостью богов. *Фонтенель* (1657—1757) — французский писатель и ученый. *Вольтер* (1694—1778) — французский поэт, писатель, историк. *Благонамеренный* — каламбурный намек на журнал «Благонамеренный»; Измайлов часто жаловался, что Хвостов донимает его присылкой дурных стихов.

218. Бл. 1820, ч. 9, № 1, с. 55; подпись: И.; Басни и сказки, ч. 2, 1821. Печ. по изд. 5, ч. 2, 1826, с. 63.

219. Соревнователь, 1821, ч. 14, № 6, с. 311; Басни и сказки, ч. 2, 1821. Печ. по изд. 5, ч. 2, 1826, с. 64. Была прочтена Измайловым в заседании Вольного общества любителей российской словесности 18 апреля 1821 г. *Пономарева С. Д.* (1794—1824) — хозяйка литературного салона, в котором сложилось «Дружеское литературное общество» (около 1820 г.), неофициальным органом его стал «Благонамеренный» Измайлова. С Измайловым Пономареву связывали тесные дружеские отношения. *Надзиратель* — начальник полиции в квартале, низшая полицейская инстанция в городе. *Частный пристав* — начальник полицейской части (городского района).

220. Там же, 1823, ч. 23, кн. 2, с. 170, с подзаг. «Сказка». Печ. по Басни и сказки, изд. 5, ч. 2, 1826, с. 72. *Хемницер говорит: где сборы, тут и воры* — цитата из басни И. И. Хемницера «Побор львиный». *За вычетом на госпиталь* — вычеты из жалованья на госпиталь делались только у чинов военного ведомства, интендантов.

221. «Полярная звезда. Карманная книжка для любительниц и любителей русской словесности, изданная А. Бестужевым и К. Рылевым на 1823 год», СПб., 1823, с. 309 (ц. р. 30 ноября 1822 г.), с подзаг. «Сказка». Одновременно: Бл. 1823, ч. 21, № 1, с. 32; подпись: И. Печ. по Басни и сказки, изд. 5, ч. 2, 1826, с. 68. Была прочтена Измайловым в заседании Вольного общества любителей российской словесности 13 декабря 1821 г. Направлена против Д. И. Хвостова (см. с. 650). *Двух жен отправил уж к Смоленской* — т. е. на Смоленское кладбище, где находилась церковь Смоленской божьей матери. *Холмогорский певец* — М. В. Ломоносов.

222. Соревнователь. 1823, ч. 23, кн. 2, с. 172, с подзаг. «Сказка». Одновременно: Бл. 1823, ч. 24, № 20, с. 99; подпись: И. Вошло

в Басни и сказки, изд. 5, ч. 2, 1826. Печ. по автографу (ГПБ). В Бл опубликована с примечанием: «Читана в торжественном собрании Высочайше утвержденного Общества любителей Российской Словесности 22 числа Мая нынешнего года». Изменения в печатном тексте имеют явно цензурный характер. В соответствии с запретом упоминать реально существующие должности и фамилии «губернатор» был заменен на «воеводу», «секретарь» на «подьячего», а известная дворянская фамилия «Дуров» на «Тройкин». *Питейных сборов содержатель* — откупщик, см. прим. 121. *Правленье* — губернское правление, гражданская палата которого ведала передачей права собственности на недвижимость.

223. «Невский альманах на 1827 год», СПб., 1826, с. 290. Басня была прочтена Измайловым в заседании Вольного общества любителей российской словесности в 1823 г. *Богдашей* называли — имя Богдан в России давалось обыкновенно подкидышам («богом данный»). *Бортнянский Д. С.* (1751—1825) — русский композитор, особенно известный своими концертами для церковных хоров.

224. «Полярная звезда. Карманная книжка на 1824 год для любителей и любителей русской словесности», СПб., 1824, с. 192 (ц. р. 20 дек. 1823 г.), с подзаг. «Сказка». Одновременно: Бл, 1824, ч. 25, № 1, с. 50; подпись: И. Печ. по Басни и сказки, изд. 5, ч. 2, 1826, с. 76. Направлена против П. П. Свинына (1788—1839), издателя журнала «Отечественные записки» (1818—1839). По роду службы Свинын путешествовал по Европе и в качестве секретаря русского консула жил некоторое время в Америке. В своем журнале он широко публиковал исторические материалы, а сам увлекался собираньем сведений о замечательных людях, в особенности русских самородках, препарирруя их в духе «квасного» патриотизма, а зачастую попросту приукрашивал выдумкой, причем не всегда безвозмездно. Против Свинына направлена также сказка Измайлова «Кулик-астроном», где имеются сходные образы самоучки-астронома Кулика, коломенского мясника Пахома и т. д. *Тюльери* — Тюльери, до 1789 г. дворец французских королей, с большим парком при нем. *Адмиралтейство* — здание в Петербурге с фасадом длиной более 400 метров и 72-метровой башней со шпилем. *Кале* — город и порт на севере Франции.

225. Сочинения, СПб., т. 1, 1849, с. 168, под загл. «Гордей с фонарем» и соответствующей заменой имени в тексте. Несклько иной текст — «Русская старина», 1875, № 12, с. 751. Печ. по автографу (ГПБ). Написана на журналиста Ф. В. Булгарина (1789—1859). Поводом послужило его выступление против Измайлова в ходе полемики вокруг статьи А. А. Бестужева «Взгляд на старую и новую словесность в России». Сказка является второй в серии последовательных памфлетов Измайлова против Булгарина в 1824 г. Первым произведением, затрагивающим также и журнальную перебранку между Булгариным, Гречем и Свиныным, была басня «Слон и собаки» (написана 2 апреля 1824 г.), в финале которой слон (Измайлов) швыряет задорного пса Брылана (Булгарин) в Фонтанку. *На смешиник Николай* — Н. И. Греч (1787—1867), издатель «Сына отечества», будущий компаньон Булгарина по разного рода литературным

изданиям. Современники свидетельствуют, что, действительно, Гречу-журналисту многое прощалось за его остроумие. *Александр-Коло-тушка* — сам Измайлов. *Павлушка* — П. П. Свинын.

226. «Невский альманах на 1826 год», СПб., 1825, с. 92 (ц. р. 7 окт. 1825 г.), с подзаг. «Сказка». Одновременно: Бл, 1826, ч. 32, № 1, с. 44; подпись: И.; с примеч.: «Из «Невского альманаха» на 1826 год. — Свое перепечатывать можно». Печ. по Басни и сказки, изд. 5, ч. 2, 1826, с. 79. «*Не дай бог с дураком связаться*» — цитата из басни И. А. Крылова «Пустынник и медведь». *Маркигант* — мелочной торговец при армии. *Синюшка* — пятирублевая ассигнация. *С секирю, в броне сермяжной* — автоцитата из стих. «Пьяница» (1816). *Надзиратель* — см. прим. 219. *Съезжая* — полицейский участок.

227. «Русский архив», 1864, вып. 7—8, с. 812, по списку из бумаг В. Ф. Одоевского; по иному списку — «Русская старина», 1875, № 12, с. 753. Печ. по автографу (ГПБ). Подводит итоги полемики 1824 г. (см. прим. 225). В рукописи не датирована, но находится среди произведений 1824 г. Упоминаемые здесь «три новые сказки» — это «Слон и собаки», «Фадей с фонарем» (см. прим. 225) и «Судья Фадей» (написана 30—31 мая). Кроме них к этому же времени относятся эпиграмма «Ну, исполать Фадею...» (ноябрь 1824 г.) и «Песня» («Пусть задорный пес Фадей...»). *Сленин* И. В. (1789—1836) — книгопродавец и издатель. *Дмитриев* — И. И. Дмитриев (см. с. 647). *Крылов* — И. А. Крылов. *Каталани Анджелика* (1779—1849) — итальянская певица, с большим успехом гастролировавшая в России в 1820 г. *Хвостов* — Д. И. Хвостов (см. с. 650). *Тимковский* И. О. (1768—1837) — цензор в 1804—1826 гг. *Гериков* Г. В. (1775—1838) — писатель и педагог, автор многочисленных бездарных ультрапатриотических сочинений. *Не граф ли?* — т. е. граф Д. И. Хвостов. *Польский задорный наш пес* — Булгарин по национальности был поляком. *Рылеев* К. Ф. (1795—1826) — поэт-декабрист, в эти годы издатель альманаха «Полярная звезда». *Бестужев* А. А. (1797—1837) — декабрист, соиздатель Рылеева по «Полярной звезде», впоследствии известный прозаик (под псевдонимом Марлинский). *Греч* Н. И. (1787—1867) — писатель и журналист, издатель «Сына отечества», позднее компаньон Булгарина по «Северной пчеле». *Сомов* О. М. — см. с. 690. *Козлов* В. И. (1792—1825) — литератор, в 1820-е годы соредактор «Русского инвалида», сотрудник «Северной пчелы». *Приказ* — старое название различных правительственных учреждений, в том числе судебных.

228. «Календарь муз на 1827 год», СПб., 1827, отд. 2, с. 46 (ц. р. 21 дек. 1826), с подзаг. «Сказка». Сохранившийся чистовой автограф (ГПБ) показывает, что для печати сказка была основательно переработана. В рукописи действие происходит в Петербурге, фамилия помещика — Дубяняков; он женится на «графине иль княжне», отсутствуют уговоры дворовых. *Лишился куражу* — приуныли (фр. *согаге* — смелость). *Казенная палата* — одна из палат губернского правления, ведавшая сбором налога на винокурение.

229. Сочинения, СПб., т. 1, 1849, с. 177. Печ. по автографу (ГПБ). 17 февраля Измайлов писал из Твери П. Л. Яковлеву, что сочинил

«на тверских дам-игриц и на вергушек-девиц» сказку «Бабушка и внучка» и сразу же по сочинении отослал к губернатору на бал в Дворянское собрание, чтобы прочесть стихотворение вслух, но тот не осмелился этого сделать. Сказка, однако, быстро стала известна. «„Бабушка и внучка“ наделала тревоги, — писал Измайлов тому же Яковлеву 31 марта. — Первый раз от сооружения Твери началась в ней литературная, или паче словесная битва» (ПД). Ее приняла на свой счет А. Д. Жеребцова, и против пасквильанта ополчилось большинство тверского общества. Нападки доходили вплоть до предложения покинуть Тверь и проектов просить государя сместить Измайлова (см. собранные Н. А. Боровковым материалы этой полемики в ПД). По-видимому, поздним откликом на полемику является письмо провинциала «К издателям «Северной пчелы» о том, как отучить от карт жену свою» (Сочинения, т. 2, СПб., 1890, с. 202—208). *Котильон* — бальный танец, который состоял из нескольких самостоятельных танцев (мазурка, вальс, полька и др.); длится обычно долго. *Бостон* — см. прим. 166. *Вист, мушка* — карточные игры.

230. Сочинения, т. 1, 1849, с. 199. Печ. по автографу (ГПБ). Написано в Твери. Адресат сказки указан в письме к П. Л. Яковлеву от 31 марта — 1 апреля 1827 г.: «Артиллерийские и уланские офицеры просят преубедительно написать сказку на старую злую девку Храповицкую, которая в соборное воскресенье так толкнула в соборе одну девушку, что та полетела с ног. Ну как не уважить такой просьбы!» (ПД). *От ужаса у них приподнялись пучки*. Низшие церковнослужители связывали волосы сзади в пучок. *Архиерей* — старший в епархии священник из черного монашества духовенства, неофициальное название для владык церкви с титулом епископа и выше. *Протоерей* (протоиерей) — протопоп, настоятель собора, церкви.

231. «Невский альманах на 1829 год», кн. 5, СПб., 1828, с. 317. Текст этой публикации неисправен (в частности, хозяин называется то Фомой, то Филатом), поэтому басня печатается по автографу (ГПБ).

Ф. Ф. ИВАНОВ

Федор Федорович Иванов (1777—1816), довольно известный драматург начала XIX в., получил образование в Московском благородном пансионе. Его литературная деятельность началась по выходе в отставку из морской службы в 1796 г. и продолжала оставаться тесно связанной с Московским университетом. Иванов начал печататься в журнале «Иппокрена, или Утехи любословия» за 1800 год, принимал участие в заседаниях «Собрания воспитанников Университетского благородного пансиона» и являлся членом Общества любителей российской словесности при Московском университете с момента его организации в 1811 г. Большим успехом пользовались его патриотическая драма «Семейство Старичковых, или За богом молитва, а за царем служба не пропадают», комедия «Не все то золото, что блестит» и переделка «Разбойников» Шиллера под названием «Роберт, или Атаман разбойников». Особо значительной

является его стихотворная трагедия «Марфа Посадница, или Покорение Новгорода», оригинальная по разработке темы и насыщенная тираноборческими мотивами в духе политической трагедии XVIII в. Напечатанная при жизни автора, она несмотря на это запрещалась к постановке на протяжении всего XIX в. Иванов сотрудничал во многих журналах начала XIX в., однако большая часть его стихотворений появилась в «Амфионе», который он издавал со своим другом А. Ф. Мерзляковым и С. В. Смирновым в 1815 г. Его произведения были собраны в посмертном издании «Сочинений и переводов Ф. Ф. Иванова» (ч. 1, М., 1824).

232. «Амфион», 1815, май, с. 61. Вошло в посмертное издание «Сочинений и переводов» Иванова.

К. Н. БАТЮШКОВ

Константин Николаевич Батюшков (1787—1855), крупнейший представитель раннего романтизма и глава легкой поэзии в русской литературе первого двадцатилетия XIX в., написал всего одну стихотворную сказку. Ее создание относится к критическим годам в жизни Батюшкова. Вернувшись летом 1814 г. из-за границы и выйдя в отставку, он был поставлен перед выбором между ненавистной чиновничьей службой или необеспеченным существованием за счет полуразоренного поместья. Письма этих лет пронизывает мысль о неудачно сложившейся судьбе. Батюшков оказывается захваченным мистическими идеями. Войны 1812—1814 гг. для Батюшкова явились не только идеологическим рубежом. Он ощущал также завершенность одного из этапов своего творческого пути, у него зрело намерение подвести итоги изданием сборника стихотворений. Понимая, что привычные элегические жанры в значительной степени исчерпали себя, Батюшков в это время ищет выхода за их пределы. С одной стороны, он работает над историческими элегиями «На развалинах замка в Швеции», «Переход через Рейн», «Умиравший Тасс», с другой — ищет пути создания романтической поэмы. Как показывают оставшиеся неосуществленными замыслы «Бовы» и «Русалки», задача эта оказалась для Батюшкова неразрешимой. «Странствователь и домосед» является попыткой приблизиться к поэме, используя традиционную форму стихотворной сказки. Сюжет этого, самого большого из произведений Батюшкова, близок к неоднократно переводившейся в России басне Лафонтена «Искатели фортуны» (см. прим. 155), но разработан в лирическом ключе и имеет отчетливо выраженный автобиографический подтекст. Из современных откликов на сказку наибольший интерес представляют замечания Пушкина, сделанные вскоре после выхода в свет «Опытов в стихах и прозе Константина Батюшкова» (чч. 1—2, СПб., 1817) прямо на полях книги. Начиная писать «Руслана и Людмилу», Пушкин оценил сказку своего литературного учителя как неприемлемую для себя, неудавшуюся попытку поэмы: «Плана никакого нет, цели не видно — все вообще холодно, растянуто. . .».

Поэтическая деятельность Батюшкова закончилась практически в 1818 г. До 1821 г. он служил при русской миссии в Неаполе, где поэт и постигло тяжелое душевное заболевание. Остаток его жизни прошел в Вологде под надзором родных.

233. «Амфион», 1815, июнь, с. 75. Печ. по Опыты, ч. 2, 1817, с. 208, с учетом правки, сделанной при подготовке переиздания. Стихотворение было в основном закончено к январю 1815 г. «Сказка» имеет своеобразный автобиографический смысл: «Я описал себя, свои собственные заблуждения — и сердца, и ума своего». «Я сам над собою смеялся», — признавался Батюшков. Импульсом к работе послужил стих И. И. Дмитриева «Ум любит странствовать, а сердце жить на месте», в ранних списках фигурирующий в качестве эпиграфа к сказке. Для «Опытов» Батюшков переработал текст и просил Н. И. Гнедича и И. А. Крылова дать ему свои замечания. Часть советов Крылова была учтена в окончательной редакции. Античные реалии сказки в основном почерпнуты из книги Ж.-Ж. Бартеlemi (1716—1795) «*Voyage du jeune Anacharsis en Grèce*», которую Батюшков называл «путеводителем к храму древности». *Гарпагон* — купец, главное действующее лицо комедии Мольера «Скупой». *Мина* — денежная единица в древней Греции. *Землицы уголок*. Эпиграфом к повести М. Н. Муравьева «Обитатель предместья» было: «Хотелось мне иметь землицы уголок». *Мемфис* — столица Древнего Египта. *Зачем сей создан мир* — возможно, ироническая реминисценция из «Послания к слугам моим Шумилову, Ваське и Петрушке» Д. И. Фонвизина. *Пифагор* (VI в. до н. э.) — древнегреческий математик, основатель философской школы пифагорейцев, центром которой был город Кротона. Далее Батюшков насмешливо описывает мистические обряды и аскетизм пифагорейцев. *Алкинад* (V в. до н. э.) — древнегреческий полководец и государственный деятель. *Демосфен* (IV в. до н. э.) — прославленный греческий оратор. *Гликерия* — афинская куртизанка. *Кратес* (IV—III вв. до н. э.) — философ, последователь Диогена, отказавшийся от всякой собственности, кроме единственного плаща. *Диоген* (ок. 404—323 до н. э.) — древнегреческий философ; демонстрируя пренебрежение мудреца к жизненным удобствам, жил в бочке. *Пирей* — гавань и порт недалеко от Афин. *Судно тирское* — корабль из финикийского города Тира, древнего центра мореплавания и торговли на Средиземном море. *Мемфис* — древняя столица и культурный центр Египта. *Одиссея* — длительное, полное приключений путешествие; по названию поэмы Гомера «Одиссея», описывающей возвращение на родину царя Итаки Улисса (Одиссея). *Изида* — египетская богиня, считалась великой волшебницей и покровительницей магии. *Апис-бык* — священный черный бык, считавшийся одухотворенным воплощением бога Озириса; центром культа Аписа был Мемфис. *Озирис* — Озирис, наиболее популярное египетское божество, супруг Изиды, бог преродной и загробный судья. *Анубис* — сын Озириса, проводник в царстве мертвых; изображался с головой шакала или собаки. *Кротона* — город в Южной Италии, центр философской школы пифагорейцев. *Собака, чеснок, крокодил, кот* — животные и растения, обожествлявшиеся в Древнем Египте. *Эмпедокл* (V в. до н. э.) — сицилийский философ; по преданию, бросился в кратер Этны, оставив на краю одну из сандалий. *Лаконские горы* и *Тайгет* — горные хребты в Греции. *Илоты* — порабощенные земледельцы в Спарте. *Керамик* — предместье Афин. *Атараксия* — полное спокойствие духа, к которому по учению философов-стоиков должен стремиться мудрец. *Арголида, Коринф, Мегарида, Аттика* — области Древней Греции.

Иллис — река, протекавшая у городской стены Афин. *Этот дом* — дом Е. Ф. Муравьевой на набережной Фонтанки, где Батюшков жил по возвращении в Петербург и где писался «Странствователь и домосед». *Софист* — представитель одноименной философской школы. *Архонт* — одно из высших должностных лиц в Афинах. *Фрина* — греческая куртизанка. *Северный Амур* («Les amours du Nord») — так парижане называли вооруженных луками калмыков и башкир, отряды которых входили в состав регулярной русской армии, занявшей Париж. *Эней* — герой поэмы римского поэта Вергилия, легендарный основатель первой династии римских царей; в одной из песен поэмы описывается, как он выносит старика отца из охваченной пожаром Трои. *Гиппократ* — см. прим. 149. *Гимет* — горный хребет в Греции, славившийся медом диких пчел. *Гипербореи* — в греческой мифологии сказочный народ, живущий «по ту сторону северного ветра», вечно юный, не знающий горя, вражды и войны.

В. П. ОЛИН

Валериан Николаевич Олин (1788—1840), второстепенный поэт и переводчик пушкинского времени, принимал активное участие в литературной жизни. Мелкий чиновник, начавший писательскую деятельность около 1810 г., он в 1818—1819 гг. издавал «Журнал древней и новой словесности», затем недолго существовавшие литературные газеты «Рецензент» (1821) и «Колокольчик» (1831), альманах «Карманная книжка для любителей русской старины» (1829—1830). Кроме того, он сотрудничал в различных журналах 1820-х годов. Хотя он довольно долго был связан с Беседой любителей русского слова, его поэтическая манера, особенно в элегиях, восходит к опыту представителей молодой школы в «легкой поэзии» — Жуковскому и Батюшкову. Многие оригинальные и переводные стихотворения Олина свидетельствуют о хорошем владении стихом и чувстве формы, но, как правило, они мало оригинальны и являются перепевом уже известных тем и мотивов. Его басни и восточные сказки не составляют исключения в этом отношении, продолжая традицию сентиментальной басни, к этому времени сильно измельчавшей под пером подражателей И. И. Дмитриева. Отдельным изданием стихотворения Олина не выходили.

234. «Амфион», 1815, сент., с. 29. Печ. по «Альбом северных муз на 1828 год». СПб., 1828, с. 192. Вольный перевод анонимной сказки «L'exemple à suivre» («Petite encyclopédie poétique...», v. 6, Paris, 1804, p. 52—53). *Мурза* — татарский князек, дворянин; здесь — придворный.

П. П. ЛОБЫСЕВИЧ

Петр Павлович Лобысевич родился между 1764 и 1768 г. на Украине. В 1783 г. он был уже прапорщиком Тамбовского пехотного полка; позднее перешел в статскую службу, в 1800 г. занимал должность советника 1-го департамента Черниговского генерального суда, в 1807 г. был в чине коллежского ассесора и жил в селе Посудичи. В стихотворениях Лобысевича, написанных позднее, содержится упоминания о невзгодах, изменивших всю его жизнь. В 1817 г., когда

пачалась новая волна проектов относительно устройства крепостных крестьян в России, он выступил с «Мнением о даровании прав свободы, при соблюдении преимуществ и выгод дворянства». О дальнейшей судьбе Лобысевича сведений не сохранилось.

Род Лобысевичей связан с литературой начиная с середины XVIII в. Дядя П. П. Лобысевича, А. К. Лобысевич, был переводчиком, участником журналов А. П. Сумарокова «Трудолюбивая пчела» и Екатерины II «Барышек Всякой всячины», в украинской литературе он считается одним из предшественников И. П. Котляревского. С. П. Лобысевич, брат писателя, перевел с французского роман «Любовь Палирия и Дирфии». Сам П. П. Лобысевич выступил в литературе еще в XVIII в., издав в 1794 г. «Песнь Екатерине Великой». Первый сборник его стихотворений «Оды и разные стихотворения» вышел в 1811 г. в Петербурге и состоял в основном из таких же сфизнозных произведений «на случай». Особенно много пишет Лобысевич в разгар Отечественной войны; за 1812—1813 гг. им были отдельно напечатаны четыре больших патриотических стихотворения и «карикатурное песнопение» «Ретирада большой французской армии». Наиболее значительным в его творчестве является сборник «Новые басни и сказки в стихах. Сочинение Петра Лобысевича» (чч. 1—2, СПб., 1816). Кроме басен здесь помещены две большие стихотворные новеллы «Корей, прозревший слепой. Сказка» и «Рыбак и откупщик. Новость». В баснях Лобысевич сделал попытку вовсе отказаться от заимствованных сюжетов, противопоставив рассказы собственного изобретения давней традиции заимствований и подражаний. И хотя ему не всегда успешно удавалось избежать прямых параллелей классическим, традиционным сюжетам, повествование в его баснях чаще всего разворачивается живо и оригинально. Однако в отношении поэтического языка Лобысевич был связан с самыми архаическими традициями литературы XVIII в. Стилевая невыдержанность сборника была неприемлема для читателя, знавшего басни Дмитриева и Крылова. Резкую оценку басням Лобысевича дал А. Е. Измайлов, отмечавший, может быть с излишним пуризмом, в своей рецензии массу «грамматических и пиитических» погрешностей, а также употребление в стихах «низких слов, каких и в обыкновенном разговоре не скажет ни один порядочный человек». Вероятно, именно поэтому автор, намеревавшийся при условии благожелательного отношения публики издать еще две части своих сочинений, больше в печати не выступал.

235. Новые басни и сказки, ч. 1, 1816, с. 14, в разделе «Басни». *Фонтанка* — речка в Петербурге. *Сенная* — площадь, на которой находился один из петербургских рынков.

236. Там же, с. 24, в разделе «Басни». *Додона* — город в Древней Греции, где находилось древнейшее святилище Зевса. Дуб ему посвященный, считался оракулом; предсказание делалось по шелесту листьев дерева и шуму ручья, из-под него вытекавшего. *Бова-корольевич* — герой древнерусской волшебной-богатырской повести; образ Бовы перешел в народную сказку и лубок, встречается также в литературных подражаниях фольклору XVIII — начала XIX в. *Прелат* — название высшего духовного сановника в католической церкви. *Лицензиат* — ученая степень в средневековых университетах.

П. ЛАДЫЖИНСКИЙ

Павел Ладыжинский (даты жизни не установлены) известен лишь как автор двух стихотворных сборников: «Басни и сказки» (кн. 1—2, М., 1816—1817) и «Новые басни и сказки» (М., 1817), которые прошли незамеченными критикой. Первая из книг была издана «в пользу инвалидов», а вторая посвящена «любезному другу и брату, Василию Алексеевичу Ладыжинскому». Известен Василий Алексеевич Ладыжинский (1778—1832), сын довольно известного масона и компаньона Н. И. Новикова по Типографической компании А. Ф. Ладыжинского. Возможно, Павел Ладыжинский был его родственником. Каких-либо иных, более достоверных сведений о нем обнаружить не удалось.

237. Басни и сказки, кн. 1, 1816, с. 11.

238. Там же, кн. 2, 1817, с. 1.

239. Там же, с. 3. Перевод басни Лессинга «Die eherne Bildsäule». Тот же сюжет использован Бахтиным (см. № 138).

240. Там же, с. 8.

Н. МАЦНЕВ

Николай Мацнев (отчество и даты жизни неизвестны) является автором единственного сборника «Басни, сказки и мелкие сочинения» (СПб., 1816). В предисловии к книге он писал: «Сии басни писаны собственно для моих детей. По желанию приятелей моих я решился их напечатать. Многие басни, а равно и мелкие сочинения, взятые мною из иностранных писателей, которым я подражал». По-видимому, упоминаемые Мацневым друзья и были основными подписчиками на книгу; среди них четверо Баратынских и семья Муравьевых — в том числе, Матвей и Никита, будущие декабристы. Сохранилась рукопись «нового издания» книги, «исправленного и многими сочинениями пополненного», которую автор представил в цензуру 18 ноября 1819 г. (ГПБ). Она была дозволена к печати (разрешение датировано 22 января 1820 г.) со значительными купюрами, сделанными цензором Г. Яценко, но, очевидно, в свет не появилась.

Стихотворение «На смерть генерал-майора П. С. Макарова...», вошедшее в сборник «Басни...», ранее было опубликовано в «Духе журналов» (1816, № 5), который издавал упоминавшийся Г. Яценко. Возможно также, что Мацневу принадлежит перевод из Попа «Действие музыки. Ода св. Цецилии» («Новые ежемесячные сочинения», 1794, ч. 96), за подписью: «перевел Сухопутного шляхетного корпуса кадет Н. Мацнев». Никаких иных сведений о литературной деятельности Николая Мацнева обнаружить не удалось.

241. Басни, 1816, с. 28. Перевод басни Флориана «L'Avare et son Fils». В цензурной рукописи сборника (ГПБ) зачеркнута цензором.

242. Там же, с. 58.

243. Там же, с. 86. В цензурную рукопись (ГПБ) не вошло.

244. Там же, с. 101. Сюжет совпадает с рассказом «Матерняя любовь» из перевода книги К.-Ф. Николаи «Спутник и собеседник веселых людей» (ч. 3, М., 1788). Авраам — см. прим. 186; чтобы проверить силу веры Авраама бог приказал ему принести в жертву единственного сына — Исаака. Авраам, не колеблясь, повиновался, но в последний момент бог остановил занесенный им нож.

245. Там же, с. 118. Подобный рассказ содержится в книге Семенова «Товарищ разумный».

В. И. ТИБЕКИН¹

Василий Иванович Тибекин (в ином написании — Тебекин) был сыном И. В. Тибекина, екатеринославского вице-губернатора начала 1790-х годов. Он родился в 1770 г., в 1784 г. был записан сержантом в Семеновский полк, а в 1793 г. перешел ротмистром в Полтавский легко-конный полк. В 1797 г. он совсем покидает военную службу. Поселившаяся после выхода отца в отставку на Украине семья Тибекиных в 1800-е годы быстро разорялась, продавая родовые и жалованные поместья. В письмах И. В. Тибекина за 1804—1807 гг. (ПД) упоминается о тяжело больном сыне, капитане в отставке, находившемся в 1806 г. на лечении в Вене. По-видимому, материальные затруднения вынудили Тибекина поступить в Дубоссарскую контрольную таможию, а после ее упразднения искать места в Петербурге. В 1816 г. он устроился переводчиком во Временный департамент Коммерц-коллегии. По выходе первого сборника «Басен и сказок Василья Тебекина» (СПб., 1816) А. Е. Измайлов, не будучи сам знаком с автором, сообщал И. И. Дмитриеву: «Г. Тибекин, как я слышал от книгопродавцев, человек уже пожилой и с просвещенным вкусом: он строго критикует в книжных лавках сочинения Карамзина и хвалит свои басни, называя их ядовитыми. И подлинно ядовиты! Вот как он пишет:

На спор и драку к ним
С усердием своим
В подобных случаях искусный Разбирайло, 95
Крючок, Зацепич, Обдирайло.

Это у него подражание Лафонтену; это Perrin Dandin² в басне „Устрица и двое прохожих“. Издав свои басни, Тибекин стал вхож в кружок третьестепенных литераторов, группировавшихся вокруг Д. И. Хвостова и искавших его покровительства. Тибекин пользовался литературными советами графа, его библиотекой и совершенствовался в теории басни по книге А. Ф. Рихтера «Два опыта в словесности» (письмо Хвостову от 31 марта 1817 г. — ПД).

¹ Биографические сведения о Тибекине заимствованы из послужного списка (ЦГИА).

² Действующее лицо из басни Лафонтена. Стих, на который намекает Измайлов, вошел в поговорку: «Perrin Dandin arrive; ils le prennent pour juge» (Явился Перрен Данден, и все считают, что он может быть судьей).

Несмотря на издевательскую рецензию того же Измайлова о вышедших баснях, прямо сопоставлявшего басни Тибекина с наиболее нелепыми из притч Д. И. Хвостова, сочинитель выпустил вторую книгу, «Басни Василия Тибекина» (СПб., 1819), в которой содержались выпады против несправедливых критиков. Третья книга, посвященная автором Александру I, в рукописи встретила цензурные затруднения, и Тибекин, «будучи весьма болен», просил Д. П. Рунича пропустить манускрипт басен в печать, уверяя, что это «придаст ему нужные силы к достижению возможного усовершенствования как в сем роде поэзии, так и в других частях литературы» (письмо от 7 января 1820 г. — ПД). Ни этот, ни предполагавшийся четвертый сборник в свет не вышли. Уже в 1823 г. Тибекин сделал попытку издать свои избранные произведения. В поднесенной графу М. С. Воронцову рукописи «Новых басен», составленной в 1822 г. (ЛОИИ), он испрашивал позволения посвятить ему печатное издание. По-видимому, Воронцов отказался печатать книгу на свой счет. Кроме басен известно еще лишь одно произведение Тибекина — «Ура на победы, одержанные... под командою... М. Л. Голенищева-Кутузова» (СПб., 1812). Год смерти Тибекина установить не удалось.

В баснях и сказках Тибекин выступил как типичный архаист. Допущение стилевой какофонии в басне, свободные авторские отступления в рассказе — принципы, восходившие к Сумарокову и признаваемые за норму теоретиками Беседы, определили основные черты его басен и сказок.

246. Басни, 1816, с. 7. Печ. по рукописи 1822 г. (ЛОИИ). Перевод басни Лафонтена «L'Huître et les Plaideurs». Первым переложением этой басни на русский язык является притча А. П. Сумарокова «Секретарь и соперники». Переводилась с заглавием оригинала также И. И. Дмитриевым, А. Е. Измайловым. *Палата* — Судебная палата.

247. Там же, с. 15.

248. Там же, с. 19. Печ. по рукописи 1822 г. (ЛОИИ).

Б. М. ФЕДОРОВ¹

Борис Михайлович Федоров (1798—1875) в течение своей долгой литературной деятельности выступал как журналист, поэт, драматург, драматист и как детский писатель.

Систематического образования Федоров не получил. Еще мальчиком, в 1806 г., его определили канцеляристом в Петербургский надворный суд, затем он перешел в Министерство юстиции, и, наконец, с 1818 г. начал работать секретарем А. И. Тургенева, директора Департамента духовных дел. Его первыми напечатанными произведениями были патриотические оды, выходившие отдельно в 1812—1813 гг. За ними последовало несколько пьес, также на темы, связанные с событиями Отечественной войны, и сборник стихотворений «Минуты смеха» (СПб., 1814); в 1815 г. Федоров предпринимает

¹ Сведения о службе Федорова взяты из послужного списка (ЦГИА).

издание литературного журнала «Кабинет Аспазии». Итогом его ранней поэтической деятельности явился сборник «Опыты в поэзии Бориса Федорѳва» (ч. 1, СПб., 1818; 2-я часть не появилась), посвященный членам Российской Академии. Начиная с 1820-х годов Федоров удачно сочетает службу чиновника с доходными литературными предприятиями. Он редактирует «Отечественные записки» П. Свиньина, выпускает альманах «Памятник отечественных муз», пытается издавать журнал «Санкт-Петербургский зритель», наконец находит литературную отрасль, в которой практически не существовало конкуренции, и становится почти монопольным издателем альманахов, журналов и книг для детей. Репутация Бориса Федорова как льстивого, беспринципного литератора складывается в начале 1820-х годов и закрепляется после восстания декабристов. Даже снисходительная к благонамеренным литераторам Российская Академия, куда он баллотировался по рекомендации президента А. С. Шишкова, избирает его большинством всего в один голос. В 1834 г. Федоров предлагает свои услуги III Отделению, позднее наблюдает за направлением «Отечественных записок», сотрудничает в «Северной пчеле» Булгарина — Греча и реакционном журнале «Маяк». Последняя его книга «В память Николая I», составленная из стихотворений, посвященных покойному императору, и поднесенная Александру II, вышла в 1857 г.

Вступив на путь литератора во время вновь разгоравшегося спора архаистѳов и новаторѳов, Федоров быстро усвоил восторжествовавшую норму гладкого стилия и стиха. Вместе с тем, рассматривая литературу как средство заработка и карьеры, он старался стоять ближе к старѳому поколению чиновных литераторѳов. Отсюда множество подносных стихотворений, подчеркнутая благонамеренность тематки, морализм, проходящие через все творчество Федорова. Басня и притча, жанр особо кѳльтивировавшийся шишковистами, пользовался большой любовью Федорова. Он обращается к нему вплоть до 1840-х годов. Раздел «Басни и были» имелся уже в «Опытах» 1818 года, многочисленны басни Федорова рассеяны в периодике и альманахах 20-х годов и в специально детских изданиях. В 1829 г. он издал собственный стихотворный перевод басен Эзопа.

249. Опыты в поэзии, ч. 1, 1818, с. 50, в разделе «Басни и были». *Канкет* (кенкет) — старинная масляная лампа со стеклом.

250. Там же, с. 53.

Ф. Н. ГЛИНКА

Федор Николаевич Глинка (1786—1880) принадлежит к поэтам декабристского круга. Участник войны 1812 г. и заграничных походов русской армии, он стал одним из активных членѳов ранних декабристских организаций «Союз спасения» и «Союз благоденствия». Глинка примыкал к умеренному крылу их участников и основной задачей тайных обществ считал пропаганду идей законности, просвещение дворянства и простого народа, которые должны подготовить постепенную ликвидацию крепостного права. Хотя он и не принял радикальной программы позднего декабризма, его творчество сыграло большую роль в распространении вольнолюбивых идей.

Особо важное значение имела его деятельность на посту президента Вольного общества любителей российской словесности в 1819—1825 гг., которое при нем стало трибуной для выступлений литераторов-декабристов. В поэзии самого Глинки сложно переплетаются высокая гражданская тематика, облекавшаяся чаще всего в формы переложения псалмов («Опыты священной поэзии»), морально-дидактические мотивы и религиозные настроения. Подчеркнутый дидактизм составляет отличительную черту сказок и притч Глинки. При этом он находит своеобразные пути обновления традиционного жанра. Заслуживает внимания использование им в сказках гекзаметра вместо разноstopного басенного стиха и усиление описательных элементов по образцу идиллии. Глинка обращается к темам из простонародного быта, но трактует их не в комическом плане, а приподнято серьезно. Большинство сказок и притч написаны Глинкой в 1810—начале 1820-х годов. В 1826 г. он был привлечен по делу о декабристах и в административном порядке сослан на службу в Петрозаводск. Здесь были написаны его «карельские поэмы». В 1830-е годы Глинка примкнул к движению славянофилов. Его поэзия последней половины жизни пропитана мистическими мотивами.

251. СО, 1818, ч. 43, № 3, с. 110. Примечания к стихотворению связаны со спорами о русском гекзаметре в критике 1810 г. и с разработкой этого размера Н. И. Гнедичем в переводе «Илиады», отрывки из которого появлялись в печати начиная с 1813 г. *Рекрутская складка* — сбор денег с мира на уплату вместо положенного рекрута. *Гужом потянулись* — вереницею. *Фоссовы экзаметры*. Немецкий поэт Иоганн Генрих Фосс (1752—1826), переводчик Гомера, пользовался гекзаметром и в своих оригинальных идиллиях; к этому жанру близки и публикуемые произведения Глинки (см. также № 252). *Гонорский Р. Т.* (1790—1818) — адъюнкт Харьковского университета, автор книги «О подражательной гармонии слова» (1815).

252. Соревнователь, 1818, ч. 1, кн. 2, с. 259.

253. «Сириус. Собрание сочинений в стихах и прозе», кн. 1, СПб., 1826, с. 185.

254. «Альбом северных муз. Альманах на 1828 год», СПб., 1828, с. 171 (ц. р. 31 дек. 1827).

255. «Невский альманах на 1829 год», кн. 5, СПб., 1828, с. 38.

И. К. АНИЧКОВ¹

Иван Кондратьевич Аничков, переводчик, сотрудник «Трудов Вольного общества любителей российской словесности», родился в 1793 г. Он происходил из небогатых дворян Тверской губернии и начал службу сенатским регистратором в Министерстве юстиции, а в 1817 г. перевелся в Коллегию иностранных дел. С 1818 по 1820 г. он был прикомандирован к канцелярии

¹ Биографические сведения заимствованы из послужного списка Аничкова (ЦГИА).

тогдашнего петербургского военного губернатора графа М. А. Милорадовича. Именно здесь он имел возможность близко познакомиться с Ф. Н. Глинкой, одним из главных организаторов Вольного общества любителей российской словесности. В 1818 г. Аничков был избран в сотрудники Вольного общества, а в 1821 г. за произнесенную в заседании общества речь о Ломоносове был переведен в число действительных членов. На протяжении всего существования общества он являлся одним из самых активных его деятелей. После 1819 г. Аничков вошел в группу членов, принимавших участие в «человеколюбивых мероприятиях», в 1823 г. уже являлся постоянным библиотекарем общества и, вместе с К. Ф. Рылесвым, Ф. Н. Глинкой и другими, вошел в так называемый «домашний комитет», заседавший на квартире у Рылеева и изыскивавший способы возрождения распадавшейся литературной организации. Кроме переводов с французского, в «Трудах» общества им были опубликованы речи о Державине и Ломоносове как классических русских писателях, в творчестве которых он особое внимание обращал на гражданские мотивы. После ликвидации общества имя Аничкова исчезает из печати. Его служебная карьера продолжалась в Министерстве иностранных дел, затем, с 1832 г., он был назначен начальником Отдельного департамента внутренних сношений. После короткой отставки с 1843 по 1845 г. Аничков поступил цензором в иностранную цензуру при Петербургском почтамте. Скончался он в чине действительного статского советника 9 мая 1857 г.

256. Соревнователь, 1818, ч. 4, кн. 1, с. 93.

Н. М. КНЯЖЕВИЧ¹

Николай Максимович Княжевич, брат известных в 1820-е годы литераторов А. М., В. М. и Д. М. Княжевичей, впоследствии довольно крупных чиновников, родился в 1793 или 1794 г. В 1808 г. он был записан в число чиновников Экспедиции о доходах, в 1812 г. поступил в Казанский университет, но не закончил курс, и уже в 1813 г. был выпущен как «студент со свидетельством». Сразу же уволившись со службы, он определился прапорщиком в Киевский гренадерский полк, с которым и проделал все кампании вплоть до похода 1815 г. По выходе в отставку в 1827 г. он до 1836 г. служил в Генеральном штабе и по Министерству финансов под началом своего брата Д. М. Княжевича. Дальнейшая жизнь Княжевича проходит в Рязани, где он с 1836 по 1838 г. служит вице-губернатором, а затем председателем Казенной палаты. Скончался он в Вене в 1852 или 1853 г.; похоронен в Казани.

¹ Биографические сведения о Княжевиче взяты из послужного списка (ЦГИА). По этим данным датой его рождения следует считать 1792 г. Но в этом году родился Александр Княжевич. Н. Надеждин, близкий с Д. М. Княжевичем, в книге «Род Княжевичей» (Одесса, 1842, с. 100) перечисляет братьев по старшинству: Дмитрий, Александр, Николай и Владислав. Поскольку в 1795 г. у М. Княжевича родилась дочь Екатерина, то, принимая ошибку послужного списка наименьшей, придется признать вероятным годом рождения Николая 1793 или 1794 гг.

Писать стихи Княжевич начал, очевидно по примеру братьев, увлекшихся литературой, относительно рано. Дмитрий Княжевич с 1806 г. был членом Общества любителей отечественной словесности при Казанском университете, Владислав принимал участие в рукописном журнале «Смесь» (1812), выпускавшемся казанскими студентами; оба они были связаны с салоном С. Д. Пономаревой и привлекли брата к участию в «Благонамеренном» А. Е. Измайлова, где его стихи эпизодически печатались с 1818 по 1823 г. В 1824 г. он был избран в действительные члены Вольного общества любителей российской словесности. В 1825 г. два его стихотворения были опубликованы в сборнике «Калужские вечера», составившемся из произведений военных литераторов и изданном по инициативе А. А. Писарева (см. с. 655), в то время бригадного командира Княжевича. Последний раз имя Княжевича появляется в «Невском альманахе на 1830 год». Немногочисленное литературное наследие Княжевича в основном состоит из стихотворений альбомного жанра. Наряду с этим он написал несколько басен и сказок. Публикуемое «подражание» Вейссе является наиболее значительной среди них.

257. Бл, 1819, ч. 5, № 5, с. 269; подпись: Ник. К—ч. Вольный перевод стихотворения немецкого писателя К. Ф. Вейссе (1726—1804) «Die Einfalt». *Бог радостей, любви* — Амур.

И. А. ВЯЗЕМСКИЙ

Петр Андреевич Вяземский (1792—1878), потомок древнего и знатного рода князей Вяземских, с юных лет жил в кругу известнейших литераторов начала XIX в. Он был воспитанником Н. М. Карамзина, другом Пушкина и Жуковского, одним из самых задорных членов литературного общества «Арзамас». В 1810—1820-е годы он в основном пользовался известностью как острый журнальный полемист, эпиграмматист и поэт-сатирик. Для резкой и подвижной «поэзии мысли» Вяземского спокойное стихотворное повествование никогда не было характерно, хотя уже в начале творческого пути он в качестве критика проявил значительный интерес к истории повествовательных жанров. Прекрасный знаток современной литературы и словесности прошедшего столетия, Вяземский одним из первых начал историко-литературное осмысление старой традиции. Особое значение имела его статья «Известие о жизни и сочинениях И. И. Дмитриева» (печата в 1820 г., опубликована в 1823), в значительной степени посвященная басням Сумарокова, Хемницера, Крылова, Дмитриева и «сказкам» последнего. Считая басенное творчество Дмитриева, крупнейшего поэта карамзинской школы, высшим достижением в этом жанре, сам Вяземский не сделал попытки подражать ни ему, ни Крылову, которого к тому же поставил ниже Дмитриева. Классические басня и сказка воспринимались им как архаическое наследие, поэтические возможности которого уже исчерпаны. Появление немногочисленных повествовательных произведений самого Вяземского было обусловлено в основном внелитературными причинами. 1818—1820 гг., когда создавались первые из них, являлись в политическом отношении наиболее бурным периодом в жизни Вяземского. Это было время идейного сближения поэта с будущими декабристами, когда писались не только политические эпиграммы Вязем-

ского, но и такие подцензурные программные стихотворения, как «К кораблю», «Негодование», «Петербург». Репутация «молодого либералиста» обернулась административной немилостью, и Вяземский был вынужден покинуть службу в Варшаве, где находился во все время дебатов о польской конституции. В условиях цензурных стеснений и служебных неудач Вяземский обратился к аллегорическим басне и сказке, чтобы хотя в иносказательной форме откликнуться на современные события. Форма басни или аполога избиралась лишь как прикрытые для обличения мракобесия «Библейского общества», придворного низкопоклонства, необразованности русского дворянства. Чтобы заявить о своей общественной позиции, об отношении к государственной службе, объяснить свое желание остаться частным, но честным человеком, Вяземский находит возможные использовать даже совершенно устаревшую условную форму «восточной повести», о чем свидетельствует, например, «Визирь Гассан». В более позднем творчестве Вяземского, сильно поправившего после восстания декабристов, подобные произведения не встречаются.

258. СО, 1822, № 39, с. 273. Посылая басню А. И. Тургеневу при письме от 28 ноября 1819 г. с просьбой пристроить ее в печать, Вяземский писал: «Если какой-то покажется жестко Яценку (цензору, который вел «Сын отечества»), то поставь *восточный*; пусть эти восточники отдуваются за наших западников» («Остафьевский архив», т. 1, СПб., 1899, с. 364).

259. «Остафьевский архив князей Вяземских», т. 2, СПб., 1899, с. 29, в тексте письма к А. И. Тургеневу от 22 марта 1820 г., без загл. Здесь же Вяземский просил Тургенева попытаться напечатать это стихотворение в «Сыне отечества» под загл. «Пожар», не указывая, однако, что оно прислано из Варшавы. При жизни Вяземского в печати не появлялось.

260. Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского, т. 3, СПб., 1880, с. 181, где стихотворение было опубликовано по автографу из рукописного сборника сочинений Вяземского 1822 г. с указанием, что черновые наброски его относятся к 1819 г.

261. ДЖ, 1823, ч. 2, № 10, июль, с. 172; подпись: В. Кадий (кади) — см. прим. 135.

В. С. ФИЛИМОНОВ

Владимир Сергеевич Филимонов (1787—1858) известен в истории литературы в основном своей поэмой «Дурацкий колпак» (гл. 1—5, СПб., 1828—1838), написанной как шутовское подражание первой главе «Евгения Онегина» и вызвавшей доброжелательный отзыв Пушкина. Другие его произведения были быстро забыты.

Филимонов был образованным, но не слишком самостоятельным литератором. Сын богатого помещика, он рано, с 1799 г., был зачислен на службу при Коллегии иностранных дел. В 1805—1809 гг. он учился в Московском университете, затем вновь служил уже по Министерству юстиции, а позднее в Министерстве полиции, участвовал в войне с Наполеоном, был новгородским вице-губернатором (1817—1819) и архангельским гражданским губернатором (1829—

1831). Служебную карьеру Филимонова бесповоротно оборвал процесс о Московском студенческом кружке Н. П. Сунгурова, где случайно упоминалось его имя. Хотя непричастность Филимонова к кружку была установлена очень быстро, однако обнаруженные у него при аресте письма декабристов и копии секретных документов Следственной комиссии вызвали неудовольствие Николая I. Филимонов был оставлен в подозрении и отправлен в Нарву под надзор полиции, без права въезда в столицы. После отмены надзора он поселился около Петербурга, под Ораниенбаумом, лишенный возможности устроиться на государственную службу. Бывший эпикуреец и сибарит, успевший прожить значительное состояние, оказался вынужденным искать литературных заработков. Его поздние повести являются чисто коммерческими произведениями.

Первые сочинения Филимонова появились еще в эпоху официального либерализма Александра I. В 1811 г. за компилятивную книгу «Система естественного права» он был награжден бриллиантовым перстнем. Отдельные его стихотворения печатались в различных журналах и альманахах. Он был принят в Московское общество любителей российской словесности и состоял почетным членом Вольного общества любителей российской словесности в Петербурге. Сборник «Проза и стихи В. Филимонова» (чч. 1—2, М., 1822) подводил итог ранней деятельности писателя. Сюда вошли и басни, первые из которых относятся к 1809 г. Из современных баснописцев Филимонов ближе всего стоял к Измайлову по сатирической направленности и характеру развернутого анекдотического рассказа. Материалом для басен, по свидетельству самого автора, послужили живые впечатления его служебной деятельности. Понимание басни как сатирического иносказания осталось свойственным Филимонову и в 1840-е годы, когда он особенно интенсивно работает в этом жанре. Несмотря на умеренность сатиры Филимонова, при попытке отдельного издания в 1857 г., уже в царствование Александра II, басни встретили серьезные цензурные затруднения. Несмотря на вмешательство П. А. Вяземского, из 115 басен восемь не были пропущены цензурой, а семь разрешены лишь при условии исключения отдельных стихов. В сборнике «Басни Владимира Филимонова» (СПб., 1857), все-таки вышедшем в свет и включавшем 107 басен, автор вынужден был учесть эти цензурные требования (ЦГИА).

262. ВЕ, 1820, ч. 112, № 14, с. 111, с указанием места написания и даты: «Новгород, 1819»; Проза и стихи, ч. 2, 1822 (др. ред.). Печ. по Басни, 1857, с. 167. Ранее к этому сюжету обращался Измайлов (см. № 213). В приготовленной для издания рукописи 1857 г. (выписки из нее — в ЦГИА) стихотворение кончалось следующими четырьмя стихами, изъятыми цензурой:

Прошло премного очень лет,
Когда подобные случались прегрешенья;
Теперь таких уж прегрешений нет,
Затем что есть теперь и Свод и Приложенья.

Имеются в виду изданный в 1833 г. «Свод законов Российской империи» и дополнения к нему, составлявшиеся из современных узаконений.

А. Д. ИЛЛИЧЕВСКИЙ

Алексей Демьянович (или Дамианович) Илличевский (1798—1837), соученик Пушкина по Царскосельскому лицей, претендовавший среди лицейских поэтов на одно из первых мест, хотя и продолжал впоследствии заниматься стихотворством, но не вышел за пределы литературного дилетантизма. Его единственный сборник стихотворений «Опыты в антологическом роде» (СПб., 1827) был встречен прохладно и критикой и старыми друзьями. Илличевский включил сюда почти все им написанное начиная с 1812 г., когда он начал участвовать в рукописных ученических журналах. По-видимому, он еще помнил успех своих лицейских эпиграмм, мадригалов, романсов в духе поэзии малых жанров последователей Карамзина и Дмитриева. В этом же направлении, нимало не меняясь, он продолжал писать и в 1820-е годы, изредка печатаясь в «Благонамеренном», «Соревнователе просвещения и благотворения», «Новостях литературы» и альманахах. В большинстве своем его стихотворения являются переводами или подражаниями немецким и французским авторам и заимствованы из соответствующих антологий. Они демонстрируют незаурядное версификаторское мастерство автора, основной задачей которого, по его собственным словам, было «строжайшее соблюдение самых своенравных правил стихосложения и тонкости языка». Эти же особенности прежде всего характерны и для его басен и сказок, не отличающихся глубоким содержанием.

Собственно в послелицейский период литература и не была для Илличевского серьезным занятием. Он усердно делал карьеру чиновника, до апреля 1823 г. служа в Сибири, а с 1825 г. — по Министерству финансов в Петербурге.¹ После 1827 г. в печати появлялись лишь отдельные его стихотворения.

263. Бл. 1820, ч. 10, № 9, с. 193; подпись: А. И. Печ. по Опыты. 1827, с. 9. В Бл. — с примечанием издателя (А. Е. Измайлова) к первому стиху: «не с париком, а в парике». Сюжет восходит к басне Бабрия «Лысый наездник».

264. Опыты, 1827, с. 6. Сюжетный мотив этого короткого стихотворения имеется в басне Лафонтена «Le trésor et les deux hommes» и в ее русских переложениях (см. прим. 7).

265. Там же, с. 35. Перевод сказки Симоно «Le glouton» («Petite encyclopédie poétique», Paris, 1804, p. 204).

М. А. МАЙКОВ²

Михаил Александрович Майков, племянник поэта В. И. Майкова и брат театрального деятеля и литератора А. А. Майкова, родился в 1770 г. Школьного образования он не получил. Начал службу

¹ Сведения взяты из послужного списка Илличевского (ЦГИА).

² Дата рождения и сведения о службе Майкова заимствованы из послужного списка (ЦГИА). Предположительная дата смерти указана в книге В. В. Руммеля и В. В. Голубцова «Родословный сборник русских дворянских фамилий».

сержантом гвардии в 1782 г., в 1784 г. был уже вахмистром лейб-гвардии конного полка, а в 1793 г. перевелся в армию с чином капитана. В 1796 г. Майков вышел в отставку в чине майора, а в 1804 г. поступил на службу в Дирекцию имп. театров, оставаясь там до 1816 г. В 1824 г. «находящийся не у дел» статский советник Майков был назначен директором только что реорганизованного Демидовского лицея в Ярославле, но уже в 1826 г. был окончательно уволен в отставку. Старость его, как можно судить по семейной переписке Майковых (ГПБ), прошла в глубокой нищете. Скончался он около 1848 г.

Впервые как поэт Майков выступил в журнале «Лекарство от скуки и забот» (1786), где было напечатано его стихотворение «Денежная любовь». Первый его сборник «Стихи Михайлы Майкова» вышел до 1821 г. (издан без указания года и места издания) и свидетельствовал о литературной близости автора к писателям Беседы любителей русского слова. В споре о старом и новом слоге он выступает против тех, кои «с бульоном Франции Российски ши мешают, Вкус портят, и язык Российский развращают» («Послание к Ломоносову»). Басни этого сборника вошли в книгу «Собрание басен и стихов Михайлы Майкова» (чч. 1—2, М., 1821). Вскоре в дополнение к ней были изданы «Новые басни 1824 года» (М., 1825), затем все басни вместе были напечатаны отдельной книгой «Басни. Новое, исправленное и умноженное издание» (Ярославль, 1832). Последний сборник новых произведений Майкова вышел под тем же заглавием, что и основное собрание — «Басни» (Ярославль, 1836; ц. р. — 11 окт. 1835). Хотя эти книги состоят только из басен, поэт и в это время продолжает обращаться к иным жанрам. В рукописном сборнике лирических стихотворений 1827 г. (ГПБ) находится ряд элегий, эпиграмм, романсов, написанных в манере второстепенных поэтов пушкинской поры. Эти стихотворения, по-видимому, не были напечатаны.

266. Собрание басен, ч. 2, 1821, с. 17.

267. Новые басни, 1825, с. 5. Печ. по Басни, 1832, с. 25.

М. Н. ЗАГОСКИН

Михаил Николаевич Загоскин (1789—1852), известный главным образом как исторический романист, ни в какой мере не был поэтом в глазах современников. Свою литературную деятельность он начал в 1815 г. как драматург-комедиограф в кружке А. А. Шаховского, тесно связанном с Беседой любителей русского слова. Первые пьесы Загоскина были прозаическими и принадлежали к культивировавшемуся архаистами жанру сатирико-бытовой комедии. Его попытки писать стихами, так как стихотворная форма являлась узаконенной для комедии начала века, относятся к 1820—1821 гг. В период работы над пьесой «Урок холостым, или Наследники» им было создано и несколько самостоятельных стихотворений, стихотворных сатир, развивавших некоторые мысли его полемических статей в журнале «Северный наблюдатель» (1817), и комедий. Именно в это время, будучи в очень близких отношениях с Н. И. Гнедичем, он входит в

Вольное общество любителей российской словесности и печатает свои стихотворения в его «Трудах». Позиция Загоскина в это время уже крайне консервативна. Предпочтение жанра сатиры перед лирикой имеет у Загоскина полемический смысл: одним из тезисов произнесенной им в Обществе речи о национальной самобытности было отрицание легкой поэзии.

В его собственном творчестве поэтические произведения являются в значительной мере случайными. По свидетельству мемуаристов, Загоскин не чувствовал «падения и меры стихов», и процесс версификации давался ему с большим трудом. Этим, очевидно, объясняется однообразие стихотворного размера — шестистопный ямб, размер классической комедии и послания — и его подчеркнутая правильность, как следствие слишком строгого соблюдения правил стопосложения. Стихотворения Загоскина, однако, оживляет либо полемический задор, как в «Послании к Гнедичу» (1821), либо чисто драматургическое умение строить сюжет и монологи, например в «Послании к Людмиле» или единственном у него произведении в жанре «сказки», «Выбор жены», публикуемом ниже.

268. Соревнователь, 1821, ч. 15, кн. 2, с. 227. Автограф — ГПБ. Похожие герои с такими же условными именами встречаются в других произведениях Загоскина: Клеон в статье «Полезный совет» (1817) — богатый молодой человек без особых достоинств; Людмиллин в стихотворении «Авторская клятва» (1821) — образ явно автобиографический. *Лабет* — недобор взяток в карточной игре и штраф за этот недобор. *Бостон* — см. прим. 166.

О. М. СОМОВ

Орест Михайлович Сомов (1793—1833) родился на Украине, образование получил в Харьковском университете и первые свои стихотворения напечатал в журнале «Украинский вестник», издававшемся с 1816 г. профессорами университета. В 1816 или 1817 г. он переезжает в Петербург и уже в 1818 г. избирается членом-сотрудником только что официально утвержденного Вольного общества любителей российской словесности. Оригинальные сочинения и переводы Сомова в это время появляются главным образом в «Благонамеренном» А. Е. Измайлова и «Трудах» Общества. Среди них находится несколько басен, как можно предположить, создававшихся под влиянием общего интереса к этому жанру, характерного для окружения Измайлова. Более широкими становятся связи Сомова в кругу петербургских литераторов после его возвращения из заграничной поездки 1819—1820 гг. Он сотрудничает в нескольких альманахах, активно участвует в журнальной полемике классиков и романтиков, в 1824 г. выступает как теоретик романтизма в брошюротрактате «О романтической поэзии». К этому времени относится его личное и литературное сближение с декабристами Ф. Н. Глинкой, А. А. Бестужевым, К. Ф. Рылевым; вместе с последним он в 1824—1825 гг. служит в правлении Российско-американской торговой компании. В связи с этим он был арестован по делу декабристов, но к следствию не привлекался ввиду полной непричастности к деятельности тайных обществ. Начиная с 1825 г. журналистика становится

для Сомова основным источником существования. С 1826 по 1829 г. он работает в редакции «Северной пчелы» Булгарина, затем примыкает к пушкинскому кругу, помогая А. А. Дельвигу издавать «Северные цветы» и ведя редакционные дела по «Литературной газете». В эти годы он получил известность как прозаик, автор многочисленных повестей, из которых наибольший интерес представляет незавершенная «малороссийская быль» «Гайдамак». Поэтическое творчество Сомова прекратилось раньше, в начале 1820-х годов. Всего им было написано несколько десятков стихотворений в самых разнообразных малых жанрах. Публикуемая сказка является единственным в его наследии произведением этого жанра.

269. НЗ, 1821, ч. 5, янв., с. 39. Подражание басне Лафонтена «Les Compagnons d'Ulysse». Более раннее переложение этого сюжета Княжпийным см. № 98. Гомер — древнегреческий поэт, легендарный автор поэм «Илиада» и «Одиссея». *Сын Эскулапиев* — см. прим. 149; здесь — лекарь. *Вводный лист* — документ о переходе права собственности на недвижимость от одного лица к другому.

М. П. ЗАГОРСКИЙ¹

Михаил Петрович Загорский, рано умерший поэт, близкий к Вольному обществу любителей российской словесности, родился в 1804 г. в семье известного профессора анатомии Медико-хирургической академии П. А. Загорского. В 1819 г. он поступил в только что организованный Петербургский университет и окончил курс в 1824 г., с большим опозданием против положенного трехгодичного срока, по историко-филологическому факультету. Скончался 30 июля того же года.

Поэтический путь Загорского был необыкновенно коротким. Он начал печататься в «Благонамеренном» в 1820 г.; в 1823—1824 гг. его переводы и оригинальные стихотворения читались на заседаниях Вольного общества любителей российской словесности и были одобрены его членами, но появились в «Соревнователе» уже после смерти автора. Остальная часть литературного наследия Загорского, вероятно по инициативе друзей поэта, печаталась с рукописей главным образом в журналах А. Ф. Воейкова «Новости литературы» и «Славянин», а также в некоторых альманахах 1820-х годов. То, что дошло до нас из немногочисленного написанного юношей-поэтом, позволяет все же видеть, как Загорский шел от альбомных стихотворных безделушек и басен к более крупным произведениям повествовательного жанра. В 1824 г. он завершил повесть в стихах «Анюта». Среди посмертно опубликованных была и неоконченная поэма в «народном» духе «Илья Муромец», обратившая внимание Пушкина. «Неужто «Илья Муромец» Загорского? — писал он из Михайловского П. А. Плетневу. — Если нет, кто же псевдоним, если да: как жаль, что он умер!»

¹ Отчество Михаила Загорского устанавливается послужными списками его отца за 1816, 1823 и 1825 гг. (ЦГИА). В последнем из них сын Михаила не упоминается.

270. Бл, 1823, ч. 15, № 18, с. 407. *Пески* — местность в Петербурге; теперь район Суворовского проспекта и Советских улиц. *Ванька* — зимний легковой извозчик, который стоит не на извозничьей бирже, а прямо на улице. *Орган Стентора* — феноменально зычный голос; Стентор — «медноголосый боец» из поэмы Гомера «Илиада» — мог покрывать своим криком пятьдесят голосов. *Нестор* — в древнегреческом эпосе мудрый царь Пилоса, доживший до глубокой старости. Имя стало нарицательным для обозначения житейски умудренного человека. *Ваши споры* и т. д. — замечание связано с орфографическими спорами начала XIX в. Как раз в 1822 г. появилась статья Евграфа Филомафитского «О знаках препинания вообще и в особенности для российской словесности». В этом же году была запрещена цензурой брошюра В. Кишки-Жгерского с переводом на польский язык оды «Бог» Державина в связи с тем, что русский текст в ней был напечатан без употребления буквы «ъ».

271. «Сириус. Собрание сочинений в стихах и прозе», кн. 1, СПб., 1826, с. 63. *Пишет по грязи мыслете* — идет пьяный, шатаясь (мыслете — название буквы «м» в старом алфавите).

Н. Ф. ОСТОЛОПОВ

Николай Федорович Остолопов (1782—1833), плодовитый поэт, критик и переводчик начала XIX в., начал печататься с 1801 г., будучи еще студентом Горного кадетского корпуса. Первый и самый интенсивный период его литературной биографии связан с Вольным обществом любителей словесности, наук и художеств, куда он вступил в 1802 г. Он был одним из первых и самых деятельных его участников, не только по количеству представленных произведений, но и в отношении организационной работы. Он исполнял обязанности цензора (редактора) Общества, а в 1808 г. предпринял издание журнала «Любитель словесности», где сотрудничали в основном члены Общества, не имевшего в это время своего печатного органа. Некоторые наиболее крупные произведения и переводы Остолопова вышли отдельными изданиями, в частности повесть «Евгения, или Нынешнее воспитание» (СПб., 1803) и прозаический перевод «Тассовых почей», сделанный с итальянского языка. Мелкие стихотворения этого времени были позднее собраны Остолоповым в книге «Прежние досуги, или Опыты в некоторых родах стихотворства» (М., 1816). Среди членов Общества Остолопов выделялся своим интересом к теории поэзии в форме старой нормативной поэтики. Плодами этого увлечения были ранний перевод «Опыта Вольтера на поэзию эпическую» (СПб., 1802) и многолетний компилятивный труд «Словарь древней и новой поэзии» (СПб., 1821). Последнее сочинение, несмотря на явную устарелость и литературный консерватизм эстетических взглядов автора, пользовалось известностью в качестве справочника и школьного руководства. С 1808 по 1820 г. Остолопов служил в Вологодском губернском правлении. Вернувшись в столичную литературную среду, он вновь ближе всего сошелся с членами старого общества, возобновленного в 1816 г. (так называемое «Михайловское общество»), и его председателем А. Е. Измайловым. Некоторые его стихотворения появились в «Благонамеренном» и

в альманахах 1820-х годов. Большинство стихотворных сказок и басен Остолопова написано именно в это время. В них он с большим запозданием воскрешал традицию моралистического и дидактического рассказа, культивировавшегося в первые годы XIX в. и давшего начало сказкам Бенитцкого и Измайлова. Последним поэтическим сборником Остолопова были «Апологические стихотворения, с присовокуплением поэмы „Привидение“» (СПб., 1827).

272. Соревнователь, 1823, ч. 23, кн. 3, с. 315; подпись: —Но—. Печ. по Апологические стихотворения, 1827, с. 38. Сказка была прочитана в Вольном обществе любителей российской словесности в 1823 г. *Синица, синюшка* — см. прим. 226. *Краснушка* — десятирублевая, *белянка*, или беленькая, — двадцатипятирублевая ассигнации.

273. Апологические стихотворения, 1827, с. 42. Подобный сюжетный мотив имеется также в сказке А. Е. Измайлова «Священник и крестьянин». *Твердь алмазная* — небесный свод.

М. Д. СУХАНОВ

Михаил Дмитриевич Суханов (1801 или 1802—1843) родился в семье архангельского экономического крестьянина. Он был типичным самоучкой из народа, жажду знания и культуры пронес через безотрадную юность, проведенную «в людях», и стихи начал писать в подражание своему знаменитому земляку Ломоносову. В 1825 г. ему удалось обосноваться в Петербурге, где в судьбе его приняли участие интересовавшиеся «народными самородками» Ф. В. Булгарин, Б. М. Федоров, П. П. Свиньин и А. С. Шишков, в то время министр народного просвещения и президент Российской Академии. Следующий период жизни поэта, так же как и его творчество, во многом определялись влиянием этой реакционной группы литераторов. Первое печатное стихотворение Суханова «Чувство русского крестьянина при святейшем короновании» Николая I появилось в 1826 г. в «Сыне отечества» Греча. В 1828 г. из написанных им за короткий срок стихотворений Б. М. Федоров составил и издал сборник «Басни, песни и разные стихотворения крестьянина Михайлы Суханова» (СПб., 1828). Издание книги помогло поэту откупиться от грозившей рекрутчины; кроме того — принесло ему литературную известность и серебряную медаль Российской Академии, в поощрение поэтических трудов.

Суханов был, несомненно, наиболее талантливым из находившихся под официальным покровительством крестьянских поэтов 1820-х годов. Его творчество особенно близко соприкасается с фольклором. Он собирал произведения народного творчества и составил из них, как дополнение к сборнику Кирши Данилова, книгу «Древние русские стихотворения» (СПб., 1840). Фольклорное влияние явственно ощущается в пользовавшихся значительной популярностью песнях Суханова, за которые позднее его называли «архангельским Кольцовым».

Сюжеты своих довольно многочисленных басен Суханов отчасти заимствовал из Гольберга, пользуясь прозаическим переводом Д. И. Фонвизина, отчасти сочинял сам. Материалом, прежде всего

для сказок, вошедших в книги «Мои сельские досуги» (СПб., 1836) и «Время не праздно» (СПб., 1836), служили также впечатления, полученные во время скитаний по русскому Северу. В этих маленьких рассказах довольно живо воспроизводятся черты русского провинциального быта. Связанный принципами официальной народности, далекий от демократической интеллигенции, Суханов нигде не поднимается до сатиры. Круг тем его остается узким. Стать профессиональным литератором Суханов так и не смог. Вскоре он перестает заниматься литературой и, всеми забытый, умирает в большой бедности.

274. Басни, 1828, с. 119.

275. Там же, с. 121.

276. Там же, с. 122.

Е. И. АЛИПАНОВ

Егор Ипатьевич Алипанов (1800—1860) по происхождению был крепостным и принадлежал, вместе с Ф. Н. Слепушкиным и Сухановым, к той плеяде крестьянских поэтов, которую в эпоху формирования теории официальной народности пестовали Б. М. Федоров и Ф. В. Булгарин. Он начал писать после переезда в Петербург, в 1824 г., и первым его стихотворением было опубликованное в «Отечественных записках» П. П. Свиньина послание к уже известному тогда Слепушкину. После этого его произведения печатались в «Санктпетербургских ведомостях» и «Литературных прибавлениях к „Русскому инвалиду“», пока, наконец, не были изданы сборники «Стихотворения крестьянина Егора Алипанова» (СПб., 1830) и «Басни» (СПб., 1832). За эти книги он получил награды от царской семьи, серебряную медаль Российской Академии и, по ходатайству А. С. Шишкова, вольную от своего помещика-заводчика. Сочинения, здесь опубликованные, были плодом внимательного усвоения опыта самых разных поэтов. У Алипанова встречаются одновременно стилизации под В. А. Жуковского, подражания Ломоносову и Державину, пасторальные клише. Имея в виду казенно-патриотические и верноподданнические стихотворения и намекая на литературное окружение Алипанова, О. Сомов в своей рецензии говорил о «худо направленном даровании» поэта. Влияние консервативных литераторов привело к тому, что как писатель Алипанов исчерпал себя крайне быстро. Его сельский водевиль «Ханский чай» потерпел полный провал на сцене Александринского театра, а сказка для простого народа «О мельнике-колдуне, о двух жидках и о двух батраках» вызвала резкую рецензию Белинского. Потерпев неудачу и в издательском деле (некоторое время он содержал типографию), Алипанов в 1840-х годах вернулся к прежней службе на заводах своего бывшего владельца И. А. Мальцева.

277. Басни, 1832, с. 1.

278. Там же, с. 20. *Летний сад* — парк в Петербурге с большим количеством декоративных скульптур.

279. Там же, с. 57.

Алексей Михайлович Зилов родился 21 августа 1798 г. в дворянской семье. Начал службу в лейб-гвардии Преображенском полку; в 1823 г., дослужившись до чина штабс-капитана, вышел в отставку и занялся хозяйственной и агрономической деятельностью в родовом имении Кушки Дмитровского уезда Московской губернии. К этому времени относится его вступление в ложу «Ищущих манны», возглавлявшуюся известным масоном О. А. Поздеевым и продолжавшую нелегально существовать после правительственного запрещения масонских лож. Круг знакомых масонов — Руф Степанов (эпитафия Зилова помещена на его надгробии), О. А. Поздеев (к нему Зилов обращается в своих стихах как к духовному наставнику), престарелый поэт Н. М. Шатров, писатель С. Н. Глинка, П. И. Красильников, И. С. Веселовский — оказал существенное влияние на поэзию Зилова. Сборник «Стихотворения Алексея Зилова» (М., 1835), куда вошли произведения, очевидно написанные в 1830-е годы, в сильной степени пронизан религиозными мотивами. Моралистические «Басни», которые выходили отдельными выпусками в первой половине 1830-х годов (чч. 1—5, М., 1831—1835), также возникли в значительной мере из стремления автора указать «Слепым и своенравным стихом забавным От гибельных страстей грозящую напасть». Однако, несмотря на абстрактную, восходящую к старой традиции XVIII в. программу, басни Зилова очень конкретно связаны с современной общественной и литературной проблематикой. Большинство сюжетов сборника оригинально, но даже и заимствования из старых баснописцев, которые поэт не скрывал, обрабатываются как непринужденный короткий рассказ. Стиль басен вызвал восхищение Ф. Н. Глинки, который отметил, что они «совершенно оригинальны своею совершенною простотою и написаны слогом новым, гражданским, правильным и легким». Вместе с тем басни, как и вся поэзия Зилова, имеют налет принципиального дилетантизма: «Я не пишу для денег и для славы, А просто для забавы... Я в этом нахожу отраду для души». Консерватизм взглядов Зилова находит выражение уже в «Баснях» 1835 г., две из которых рекомендуют в качестве морального образца «повелителя» — Николая I. Он усиливается к 1840-м годам, когда выясняется полное несходство убеждений Зилова со взглядами нового поколения интеллигенции. В 1843 г. он издает «Дневник русского путешественника по Европе» — «для себя, родных и знакомых», — описание своей поездки за границу в 1836—1837 гг., с изложением «мыслей и взглядов, которых он (автор) рекомендовать почтенной публике не смеет, полагая, что у мыслящего поколения в XIX столетии этого запаса с преизбытком, особенно взглядов и высших взглядов». Позитивное выражение взгляды самого Зилова находят в рассчитанном на простонародье и крепостных «Наставлении господским крестьянским девушкам» (М., 1847), своеобразным катехизисе, смыкающемся в практических советах с «Избранными местами из переписки с друзьями» Гоголя. Последние произведения Зилова появились в сборниках «Раут» (1851—1854), объединивших московских литераторов старшего поколения и являвшихся в 1850-е годы литературным анахронизмом. Скончался Зилов 3 июля 1865 г.

281. Там же, с. 53. В оглавлении басня отмечена звездочкой как стихотворное подражание. Сюжет заимствован из басни Флориана «Le pausan et la rivière». Ранее она переводилась В. Л. Пушкиным под заглавием «Прохожий и река» (опубликована в 1819 г.). *Банкомет* — игрок, который держит банк (отвечает на любую сумму другим игрокам) в карточной игре.

А. М. МАРТЫНОВ

Авксентий Матвеевич Мартынов (1787¹—1858) происходил из низшего провинциального духовенства. Хотя сам он и не принял духовного сана, но всю жизнь был связан с духовными ведомствами. Окончив кандидатом только что открытую Санкт-Петербургскую духовную академию, он преподавал философию в Ярославской семинарии, затем служил в Комиссии духовных училищ под началом А. Н. Голицына. В конце жизни он в чине надворного советника занимал место журналиста при Св. Синоде, что для человека его среды было свидетельством не блестящей, но солидной карьеры. Литературные интересы Мартынова сложились в семинарии, на уроках пиитики. Уже в академии он сочиняет басни, одна из которых, по отзывам профессоров, правда в передаче самого автора, «по натуральному рассказу своему не уступала басням И. А. Крылова». С 1819 г. Мартынов сближается с Д. И. Хвостовым, покровительством которого он пользуется, и старым знакомым по академии И. Я. Ветринским, также литератором и поэтом. К началу 1820-х годов относятся его опыты в духовной поэзии: описательная поэма о сотворении мира и какой-то сборник «духовных стихотворений». Видимо, еще раньше им была переложена стихами «Книга Иова». Однако порой самой интенсивной деятельности для Мартынова как члена хвостовского кружка были 1830-е годы, когда он участвовал в литературных чтениях у Хвостова и печатался в организованном Ветринским журнале «Северная Минерва». К тому времени окончательно сложилось его резко враждебное отношение к новейшей литературе, прежде всего к Пушкину и поэтам пушкинской школы. Против них были направлены две довольно резкие сатиры Мартынова. Вместе с другими сочинениями Мартынова они увидели свет лишь в сборнике «Поэтические произведения» (СПб., 1837), уже после смерти Пушкина. С 1840 по 1845 г. Мартынов по принципиальным идейным соображениям стал сотрудником журнала «Маяк», который он называл «полезным и благонамеренным журналом, имеющим прямой и верный взгляд на вещи, светлый, пронизательный,

¹ Сам Мартынов в поздней автобиографии уже не мог вспомнить точную дату своего рождения, называя предположительно 1787 или 1788 год. Берем дату из книги А. Родосского «Биографический словарь студентов первых XXVIII курсов Санкт-Петербургской академии. 1814—1869 гг.» (СПб., 1907), который, как можно судить по приводимым в статье о Мартынове фактам, пользовался официальными документами.

отчетливый». Здесь под заглавием «Обзор стихотворений А. Пушкина» появился цикл его статей, направленных против «Отечественных записок» и Белинского, развивавших мысль о том, что Пушкин как человек безбожный и безнравственный, особо опасный своим поэтическим талантом, должен быть развенчан из великих поэтов. С прекращением «Маяка» литературное поприще закрылось для Мартынова. Его последнее стихотворение было написано в 1856 г. и опубликовано после смерти автора.

Как поэт Мартынов был одним из самых запоздалых последователей шишковской «Беседы», ее дидактического морализма, интереса к духовной тематике и галлофобии. Ни переложения псалмов, ни классические сатиры и послания Мартынова не были замечены критикой 1830-х годов. Кроме «Библиотеки для чтения», где Сенковский поместил наиболее курьезные выписки из «Поэтических произведений», ни один журнал не откликнулся на сборник, подводивший итог деятельности Мартынова-поэта.

282. «Северная Минерва», 1832, ч. 1, № 5, с. 333. Печ. по Поэтические произведения, 1837, с. 159. *Эдем* — см. прим. 135. *Хлоя* — см. прим. 174. *Амфион* — см. прим. 148. *Магистер* (лат. magister) — учитель.

П. А. КАТЕНИН

Павел Александрович Катенин (1792—1853), поэт и писатель, уже в 1840-е годы забытый современниками, играл значительную роль в литературной и общественной жизни 1810—1820-х годов. Судьба его сложилась неудачно. Блестящий гвардейский офицер, отличившийся в войне 1812 г., член ранней декабристской организации «Союз спасения», он в 1820 г. за антиправительственное фрондерство был уволен в отставку, а в 1822-м г. выслан из Петербурга. Скончался Катенин в своем костромском имении Шаево. Первое выступление Катенина в печати состоялось в 1810 г. в журнале «Цветник», где он поместил «Песни в Сельме» (подражание Оссиану) и несколько других стихотворений. Участие в прокарамзинском издании имело явно случайный характер, так как вся последующая литературно-критическая деятельность Катенина оказалась направленной против литературной традиции Карамзина и «легкой поэзии» раннего романтизма. В переводах для театра и оригинальных пьесах, составляющих основную часть его наследия, Катенин обращался к творчеству драматургов французского классицизма — Пьера и Тома Корнеля, Расина, Грессе, Мариво, Седена. Остро полемичными были и обращения Катенина к малым сюжетным стихотворным жанрам. Широкий резонанс получили его баллады 1815—1816 гг., поэтика которых противостояла переводным балладам Жуковского. Катенин обратился к русским народным преданиям, для усиления национального колорита широко пользовался простонародными и фольклорными оборотами речи, а традиционной чувствительности противопоставил изображение простых и резких страстей. «Убийца», по мнению Пушкина лучшая из его баллад, основана Катениным на «истинном происшествии». К этому приему поэт обращался также в исторических стихотворениях и в поздней «были» «Инвалид Горев» (1835). Другим крупным повествовательным произведением Катенина яв-

ляется стихотворная сказка «Княжна Милуша» (1832—1833), генетически восходящая к богатырской повести А. Н. Радищева «Бова». Басня или притча не играли существенного значения в творчестве Катенина. Два стихотворения, которые он сам относил к басням, созданные в 1836 г., являются аллюзионными в духе политической басни начала XIX в. и были для опального поэта одной из возможностей провести через цензуру свое независимое мнение о современных порядках в России.

283. «Библиотека для чтения», 1835, т. 12, № 9, отд. I, с. 15. Первоначальный, не сохранившийся вариант стихотворения запретила цензура, и Катенин был вынужден его переработать, или, как он писал 16 мая 1835 г. А. С. Пушкину, «безжалостно решил отрубить голову и ноги, чтоб не схоронить заживо сердца». *Резак наемный* — наемный убийца. *Скудий* — скудо, старинная итальянская монета.

284. «Литературное наследство», 1956, т. 60, кн. 1, с. 585, где опубликована В. Н. Орловым по рукописи, поданной Катениным в цензуру, с предположительным прочтением ст. «Где правда борется со властью». Посылая стихотворение А. С. Пушкину, Катенин в письме от 7 июля 1835 г. заранее выражал сомнение в возможности напечатать его, поскольку в нем «в иных случаях правда борется с властью».

К. И. ЦИМБАЛИН

Константин Иванович Цимбалин происходил из дворян Саратовской губернии, родился в 1807 г., в 1826 г. поступил в Московский университет и, как можно судить по тематике его басен, впоследствии служил чиновником.

Единственная книга Цимбаллина «Басни и сказки. В пяти книгах» (СПб., 1836) свидетельствует об очень среднем уровне дарования. Эпиграфом к ней автор взял исключенное цензурой из печатного издания «Горя от ума» рассуждение Загорецкого о басне, оборвав его на фразе: «Ох, басни смерть моя — насмешки вечные...». Кажется бы, это должно было подчеркнуть сатирический замысел автора, но на деле басни лишь благонамеренно моралистичны. Ряд стихотворений написан разностопным, обычным для басенного жанра, но не рифмованным стихом, что скорее свидетельствует о плохом владении поэтической техникой, чем о поэтическом эксперименте.

285. Басни и сказки, 1836, с. 84. *Бостон* — см. прим. 166.

286. Там же, с. 111.

287. Там же, с. 113. *Вист* — см. прим. 229.

Н. Л. ЯКОВЛЕВ

Николай Лукьянович Яковлев был братом Павла Лукьяновича, очеркиста и критика, и Михаила Лукьяновича, лицейского товарища Пушкина. Родился он в Москве 1 апреля 1801 г. Литературой начал заниматься как дилетант по примеру старших братьев. В 1823—

1824 г. Яковлев сотрудничал в «Благонамеренном» А. Е. Измайлова, опубликовав здесь ряд переводов и мелких стихотворений, в том числе несколько басен. Из помещенных здесь произведений выявить удастся не все, так как некоторые из них Яковлев печатал под цифровыми криптонимами, что затрудняет установление его авторства. Все же их число не было слишком большим. Как можно судить по письмам А. Е. Измайлова к П. Л. Яковлеву (ПД), Н. Яковлев участвовал в журнале от случая к случаю. Такой же случайный характер имеет появление сказки в «Новогоднике» Н. В. Кукольника, с которым по салону М. И. Глинки был знаком М. Л. Яковлев. Год смерти Яковлева установить не удалось.

288. «Новогодник. Собрание сочинений, в прозе и стихах, современных русских писателей», СПб., 1839, с. 344. Возможно, именно к этому стихотворению относится следующее место в письме А. Е. Измайлова к П. Л. Яковлеву от 31 октября 1824 (?) г.: «Басни братцевой (т. е. Николая Яковлева) о судье, который любил правописание, цензор не пропустил как личность. Его ввели в сумнение цифры, которые братец обыкновенно ставит под своими пьесами. Он думал, что этими цифрами означено имя судьи-трамoteя; я хотел было поставить вместо цифр буквы — ничто не помогло» (ПД).

Н. ОХЛЕБИНН

Биография Николая Охлебинина, выпустившего в начале 1840-х годов книгу «Басни. В трех книгах» (М., 1844), неизвестна. Можно только предполагать, что он принадлежал к разветвленному, но малоизвестному роду дворян Охлебинных. Один из Охлебинных, Николай Андреевич, был связан с Державиным во время его губернаторства в Тамбове, и был также комиссионером Н. И. Новикова в этом городе. Возможно, наш Охлебинин находился в каком-то родстве с этим достаточно культурным семейством. «Басни» являются единственным литературным выступлением Охлебинина. По крайней мере, для рецензента «Отечественных записок» он был лицом случайным и неизвестным в литературе. Его дебют в качестве баснописца в той же рецензии оценивался как наивный анахронизм: «К чему в самом деле басни г. Николая Охлебинина после басен Крылова? Разве для того, чтоб все могли видеть, как всякое усиленное подражание ничтожно и жалко в сравнении со своим образцом?»

289. Басни, 1844, с. 27. Перевод басни Лафонтена «Le mari, la femme et le voleur». Есть у А. П. Сумарокова — «Страх и любовь».

290. Там же, с. 106.

К. П. МАСАЛЬСКИЙ

Константин Петрович Масальский (1801—1861), известный исторический романист 1830—1840-х годов, начинал как поэт. Его первые ученические подражания классическим и новым баснописцам — Федуру, Ириарте, Лихтверу, Пфеффелю — относятся к 1820—1821 гг., времени ученья в Петербургском университетском пансионе. Некоторые из них были затем переработаны, появились в журналах и

альманахах 1820-х годов и составили раздел «Переводы и подражания» в сборнике «Сочинения, переводы и подражания в стихах Константина Масальского» (СПб., 1831; ц. р. 4 ноября 1830). Почти в том же составе, но с выделением собственно басен, они были перепечатаны в 5-й части его «Сочинений» (СПб., 1844). Основная часть басен, вошедших в издание «Басни» (СПб., 1851; ц. р. 22 ноября 1850), была написана в 1840-е годы, когда Масальский редактировал «Сын отечества», и печаталась в этом журнале. Выступление Масальского в басенном жанре имело полемический смысл: противопоставить тенденциозной литературе, с одной стороны, а с другой — поэтам формы, род истинно полезных, дидактических и неизощренных произведений. Из предисловия-посвящения М. Н. Загоскину явствует, что автор понимал, как трудно после Крылова воскресить басню в качестве полноправного литературного жанра. Чтобы избежать упреков в подражательности, Масальский отказался от заимствованных сюжетов. Образцом для него служили сказки А. Е. Измайлова, которого он определил как самого «оригинального, замечательного, русского баснописца». Подобно ему Масальский обильно использует просторечие, часто прибегает к диалогу, но утрачивает сатирические нотки, создавшие успех Измайлову. Критик В. С. Межевич упрекал Масальского в сугубом дидактизме, отмечая, что в его баснях нет «аллегории, или продолженной метафоры, этой души басни, а просто рассказ с объяснением...» и «нравоучение басни есть почти всегда ненужное повторение на словах — примера, представленного в рассказе». Столь же отрицательными были отзывы и других рецензентов. Однако в бумагах Масальского (ПД) сохранились материалы, свидетельствующие о подготавливавшемся им переиздании басен.

291. Сочинения, 1831, с. 30; Сочинения, ч. 5, 1844. Печ. по Басни, 1851, с. 54.

292. Там же, с. 32; Сочинения, ч. 5, 1844. Печ. по Басни, 1851, с. 17. *Фонтанка* — см. прим. 235.

293. Басни, 1851, с. 32.

294. Там же, с. 49.

295. Там же, с. 67. *Сенная* — площадь в Петербурге, на которой располагался большой рынок.

296. Там же, с. 117. *Кизлярская водка* — виноградная водка, коньяк.

СЛОВАРЬ УСТАРЕВШИХ СЛОВ, МИФОЛОГИЧЕСКИХ ИМЕН И НАЗВАНИЙ

Абие — скоро, тотчас, вдруг.

Аврора (римск. миф.) — богиня утренней зари, утренняя заря.

Автомедон (греч. миф.) — возничий Ахилла, нарицательно: искусный возница.

Аквилон (римск. миф.) — бог северного, северо-восточного ветра; иносказательно — бурный ветер.

Аки — подобно, как.

Алкать — сильно желать, жаждать.

Алой — благовонное курение, похожее на ладан.

Амвон — возвышение, с которого говорит оратор или проповедник.

Арей (*Арес*) (греч. миф.) — бог войны.

Ахиллес, *Ахилл* (греч. миф.) — герой Троянской войны.

Багряница — парадная одежда владетельных особ, пурпурный широкий плащ.

Баять — говорить, толковать.

Бекет — пикет, наряд солдат или полицейских, выделенных для поддержания порядка.

Бердо — приспособление для перекидки нитей основы в примитивном ткацком стане.

Беремя — вязанка; вообще — ноша.

Беспрочно — ненадежно, бесполезно.

Бирюк — волк.

Бирюльки — игра, в которой из вороха палочек вытаскивают по одной, чтобы не развалить кучку; играть в бирюльки — заниматься пустяками, бездельничать.

Борей (греч. миф.) — бог северного ветра; иносказательно — порывистый, холодный ветер.

Бострок — нарядная женская одежда, вроде телогрейки.

Ботать — бить, качать.

Бычок — русская народная пляска под балалайку.

Вдругорь — в другой раз, вторично.

Велеречиво — многословно, высокопарно.

- Вельзевул* (библ.) — сатана, дьявол, дух тьмы.
Вельми — весьма.
Верейя — столб, на который навешиваются створки ворот, или большие воротные петли.
Вержить, ввергать — бросать.
Вестовый — сигнальный, условный.
Вёдро — хорошая погода.
Взрютить — см. *врютить*.
Вить — ведьь.
Вклепаться — ошибкой принять чужого за знакомого, чужое за свое.
Внезапу — внезапно, неожиданно.
Внити — войти.
Водонос — саженная жердь с приспособлением для носки воды в ушате.
Волчец — род колючей сорной травы.
Вор — мошенник, хитрец, злодей.
Врютить — влпхнуть; поставить в глупое положение.
Всуге — попусту, без причины.
Втуне — напрасно, без пользы.
Вчуже — со стороны, с точки зрения постороннего.
Выезжий — приезжий.
Выторжка — барыш при продаже или уступка в цене при покупке.
- Геликон* (греч. миф.) — гора в Греции, считавшаяся местопребыванием муз.
Голубец — русская пляска, изображающая размолвку и примирение парня и девушки.
Гинуть — сгнуть, пропасть.
Гомозиться — суетиться, беспокожно вертеться.
- Дача* — земельный участок, владение.
Денница — утренняя заря.
Десная — правая (рука).
Десятник — начальник над десятью избами в селе.
Дий — буквально — бог; одно из наименований Юпитера (Зевса).
Днесь — ныне, сегодня.
Доброта — достоинство; имущество.
Довлеть — довольно, должно.
Довольный — зажиточный, обильный.
Донце — доска, в которую втыкается гребень с куделью и на которой сидит пряжа.
Дородство — полнота, красота.
Доселе — до сих пор.
Досужий — ловкий, способный к делу, мастер на все руки.
Думный — задумчивый.
- Епанча* — широкий плащ без рукавов; женская епанча — короткая накидка в сборках.
- Жаленье* — жалость, сожаление.
Жило — селение, жилье.
Жлуди — старинное название трфовой масти в картах.

Завязчивый — умеющий затягивать дело.
Заделить — обсчитать при дележе, дать меньшую долю.
Заживный — зажиточный, богатый.
Заказанный — запретный, заповедный.
Залет — хват парень.
Замать — трогать, касаться.
Западать — залегать, заваливаться.
Запор — железная или деревянная полоса, которой закладываются ворота.
Зараза — любовь, любовное увлечение; заразиться — влюбиться.
Зарьять — задохнуться; обычно применительно к борзым собакам.
Зарюмить — заплакать, захныкать.
Звонец — род сорной травы.
Здор — вздор.
Зевс (греч. миф.) — верховный бог древних греков, владыка человеческих судеб и бог-громовец.
Зело — очень.
Зелье — растение, трава; яд, отравка.
Зеница — зрачок; вообще — глаз.
Зефир (греч. миф.) — бог западного ветра; иносказательно — приятный, легкий ветер.
Зобать — клевать (о птице).
Извести — вывести, удалить.
Извол — произвол, тиранство.
Изгага — изжога.
Издевка — шутка, насмешка.
Изрядство — совершенство.
Илион — см. *Троя*.
Инде — в ином месте.
Исподница — подштанники.
Исполать — славно, спасибо, ай да молодец.
Истоуриться — уставиться, смотреть в упор.
Истукан — статуя, изваяние.
Итака (греч. миф.) — родина Одиссея.
Казачок — быстрый казацкий танец, распространенный и в России в XVIII в.
Казнодей — проповедник.
Калякать — приятельски разговаривать, беседовать.
Камка — шелковая ткань с узорчатым рисунком.
Каратин — графин.
Касатка — ласточка.
Киприда (греч. миф.) — одно из имен богини любви Афродиты (Венеры).
Киса — кожаный мешок для денег с завязкой.
Клев — хлев.
Клирик — дьячок или вообще церковнослужитель.
Клюковать — выпивать, пьянствовать.
Кой — который.
Колико — сколько.
Колобродить — проказить, баловаться от безделья, бестолково говорить.

- Коломянка* — пестрая домотканая шерстяная материя.
- Комиссия* — поручение.
- Комшить* — бить, колошматить.
- Конать* — уничтожить вконец, сживать со свету.
- Кондак* — краткое церковное песнопение в честь какого-либо святого или религиозного праздника.
- Косарь* — тяжелый нож для колки лучины.
- Красава, красавка* — женщина дурного поведения.
- Красик* — щеголь.
- Крез* — легендарный царь Лидии, обладавший несметными сокровищами. Его имя стало нарицательным для богача.
- Кросно* — примитивный ткацкий стан с натянутой основой ткани.
- Крылос* — клирос, место в церкви перед иконостасом для певчих.
- Крючок, приказный крючок* — продажный, изворотливый делец.
- Ксантиппа* — жена греческого философа Сократа; о ней сложилась легенда, как о необычайно сварливой женщине, и ее имя стало нарицательным в значении «злая жена».
- Кувылять* — прихрамывать, кovyлять.
- Кудель* — вычесанный пучок льна или пеньки, из которого прядут пряжу.
- Куликать* — пьянствовать, выпивать.
- Куркать* — брюзжать, браниться.
- Куролес* — сумасброд.
- Курчить* — завивать.
- Куца* — сень, хижина.
- Ласкать* — обещать, подавать надежду.
- Латона* (греч. миф.) — богиня, одна из возлюбленных Зевса, мать Аполлона и Артемиды.
- Леда* (греч. миф.) — царица, одна из возлюбленных Зевса, мать близнецов Кастора, Полидевка и прекрасной Елены, из-за которой разгорелась Троянская война.
- Лепый* — красивый, хороший.
- Лихой* — злобный, лукавый; удалой.
- Личина* — маска, лукавое притворство.
- Ловитва* — звериная ловля, охота.
- Ложно* — лживо.
- Льзя* — можно, дозволено.
- Льститься* — надеяться, желать.
- Мамка* — кормилица, нянька, обычно из крепостных крестьянок.
- Меркурий* (римск. миф.) — вестник богов, бог торговли, покровитель путников и воров; проводник душ в царство мертвых.
- Метроман* — человек, подверженный страсти к стихотворству.
- Мидас* (греч. миф.) — судья на музыкальном состязании Аполлона и Пана, покровителя стад, отдавший предпочтение Пану. Аполлон за это наградил его ослиными ушами, которые Мидасу приходилось прятать под высокой фригийской шапкой.
- Минос* (греч. миф.) — мудрый и справедливый правитель острова Крит, которого после его смерти боги сделали судьей над мертвыми в подземном царстве.
- Мнить* — думать, предполагать.

Молодица — новобрачная, молодая замужняя женщина.
Мошна — кошель, карман.

Наветки — намеки, поученье обиняками.

Навьючить — навьючить, нагрузить тяжести.

Надежно — с надеждой.

Наклад — убыток.

Намясь — на днях, некоторое время тому назад.

Нарцисс (греч. миф.) — красавец юноша, влюбившийся в собственное отражение и умерший от любви; имя стало нарицательным для человека, любующегося собой, самовлюбленного.

Наслег — почлег, самое место ночлега.

Наслédить — наследовать.

Натура — природа.

Нахлучить — нахлобучить, надеть шапку низко на лоб.

Неблазник, неблазный — смиренный, скромный.

Невидница — небывальщина.

Неделёц — человек, не знающий порядка ведения дел.

Нереиды (греч., римск. миф.) — пятьдесят дочерей вешего морского старца Нерея; морские нимфы, богини, олицетворявшие силы природы.

Несгода — невзгода, напасть,

Нетопырь — летучая мышь.

Ниже — ни даже, отнюдь не.

Николи — никогда.

Ной (библ.) — десятый и последний из патриархов, отличавшийся необыкновенным долголетием, единственный спасшийся во время «великого потопа» и ставший родоначальником нового человечества.

Нравный — угодный, приятный.

Одинакий — одинаковый; имеющийся в единственном числе.

Одиссей (греч. миф.) — см. *Улисс*.

Озадки — тощее, плохое зерно; в переносном значении — дурные последствия дела.

Океаниды (греч. миф.) — три тысячи дочерей бога-титана Океана, богини ручьев и источников.

Оклетать — оклематься, оправиться после болезни.

Оный — тот.

Оправить — освободить от обвинения, оправдать.

Осетить — охватить, поймать.

Осьмуха — стакан вина, восьмая часть штофа.

Отчина — родовое поместье, владение.

Охолостить — укротить, усмирить.

Охуждать — порочить, порицать.

Паки — опять.

Парис (греч. миф.) — троянский царевич, похитивший прекрасную Елену, жену царя Менелая, что явилось причиной Троянской войны («Илиада»). В споре Афины, Афродиты и Геры о красоте отдал первенство Афродите.

Парки (римск. миф.) — богини судьбы.

- Пасть* — ловушка, западня.
- Патер* — католический священник.
- Паче* — тем более, особенно.
- Пенаты* (римск. миф.) — боги-покровители домашнего очага; иносказательно — родной дом.
- Пеня* — упрек, выговор.
- Петиметр* — щеголь.
- Пинд* — цепь гор в Греции, в число которых входили Парнас и Геликон; иносказательно — приют поэзии.
- Повойник* — платок замужних женщин, особым образом повязанный.
- Повытчик* — столоначальник в судебном учреждении.
- Повытые* — отделение в приказах и судах, ведавшее письменной частью.
- Подканцелярист* — приказный служитель.
- Подкапок* — русский женский головной убор, шапка с околышем и высоко поднятой передней частью.
- Подклет, подклеть* — нижний этаж избы, обычно используемый под кладовую.
- Подовин* — яма под овином, помещением, где молотят и сушат хлеб.
- Позвонок* — колокольчик.
- Поздо* — поздно.
- Покров* — покровительство, защита.
- Полукафтанье* — короткий кафтан.
- Полушка* (то же — пуло) — мелкая монета ценой в четверть копейки.
- Полыгать* — прихвастывать, привирать.
- Понеже* — так как, потому что.
- Потщиться* — постараться.
- Поутометь* — утомиться.
- Предведать* — знать наперед, предвидеть.
- Препона* — преграда, помеха, препятствие.
- Претить* — запрещать.
- Приам* (греч. миф.) — последний царь Трои, отец Париса.
- Привязка* — придирка, недобросовестный предлог.
- Призриться* — прельститься, очароваться.
- Прильпети* — прилипнуть, прильнуть.
- Приспешник* — повар, кухарь.
- Причина* — беда, неприятный случай.
- Пробавить* — промешкать, промедлить.
- Провор* — ловкач. плут.
- Проворить* — ловко делать, добывать.
- Продувной* — хитрый плут, обманщик.
- Прохлады* — забавы, увеселения, безделье.
- Процентчик* — ростовщик.
- Пуло* — см. *полушка*.
- Пустошь* — пустыки, вздорная болтовня, молва.
- Пыжиться* — надуваться, чванно величаться.
-
- Радамант* (греч. миф.) — один из трех судей душ усопших в царстве мертвых.
- Разведаться* — разделаться, расчесться.
- Рамена* — плечи.
- Рассказ* — переносчик сплетен, вестовщик.

Рассказка — байка, рассказ.
Рассудный — рассудительный.
Регент — руководитель хора.
Резчик — скульптор, ваятель.
Ретирада — отступление.
Риза — торжественное облачение священника.
Ритор — учитель красноречия, красноречивый.
Рожен — заостренный шест, вертел.
Рожны — железные вилы.
Рукописание — расписка, письменное обязательство.
Рухлядь — пожитки, движимое имущество.
Рьяный — очень усердный, ретивый, горячий.
Рьять — см. *зарьять*.
Ряд, ряды — торговые лавки, гостиный двор.
Ряда — договор, условие.

Сатурн (римск. миф.) — бог времени; его атрибутами были песочные часы и коса или серп.

Сем, сем-ко — пу-ка.

Сермяга, сермяк — кафтан из грубого некрашеного крестьянского сукна или само это сукно.

Сертить, сертять — топтаться, переминаться с ноги на ногу; шляться без дела.

Серяк — лапотник, рабочий.

Сиделец — продавец в лавке.

Сицевой — таковой.

Скрынка — ларец, сундучок.

Случайный — человек в милости, временщик.

Смак — вкус, смысл, польза.

Смета — сметка, догадливость, расторопность.

Снедь — пища, еда.

Согласить — убедить, уговорить.

Срачица — рубаха.

Степень — класс чинов по петровской «Табели о рангах».

Стикс (греч. миф.) — река, окружающая подземное царство мертвых.

Стиходей — поэт, стихотворец.

Сумбурица — вздорная женщина.

Сушило — сеновал, чердак.

Талан — счастье, удача.

Талия (греч. миф.) — муза комедии.

Тартар (греч. миф.) — преисподняя, царство мертвых, где обитают души умерших.

Тать — вор, разбойник, мошенник.

Тауриться — хмуриться, глядеть исподлобья.

Тварь — скотина, животное, живое существо вообще.

Творило — лаз в погреб, подполье.

Тины — болота.

Титло — титул, звание; заглавие.

Тленный — суетный, земной.

Толь — стол.

Торг, торжище — рынок, торговое место.

Ториться — томиться, топтаться.

Тороватый — щедрый; бойкий.

Тронуть — обеспокоить, разжалобить.

Троя (Илион) — город в Малой Азии. Война греков с троянцами (XII в. до н. э.) послужила основой для троянского цикла греческого эпоса («Илиада»).

Туз — удар, тумак.

Тупей — мужская прическа, взбитый хохол на голове.

Тицанье — старанье.

Увалень — лентяй, лежебока.

Угар — удалец, кутила, буян.

Угоден — нужен, пригоден.

Удав — удавка, затяжная петля.

Ужамшись — спесивясь, кривляясь с ужимками.

Укрочать — укрощать, смирять.

Улисс (римск. миф.) — Одиссей, царь Итаки, участник Троянской войны, в которой он прославился храбростью, хитростью и умом. Его многочисленные приключения по пути на родину описаны в «Одиссее» Гомера.

Ушиное — похлебка из бараньих внутренностей, мясной суп.

Фабулист — баснописец.

Фазтон (греч. миф.) — сын бога солнца Гелиоса. Добившись от отца разрешения управлять солнечной колесницей, не справился с конями и погиб.

Феб (греч. миф.) — блистающий, одно из имен Аполлона, который считался также богом солнечного света.

Фемида (греч. миф.) — богиня закона и правосудия.

Филомела (греч. миф.) — царевна, превращенная Зевсом в соловья; иносказательно — соловей.

Финтовать — вилать.

Фиоль — левкой.

Фирсей (Ферсит, Терсит) (греч. миф.) — воин из греческого войска, осаждавшего Трою. Изображен в «Илиаде» Гомера как безобразный, болтливый, злобный клеветник. Иносказательно — злобный, неуживчивый человек.

Флора (римск. миф.) — богиня цветов и юности.

Форейтор — ездовой, верхом на выносной лошади в многоконной упряжке.

Фортуна (римск. миф.) — богиня счастья, случая и удачи.

Фурии (римск. миф.) — богини мести и угрызений совести в подземном царстве; иносказательно фурия — неистово злая женщина.

Хабар — удача, пожива, барыш.

Хлобыстать — стегать; биться на ветру.

Хлябь — бездна, глубина.

Целковый — рубль.

Цербер (Кербер) (римск. миф.) — трехголовый пес, охраняющий вход из царства мертвых; иносказательно — свирепый страж.

Цинтия (римск. миф.) — одно из имен Артемиды (Дианы), богини луны.

Цирцея (*Кирка*) (греч. миф.) — дочь бога солнца Гелиоса, волшебница; влюбившись в Одиссея, она год удерживала его самого на своем острове, а спутников его превратила в свиней. Иносказательно — обольстительная и хитрая красавица.

Цитадель — крепость.

Цуг — запряжка шестерней.

Часть — участь, удел.

Чебурахнуться — грохнутья, растянуться.

Честить — почитать, душевно уважать.

Чиликать — чирикать, щебетать.

Числить — рассчитывать, полагать; подсчитывать.

Шелег — стертая, не имеющая ценности монета.

Шербет — прохладительный напиток.

Шишмор — вор, плут.

Штиль — стиль.

Щекотать — стрекотать, трещать.

Шогла — мачта.

Щунять — журить, бранить.

Эрата (греч. миф.) — муза любовной, эротической поэзии.

Эреб (греч. миф.) — вечный мрак, одно из начал мира.

Юница — молодая девушка; новобрачная.

СОДЕРЖАНИЕ

Стихотворная сказка (новелла) в русской литературе. <i>Вступительная статья А. Н. Соколова</i>	5
--	---

СТИХОТВОРЕНИЯ

А. П. СУМАРКОВ

1. Наставник. <i>Притча</i>	45
2. Сказка («Мужик у мужика украл с двора корову...»)	46
3. Сказка («Жил некакий мужик гораздо неубого...»)	46
4. Терпение	47
5. Старик со своим сыном и осел	49
6. Безногий солдат	50
7. Скупой	52
8. Кошка	53
9. Пряжи	54
10. Отстреленная нога	55
11. Старый муж и молодая жена	56
12. Злая жена и отчаянный муж	56
13. Совет боярский	57
14. Парисов суд	58
15. Хвастун	59
16. Деревенские бабы	60

М. М. ХЕРАСКОВ

17. Притча («Что в книгах мы читаем...»)	62
18. Вдова в суде	63
19. С ума шедший подьячий	64
20. Притча («Был некто пьяница и очень часто пил...»)	65
21. Клад. <i>Сказка</i>	67
22. Живописец и сапожник	68
23. Дровосек	69
24. Превращение клеветника в раковину	70
25. Неудача стихотворца. <i>Сказка</i>	72

А. А. РЖЕВСКИЙ

26. Муж, черт и жена. <i>Притча</i>	74
27. Ссора у сестер	75
28. Подьячий и ученик	75
29. Неудачливое поле	76

А. В. НАРЫШКИН

30. Быль («Кто очень на кого озлится. . .»)	78
31. Притча («В селе, не знаю где, мужик какой-то жил. . .»)	82

И. Ф. БОГДАНОВИЧ

32. Сказка («Хотелось дьявольскому духу. . .»)	85
33. Сказка («С младенчества одна мать сына баловала. . .»)	88
34. Пословица («Змея хоть умирает. . .»)	89
35. Скупой. <i>Притча</i>	90
36. Басня на пословицу «Воля со мною твоя, а по правде усадьба моя»	90

А. Г. КАРИН

37. Два прохожих и река	92
-----------------------------------	----

И. С. БАРКОВ

38. Врач из сапожника	94
39. Влюбившаяся старуха и девица	95

П. П. ФОНВИЗИН

40. Портной и обезьяна. <i>Баснь</i>	96
--	----

В. П. МАЙКОВ

41. Собака на сене	98
42. Повар и портной	99
43. Вор и подьячий	102
44. Скупой	102
45. О хулителе чужих дел	104
46. Общество	106
47. Господин с слугами в опасности жизни	107
48. Неосновательная боязнь	108

И. В. ЛЕОНТЬЕВ

49. Пчелы	110
50. Два мужика: один богатый, а другой бедный	111
51. Маскарад	113
52. Богатый мот	115
53. Разумный и дурак	116

М. Д. ЧУЛКОВ

54—56. Из цикла «Краткие повести, выбранные из разных авторов»	
1. «В какой-то город был отправлен воевода...»	117
2. «Мужик вопил...»	117
3. «Шишимора иль вор...»	118
57. «Подьячий неделец...»	119
58. Сказка («В каком-то огороде...»)	119
59. Бережливость. <i>Баснь</i>	120

М. И. ПОПОВ

60. Два вора. <i>Притча</i>	122
-----------------------------	-----

А. О. АБЛЕСИМОВ

61. Игрок, сделавшийся писцом. <i>Сказка</i>	124
62. Стыд хулителю. <i>Сказка</i>	129
63. Древние соперницы Правда и Ложь	134
64. Хвостун	137
65. Словесный суд. <i>Сказка</i>	139
66. Сказка («Читателям моим неясну мысль такую...»)	142
67. (Острый ответ черкаса господину)	145
68. Влюбчивый	146
69. Ошибка, или Острый ответ мошенников господину. <i>Сказка</i>	150
70. Плутство над плутовством	153
71. Три жениха. <i>Быль</i>	156
72. Модная жена. <i>Быль</i>	159
73. Муж и жена. <i>Быль</i>	159
74. <i>Быль</i> («Супругу муж любя, желал всегда быть с ней...»)	160
75. <i>Быль</i> («Имея девушка с природы чувство нежно...»)	161
76. Неудача. <i>Быль</i>	163
77. Разговор с ученым	168
78. Удачливый любовник	172
79. Голландский бык	174
80. Приказная уловка	176
81. Дворянка в купчихах	177
82. Купчиха в дворянках	178

И. И. ХЕМНИЦЕР

83. Лжец	180
84. Усмирительный способ	181
85. Хитрец	183
86. Домовой	184
87. Два богача	186
88. Праздник деревенский	187
89. Метафизический ученик	188

М. Н. МУРАВЬЕВ

90. Кучер и лошади	190
91. Миротворец	191
92. Конь	192

А. Ф. ЛАВЗИН

93. Французская лавка	193
94. Быль («Сердитый господин слугу всегда журит...»)	195

Я. Б. КНЯЖНИН

95. Флор и Лиза. <i>Сказка в стихах</i>	198
96. Рыбак. <i>Притча</i>	202
97. Феридина ошибка. <i>Сказка</i>	204
98. Улисс и его спутники. <i>Сказка</i>	205
99. Живописец в полону	209
100. Меркурий и резчик	210
101. Ладно и плохо, разговор двух мужиков, Козовода и Мирохи	212
102. Меркурий и Аполлон, согнанные с небес. <i>Сказка</i>	213
103. Судья и вор. <i>Сказка</i>	218
104. Волосочесатель-сочинитель. <i>Сказка</i>	218
105. Попугай. <i>Если не поэма, так сказка</i>	219

В. А. ЛЕВШИН

106. Страна Хромых	231
107. Сновидение	232
108. Привидение	233
109. Нежная супруга	235
110. Лгун	237
111. Отец и сын	238
112. Вор и пьяница	238

Е. П. КОСТРОВ

113. Танцовщик и стихотворец	240
114. Правда всего дороже	242

П. М. КАРАБАНОВ

115. Нет. <i>Сказка</i>	244
116. Дурной мусульман. <i>Сказка</i>	248
117. Три стрелка или охотника. <i>Притча</i>	248

О. П. БЕЛЯЕВ

118. Злая жена	250
119. Обнова	251
120. Новобрачный	251
121. Прелеста	252

С. А. ТУЧКОВ

122. Слепой с фонарем. *Сказка* 254
123. Не для всех сплю. *Сказка* 255

Г. Р. ДЕРЖАВИН

124. Улика 257
125. Струя и дом 257
126. Хозяйка 258
127. Жмурки 259
128. Бойница и водопад 260

П. П. СУМАРОКОВ

129. Быль («Приказывал жене, собираясь некто в путь...») . . . 261
130. Искусный врач 261
131. Отстреленная нога 265
132. Способ воскрешать мертвых. *Сказка* 268
133. Испытанная верность 277
134. Три желания 286
135. Альнаскар. *Быль* 290
136. Пристыженный мудрец. *Быль* 295

И. И. БАХТИН

137. Господин и крестьянка. *Сказка* 303
138. Завистник 303
139. Гасконец в трактире 304
140. Кольцо и жернова 305
141. Золотой зуб 306
142. Ученый и служанка 307

И. В. ЛАФИТОВ

143. Неудачный искатель богатства. *Притча* 309

Д. ДЯГИЛЕВ

144. Клад. *Сказка* 313

П. А. ПЛАВИЛЬЩИКОВ

145. Злая жена 316
146. Счастье и несчастье 316

А. И. КЛУШИН

147. Несчастье от лорнета. *Сказка* 324
148. А муж? — Он спит. Приятный сон! *Сказка* 331
149. Лунатик поневоле. *Сказка* 338

А. И. БУХАРСКИЙ

150. Наказанное хвастовство. *Сказка, взятая из истории* , . . . 349

Н. П. НИКОЛАЕВ

151. Басня («Болван-молокосос из силы вон кричал...») 356

И. И. ДМИТРИЕВ

152. Картина 357
153. Модная жена 359
154. Причудница 364
155. Искатели Фортуны 373
156. Воздушные башни 375
157. Старик и трое молодых 380
158. Царь и два пастуха 381
159. Калиф 382

Д. И. ХВОСТОВ

160. Разборчивая невеста 384
161. Праздник быков 385
162. Вдовец и Сократ 386
163. Харон и вдовец. *Притча* 387
164. Свободный хлебопашец и клад 388
165. Больная и турецкая шаль 388
166. Взаимная чувствительность. *Сказка* 390

П. И. ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ

167. Бессонница вельможи. *Басня* 395
168. Портрет. *Сказка* 396

Д. П. ГОРЧАКОВ

169. Пустынник и фортуна. *Притча* 397

И. П. ПИИИ

170. Преждевременные родины (*Подражание Руссо*) 399
171. Царь и придворный. *Сказка* 400
172. Верховая лошадь. *Притча* 401

А. А. ПИСАРЕВ

173. Милостыня игрока 403

И. Г. АРПСТОВ

174. Стихотворец с вывескою. *Сказка* 404
175. Пистолет. *Сказка* 408
176. Ребенок, зеркало и река. *Басня* 411

А. П. БЕНИТЦКИЙ

177. Вдова. *Сказка* 413
178. Вывеска. *Басня* 415
179. Стрелок 416
180. Вдова и смерть 417

М. ОЛЕШЕВ

181. Хамкин. <i>Басня</i>	418
-------------------------------------	-----

В. Л. ПУШКИН

182. Мирза и соловей	420
183. Японец	421
184. Меркурий и умершие	422
185. Быль («На Лизе молодой богач-старик женился...»)	423
186. Кабуд путешественник	423
187. Красавица в шестьдесят лет	430
188. Догадливая жена	430

В. К. БЛАНК

189. Невозвратная потеря. <i>Сказка</i>	431
190. Поспешность. <i>Сказка</i>	431
191. Быль («Прелестна Делия, с чувствительной душой...»)	432
192. Исправный плательщик. <i>Сказка</i>	433
193. Окулист	433
194. Вдова. <i>Сказка (Из Бензерада)</i>	434

С. Н. МАРИН

195. Царь, пустынный и мужик	435
--	-----

А. Н. НАХИМОВ

196. Живописец	437
197. Красноречие и басня	438
198. Барышник	439
199. Дамон	439
200. Забавная беседа	440

А. П. БУНИНА

201. Прохожий и господский слуга. <i>Басня</i>	442
202. Добрый человек и золото. <i>Сказка</i>	443

Н. В. НЕВЕДОМСКИЙ

203. Счастливое супружество	447
204. Муж и жена	448

А. Е. ИЗМАЙЛОВ

205. Шут в парике	450
206. Стихотворец и черт	451
207. Утопленница	452
208. Молодая вдова	453
209. Обман за обман	454
210. Снежный ребенок	455

211.	Купец Мошнин	456
212.	Страсть к стихотворству	458
213.	Карета и лошади	460
214.	Догадливая жена	461
215.	Каприз госпожи	462
216.	Простодушная	462
217.	Смерть и стихотворец	464
218.	Клятва пьяницы	466
219.	Собака и вор	466
220.	Сметливый эконо́м	468
221.	Встреча двух подруг	469
222.	Так, да не так	472
223.	Певчие. <i>Басня</i>	473
224.	Лгун	474
225.	Фадей с фонарем	476
226.	Дура Пахомовна	477
227.	Сленина лавка	478
228.	Помещик и управители	479
229.	Бабушка и внучка	482
230.	Дворянка-буянка. <i>Быль</i>	483
231.	Заветное пиво. <i>Басня</i>	485

Ф. Ф. ИВАНОВ

232.	Отшельник. <i>Сказка</i>	487
------	------------------------------------	-----

К. Н. БАТЮШКОВ

233.	Странствователь и домосед	491
------	-------------------------------------	-----

В. Н. ОЛИН

234.	Осторожный шах. <i>Сказка</i>	501
------	---	-----

П. П. ЛОБЫСЕВИЧ

235.	Гусятник и барин. <i>Басня</i>	502
236.	Дуб-оракул. <i>Басня</i>	503

П. ЛАДЫЖИНСКИЙ

237.	Старый греховодник и суд	506
238.	Дележ	507
239.	Искусство и зависть со злобою	507
240.	Господин и парикмахер	507

Н. МАЦНЕВ

241.	Скупой и его сын	510
242.	Два мальчика	511
243.	Долг. <i>Сказка</i>	512
244.	Добрая мать	512
245.	Хитрый путешественник	512

В. П. ТИБЕКИН

246. Устрица и двое прохожих	514
247. Подьячий и черти	515
248. Два путешественника	516

Б. М. ФЕДОРОВ

249. Установитель общества. <i>Быль</i>	517
250. Отставные матросы	519

Ф. Н. ГЛИНКА

251. Бедность и труд. <i>Народная сказка</i>	522
252. Три брата искатели счастья. <i>Сказка</i>	527
253. Подрыватель. <i>Басня</i>	531
254. Канарейка. <i>Басня</i>	531
255. Услуга от медведей. <i>Быль</i>	532

И. К. АНИЧКОВ

256. Судья и сосед. <i>Сказка</i>	535
---	-----

Н. М. КНЯЖЕВИЧ

257. Простота. <i>Сказка (Подражание Вейссе)</i>	537
--	-----

И. А. ВЯЗЕМСКИЙ

258. Жрец и кумир. <i>Басня</i>	539
259. Пожар	539
260. Малютка на лошади	540
261. Визирь Гассан. <i>Сказка</i>	541

В. С. ФИЛМОНОВ

262. Судья и два просителя	544
--------------------------------------	-----

А. Д. ИЛЛИЧЕВСКИЙ

263. Гость без парика	546
264. Расчетливый скупец	546
265. Богач и бедняк	547

М. А. МАЙКОВ

266. Чудак	548
267. Истукан	549

М. Н. ЗАГОСКИН

268. Выбор жены	550
---------------------------	-----

Ф. М. СОМОВ

269. Спутники Улиссовы. *Сказка* 556

М. П. ЗАГОРСКИЙ

270. Два извозчика. *Сказка* 561
271. Пьяница. *Сказка* 562

И. Ф. ОСТОЛОПОВ

272. Декорации. *Сказка* 564
273. Знай время 565

М. Д. СУХАНОВ

274. Пьянство. *Сказка* 567
275. Рассказы. *Сказка* 568
276. Муж и жена. *Сказка* 568

Е. И. АЛИПАНОВ

277. Тревога 570
278. Статуя 571
279. Крестьянин и цыган 571

А. М. ЗИЛОВ

280. Наблюдатель 573
281. Крестьянин и река 574

А. М. МАРТЫНОВ

282. Следствие модного воспитания. *Сказка* 576

П. А. КАТЕНИН

283. Предложение 581
284. Топор 582

К. И. ЦИМБАЛИН

285. Дворянчик Мирон 585
286. Две вдовы 586
287. Сосед-друг 587

Н. Л. ЯКОВЛЕВ

288. Хитрость понытчика. *Сказка* 589

Н. ОХЛЕБНИН

289. Муж, жена и вор 590
290. Управитель 591

К. П. МАСАЛЬСКИЙ

291. Угольщик и трубочист	593
292. Орлянка	593
293. Плотник и его приятель	594
294. Сапожник и сапожница	596
295. Портной и работники	598
296. Наполеон и харчевник	599
Примечания	601
Словарь устаревших слов и мифологических имен и названий	701

СТИХОТВОРНАЯ СКАЗКА (НОВЕЛЛА) XVIII — НАЧАЛА XIX ВЕКА

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1969, 720 стр. Тем. план вып. 1969 г. № 339.

Редактор Л. С. Гейро

Художник И. С. Серов. Худож. редактор А. Ф. Третьякова.

Техн. редактор В. Г. Комм. Корректор Ф. Н. Аврунина.

Сдано в набор 28/VIII 1969 г. Подписано в печать 1/XII 1969 г. М 59074.
Бумага 84×108¹/₃₂, № 1. Печ. л. 22¹/₂ (37,8). Уч.-изд. л. 38,73. Тираж 20 000 экз.
Заказ № 2045. Цена 1 р. 50 к.

Издательство «Советский писатель», Ленинградское отделение,
Ленинград, Невский пр., 28

Ленинградская типография № 5 Главполиграфпрома Комитета по печати при
Совете Министров СССР. Красная ул., 1/3.